

**«Мастер и Маргарита»:
Диакон и Дьявол**
или о занимательном богословии Кураева

Сергей Цыбульник

Содержание:

Введение

1. [Кураев. Предисловие](#)
2. [Кураев. В ЗАЩИТУ ЧЕРНОВИКОВ](#)
3. [Кураев. БУЛГАКОВ И ВЕРА](#)
4. [Кураев. БУЛГАКОВ И БЕЗВЕРИЕ](#)
5. [Кураев. ШЕСТОЕ И СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА](#)
6. [Кураев. КТО АВТОР РОМАНА О ПИЛАТЕ?](#)
7. [Кураев. РОМАН ИЛИ ЕВАНГЕЛИЕ?](#)
8. [Кураев. ПУТЬ ПИЛАТА: ОТ РУКОПИСИ К ЛУНЕ](#)
9. [Кураев. РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ](#)
10. [Кураев. СВЕТ, ТЕНИ И СОФИСТИКА](#)
11. [Кураев. ЕСТЬ ЛИ ЗАЩИТА ОТ ВОЛАНДА?](#)
12. [Кураев. ЕСТЬ ЛИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В РОМАНЕ?](#)
13. [Кураев. СКОРО ЛИ ПАСХА?](#)
14. [Кураев. ПОЧЕМУ ВОЛАНД – ИНОСТРАНЕЦ?](#)
15. [Кураев. ОБ ОБЕЗЬЯНЕ БОГА](#)
16. [Кураев. КНИГА ИОВА – «ФАУСТ» – «МАСТЕР И МАРГАРИТА»](#)
17. [Кураев. ОБРАДУЕТ ЛИ ВЕЧНОСТЬ С МАРГАРИТОЙ?](#)
18. [Кураев. ОН ЗАСЛУЖИЛ ПОКОЙ](#)
19. [Кураев. ЗАСЛУЖИЛ ЛИ БУЛГАКОВ ПАМЯТНИК?](#)
20. [Кураев. ЗА ЧТО КАНТУ ГРОЗИЛИ СОЛОВКИ?](#)
21. [Кураев. «Мастер и Маргарита»: Евангелие от Воланда? Интервью журналу «Град Духовный» \(Санкт-Петербург, 2004, № 4\)](#)
22. [Серков. «Пусть знают!» \(Литературная газета 2005, № 1\)](#)

Послесловие

- Приложение 1.** [Как диакон Кураев спасал графа Толстого из Ясной Поляны](#)
- Приложение 2.** [Как Альфред Барков «Центральную комиссию по улучшению быта ученых» в вино превратить пытался](#)
- Приложение 3.** [По ту сторону здравого смысла: Мастер и Мениппея Баркова](#)
- Приложение 4.** [Всегда ли нужна альтернатива?](#)

Введение

«Может ли христианин не возмущаться этой книгой? Возможно ли такое прочтение булгаковского романа, при котором читатель не обязан восхищаться Воландом и Иешуа, при этом восхищаясь романом в целом?»

Диакон Андрей Кураев¹

*«Творческая жизнь есть жизнь вечная, а не тленная. И как **бессильны и жалки морализирования над великими творениями** <...> творческий акт есть самооткровение и самоценность, не знающая над собой внешнего суда».*

Николай Бердяев²

«<...> одна религия ничуть не хуже другой. Нет ни одной, исповедуя которую, нельзя не стать мудрецом, и нет ни одной, которую нельзя бы было превратить в бездумное идолопоклонство».

Герман Гессе³

«<...> религия, которая, не задумываясь, объявляет войну разуму, не сможет долго устоять против него».

Иммануил Кант⁴

Без комментариев Кураева ныне, кажется, уже не обходится ни одно событие культурной жизни России. Поражая своей действительно достойной восхищения неутомимой плодовитостью, диакон постоянно штампует новые книги со скоростью явно превышающей возможности его читателей, поклонников и критиков. Слава богу, что к моменту вступления Кураева на трудовую стезю советская власть уже начала разваливаться и он, как и многие, забросив философский диплом начал искать новое место в жизни. Ведь если бы Кураев успел возложить на алтарь марксизма-ленинизма свои невероятные пропагандистские таланты, и с такой же энергией понес бы в массы не христианские, а коммунистические идеи, то кто знает, на сколько лет могла бы еще затянуться агония советской власти...

К сожалению, при таком скоростном валовом способе производства качество создаваемых диаконом агитационных материалов нередко оставляет желать лучшего из-за поверхностного и тенденциозного анализа обсуждаемых проблем. Создается впечатление, что в любом вопросе Кураев стремится не к установлению истины, а, прежде всего, к обоснованию того, что он считает полезным для укрепления православной религии. Ради этой «благой цели» он приемлет даже прямую ложь: «Признаюсь, что и в православной традиции есть допущения о **полезности и необходимости лжи**»⁵. Примечательно, что данное свое миссионерское кредо Кураев не скрывает и в своих интервью формулирует совершенно открыто⁶:

«– Есть ли в миссионерском служении грань, которую человек не должен переступить, некая граница, отделяющая Церковь от мира?

– Я считаю, что **мы должны использовать тактику агрессивного миссионерства**⁷. Это означает, что даже в тех слоях и произведениях культуры, которые сами не осознают себя как христианские, мы должны уметь видеть их христианские смыслы. <...> **Именно так работает психотерапевт**: он пробует заметить то, что в человеке есть, что влияет на его мышление и поведение, но что сам человек не замечает. <...>

¹ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? (источники всех ссылок на труды диакона приведены в конце настоящего раздела).

² Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989, с. 386.

³ Гессе Г. Письмо «Одному юноше», Цюрих, май 1943 г. // Hesse, Hermann: «Gesammelte Schriften in sieben Bänden». An einen jungen Menschen. Zürich, Mai 1943. – Fr. am Main: Suhrkamp. Bd. 7. Betrachtungen. Briefe. Rundbriefe. Tagebuchblätter. – 1987, s. 636.

⁴ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 13.

⁵ Кураев А., диакон. Уроки сектоведения. В 2 т. Т. 1. Как узнать секту (на примере рериховского движения).

⁶ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

⁷ Здесь и далее, если не оговорено иное, выделение текста в цитатах жирным шрифтом сделано мною – С. Ц.

И еще это значит, что если есть какие-то пространства, не до конца сожженные, не откровенно антихристианские, то **эти пространства надо захватывать и брать под свой контроль.** <...>

Вспомните, в своих посланиях апостол трижды цитирует языческих поэтов и философов. При этом всякий раз он заставляет этих философов **поддерживать те идеи, которые были им чужды.** И апологеты II века столь же «неполиткорректно» обращались с первоисточниками, когда брали языческие тексты и нагружали их столь **высокими евангельскими смыслами, о которых авторы не подозревали.** Но, тем не менее, в результате получалось эффективное миссионерское оружие (очень важное прежде всего для самих церковных людей <...>)

Нечто подобное, я считаю, можно сделать с Гарри Поттером. Госпожа Ролинг, наверно, не подозревала, что из ее книг можно сделать предмет для христианских проповедей.

Как видим, моральную грань, которую нельзя переступать в миссионерском служении, Кураев для себя не устанавливает; из его слов видно, что его «**нравственность подчинена вполне интересам**» религиозной борьбы церкви и выводится непосредственно из ее интересов (см. [приложение 1](#)). Ну что ж. Каждому свое. Кто вышел «**из гоголевской шинели**», а кто из фразы «**Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата**» и «**выводится из интересов классовой борьбы пролетариата**»⁸.

Одним из тех «**произведений культуры, которые сами не осознают себя как христианские**», которые диакон считает «**не до конца сожженными**» и пытается «**агрессивно**» и «**неполиткорректно**» «**захватить**», является знаменитый роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Нагрузению его «**высокими евангельскими смыслами, о которых автор не подозревал**» Кураев посвятил работу «**«Мастер и Маргарита»: за Христа или против?»**

Что же дают православию подобные попытки диакона монополизировать великие достижения мировой литературы и приписать их к христианству? Неужели нужно отвергать культурное наследие прошлого и великие произведения гениев, если они придерживались иной веры и иначе воспринимали мир? Ведь подобная позиция может только обеднить культурную жизнь православия и поставить его в ложную зависимость от религиозной позиции мировых авторитетов в области культуры и науки. Почему бы просто не брать от творчества великих людей то разумное, доброе и вечное, что всегда содержится в любом их произведении? То, что, по определению Гете, содействует нравственной культуре и укрепляет ее. Неужели обман, искаженное мировосприятие и непримиримость к чужим взглядам могут дать лучший результат, чем опора верующих на собственные здоровые духовные и нравственные силы? Неужели так слабы сегодня идейные основы православия, что нужно прятать от прихожан реальные взгляды художников, писателей и ученых?

Прежде чем перейти к непосредственному разбору рядового «**предмета для христианских проповедей**», созданного диаконом из великого романа Булгакова, коснемся некоторых аспектов и проблем взаимоотношения и взаимопроникновения религии и светских научных и культурных воззрений и необходимости их взаимной толерантности в открытом, демократичном обществе.

История свидетельствует, что развитие демократии неизбежно приводит к светскому характеру общества и отказу от какой-либо официальной государственной теистической либо атеистической доктрины. В современном светском демократичном обществе церковь отделена от государства, гражданам обеспечивается светское образование и полная свобода выбора личного религиозного вероисповедания, в том числе и свобода отказа от него. Официально зарегистрированные религии имеют право и возможность проповедовать обществу свои нравственные ценности, но не имеют прямой возможности влиять на светские дела:

«Светское государство – государство, в котором не существует официальной, государственной религии и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным. В светском государстве религия, ее каноны и догматы, а также религиозные объединения, действующие в светском государстве, не вправе оказывать влияния на государственный строй, деятельность государственных органов и их должностных лиц, на систему государственного образования и другие сферы деятельности государства. Светский характер государства обеспечивается, как правило, отделением церкви (религиозных объединений) от государства и отделением школы от церкви. <...>

⁸ Ленин В. И. ПСС, 5 изд.: В 55 т. Т. 41. – М.: Изд. полит. лит., 1982, с. 309.

В ст. 14 Конституции РФ указывается, что РФ – светское государство. Религиозные объединения отделены от государства, и ни одна религия не пользуется никакими преимуществами. Государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально. Это означает, что государство <...> обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»⁹.

Отделение религиозных объединений от государства и предоставление им равных прав объясняется тем, что на сегодняшнем уровне познания существование некоей высшей силы, именуемой Богом, является не более чем принимаемой верующими аксиомой, не доказуемой ни в сфере логики, ни в сфере физики. Более того, принятие данной аксиомы совершенно не дает ответа на вопрос, какая именно из многочисленных известных ныне религий истинна, если таковая вообще существует. В этих условиях нейтральное отношение государства к религии единственный разумный выход.

К сожалению, в настоящее время религиозные организации стараются вернуть утраченное влияние на государственную жизнь, и принудительно ревизовать не устраивающие их светские воззрения. Прежде всего, это попытки навязать преподавание в школе креационистских теорий, несмотря на гарантированный ст. 29 Конституции РФ и ст. 4 закона «О свободе совести» светский характер образования, обеспечиваемого государством. В октябре 2006 г. в Петербурге начался знаменательный даже по нынешнему увлеченному поиском сверхъестественных сил времени «обезьяний процесс» по рассмотрению иска с требованием ввести в учебные программы не эволюционные концепции происхождения человека.

Казалось бы, вот оно, долгожданное движение в сторону демократии! Ведь в Америке первый такой процесс прошел еще в 1925 году. Однако тогда судебное разбирательство, известное как «обезьянье дело», вызвало протесты ученых, и вскоре его результаты были опротестованы. А недавно Федеральный суд США признал незаконным именно преподавание креационизма в школе наравне с эволюционной теорией¹⁰: «С иском о защите дарвинизма в суд обратились родители одиннадцати учащихся из штата Пенсильвания, которых обеспокоила новая школьная программа по биологии. Согласно заключению суда, преподавание альтернативных дарвиновским креационистских взглядов является не чем иным, как попыткой сделать общеобязательным религиозное образование, что противоречит Конституции США»¹¹.

Обеспечение государством светского характера образования не означает навязывания верующим атеистических воззрений. Это преподавание не атеистических догм, а научного видения и объяснения мира. Научные теории отражают не атеистическое мировоззрение, а нерелигиозную по определению природу науки, всегда оперирующей только с теми фактами, которые она может наблюдать, изучать, измерять и обобщать. Поэтому божий промысел и любые религиозные концепции находятся вне сферы ее действия. Вот что писал Иммануил Кант о возможности познания окружающего мира на теологической основе¹²: «Но вправе ли я рассматривать имеющие целесообразный вид устройства как замысел, выводя их из божественной воли, хотя и с помощью особых задатков, заложенных для этого в мире? Да, вы можете делать это, однако так, чтобы для вас было **все равно, утверждают ли, что божественная мудрость все так устроила для своих высших целей или же что идея высшей мудрости есть регулятивный принцип в исследовании природы и принцип систематического и целесообразного единства ее согласно общим законам природы** даже там, где мы не замечаем этого единства; иными словами, там, где вы это единство воспринимаете, для вас должно быть совершенно все равно, утверждают ли, что Бог так мудро пожелал этого или что природа так мудро устроила это».

⁹ Российская юридическая энциклопедия. Светское государство. – М.: Изд. Дом ИНФРА-М, 1999, с. 875.

¹⁰ [Lenta.ru](http://www.lenta.ru/news/2005/12/21/darwin/). Новости: Американский суд оправдал Дарвина. – <http://www.lenta.ru/news/2005/12/21/darwin/>

¹¹ «Конфликт сторонников научной и библейской точек зрения на происхождение человека обострился после того, как комиссия по образованию штата Канзас одобрила новый образовательный стандарт. В нем говорилось, что обе интерпретации проблемы должны быть одинаково изложены школьникам, поскольку воззрения Дарвина являются только гипотезой. Перед принятием решения к комиссии обратились с открытым письмом 38 нобелевских лауреатов, которые указывали на то, что креационистская теория ненаучна, а об эволюции свидетельствуют все результаты современной науки» [[Lenta.ru](http://www.lenta.ru/news/2005/12/21/darwin/)]. Новости: Американский суд оправдал Дарвина. – <http://www.lenta.ru/news/2005/12/21/darwin/>

¹² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 523.

И вот, презрев мудрость великого философа, религиозные ортодоксы яростно атакуют научные теории. В средние века¹³ они с упорством, достойным лучшего применения, сопротивлялись открытию, что Земля вращается вокруг Солнца и не является центром Вселенной. Последние сто лет они активно борются с теорией эволюции, забывая, что ее основоположник Чарльз Дарвин был не только искренне верующим человеком, но и священником по образованию. Закончив в 1831 г. Кембриджский университет, он получил право возглавить приход. Но в августе того же года ему предложили принять участие в кругосветном плавании на «Бигле», и принятое им решение кардинально изменило его жизнь. Дарвин полагал свое учение вполне совместимым с верой и, как и многие верующие ученые, считал свои усилия по разгадке законов природы попыткой постичь замысел Творца¹⁴: «**Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.**

Воинствующим атеистом Дарвин никогда не был: «**В моих самых крайних отклонениях я никогда не был атеистом в смысле отрицания существования Бога**»¹⁵. Да, во второй половине жизни Дарвин отверг христианство и склонился к рационализму: «**Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком**»¹⁶. Но причина его отхода от христианства была связана вовсе не с наукой, а, в первую очередь, с нежеланием разделять слишком жестокую с его точки зрения веру:

«И в самом деле, вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни было мог бы желать, чтобы христианское учение оказалось истинным; ибо если оно таково, то незамысловатый текст [Евангелия] показывает, по-видимому, что **люди неверующие** – а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и почти всех моих лучших друзей – **понесут вечное наказание.**

Отвратительное учение!»¹⁷.

Теория эволюции может быть верна или неверна, но она не имеет абсолютно ничего общего с борьбой религии и атеизма и просто отражает современный уровень развития научной мысли в этом вопросе. Познание невозможно ограничить религиозными догмами. Даже говоря о разумности веры в Бога, Кант подчеркивал, что она необходима только для морали и не требуется для науки¹⁸: «**Порядок и целесообразность в природе должны <...> быть объяснены из естественных оснований и по законам природы, и здесь даже самые дикие гипотезы, если только они физические, более терпимы, чем сверхфизические, т. е. чем ссыла на божественного творца, предполагаемого для этой цели.** Кант полагал, что¹⁹: «Природа организует материю не только по роду, но и по ступеням. <...> в слоях земли и скалистых горах можно встретить экземпляры прежних видов животных и растений, ныне вымерших, как доказательство прежних и ставших теперь чуждыми продуктов нашего живородящего земного шара, организующая сила его так организовала совокупность созданных друг для друга видов растений и животных, что они (не исключая человека) образуют некий круг как звенья одной цепи и для своего существования нуждаются друг в друге не только из-за номинальных

¹³ «Не случайно в конце средних веков и в эпоху Возрождения под ударом инквизиции оказались ученые. Их исследования просто-напросто подрывали веру, а заодно авторитет католической церкви, так как давали рациональное объяснение того, что раньше считалось исключительно сферой божественного промысла. Но церковь пыталась бороться с наукой карательными мерами даже в XX веке. Известно, что уже после окончания второй мировой войны в американском штате Теннесси было запрещено преподавание эволюционной теории Дарвина, так как она подрывает авторитет религии, а значит, и «нравственность подрастающего поколения». Дело в том, что на равных, с помощью аргументации, церковь бороться с наукой не в состоянии, точно также, как и ограничить ее влияние. Поэтому и приходится ей прибегать к помощи консервативных политиков, чтобы воспользоваться полицейскими методами» [Соловьев С. Что такое атеизм? – <http://www.atheism.ru/old/SolAth3.html>].

¹⁴ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. – СПб.: Наука, 1991, с. 419.

¹⁵ Письмо Дарвина к Дж. Фордаису, 1879 г. // Дарвин Ч. Избранные письма. – М.: Изд. Иностран. лит., 1950, с. 363.

¹⁶ Дарвин Ч. Сочинения: В 9 т. Т. 9. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Религиозные взгляды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 209.

¹⁷ Там же, с. 205.

¹⁸ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 566.

¹⁹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике. – М.: ЧОРО, 1994, с. 595.

признаков (сходства), но и из-за реальных (каузальности), что указывает на присущую миру организованность (для неизвестных целей) даже системы звезд <...>».

Как отмечает главный редактор журнала «Скепсис» Сергей Соловьев²⁰: «<...> сторонники религиозной точки зрения обычно выдвигают <...> неотразимый с их точки зрения аргумент. Они утверждают: «Смотрите, ведь большинство самых знаменитых ученых и философов были верующими людьми! Значит, религия и наука вовсе не враги». Этот аргумент сторонники религии выдвигают столько же, сколько идет борьба церкви и науки. Его на недавнем архиерейском соборе РПЦ озвучил сам патриарх. Но дело в том, что **в области своих научных интересов все ученые до одного были стопроцентными атеистами**. Ни Галилей, ни Ньютон, ни Лейбниц не пытались объяснить физические процессы с помощью божьей воли – иначе мы бы просто не знали бы этих имен. Представьте себе, чтобы было, если бы причиной падения яблока Ньютон, вместо формулировки закона всемирного тяготения, назвал бы божественную волю? Или же Дарвин признал легенду о происхождении человечества от Адама и Евы? Вне своей науки эти люди вполне могли быть набожными, но это-то как раз ничего не доказывает. Если же ученый выходит за рамки рационального, то он за ними сразу же перестает быть ученым.

Взаимоотношения науки и религии замечательно иллюстрирует диалог астронома Лапласа и Наполеона. Когда французский император прочитал «Небесную механику», он заметил с явным неодобрением, что это сочинение не содержит упоминания о боге. Лаплас ответил: «Сир, я не нуждался в этой гипотезе».

Несколько по-иному обстоит дело в философии. Существование некоей сверхъестественной силы признавали, как известно, Платон, Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель и т.д. Но бог для философа – это нечто совсем иное, чем бог для обывателя или теолога. Философы вводили в свои сочинения бога тогда, когда сталкивались с какой-то проблемой, разрешить которую были не в состоянии. Но этот их бог бы столь же похож на христианского, как он сам на божка первобытного племени с берегов Амазонки. **Бог для философов – это воплощение нерешенной проблемы, изъяна в теории**. В современной западной философии признание существования бога можно встретить лишь как недоразумение».

Несмотря на вышесказанное, религия не оставляет попыток приписать к лагерю верующих как можно больше выдающихся ученых современности. Вот, что написал недавно сам диакон Кураев²¹:

«А вот советское издание собрания сочинений Альберта Эйнштейна обошлось без купюр. И потому в нем можно прочитать, что «в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди»; «Я не могу найти слова лучше, чем «религия» для обозначения веры в рациональную природу реальности». «Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющейся в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны частично охватить и познать нашим умом. Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей степени логической стройности устройства Вселенной и есть моя идея Бога».

Рубинов убежден, что учеными могут быть только атеисты. Эйнштейн считал, что учеными могут быть только религиозные люди. Если уж мне придется выбирать между Рубиновым и Эйнштейном, я, пожалуй, предпочту согласиться с Эйнштейном...»

Ссылается Кураев на 4 том собрания сочинений Эйнштейна и на книгу «Жизнь Альберта Эйнштейна». Посмотрим на контекст трех приведенных диаконом цитат (использованные им слова подчеркнуты):

1. «Итак, мы подошли к рассмотрению отношений между наукой и религией с точки зрения, весьма отличающейся от обычной. Если эти отношения рассматривать в историческом плане, то **науку и религию по очевидной причине придется считать непримиримыми противоположностями**. Для того, кто всецело убежден в универсальности действия закона причинности, идея о существовании, способном вмешиваться в ход мировых событий, абсолютно невозможна. <...>

Нетрудно понять, почему церковь различных направлений всегда боролась с наукой и преследовала ее приверженцев. Но, с другой стороны, я утверждаю, что космическое религиозное чувство является сильнейшей и благороднейшей из пружин научного исследования. <...> Какой

²⁰ Соловьев С. Что такое атеизм? – <http://www.atheism.ru/old/SolAth3.html>

²¹ Кураев А., диакон. Встреча с атеистом. Век 21.

глубокой уверенностью в рациональном устройстве мира и какой жадой познания даже мельчайших отблесков рациональности, проявляющейся в этом мире, должны были обладать Кеплер и Ньютон, если она позволила им затратить многие годы упорного труда на распутывание основных принципов небесной механики! Тем же, кто судит о научном исследовании главным образом по его результатам, нетрудно составить совершенно неверное представление о духовном мире людей, которые, находясь в скептически относящемся к ним окружении, сумели указать путь своим единомышленникам, рассеянными по всем землям и странам. Только тот, кто сам посвятил свою жизнь аналогичным целям, сумеет понять, что вдохновляет таких людей и дает им силы сохранять верность поставленной перед собой цели, несмотря на бесчисленные неудачи. Люди такого склада черпают силу в космическом религиозном чувстве. **Один из наших современников сказал, и не без основания, что в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди**²²;

2. «Мне вполне понятно Ваше упорное нежелание пользоваться словом «религия» в тех случаях, когда речь идет о некотором эмоционально-психическом складе, наиболее отчетливо проявившемся у Спинозы. Однако я не могу найти выражения лучше, чем «религия»²³, для обозначения веры в рациональную природу реальности, по крайней мере той ее части, которая доступна человеческому сознанию. Там, где отсутствует это чувство, наука вырождается в бесплодную эмпирию. Какого черта мне беспокоиться, что попы наживают капитал, играя на этом чувстве?»²⁴;

3. «В ноябре 1930 г. Эйнштейн так ответил журналисту из «Нью-Йорк таймса», поинтересовавшемуся его мнением о боге:

«Я не верю в бога, который награждает и карает, бога, цели которого слеплены с наших человеческих целей. Я не верю также в бессмертие души после смерти, хотя слабые умы, одержимые страхом или нелепым эгоизмом, находят себе пристанище в такой вере...»

Этот ответ, по-видимому, не удовлетворил нью-йоркского раввина Герберта С. Гольдштейна, и он послал Эйнштейну в Европу краткий телеграфный запрос: «Верите ли вы в бога? Ответ пятьдесят слов оплачен». Эйнштейн немедленно телеграфировал: **«Я верю в бога Спинозы, проявляющего себя в упорядоченности мира, но не в бога, занимающегося судьбами и делами людей»**.<...>

Слово «Бог» у Спинозы, как известно, является лишь иным выражением слова «Природа»: «Deus sive natura» – «Бог или природа». <...>

В середине тридцатых годов Эйнштейн <...> сформулировал свою так называемую космическую религию, которую он понимает следующим образом:

«Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющей себя в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны лишь частично охватить и познать нашим умом... Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей логической стройности устройства вселенной... и есть моя идея бога».

И еще:

«Знать, что на свете есть вещи, непосредственно недоступные для нас, но которые реально существуют, которые познаются нами и скрывают в себе высшую мудрость и высшую красоту... знать и чувствовать это – есть источник истинной религиозности. В этом смысле, и только в этом смысле, я принадлежу к религиозным людям»²⁵.

Нетрудно заметить, что изложение Кураева и реальные его источники отличаются как небо и земля. При том, что даже в советский период **«издание собрания сочинений Альберта Эйнштейна обошлось без купюр»**, сегодня эти купюры не погнушался в нем сделать сам же

²² Эйнштейн А. Религия и наука. Собр. науч. тр.: В 4 т. Т. 4, ст. 39. – М.: Наука, 1967, с. 128.

²³ Перевод неточен, в оригинале у Эйнштейна стоит слово «религиозный», а не «религия»: «Ich habe keinen besseren Ausdruck als den Ausdruck **«religios»** für dieses Vertrauen in die vernünftige und der der menschlichen Vernunft wenigstens einigermaßen zugängliche Beschaffenheit der Realität» [Einstein, Albert, 1979-1955. Letters to Solovine. Translation of: Lettres a Maurice Solovine. – Philosophical Library, Inc., New York, 1987, p. 118].

²⁴ Письмо Эйнштейна к Морису Соловину от 01.01.1951 // Эйнштейн А. Собр. науч. тр.: В 4 т. Т. 4, Приложение. – М.: Наука, 1967, с. 564. Следующую фразу письма – **«Dagegen ist ohnehin kein Kraut gewachsen»**, – издательство «Наука» перевело неверно – **«Ведь беда от этого не слишком велика»**. Дословный перевод этой фразы что-то вроде – **«Против этого все равно никакая трава не выросла»**. Правильный перевод данной идиомы: **«Против такой наживы все равно нет лекарства»**, – приведен в книге Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1980, с. 423.

²⁵ Львов В. Е. Жизнь Альберта Эйнштейна. – М.: Молодая гвардия, 1959, с. 233-235.

духовный пастырь, односторонне препарировав вырванные из контекста слова Эйнштейна для своих миссионерских целей. Как видим, первое утверждение, повсеместно приписываемое Эйнштейну, на самом деле только цитируется им. При этом Эйнштейн не абсолютизирует его, а только подчеркивает, что оно имеет определенные основания. В последней же цитате диакон умудрился пропустить два слова и добавить одно лишнее. Таким образом, почтенный теолог либо не понял, либо намеренно исказил глубокий смысл слов Эйнштейна, использовавшего слово «**религиозный**» только «**для обозначения веры в рациональную природу реальности**» и описания глубины своего «**космического религиозного чувства**»²⁶ перед тайнами мироздания: «**Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне, если не мертвецом, то во всяком случае слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, – это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиренно пытаюсь мысленно создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего**»²⁷.

Не нужно забывать о том, что, несмотря на все богатство слововыражения, наш язык зачастую использует одни и те же слова для выражения совершенно разных понятий, и нужно обладать определенной культурой, чтобы правильно толковать многозначные слова «религиозный», «бог», «любовь» и т.п. С одной стороны, божеством можно назвать любимого человека, с другой – можно любить Бога, а с третьей, с появлением секса на развалинах СССР, в языке закрепилась устойчивая конструкция «заняться любовью». И пропасть между «богом-природой» Эйнштейна и «христианским Богом-личностью» не меньше, чем между любовью к Богу и занятиями любовью.

Вот, как высказался о попытках приписать ему религиозность сам Эйнштейн:

«**Это была, конечно, ложь – то, что вы читали о моих религиозных убеждениях, ложь, которая систематически повторяется. Я не верю в бога, обладающего личностью, и я никогда не отрицал этого, но выразил это отчетливо. Если во мне есть что-то, что можно назвать религиозным, то это только безграничное восхищение устройством мира, постигаемого наукой**»;

«**Я не верю в бессмертие личности; и я считаю этику исключительно человеческим делом без всякой сверхчеловеческой власти за ней**»²⁸.

Заметим, что в своем завещании Альберт Эйнштейн, так же как и Лев Толстой и Михаил Булгаков, на своих похоронах «просил не допускать религиозных обрядов и никаких официальных церемоний. По его желанию, даже время и место похорон не были сообщены никому, кроме нескольких ближайших друзей, которые проводили тело Эйнштейна в крематорий. Пепел развеяли в воздухе»²⁹.

О религиозных спекуляциях на пантеизме и Спинозовском определении бога остроумно выразился М. Чулаки³⁰: «Однако не существует на Земле ни одной религии, которая всего лишь констатировала бы, что Бог установил законы природы, пусть даже создал жизнь – и на этом Самоустранился. Боги, поклонению которым учат все разнообразные религии, – совсем другие Боги, и никак не являются синонимами Природы. «Законы самоорганизации сложных систем» Их

²⁶ «Можно спорить с тем, насколько удачно выражение «космическое религиозное чувство» в данном случае, но по-сути, так оно и есть: люди, глубоко изучающие мир, соизмеряя познанное с тем, какое место занимают в нем сами, невольно понимают огромную разницу, что выражается в чувстве, схожем с трепетным преклонением или религиозными чувствами превосходства над собой. Но это – поэтическое чувство, ни в коем случае не основанное на слепой вере во что-то, мотивации подчинения и наделяния чертами личности божества» [Отношение Эйнштейна к религии. – <http://www.scorcher.ru/art/theory/air/god.php>].

²⁷ Эйнштейн А. Мое кредо. Собр. науч. тр.: В 4 т. Т. 4, ст. 55. – М.: Наука, 1967, с. 176.

²⁸ «It was, of course, a lie what you read about my religious convictions, a lie which is being systematically repeated. I do not believe in a personal God and I have never denied this but have expressed it clearly. If something is in me which can be called religious then it is the unbounded admiration for the structure of the world so far as our science can reveal it»;

«I do not believe in immortality of the individual, and I consider ethics to be an exclusively human concern with no superhuman authority behind it». [Dukas, Helen and Hoffman, Banesh, eds., Albert Einstein: The Human Side. New Glimpses from His Archives (1954). – Princeton: University Press, 1979].

²⁹ Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1980, с. 300.

³⁰ Чулаки М. М. Разные боги под общим брендом. – <http://www.art.spb.su/chulaki/2002/04.07.2002.html>

интересуют в последнюю очередь. Зато Они, по вере Их поклонников, постоянно вмешиваются в людские дела, Им можно молиться и просить о милостях, ибо «ни один волос без Его воли» – и так далее; но самое главное – Они являются Гарантами бессмертия душ верующих. Бог, который способствовал «самоорганизации сложных систем», бессмертия души вовсе не обещает: самоорганизовались сложные системы, рождаются, размножаются, распадаются – и никаких бессмертных душ. Но ни одной религии такой спиновский Бог не нужен! Ни один верующий такому Богу молиться не станет! И говоря о «конвергенции науки и религии», <...> стесняясь высказаться прямо, в действительности приглашают науку признать Бога-деятеля, Бога-хлопотуна, Бога-судью и Бога-палача, карающего и милующего, отвечающего на людские молитвы, подобно тому как администрация президента отвечает на бесчисленные жалобы граждан; приглашают науку признать бессмертие души, провозглашаемое жрецами всех религий. Такая вот элементарная подмена: вы признаете, что сложные системы не могли самоорганизоваться сами собой? Значит вы же должны признать и бессмертие душ, Страшный суд и весь прочий джентльменский религиозный набор. Под одной рекламной маркой «Бог» существует два совершенно разных товара, и дилеры с непринужденной ловкостью заменяют один товар – совершенно другим».

Суть отождествления природы и бога, называемого пантеизмом, прекрасно передает одноименная статья «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона: «<...> Шопенгауэр называет Пантеизм «вежливой формой атеизма». <...> Пантеизм <...> дает лишь номинальное определение; прибавляя к миру идею Бога, он прибавляет лишь слово, нечто неизвестное, ибо Бог пантеистов ведь не есть Бог положительной религии; он лишен тех определений, которые обыкновенно придаются Богу в положительной религии. Мир остается загадочным, назову ли я его Богом или нет»³¹.

Подводя черту, приведу несколько цитат из трудов действительного члена Российской академии наук В. Л. Гинзбурга, выдающегося ученого с мировым именем, признанного главы физиков-теоретиков России и «замечательного ученого»³² по оценке самого Кураева:

«Мы можем только повторить, что величайший физик XX века Альберт Эйнштейн был атеистом. Нам твердо известно также, что атеистом был Нильс Бор. Интересно, что атеистом являлся и знаменитый физиолог И. П. Павлов; этот факт мы узнали лишь недавно»³³;

«Приходилось сталкиваться и с термином «космическая религия». Именно такое понятие использовал великий Эйнштейн, отмечавший, что это «космическое религиозное чувство не ведает ни догм, ни Бога, сотворенного по образу и подобию человека»; «оно не приводит ни к сколько-нибудь завершенной концепции Бога, ни к теологии». Эйнштейн был атеистом и пользовался религиозной терминологией лишь в условном смысле. Например, он писал: «Я не могу найти выражения лучше, чем «религиозная», для характеристики веры в рациональную природу реальности... Какое мне дело до того, что попы наживают капитал, играя на этом чувстве?»³⁴;

«<...> научное мышление и вера в Бога совершенно несовместимы, если Бог привлекается в качестве «объяснения» каких-то процессов или явлений.

<...> во всех известных мне случаях верующие физики и астрономы в своих научных работах ни словом не упоминают о Боге. Они одновременно живут как бы в двух мирах: одном материальном, а другом каком-то трансцендентном, божественном. У них происходит как бы расщепление психики. Занимаясь конкретной научной деятельностью, верующий, по сути дела, забывает о Боге, поступает так же, как атеист. Таким образом, совместимость занятий наукой с верой в Бога отнюдь не тождественна с совместимостью веры в Бога с научным мышлением.

³¹ Энциклопедический словарь. Том XXII-А. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1897, с. 705.

³² Кураев А., диакон. Встреча с атеистом. Век 21.

³³ Гинзбург Виталий. Атеизм умер? – Да здравствует атеизм! И свобода совести. – http://www.atheism.ru/library/ginzburg_5.phtml

³⁴ Гинзбург Виталий. Разум и Вера. – Вестник Российской Академии Наук, 1999, том 69, № 6. – http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_1.phtml

<...> религий очень много <...> и выбор той или иной религии определяется традициями в семье, влиянием проповедников и т.д. Наука же одна для всех, ибо объективна. В этом также нельзя не видеть огромного превосходства науки над религиозными верованиями»³⁵.

Попытка обсуждения рассмотренного вопроса на форуме диакона Кураева вызвала у верующих неприязненную реакцию. Воодушевленные учением своего наставника, утверждающего, что «<...> атеистов в России почти не осталось. Атеиста сегодня надо заносить в Красную книгу как существо, достойное заботы и охраны»³⁶, – они искренне смотрят на атеистов, как на нечто экзотическое и вымирающее, всерьез полагая, что атеисты действительно были только большим порождением советской власти и теперь «куда-то исчезли»³⁷ после ее крушения. Атеистов адепты диакона воспринимают как «недостойных партнеров для обсуждения», стоящих «перед закрытой дверью» не в состоянии войти в нее. Они считают, что атеисты имеют «поверхностное» мнение и «беззубый ротик младенца», нуждающийся в «профессионально» разжеванной религиозной «мягкой кашнице». Поэтому атеисты для них являются неполноценными личностями, у которых «аппарат не включен, диалог невозможен», так как атеисты не «рождены в духе», их «смешно слушать и читать», поскольку «параноики-атеисты <...> вносят смуту», поэтому атеистам сначала нужно «получить ответ <...> по способу <...> мышления и его возможных ограничений», а также «сперва четать, а лишь затем псать»³⁸.

Уверив себя в вымирании атеистов, Кураев «даже перестал рассчитывать на то, что» его антиатеистические «наработки когда-либо будут востребованы»³⁹. Поэтому на статью не залегшего в спячку атеиста-штатуна белорусского академика А. Рубинова диакон откликнулся приветственной статьей с весьма претенциозным названием «Встреча с атеистом. Век 21» и выразил ему самую горячую благодарность: «<...> спасибо Анатолию Николаевичу – его воинственно-атеистический задор омолодил и меня лет на двадцать». Видимо, в результате этого омоложения диакон, отечески пожурился академика за невежество в церковных делах, расчувствовался и, вспомнив свою атеистическую молодость, опрометчиво выразил надежду, что «пора этой странной немоты настоящих ученых прошла». И как в воду глядел наш православный «Настрадамус». Не прошло и полгода, как **настоящие ученые** действительно сказали свое веское слово: Российская академия наук выступила против активного проникновения Российской православной церкви «во все сферы общественной жизни». Ученых возмутила очередная инициатива РПЦ – внедрить теологию в перечень научных специальностей в Высшей аттестационной комиссии, и ряд академиков обратился с открытым письмом к президенту России Владимиру Путину с просьбой прекратить возрастающую клерикализацию страны⁴⁰.

На этот раз отсутствие у академиков рабской «немоты»⁴¹ и их «воинственно-атеистический задор» почему-то не обрадовали Кураева, и он разразился очередным наставительным духовным посланием к верующим⁴². Суть его хорошо изложена в следующих словах: «Доводы Кураева маслом растекаются по письму, все написано красивым языком, можно даже в смысл слов не вникать, а читать как стихи (или молитвы на церковнославянском) – убаюкивает, успокаивает. Сначала немного похвалили академиков (уважаемые люди, молодцы), потом слегка пожурили (ну не враги вы, конечно, просто немного невнимательно вникали в суть дела). Стандартный психологический прием: доброжелательно-поучительный тон, признание небольшой части своих ошибок (для создания видимости объективности), обилие аллегорий, сложных слабо нагруженных смыслом речевых оборотов – все это призвано создать у читателя атмосферу превосходства позиции мудрой и терпеливой церкви (в лице Кураева) перед престарелыми чудаковатыми профессорами, живущими понятиями тридцатилетней давности. И уж на этом фоне грех не проиграть старые пластинки про свободу образования от устаревших

³⁵ [Гинзбург Виталий](http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_2.phtml). Вера в Бога несовместима с научным мышлением. – http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_2.phtml

³⁶ Кураев А., диакон. Атеизм как таковой – это просто отрицание чужой святыни, 25 ноября 2005 г.

³⁷ Кураев А., диакон. Встреча с атеистом. Век 21.

³⁸ Форум Кураева. [Встреча с атеистом. Век 21](#).

³⁹ Кураев А., диакон. Встреча с атеистом. Век 21.

⁴⁰ Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны? Открытое письмо академиков РАН президенту РФ В.В. Путину, 24 Июля, 2007. – <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=1434>

⁴¹ «Мы не рабы, рабы – немь!» (букварь «Долой неграмотность!», 1923 г.)

⁴² Кураев А., диакон. Спор двух Академий.

материалистических догм, про зыбкость научных теорий, про различную трактовку термина «клерикализм» и пр.».⁴³

Будучи опытным пропагандистом-идеологом, диакон не ввязывается в напрасную полемику с академиками, а адресует свои доводы именно непосредственно самим верующим. Для них он проигрывает свою заезженную пластинку о непонятливости чудаковатого ученого, не желающего хоть ненадолго оторваться от своего микроскопа-телескопа, чтобы прочесть хотя бы одного «классика мирового религиоведения» и выйти из своего затхлого атеистического научного сарая в большой мир, для «знакомства с этим новым для него миром – миром религиозной жизни и мысли». Но хотя Кураев внешне сохраняет спокойствие, видно, что оптимизма на счет вымирания атеистов и, соответственно, снисходительного пренебрежения к ним у него все же поубавилось. Местами у диакона прорываются довольно забавные нервные суждения:

«**Боятся они нас, православных священнослужителей**»;

«Достойным укоризны в обсуждаемом письме мне представляется именно **нарушение принципов научного поиска** и диалога самими академиками, **вроде бы защищающими** интересы науки. **Хороший ученый** всегда знает границы своей **компетентности**»;

«<...> если авторы письма **отдают себе отчет в смысле** употребляемых ими слов – то их протест оказывается **неуклюже-неуместным**»;

«Академики, ставящие знак равенства между «материалистическим видением мира» и «знаниями, накопленными наукой», **расписываются в собственной философско-методологической наивности**».

Кураев явно не «отдает себе отчета», что не светское общество состоит при религии и должно руководствоваться ее указаниями, а наоборот, религия состоит при обществе и должна искать взаимопонимания с ним. Из текста письма четко следует, что ученые обеспокоены не религией, а исключительно «**активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни**», и в т.ч. ее стремлением проникнуть в научную жизнь. И ученых можно понять. Ведь для российского общества последствия окормления науки, и особенно литературы и искусства религией будут не менее печальны, чем последствия их окормления советской идеологией. Ученые могут быть религиозны, но **не может быть религиозна наука**, ибо она неизбежно заканчивается там, где факты начинают подменять верой или политическими указаниями руководящих лиц. Печальный опыт исламского мира, на заре своего развития давшего человечеству плеяду величайших ученых, свидетельствует об этом, но православию неймется испытать и свои возможности. Однако, пытаясь внедрить специальность «теология» в перечень научных специальностей Высшей аттестационной комиссии, православные церковники даже не задумываются, какого джина они пытаются выпустить из бутылки. Если теология будет признана самостоятельным научным направлением, то какие будут основания отказать в этом оккультным наукам, в т.ч. астрологии, белой и черной магии и т.п.?!!

Кураев казуистически именуется поднятую академиками проблему боязнью «**православных священнослужителей**». Но не священнослужителей – настоятелей и служителей православных приходов – опасаются академики. Их волнует только организационно-административная надстройка православной церкви, – церковные политики, чиновники и идеологи (к ним относится и сам Кураев), которые собственно и рвутся прорубить теологическое окно в науку.

Конечно церковь, так же как и любая бюрократическая структура, нуждается в чиновниках, политиках и идеологах, но не нужно обольщаться на их счет и отождествлять их цели и приоритеты с интересами рядовых верующих. Церковь действительно не может без верующих, но последним, если бог на деле всеведущ и всевидящ, нет никакой нужды в такой огромной армии посредников между ними и богом. Тем более что посредничество это не бескорыстно и взимает свою лепту с продаваемого товара.

В демократическом обществе управляющие им бюрократические структуры хоть как-то контролируются народом, через систему выборов на всех уровнях власти. Что же до церковников, то здесь имеет место полная аналогия с печально знаменитой советской номенклатурой: главное – попасть в обойму, а дальше твоя судьба зависит уже только от таких же церковников-номенклатурщиков. Как справедливо заметил Кант: «**Церковное устройство (иерархия) может**

быть монархическим, аристократическим или демократическим – это касается только организации. Но ее основообразующий принцип во всех этих формах **всегда остается деспотическим**⁴⁴. Как подчеркивал Гете, церковь всегда **«жаждет властвовать»**⁴⁵.

Диакон требует, чтобы была **«методологическая ясность, которая будет четко различать научные факты от научных теорий, а последние – от научных гипотез»**. Заметим, что в русском языке различать можно только похожие друг на друга предметы, а одно от другого следует отличать. Но простим эту ошибку диакону, владеющему **«русским языком во всем разнообразии его стилей»**⁴⁶. Однако ему было бы лучше сначала озаботиться четким отделением теологических фактов от теологических теорий, а последних от теологических гипотез. Если православие хочет войти в научный мир, то, прежде всего, оно должно предпослать Библии эпиграфы из Канта: **«Бог как гипотеза»** и **«Бог – не существо вне меня, а лишь моя мысль»**⁴⁷, и снабдить ее научными комментариями. В частности, в книге Бытия следует упомянуть, что есть серьезные вопросы, на которые библейский рассказ не дает ответа, и по этой причине он не является общепризнанным, так как не все феномены живого мира может объяснить. Есть и другие модели, в частности, модель расширяющейся Вселенной и теория эволюции. Конечно, Библия при этом сильно распухнет, не говоря о головах верующих, зато политкорректность будет обеспечена на все сто пудов.

Если теологи перестанут монополизировать право на истину, обличать академиков в невежестве, начнут излагать с амвона не только библейские мифы, но и альтернативные им научные теории, и станут **«пораньше сообщать»** верующим **«о том, что нет ни одной стопроцентно доказанной»** теологической теории или утверждения, тогда действительно будет логично поставить вопрос и о встречном отражении религиозной точки зрения в преподавании науки. Пока же попытки православной церкви проложить научную гать через религиозную трясиину не только забавны, но и порождают грустные мысли. Мы, как всегда, отстаем на столетия от развитых стран. В Западной Европе разумное **«обособление науки от христианства»** началось еще в XI–XIV веках⁴⁸. В уставе Лондонского Королевского общества (английской академии наук), возникшего в 1660 г., были отражены идеи Фрэнсиса Бэкона: **«Целью общества, – говорилось в нем, – является совершенствование знания о естественных предметах и всех полученных искусствах с помощью экспериментов, не вмешиваясь в богословие, метафизику, мораль, политику, грамматику, риторику или логику»**⁴⁹. Полагая опыт главной ценностью в новой науке, Королевское Общество выбрало своим девизом **«Nullius in verba!»**⁵⁰ Согласно уставу Общества, его члены не должны были заниматься богословием, политикой и гуманитарными науками – ничем, кроме того, что имеет сугубо научно-технический интерес: **«Королевское общество положило себе за правило не предаваться теологическим и схоластическим словопрениям, его единственная задача – совершенствовать знания о природе и ремеслах посредством наблюдения и эксперимента»**⁵¹.

Плоды этой многовековой разумной взвешенной научной политики ныне пожинают жители Европы, а Россия продолжает наступать всё на те же грабли, пытаясь запрячь науку в православную телегу, в надежде, что это заодно послужит возрождению православия. А ведь исторический опыт свидетельствует, что для религии было бы разумнее сосредоточиться на духовном и нравственном мире человека, а материальный мир, без малейшего ущерба для себя, оставить науке.

Сегодняшняя вульгарная и воинствующая религиозность и наивная убежденность в скором грядущем вымирании атеистов являются закономерной расплатой за годы совкового

⁴⁴ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 195.

⁴⁵ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 626.

⁴⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁴⁷ Kant I. Gesammelte Schriften. Akademic-Textausgabe. Berlin, 1900-1968. Bd. XVI, s. 145.

⁴⁸ Калябин Г. Верю познаем: Обзоры по естественной апологетике. Взгляд математика на христианство и науку в историческом аспекте. – <http://www.pravoslavie.ru/put/biblio/kaliabin/vp2.htm>

⁴⁹ История становления науки: Некоторые проблемы. – М.: Реф. сб. ИНИОН АН СССР, 1981, с. 157.

⁵⁰ **«Ничьими словами [нельзя клясться] (лат.). – <...> Означает, что доказательствами должны считаться только данные научных экспериментов, а не мнения общепризнанных авторитетов». «Источник – слова Горация о том, что он не принадлежит ни к одной философской школе: <...> «Я не обязан клясться словами никакого учителя» [Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – Харьков: Фолио; М.: Эксмо: 2006, с. 632, 628].**

⁵¹ Из письма секретаря общества Генри Ольденбурга // Ранняя история Лондонского Королевского научного общества. – <http://www.critical.ru/calendar/2811Society.htm>

вульгарного безбожия, но, в сущности, ничем не лучше, если не хуже последнего. Несомненно, носителями и того и другого являются одни и те же люди определенного фанатичного склада ума. Подобные «кочки зрения» не могут быть конструктивны ни для верующих, ни для атеистов, часть которых с той же степенью обоснованности считает младенцами и шизофрениками именно верующих. Разумный выход здесь может быть только один: ни религия, ни наука не должны выходить за пределы своей компетенции и вмешиваться во внутренние дела друг друга.

К сожалению, часто религия привносит непримиримость своих оценок не только в научную область, но и в культурную жизнь. Стремясь к пробуждению духовности и проповедуя свои нравственные и моральные идеалы, религия справедливо применяет религиозный канон для оценки приемлемости произведений светской культуры для верующих. Но когда этот же канон пытаются серьезно использовать для критического разбора сюжета художественного произведения и характеров действующих лиц, часто возникает явная нелепица⁵². Какую ценность может иметь литературный анализ произведения Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» с позиций критика, верующего в существование мышиных королей? Каких несуразностей он наворотит, утверждая, что мышиный король – де только пародия на истинного монарха, так сказать, его обезьяна, и не может реально командовать войском, ибо лишен творческого начала, и т.п. А ведь именно нечто подобное по глубине анализа мы, за редким исключением, видим, читая оценку романа Булгакова многими деятелями православной Церкви. Такие религиозные оценки светских книг не более ценны для светского общества, чем научные толкования религиозных книг для верующих, равно как и мнение о них представителей иных религиозных учений или конфессий.

Светское искусство, в отличие от религиозного, может использовать и демонические образы, что убедительно доказывают произведения Гете, Гофмана, Лермонтова, Врубеля, Булгакова и других великих мастеров. Как заметил Б. Соколов⁵³, *«<...> Булгаков находится в русле давней традиции русской литературы, связывавшей судьбу, рок, фатум не с Богом, а с дьяволом»*. Это же обстоятельство подчеркивает и литературовед В. П. Крючков⁵⁴:

«<...> дьявол в русской литературе и изобразительном искусстве рубежа XIX-XX веков изображается как мятущийся, страдающий, трагический персонаж, например, «Демон» М. Врубеля или Дьявол в стихотворении З.Гиппиус⁵⁵ «Божья тварь»:

*За Дьявола Тебя молю,
Господь! И он – Твое созданье.
Я Дьявола за то люблю,
Что вижу в нем – мое страданье.
Борясь и мучаясь, он сеть
Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
Того, кто, как и я, – страдает.
Когда восстанет наша плоть
В Твоем суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство – за страданье.*

Наверное, причиной того факта, что в русской литературе и искусстве не был создан образ дьявола, равный или хотя бы отдаленно напоминающий дантовского Люцифера, является знаменитая русская «всемирная отзывчивость», сострадательность. Ею объясняется и то, что «в истории православия не было инквизиции⁵⁶ и христианское отношение к человеку проявилось и

⁵² Оценивать достоинства литературных произведений по религиозному канону так же разумно, как оценивать, исходя из него, не религиозную приемлемость, а вкус пищи.

⁵³ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 178.

⁵⁴ Крючков В. П. Воланд // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003, с. 166.

⁵⁵ Зинаида Гиппиус – поэтесса, литературный критик, прозаик, публицист, драматург, жена известного русского писателя и философа Мережковского Д. С., автора исторической трилогии «Христос и Антихрист». Судя по дате создания стихотворения, – 1902 г., оно, возможно, навеяно картиной Врубеля «Демон поверженный», законченной художником в этом же году.

⁵⁶ О спорности отсутствия в истории православия инквизиции см. [тезис 13.7](#).

в отношении к Злому Духу»⁵⁷. И в этом отношении «авторский» герой демонстрирует влияние не только личности М. А. Булгакова, но и в определенной степени национальную «прописку» в русской литературе с ее всемирной отзывчивостью и добротой.

Глубоко трагическим также является сатана как евангельский персонаж в концепции религиозного мыслителя С. Н. Булгакова: «Здесь выражена и зависть, и ненависть, все его христорство, но все это, под своим отрицательным коэффициентом, имеет положительное содержание: отвергнутую, поруганную, но глубоко затаенную, непобедимую любовь к Нему, которая ждет своего урочного часа, вернее века, последнего в веке веков... Тогда покорится и «князь мира сего» не внешним насилием, но внутренним покорением. Это может свершиться через раскаяние сатаны в своем сатанизме». Сложный и многозначный образ булгаковского Воланда, если говорить о христианской эсхатологии, вполне допускает такую возможность, поскольку за внешним противостоянием его Иешуа ясно ощущается загадка, недоговоренность, нечто внутренне близкое той божественной силе, которой он на поверхности антагонистичен. Воланд в романе – и традиционный дьявол-искуситель, и в то же время – **символ возмездия, справедливости**. Это образ и трагический, и пародийный, «игровой», как и весь роман в целом».

Таким образом, не только русские писатели, но и православные христианские философы и мыслители не смотрели на образ дьявола так прямолинейно, как диакон Кураев. Следовательно, в своих высших эмоциональных проявлениях светская и религиозная культуры не являются диаметрально противоположными друг другу во взгляде на демонические образы. Даже для ортодоксальных верующих есть прекрасная точка зрения, указанная Николаем Бердяевым⁵⁸:

«Подлинное творчество не может быть демоническим, оно всегда есть выход из тьмы. Демоническое зло человеческой природы сгорает в творческом экстазе, претворяется в иное бытие. Ибо всякое зло есть прикованность к этому «миру», к его страстям и его тяжести. Творческий подъем отрывает от тяжести этого «мира» и претворяет страсть в иное бытие <...> Творец может быть демоничен, и демонизм его может отпечатлеться на его творении. Но не может быть демонично великое творение, творческая ценность и породивший ее творческий экстаз. Я думаю, что в природе Леонардо был демонический яд. Но в творческом акте сгорел демонизм Леонардо, претворился в иное, в свободное от «мира» бытие. В Джоконде, в Вакхе, в Иоанне Крестителе просвечивает демонизм леонардовской природы. Но обречены ли сгореть в адском огне великие творения леонардовского гения? Нет, в этих творениях уже сгорело зло леонардовской природы и демонизм его претворился в иное бытие, пройдя через творческий экстаз гения. В Джоконде есть вечная красота, которая войдет в вечную божественную жизнь. Творческая жизнь есть жизнь вечная, а не тленная. И как **бессильны и жалки морализирования над великими творениями**. Рождающаяся в творческом акте красота есть уже переход из «мира сего» в космос, в иное бытие, и в ней не может быть тьмы, которая была еще в грешной природе творившего. Подлинная картина или стихотворение не принадлежат уже к физическому плану бытия, в них нет материальной тяжести, они входят в свободный космос. И творческий акт есть самооткровение и самооценочность, не знающая над собой внешнего суда».

Характеризуя интерес светской литературы к демоническим образам, следует подчеркнуть, что в ее демонических героях нет ничего общего с образом дьявола в его христианском понимании. Приведу мнение Гете, высказанное им в беседе с Эккерманом 2 марта 1831 г.⁵⁹:

«– Мне думается, – сказал я, – что и Мефистофелю присущи демонические черты.

– Нет, – сказал Гете, – Мефистофель **слишком негативен**, демоническое же проявляется только в **безусловно позитивной** деятельной силе».

Именно в тяге к изображению «позитивной деятельной силы» и таятся корни демонизма в искусстве.

Роман Булгакова, как и многие творения его любимых писателей Гоголя, Гофмана и Салтыкова-Щедрина, фантастичен и фантазмагоричен. Но при чем же здесь «кощунственность» и оскорбление христианства? В романе действительно использована христианская мифология, но

⁵⁷ Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1994, с. 11.

⁵⁸ Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989, с. 386.

⁵⁹ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 404.

это вполне светское произведение, и его не должно судить по религиозным канонам, к которым оно никакого отношения не имеет, так как создано не в защиту и не в поношение оных. Конечно, Булгаков пошел дальше Гоголя и использует в канве своего романа не только мифы и апокрифы, но и канонические христианские сюжеты. Но для истинного художника запретных тем нет, и если он даже и использует не приемлемые с точки зрения религии образы, судить его нужно только по конечному результату, – что несет в мир его творение, – Добро или Зло. Осуждать роман «Мастер и Маргарита» с точки зрения ортодоксального христианства столько же оснований, сколько их есть для осуждения ислама, буддизма или любой иной религии, признающей пророка Иисуса, но отрицающей его божественное происхождение.

Как отмечает В. Сахаров⁶⁰: «<...> Булгаков именовал себя мистическим писателем и оставил нам роман о дьяволе, но в авторе и его творении нет ничего демонического, нет той «благородной червоточки», которую тщетно ищут в булгаковском романе иные комментаторы. Зло и дьявол здесь, как и у Гоголя, вынуждены служить человеку и добру, и **этика Булгакова не противоречит нравственным идеалам русской классики.**

Об этом стоит еще раз напомнить сегодня, когда пора первых читательских восторгов давно миновала и булгаковский роман стал все чаще подвергаться критике. Великая книга стала мешать, само ее благотворное существование в жизни и литературе вызывает нежелательные, невыгодные сопоставления. Отсюда и нарастающая критика, вызванная не только понятным «пост-модернистским» желанием пооригинальничать и еще более очевидной завистью. В «Мастере и Маргарите» теперь с легкостью находят беспросветный мрак, мир без добра, гностическую мистику, последнее отчаянье раздавленного тоталитарной диктатурой художника, антисемитизм, хитрое литературное масонство и даже сатанизм».

Может ли верующий не возмущаться тем, что в окружающем его мире существуют взгляды и учения, не совпадающие с моральными ценностями и учением, провозглашаемыми его религией? А почему бы и нет, если вера его искренна и не фанатична? Мы живем в светском, а не религиозном государстве, и каждый вправе сам выбирать, хочет ли он поклоняться какому-либо Богу или богам единолично, или в рамках какой-либо религии, или же предпочитает обойтись совсем без религии и руководствоваться исключительно собственным разумом и общественной моралью.

Когда религиозный деятель обвиняет светскую книгу в кощунстве, это обычно свидетельствует о фанатичности его веры. Истинная же вера, на мой взгляд, лишена фанатизма. Она подобна любви: это, прежде всего, состояние души, а не ума человека; это постижение истины, прежде всего, сердцем, а не рассудком, потому и говорят, что «**Бог поругаем не бывает**» (Гал. 6:7). Истинная вера, как и любовь, не требует никаких аргументов, хотя и не любит попыток «открыть ей глаза». Но с фанатизмом это не имеет ничего общего. Однако если любящий считает провозглашение кем-либо собственного идеала попыткой вторжения в его душу и оскорблением его личного символа веры, то здесь уже речь может идти только о фанатизме, о попытке любой ценой задушить чужое мировоззрение и миропонимание.

Сама по себе книга Булгакова не способна однозначно привести человека ни к Добру, ни к Злу. Как и все великие творения человеческого гения, она в первую очередь не направляет, а пробуждает развитие личности человека. В том возрасте, когда книга Булгакова попадает к читателю, глубинные свойства личности последнего уже сформированы, и если ему суждено прийти к Богу или, наоборот, стать агностиком или атеистом, то он это сделает рано или поздно, независимо от чтения романа Булгакова. Так и чтение «Преступления и наказания» Достоевского одного отвратит от преступного замысла, а другого только подвигнет на размышление: неужели действительно нельзя так убить какую-нибудь богатую старушку, чтобы не поймали?

Известно, что никакая самая убедительная критика религии не уменьшает существенно число ее сторонников. Равно и жесточайшие гонения на нее также не приводят к исчезновению верующих. Таким образом, можно сделать непреложный вывод: существуют люди, неотъемлемо нуждающиеся в религии. Если суметь заставить их отказаться от какой-то конкретной религии, они просто найдут себе другую, но верить в высший разум и силу не перестанут. Для них можно развенчать только образ конкретного Бога, но не Бога в абстрактном смысле. Трудно сказать,

⁶⁰ Сахаров В. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: прощание и полёт. – http://www.kritika.nl/master_i_margarita.htm

закладываются ли данные особенности человека генетически⁶¹ или на воспитательном уровне. Обсуждение этой проблемы выходит за рамки данной работы.

В своей работе Кураев утверждает, что основная тема романа состоит в опровержении «атеистической государственной пропаганды», что это и не роман вовсе, а «большой фельетон, в котором нет положительного героя». Право же, нужно быть полным профаном в литературных вопросах, чтобы серьезно утверждать, что «Мастер и Маргарита» не роман, а фельетон. Вот мнение Михаила Бахтина, именуемого самим Кураевым «великим православным литературоведом»: «Я сейчас весь под впечатлением от «Мастера и Маргариты». Это – огромное произведение **исключительной художественной силы и глубины**. Мне лично оно очень близко по своему духу»⁶². Такими словами характеризуют романы, но отнюдь не фельетоны. Впрочем, и сам Кураев, несомненно, это понимает, поэтому, упоминая оценку Бахтина, не приводит ее, а просто пишет, что она была положительной. Заслуживает внимания и мнение самого Булгакова, именующего свое произведение исключительно романом. Также романом именуют «Мастера и Маргариту» и все друзья Булгакова, слушавшие его еще в авторском чтении. Вот что пишет близкий друг Булгакова С. Ермолинский⁶³: «В течение всей нашей десятилетней дружбы он работал над **романом «Мастер и Маргарита», считая его своей главной книгой – своим «Фаустом» (или «Антифаустом»)**. Работал с вдохновением, хотя и с вынужденными перерывами».

Если бы Булгаков действительно хотел донести до потомков именно свое отвращение к антирелигиозной борьбе, он бы просто написал свое духовное завещание и открыто расставил бы в нем все точки над *i*, а не посвящал бы 12 лет жизни работе над якобы «**большим фельетоном**», без малейшей надежды на его прижизненную публикацию. Как свидетельствует жена писателя Е. С. Булгакова⁶⁴: «В 1938 году он отложил «Записки»⁶⁵ для двух своих последних пьес, но главным образом для того, чтобы привести в окончательный вид свой роман «Мастер и Маргарита». Он повторял, что в 1939 году он умрет и ему необходимо закончить Мастера, это была его любимая вещь, дело его жизни».

Можно поверить, что писатель хитроумно зашифровывает свое творение ради возможности его публикации. Но перед лицом потомков не шифруются из-за цензуры, с ними можно говорить открыто, тем более что спустя годы никто не оценит и не поймет сегодняшнюю изворотливость автора. Фельетоны по самой природе своей не живут долго и никогда не волнуют людей, живущих в другую эпоху, а Булгаков, как и всякий истинный мастер, творил для Вечности. Мог ли он не знать и не понимать этого? Стал ли бы он в течение 12 лет мистифицировать своих родных и близких друзей?

В своем первом печатном отклике на советскую действительность «Грядущие перспективы»⁶⁶ (газета «Грозный» от 18.11.1919) Булгаков исчерпывающе выразил свою горечь от скатывания его Родины в бездну и правильно оценил отрицательные последствия распада Российского государства, пророчески предсказав грядущее отставание России от Запада и неизбежную необходимость: «**Платить за безумие мартовских дней, за безумие дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станками для печатания денег... за все!**»

⁶¹ «После изучения более чем 2000 образцов ДНК американский генетик Дин Хамер пришел к выводу, что религиозность человека связана с химическим составом его мозга<...> Доктор Дин Хамер, директор Национального института генов и борьбы с раком, попросил группу тестируемых ответить на анкету из 226 вопросов, для того чтобы определить их отношение к Богу. В результате этого исследования ученый пришел к выводу, что люди, глубоко верующие в Бога, имеют в своем организме ген, который он обозначил как VMAT2. По мнению ученого, воспитание не играет существенной роли в развитии религиозности у человека. Доктор Хамер <...> заявил, что его открытие "гена веры в Бога" объясняет, почему некоторые люди имеют способности к духовному и мистическому более чем другие» [Элизабет Дэй. «Ученые открыли ген веры в Бога» – <http://www.inopressa.ru/telegraph/2004/11/15/15:35:22/vera>]. Если Хамер прав, то именно наличие ДНК веры позволяет человеку принимать что-либо на веру, без каких-либо доказательств. А во что конкретно эта вера, – в Бога, Дьявола, пришельцев, снежного человека, астрологию, трансгрессию харизмы или еще что-либо, – не имеет никакого значения.

⁶² Письмо М. Бахтина к Е. С. Булгаковой от 14 сентября 1966 г. [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324].

⁶³ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 110.

⁶⁴ Дневник Елены Булгаковой. Записи. Наброски / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 315.

⁶⁵ Имеется в виду произведение «Театральный роман (Записки покойника)».

⁶⁶ Булгаков М. А. Грядущие перспективы. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 439-440.

Тревога за судьбу родной страны сквозит во всех его произведениях, ею пронизаны и «Белая гвардия», и «Бег». Что же касается отвращения к антирелигиозной пропаганде, то она выражена всего в нескольких единичных записях 1924-1925 гг., естественных для каждого культурного человека, ибо хамское безбожие тех лет было ни чем не лучше религиозного фарисейства, а уничтожение памятников материальной и духовной культуры вообще ничем оправдано быть не может. Обращает на себя внимание тот факт, что в семейном дневнике Булгаковых⁶⁷ за 1933-1940 гг. нет ни одной записи, связанной с религией, хотя политические и литературные события отслежены весьма тщательно, и по волнующим Булгаковых вопросам их эмоциональная реакция всегда четко выражена. Даже поворот советской власти от политики грубого притеснения религии к политике заигрывания с ней не нашел в дневнике никакого эмоционально-религиозного отклика. Поворот этот был ознаменован постановлением Комитета по делам искусств от 13 ноября 1936 г., которым была снята опера известного любителя антирелигиозных пьес Демьяна Бедного «Богатыри», за то, что она «<...> дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа...»⁶⁸. Однако Булгаковыми данное событие было воспринято как чисто театральное и не связанное с религией. Об этом свидетельствует запись в первой редакции дневника: «**Театральное событие:** постановлением Комитета по делам искусств «Богатыри» снимаются, в частности, за глумление над крещением Руси. Я была потрясена!»⁶⁹. Эмоциональная реакция Елены Сергеевны связана с личными мотивами: «А Елена Сергеевна радовалась, читая газеты – шла кампания вокруг снятых «Богатырей», и она, по собственному признанию, была «счастлива, что получил возмездие» Литовский <...>, который «написал подхалимскую рецензию, восхваляющую спектакль»⁷⁰. Во второй редакции дневников Елена Сергеевна опустила эти подробности, как и многие другие свои сугубо личные эмоциональные оценки⁷¹.

В течение всей своей сознательной жизни Булгаков был совершенно равнодушен к религиозной жизни и православным обычаям. Даже в самые святые православные праздники, – на Рождество, пасхальную неделю и Троицу, – он не изменял своим привычкам и, как обычно, ходил в гости играть в карты или проводил ночь в ресторане. В его письмах действительно иногда встречаются выражения вида «Слава Богу» или «Помоги, Господи», но их употребляют, как известно, даже самые закоренелые атеисты.

Некоторые православные критики придают определяющее значение тому, что в дневнике болезни Булгакова отмечено, что перед смертью он «уже непослушными руками» крестил жену. Оценивая данный факт, нужно учесть, что он не случайно зафиксирован именно в истории болезни. Его последняя жена, Елена Сергеевна, понимала огромную разницу между хронологическим описанием болезни писателя и биографическим описанием его творческой жизни. Именно поэтому она разделила описание последних дней его жизни – болезненное недееспособное состояние Булгакова в бреду и высокое горение его духа во время просветления – на два отдельных, непересекающихся документа.

Как свидетельствуют беспристрастные документы, в состоянии Булгакова в последние дни отмечались «периоды помутнения рассудка»⁷². Из полной записи в истории болезни видно, что Булгаков крестил жену «в почти бессознательном состоянии»⁷³:

«Когда засыпал: «Составь список... список, что я сделал... пусть знают...».

12.30 ночи. Проснулся – в почти бессознательном состоянии...

Потом стал очень возбужден, порывался идти куда-то... Часто выкрикивал: «Ой маленький!!»...

Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются...».

⁶⁷ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990. – 400 с.

⁶⁸ Постановление Всесоюзного Комитета по делам искусств от 13 ноября 1936 (газ. «Правда» от 15 ноября 1936) // Сборник «Против фальсификации народного прошлого». – М.-Л.: 1937, с. 3-4.

⁶⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988, с. 592.

⁷⁰ Там же, с. 593.

⁷¹ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 6.

⁷² Булгаков М. А. Жизнеописание в документах. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 714.

⁷³ Там же, с. 714.

Если бы Булгаков перед смертью обратился к богу, он бы, прежде всего, причастился и вызвал священника. Умирая, он думал не о том, как истолкуют его жесты, а прощался с любимым человеком. Поставьте себя в положение ослепшего и практически потерявшего речь человека. Надо ли ему при этом изобретать что-то новое, когда существует крестное знамение, за которым для каждого культурного человека стоит не только ритуальный религиозный смысл, но и высокий нравственный и духовный охранительный посыл тем, кого он оставляет в этом мире? Не сомневаюсь, что остававшийся до конца жизни атеистом Иван Павлов в положении Булгакова поступил бы точно так же и **без всяких раздумий** осенил бы свою жену крестным знамением. Как пишет сам же Кураев, Павлов в советское время **«крестился, проходя мимо православных храмов»**, что было для него символом выражения не религиозной, а нравственной позиции.

Как свидетельствуют неопровержимые документы, Булгаков никогда не носил нателный крест, не посещал храм, не принимал Таинств и сам себя не считал православным христианином. Так же, как и глубоко уважаемый им Лев Толстой, он добровольно поставил себя вне православной Церкви. Даже на пороге смерти Булгаков не стал причащаться, и завещал, чтобы его тело кремировали без отпевания и не ставили крест на могиле. Среди близких друзей Булгакова были и отъявленные безбожники – например, постоянный карикатурист журнала «Безбожник» М. Черемных.

Некоторые православные критики уверяют, что в романе показана охранительная роль крестного знамения от нечисти. Да полно! За каждым таким крещением у Булгакова незамедлительно следует шутовское пародийное наказание: то котенок в темечко вцепится, то сам человек в грязь свалится. Так же, как и Гете, Булгаков смеется над наивной верой обывателей в магическую силу подобных **«оберегов»**.

В ранних редакциях романа эта ирония выражена с предельной откровенностью⁷⁴:

«Мужик остолбенел, увидевши автомобили с пассажирами. Занес руку ко лбу.

«Только перекрестись! – каркнул грач, – я тебе – перекрещусь!»

В машине заулюлюкали.

Грач заорал:

– Держи его!

Мужик, прыгая как заяц, кинулся, очевидно, обезумев, не разбирая дороги, и слышно было, как влетел в реку.

В машинах разразились хохотом...».

Жестко... И даже жестоко... И слишком близко к прямому пошлomu глумлению, поэтому в окончательную редакцию данный эпизод не вошел, отразившись в смягченном виде в эпизоде с кухаркой и Азazelло.

Как наивное суеверие показана вера в магическую силу крестного знамения и в других произведениях Булгакова, например, в пьесе «Иван Васильевич». Кураев же пытается нас уверить, что втайне Булгаков был до того набожен, что все свободное время посвящал работе над **«большим фельетоном»** о бездарной антирелигиозной пропаганде. Поверить в это разумному человеку просто невозможно. Ни в одной из своих редакций, и особенно в последней, роман не дает и тысячной доли представления о той вульгарной антирелигиозной борьбе, которая действительно раздражала Булгакова в 20-е годы. Всю эту глупую богоборческую возню он прекрасно осмеял уже в первой главе романа. Однако в тридцатые годы антирелигиозная борьба незаметно сошла на нет: **«Современник этих событий отмечает: «Ряд последних лет, начиная примерно с 1932, характеризовался сильным ослаблением антирелигиозной пропаганды. <...> За период с 1932 г. по 1936 г. почти ни один краевой или областной комитет партии, не говоря уже о райкомах, не интересовался тем, как ведется антирелигиозная пропаганда. Печать также выпустила это дело из своих рук. <...> Наркомпрос стал вести эту работу еще более вяло, более неудовлетворительно... ликвидировал в течение двух последних лет целый ряд антирелигиозных музеев на местах»**⁷⁵. В 1937 году антирелигиозные темы были уже совершенно не актуальны, наступили совсем иные времена. Теперь охотились уже не на религиозных, а на политических противников. А по Кураеву получается, что Булгаков по-

⁷⁴ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 169.

⁷⁵ Бондарчук В. Г. Анализ литературы о музеефикации российских культовых зданий. – <http://www.cathedral.ru/cathedra/num1/bondarchuk>

прежнему продолжал увлеченно разоблачать недостатки богоборчества двадцатых годов. Право же, это смешно. Да и в семейном дневнике Булгаковых роман в 37-м году характеризуется исключительно как «роман «О Христе и дьяволе»»⁷⁶ или «роман о Воланде»⁷⁷.

Основная тема романа лежит совсем в иной плоскости, чем видится современным прозелитам христианской религии, – это плоскость не борьбы⁷⁸, а двуединства или относительности Добра и Зла. Как отмечает И. Бэлза⁷⁹: «Обобщив громадный мифологический материал, Булгаков показал **неразрывную взаимосвязь «света и тени»** <...> Вслед за автором «Божественной комедии», <...> Булгаков положил в основу своего романа **дуалистическую концепцию**, которой подчинены различные планы развертывающихся в «Мастере и Маргарите» картин борьбы «света и тени». Этот же факт подчеркивает и Б. Соколов⁸⁰: «Булгаков в «Мастере и Маргарите» воспринял дуализм древних религий, где добрые и злые божества являются **равноправными объектами поклонения**».

Верующие могут отождествлять Воланда с классическим Дьяволом своей религии, хотя это чревато расшатыванием устоев их веры, – «не так страшен черт, как его малюют!» Те, кому не дают покоя тоталитарные режимы, могут отождествлять его с Лениным и Сталиным, но, как и в предыдущем случае, им также не стоит жаловаться на притягательность этого образа. Я же лично предпочитаю верить Булгакову, говорившему, что «у Воланда никаких прототипов нет»⁸¹, и рассматривать Воланда как образ надмирной силы, не творящей ни добра, ни зла в чистом виде. Вернее, не творящей ничего ради добра и зла в чистом виде. Ибо любое вмешательство в ход любых событий есть добро и зло одновременно.

Что есть добро? Если существует Творец этого мира, именуемый нами Богом, то даже он не может сотворить добро, не посеяв одновременно зло⁸². Собственно, само присутствие зла в мире уже свидетельствует об этом. Любое сотворение добра есть вмешательство в процесс развития и выбор некоторой новой реальности взамен существующей. Любое добро куется на чьей-то голове⁸³. Если мы посмотрим на людскую жизнь с горних высот, то ее можно уподобить бесконечно ветвящемуся процессу, в каждый момент можно выбрать точку переключения на другую реальность, но зачем? Ведь при этом бесконечное число человеческих существ, долженствующих появиться в старой реальности, неминуемо обрекаются не просто на гибель, но на **нерождение**, то есть непоявление на свет. Это будет совершенно новый мир, а старый погибнет без следа. Может быть, и хорошо дать рождение новому миру, но справедливо ли истреблять старый?

Не было бы революции 1917 года, не было бы и романа «Мастер и Маргарита», и нас самих, и диакона Кураева – была бы совсем другая жизнь и совсем другие люди. Поэтому личное невмешательство Иешуа в земные дела, а равно и определенное безразличие Воланда к результатам своих действий не вызывает у меня никакого удивления. От бесплодного стремления к сотворению добра в чистом виде съедет крыша и у Бога и у Дьявола. Причем у Бога в большей степени, ибо Дьяволу-то к злу не привыкать...

Если человек действительно наделен свободой выбора, то даже Бог не в состоянии изменить естественный ход вещей, иначе человек просто автомат. В своем развитии человечество должно пройти определенные этапы. Например, простое уничтожение рабовладельцев не означало бы конец рабовладельческого строя – их место тут же заняли бы

⁷⁶ Дневник Елены Булгаковой, запись от 13.05.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 146.

⁷⁷ Там же, запись от 17.05.1937, с. 148.

⁷⁸ Некоторые полагают, что жизнь – это не противостояние и не двуединство Добра и Зла, а борьба Зла с еще большим Злом.

⁷⁹ Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст-1978. – М.: Наука, 1978, с. 206.

⁸⁰ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 194.

⁸¹ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 112.

⁸² «<...> всякий д е л а ю щ и й всегда порождает и то и другое – и благо и зло. Один только – больше блага, другой – больше зла» [Солженицын А. И. Раковый корпус // Не стоит село без праведника: Повести и рассказы. – М.: Кн. палата, 1990, с. 67].

⁸³ «– Сверхразум – это сверхдобро <...> Что такое добро – мы знаем, да и то не очень твердо. А вот что такое сверхдобро... <...>

– Никто не считает, будто Странники стремятся причинить землянам зло. Это действительно чрезвычайно маловероятно. Другого мы боимся, другого! Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как они его понимают!» [Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер. Собор. соч.: В 10 т. Т. 10. – М.: Текст, 1994, с. 266].

новые. В самом же Новом Завете заложено это понимание инерционности природы человека. Если Бог Старого Завета постоянно активно вмешивался в людскую жизнь, пытаясь изменить человеческую природу наказаниями и истреблением непокорных, то Бог Нового Завета ведет себя значительно разумнее. Оставляя за собой конечный Суд, Он не ввязывается в бесконечные и бесплодные текущие дразги.

Как отмечает Б. Соколов⁸⁴, «Сатана в булгаковском романе – слуга Га-Ноцри «по такого рода комиссиям, к которым Высшая Святость не может <...> непосредственно прикоснуться». Недаром Воланд замечает Левию Матвею: «Мне ничего не трудно сделать». Высокий этический идеал Иешуа можно сохранить только в надмирности, в земной жизни гениального Мастера от гибели могут спасти только сатана и его свита, этим идеалом в своих действиях не связанные. Человек творческий, каким является Мастер (подобно гетевскому Фаусту), всегда принадлежит не только Богу, но и дьяволу». «Сатана в булгаковском романе к христианству относится уважительно, не борется с ним, а выполняет те функции, которые Иешуа и его ученику выполнять нельзя, почему и поручаются они потусторонним силам. По отношению к Мастеру и Маргарите Воланд и его свита ведут себя благородно и вполне галантно». Возразить против сказанного трудно, за исключением одного: «слугой Га-Ноцри» Воланд никоим образом **не является**. В ранних редакциях романа Воланд действительно подчинен Иешуа, но в окончательной редакции Булгаков «<...> отходит от первоначальной идеи подчиненности «царства тьмы» «царству света» и делает их, по крайней мере, равновеликими»⁸⁵.

Несомненная притягательность образа Воланда вынудила Александра Меня предположить, что «<...> в лице Воланда Булгаков (подобно Лермонтову) изобразил вовсе не дьявола. Это лишь маска. Вспомните заключительный эпизод полета. Писатель взял старинный сюжет «чудесного посещения», прихода на землю существ из иных миров. Сталкивая пришельцев из иных измерений с людьми, писатель получает возможность дать оценку всему обществу. Заметьте, что Воланд руководствуется нравственными принципами отнюдь не «дьявольскими» и в этом стоит выше людей, которых он посетил...»⁸⁶.

К сожалению Меня, так же как и Кураев, пытался примирить непримиримое и завуалировать нехристианскую концепцию романа приемлемой для него трактовкой, хотя, в отличие от Кураева, прочтение булгаковского романа Менем не мешает читателю при желании восхищаться Воландом и Иешуа. Но текст романа, письма, дневники и другие документы Булгакова и его друзей и близких однозначно свидетельствуют, что роман писался именно о Христе и Дьяволе: «Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших убеждал в том, что дьявола не существует. **Этот несуществующий и сидел на кровати**»⁸⁷.

Воланд именно тот, кого люди именуют Сатана, Дьявол, Люцифер или как кому еще угодно. Но именно именуют, а не лично сам конкретный дьявол какой-то конкретной религии. Кстати, поэтичное имя Люцифер (лат. *Lucifer*, буквально – «**светоносный**»), традиционно используемое в христианстве как синоним Сатаны, означает «**дающий свет**»⁸⁸. Этим же словом ранее называли «**утреннюю звезду**» – планету Венеру, видимую перед восходом Солнца⁸⁹.

В романе Иешуа и Воланд являются реальными представителями высших сил, управляющих миром, а не вымышленными (в рамках романа) персонажами христианской мифологии, прообразами которых они явились. Иешуа еще можно соотносить с евангельским Иисусом, но Воланд не имеет совершенно ничего общего со злобным мифическим христианским дьяволом. Поэтому бессмысленно приписывать Воланду отрицательные черты, воплощенные в христианской концепции Князя Тьмы.

Я не могу сказать, что меня восхищает образ Воланда. Восхищает то, чему можешь следовать, но нельзя следовать ни Богу, ни Дьяволу – это выше человеческих сил. Скорее, можно

⁸⁴ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 194, 196.

⁸⁵ Лосев В. И. Закатный роман. Предисловие к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – М.: Вече, 2006, с. 16.

⁸⁶ Меня А., *протоиерей*. Трудный путь к диалогу. – М.: Радуга, 1992, с. 89–90.

⁸⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 579.

⁸⁸ Я вижу здесь несомненную аналогию с давшим огонь Прометеем, также восставшим против власти верховного божества.

⁸⁹ В христианстве образ утренней звезды парадоксально пересекается и с образом Христа, который сам именуется себя: «Я есмь корень и потомок Давида, **звезда светлая и утренняя**» (Откр. 22:16).

сказать, что этот образ потрясает; я бы не отказался от возможности задать ему некоторые вечные вопросы о Бытии, хотя заранее могу предположить, что его ответы я бы просто не сумел понять. Мои вопросы наверняка не имели бы смысла с его точки зрения, а по-другому я бы их сформулировать просто не смог. Ведь чтобы правильно задать вопрос, нужно знать хотя бы часть ответа...

С ведомством Иешуа Булгаков связал Свет. Разумеется, под светом здесь подразумевается отнюдь не полное отсутствие темноты, как нам пытаются внушить Кураев, а только светлые начала, заложенные в человеке. Темные же стороны человечества достались ведомству Воланда, поэтому, условно говоря, его можно назвать ведомством Тьмы. Области работы света и тьмы в романе не пересекаются, по словам Воланда: **«Каждое ведомство должно заниматься своими делами»**⁹⁰. Но что же эти ведомства несут в мир? Добро или Зло, или и то и другое? Недалекий и глуповатый Левий Матвей явно полагает, что Свет – это добро, а Тьма – зло. Однако никаких реальных оснований для такого вывода роман не дает. Если ведомство Иешуа еще можно условно назвать ведомством Добра, при полной неясности, какое же именно добро оно творит, то под юрисдикцию ведомства Воланда только подпадают творящие зло, но само оно сотворением его в чистом виде (зло ради зла) не занимается. В сущности говоря, функции ведомства Воланда аналогичны функциям обычных спецслужб. Такие ведомства проклинает на словах любое общество, но на деле никогда не отказывается от них. Даже эвакуация Воландом Мастера и Маргариты с Земли к месту покоя более всего похожа на практикуемую в США программу «защиты свидетелей» – мнимая смерть и возможность продолжить бытие в новом месте, в новом образе и с чистыми документами.

Ведомство Иешуа олицетворяет собою абстрактное милосердие – **«все люди добрые»**, – а ведомство Воланда – беспристрастную справедливость: **«Все будет правильно, на этом построен мир»**⁹¹, – говорит Воланд в финале романа. Воланд – наследник традиций Ветхого Завета, предписывающего беспристрастное, безэмоциональное воздаяние человеку сообразно с грехами его. Люди для него изначально греховны и сотканы из недостатков: **«<...> они – люди как люди. Любят деньги <...> Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди...»**⁹². Иешуа же своей эмоциональной нравственной максимой **«все люди добрые»** утверждает, что человек изначально содержит в себе добро: **«<...> злых людей нет на свете»**⁹³. Иешуа хочет открыть миру новую этическую категорию милосердия и любви. Его этика перекликается с отдельными заповедями Нового Завета, например: **«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас»** (Иоан. 15:12). Именно всепрощающее милосердие Иешуа, проповедуемые им любовь и сострадание противопоставлены в романе холодной, жестокой справедливости Воланда, логике заслуженного наказания. Награждение Мастера и Маргариты покоем одновременно сострадание и милосердие со стороны Иешуа и беспристрастная справедливость со стороны Воланда.

Но проповедь абстрактного милосердия не находит в романе истинных последователей. Иешуа одинок в своих устремлениях. Уже его ближайший ученик Левий не прочь разобраться с конкурентами и окончательно покончить со **«злом и тенями»**. Это же «доброе» желание он испытывал и в прошлой жизни, говоря Пилату, что с его стороны будет такая борьба добра со злом, **«что крови еще будет»**⁹⁴. Но зло, как явление, нельзя уничтожить встречным злом, ибо оно возродится опять, как феникс из пепла, а «добрых» способов уничтожения зла в мире не существует. Любое зло есть следствие определенных причин, и его можно ликвидировать только уничтожив эти причины и заставив его самоустраниться, иначе круг зла никогда не разомкнется.

Так что же плохого в том, что православные читатели создадут для себя собственное «православное» истолкование романа Булгакова? Разве многозначность литературных творений не позволяет, чтобы каждый читатель находил в них что-то близкое именно ему? Разумеется, позволяет, и этим-то и интересна художественная литература, что вместо сообщения сухих фактов порождает внутренние образы и целые миры в нашем сознании, свои для каждого читателя. Но одно дело – личностные особенности восприятия образов героев и сюжета, и совсем

⁹⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 610.

⁹¹ Там же, с. 708.

⁹² Там же, с. 453.

⁹³ Там же, с. 355.

⁹⁴ Там же, с. 656.

другое дело – сознательное искажение замысла и общей творческой концепции автора, перелицовка и выворачивание происходящего наизнанку, представление его в кривом зеркале для создания нужного эффекта. Например, можно по-разному, вплоть до полярно противоположных оценок, относиться к героям любимого многими фильма «Ирония судьбы, или с легким паром» и, соответственно, к самому фильму, принимая или не принимая его в свою душу. Но какую ценность может иметь утверждение представителя какого-нибудь антиалкогольного общества, что фильм якобы создавался режиссером с целью обличения пьянства на Руси и отношение автора к собственным героям резко отрицательное? Возможно, это и поможет какому-то ограниченному кругу людей, имеющих большие проблемы с алкоголем, но только ценой их оболванивания и внедрения ложных истин в их сознание.

Может ли не сказаться в жизни и деятельности человека приученность смотреть на определенные вещи и явления через кривое стекло?⁹⁵ Ведь именно так в истории христианства и появлялись личности, пытавшие и убивавшие инакомыслящих во имя, как им казалось, любви к Богу. Такая выучка не проходит бесследно ни для христианина, ни для атеиста. Оглянитесь на представителей старшего поколения, пораженных осколками кривого зеркала идеологии ВКП(б)-КПСС. Не только от промытости мозгов поражают иногда они нас своими суждениями, но в первую очередь оттого, что на мир они по-прежнему смотрят через все то же привычное кривое стекло, искажающее реальную перспективу. Как тут не вспомнить добрую старушку, от щедрости души своей притащившую к костру Яна Гуса охапку хвороста, и его возглас с горькой усмешкой: «*O sancta simplicitas!*»⁹⁶ За ее будущее он боролся, она же по темноте и недомыслию своему искренне стремилась усугубить его мучения.

Через такое же кривое стекло – тяжкое наследие впитанного с молоком матери непримиримого вульгарного атеизма, – которое при перековке Кураева в религиозного ортодокса только изменило один знак кривизны на другой, судит диакон о романе Булгакова. Но горячий интерес Кураева к перетолковыванию в христианском духе наследия Булгакова вызван отнюдь не мнимой кощунственностью романа «Мастер и Маргарита». Какая кощунственность? Роман кощунственен не более, чем Коран или учение Будды! Более того, не стоит забывать, что это не изложение религиозного учения, а всего лишь художественный роман, да еще фантастический. *Das ist fantastisch!*

Сколько есть гораздо более неприятных для православия книг. Например, «Евангелие» от Льва Толстого⁹⁷, «Евангелие от Аффания» Кирилла Еськова⁹⁸ или вдохновившая Дэна Брауна на пресловутый «Код да Винчи» книга «Святая Кровь и Святой Грааль»⁹⁹. В них с принципиально различных позиций, но весьма последовательно и аргументированно, дается альтернативное толкование различных догматов христианства, в том числе и воскресения Христа. Причем их авторы именно полемизируют в своих рассуждениях с каноническим текстом Нового Завета, а не просто создают свою художественную версию евангельских событий. Но Кураев сражается именно с «Мастером и Маргаритой». В чем же причина? – В том, что в своей «агрессивной миссионерской» деятельности диакон Кураев использует стратегию опоры на авторитет популярных явлений культуры. Подтверждение этому можно найти в его интервью и статьях о способах привлечения молодежи в церковь через рок-музыку и Гарри Поттера. Например, по мнению диакона: «Обращение Кинчева в православие и его свидетельство о нашей вере значат в сто раз больше, чем сто моих лекций»¹⁰⁰.

В миссионерском пылу Кураев порой опрометчиво пренебрегает непреложной истиной «неполиткорректности»: «Хорош только мертвый индеец». Учение Маркса было всеильно в руках большевиков не потому, что оно было верно, а потому, что его можно было легко, как флюгер, развернуть в любую нужную сторону, при полном непротивлении Маркса. По этой же

⁹⁵ «Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить, что в комплект входят еще узда и кнут» (Лец Станислав).

⁹⁶ «O святая простота! (*лат.*) – По преданию, эту фразу произнес Ян Гус (1371-1415), идеолог церковной реформации в Чехии, когда какая-то благочестивая старушка во время его сожжения как еретика по приговору Констанцкого церковного собора <...> подбросила в костер охапку хвороста» [Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2003, с. 88].

⁹⁷ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich

⁹⁸ Еськов К. Евангелие от Аффания. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 288 с.

⁹⁹ Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г. Святая Кровь и Святой Грааль. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 496 с.

¹⁰⁰ Дьякон Андрей Кураев и лидер группы «Алиса» завершили на Урале «битву за молодежь» // Религия и общество. 2003, 24 ноября. – http://www.newsru.com/religy/24nov2003/kk_print.html

причине вот уже две тысячи лет успешно тянется в разные стороны и когда-то изреченное его основателями учение Христа. Но проделывать этот трюк с живыми современниками весьма неосмотрительно. Несколько лет назад диакон состряпал «эффективное миссионерское оружие» из фильма Камерона «Титаник», нагрузив его «высокими евангельскими смыслами», «которые были чужды» Камерону¹⁰¹, и сильно промахнулся. Теперь Камерон, не посоветовавшись с Кураевым, снял фильм о найденной в Иерусалиме могиле Иисуса, в которой захоронены: «Иисус, сын Иосифа», «Иосиф», две «Марии», «Матфей» и «Иуда, сын Иисуса». И «уловленные» диаконом души всполошились: «Что-то этот Кэмеронище оказался неблагонадежен. А помнится, о. Андрей Кураев на его «Титанике» основывал целые богословские выкладки – довольно любопытные. Но, видимо, Кэмерон всеяден – всем готов угодить»¹⁰².

Какой действенный результат промывки мозгов! Обвинение во «всеядности» высказано в отношении Камерона, в то время как «всеяден», и не скрывает этого, сам Кураев. Каким соловьем разливался диакон, рассказывая, что в фильме Камерона он увидел «наличие <...> прочной, хотя и почти невоспринимаемой религиозной нити. <...> религиозная линия фильма <...> незаметна для поверхностного зрителя. Последние кадры фильма призывают именно к религиозной расшифровке. Свою религиозную идею они несут прямо к подсознанию обычного зрителя, но они же очевидно обращены к профессиональному разуму тех, кто владеет языком религиоведения». Профессионально переводя нам с этого возвышенного языка, Кураев вдохновенно пел, что «морские глубины, «сердце моря» на языке психоанализа и мифологии – это символ женского начала. Вода способна вынашивать в себе жизнь. Но для этого ее покой должен быть нарушен вторжением в ее податливые, аморфные глубины мужского начала – светлого и твердого»¹⁰³.

Что является высшим воплощением любого начала, ответит даже первоклассник. Но мы промолчим, так как нас могут читать дети. Подчеркнем только, с каким знанием дела сказаны эти добрые напутственные слова, ведь без «светлого и твердого» действительно немислимо «большое и светлое». Как бы возвышенно мы о нем ни рассуждали, но все мы немножко материалисты, как говаривал Ленин. Попадись бывшему любимому класснику диакона на глаза глубокие философские рассуждения Кураева, он, несомненно, воскликнул бы: «Однозначно, батенька, твөг’дого, это аг’хиважно! Но можно и чег’ного, если большого».

И вот то ли злопыхатели подсунули статью диакона под нос Камерону, то ли религиозная нить оказалась не так уж и прочна, как привиделось Кураеву, но новый фильм Камерона оказался диакону не по душе и не по зубам. Если когда-нибудь и Джоан Роулинг вздумает более четко определиться с отношением Гарри Поттера к религии, или Кинчев с Шевчуком «просветлятся» иным образом, я Кураеву не позавидую¹⁰⁴.

После «Титаника» и поттерианы, вдохновившись успехами на рок-фронте¹⁰⁵, Кураев вознамерился охватить своей агитацией не только молодых поклонников рока и Гарри Поттера,

¹⁰¹ Кураев А., диакон. Фильм о «Титанике»: взгляд богослова.

¹⁰² «Останки» Христа. Комментарии. –

http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=113&Itemid

¹⁰³ Поэтическое толкование диакона позволяет нам глубже осознать смысл слов известной песни: «Зачем, зачем, со мной ты повстречался? Зачем нарушил мой покой?»

¹⁰⁴ Недавно Джоан Роулинг объявила, что целью написания серии книг о Гарри Поттере была пропаганда терпимости среди юной аудитории и шокировала поклонников неожиданной новостью о самом мудром чародее магического мира: профессор Дамблдор был геем и испытывал нежные чувства к магу Геллерту Гриндельвальду [«Джоан Роулинг: Дамблдор – гей», 21 октября 2007. – <http://www.podrobnosti.ua/culture/literature/2007/10/21/466548.html>]. Как видим, наш Акела опять промахнулся. ☺

¹⁰⁵ Преуспев с обращением Шевчука и Кинчева, диакон все же обломался на БГ, и с досады пригвоздил его к позорному столбу: «У человека **стеклянные глаза**. Кажется, он нашел столь вожделенную им нирвану, и теперь **рядом с ним лучше уже не стоять**. И хотя личного опыта работы с ним у меня нет, но есть личная претензия к нему, связанная с песней «Город золотой». Дивная песня, к написанию которой БГ не имеет ни малейшего отношения. Мелодию (для лютни) еще в XVI веке написал Франческо да Милано. Стихи в начале 70-х годов XX века сочинил Анри Волохонский. Впервые их соединил рок-музыкант Алексей Хвостенко. Гребенщиков же, взяв чужую вещь, испоганил эту песню в самом буквальном смысле этого слова. Испоганить значит объязычить. В оригинале первая строчка звучит: «Над небом голубым есть город золотой», а у него – «Под небом голубым...». Это уже язычество, когда святыня оказывается под видимым небом, то есть всецело в рамках этого мира. Первоначально эта песня, довольно точно воспроизводящая текст Апокалипсиса (см.: Откр. 21), называлась «Рай» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер]. Не являясь рьяным фанатом БГ, все же справедливости ради замечу, что Шекспир тоже не стеснялся использовать чужие творения. Если Гребенщиков действительно «испоганил эту песню», то почему же она так широко известна и любима именно в его дивной интерпретации?

но и всю российскую интеллигенцию, для которой роман Булгакова с момента своего появления имеет культовое значение. Пользуясь тем, что Булгаков, так же как и другие жертвы миссионерского хобби диакона, не подозревал, что его творчество могут заставить «поддерживать» чуждые ему идеи¹⁰⁶, Кураев ничтоже сумняшеся «сделал предмет для христианских проповедей» из книги «Мастер и Маргарита».

Разумеется, вполне нравственно поддерживать свои убеждения созвучными им местами из произведений великих писателей, даже если их взгляды и философия в корне отличны от ваших собственных убеждений. Любое великое произведение всегда несет в мир, прежде всего, то разумное, доброе и вечное, что всегда содержится в любой позитивной философии или религии. Но безнравственно любой ценой, вопреки истине, исказить произведение автора под свои личные запросы и приписывать писателю свои собственные убеждения, с целью привлечения к ним возможно большего числа людей. Про подобных «исследователей» творчества Булгакова еще в девяностых годах прошлого века писал выдающийся русский композитор Георгий Свиридов¹⁰⁷: «**Дети тех, кто сжил со свету Михаила Булгакова, теперь ставят Булгакова, пишут о Булгакове, <...> причем ставят на свой лад, переделывая Булгакова, перелицовывая его, меняя смысл его книг на противоположный. Христос – у Булгакова – недосыгаем в своем страдании и в своем величии. <...> Идиоты и сознательные антихристиане уродуют, корежат, извращают книгу Булгакова. Приспосабливают ее для проповеди своих идей, диаметрально противоположных идеям Булгакова.**»

В чем цель Кураева? – Под видом научного исследования романа Булгакова, обкорнать его содержание на прокрустовом ложе его ортодоксальных христианских воззрений о жизни и литературе, оскотить его так, чтобы полученное кушанье мог переварить самый слабый православный желудок. Живое дерево романа Булгакова диакон хочет запихнуть в узкую темную каморку своего миропонимания, и для этого, не колеблясь, не только произвольно изгибает живые ветки, но и напрочь отрывает их, отламывает и верхушку и корень. Никакие прижизненные гонители Булгакова не сравнятся с Кураевым. При жизни Булгакова его творчество «злбно гнали», чтобы закрыть ему путь к читателю. Сегодня же Кураев воздвигает барьер непосредственно перед глазами читателей, перелицовывая творение писателя в «**такое прочтение <читай искажение – С. Ц.> булгаковского романа**», которое не имеет ничего общего с оригинальным авторским замыслом. И не приходит в голову диакона простая мысль, что

Чтобы умерить вселенскую скорбь диакона, замечу что, во-первых, изначально рай располагался именно под небом, то есть в рамках нашего мира (Быт. 2:8-10). Во-вторых, приписываемое Франческо да Милано произведение за пределами России никому не известно. Специалисты по лютневой музыке категорически опровергают саму возможность авторства известного композитора, поскольку собственно лютневой музыкой оно не является. В полном собрании произведений Франческо да Милано «The Lute Music of Francesco Canova da Milano (1497-1543)», редактор - Arthur J. Ness., изданном Гарвардским университетом в 1970 г., в издательстве Cambridge (штат Массачусетс) данное произведение отсутствует. Нет его и в Ватиканской библиотеке, в архиве которой должна была бережно храниться каждая строчка, написанная папским лютистом. В чем же дело? – В том, что данная мелодия создана только в XX веке и ее автором является не Франческо да Милано, а русский гитарист Владимир Вавилов. В 1970 году он записал на Всесоюзной фирме звукозаписи «Мелодия» знаменитую пластинку «Лютневая музыка XVI-XVII веков». Но на самом деле, на этом диске только одно произведение – «Зеленые рукава» – относилось к эпохе Возрождения, а **все остальное** – включая искомое произведение, названное на диске «Канцона» – было написано самим Вавиловым. По словам его дочери: «**Отец был уверен, что сочинения безвестного самоучки с банальной фамилией «Вавилов» никогда не издадут. Но он очень хотел, чтобы его музыка стала известна. Это было ему гораздо важнее, чем известность его фамилии...**» [Зеев Гейзель. История одной Песни. – http://www.israbard.net/israbard/pressview.php?press_id=1049809438]. «Авторство он выбирал, похоже, произвольно, без всякой попытки связать с особенностью творчества реальных композиторов – справедливо (как выяснилось впоследствии) полагая, что мало кто это заметит...». (http://abc-guitar.narod.ru/pages/v_vavilov.htm)

Но главное, речь в песне идет вовсе не о христианском рае. Анри (Андрей) Гиршевич Волохонский воспроизводил не текст Апокалипсиса, а текст книги пророка Йехезкиэля (Иезекииля в Ветхом Завете): «**Слова моей песни, разумеется, навеяны чтением Йехезкиэля**» [Зеев Гейзель. История одной Песни]. Поскольку авторские права на книгу пророка Йехезкиэля принадлежат иудеям, а не христианам, возмущение Кураева в точности повторяет прекрасную сцену из фильма «Айвенго», в которой Ревекка перед казнью читает псалмы царя Давида, а один из монахов, услышав это, возмущается: «**Какая наглость! Она читает НАШИ псалмы!**» На что другой замечает: «**Вообще говоря, до того как эти псалмы стали нашими – они уже были ЕЕ...**»

¹⁰⁶ Думаю, тут уместно будет процитировать слова самого Кураева из обсуждаемой нами работы: «**Самая сильнодействующая ложь – ложь, замешанная на правде**». Хотя вряд ли диакон подозревал, что из его высказывания можно сделать предмет для проповеди общечеловеческой, а не миссионерской морали.

¹⁰⁷ Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 284.

искажение им смысла произведения автора под свои личные запросы не только безнравственно, но и **кощунственно**, особенно по отношению к творческому наследию умершего человека, который уже не может сказать слово в свою защиту¹⁰⁸. Не нравятся мысли автора – не читай, не рекомендуешь их для христианского чтения – не рекомендую, но искажать не смей!

Приемы Кураева те же, что и у прочих любителей подобных сочинений. Не зря у него столько ссылок на другого рьяного ниспровергателя истин – Альфреда Баркова¹⁰⁹. Оба они пишут одинаково – плетут многословную велеречивую паучью сеть, двусмысленно толкуя и выворачивая наизнанку любой известный факт. Причем каждое полученное таким образом спорное предположение при последующем выводе используется ими уже как незыблемый факт. Любое из их толкований легко оспорить в отдельности, но, вываленные в совокупности на неподготовленного или слишком доверчивого читателя, они могут показаться достаточно серьезным исследованием.

В искусстве казуистики диакон истинный сын иудейской и христианской церковей, схоластически объясняющих любовную лирику Песни песней царя Соломона **«иносказательным изображением отношения Иеговы к Его народу; это мистическое толкование перешло в христианскую Церковь и удержалось до нашего времени, опираясь на «великую тайну» любви Христовой к Церкви... В отношении пастушки к царю верующие видят переживания сердца, рвущагося к небесному Жениху и то теряющаго Его, то вновь находящаго»**¹¹⁰.

Столь же варварски Кураев препарирует живую ткань романа «Мастер и Маргарита», полностью выхолащивая из нее смысл, заложенный автором. Особенно трогательно видеть, как при этом Кураев ссылается на Баркова, как на солидный источник, хотя спорность «труда» Баркова ничуть не меньше спорности собственного «труда» диакона. Как можно ссылаться на источник, выводы которого полностью противоречат собственному толкованию? Если Воланд – Ленин, а Мастер – Горький, то при чем тут вообще христианство?! Стремление Кураева увидеть религиозный смысл там, где и следа его нет, напоминает старый анекдот:

«Психиатр показывает больному тест Рошара, и спрашивает: – О чем Вы думаете, глядя на эту картинку?

Больной: – О голой бабе!

Врач: Почему?

Больной: – А я только о ней и думаю!»

И Барков, и Кураев чисто механически, произвольно разъединяют неделимое произведение Булгакова на составные части и, переанализировав-переделав-перетолковав каждую из них в отдельности, соединяют их вновь, но уже в нечто уродливое и страшное. Когда вывод делается после многословных пространных рассуждений и цитат, оценить его достоверность намного сложнее, нежели если рассуждение краткое и четкое. Много воды обычно льют, когда или сказать нечего, или хотят увести в сторону от истины. В этом они неоригинальны. Который год их неутомимые собратья анализируют тайну улыбки Джоконды

¹⁰⁸ Интересно, что в отношении перетолковывания прохристианских книг диакон Кураев занимает совершенно противоположную позицию: ««Властелин колец» ориентирован на читателей, которые хорошо помнили основные сюжеты Библии. Но затем эта книга попала в руки к советским варварам, которые не могли понять ее библейские намеки. И язычники начали спекулировать на христианской книге. **Некая сволочь по кличке «Ник Перумов»** даже переписала книгу Толкиена с откровенно сатанинскими акцентами»; «<...> **мерзавцы типа Ника Перумова** <...> совершенно сознательно стали сатанизировать мир Толкиена» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер]. Эпитеты «сволочь» и «сатанинскими» оставим на совести просвещенного профессора Свято-Тихоновского Православного Института. Спасибо еще, что литературным власовцем по старой атеистической привычке не обозвал! Но подчеркнем, что Перумов Толкиена не переписывал и не перетолковывал, – это сознательная ложь со стороны Кураева! Перумов просто использовал для своих романов Вселенную Толкиена и написал книгу «Кольцо тьмы» – свободное продолжение «Властелина колец» с другими героями. Можно ли сказать, что это дурно? Думаю, нет, ибо он не искажал смысл собственных произведений Толкиена. А вот Кураев, в отличие от Перумова, именно спекулирует и паразитирует на авторских текстах, перетолковывая и искажая их смысл с откровенно христианскими акцентами. Что же мешает ему, по примеру Перумова, написать свободное продолжение к «Мастеру и Маргарите» и показать райскую жизнь своего любимого персонажа Никанора Босого в Царстве Света? Только одно: в отличие от Ника Перумова, Кураев сам не может творить; поэтому и нуждается он в творческой мощи Булгакова.

¹⁰⁹ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

¹¹⁰ Библейский спутник. – Приложение к Библии [Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические]. – Стокгольм, 5-е изд., И. Геце и Институт перевода Библии, 1988, с. 21.

великого Леонардо да Винчи. Одни приписывают ее загадочность кривым зубам натурщицы, другие тяжелейшему заболеванию – «Мона Лиза больна бруксизмом»¹¹¹. Признаки тяжелейшей формы бруксизма они без особого труда распознают на портрете Джоконды по крепко сжатым вытянутым в тонкую линию губам и измененному контуру глаз. Из многочисленного ряда прочих шестнадцати приписываемых бедной женщине болезней упомяну только болезнь Паркинсона, глухоту, олигофрению и алкоголизм¹¹². Маргарите, пожалуй, еще и повезло: хоть гинекологи и стоматологи в ней не копаются. А вот Воланду пришлось хуже: и Барков, и вторящий ему Кураев уверенно диагностируют у него сифилис (видимо, в мужском организме они разбираются лучше, чем в женском).

Всем авторам подобных «исследований» я бы настоятельно рекомендовал провести небольшой эксперимент: вдумчиво прочитайте любой справочник с описанием каких-либо болезней, лучше всего психических или, на худой конец, желудочных, выпишите те, признаки которых они находят у себя, и серьезно задуматься, что им ближе – чужое произведение искусства или собственный организм.

И Барков, и Кураев увлеченно роятся в черновых редакциях романа, не понимая, что в творческую лабораторию автора нужно заглядывать с душевным трепетом, а не с хамским вождением папарацци. За 12 лет творческий замысел Булгакова претерпел кардинальные изменения, и многие страницы черновики описывают совсем других героев. Нельзя анализировать произведения искусства и литературы только под микроскопом, уподобляясь слепым, спорящим о том, что такое слон. Нужно идти от общего впечатления, от постижения общего замысла автора к частному, но не наоборот! Художник наносит мазки на свою картину, добываясь именно общего впечатления, и никакой из них сам по себе не играет определяющей роли – имеет значение только его место в общей картине; поэтому анализировать частности изолированно от общего бессмысленно, если, конечно, вы не стремитесь получить какой-либо наперед заданный результат. Если из общей картины не ясно, какое «здание» сложено автором из «кирпичей», то изучение его отдельных «кирпичиков» под микроскопом не поможет постигнуть художественный замысел произведения.

Серьезное исследование не может руководствоваться заранее заданной целью, как это имеет место у Баркова и Кураева. Поклонникам их «исследований» я, прежде всего, хотел бы сказать, что «мастером» Булгаков именует не только своего героя в романе «Мастер и Маргарита», но и своего Мольера. Но главное не это. Обратите внимание, по воле случая роман, и это, возможно, беспрецедентный случай в истории литературы, содержит одновременно два авторских окончания из двух разных авторских редакций. В первом из них, за 10 месяцев до смерти, Булгаков снял последний абзац, а предыдущий, заканчивавшийся словами: «**А прогнать меня ты уже не сумеешь**», – дополнил словами: «**Беречь твой сон буду я**». После чего, взамен снятого абзаца, продиктовал эпилог. Однако, когда вдова писателя Елена Сергеевна Булгакова готовила роман к печати, она не нашла в себе силы расстаться со ставшими настолько дорогими ее сердцу строками и в нарушение авторской воли восстановила их в окончательной редакции романа¹¹³. Вот они: «**Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к их вечному дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресение сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат**»¹¹⁴. Чем же могли быть ей так дороги эти строки, вопреки изысканиям барковых и кураевых? – Только одним – ее любовью к Булгакову: в них она сама отпускала своего «**бедного и окровавленного мастера**», который «**нигде не хотел умирать – ни дома и ни вне дома!**»¹¹⁵

Здесь, в принципе, можно было бы поставить точку. Ведь нелепо же серьезно разбирать «психотерапевтические» потуги диакона на то, чтобы «**сделать предмет для христианских**

¹¹¹ Болезнь характеризуется неуправляемым сжатием челюстей и скрежетанием зубами во время сна или стрессов.

¹¹² Результаты диспансеризации Моны Лизы. – <http://www.nomad.su/?a=8-200301180016>

¹¹³ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 749.

¹¹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 710.

¹¹⁵ Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 9.

проповедей» из «Мастера и Маргариты». Но выхода нет, не ровен час, еще и в школьные учебники вставят изучение его занимательного богословия усердные друзья-чиновники, так что придется нам все же опуститься до уровня средней семинаристской логики Кураева и шагнуть за ее пределы.

Особо хочу остановиться на моем личном отношении к диакону Кураеву. Возможно, многих читателей покорабят проявления мною неуважения к оппоненту. Ведь каждый вправе иметь и высказывать свое собственное мнение о любом литературном произведении. Оценки и восприятие разнятся даже у профессиональных литературных критиков, и это еще не повод накидываться на чужое мнение с издевкой. Однако этот моральный принцип, очевидно, не должен распространяться на случаи, когда имеет место прямой подлог и обман со стороны пишущего. Но именно последнее в избытке содержится в рассматриваемом труде диакона. Когда я приступил к детальному изучению упоминаемых Кураевым исторических сведений и цитируемых им литературных источников, то обнаружил, что многие сведения просто вымышлены, а остальные не просто истолкованы по своему разумению, а именно намеренно искажены и подогнаны под нужный диакону результат, являясь откровенной ложью.

На форуме своего миссионерского портала Кураев запретил «Хулить Святого Духа, Христа и Божию Матерь, Таинства Церкви, публиковать неуважительные высказывания на эту тему», а также использовать «грубые» и «неуважительные выражения». Однако, обсуждая чужие взгляды и произведения, он не считает нужным и для себя придерживаться столь же разумных правил. Направо и налево хулит Кураев все, что лично ему не нравится, начиная с наследия Рерихов и заканчивая героями романа Михаила Булгакова. В своем труде благочестивый диакон исключительно незаслуженно оскорбил их и вылил на них ушаты грязи: Мастер у него «иуда», Маргарита – «блудливая ведьма», Иешуа – «шмыгающий носом», «заискивающий» и не вызывающий уважения персонаж. Ни сам автор – Михаил Булгаков, ни его герои уже не могут защитить себя, и это дало мне моральное право, защищая их достоинство и честь, отнести к Кураеву столь же неуважительно, как и он к ним, ибо «пепел Клааса стучал в мое сердце».

Хотя религия ныне отделена от государства и является только одной из возможных форм выбора свободы вероисповедания в светском обществе, в своих многочисленных работах диакон открыто плюет в лицо всем, кто не придерживается православных традиций. Для него они только «бездомные образованцы», «сатанисты» и «отморозки». Хотелось бы знать, не подпадают ли бранные слова диакона под ограничения свободы слова, установленные ст. 29 Конституции РФ: «<...> не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства»¹¹⁶.

Не получив нормального классического православного и светского образования, Кураев, по его же собственному признанию, не знает языков, но вместо того, чтобы заняться их изучением, предпочитает изучать оккультные науки, чтобы бороться с идейными противниками. Не лучше обстоит у него дело и с пониманием искусства: «Кураеву просто не дано <...> понять, что же такое искусство и – главное – чем оно отличается от других форм духовной деятельности человека»¹¹⁷. Даже великую культуру Древней Греции и Рима Кураев уподобляет только «языческим портянкам»¹¹⁸. Именно о подобном отношении к античной культуре Гете сказал: «<...> мелкая душонка, даже ежедневно общаясь с величием античного духа, не станет менее мелкой»¹¹⁹.

Познания диакона, безусловно, обширны, плюс отличная память и хорошо подвешенный язык, но в ряду всплывших на поверхность мутной воды при крушении советской власти одиозных фигур он для меня занимает место где-то рядом с Кашпировским и Чумаком. Отдавая должное их выдающимся суггестивным способностям, я, тем не менее, не приемлю то, что свою бурную деятельность эти «душеуловители» ориентируют, в первую очередь, на «нищих духом».

Рубрикация основных разделов моей работы совпадает с рубрикой работы Кураева. При этом в каждом разделе труда диакона мною выделены и рассмотрены все основные,

¹¹⁶ Российская юридическая энциклопедия. Светское государство. – М.: Изд. Дом ИНФРА-М, 1999, с. 876.

¹¹⁷ Чудакова М. «Бодрости от Воланда требовать не обязательно». –

<http://www.knigoboz.ru/news/news3165.html>

¹¹⁸ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹¹⁹ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 509.

существенные для полемики тезисные цитаты, критике и разбору которых и посвящена моя книга. Чисто религиозные тезисы, сформулированные диаконом в ходе сопутствующих его «анализу» проповедей христианства, я, как правило, не рассматриваю, так как обсуждение христианских ценностей не являлось целью моей работы. Догматы христианства я обсуждаю только если сам Кураев использует их в качестве аргументов в своих рассуждениях.

В своей работе я не ставил перед собой какую-то заранее намеченную цель, а просто анализировал публикации открытой печати за последние 20 лет и делал выводы. Я не пытался любой ценой доказать, что Булгаков был безбожником. Для меня такие вещи совершенно не принципиальны. Мне не важно, является ли сам писатель носителем божественного начала или же он верит, что это божественное начало существует объективно и независимо от его мнения об этом. Сам я не религиозен, но среди моих любимых писателей и режиссеров есть и атеисты, и горячо и искренне верующие. Есть ли Бог, нет ли Его, мы в равной степени доказать не можем, но вера в Бога **ЕСТЬ** и ею порожден широчайший пласт мировой культуры – начиная от древних мифов и сказаний и заканчивая современными монотеистическими религиями – игнорировать или отрицать его просто нелепо. Возможно, и Булгаков имел какой-то личный образ Бога в своей душе, но, как мы убедимся, к православию, как верующий, он был совершенно равнодушен.

Помимо собственно рецензируемого труда диакона – ««Мастер и Маргарита»: за Христа или против?» – http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=select&id=1, – в моей работе приведены ссылки на следующие публикации Кураева в Интернете (при цитировании оставлена в неприкосновенности оригинальная орфография диакона со всеми многочисленными ошибками)¹²⁰:

1. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне». – http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=7
2. Не-американский миссионер. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=fileinfo&id=13
3. Как делают антисемитом, 1-е изд. – <http://www.zagorsk.ru/duhovn/kuraev/>
4. Как делают антисемитом, 2-е доп. изд. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=fileinfo&id=7
5. Простите за ложную тревогу. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=41&Itemid=38
6. О нашем поражении. Дают ли на Украине печать антихриста. – http://dl.biblion.realin.ru/text/13_Diakon_Andrej_Kuraev/Kuraev/KNIGI_Kuraeva/O_nashem_porazhenii/cods2.htm
7. Почему московский ураган разрушал храмы? – http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=38
8. Христианство на пределе истории. О нашем поражении. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=select&id=1&orderby=2&page=2
9. Оккультизм в православии: Александр Мень: потерявшийся миссионер. – http://dl.biblion.realin.ru/text/13_Diakon_Andrej_Kuraev/Kuraev/KNIGI_Kuraeva/Okkultizm_v_pravoslavii/b2men.htm
10. Работу инквизитора я считаю достойным видом трудовой деятельности. – <http://arnaut-katalan.narod.ru/kuraev42.html>
11. Уроки сектоведения. В 2 т. Т. 1. Как узнать секту (на примере рериховского движения). – http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=select&id=1&orderby=2&page=2
12. Церковь в мире людей. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=fileinfo&id=19
13. Фильм о «Титанике»: взгляд богослова. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=63&Itemid=38
14. Я – инквизитор-хоббит. – Интервью. Консерватор № 20, 07.02.2003. – <http://arnaut-katalan.narod.ru/kuraev26.html>

¹²⁰ Некоторые публикации цитируются по первому варианту их издания.

15. Седьмое доказательство, или зачем ангелам нужны люди. – Интервью газете «Труд», № 98, 02.06.2005 – <http://arnaut-katalan.narod.ru/kuraev81.html>
16. Атеизм как таковой – это просто отрицание чужой святости, 25 ноября 2005 г. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/60215.html>
17. Интервью порталу «Интерфакс-Религия» в связи с выходом фильма «Код да Винчи», 21.05.2006. – <http://www.interfax-religion.ru/?act=interview&div=84>
18. Встреча с атеистом. Век 21. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=112&Itemid
19. Спор двух Академий. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=143&Itemid

Основополагающими источниками моей работы являются следующие книги¹²¹:

1. Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита». Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989. – 750 с.
2. Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – 537 с.
3. Булгаков М. А. Князь тьмы. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 800 с.
4. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 750 с.
5. Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997. – 640 с.
6. Дневник Елены Булгаковой¹²² / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Книжная палата, 1990. – 400 с.
7. Статьи и комментарии исследователя творчества Михаила Булгакова, литературоведа и текстолога Лидии Яновской, подготовившей в 1989 г. первое полное издание последней редакции романа.
8. Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988. – 496 с.¹²³
9. Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003. – 606 с.

Обсуждая текст романа «Мастер и Маргарита», необходимо учитывать, что сегодня сложилось совершенно парадоксальное положение, когда роман одновременно издается в двух разных авторских редакциях. Это объясняется следующими обстоятельствами. Первое полное издание романа в 1973 г. было напечатано не с последней прижизненной редакции, а с предпоследней, так как часть рукописей и других материалов в архиве Булгакова оказалась то ли расхищена, то ли уничтожена. Позже последняя прижизненная редакция была восстановлена по тексту, подготовленному Е. С. Булгаковой для журнальной публикации, с восстановлением всех цензурных сокращений и пропусков, а также с новой сверкой по всем сохранившимся авторским текстам. К сожалению, перепечатки издания 1973 г. продолжают выходить и в настоящее время, вводя в заблуждение читателей преамбулой *«Текст печатается в последней прижизненной редакции»*.

Чтобы понять остроту вопроса, достаточно сравнить несовпадения текстов в начале романа. В издании 1973 г. и его перепечатках он начинается словами: *«Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе»*¹²⁴. В последней же прижизненной редакции, подготовленной Е. С. Булгаковой в 1940 г. с учетом всех продиктованных писателем

¹²¹ Использование мною трех различных изданий черновых редакций связано исключительно с доступностью для меня той или иной книги в период работы с материалом.

¹²² Вторая редакция, подготовленная в 60-е годы. Приводя записи в порядок, Елена Сергеевна *«заметно правила дневники стилистически. Иногда уточняла, даже изменяла оценки, глядясь в прошлое из опыта прожитой жизни. И особенно тщательно опускала то, что считала сугубо личным»* [Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 6].

¹²³ Кураев никак это не оговаривая, везде ссылается на 2-е дополненное издание того же года: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. – 669 с.

¹²⁴ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. Мастер и Маргарита. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 123.

изменений¹²⁵, роман начинается словами: «В час жаркого **весеннего** заката на Патриарших прудах **появилось двое граждан**. Первый из них – **приблизительно сорокалетний**, одетый в **серенькую летнюю** пару, – был маленького роста, **темноволос**, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а **аккуратно выбритое лицо** его **украшали** сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе»¹²⁶. Многочисленные разночтения, выделенные жирным шрифтом, не оставляют сомнения, что во втором случае перед нами более поздняя редакция, слог которой явно более отточен.

Еще пример практически полного несовпадения текстов. В редакции 1973 г. в 13 главе Мастер рассказывает Ивану: «Настали совершенно безрадостные дни. Роман был написан, больше делать было нечего, и мы оба жили тем, что сидели на коврике на полу у печки и смотрели в огонь. Впрочем, теперь мы больше расставались, чем раньше. Она стала уходить гулять»¹²⁷. В последней прижизненной редакции текст имеет вид: «Настали безрадостные осенние дни, – продолжал гость, – чудовищная неудача с этим романом как бы вынула у меня часть души. По существу говоря, мне больше нечего было делать, и жил я от свидания к свиданию. И вот в это время случилось что-то со мною. Черт знает что, в чем Стравинский, наверно, давно уже разобрался»¹²⁸.

Хорошо известно трепетное отношение Елены Сергеевны к рукописям Булгакова. При жизни писателя она не успела внести все намеченные им правки в рукопись романа, и «после его смерти она уже никаких, даже самых малых и необходимых изменений непосредственно в рукопись не вносила. (Так же, как оставила навсегда высохнуть последние капли чернил в его чернильнице и недогоревшую свечу с застывшей капелькой стеарина на его подсвечнике.) В подготовленном ею для печати тексте романа все исправления учтены»¹²⁹.

Разумеется, сводя вместе разрозненные многочисленные многослойные переделки и вставки, из которых порой одни отменяли другие, Елена Сергеевна вносила неизбежные незначительные редакторские правки. Но в приведенных выше случаях или нужно допустить невозможное, что Елена Сергеевна взяла на себя смелость с неизвестной нам целью переписать роман, или же твердо признать, что перед нами более поздняя редакция этих строк.

Как пишет о выявленных разночтениях Л. Яновская¹³⁰: «<...> выяснилось, что собственно «последней прижизненной редакции» романа в архиве нет; что ряд рукописей, а именно последняя тетрадь, заполнявшаяся в январе-феврале 1940 г. (Елена Сергеевна называла ее «вторая тетрадь»), отдельные листы, в том числе, вероятно, машинописные, записи и поправки, которыми пользовалась Е. С. Булгакова, готовя роман к печати, после ее смерти утрачены, и местонахождение их неизвестно; что в 1973 г., при подготовке первого полного издания романа, издательству «Художественная литература» была предоставлена хранителями архива в качестве «последней редакции» романа фактически редакция предпоследняя».

Я понимаю, что сложившееся с публикацией текста романа положение может быть связано и с имущественными правами на печать указанных редакций, но, на мой взгляд, данная ситуация требует незамедлительного разрешения. Огромными тиражами продолжают издаваться перепечатки издания 1973 г. (даже в собраниях сочинений!), а этого не заслужили ни читатели, ни, особенно, сам автор романа – Михаил Булгаков.

Заклячая данное введение, считаю своим приятным долгом выразить сердечную благодарность музею «Булгаковский Дом» за размещение моей работы на сайте «Булгаковского Дома», а также исполнительному директору музея «Булгаковский Дом» Роману Ерыкалову за критические замечания, позволившие существенно улучшить качество изложения материала.

¹²⁵ Машинописная копия данной редакции найдена исследователями в конце 80-х годов в архиве друга и биографа писателя П. С. Попова [Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный Мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». – М.: Вагриус, 2006, с. 1000].

¹²⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 334.

¹²⁷ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. Мастер и Маргарита. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 254.

¹²⁸ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 472.

¹²⁹ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 747.

¹³⁰ Там же, с. 735.

1. Кураев. Предисловие

«<...> церковным проповедникам стоит с крайней осторожностью выходить за пределы своей богословской компетенции, давая оценку и толкования тем или иным событиям, происходящим во внецерковном мире, в мире экономики и политики, культуры и технологии. Хотя тревога со штрих-кодами оказалась ложной, но судьбы–то наши «старцы» ломали людям всерьез<...>»

Диакон Кураев¹³¹

«На научном же уровне с подобными вещами даже трудно спорить – как трудно спорить с бредом наркомана. Ложь запустить легко. Догнать ее трудно».

Диакон Кураев¹³²

*«Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?»*

Анна Ахматова¹³³

Заметим, что в упомянутой в эпиграфе истории со штрих-кодами «всерьез» ломали судьбы людям в первую очередь не святые старцы, а именно сам диакон Кураев, поскольку его проповеди и книги охватывают несравненно более широкий круг верующих. Потому-то и просит Кураев прощения за «ложную тревогу»: «<...> считаю своим долгом попросить прощения у моих слушателей и читателей за то, что **вводил в заблуждение**, будучи сам обманут недостоверной информацией, **не потрудившись проверить ее** у специалистов не-богословов. <...> Из этой неприятной истории мне все же представляется возможным извлечь пользу. Ведь на ошибках – учатся»¹³⁴.

Разумеется, из новых изданий своих трудов диакон всю разоблаченную «недостоверную информацию» аккуратно вычищает. Но благодаря Интернету мы можем посмотреть, как именно Кураев «вводил в заблуждение» своих слушателей и читателей в вопросе об идентификационных кодах:

«Украинское государство, потеряв независимость, решило пожесточе контролировать жизнь своих граждан. Потеряв способность сопротивляться западно-американскому влиянию даже в мелочах, оно все же пробует придать себе образ сурово-властного владыки, который намерен вести строгий учет и контроль в своих владениях».

«И вот оказывается, что украинское государство пожелало имя каждого своего гражданина переложить на компьютерный язык таким образом, чтобы к имени каждого из них приставить три шестерки».

«<...> видишь кругом все возрастающее число строенных шестерок – радуйся тому, что тебя открыто предупреждают: чья ныне власть, и к чему она хочет привести народ».

«<...> в Советском Союзе Украина могла влиять на политику Москвы. Более того – во многих сферах именно выходцы с Украины управляли жизнью всей огромной советской империи. А вот повлиять на политику Вашингтона «независимая» Украина уж никак не может – даже в мелочах. Украине даже не позволили хотя бы для внутреннего пользования разработать свою систему компьютерных кодировок, в которых не было бы тех трех шестерок...»¹³⁵.

Ну что тут сказать?.. За версту несет средневековьем, хотя писано недавно и человеком, закончившим МГУ. Но не идет диакону впрок ученье на своих ошибках, и вот, попав впросак с идентификационными кодами, он снова рвется в бой «за пределы своей богословской компетенции <...> ломать <...> всерьез» души и судьбы почитателям творчества Булгакова. Ну что ж, посмотрим критически на достоверность его новых «оценок и толкований».

¹³¹ Кураев А., диакон. Простите за ложную тревогу.

¹³² Кураев А., диакон. Интервью порталу «Интерфакс-Религия» в связи с выходом фильма «Код да Винчи», 21.05.2006.

¹³³ Ахматова А. Из заветной тетради // Реквием: Стихи русских советских поэтов. – М.: Современник, 1989, с. 53.

¹³⁴ Кураев А., диакон. Простите за ложную тревогу.

¹³⁵ Кураев А., диакон. О нашем поражении. Дают ли на Украине печать антихриста.

1.1. Сразу скажу: так называемые «пилатовы главы» «Мастера и Маргариты» кощунственны. Это неинтересно даже обсуждать. Достаточно сказать, что Иешуа булгаковского романа умирает с именем Понтия Пилата на устах, в то время как Иисус Евангелия – с именем Отца.

И примечание

«– Славь великодушного игемона! – торжественно шепнул он и тихонько кольнул Иешуа в сердце. Тот дрогнул, шепнул: – Игемон... Кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла». В черновике 1928-31 годов: «Иешуа же вымолвил, обвисая на растянутых сухожилиях: – Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр».

Сразу скажем, что старательно навязываемый Кураевым термин «пилатовы главы» является личным вкладом диакона в булгаковедение; ни сам Булгаков, ни тем более исследователи его творчества этот термин не применяли и не применяют. Обычно эти главы называются просто «древние».

Можно ли сказать, что роман Булгакова более оскорбителен для православия, чем существование католицизма, протестантизма, англиканства, иудаизма, ислама, индуизма, буддизма и других религиозных учений? Неужели, следуя Кураеву, нужно объявить кощунственным все, что не совпадает с догматами православия? В этом случае кощунственны Коран, иудаизм, учение Будды, да и вся христианская Церковь в целом, ибо даже ее отдельные конфессии взаимно противоположно толкуют различные основополагающие догматы христианства, например, *филиокве*¹³⁶. По существу, придется признать кощунственными все религиозные учения без исключения, то есть и само православие, ибо каждую религию можно объявить оскорбительной для приверженцев иных религий.

Булгаков далеко не первый писатель, использующий евангельский сюжет, как в русской, так и в мировой литературе. Роман написан им не с целью ревизии Нового Завета или поношения одного и не имеет ни малейшего отношения к оскорблению религиозных святынь. Разве для прихожан православной церкви не приемлемы произведения Гоголя и Гофмана или народные и литературные сказки? Разве они считают кощунством, что в сказочных произведениях животные могут разговаривать, если на это способен только венец творения, созданный по образу и подобию божиему?

Обвинение Кураевым древних глав в кощунственности напоминает обвинение советской цензуры в адрес булгаковского «Мольера», что воображаемый рассказчик, от лица которого ведется повествование, не марксист, и что исторические события освещены под неправильным углом зрения, поэтому роман следует переделать и вместо рассказчика поставить «серьезного советского историка»¹³⁷. По логике диакона, в данном случае «ошибка» Булгакова состояла в том, что он не взял в соавторы-консультанты какого-нибудь «серьезного православного теолога».

Приведенная Кураевым цитата из романа, где распятый Иешуа, получив смертельный укол копьем, вздрагивает и, в ответ на обращенную к нему фразу, машинально повторяет ее последнее слово «Игемон», никак не может рассматриваться как славословие Пилата и смерть с его именем на устах. Между художественным романом и Евангелием существует принципиальная разница. Евангелие скорее можно уподобить театральной пьесе, где и грим на лицах наносится резко и грубо, чтобы из зала было видно, и реплики по аналогичной причине произносятся неестественно громко. Стиль Евангелия требует четкого акцента каждого произнесенного слова. Романский же стиль, наоборот, придает не меньшее значение подтексту и даже предполагает затушевывание происходящего, избегая не присущей реальной жизни грубой театральной картинности изображаемого.

Чтобы понять, как двигалась в разработке обсуждаемого эпизода мысль автора, обратимся к ранним версиям романа. Заодно нам представится великолепный случай сразу показать нашему читателю творческую кухню диакона, на которой он готовит свои острые блюда. Как

¹³⁶ Исходит ли Святой Дух только от Отца, или же «и от Сына» (лат. «filioque»).

¹³⁷ Яновская Л. Комментарии к роману «Жизнь господина де Мольера» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 724.

известно, любимый рецепт таких поваров состоит в произвольной выдирке цитат из контекста и последующей их нарезке и смешении по вкусу в нужных пропорциях, в чем мы сейчас и убедимся.

Кураев пишет, что в ранней редакции 1928-1929 гг. Иешуа умер со словами: «Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр». Давайте посмотрим, что в действительности написано у Булгакова¹³⁸:

«Иешуа же вымолвил, обвисая на растянутых сухожилиях:

– Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр...

Глаза его стали мутнеть. В этот миг с левого креста послышалось:

– <...> Упроси центуриона, чтоб и мне хоть голени-то перебили... И мне сладко умереть... Эх не услышит... Помер!..

Но Иешуа еще не умер. Он развел веки, голову повернул в сторону просящего:

– Скорее проси, – хрипло сказал он, – и за другого, а иначе не сделаю...

Проситель метнулся, сколько позволяли гвозди, и вскричал:

– Да! Да! И его! Не забудь!

Тут Иешуа совсем разлепил глаза, и левый бандит увидел в них свет.

– Обещаю, что прискачет сейчас. Потерпи, **сейчас оба пойдете за мною**, – молвил Иисус...

<...> Он обвис совсем, голова его завалилась набок, еще раз он потянул в себя последний земной воздух, произнес уже совсем слабо:

– **Тетелеостай**¹³⁹, – и умер».

В более поздней редакции 1934-1936 гг. написано, что «<...> Ешуа, у которого бежала по боку узкой струей кровь, вдруг обвис, изменился в лице и произнес одно слово по-гречески, но его уже не расслышали»¹⁴⁰.

Если мы теперь, как рекомендует нам Кураев, сверимся с евангельскими версиями, то обнаружим, что описание Булгаковым последних слов Иисуса в точности следует Евангелию от Иоанна: «Когда же Иисус вкусил укуса, сказал: **совершилось!** И, преклонив главу, предал дух» (Иоан. 19:30).

Для особо сомневающихся приведем этот же стих по-гречески: «□□□ □□□ □□□□□□ □□ □□□□ □□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□ □□□□□□ □□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□». Думаю, даже не владеющие этим изысканным языком сумеют разобрать в нем искомое «булгаковское» слово «Тетелеостай».

Изначальный замысел писателя еще глубже отражает опубликованный Чудаковой более ранний сохранившийся фрагмент из самой первой, уничтоженной Булгаковым редакции романа (б.1, л. 42 об.)¹⁴¹:

«и бормотал, уже пу[тая разные язык]и:

[– ...] ... Отец... О, Pater ... [... –

Потом втянул в] себя последний [земной воздух, голову] повесил на грудь и [умер]».

Эти слова Иешуа, несомненно, восходят к Евангелию от Луки (23:46):

«Иисус, возгласив громким голосом, сказал: **Отче!** в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух».

Таким образом, в ранних редакциях романа, булгаковский Иешуа умирает с теми же словами на устах, что и Иисус из Евангелий от Луки и от Иоанна. При этом его предсмертное обращение к «Отцу» свидетельствует, что в черновых редакциях Иешуа знал свое божественное происхождение. А слово «совершилось», означающее исполнение всех библейских пророчеств(!), указывает, что в черновых редакциях Иешуа, так же как и его евангельский прототип, знал свое предназначение; знал, что его земной путь завершится именно на Голгофе. Заметим также, что в этих же ранних версиях Булгаков называет Иешуа также и Иисусом, и, в том числе, Иисусом из Назарета¹⁴².

¹³⁸ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 49.

¹³⁹ Свершилось (греч.)

¹⁴⁰ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 241.

¹⁴¹ Чудакова М. О. Опыт реконструкции текста М. А. Булгакова // ПКНО 1977. – М.: Наука, 1977, с. 103.

¹⁴² В «Копыте инженера» Пилат при вынесении приговора именуется Иешуа «*Jesus Nazarenus*» [Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 47].

А теперь задумайтесь: **возможно ли, что Кураев просто не дочитал сцену распятия Иешуа до конца?** Мог ли он не обратить внимания, что **в цитируемой им ранней редакции Иешуа не умирает сразу, а еще ведет беседу с разбойником и более того, умирает с возгласом Христа из Евангелия от Иоанна: «Свершилось», а не со словами «... Пилат... ты добр»?** Очевидно, что такая невнимательность совершенно невозможна. Но удивляться не стоит. Именно на таких беспринципных приемах подтасовки, передергивания и умолчания построена вся риторика диакона в рассматриваемой работе, без малейшего исключения.

Характерно, что Булгаков, первоначально использовавший одно из трех синоптических евангелий, в итоге обратился именно к Евангелию от Иоанна. Причину этого преломления художественной концепции романа можно найти в книге известного русского писателя, поэта и мыслителя Дмитрия Сергеевича Мережковского «Иисус Неизвестный». Как пишет Мережковский¹⁴³: «Верно – может быть, вернее Синоптиков, – угадывает Иоанн, чего *хотел* Иисус. Что он *делал*, мы узнаем от Марка, что *говорил* – от Матфея; что *чувствовал* – от Луки; а чего *хотел* – от Иоанна, и, конечно, самое первичное, подлинное – в этом – в воле. Вот почему Иоанн возвращает нас <...> к наиболее *исторически-подлинному* Иисусу <...>». Булгаков писал не историческую хронику, а свободно переосмысливающий традиционные евангельские сюжеты роман, и его интересовало в первую очередь не то, что делал, говорил и чувствовал Иисус, а именно то, чего он **хотел**. Поэтому при описании евангельских событий Булгаков взял за основу именно Евангелие от Иоанна, естественно, в своей вольной авторской трактовке и сообразно со своими творческими идеями. Заметим также, что Иоанн – единственный евангелист, не использующий слово «апостол» (ἄγγελος – посланец, греч.) и говорящий просто об учениках.

В процессе последующей работы над романом Булгаков смягчил и затушевал все слишком явные параллели с каноническим текстом: «**Правка за счет беспощадных сокращений, движение к лаконичности и обобщенности характерны для доработок и переработок Булгаковым в основном законченных произведений**»¹⁴⁴. Тем не менее, и в последней редакции романа содержится много общего как с апокрифическими, так и с каноническими евангельскими текстами. Вот наиболее заметные из них, не считая общего следования евангельскому сюжету (арест по доносу Иуды, получившего 30 сребренников; суд Пилата; распятие на Голгофе и т.п.):

Некоторые параллельные места древних глав и Нового Завета

Роман «Мастер и Маргарита» ¹⁴⁵	Новый Завет
«... однако послушав меня, он <Левий Матвей > стал смягчаться, <...> наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать ...» (с. 351).	«Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея , и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним » (Матф. 9:9).
«– Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины . Сказал так, чтобы было понятнее» (с. 352).	«19 Иисус сказал им в ответ: разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его . <...> 21 А Он говорил о храме тела Своего » (Иоан. 2).
Пилат: «Что такое истина?» (с. 352).	«Пилат сказал Ему: что есть истина?» (Иоан. 18.38).
«<...> верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле , сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некому пророку?» (с. 354).	Иисус въехал в Иерусалим на осле со стороны Вифании, Виффагии и Елеонской горы (Матф. 21, Марк. 11, Лук. 19, Иоан. 12), где и были расположены Сузские ворота ¹⁴⁶ : «Иисус же, нашед молодого осла , сел на него, как написано» (Иоан. 12:14); «А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской , все

¹⁴³ Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный. – М.: Республика, 1996, с. 52.

¹⁴⁴ Яновская Л. Комментарии к дневнику Елены Булгаковой // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 360.

¹⁴⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989. – 750 с.

¹⁴⁶ Сузские ворота – Шаар а-Шошан, о которых упоминается в Мишне: «На восточных воротах был нарисован план столичного города Сузы. Через эти ворота первосвященник, который сжигал рыжую телицу, и с телицей, и со всем необходимым выходил к Елеонской горе» [Мишна, Миддот, 1:3].

	множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они» (Лук. 19:37).
«Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы: – Я могу перерезать этот волосок. – И в этом ты ошибаешься, – светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, – согласишься, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?» (с. 354).	«10 Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? 11 Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; » (Иоан. 19).
«<...> игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел » (с. 356).	«С этого [времени] Пилат искал отпустить Его <...>» (Иоан. 19:12); «Пилат сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке» (Лук. 23:4).
«<...> очень явственно слышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества... »» (с. 357).	«<...> Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю » (Иоан. 19:12).
«–Первосвященник, повтори в третий раз. – И в третий раз сообщаю, что освобождаем Вар-раввана, – тихо сказал Каифа» (с. 363).	«Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпущу» (Лук. 23:22).
« Солнце исчезло , не дойдя до моря, в котором тонуло ежевечерне» (с. 506); « Настала полутьма , и молнии бороздили черное небо» (с. 509).	«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого;» (Матф. 27:45).
«– Пей! – сказал палач, и пропитанная водою губка на конце копья поднялась к губам Иешуа» (с. 508).	«Тут стоял сосуд, полный уксуса. [Воины], напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его» (Иоан. 19:29).
К смертной казни одновременно с Иешуа приговариваются трое разбойников ¹⁴⁷ : Дисмас, Гестас и Вар-равван , но Вар-раввана отпускают на свободу, вопреки предложению Пилата отпустить Иешуа (с. 368).	«Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву. Варавва же был разбойник» (Иоан. 18:40).
«– А скажите... напиток им давали перед повешением на столбы? – Да. Но он, – тут гость закрыл глаза, – отказался его выпить » (с. 631).	«дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить » (Матф. 27:34).
Пилат читает в пергаменте Левия: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл... » (с. 655).	«И показал мне чистую реку воды жизни , светлую, как кристалл <...>» (Откр. 22:1).
Пилат поручает Афранию имитировать возвращение Иудой полученных им за предательство « тридцати тетрадрахм » (с. 642) нанявшим его первосвященникам: «<...> деньги, полученные за предательство, подбросить первосвященнику с запиской: « Возвращаю проклятые деньги! » (с. 634).	«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам <...>» (Матф.27:3).

¹⁴⁷ Имена двух казненных вместе с Иисусом разбойников – Дисмас и Гестас – взяты Булгаковым из апокрифического Евангелия от Никодима [Евангелие Никодима: акты Пилата и сошествие во ад. Биб-ка Якова Кротова. – http://www.krotov.info/acts/01/joseph/apok_37.html].

Итак, вопреки утверждениям Кураева о том, что Иешуа не имеет ничего общего с евангельским Иисусом Христом и умирает с именем Пилата на устах, под Иешуа у Булгакова изначально понимается именно тот самый евангельский Иисус Христос, с единственной оговоркой, что Иисус Булгакова – не Сын Божий, а самый обычный человек, проповедующий любовь к людям и отнюдь не жаждущий быть распятым за свое учение. Когда ему развязывают руки, он **«с наслаждением»** потирает **«измятую и опухшую багровую кисть руки»**¹⁴⁸. Он **ХОЧЕТ ЖИТЬ** и не стремится быть распятым!

Цель Булгакова – не переосмысление Нового Завета и создание собственного Евангелия. Булгаков писал художественный роман, и его волновало не соответствие создаваемого им образа Иисуса каноническим текстам, а вечные истины, которые сокрыты в любых сюжетах¹⁴⁹. Строгое следование евангельскому канону просто разрушило бы всю художественную концепцию задуманного им романа.

В отрицании божественной природы Христа Булгаков не был первопроходцем. Этим же занимался, очищая учение Христа от позднейших наслоений, и глубоко уважаемый Булгаковым Лев Толстой¹⁵⁰:

«Читатель должен помнить, что Иисус никогда сам не писал никакой книги, как Платон, Филон или Марк Аврелий, даже не как Сократ передавал свое учение грамотным и образованным людям, а говорил толпе безграмотных; и что только долго после его смерти люди стали записывать то, что слышали о нем.

Читатель должен помнить, что таких записок было очень много различных, из которых церкви выбрали сначала три, потом и еще одно евангелие, что, выбирая эти наилучшие Евангелия, церкви, по пословице «не выберешь дубинки без кривинки», должны были захватить в том, что они вырезали из своей огромной литературы о Христе, и много кривинки, что **много есть мест в канонических Евангелиях столь же плохих, как и в отвергнутых апокрифических.**

Читатель должен помнить, что **священно может быть учение Христа, но никак не может быть священно известное количество стихов и букв**, и не могут сделаться священными стихи отсюда и досюда только потому, что люди скажут, что они священны.

Кроме того, читатель должен помнить, что эти отобранные Евангелия – все-таки дело тысяч разных умов и рук человеческих, что они отбирались, прибавлялись и толковались веками, что все дошедшие до нас Евангелия IV-го века писаны слитным письмом, без знаков и потому и после IV-го и V-го веков подлежали самым разнообразным чтением, и что таких **разночтений евангельских книг насчитывают до пятидесяти тысяч.**

Все это должен помнить читатель, чтобы не сбиться на тот привычный нам взгляд, что Евангелия, как они понимаются теперь, так точно и пришли к нам от святого духа.

Читатель должен помнить, что не только не предосудительно откидывать из Евангелий ненужные места, освещать одни другими, но, напротив того, неразумно не делать этого, а считать известное число стихов и букв священными. <...>

Я искал ответа на вопрос жизни, а не на богословский вопрос или исторический, и потому для меня главный вопрос не в том, Бог или не Бог был Иисус Христос, и от кого исшел Святой Дух и т.п.; одинаково не важно и не нужно знать, когда и кем написано какое евангелие и какая притча может или не может быть приписана Христу. **Мне важен тот свет, который освещает 1800 лет человечество**, и освещал и освещает меня; а как назвать источник этого света, и какие материалы его, и кем зажжен, – мне все равно».

Последний абзац нашего пространного цитирования Льва Толстого ясно указывает свет истины, которой руководствовался Булгаков. Как отмечает И. Бэлза¹⁵¹, «автор романа не

¹⁴⁸ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с 353.

¹⁴⁹ Борхес пишет: «Историй всего четыре. Одна, самая старая – об укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои. <...> Вторая история, связанная с первой, – о возвращении. <...> Третья история – о поиске. Можно считать ее вариантом предыдущей. <...> Последняя история – о самоубийстве бога <...>. Историй всего четыре. И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их – в том или ином виде» [Борхес Х. Л. Четыре цикла. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1989, с. 280-281].

¹⁵⁰ Толстой Л. Н. Евангелие. Перевод и изложение Л. Н. Толстого с его примечаниями. Предисловие автора. – <http://noveslovo.info/other.php?view=books&c=6&id=10&read=all#1>

¹⁵¹ Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст–1978. – М.: Наука, 1978, с. 158.

сомневался в историчности как Иисуса, так и Пилата, но не сомневался и в том, что все четыре евангелия изобилуют позднейшими наслоениями, в особенности касающимися «чудес». Поэтому в романе ничего не говорится ни о непорочном зачатии, ни об исцелениях и воскрешениях, ни о воскресении Иешуа Га-Ноцри, т. е. Иисуса из Назарета. И даже «шествие на осляти», слух о котором дошел до Пилата, вызывает удивленную реплику допрашиваемого им узника: «У меня и осла-то никакого нет, игемон». Об этом же пишет и Б. Соколов¹⁵²: «Булгаков <...> стремился очистить Евангелия от недостоверных, по его мнению, событий» и «<...> пытался очистить первичные данные Евангелий от позднейших мифологических наслоений». Поэтому он убрал из романа все чудеса, описанные им первоначально в черновиках¹⁵³. От редакции к редакции снимал Булгаков с Иешуа ореол божественности, проявляя в нем человека.

Как подчеркивает Л. Яновская, в своей трактовке образа Иешуа-Иисуса Булгаков опирался на реальные исследования самых различных авторов. Так, его место рождения – Гамалу – он «<...> нашел в книге А. Барбюса «Иисус против Христа». На русском языке книга вышла в 1928 году, но в руки Булгакова попала в 1938 или 1939-м. Сделал из книги Барбюса две выписки: «Я думаю, что в действительности кто-то прошел – малоизвестный еврейский пророк, который проповедовал и был распят» (подчеркнуто Булгаковым). И, озаглавив (и подчеркнув красным) так: «Гамала», выписал следующее: «...заставили Даниеля Массе указать на город Гамалу как на место рождения...». Имя Даниеля Массе выписал отдельно, вероятно предполагая разыскать его книгу, но, может быть, и разыскивать не стал...»¹⁵⁴.

1.2. <...> разум всегда приводит лишь в ту точку, в которой ты назначаешь ему свидание.

На русском языке это называется подгонка фактов под заранее заданную гипотезу. Ценность таких изысканий, как правило, равна нулю, что мы собственно и видим на примере работы Кураева. В советское время подобный метод широко использовался при расчетах пресловутых экономических эффектов.

Диакон вольно толкует¹⁵⁵ слова Экзюпери «логика приводит туда, где назначаешь ей свидание», не вникая в смысл контекста, в котором они относятся не к созидательной, а к мертвенной, бездушной, схоластической логике ненависти: «Я творю, я созидаю царство, где всех вдохновляет поэзия, но наступает час, приходят логики и принимаются размышлять. Они ищут, что может угрожать поэзии, и обнаруживают, что грозит им ее противоположность – проза, словно есть на свете противоположности!.. Следом появляются жандармы, любовь к стихам им заменяет ненависть к прозе, они уже не любят, а ненавидят. Будто истребление олив равнозначно возвращению кедра. Жандармы отправят в застенки музыканта, ваятеля, астронома, подчинившись пустым словам, ветру слов, слабому дрожанию воздуха. С этой минуты царство мое обречено на гибель, ибо рубить оливы, уничтожить запах роз не значит выращивать кедры. Пробуди в душе твоего народа любовь к фрегату, она соберет усердных со всех концов твоего царства и преобразит их в паруса. Ты захотел сделать паруса из преследования, выслеживания, из уничтожения несогласных. **Все, что не фрегат, сделалось врагом фрегата, ибо логика приводит туда, где назначаешь ей свидание. Ты принял очищать свой народ, ты вынужден будешь его уничтожить, ибо окажется: каждый кроме фрегата любит и еще что-то.** Больше того, ты уничтожишь сам фрегат <...>»¹⁵⁶.

1.3. Я полюбил эту книгу, когда она еще не входила в школьную программу. И мог страницами цитировать ее по памяти. Даже спустя пятнадцать лет после прочтения,

¹⁵² Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 534, 539.

¹⁵³ «В первой редакции Мастера и Маргариты излагалась история Вероники – вдовы, исцеленной Иешуа, а потом подавшей ему на пути к месту казни свой платок» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 540].

¹⁵⁴ Лидия Яновская. Горизонталы и вертикалы Ершалаима. – <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/3/ianov.html>

¹⁵⁵ В книге «Окультизм в православии: Александр Мень: потерявшийся миссионер» Кураев приводит точную цитату и ссылку на Экзюпери (<http://www.kuraev.ru/b2men.html>). Здесь он, видимо, решил, что его вариант имеет более глубокий смысл и ссылка уже не обязательна, ведь приятнее от своего имени умную вещь сказать.

¹⁵⁶ Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. – Рига: Полярис, 1997, с. 291.

впервые оказавшись в Иерусалиме, я смотрел на Город через булгаковские стихи (язык не поворачивается назвать прозой его описание грозы над Ершалаимом). Иначе было просто невозможно: я стоял на вершине Масленичной горы; внизу был Город, а с запада, (но не сверху, а вровень с глазами) надвигалась гроза. Ну как тут было не вспомнить: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях...».

Свои «любимые» ранее строки диакон теперь называет «кощунственными пилатовыми главами» и Евангелием от Сатаны. Если это действительно Евангелие от Сатаны, то как может священнослужитель восхищаться его «стихами»? Впрочем, мышление Кураева весьма хаотично и непоследовательно.

1.4. Может ли христианин не возмущаться этой книгой?

Да, если он не возмущается Кораном и учением Будды и способен спокойно воспринимать тот незыблемый факт, что на вкус и цвет товарищей нет и в мире есть не только верующие других конфессий и религий, но и, не к ночи будь сказано, совсем неверующие.

1.5. Возможно ли такое прочтение булгаковского романа, при котором читатель не обязан восхищаться Воландом и Иешуа, при этом восхищаясь романом в целом? Воланд – оппонент автора или резонер, которому доверено озвучивать авторскую позицию? Возможно ли такое прочтение романа, при котором автор был бы отделён от Воланда?

Возможно любое прочтение романа, не противоречащее логике и здравому смыслу. Читатель вовсе не обязан восхищаться героями романа, независимо от своего отношения к роману в целом, и может придавать роману иной смысл, вопреки замыслу автора. Например, Дон Кихот создавался Сервантесом всего лишь как пародия на рыцарский роман, но мы его воспринимаем сейчас в совершенно ином качестве. Однако это новое звучание гениального творения Сервантеса совершенно не связано с разгадкой какой-то истинной авторской позиции, и крайне неразумно было бы сейчас приписывать ее Сервантесу задним числом. Искажать собственную трактовку автором своего творения для подкрепления его авторитетом желаемого альтернативного прочтения романа попросту безнравственно.

Отыскивать возможность приемлемого для Кураева прочтения романа, не оскорбляющего его религиозное целомудрие, настолько же ценно, как искать, возможна ли такая форма любовных отношений, при которой стороны не стремятся к физическому удовлетворению, а только обеспечивают продолжение рода. Понятно, что возможна, но при чем же здесь любовь или, в данном случае, Булгаков? Советы Кураева по восприятию верующими романа Булгакова по духовной глубине подобны совету английской королевы дочери по поводу брачной ночи: «Закрой глаза и думай об Англии». Но у принцессы хотя бы есть долг перед страной. А какой может быть долг в чтении книг с зашоренными глазами? Не проще ли просто не читать их?

Возможно произвольное толкование любого текста на принципах Каббалы, но при чем же здесь христианская религия, которая до Кураева не зацикливалась на поисках тайного смысла написанного текста? Например, православный критик Михаил Дунаев, преподаватель Московской Духовной Академии, магистр богословия, кандидат филологических наук, автор объемного труда «Православие и русская литература», не прибегает, как диакон, к прямому подлогу и не пытается выдать кошку за зайца. Как пишет Дунаев¹⁵⁷, «<...> перед нами иной образ Спасителя. <...> Но это именно Иисус Христос. <...> Да, Иешуа – это Христос, представленный в

¹⁵⁷ Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), Пермь, 1999. – <http://www.wco.ru/biblio/books/dunaev1/>

романе как единственно истинный, в противоположность евангельскому, измышленному якобы, порожденному нелепостью слухов и бестолковостью ученика».

Поскольку Кураев с мнением Дунаева не согласен, приведу цитату из дневника жены писателя от 13 мая 1937 г.¹⁵⁸: «М. А. сидит и правит роман – с самого начала («О Христе и дьяволе»)». Таким образом, Иешуа – это, несомненно, хоть и не традиционный, но все же образ именно Иисуса Христа.

Резюме 1. Цель, поставленная перед собой Кураевым, изначально ложна, так как ведет не к поиску истинного смысла романа, заложенного в него автором, а, наоборот, предполагает подгонку фактов под заранее заданную гипотезу¹⁵⁹. Поэтому при обосновании первого же тезиса о том, что Иешуа, в отличие от евангельского Христа, якобы умер с именем Пилата на устах, Кураев вынужден прибегнуть к прямой лжи и подлогу, утверждая, что в черновике 1928-31 годов Иешуа умер со словами: «Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр», хотя в этом черновике булгаковский Иешуа умирает с тем же словом на устах, что и Иисус из Евангелия от Иоанна: «Свершилось». Черновики романа и дневник жены писателя неоспоримо свидетельствуют, что в образе Иешуа выведена именно историческая фигура Иисуса Христа.

2. Кураев. В ЗАЩИТУ ЧЕРНОВИКОВ

«Единственный способ создать новое – это погубить старое».

Джон Фаулз¹⁶⁰

Основной упор в своем сочинении Кураев делает на противопоставлении черновиков романа и последней авторской редакции. Идея, надо сказать, совершенно нелепая, ибо даже самый поверхностный анализ черновых рукописей романа «Мастер и Маргарита» свидетельствует, что замысел романа и художественные образы его героев постоянно подвергались коренной, но неподцензурной(!) переработке, соответственно, только последняя авторская редакция в полной мере отражает замысел автора. Черновые редакции в данном случае могут пояснить ход и этапы творческого процесса, но использование их в отрыве от последней редакции, для опровержения ее художественного замысла, чем, собственно, и занимается диакон, неправомерно.

2.1. В литературоведении принято опираться на итоговую, беловую авторскую рукопись.

<...> Этот принцип не вполне приложим к произведениям подцензурной литературы. Если писатель работает в условиях жесткой внешней цензуры, то со временем он переходит к самоцензуре. Он уже по своему горькому опыту знает, что – можно, что – на грани допустимого, а что – просто невозможно. Он знает требования цензуры и вкусы конкретного цензора. И тогда он может сам подправлять свой текст накануне отдачи его в чужие руки.

Как свидетельствует профессиональный текстолог Лидия Яновская, «<...> роман «Мастер и Маргарита» – **принципиально не подцензурный роман**. Он не был закончен при жизни автора; писатель **не готовил его к печати** и, к счастью для нас, его читателей, по крайней мере, в этом

¹⁵⁸ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 146.

¹⁵⁹ Впрочем, для церковников это обычное дело. Как сообщает журнал «Вокруг света» [Жуков Б. Рыбья участь капибары / Вокруг света, № 12, 2005. – http://www.vokrugsveta.ru/publishing/vs/archives/?item_id=1764], в средневековой Европе практика подобных богословских уловок в области кулинарии была хорошо отработана. Католическая церковь причислила к лику «рыб» многих водных животных, разрешив своим чадам без зазрения совести вкушать их мясо в дни нестрого поста. При этом в «рыбы» попали не только киты и тюлени, но и бобры, и даже выдры. А в XVI веке Папа Римский объявил «рыбой» и обитающую в Центральной и Южной Америке водосвинку-капибару. Возможно, именно этим и объясняется впечатляющее победное шествие католицизма по местам ее обитания. Диакон Кураев мог бы попытаться распространить этот ценный миссионерский зарубежный опыт на отечественных нутрий.

¹⁶⁰ Фаулз Джон. Подруга французского лейтенанта. – Л.: Худож. лит., 1985, с. 385.

отношении с цензурой не столкнулся»¹⁶¹. Поэтому наиболее полно взгляды писателя выражены именно в итоговой белой авторской рукописи. Да и саму возможность влияния цензуры на творчество Булгакова Кураев сильно преувеличивает. Вот комментированное Яновской мнение о цензуре самого писателя: ««Цензоры не знают, – напишет Булгаков в «Жизни господина де Мольера», – что никакие переделки в произведении ни на йоту не изменяют его основного смысла и ничуть не ослабляют его нежелательное воздействие на зрителя». Но для того чтобы никакие переделки и купюры не могли обескровить пьесу, она должна быть написана Мольером. Или Булгаковым. Это и есть классика»¹⁶².

Когда в 1928 году Булгаков начинал работу над романом, его опубликование теоретически еще было возможно. Но с каждым годом эта возможность только уходила в прошлое. Вообразить, что такой роман, особенно после появления в нем линии Мастера и Маргариты, мог быть опубликован в 34-40 годах, в самый разгул репрессий, может только либо очень наивный, либо совершенно незнакомый с обстановкой тех черных лет человек.

Видимо, диакон Кураев совмещает в себе оба этих начала. Ведь заявил же он недавно в одном из своих интервью¹⁶³: «<...> **изначальное место работы Мастера – в музее... Но в 30-е годы в Москве существовал только один музей – музей революции. Так что Мастер – это не Булгаков»**¹⁶⁴.

Утверждение, что «Мастер – это не Булгаков», мы рассмотрим позже (см. [тезис 21.10](#)), а сейчас остановимся только на количестве музеев в Москве. Тут, так же как и с последними словами Иешуа (см. [тезис 1.1](#)), проявилась и наивная убежденность диакона, что никто его на вранье ловить не станет, и откровенное его невежество в области культурной жизни тех лет, ибо так бесстыдно лгать просто глупо. Неужели Кураев никогда не читал мемуаров поэтов и писателей, в которых неоднократно упоминается хотя бы Политехнический музей, бывший популярным местом проведения литературных диспутов в те годы? Несомненно, именно подобные «откровения» Кураева и являются причиной утверждений его оппонентов, что он использует три основных приема¹⁶⁵:

- первый – низкая оценка своей аудитории: то, что он пишет, рассчитано на невежд;
- второй – подтасовка;
- третий – прямая ложь.

И что тут можно возразить, в защиту диакона? Действительно, средний читатель может не знать фактов, но диакон, **профессор** Московской Духовной Академии Андрей Кураев – должен бы знать, обязан. Столь дремучее невежество невозможно даже для человека, назначенного профессором без защиты докторской диссертации. Отсюда вывод: Кураев сознательно апеллирует к невежеству.

Диакон мог бы внимательнее читать свой «любимый» роман. У Булгакова сказано не «изначальное место работы Мастера – в музее», а Мастер «еще два года тому назад работал в одном из московских музеев»¹⁶⁶. Ясно сказано: «в одном из» многих музеев. Как показали материалы обследования 1928-29 гг., в Москве и Московской области, на момент обследования, было 235 действующих музеев¹⁶⁷, из них 70 в области и 165 в самой Москве. Вот пророческий привет из далекого прошлого диакону Кураеву¹⁶⁸: «Одного только перечня этих музеев и сравнения двух цифровых показателей (66 единиц до 1917 г. и 235 единиц в настоящее время) достаточно, чтобы показать наш огромный культурный рост и рассеять злые беспомощные сплетни о нашем вандализме».

¹⁶¹ [Людия Яновская](#). Обстоятельства цензурные? (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

<http://magazines.russ.ru/urnov/2004/19/ia6.html>

¹⁶² [Людия Яновская](#). «Кабала святош», или Пьеса о Мольере (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

<http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/ain7.html>

¹⁶³ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: Евангелие от Воланда? Интервью журналу «Град Духовный», Санкт-Петербург, 2004, № 4. – <http://grad.spbreligion.ru/anons.php?nomer=6&razdel=41&anonsid=131>

¹⁶⁴ Сравните с мнением М. Чудаковой: «Внутренняя задача работы над последними редакциями заключалась, как кажется, в полной замкнутости в нем биографии автора, переосмысленной как завершившаяся и уже оцененная со стороны судьба» [Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 478].

¹⁶⁵ Ясько Г. Ю. А дьякон Кураев – против! Журнал «Самиздат». – http://zhurnal.lib.ru/j/jasxko_g_j/zm.shtml

¹⁶⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 465.

¹⁶⁷ Музеи Москвы и Московской области // сост. В. Н. Мордвинова. – М.: Московский рабочий, 1930, с. 3.

¹⁶⁸ Там же, с. 3.

Конечно, не все эти музеи подошли бы Мастеру в силу своей научной ориентации, тем не менее, в их числе были 56 историко-культурных, 33 технических и прикладных знаний, 29 естественно-исторических, 19 педагогических и 4 художественных. Для возможного трудоустройства Мастера вполне подошли бы следующие музеи: исторический музей, музей Востока, музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, театральный музей им. А. А. Бахрушина, политехнический музей, музей государственного Малого театра, музей Московского художественного театра, музей книги при государственной публичной библиотеке им. Ленина, музей им. А. П. Чехова, музей им. М. Горького, Толстовский музей, государственная Третьяковская галерея, государственный музей изящных искусств, государственный музей нового западного искусства, библиотечный музей, центральный педагогический музей и т.д. и т.п.

При такой низкой степени владения реалиями исторической обстановки и обстоятельств жизни Булгакова не стоит удивляться, что «откровения» Кураева о творчестве Булгакова повергают в шок не только булгаковедов, но и просто мало-мальски образованных людей, кроме, разумеется, поклонников учения диакона, которые истово веруют, что музеи тридцатых годов были сплошь заполнены комиссарами¹⁶⁹.

2.2. Пока писатель наедине со своим вдохновением – он просто искренен. И тогда каждый пишет как он дышит... Но вот наступает пора, когда надо наступать на горло своей песне ради того, чтобы хоть что-то прохрипеть.

И примечание: «В черновых вариантах Булгаков позволял себе поработать в естественном настрое», – пишет булгаковед В. Лосев, цитируя набросок булгаковского сочинения (1937 г.) о Петре Первом, где в уста царевича Алексия вложены следующие слова: Я отцовской стезей не пойду, Старине я остануся верен. Петербурху не быть, Не мечтай, государь, В Ярославль уйду жить, Как и жили мы встарь. Будем жить в великом покое! И увидим опять, В блеске дивных огней, Нашу церковь соборную радостной, Разольется по всей по Руси Звон великий и сладостный! Мы вернем благочинье, вернем, Благолепие будет чудесное! И услышим опять по церквам на Руси Православное пенье небесное! Не могу выносить я порядков отца! Омерзело мне всё! Ненавижу его!

В прозе ту же самую присягу на верность поруганной дореволюционной старине Булгаков дал в своем письме Сталину в 1930 г.

Последователям диакона данные строки, несомненно, кажутся ужасной крамоллой. Видимо, из этого и исходил Кураев, подыскивая подходящие цитаты для своего изложения. Но привычка к слепому использованию непроверенных ссылок подвела диакона. Трудно сказать, что именно имел в виду булгаковед В. Лосев, говоря о «естественном настрое» черновики Булгакова к написанному для Большого театра оперному либретто «Петр Великий». Но окончательный текст либретто, поданный Булгаковым 17.09.1937 на утверждение Председателю Комитета по делам искусств П. М. Керженцеву, с точки зрения логики Кураева является еще более крамольным (изменения подчеркнуты): «Я отцовской стезей не пойду, старине я остануся верен. Корабли потоплю иль сожгу, корабли я держать не намерен. Питербурху не быть, не мечтай, государь, на Москве буду жить, как и жили мы встарь, буду жить я в великом покое! И увидим опять, в блеске дивных огней, нашу церковь соборную радостной, разольется по всей по родимой Руси звон великий и мерный и сладостный! Я верну благочиние, верну, благолепие станет чудесное! И услышим опять по церквам на Руси православное пение небесное! Не могу выносить я порядков отца, омерзело мне всё, ненавижу его! Умирай, умирай!»¹⁷⁰

В действительности же текст либретто совершенно безобиден, так как полностью соответствует историческим оценкам петровской эпохи того времени. В своем творчестве Булгаков скрупулезно следовал исторической правде. Неужели он должен был написать, что царевич любил порядки отца и ненавидел церковное пение? Характерно, что Керженцев не только не придрался к указанным словам Булгакова, но, наоборот, счел их недостаточно резкими,

¹⁶⁹ Форум Кураева. «Мастер и Маргарита» – толкования и реальность.

¹⁷⁰ Булгаков М. А. Петр Великий. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Последние дни. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 298.

о чем свидетельствует восьмое из десяти сделанных им по либретто замечаний: «**Надо резче подчеркнуть, что Алексей и компания за старое (и за что именно)**»¹⁷¹.

Заметим, что образ Петра Первого, как великого преобразователя отсталой России, по понятным причинам был чрезвычайно популярен в то время. Именно сам Петр, а не милый душе Кураева царевич Алексей, привлек творческое внимание Булгакова. Еще 13.02.1937 Булгаков написал Б. В. Асафьеву: «**Ко мне обратился молодой композитор Петунин и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто. Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищите Вы, и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас**»¹⁷².

Аналогичные булгаковским оценки петровской эпохи любителями «поруганной старины» и «благолепия» есть и у «красного графа» Алексея Толстого в известном романе «Петр Первый»¹⁷³:

«Стал не мир, а кабак, все ломают, всех тревожат... Безродный купчишко за власть хватается... Не живут – торопятся. Царь отдал государство править похотникам-мздоимцам, не имущим страха божия... В бездну катимся...»;

«<...> старцев не послушали. Нам бы, стрельцам, тогда за старую веру стать дружно... Иноземца ни одного бы в Москве не осталось, и вера бы воссияла, и народ бы сыт был и доволен... А теперь не знаем, как и душу спасти...»

«Желаем укротить нынешнее время, ярость его, да настали бы опять будничные времена...».

По Кураеву получается, что Алексей Толстой принес в своем романе «**присягу на верность поруганной дореволюционной старине**». Боюсь, однако, что такое утверждение шокирует литературоведов еще больше, чем безосновательные выводы диакона о либретто Булгакова.

Никакого письма Сталину в 1930 г. Булгаков не писал. Видимо, Кураев перепутал письмо к Сталину с письмом к Правительству от 28.03.1930. Но и там ничего не говорится о старине, а только о цензуре: «**Борьба с цензурой <...> мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода**»¹⁷⁴.

Булгаков писал Сталину в мае 1931 г., но и в этом письме нет никакой «**присяги на верность поруганной дореволюционной старине**». Те же слова, которые можно счесть за присягу, имеют совершенно иной смысл: «**Заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам. Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти**»¹⁷⁵.

Булгаков писал не только Сталину. В черновиках 1939 г. в сцене с заходящим в атаку на Воланда и его свиту аэропланом Булгаков попытался выразить свое отношение к зарождавшейся на его глазах новой жизни страны¹⁷⁶:

«– Эге-ге, – сказал Коровьев, – это, по-видимому, нам хотят намекнуть, что мы излишне задержались здесь. А не разрешите ли мне, мессир, свистнуть еще раз?»

– Нет, – ответил Воланд, – не разрешаю. – Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротой точку и добавил: – У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!»

¹⁷¹ Петелин В. В. Комментарии // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Последние дни. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 646.

¹⁷² Лосев В. И. Комментарии к дневнику Елены Булгаковой // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 373.

¹⁷³ Толстой А. Н. Петр Первый. – Мн.: Нар. асвета, 1981, с. 219, 267, 567.

¹⁷⁴ Письмо Правительству СССР от 28.03.1930 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 224.

¹⁷⁵ Письмо к И. В. Сталину от 30.05.1931 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 246.

¹⁷⁶ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 748.

Неужели данную сцену нужно примитивно истолковывать как «присягу на верность» революционной Советской России? Нужно ли вообще каждое художественное описание автора трактовать как присягу? Тем, кто в армии не служил, напомню, что присяга в жизни человека может быть только одна...

2.3. За несколько дней до смерти в дневнике его жены Е. С. Булгаковой появляется запись: «6 марта 1940 г. Когда засыпал: «Составь список... список, что я сделал... пусть знают...». Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются.. Одно время у меня было впечатление, что он мучится тем, что я не понимаю его, когда он мучительно кричит. И я сказала ему наугад (мне казалось, что он об этом думает): «Я даю тебе честное слово, что перепишу роман, что я подам его, тебя будут печатать!» – А он слушал, довольно осмысленно и внимательно, и потом сказал: «Чтобы знали... чтобы знали».

Такая запись отсутствует в дневнике жены писателя Елены Сергеевны Булгаковой¹⁷⁷, который она вела по просьбе Булгакова все годы их совместной жизни. Публикатор В. Лосев предваряет эти строки честным комментарием: «Еще несколько кусочков из записей в истории болезни»¹⁷⁸. Следовательно, источником этой записи является не дневник, а история болезни писателя, которую в последние месяцы его жизни Елена Сергеевна вела параллельно с основным дневником: «Во время болезни я стала сначала записывать предписания врача, потом прибавилась полная запись дня, когда, какое лекарство принял, что ел, когда и сколько спал. Потом – его слова, потом, в последнее время его ухудшение состояния, – **тяжелые минуты потери памяти** (очень редкие), **галлюцинации**, и наконец подробные записи последних дней его страданий»¹⁷⁹.

Как видим, Елена Сергеевна записала цитируемые диаконом слова именно в историю болезни, а не в основной дневник. Более того, приводя в порядок свои дневники, при подготовке их второй редакции, она не перенесла эти записи в него, притом что отдельные записи при редактировании она добавляла. Как отмечает Л. Яновская¹⁸⁰: «Правя свои собственные дневники, делала на них легкие пометы карандашом – перечеркивания, проекты поправок или вставок, и затем неспешно и заново переписывала тетрадь за тетрадь. В переписанные тетради иногда вносила новые исправления, теперь уже пером или шариковой ручкой».

Работа по приведению дневников в порядок Еленой Сергеевной была полностью закончена¹⁸¹:

«Елена Сергеевна заполнила одну за другою четыре тетради, вобравшие в себя ровно пять тетрадей первой редакции, и на этом переписывание прекратила. Две тетради, оставшиеся не переписанными (1938-1940), решительно выправила, на этот раз не только карандашом, но и чернилами, и включила их во вторую редакцию. <...>

Возникшие таким образом шесть тетрадей второй редакции переплетены в одинаковый холст и заново пронумерованы на переплетах».

Так почему же Елена Сергеевна не перенесла во вторую редакцию своего дневника цитируемые диаконом слова из истории болезни и другие аналогичные записи, которые она иногда делала на клочках бумаги или настольном календаре? Ответ может быть только один: Елена Сергеевна понимала огромную разницу между описанием истории болезни человека и описанием жизни писателя; между описанием болезненного недееспособного состояния Булгакова в бреду и высоким горением его духа во время просветления. Как отмечал один из ближайших друзей Булгакова и его первый биограф П. С. Попов¹⁸²: «Мысль его не падала, а обострялась. Она могла затуманиваться (болезнь, от которой умер Михаил Афанасьевич, часто у

¹⁷⁷ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990. – 400 с.

¹⁷⁸ Булгаков М. А. Жизнеописание в документах. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 713.

¹⁷⁹ Письмо к Н. А. Булгакову от 16 января 1961 г. // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 322.

¹⁸⁰ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 6.

¹⁸¹ Там же, с. 7.

¹⁸² Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 234.

других кончается прямым умоисступлением), но тем ярче она **вспыхивала в моменты просветления**».

Состояние Булгакова в последние дни предельно откровенно описано Бокшанской О. С. (сестрой Елены Сергеевны) в письмах матери в Ригу от 3, 5 и 8 марта 1940 г.:

«У него появляются периоды помутнения рассудка, он вдруг начинает говорить что-то странное, потом опять приходит в себя... Бедная Люсенька в глаза ему глядит, угадывает, что он хочет сказать, т. к. часто слова у него выпадают из памяти и он от этого нервничает <...>;

<...> на ее глазах мутится разум близкого человека. Но когда он в себе, он мил, интересен, ласков по-старому с Люсей...»¹⁸³;

«У Люси сегодня с утра о(чень) плохо с Мишей, помутнение разума его достигает все больших размеров <...> он в сильном возбуждении, но при этом в полном помрачении ума»¹⁸⁴;

«Сегодня пришел один знакомый художник, друг их <В. В. Дмитриев>, который ночевал там вот в эту последнюю ночь. Он под убийственным впечатлением: Мака уже сутки как не говорит совсем, только вскрикивает порой, как они думают, от боли... Люсю он как бы узнает, других нет. За все время он произнес раз одну какую-то фразу, не очень осмысленную, потом, часов через 10, повторил ее, вероятно, в мозгу продолжается какая-то работа»¹⁸⁵.

Но, может быть, Бокшанская слишком сгустила краски? Ответ на этот вопрос содержится в тех же самых записях, что цитирует Кураев, в тех словах, что, как всегда, избирательно пропущены им для создания нужного ему впечатления. Вот что в действительности записано в истории болезни писателя от 6 марта 1940 г. (опущенное Кураевым выделено)¹⁸⁶:

«Когда засыпал: «Составь список... список, что я сделал... пусть знают...».

12.30 ночи. Проснулся – в почти бессознательном состоянии...

Потом стал очень возбужден, порывался идти куда-то... Часто выкрикивал: «Ой маленький!!»...

Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются...

Потом стал засыпать и после нескольких минут сна стал говорить: «Красивые камни, серые красивые камни... Он в этих камнях (много раз повторял). Я хотел бы, чтобы ты с ним... разговор... (Большая пауза.) Я хочу, чтобы разговор шел... о... (опять пауза). Я разговор перед Сталиным не могу вести... Разговор не могу вести.

Проснулся в восемь часов утра, в таком же состоянии, что и ночью. Опять все время вырывался и кричал: «Идти! Вперед!» Потом говорил много раз: «Ответил бы! Ответил непременно! Я ответил бы!»

Одно время у меня было впечатление, что он мучится тем, что я не понимаю его, когда он мучительно кричит... И я сказала ему наугад (мне казалось, что он об этом думает): «Я даю тебе честное слово, что перепису роман, что я подам его, тебя будут печатать!» – А он слушал, довольно осмысленно и внимательно, и потом сказал: «Чтобы знали... чтобы знали».

Итак, перед нами совершенно очевидное описание действий Булгакова в период помутнения рассудка, вызванного болезнью, но не действий в ясном сознании. Далее, в разделе [3.14](#), мы рассмотрим, какие предсмертные слова Булгакова зафиксированы его женой в дневнике, а не в истории болезни писателя. Однако очевидно, что и в бреде его волновала не приписываемая ему Кураевым цель рассказать будущим поколениям о вульгарной антирелигиозной пропаганде, а его несостоявшийся разговор со Сталиным, собственная жестокая и горькая писательская судьба и желание донести правду о ней потомкам.

2.4. Список, о котором идет речь в начале этой записи – это список литературных и идейных врагов Булгакова. И вот, вопреки обилию этих врагов, Булгаков все же хочет

¹⁸³ Письмо О. С. Бокшанской к матери от 03.03.1940 // *Булгаков М. А. Жизнеописание в документах. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 714.*

¹⁸⁴ Письмо О. С. Бокшанской к матери от 05.03.1940 // *Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 242.*

¹⁸⁵ Письмо О. С. Бокшанской к матери от 08.03.1940 // *Орлов В. Покойся, кто свой кончил бег. – «Вестник» (США), № 10 (243), 9 мая 2000. – <http://www.vestnik.com/issues/2000/0509/win/orlov.htm>*

¹⁸⁶ *Булгаков М. А. Жизнеописание в документах. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 714.*

видеть свой роман опубликованным. И в романе он видит некоторое предупреждение читателю: «чтобы знали...».

Список литературных врагов Булгакова действительно существовал, но Булгаков вел его сам¹⁸⁷. Здесь же он произносит слова: «Составь список... список, что я сделал... пусть знают...». Поэтому нет ни малейших причин рассматривать слова Булгакова «чтобы знали...» как предупреждение будущим читателям романа, как это безосновательно утверждает Кураев. Из выше приведенного текста совершенно очевидно следует, что Булгаков волнуется исключительно о том, дойдет ли его творчество до потомков или канет в вечность; и беспокоится он именно о **списке сделанного им**, а не о списке своих врагов.

Необходимо подчеркнуть, что в любом случае обстоятельства выражения последней воли писателя, который в последние дни жизни ослеп и практически лишился речи, в большой мере являются толкованием его жестов и отдельных слов Е. С. Булгаковой, которая могла и ошибаться в деталях, угадывая, что же именно он хочет сказать. В то время ее меньше всего интересовали нюансы, интересующие будущих критиков и биографов писателя; перед ее глазами был живой, но умирающий самый родной и любимый на свете человек, и самое главное для нее было духовно поддержать его в эти минуты.

2.5. «Ради этого он переделывал роман, не только улучшая его, но и страха ради цензорского. В литературной сводке ОГПУ от 28 февраля 1929 говорится: «... Булгаков написал роман, который читал в некотором обществе, там ему говорили, что в таком виде не пропустят, так как он крайне резок с выпадами, тогда он его переделал и думает опубликовать, а в первоначальной редакции пустить в качестве рукописи в общество, и это одновременно с опубликованием в урезанном цензурой виде».

Именование бывшим тайным агентом КГБ¹⁸⁸ агентурной сводки «литературной сводкой» довольно забавно и вряд ли является случайной оговоркой. Впрочем, свою нынешнюю религиозную деятельность Кураев числит по разряду журналистики и, при желании, может именовать «литературной» и ее...

Писатель не может не желать публикации своих произведений. Но откуда Кураев взял, что Булгаков уродовал свой роман «страха ради цензорского»? В 1930 г., в своем письме Правительству СССР, Булгаков не побоялся открыто заявить¹⁸⁹: «Борьба с цензурой <...> мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы <...>». Больше всего на свете Булгаков ненавидел трусость – хоть «страха ради цензорского», хоть страха ради божьего:

«– Скажите, какой человеческий порок, по-вашему, самый главный? – спросил он меня однажды совершенно неожиданно. Я стал в тупик и сказал, что не знаю, не думал об этом.

– А я знаю. Трусость – вот главный порок, потому что от него идут все остальные»¹⁹⁰.

Перспективы прижизненной публикации своего романа Булгаков оценивал совершенно адекватно окружающей действительности и не имел ни малейших намерений оскоплять роман в угоду цензуре. Об этом неопровержимо свидетельствуют его письма и дневник жены.

Из письма В. В. Вересаева от 02.08.1933: «В меня же вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал мазать страницу за страницей наново тот

¹⁸⁷ «Он очень ревниво относился к своему литературному имени. Поэтому педантично вырезал (а позже – заставлял Лену) и наклеивал в альбом все отзывы и заметки о себе. Составился целый том (он сохранился) – почти ни одного доброго слова, сплошь нападки, а то и клевета, похожая на донос. Имена своих «критиков» он запоминал и запомнил на всю жизнь. Передал Лене как эстафету весь черный список этих имен» [Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 133].

¹⁸⁸ ««<...> безгласности от контакта с органами власти я не испытывал. <...> клички не взял.» [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

¹⁸⁹ Письмо Правительству СССР от 28.03.1930 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 224.

¹⁹⁰ Виленкин В. Я. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 207.

свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету!»¹⁹¹

Из дневника жены писателя, Е. С. Булгаковой, от 28 апреля 1937 г.:

«У М. А. тяжелое настроение духа.

Впрочем, что же – **будущее наше, действительно, беспросветно**»¹⁹²;

Из письма С. А. Ермолинскому от 18.06.1937:

«Сидим с Люсей до рассвета, говорим на одну и ту же тему – о гибели моей литературной жизни. Перебрали все выходы, **средства спасения нет.**

Ничего предпринять нельзя, все непоправимо»¹⁹³;

Из дневника жены писателя, Е. С. Булгаковой, от 22 июня 1937 г.:

«<...> разговор перебрался на дела М.А. <...> М.А. сказал, что **чувствует себя, как утонувший человек** – лежит на берегу, волны перекатываются через него...»¹⁹⁴;

Из дневника жены писателя, Е. С. Булгаковой, от 1 марта 1938 г.:

«У М. А. установилось название для романа – «Мастер и Маргарита». **Надежды на напечатание его – нет.** И все же М. А. правит его, гонит вперед, в марте хочет кончить. Работает по ночам»¹⁹⁵.

Из письма к жене от 15 июня 1938 г. перед завершением перепечатки текста романа:

«Что будет?» – Ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, **ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы**, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил и, если мне удастся еще немного **приподнять конец**, я буду считать, что вещь **заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.**

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, **никому не известно.**

<...> Эх, Кука, тебе издали не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни **последний закатный роман**»¹⁹⁶.

Именно сравнение начального и конечного вариантов показывает, что если книга и писалась в расчете на публикацию, то не в конце, а в начале тридцатых годов. Возможно, отсюда и шокирующая грубость рассуждений Воланда в первых версиях, и его стремление заставить Бездомного вульгарно осквернить христианскую религию. Но, повторяю, **шансы на публикацию** не просто таяли с каждым годом, они **полностью оставались в прошлом.** Именно отказавшись от внутренней цензуры, поднявшись над скоротечными требованиями времени, написав роман ни на йоту не поступаясь своими убеждениями, Булгаков сумел достичь того пронзительного свободного высокого стиля, которым он написан. Такие романы в тоталитарных обществах никогда не пишутся в расчете на прижизненную публикацию. Их издание немыслимо не из-за тонкостей сюжета и характеров героев, а из-за пронизывающего их духа свободы.

В черновых редакциях романа нет никаких крамольных мыслей исключенных писателем в последующих редакциях. Известно, что Булгаков уничтожил некоторые отрывки, опасаясь обыска, но если бы он готовил роман к печати, то в черновиках неизбежно бы остались следы самоцензурной правки, особенно в последних, полностью сохранившихся редакциях. Однако малейшие следы подобной правки в них отсутствуют. Наоборот, от редакции к редакции мысль Булгакова только набирает силу и становится все более свободной и независимой.

О том, что Булгаков в последние годы и не помышлял о публикации романа, неоспоримо свидетельствует введение им в число персонажей бала Сатаны бывшего наркома внутренних дел Ягоды Г. Г. и его секретаря Буланова П. П.¹⁹⁷, которых на процессе 1938-го года по делу

¹⁹¹ Письмо к В. В. Вересаеву от 02.08.1933 // *Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940.* – М.: Совр. писатель, 1997, с. 301.

¹⁹² Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 141.

¹⁹³ Письмо к С. А. Ермолинскому от 18.06.1937 // *Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940.* – М.: Совр. писатель, 1997, с. 441.

¹⁹⁴ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 155.

¹⁹⁵ Там же, с. 189.

¹⁹⁶ *Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940.* – М.: Совр. писатель, 1997, с. 474-476.

¹⁹⁷ «По лестнице подымались двое последних гостей.

– Да это кто-то новенький, – говорил Коровьев, шурясь сквозь стеклышко, – ах да, да. Как-то раз Азazelло навел его и за коньяком нашептал ему совет как избавиться от одного человека, разоблачений которого он

антисоветского «право-троцкистского блока» обвинили в опрыскивании «кабинета, в котором должен был сидеть Ежов <новый нарком внутренних дел – С. Ц.>, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер» раствором ртути в кислоте¹⁹⁸. В те времена подобные намеки были совершенно недопустимы. Исчезали не только сами люди, но и любое упоминание о них в книгах, учебниках и энциклопедиях. В библиотеки и подписчикам периодически приходили письма с указанием вырезать определенные страницы и вклеить вместо них прилагаемые вставки. После этого малейший намек в обычной прессе на существование этих людей был невозможен, кроме как в официальных изданиях ВКП(б) при критике врагов народа.

Отсутствием каких-либо надежд на публикацию романа пронизана вся переписка Булгакова, например, 11 марта 1939 года он пишет В. В. Вересаеву:

«Теперь я занят совершенно бессмысленной с житейской точки зрения работой – произвожу последнюю правку своего романа.

Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо. Мучает смутное желание подвести мой литературный итог»¹⁹⁹.

Да, с житейской точки зрения бессмысленно править роман, который не может быть опубликован при твоей жизни, но Булгаков писал для вечности...

2.6. В дневнике Е. С. Булгаковой (осень 1937 года): «Мучительные поиски выхода... откорректировать ли роман и представить?.. Миша правит роман».

Очередное искажение истины любителем конструировать цитаты. На самом деле в дневнике от 23 сентября 1937 г. написано следующее²⁰⁰:

«Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить?»

Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение».

Как видим, истинный смысл оригинальной записи совершенно другой – заданы вопросы и дан ясный ответ: «Ничего нельзя сделать», – предусмотрительно опущенный лукавым диаконом. А присоединенная для создания нужного впечатления к оборванной исходной цитате запись «М. А. правит роман» не имеет к описываемым событиям никакого отношения, так как сделана более месяца спустя, 27 октября 1937 г., после записи «Уборка книг»²⁰¹. Подлинная, а не сконструированная Кураевым, запись в дневнике не оставляет сомнений, что никаких иллюзий относительно возможности публикации у Булгаковых не было. Это, в частности, подтверждается и процитированными выше записями дневника Булгаковой, например²⁰²:

«<...> будущее наше, действительно, **беспросветно**»;

«Надежды на напечатание его – **нет**».

Анализируя дневник Е. С. Булгаковой, нужно учесть и то, что Булгаков не имел обыкновения посвящать близких во все тонкости своего безвыходного положения, оставляя им хоть какую-то надежду на выход из жизненного тупика. Так, в письме брату Николаю, описав полную безысходность своей жизни, он пишет: «Очень прошу написать мне, понятно ли тебе это письмо, но ни в коем случае не писать мне никаких слов утешения и сочувствия <выделено – М. Б.>, чтобы не волновать мою жену»²⁰³.

Вышеизложенные обстоятельства жизни Булгакова полностью подтверждают вывод В. Сахарова: «Очевидно, Булгаков не питал и **малейшей надежды** на напечатание своего

чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом» [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 596].

¹⁹⁸ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. – М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1938, с. 494.

¹⁹⁹ Письмо к В. В. Вересаеву от 11.03.1939 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 508.

²⁰⁰ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 167.

²⁰¹ Там же, с. 172.

²⁰² Там же, записи от 28.04.1937 и 01.03.1938, с. 141, 189.

²⁰³ Письмо к Н. А. Булгакову от 24.08.1929 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 209.

последнего романа»²⁰⁴. Многочисленные же правки романа были связаны не с цензурными, а с художественными соображениями. Писатель настойчиво искал единственно верное концептуальное решение сюжета и образов героев. И нашел! Именно поэтому читатели зачитываются не черновыми редакциями, а последней редакцией романа. Сколько бы шума ни поднималось Кураевым вокруг черновых редакций, но до сих пор еще ни один человек не признался в горячей любви к ним. Черновик, даже если это черновик гения, всегда остается только черновиком, то есть наброском, и самостоятельной художественной ценности, за редкими исключениями, не имеет.

2.7. Были ли шансы на публикацию? Иногда казалось, что – да. В ноябре 1936 года постановка шуточной оперы А. Бородина «Богатыри» Камерным театром (с текстом Демьяна Бедного) была заклеена советской прессой «за глумление над крещением Руси». Е. С. Булгакова отмечает в дневнике: «Я была потрясена!». Булгаков же настолько вдохновлен этим, что в том же месяце делает набросок либретто «О Владимире», обращаясь к теме крещения Руси.

Запись о «потрясении» Елены Сергеевны в авторской редакции ее дневников отсутствует, есть только скудная запись: «В газете – постановление Комитета по делам искусств: «Богатыри» снимаются. «...За глумление над крещением Руси...», в частности»²⁰⁵. Приведенные Кураевым строки взяты из работы Чудаковой, цитирующей первую редакцию дневников по доступным ей архивным материалам. Напомню, что, подготавливая вторую редакцию дневников, Елена Сергеевна «заметно правила дневники стилистически. Иногда уточняла, даже изменяла оценки, вглядываясь в прошлое из опыта прожитой жизни. И особенно тщательно опускала то, что считала сугубо личным»²⁰⁶. Как подчеркивает Л. Яновская, для читателя, пожалуй, равно значимо и то, что было написано в записях тех лет, и то, что в 60-е она эти фразы сняла.

Давайте вчитаемся в приведенную М. Чудаковой запись: «Миша сказал: «Читай» и дал газету. **Театральное событие:** постановлением Комитета по делам искусств «Богатыри» снимаются, в частности, за глумление над крещением Руси. Я была потрясена!»²⁰⁷. Как видим, данное событие в семье Булгаковых было воспринято как чисто **театральное** и не связанное с религией. Восторженная эмоциональная реакция Елены Сергеевны была вызвана сугубо личными, а не религиозными мотивами, что подчеркивает, в частности, комментарий М. Чудаковой²⁰⁸: «А Елена Сергеевна радовалась, читая газеты – шла кампания вокруг снятых «Богатырей», и она, по собственному признанию, была «счастлива, что получил возмездие» **Литовский <...>**, который «написал подхалимскую рецензию, восхваляющую спектакль»».

О приписываемом диаконом Булгакову «вдохновлении» в дневниках нет ни слова. Это всего лишь гипотеза М. Чудаковой²⁰⁹: «Поощрение уважительного внимания к историческому прошлому становилось очевидным. Размышления над таким поворотом дел привели Булгакова в эти дни к новому замыслу. **Легко предположить**, что именно под влиянием текста постановления о «Богатырях» 23 ноября он делает наброски либретто «О Владимире», обращаясь ко времени крещения Руси и к тому историческому лицу, с которым связан был для него Киев и памятник которому занимал столь важное место в романе «Белая гвардия» (отразившись и в первых вариантах его заглавия). **Но работа над этим либретто продолжения не получила**».

Поскольку в дневниках Елены Сергеевны никакого упоминания о начале работы над упомянутым либретто нет, легко предположить, что гипотеза Чудаковой основывается только на близости указанной на черновике либретто даты к дате постановления Комитета. Но близость этих дат сама по себе еще не может служить индикатором настроения писателя. По прошествии

²⁰⁴ Сахаров В. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: прощание и полёт. – http://www.kritika.nl/master_i_margarita.htm

²⁰⁵ Дневник Елены Булгаковой, запись от 14.11.1936 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 124.

²⁰⁶ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 6.

²⁰⁷ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988, с. 592.

²⁰⁸ Там же, с. 593.

²⁰⁹ Там же, с. 593.

многих лет мы можем оценить его только по дневниковым записям. За 23 ноября запись отсутствует, но есть за предыдущий день:

«Массируемся ежедневно, это **помогает нашим нервам.**

Разговариваем о своей **страшной жизни, читаем газеты**»²¹⁰.

Как видим, результатом «вдохновения» Булгакова от «**поощрения уважительного внимания к историческому прошлому**» явились только расстроенные нервы и ощущение «**страшной жизни**».

А из записи за 24 ноября мы можем узнать, чем же все-таки были заняты Булгаковы накануне: «**Вчера вечером Бухов пригласил М. А. играть в шахматы. Я – у Вильямсов. Оттуда пошли компанией <...> в «Метрополь»**»²¹¹. Таким образом, Булгаков был «**настолько вдохновлен**» снятием «Богатырей» в этот день, что предпочел провести время не за письменным столом, а в гостях за любимым своим занятием – игрой.

Легко предположить, что работа над либретто не получила продолжения по причине полного отсутствия интереса к ней у власть предержащих, – для них более актуальными были эпохи Ивана Грозного и Петра Первого. А вот угасание интереса к ней у Булгакова было бы невозможно для истинно религиозного человека: ведь какой заманчивый сюжет для христианина – становление христианства на Руси. Такие вещи не пишутся на сиюминутную потребу дня, а только по внутренней духовной необходимости, и работа над ними не прекращается при изменении политической конъюнктуры. Но к таким произведениям, в отличие от романа «Мастер и Маргарита», указанное либретто для Булгакова не относилось.

Непонятно, какую связь усмотрел Кураев между цитированным выше материалом и возможностью публикации романа «Мастер и Маргарита». Какое отношение имеет роман к становлению христианства на Руси и «**поощрению уважительного внимания к историческому прошлому**», думаю, не знает и сам Кураев.

2.8. И чтобы в конце 30-х годов опубликовать «Мастера и Маргариту», надо было многое в тексте спрятать от поверхностных читателей и цензоров... А потому обращение к ранним редакциям оказывается необходимым для понимания итогового текста.

Чтобы надеяться в конце 30-х годов опубликовать «Мастера и Маргариту», надо было смотреть на мир через розовые очки, а Булгаков этим не страдал. Рядом с художественной макулатурой тех лет его роман был недопустимым глотком свежего воздуха, так что прятаться от цензоров было совершенно бесполезно. А от «**поверхностных читателей**» и вовсе прятать нечего было.

От начальной до последней редакции художественная концепция и характеры героев романа по воле автора претерпели кардинальную трансформацию. Поэтому обращение к черновым редакциям проясняет, в основном, эволюцию творческого замысла Булгакова, а не сам итоговый текст. Рассматривать черновые редакции в отрыве от итогового текста совершенно бессмысленно. Но Кураев, манипулируя цитатами из ранних редакций, даже не пытается использовать их для «**понимания итогового текста**», а просто пытается подменить последнюю авторскую редакцию романа черновыми вариантами. Практически ни одной приводимой диаконом цитаты нет в авторской редакции романа. И в подавляющем большинстве случаев невозможно представить, что цитируемый текст были снят или заменен окончательным вариантом по требованиям цензуры или самоцензуры. Тем более что ни один из цитируемых диаконом вариантов текста не готовился к печати. Все это были только наброски будущего романа. А что такое работа Булгакова над текстом, можно представить себе на примере других его произведений. Например, по пьесе «Кабала святош». Вот как характеризует ее черновые редакции опытный текстолог Лидия Яновская:

«**Первое действие. Как помнит читатель, «королевский спектакль». Мольер просит у короля разрешения показать еще один дивертисмент, «если вы не чувствуете себя утомленным»... И возникает – откуда-то из невидимой ложи – голос.**

²¹⁰ Дневник Елены Булгаковой, запись от 22.11.1936 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 125.

²¹¹ Там же, запись от 24.11.1936, с. 125.

«Голос (молодой, ясный, необыкновенно четко выговаривающий слова, из сини)».

И сама реплика, не лишенная изящества, но драматургически беззвучная: «Напротив, господин де Мольер, я сам хотел просить вас об этом и боялся лишь одного, что устали ваши талантливые актеры».

В следующей черновой тетради описание голоса Людовика почти не изменилось:

«Голос из сини (необыкновенно четко выговаривающий слова, картаво клекочущий)».

Реплика в процессе работы: «Благодарю вас, господин де Мольер. *Напротив.* (Вычеркнуто.) Я сам хотел просить вас об этом... *Ваша публика, уплатив 30 су, совершает выгодную сделку.* (Вычеркнуто.) *Уплатив 30 су, смеется на 10 пист...* (Не дописано и вычеркнуто эффектное выражение, взятое у одного из современников Мольера: «Уплатив за вход 30 су, я смеялся на 10 пистолей») ...и опасался одного, что устанете вы!»

И снова работа над репликой. Теперь драматург снимает все эмоциональные оттенки в ней. Остается краткое:

«Голос Людовика (из сини). Благодарю вас, господин де Мольер... О, с удовольствием, господин де Мольер».

Ясность и «необыкновенная четкость» выговаривания звучат в самом сочетании слов. Голос слышен. Ремарка снимается. Она больше не нужна.

<...> Булгаков, как и положено большому художнику, свои сочинения редактировал сам. Он называл это «авторской корректурой». Впрочем, правка, перестановки, купюры и вставки в черновых тетрадях – еще не редактирование: идет процесс создания художественного произведения...

Что касается «опасений»...

Булгаковедов можно понять: они – люди служащие, признающие авторитет начальства, цензуры и обстоятельств. С большим же писателем все обстоит иначе: он свободен от авторитета этих, казалось бы, непреодолимых сил.

Да, о цензуре Булгаков помнил. Как помнили о ней мы все, пишущие. Цензура стояла за каждым плечом. Она была явлением ненавистным и – привычным. Но определяла не всё. Она была простреливаемым пространством, которое нужно попытаться обойти. Стеной, которую нужно преодолеть. Колючей проволокой, которую до поры до времени можно попытаться не замечать. Она была бесконечно чуждой писателю, враждебной помехой... И были другие вещи, для большого художника более значимые, чем цензура, вещи, которые художник не может ни отбросить, ни обойти, потому что они органичны, потому что они в нем самом, потому что они – он сам.

Таким внутренним цензором, художественным цензором, более жестоким, чем любая официальная цензура, для Булгакова была формула: это *должно быть сделано тонко*. И неизбежный антоним к ней: это не должно быть *грубо*²¹².

Может показаться невероятным, но горячо любимое всеми «Собачье сердце» Булгаков считал грубой вещью: «Вечером пошли к Вильямсам. М. А. обещал им принести и прочитать «Собачье сердце» – хотя М. А. про нее говорит, что это – **грубая вещь**»²¹³. Так же грубоваты и первые редакции «Мастера и Маргариты», но здесь от черновика к черновику мы видим, как все тоньше становится мысль автора, исчезает допущенная в спешке записи нарочитость образов, и рождаются строки, которым суждено стать бессмертными.

Если диакон питает такую жажду к изучению черновиков, ему лучше было бы сосредоточить свои усилия на изучении черновиков Библии – например, шумерских мифов, легших в основу легенд о сотворении мира, создании и грехопадении Адама и Евы и прочих библейских сюжетов, от великого потопа, до книги притчей царя Соломона. Сколько простора для вдумчивого исследователя, например, явные следы политеизма. А если же ему более интересен Новый Завет, то и здесь найдется предмет для исследований – восточные религии, в которых «непорочная дева <...> произвела <...> на свет бога»²¹⁴. Но, увы, как мы уже убедились,

²¹² [Людия Яновская](http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/ain7.html). «Кабала святош», или Пьеса о Мольере (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/ain7.html>

²¹³ Дневник Елены Булгаковой, запись от 12.07.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 161.

²¹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 336.

Кураева интересует не истина и не процесс ее постижения, а исключительно его пассионарное миссионерство, пресуществляемое им через явления современной культуры.

2.9. «Мастер и Маргарита» становится названием этого произведения только в 1938 году. Возможно, в порядке самоцензурной смягчающей правки.

Более логично предположить, что выдвинувшиеся на первый план герои романа естественным образом и определили его окончательное название, как единственно отвечающее новой фабуле романа.

Резюме 2. Судьбой собственного героя – Мастера – ответил Булгаков на вопрос о том, была ли у него надежда на прижизненную публикацию романа. Булгаков никогда не готовил его к печати, поэтому авторскую концепцию в полной мере отражает только окончательная редакция романа. Черновики ранних редакций могут быть использованы только для прояснения трансформации замысла автора и образов героев романа, но не изолированно, сами по себе. Познания Кураева о реалиях исторической действительности при жизни Булгакова оставляют желать лучшего.

3. Кураев. БУЛГАКОВ И ВЕРА

«Заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки. И потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии, причащении – ложь».

Лев Толстой²¹⁵

«Совершенно убежден, что каждая строка Льва Николаевича – настоящее чудо. И пройдет еще пятьдесят лет, сто, пятьсот, а все равно Толстого люди будут воспринимать как чудо!»

М. А. Булгаков²¹⁶

«... мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас одинаковые... таких дураков, как ваши попы, нету других на свете. По секрету скажу тебе, Жилин, срам, а не попы».

М. А. Булгаков²¹⁷

Значительное место в рассуждениях Кураева занимает обоснование якобы религиозности Булгакова. Да не простой, а прямо-таки подвижнической. Ведь, если верить диакону, последние двенадцать лет жизни Булгаков посвятил борьбе с насаждением атеизма на Руси. Правда, так ловко замаскировал писатель свои усилия в романе «Мастер и Маргарита», что без лупы да толкований Кураева никому бы и не догадаться. Не в целях ли подобной маскировки Булгаков во время работы над романом проводил самые дорогие сердцу православных верующих религиозные праздники в гостях за картами, о чем неумолимо и беспристрастно свидетельствует семейный дневник Булгаковых? Если писатель так ловко и умело маскировался, то впору ставить вопрос уже не о романе-фельетоне, а о существовании тайного атеизмоборческого союза меча и орала, даже если Булгаков был единственным его участником.

3.1. Так был ли сам Булгаков богоборцем, атеистом-кощунником?

В виде исключения, при ответе на данный вопрос я позволю себе сослаться на Баркова, чьи исследования по теме сам же Кураев рекомендует как убедительные и аргументированные. С

²¹⁵ Запись от 22-го января 1909-го года, сделанная Львом Толстым в дневнике за год до смерти [Ремизов В. – <http://www.svoboda.org/programs/Christ/2001/Christ.032501.asp>].

²¹⁶ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 239.

²¹⁷ Беседа вахмистра с господом богом [Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 86].

некоторой оговоркой я могу с этим согласиться. А именно, если диакон не прочь исказить истину при рассмотрении любого вопроса, то Барков – в основном только при доказательстве маниакального тезиса «Воланд-Ленин, Мастер-Горький». Так вот, о вере Булгакова Барков, на основании цитируемых им источников, делает следующее заключение²¹⁸: «<...> в отношении Булгакова к религии и к православной церкви **никаких принципиальных расхождений во взглядах с Толстым не было**». Этот вывод Барков предваряет следующими словами:

«В одном весьма принципиально важном вопросе взгляды Булгакова и Толстого тождественны. Речь идет об их отношении к Русской Православной Церкви.

<...> Лев Николаевич не дожидаясь позора нашей Церкви, полностью покорившейся после убийства патриарха Тихона сатанинскому режиму и доказавшей еще раз, что ей все равно, какому кесарю служить – был бы кесарь. Но Булгаков все это видел.

<...> могут напомнить автору с укоризной, что вся родня Булгакова как по отцовской линии, так и по материнской была связана с Церковью, что его отец был профессором духовной академии, и что неже-де «отказывать Булгакову в исторической памяти». Автору это известно. Более того, автор может с таким же успехом привести в качестве аргумента ту же «Белую гвардию», где содержится такое же отношение к Православной Церкви, как и в трудах Л. Н. Толстого. Хотя для того, чтобы такой взгляд сформировался, вовсе не обязательно сверяться именно с Толстым: нужно просто знать эту Церковь изнутри. И Булгаков знал. К тому же, его отец не был положен в духовный сан и был секулярным профессором духовной академии. Кстати, преподавал он не что иное как... историю западноевропейских христианских конфессий, то есть, протестанство, религию свободных людей, у которых английские короли вот уже который век не имеют права въехать на территорию района Сити в своем родном городе Лондоне без получения пусть формального, но все же разрешения мэра. Своего подданного. Потому что как-то давно уже эти самые подданные, сознающие себя гражданами, взяли и отрубили голову одному своему строптивому королю. Потому что они конфессию такую себе выбрали – конфессию свободных людей, граждан. И если у них возникают проблемы, то они их решают, а не идут с хоругвями к королю-батюшке просить милости, и не ждут очередного партийного пленума, который может назначить лучшего правителя».

Заметим, что цитируемые Барковым документы относятся к 1923 и 1928 гг., то есть ко времени работы над «Белой гвардией» и началу работы над первой редакцией «Мастера и Маргариты». Таким образом, очевидно, что Булгаков, исходя из ортодоксальных воззрений Кураева, так же как и Лев Толстой (см. [приложение 1](#)), несомненно, должен быть назван кощунником, хотя, как и Лев Толстой, богоборцем он не был.

3.2. И все же уже через три года после смерти отца (т. е. в 1910 году) его сестра Надежда записывает в своем дневнике: «Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии – неверие». Он не носил нательного крестика. Были и увлечения наркотиками. Его первой жене пришлось делать аборт еще до венчания... Не стоит удивляться, что он давал довольно едкие зарисовки из церковно-приходской жизни. Свидетельства о его участии в литургической жизни Церкви мне не попадались. И все же то, что казалось окончательным 18-летнему подростку в 1910 году, потом менялось.

Как пишет биограф писателя – «тому, кто размышляет над биографией и творчеством Булгакова, всегда надо иметь в виду: что бы ни происходило со старшим сыном доктора богословия в первые годы после смерти отца и в последующие десятилетия – все это воздвигалось на фундаменте, заложенном в детстве: он был уже невынимаем».

Как подчеркивает М. Чудакова, творчество Булгакова «<...> возвысилось на фундаменте, заложенном в детстве: он был уже невынимаем, и лег в основу самого творчества»²¹⁹. Эта истина бесспорна, жизнь каждого из нас воздвигается на невынимаемом, заложенном в детстве фундаменте. Но не религией единой он ограничивается, да и, как ни велика его роль, жизнь

²¹⁸ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

²¹⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 43.

демонстрирует нам убедительные примеры, что никакой фундамент воспитания не может скрывать природные наклонности человека.

Какой же фундамент заложил отец Булгакова в своих детей? Был ли он религиозным ортодоксом или свободомыслящим человеком? Какова была атмосфера дома при его жизни и после его смерти? Для ответа на эти вопросы обратимся к составленному М. Чудаковой жизнеописанию писателя.

Жизненный путь А. И. Булгакова описан следующим образом: «<...> учился сначала в Орловской духовной семинарии, а потом в Киевской духовной академии (1881-1885). Затем два года учительствовал – преподавал греческий язык в Новочеркасском духовном училище. С осени 1887 года – доцент Киевской духовной академии, сначала – по кафедре древней гражданской истории, а спустя год с небольшим – по кафедре истории и разбора западных вероисповеданий <...>»²²⁰. Духовный сан отец Булгакова не принимал. Степень доктора богословия и звание ординарного профессора получил за несколько месяцев до смерти.

Как известно, русское слово «православный» представляет собою перевод греческого слова «ортодоксальный», что собственно в буквальном смысле слова означает «правоверный»²²¹. Но можно ли считать ортодоксальным преподавателя истории **западных вероисповеданий**, дочери которого учились в расположенной рядом с немецкой кирхой знаменитой **немецкой «киевской женской гимназии при киевской евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины»**²²²? Судя по тому, что в этой же гимназии учились дочери и других профессоров Киевской духовной академии, в КДА царил дух не ортодоксальности, а свободомыслия. Об этом свидетельствуют следующие, приводимые Чудаковой, воспоминания: «Любовь Михайловна Скабаланович, дочь профессора Скабалановича, рассказывала нам 10 октября 1987 года: «Мой отец был очень далек от политики. Когда в Академии проводили ревизию, архиепископ сказал: «Тут **всех надо поразгонять**, кроме Скабалановича. **Он предан душой и телом религии**»»²²³. Понятно, что под религией в данном случае архиепископ разумел именно единственно верное, вечно живое учение православной церкви.

Религиозное свободомыслие в КДА вполне характеризуется и тем, что друг семьи Булгаковых В. И. Экземплярский осенью 1911 г. «<...> издал брошюру под названием «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст и их взгляды на жизненное значение заповедей Христовых», где писал: «<...> гр. Л. Н. Толстой – это живой укор нашему христианскому быту и будитель христианской совести ... усыпляется совесть этим **мнимо христианским бытом**, и сладко сознание, что можно считать себя последователем Христа, сделав его Крест украшением своей жизни, но не нося на себе тяжести этого Креста». За эту брошюру об отлученном от церкви писателе Экземплярский был уволен из Академии»²²⁴. Как полагает Чудакова: «<...> мысль автора могла стать одним из первых толчков к размышлению Булгакова вообще о роли писателя в оценке соответствия современного ему быта христианским заповедям, об огромности возможного масштаба взятой на себя писателем широкой учительской задачи. Пример Толстого, многосторонне важный для него в последующей литературной жизни, возможно, уяснялся еще при чтении брошюры Экземплярского»²²⁵.

На неортодоксальность мышления А. И. Булгакова прямо обращают внимание и другие булгаковеды: «Необходимо отметить, что А. И. Булгаков **не был ортодоксальным богословом**. Его научные интересы скорее были сосредоточены на проблемах исторических. Именно в этом

²²⁰ Там же, с. 12.

²²¹ «**Ортодоксальный** – ортодокс'альный (прил.) [фр. orthodoxe – правоверный, православный; общепринятый < позднелат. orthodoxus – православный, правоверный < греч. orthodoxos – православный, правоверный < orthos – истинный, справедливый и doxa – мнение, представление] – неуклонно следующий определённому учению, направлению, системе взглядов, идеологии; строго придерживающийся какого-либо учения в его первоначальном или общепринятом виде» [Русский язык. Говорим и пишем правильно: культура письменной речи. Новый и старый лексикон. – <http://www.gramma.ru/SPR/?id=1.3&page=1&wrд=%CE%F0%F2%EE%E4%EE%EA%F1%E0%EB%FC%ED%FB%E9&bukv=%CE&PHPSESSID=28fb268d98b5f047fed08d963ae4c752>].

²²² Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 9.

²²³ Там же, с. 39.

²²⁴ Там же, с. 41.

²²⁵ Там же, с. 41.

плане он исследовал западные течения религиозной мысли, такие, как английский ритуализм и старокатолицизм»²²⁶.

Возвращаясь к религиозной составляющей заложенного в детей Булгакова фундамента, приведу воспоминания Татьяны Павловны Глаголевой (Булашевич), невестки А. А. Глаголева²²⁷, настоятеля храма Николы Доброго, в котором венчался Михаил Булгаков. Именно он послужил прототипом отца Александра в «Белой гвардии». Татьяна Павловна была женой его старшего сына – священника о. Алексея, спасавшего в годы войны евреев от Бабьего Яра. У отца Александра было две дочери и два сына. Чтобы помочь семье Булгаковых, он предложил вдове давать уроки его маленькому сыну. Но при этом, по словам Т. П. Булашевич, когда дети Глаголевых выросли, они **не дружили с детьми Булгакова**, поскольку **«Булгаковы все же были такие вольнодумные...»**²²⁸. Надо ли пояснять, что Глаголевых отталкивало не политическое, а религиозное вольнодумство Булгаковых?

По всей видимости, свободное, не догматическое отношение к религиозным проблемам было привито Булгакову с самого детства. Я имею в виду, разумеется, свободомыслие не атеистического, а религиозно-нравственного характера, ибо, как бы свободно ни мыслил А. И. Булгаков, он был, по характеристике одного из его учеников, **«прежде всего христианин»**, веривший, что **«и теперь <...> возможно наивно-чистое религиозно-цельное христианское мировоззрение»**²²⁹. В его некрологе было подчеркнуто, что он **«<...> был очень далек от того поверхностного либерализма, который с легкостью все критикует и отрицает; но в то же время он был противником и того неумеренного консерватизма, который не умеет различать между вечным и временным, между буквой и духом и ведет к косности церковной жизни и церковных форм»**²³⁰.

Очевидно, что именно это **«наивно-чистое религиозно-цельное христианское мировоззрение»** отец Булгакова и старался привить своим детям. Церковные догматики скажут, что ему это не удалось, ведь его **«дети все отнюдь не были религиозны»**²³¹. Мне же кажется, что ему удалось главное – заложить в детей **НРАВСТВЕННЫЙ** фундамент, на котором могла надежно зиждаться любая система воззрений, хоть религиозная, хоть политическая, хоть общественная. И его дети хорошо усвоили вложенную в них в детстве мораль, что вполне доказывает их нелегкий в те тяжелые годы, но честный жизненный путь. Полученный ими нравственный фундамент действительно оказался невынимаем.

Но вернемся к личному отношению Михаила Булгакова к православию. Как подчеркивает М. Чудакова, **«наивно-чистое религиозно-цельное христианское мировоззрение»** отца **«для старшего сына Афанасия Ивановича <...> было уже невозможно»**²³². По всему складу своего характера Булгаков был не религиозным, а светским человеком. Любил застолье, карты, женщин, развлечения. При всем уважении к родителям и их окружению, религиозные стороны домашнего уклада, видимо, стесняли Булгакова, как тесный воротничок. И упоительное, опьяняющее ощущение свободы, пришедшее с изменением атмосферы в доме, было в еще большей степени невынимаемо из заложенного в него в детстве фундамента. Отказ Булгакова от церковной жизни был необратим и совершенно не связан с богоборчеством.

Еще с молодых лет, в гимназии, Булгаков **«иронизировал над <...> семинарским званием»** своих знакомых Гдешинских. Например, по поводу их езды на велосипеде он говорил: **«Так ездить могут только семинаристы»**. В результате, как пишет сестра Гдешинских: **«Влияние Миши на моих братьев сказалось прежде всего в том, что мои братья, которые учились тогда в духовной семинарии, стали готовиться к поступлению в институт»**. Об этом же вспоминает и жена одного из братьев: **«Саша говорил, что по светской дороге они пошли под влиянием Миши – оказали свое**

²²⁶ Бурмистров А. С. К биографии М. А. Булгакова (1891-1916) // Контекст-1978. – М.: Наука, 1978, с. 251.

²²⁷ Всероссийскую известность протоиерей Александр, профессор Киевской Духовной академии, специалист по Ветхому Завету и еврейской истории, получил как эксперт на суде по делу Бейлиса, обвиненного черносотенными кругами в ритуальном убийстве русского подростка, на котором Александр Глаголев авторитетно засвидетельствовал полную абсурдность обвинений.

²²⁸ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 43.

²²⁹ Там же, с. 42-43.

²³⁰ Там же, с. 26.

²³¹ Там же, с. 42.

²³² Там же, с. 43.

действие вечера в «открытом доме» Булгаковых, с музыкой. Он их ввел, так сказать, в светскую жизнь – **заставил полюбить все это**. И, по-моему, уговаривал их уйти из семинарии <...>»²³³.

Как отмечает М. Чудакова²³⁴: «В доме Булгаковых царил то молодежное оживление, которое установилось после смерти отца, при жизни которого домашний уклад был иным, более строгим, когда каждое воскресенье у них читали вслух Евангелие. <...> «Евангелие читал вслух, видимо, сам отец, – вспоминает Е. Б. Букреев <...> Семья была богобоязненная. Но **дети все отнюдь не были религиозны. Атмосфера в доме после отца была иная...**».

<...> В марте 1910 года в дневнике сестры Булгакова Надежды Афанасьевны засвидетельствован отход старшего брата от обрядов (он не хочет соблюдать пост перед Пасхой, не говеет) и его решение религиозных вопросов в пользу неверия».

Уже после смерти брата, редактируя свой дневник, Надежда Афанасьевна окончательно резюмирует свое мнение об отходе брата от религии в 1910 г. Как отмечает Б. Соколов, «<...> эта запись была сделана Надеждой в 1940 г., вскоре после смерти Булгакова, с которым она часто беседовала в последние месяцы жизни, **у сестры сложилось впечатление, что писатель умер неверующим** <...>»²³⁵.

В романе «Мастер и Маргарита» Булгаков иронизирует не только над нелепой антирелигиозной борьбой, но и, в не меньшей степени, над нелепостями самой религии. Писатель высмеивает наивную веру в чудеса, но особенно разит его сатирическое перо ненавистных ему набожных святош – проходимцев и подонков, одной рукой ворующих, а другой – крестящихся. Черновые редакции сохранили множество образцов искрометного булгаковского юмора, например, сон любимца Кураева проходимца Босого²³⁶:

«Отец Аркадий Элладов тем временем вдохновенно глянул вверх, левой рукой поправил волосы, а правой крест и, даже, как показалось Босому, похудев от вдохновения, произнес красивым голосом:

– Во имя Отца и Сына и Святого духа. Православные христиане! Сдавайте валюту!»

В окончательную редакцию романа все это не вошло, так как первоначальная художественная концепция романа существенно изменилась, но забывать с чего начиналась разработка авторского замысла религиозным «образованцам» не следует. Даже во имя борьбы за дело Отца, Сына и Святого Духа.

3.3. Одной из причин разрыва с первой женой (Татьяной Николаевной) было ее откровенно враждебное отношение к религии.

Как свидетельствует история человечества, никогда еще ни вера, ни безверие не становились преградой для истинной любви. Тем более что первая жена писателя хоть и действительно была равнодушна к вопросам веры, но никакой активной враждебности к ней не испытывала, только глубокое равнодушие. Логичнее предположить, что причина развода была та же, что и во втором браке, – Татьяна Николаевна не понимала ни самого Булгакова, ни его творчества:

«К сожалению, Татьяна Николаевна **не интересовалась** литературной работой и планами писателя»²³⁷;

«<...> она не была Маргаритой. Она **любила его, но не его творчество**. Была равнодушна к его сочинениям. И всю жизнь жалела о том, что он оставил так успешно начатую карьеру врача»²³⁸.

Глубочайшее непонимание Татьяной Николаевной художественного творчества Булгакова, выразилось в известном эпизоде с молитвой Елены в «Белой гвардии». Татьяна Николаевна сказала: «Ну, зачем ты это пишешь?» – а Булгаков рассердился и сказал: «Ты просто

²³³ Там же, с. 38.

²³⁴ Там же, с. 42.

²³⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 545.

²³⁶ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 252.

²³⁷ Из семейной хроники Михаила Булгакова: воспоминания Т. Н. Лаппа (Кисельгоф) // Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. – М.: Кн. Палата, 1991, с. 83.

²³⁸ Яновская Л. М. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 95.

дура, ничего не понимаешь!»²³⁹ И действительно, можно ли не понимать, что настоящий писатель в своем творчестве должен руководствоваться не личным отношением к религии, а только правдой жизни? А правда эта в данном случае заключалась в предельной искренности этой сцены молитвы и ее полном соответствии как художественному образу Елены в романе, так и самой атмосфере дома Турбиных. Перефразируя слова Булгакова о Толстом, можно сказать, что каждая строчка «Белой гвардии» настоящее чудо, но Татьяна Николаевна этого не понимала, и именно это обстоятельство и стало причиной их взаимного охлаждения и отдаления друг от друга²⁴⁰. Тем не менее, по свидетельству С. Ермолинского, глубокую сердечную привязанность к своей первой жене Булгаков сохранил на всю жизнь²⁴¹: «<...> она продолжала жить в нем потаенно – где-то в глубине, на дне его совести – и как ушедшая первая любовь, очищенная в воспоминаниях, и как укор, который в предсмертные дни не мог не обостриться. Поэтому он и попросил Лелю найти ее²⁴² (Тасю, как назвал он ее, как называл раньше). Он ждал ее, мучаясь и стыдясь, плохо скрывая это от нас».

Свое отношение к религии в период разрыва с первой женой Булгаков выразил в очерке «Киев-город»²⁴³: «Чем кончится полезная деятельность всех трех церквей²⁴⁴, сердца служителей которых питаются злобой, могу сказать с полнейшей уверенностью: массовым отпадением верующих от всех трех церквей и ввержением их в пучину самого голого атеизма. И повинны будут в этом не кто иные, как **сами попы**, дискредитировавшие в лоск не только самих себя, но **самую идею веры**». Увы, вслед за Булгаковым мы можем с полным основанием сказать, что и в наше время сердца некоторых служителей церкви питаются в первую очередь злобой, и с упорством достойным лучшего применения ворошат они старые могилы в попытках достижения своих сиюминутных мелких целей.

3.4. Третья же его жена – Елена Сергеевна Булгакова – вспоминала: «Верил ли он? Верил, но, конечно, не по-церковному, а по своему. Во всяком случае, когда болел, верил – за это я могу поручиться».

Вот именно, что **не по церковному, а по своему**. Обычная для многих отошедших от Церкви людей остаточная вера по принципу: «**что-то там все же есть**». От Церкви такие взгляды так же далеки, как и учение ненавидимых диаконом Рерихов и Блаватской, для которых Кураев не жалеет черной краски²⁴⁵, ибо затянуть их наследие в свои сети ему не по зубам. Я одинаково прохладно отношусь ко всем религиозным воззрениям, но все же глумление диакона над учением Рериха мне отвратительно и полностью характеризует для меня нравственный потенциал перековавшегося совкового атеиста. Могу только вообразить, каким дегтем измазал бы Кураев «**любимый**» роман Булгакова, если бы преждевременная смерть автора и неоконченность его романа не дали бы диакону повода к попытке искажения авторского смысла произведения.

Согласитесь, что есть огромная разница между ежедневной записью в дневнике реальных событий, и записью воспоминаний о них по прошествии многих лет. Сама Елена Сергеевна вполне понимала эту разницу, и не случайно пишет в своем дневнике от 22 августа 1935 г.²⁴⁶: «**Прервались записи, потому, что суматошно шла жизнь. Не записано: отказ в поездке за**

²³⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 297.

²⁴⁰ Вот как Лаппа описывает встречу с Булгаковым в сентябре 1921 г. в Москве: «<...> **ничего у меня не было – ни радости никакой, ничего. Все уже как-то... перегорело...**» [Из семейной хроники Михаила Булгакова: воспоминания Т. Н. Лаппа (Кисельгоф) // Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. – М.: Кн. Палата, 1991, с. 93].

²⁴¹ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 180.

²⁴² Ермолинский имеет в виду высказанную Булгаковым незадолго до смерти просьбу найти и попросить заехать к нему его первую жену Татьяну Николаевну Лаппа. К сожалению, найти его первую жену не удалось. Заметим, что никаких попыток проститься со второй женой, местонахождение которой было ему прекрасно известно, Булгаков при этом не предпринял.

²⁴³ Булгаков М. А. Киев-город. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 536.

²⁴⁴ Булгаков имеет в виду разделение церкви на старую, живую и автокефальную или украинскую.

²⁴⁵ «**Серьезно-рерихнутые дяди и тети**»; «**рериховцы воспитаны в таком презрении к людям**»; «**рериховские проповедники неумны и нечестны**» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер].

²⁴⁶ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 101.

границу, история с Вересаевым <...> **Восстановить все это, конечно, нельзя, поэтому просто начинаю записывать день за днем».**

Как отмечает Л. Яновская²⁴⁷, рассказы и воспоминания Е. С. Булгаковой «не только увлекательны, но загадочно **противоречивы, в них есть несовпадения, недосказанность, оставляющая ощущение тайны, размытые места, перемещение событий и дат...**». Например, по рассказам Елены Сергеевны, она познакомилась с Булгаковым «в 29-м году в феврале на масленую. Какие-то знакомые устроили блины», а в дневниковой записи от 04.01.1956 указана даже конкретная дата 28 февраля 1929 г. Но: «**Последний день масленой, или прощенное воскресенье, когда в России пекут блины, в тот год выпал на 17 марта**».

Однако прежде чем обвинять Елену Сергеевну в недобросовестности или плохой памяти, попробуйте сами описать какой-нибудь эпизод своей жизни, случившийся 20-30 лет назад, если вы, конечно, тогда уже жили на свете. А если по счастливой случайности вы в это время вели дневник, сравните свои воспоминания с дневником. Уверяю вас, что вы обнаружите сплошные лакуны между припомненными вами отрывочными фактами.

Далеко не все обстоятельства жизни Булгакова были достоверно известны его жене, например Елена Сергеевна не знала, что он прошел через морфинизм и служил в белой армии²⁴⁸, и точно так же, без колебаний, она поручилась бы, что этого не было. Но ведь было...

Я не собираюсь оспаривать достоверность воспоминаний близких Булгакову людей, но нужно же понимать, что, как и любые воспоминания, они содержат не только объективные факты, но и субъективные выводы и оценки. И там, где эти субъективные выводы слишком явно расходятся с известными событиями из жизни Булгакова и с его собственными высказываниями и оценками, я предпочитаю быть на стороне последних. Как мы убедимся ниже, известные факты биографии Булгакова свидетельствуют, что в последние годы жизни он был совершенно равнодушен к вопросам веры (см. [тезисы 3.11-3.14](#)).

Мне представляется крайне существенным, что за долгие годы жизни ни в собственных дневниках писателя, ни в дневниках его жены не отражено **ни одно(!)** связанное с вопросами личной веры событие. Не упоминаются ни церкви, ни религиозные праздники, в то время как для записей по поводу советских праздников и политических событий место находится. Показательно и то, что даже в самые святые для православных праздники, – Рождество, Пасху и Троицу, Булгаков совершенно спокойно ходил развлекаться, и в частности игрой в карты (см. [тезис 13.7](#)). Только в дневнике за 1925 г. зафиксирован случай единичного возмущения глумлением журнала «Безбожник» над образом Христа. Но к личной вере это отношения не имеет, – такие вещи вызывают естественное отвращение у любого интеллигентного человека. Точно так же уважительно относился к вере и великий атеист Иван Павлов (см. [тезис 4.1](#)). Булгакова возмутила не сама по себе безбожная советская пропаганда или ее кощунство, а именно откровенное **хамское искажение** облика Христа: «**Соль не в кощунстве <...>. Соль в идее <...>: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника**»²⁴⁹. Не случайно за несколько дней до этого писатель сделал запись «**От хамов нет спасения**»²⁵⁰. Тем не менее, показательно, что

²⁴⁷ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 15.

²⁴⁸ «Ее преданность была безгранична, и его доверие к ней было безгранично. И все-таки он рассказывал ей не все, и она знала о нем не все. Не знала, что в гражданскую войну он служил в белой армии; врачом, но служил. Писала его брату, Николаю Булгакову: «<...> среди людей, не знающих его, но интересующихся им, существует много сказок и легенд, вроде того, что он служил в белой армии...» «Вы глубоко правы, – дипломатично и уклончиво отвечал ей знавший правду Н. А. Булгаков, – клевету и наветы на Мих. А. Булгакова нужно всюду энергично опровергать. Он, т. е. Михаил, был истинно русский интеллигент, человек по всей своей сути мягкий и чуткий, но никак не милитарист! Ни в каких боях он никогда не участвовал и, наверное, никогда и никого не ранил и не убил».

И не знала Е. С., что в молодые годы – в 1917–1918 годах – Булгаков прошел через морфинизм» [[Людия Яновская](#). Дайте слово текстологу (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>].

Несомненно, что службу в белой армии Булгаков скрыл от любимой женщины, опасаясь своего возможного ареста. Ведь только ее искреннее неведение об обстоятельствах его биографии давало ему надежду, что она сможет избежать репрессий.

²⁴⁹ Булгаков М. А. Мой дневник, запись от 05.01.1925 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 87.

²⁵⁰ Там же, запись от 26.12.1924, с. 78.

позже Булгаков сдружился с постоянным карикатуристом журнала «Безбожник» М. М. Черемных «и очень симпатизировал ему лично»²⁵¹.

3.5. И до хулы на Бога и Церковь Булгаков все же никогда не доходил. Ему пробовали заказывать антирелигиозные пьесы – и он отказывался (и это в 1937 году!).

Невольно вспоминается «Сказка о Тройке» Стругацких²⁵²:

«– Народ... – донеслось из боевой рубки. – Народ смотрит вдаль. Эти плезиозавры народу... – Не нужны! – выпалил Хлебовводов из малого калибра – и промазал».

Так промазал и диакон, путающий политические и антирелигиозные репрессии. Его поразительное невежество в истории родной страны сыграло с ним очередную злую шутку: «Современник этих событий отмечает: «Ряд последних лет, начиная примерно с 1932, характеризовался **сильным ослаблением** антирелигиозной пропаганды (...) После высокого подъема антирелигиозной работы, приходившегося на годы сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, борьба против религии в последнее время ослабела. (...) За период с 1932 г. по 1936 г. **почти ни один** краевой или областной комитет партии, не говоря уже о райкомах, **не интересовался** тем, как ведется антирелигиозная пропаганда. Печать также выпустила это дело из своих рук. (...) Наркомпрос стал вести эту работу **еще более вяло**, более неудовлетворительно... **ликвидировал** в течение двух последних лет целый ряд антирелигиозных музеев на местах. Вместо того чтобы помочь им улучшить экспозицию и оживить работу, Наркомпрос попросту решил эти музеи **закрыть** в Орле, Курске, Ростове-на-Дону, Куйбышеве, Таганроге и ряде других мест. **Закрыт** также Дом антирелигиозного просвещения в Ленинграде». Подобная «смена курса» помогает понять причину значительных изменений в судьбах отдельных музеев-храмов. Так, именно в это время (1937 г.) меняется статус музея в Исаакиевском соборе, и он становится историко-художественным»²⁵³.

Именно в 1937 году антирелигиозные темы были уже совершенно не актуальны, наступили совсем иные времена. Теперь охотились уже на политических, а не на религиозных противников. Еще 14 ноября 1936 г. была снята опера известного любителя антирелигиозных пьес Демьяна Бедного «Богатыри», в том числе и за глумление над религией. В постановлении Комитета по делам искусств в числе прочих мотивов снятия оперы было указано²⁵⁴: «<...> **дает антиисторическое и издевательское** изображение крещения Руси, являвшегося в действительности **положительным этапом в истории русского народа**».

Но дело не только в этом. Антирелигиозный сценарий (а не пьесу!) Булгакову попытались заказать всего один раз, и он отказался от работы над ним даже не зная, что тема антирелигиозная. Его собственно это и не волновало, он просто не имел привычки писать по чужому заказу. Вот запись от 20 мая 1937 г.²⁵⁵: «<...> вечером звонил Адриан Пиотровский <...> Он что-то делает в кино в Ленинграде или заведует чем-то, не знаю. Хотел заказать М. А. сценарий. **М. А. отказался. Но из любопытства спросил – «на какую тему?» – Антирелигиозную!»** Таким образом, пафосное надувание диаконом щек по поводу отказа Булгакова от данной работы, по меньшей мере, смешно и глупо.

Булгаков не был ремесленником и отказывался от любых не интересных ему предложений:

«Кнорре зашел в филиал, вызвал М. А. и очень тонко, очень обходительно предложил тему – «прекрасную – о перевоспитании бандитов в трудовых коммунах ОГПУ» – так вот, не хочет ли М. А. вместе с ним работать.

М. А. не менее обходительно отказался»²⁵⁶.

Еще пример, 2 мая 1938 г. к нему пришел видный издательский работник Н. С. Ангарский «<...> и с места заявил: – Не согласитесь ли написать авантюрный советский роман? Массовый

²⁵¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 313.

²⁵² Стругацкий А., Стругацкий Б. Сказка о Тройке. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. – М.: Текст, 1992, с. 298.

²⁵³ Бондарчук В. Г. Анализ литературы о музеефикации российских культовых зданий. – <http://www.cathedral.ru/cathedra/num1/bondarchuk>

²⁵⁴ Постановление Всесоюзного Комитета по делам искусств от 13 ноября 1936 (газ. "Правда" от 15 ноября 1936) // Сборник «Против фальсификации народного прошлого». – М.-Л.: 1937, с. 3-4.

²⁵⁵ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 148.

²⁵⁶ Там же, запись от 8 декабря 1933 г., с. 47.

тираж, переведу на все языки. **Денег – тьма, валюта. Хотите, сейчас чек дам – аванс?** – М. А. отказался, сказал – это не могу. После уговоров, Ангарский попросил М. А. читать его роман («Мастер и Маргарита»), М. А. прочитал 3 первые главы. Ангарский сразу: – А это напечатать нельзя. – Почему? – **Нельзя»**²⁵⁷. При крайне стесненном материальном положении Булгакова отказаться от такого фантастического предложения мог только человек, который не пишет по заказу, и которому совершенно не важно, что ему заказывают, – антирелигиозный сценарий или авантюрный роман.

Как писала Елена Сергеевна брату Булгакова Николаю²⁵⁸: «<...> не всякий выбрал бы такой путь. Он мог бы, со своим невероятным талантом, жить абсолютно легкой жизнью, заслужить общее признание. Пользоваться всеми благами жизни. Но он был настоящий художник – правдивый, честный. **Писать он мог только о том, что знал, во что верил**».

3.6. Вот булгаковский дневник: «19 октября 1922. Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ... 26 октября 1923. Нездоровье мое затяжное. Оно может помешать мне работать. Вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога... 27 октября 1923. Помоги мне, Господи».

Далее диакон цитирует письма Булгакова: 13.5.1935 «Каждое утро воссылаю моления о том, чтобы этот надстроенный дом простоял как можно дольше – качество постройки несколько смущает». 28.12.1939 «В конце жизни пришлось пережить еще одно разочарование – во врачах-терапевтах... А больше всего да поможет нас всем больным Бог!»

Так и видится коленопреклоненный Булгаков, возносящий молитвы Богу. Но это всего лишь один из методов коррекции истины лукавым диаконом, объединившим вместе записи за 18 лет. Причем, это все, что удалось раскопать вдохновенному исследователю. Не маловато ли? Иной закоренелый атеист за день бога чаще помянет, чем Булгаков за эти долгие годы. Характерно, что для имитации нужного ему эффекта якобы религиозного настроения Булгакова, Кураев отобрал только записи, относящиеся к нездоровью, отбросив за ненадобностью записи вида: **«Господи! Хоть бы скорее весна!»**²⁵⁹ Видимо убоился ненужной аналогии времен своей атеистической юности: **«Прошла весна, настала лето. Спасибо Партии за это!»**.

В первой записи Кураев, видимо для лучшей репрезентативности выборки, нечаянно «ошибся» годом, превратив 1923 г. в 1922 г. На самом деле все три первые записи сделаны **одна за другой**, и относятся к тем дням, о которых Булгаков записал: **«Я нездоров, и нездоровье мое неприятное, потому что оно может вынудить меня лечь. <...> Поэтому и расположение духа у меня довольно угнетенное»**²⁶⁰.

Кроме «ошибки» в годе диакон еще и опустил ненужные ему слова. Например, в записи от 26.10.1923 опущена вводная мысль, натолкнувшая Булгакова на раздумья, и пропущены слова **«Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче»**. В результате смысл слов, что так **просто легче жить**, изменился. Другое предложение он хитроумно разбил на два, и акцент фразы сместился с нездоровья на Бога. Заметим, что диакон даже не счел нужным выделить пропуски в тексте. Сравните компиляцию диакона с оригиналом (пропущенное Кураевым выделено):

«Да, если бы не болезнь, я бы не страшился за будущее.

Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ.

<...>

Нездоровье же мое при таких условиях тоже в высшей степени не вовремя.

Но не будем унывать. Сейчас я просмотрел «Последнего из могикиан», которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере. Тип Давида, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге.

²⁵⁷ Там же, запись от 3 мая 1938 г., с. 197.

²⁵⁸ Там же, письмо к Н. А. Булгакову от 16 января 1961 г., с. 323.

²⁵⁹ Письмо к В. В. Вересаеву от 06.03.1934 // *Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940.* – М.: Совр. писатель, 1997, с. 321.

²⁶⁰ *Булгаков М. А. Мой дневник, записи от 26.10.1923 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940.* – М.: Совр. писатель, 1997, с. 59.

Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога.

<...>

Был неприятно взволнован тем, что, как мне показалось, доктор принял меня сухо. Взволнован и тем, что доктор нашел у меня улучшение процесса. Помогите мне Господи»²⁶¹.

В записи от 28.12.1939 пропущено предшествующее, десакрализирующее ее смысл предложение: «<...> принял новую веру и перешел к гомеопату. А больше всего да поможет нам всем больным Бог!»²⁶².

Самые отъявленные атеисты поминают бога сто раз на день, не задумываясь над этим, и не придавая этому никакого значения. Что же говорить о Булгакове, для которого употребление этого слова и образа, в силу его воспитания, было более чем уместным? Аналогичные выражения можно встретить и у ставшего пантеистом бывшего христианина Гете, например, «только бы бог дал сил и удачи»²⁶³. А диакон надергал несколько цитат за 18 лет и пытается представить их доказательством искренней веры в христианского бога. Но они доказывают веру в него не больше, чем чертыханье споткнувшегося человека доказывает, что он верит в черта. Обширная переписка Булгакова, его личные и семейные дневники показывают, что он нигде не обнаружил ни малейшего интереса к обсуждению религиозных тем, и упоминает бога только несколько раз в случаях нездоровья. Более того, в здоровом состоянии Булгаков предпочитает упоминать Судьбу, а не Бога:

«Прежде всего о «Турбиных», потому что на этой пьесе как на нити подвешена теперь вся моя жизнь и еженощно я воссылаю моления Судьбе, чтобы никакой меч эту нить не перерезал»;

«Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло»²⁶⁴.

Отношение Булгакова к вере в период его нездоровья и смутного послереволюционного времени вполне определенно выражено в интервью его первой жены Т. Н. Лаппа (Кисельгоф)²⁶⁵:

«Л. П. А как в смысле веры? Насколько я помню, он не был верующим?

Т. К. Нет, он верил. Только не показывал этого.

Л. П. Молился?

Т. К. Нет, никогда не молился, в церковь не ходил, крестика у него не было, но верил. Суеверный был. Самой страшной считал клятву смертью. Считал, что это... за нарушение этой клятвы будет обязательно наказание. Чуть что – «Клянись смертью!»».

Из слов Лаппы некоторые булгаковеды делают вывод о вере Булгакова в Бога. Но помилуй бог, где же тут вера в Бога? У Лаппы речь идет не о вере, а только о склонности Булгакова к суеверию. И то, судя по воспоминаниям Лаппы, все суеверие Булгакова сводилось к тому, что он считал, что каждому Судьбой воздастся по вере и делам его, именно эту философию писатель и отразил в романе «Мастер и Маргарита».

По словам Лаппы у Булгакова был магический талисман, – ее браслетка: «Мать тогда подарила мне такую золотую браслетку... шириной с палец и вся из таких мелких колечек сделана. Очень красивая браслетка была, <...> Булгаков потом все время брал ее у меня, как что-нибудь такое... рискованное. Как амулет»²⁶⁶. Как отмечает Л. Паршин²⁶⁷: «Это был амулет Булгакова. Он надевал ее в самые ответственные моменты». Разъезжаясь с Лаппой, Булгаков попросил у нее браслетку, но получил отказ²⁶⁸: «Я ему помогала все уложить, вниз относить, а потом он попросил у меня золотую браслетку. Но я не дала ему. <...> Вот так мы и разъехались. Куда он поехал, где жил – ни звука мне не сказал, и я у него не спрашивала». Эта браслетка чудом

²⁶¹ Там же, записи от 19, 26 и 27 октября 1923 г., с. 58-61.

²⁶² Письмо к А. П. Гдешинскому от 28.12.1939 из санатория «Барвиха» // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 536.

²⁶³ Гете И. В. Из «Итальянского путешествия». Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М.: Худож. Лит., 1980, с. 233.

²⁶⁴ Письма к П. С. Попову от 14.04.1932 (приписка от 20.04.1932) и 07.05.1932 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 268, 274.

²⁶⁵ Из семейной хроники Михаила Булгакова: воспоминания Т. Н. Лаппа (Кисельгоф) // Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. – М.: Кн. Палата, 1991, с. 63.

²⁶⁶ Там же, с. 25.

²⁶⁷ Там же, с. 74.

²⁶⁸ Там же, с. 110.

уцелела в самое тяжелое время их жизни во Владикавказе, когда они жили на то, что продавали по кускам толстую золотую цепь Лаппы и другие ее драгоценности²⁶⁹. К счастью в 1919 г., по пути на Кавказ, Булгаков проигрался в бильярд в Ростове и был вынужден заложить браслетку. Квитанцию на выкуп он отдал двоюродному брату Константину с просьбой выкупить браслетку и передать ее сестре Варе. И только через три года, в 1922 г. в Киеве сестра Варя вернула ему ее²⁷⁰. За этой заветной браслеткой Булгаков приходил и после развода, пока, предположительно в 1927 г., Лаппа не продала ее²⁷¹.

Воспоминания Лаппы относятся к периоду ее жизни с Булгаковым в 1913-1923 гг. После этого виделись они чрезвычайно редко и тесных отношений не поддерживали. В 1936 г. Лаппа уехала к новому мужу в Сибирь и о смерти Булгакова узнала из газет. Оценивая сегодня свидетельства Лаппы, о суеверности Булгакова, нужно понимать, что такие утверждения всегда субъективны по определению. Как подчеркивал Владимир Даль²⁷²: *«Взаимные пределы правоты и суеверия зависят от убеждений, и у всякого на это своя вера. Все таинственное, непонятное в природе иными отвергается и зовется суеверием. <...> Один считает суеверным того, кто не выезжает в путь по понедельникам, а другой того, кто верит в общительную духовную жизнь»*. Можно считать крайне суеверным футболиста, надевающего на матч старую испытанную футболку. А можно сказать, что для него это своеобразный аутотренинг, помогающий сконцентрировать все силы для достижения победного результата. Именно подобным суггестивным амулетом и была упомянутая золотая браслетка для Булгакова. Аналогичные приметы найдутся в обиходе самого закоренелого материалиста, если он, конечно, не настолько фанатичен, что ради мнимой чистоты своих убеждений сознательно борется с подобными явлениями в своей жизни.

Лаппа была настолько равнодушна к религии и всему потустороннему, что малейшее отклонение от ортодоксального материализма воспринимала как склонность к вере, относя к ней и обычное суеверие. Даже молитву Елены в «Белой гвардии» Лаппа рассматривала, прежде всего, как признак темноты и суеверности: *«<...> я подумала: «Ведь эти люди <...> все-таки были не такие темные, чтобы верить, что от этого выздоровеют...»»*²⁷³. Несомненно, сам Булгаков был о себе несколько иного мнения, чем Лаппа. Заговорив как-то с Еромолинским о смерти, он заключил свои слова фразой: *«<...> я, кажется, действительно совсем плох, коли заговорил о таких вещах. Ты не находишь?»»*²⁷⁴ Впрочем, часто мы не замечаем или не придаем значения собственным суевериям, и легче замечаем чужие...

Как мы уже видели (см. [тезис 3.3](#)), по поводу молитвы Елены у Булгакова с Лаппой возникла размолвка, в связи с глубоким непониманием Татьяной Николаевной значения этого эпизода в романе и искренности описания его Булгаковым. Тем не менее, весьма существенно, что писатель (возможно именно после разговора с Лаппой) счел необходимым десакрализировать религиозность Елены, и, так же как и Лаппа, подчеркнул в романе именно ее суеверность:

«Турбин выдрал мгновенно из рамы карточку Сергея Ивановича и разодрал ее в клочья. Елена по-бабьи заревела, тряся плечами, и уткнулась Турбину в крахмальную грудь. Она косо, суеверно, с ужасом поглядывала на коричневую икону, перед которой все еще горела лампадка в золотой решетке.

*«Вот помолилась... условие поставила... ну что ж... не сердись... не сердись, мать божия», – подумала суеверная Елена»*²⁷⁵.

Заметим, что в ранней редакции окончания романа указанный эпизод не только предшествовал описанию лечения Русакова, но и был существенно разнесен с ним в тексте²⁷⁶. В окончательной же редакции Булгаков максимально сблизил оба описания и поменял их местами, что привело к дополнительному эффекту их внутренней переклички. Теперь, после трезвого

²⁶⁹ Там же, с. 82.

²⁷⁰ Там же, с. 73.

²⁷¹ Там же, с. 75.

²⁷² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. В 4 т. Т. 4. Р-Я. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003, с. 596-597.

²⁷³ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 297.

²⁷⁴ Еромолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 174.

²⁷⁵ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. с. 276.

²⁷⁶ Булгаков М. А. Окончание романа «Белая гвардия» (ранняя редакция) // Булгаков М. А. Белая гвардия: Гражданская война в России. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 379, 390-393.

охлаждения Турбиным религиозного рвения Русакова: «<...> **откажитесь** от вашей упорной мысли о боге <...> **перестаньте** увлекаться религиозными вопросами <...> **поменьше читайте Апокалипсис... <...> вам вредно**»²⁷⁷, авторская оценка суеверности Елены приобрела более значимый характер. Как пишет Кураев, «Булгаков не мальчик в литературе», если он так описывает поведение Елены «**по-бабьи заревела, тряся плечами**», «**косо, суеверно, с ужасом поглядывала**» и дважды подряд(!) употребляет слово «**суеверный**», то это не случайно.

Отношение Булгакова к христианству вполне характеризует комментарий Лаппы по поводу воспоминаний И. В. Гудковой «Булгаковские места», в которых утверждается, что в ранней юности на Булгакова имел определенное влияние отец Александр (Глаголев), с которым Булгаков якобы немало общался: «Т. К. Откуда она может это знать? Если в ранней юности Михаилу было 15-16 лет, то ей было 3-4 года! Я знаю, что Михаил к Глаголеву не ходил, и он к нам не ходил. Михаил ни разу не вспоминал о нем. Он верил, но **не был религиозным**»²⁷⁸ (напоминаю, что слова Лаппы «он верил» относятся к суеверности Булгакова, а не к вере в Бога). Комментарий Лаппы полностью согласуется с приведенными выше при обсуждении тезиса 3.2 воспоминаниями невестки отца Александра о том, что дети Глаголева, когда они выросли, не дружили с Булгаковыми из-за их религиозного вольнодумства: «**Булгаковы все же были такие вольнодумные...**»

3.7. Есть и личное признание Булгаковым послесмертия. С. Ермолинский передал слова Булгакова, сказанные ему в 1940 году: «Мне мерещится иногда, что смерть – продолжение жизни. Мы только не можем себе представить, как это происходит... Я ведь не о загробном говорю, я не церковник и не теософ, упаси Боже. Но я тебя спрашиваю: что же с тобой будет после смерти, если жизнь не удалась тебе? Дурак Ницше... (Он сокрушенно вздохнул). Нет, я кажется, окончательно плох, если заговорил о таких заумных вещах. Это я-то?..».

Во-первых, последние слова невозможно истолковать иначе, чем: «**И это такой безбожник, как я?..**»

Во-вторых, в приведенных словах Булгаков, говорит вовсе не о загробной жизни, а обсуждает слова Ницше. Кураевым опущены предшествующие слова Булгакова: «– Если жизнь не удастся тебе, помни, тебе удастся смерть... Это, сказал Ницше, кажется, в «Заратустре». Обрати внимание – какая надменная чепуха! Мне мерещится иногда, что смерть – продолжение жизни. Мы только не можем себе представить, как это происходит. Но как-то происходит...»²⁷⁹ По мнению Б. Соколова, в переданных Ермолинским словах Булгаков «<...> недвусмысленно отвергает церковное христианство, загробную жизнь и мистику. <...> Булгаков, почти все главные произведения которого при жизни так и не были опубликованы, боялся, что после смерти его может ждать забвение, а написанное канет в безвестность, так и не дойдя до читателей (и зрителей)». Несомненно, именно с этими мыслями Булгакова перекликаются его прощальные слова: «**Пусть знают**».

В-третьих, при всем моем уважении к воспоминаниям Ермолинского, хочу напомнить мнение Е. С. Булгаковой о точности передачи им слов Булгакова. В ее дневнике есть запись разговора с Ермолинским от 17.11.1967 по поводу его воспоминаний в журнале «Театр»: «– Если ты хочешь, чтобы я приняла твою статью целиком, переведи прямую речь Миши в косвенную. Ты не передаешь его интонации, его манеры, его слова. **Я слышу, как говорит Ермолинский, но не Булгаков**»²⁸⁰. Ермолинский учел замечания Елены Сергеевны, и в новом издании своих воспоминаний передал обсуждаемое место следующим образом²⁸¹.

«Однажды, подняв на меня глаза, он заговорил, понизив голос и какими-то несвойственными ему словами, стесняясь:

²⁷⁷ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. с. 270-272.

²⁷⁸ Из семейной хроники Михаила Булгакова: воспоминания Т. Н. Лаппа (Кисельгоф) // Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. – М.: Кн. Палата, 1991, с. 65.

²⁷⁹ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 546.

²⁸⁰ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 9.

²⁸¹ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 174.

– Что-то я хотел тебе сказать... Понимаешь... Как всякому смертному, мне кажется, что смерти нет. Ее просто невозможно вообразить. А она есть.

Он задумался и потом сказал еще, что духовное общение с близким человеком после его смерти отнюдь не проходит, напротив, оно может обостриться, и это очень важно, чтобы так случилось...

– Фу ты, – перебил он сам себя, – я, кажется, действительно совсем плох, коли заговорил о таких вещах. Ты не находишь?»

Булгакова часто пытаются представить мистиком, но его жизнь и творчество свидетельствуют об обратном²⁸². Как отмечает Б. Соколов, в письме Правительству СССР от 28 марта 1930 г. «<...> слова о себе как о «мистическом писателе» помещены в явно иронический контекст, что, разумеется, было бы немыслимо для настоящего мистика»²⁸³; «<...> мистическим писателем» Булгаков называет себя здесь в ироническом смысле, а мистическое для него – только художественный прием, призванный помочь созданию современной сатиры. <...> Воланд и другие представители потусторонних сил в «Мастере и Маргарите» – целиком плод фантазии, они подчеркнута отделены от действительности»²⁸⁴.

3.8. Михаил Булгаков в стихах своего брата Николая отмечает строки, в которых выражается православное верование во «встречного ангела» – «ангела смерти»:

Войдешь без слов, мой гость случайный.

Как зачарованный вопьюсь

Глазами в лик необычайный.

Скажу – готов и не боюсь.

Комментарий Михаила Афанасьевича: «Скажу – готов и не боюсь. Верно и сильно».

Вполне обычный разговор поэта со Смертью, не зависящий от степени его религиозности и выражающий философское отсутствие страха перед смертью. У многих закоренелых атеистов есть аналогичные строки. Где здесь именно православное верование в «ангела смерти», а не, скажем, в «черного человека» Моцарта или Есенина? Да и слова Булгакова относятся не к «гостю случайному», а к отсутствию страха перед смертью.

Для создания впечатления о якобы мистических настроениях писателя, Кураев передергивает факты. Во-первых, брат Николай стихи не писал. Во-вторых, написавший их младший брат писателя Иван сам настоятельно просил Булгакова дать критический отзыв на подборку его стихов²⁸⁵: «Мне хотелось бы, если есть у тебя возможность, получить **несколько строк критики** давно тебе посланного. Ты их мне обещал... и замолк». Приведенные строки диакон выдрал именно из критического ответа Булгакова, в котором подробно разбирается художественный уровень каждой строки каждого стихотворения брата²⁸⁶:

««Я жду тебя, певец полночный...» Начало правильное. Верно и «... Тебе окно открыл нарочно и занавесь сорвал с окна...»

Но в остальном смысл затемнен. Певца полночного не видишь. И непонятно, почему поэт ждет его, если он «гость случайный». Лик пришедшего не ясен, благодаря тем определениям, которые дает автор. Что значит «страх ужаса»? В особенности, если далее идет «хранитель сна».

«Скажу – готов и не боюсь». Верно и сильно, а далее досадное ослабление.

И это во многих стихотворениях. Они написаны туманно. Не отточена в них мысль до конца <...>».

²⁸² Даже такое сакральное событие, как смерть, которую Булгаков в 1939 году, по словам Елены Сергеевны Булгаковой, предчувствовал, в его импровизации не выглядела ужасной: в последний год жизни часто в узком кругу друзей «<...> он начинал говорить о своей предстоящей смерти. Причем говорил до того в комических, юмористических тонах, что первая хохотала я. А за мной и все, потому что удержаться нельзя было. Он показывал это вовсе не как трагедию, а подчеркивал все смешное, что может сопутствовать такому моменту» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 322].

²⁸³ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 545.

²⁸⁴ Там же, с. 89.

²⁸⁵ Письмо Булгакова И. А. от 04.05.1934 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 325.

²⁸⁶ Письмо к Булгакову И. А. от 12.05.1934 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 332.

Как видим, перед нами самая обычная литературная критика, совершенно лишенная малейшего мистического религиозного налета, приписываемого ей Кураевым.

3.9. Так что Булгаков, пожалуй, не был повинен в том грехе, который вызывал наибольшее отвращение у Данте: «Я утверждаю, что из всех видов человеческого скотства, самое глупое, самое подлое и самое вредное верить, что после этой жизни не будет другой» (Данте. Пир 2,8).

Вообще то Данте писал не «не будет другой», а «нет другой». Но дело не в этом. Из контекста видно, что Данте **не обсуждает грех атеизма**, а излагает символ собственной веры, сводящийся к тому, что «из всех видов человеческого скотства самое глупое, самое подлое и самое вредное» не верить в непреложное учение Христа, «которое есть путь, истина и свет»²⁸⁷. Не опровергая Данте, жившего, между прочим, в 14 веке и искренне верившего в Бога и наличие непреложных доказательств Его существования, замечу, что для наших современников, знающих, что таких доказательств не существует, не меньшим, если не большим скотством, является обвинение в скотстве неверующих в бога, к которым по свидетельству Кураева относился и великий ученый Иван Павлов, которому сам же диакон пропел весьма возвышенные дифирамбы (см. [тезис 4.1](#)).

По Кураеву получается, что в самом глупом, подлом и скотском грехе повинен и выдающийся итальянский ученый, один из крупнейших современных писателей агностик Умберто Эко, известный русскому читателю, прежде всего как автор романов «Имя Розы», «Маятник Фуко», «Баудолино» и др. Однако к этике Эко подобные грязные эпитеты совершенно не применимы. Своё отношение к религии он сам характеризует следующим образом: «Я <...> испытывал сильнейшее влияние католицизма вплоть до возраста (обозначу момент перелома) двадцати двух лет. Внерелигиозное мировоззрение, таким образом, было мною не пассивно усвоено, а выстрадано в процессе длительного и медлительного преобразования, и до сей поры я не могу знать, насколько мои моральные взгляды определяются отпечатком той религиозности, которая была мне привита в начале жизни. В прожитые впоследствии годы мне приходилось присутствовать (в одном зарубежном католическом университете, куда приглашают, в частности, и профессоров, далеких от религии, ожидая от них не более чем формально-почтительного отношения к религиозным академическим ритуалам) при том, как мои коллеги подходят к таинству причастия без веры в Присущего, и разумеется, без предшествующей исповеди и отпущения грехов. С содроганием, невзирая на многолетнюю внерелигиозность, ощущал я ужас перед этим зрелищем святотатства»²⁸⁸.

Как видим, для интеллигентного человека отказ от религии не означает немедленного впадения в скотство и не исключает естественного отвращения к святотатству, что, к сожалению, совершенно непонятно самообразовавшимся из бывших вульгарных безбожников новым религиозным ортодоксам, одержимым ненавистью ко всем инакомыслящим, ибо, в отличие от Данте, вера их идет не от души, не от наполненного любовью сердца, а от схоластических построений их фанатичного мышления.

3.10. Но более, чем скупые записи дневников, в том, что у Булгакова был опыт искренней молитвы, убеждают его книги.

Из поверхностных суждений диакона следует, что книги Достоевского убеждают, что у него был опыт искреннего убийства. Над подобными наивными измышлениями смеялся еще Высоцкий, объясняя, что он не сидел, не шоферил, и не воевал, что не мешало ему крайне достоверно писать об этом. Кроме того, Булгаков родился и вырос в верующей православной семье. Его деды и по отцу и по матери были священниками. Поэтому несомненно, что до того, как он, вступая в сознательный возраст, отошел от религии, у него был опыт самой искренней и чистой молитвы.

²⁸⁷ Данте Алигьери. Пир // Малые произведения. М., Наука, 1968, с. 149.

²⁸⁸ Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2003, с. 3.

В романе «Белая гвардия» этот опыт выражен в молитве «суеверной» Елены (см. [тезис 3.6](#)), раскрывающей богатство и глубину ее души и готовность пожертвовать своим личным счастьем ради возвращения к жизни брата. Личное же отношение Булгакова к религии раскрыто в образе Алексея Турбина, прототипом которого явился сам писатель. В сцене лечения Русакова «отмоленный» Еленой Алексей Турбин, прежде всего охлаждает его излишнее религиозное рвение:

«– Вот что, – сказал Турбин, отбрасывая молоток, – вы человек, по-видимому, религиозный.
– Да, я день и ночь думаю о боге и молюсь ему. Единственному прибежищу и утешителю.
– <...> я отношусь к этому с уважением, но <...> на время лечения вы уж откажитесь от вашей упорной мысли о боге. <...> **в вашем состоянии это вредно.** Вам нужны воздух, движение и сон.

– По ночам я молюсь.

– Нет, это придется изменить. Часы молитвы придется сократить. <...> **вам необходим покой.** <...> **Вы перестаньте увлекаться религиозными вопросами.** <...> **ведь вы в психиатрическую лечебницу попадете.** <...> Убедительно советую, поменьше читайте Апокалипсис... Повторяю, вам вредно»²⁸⁹.

Думаю, именно эти советы дал бы Булгаков и диакону Кураеву, если бы имел «счастье» ознакомиться с произведениями его воспаленного религиозным рвением ума.

3.11. Итог его религиозного пути Михаила Булгакова мы уже видели: за три дня до смерти, «6 марта 1940 г. Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются...».

«Мы уже видели» не «итог его религиозного пути» (см. [тезис 2.3](#)), а записи в истории болезни, характеризующие болезненный бред Булгакова в период помутнения рассудка. В дневниках Елены Сергеевны таких записей нет. Не сочла она нужным добавить их и при подготовке второй редакции дневников. А ведь многое при авторском редактировании дневников она добавляла и изменяла (см. [тезис 2.3](#)). Но данные слова она отнесла к болезненному состоянию писателя, а не к моментам высокого горения его духа. А в ясном сознании в словах и действиях Булгакова нет и намек на мифический «итог религиозного пути»:

«Сказал: «Всю жизнь презирал, то есть не презирал, а не понимал... Филемона и Бавкиду»²⁹⁰... и вот теперь понимаю, это только и ценно в жизни»²⁹¹;

«Утром: «Ты для меня все, ты заменила весь земной шар. Видел во сне, что мы с тобой были на земном шаре».

Все время, весь день необычайно ласков, нежен, все время любовные слова – любовь моя... люблю тебя – ты никогда не поймешь это»²⁹²;

«Записала, когда заснул, что запомнила.

«Пойди ко мне, я поцелую тебя и **перекрещу на всякий случай...** Ты была моей женой, самой лучшей, незаменимой, очаровательной...»²⁹³.

Как видим, это итог пути не к небесному царству, а к земной женщине. Это не религиозная любовь к заоблачному богу, а земная любовь к реальной женщине. И эту любовь Булгаков пытается выплеснуть всеми доступными ему способами, в том числе и крестным знаменем. Булгаков перекрестил жену «**на всякий случай**», а не от религиозного чувства. Следовательно, его крестное знамение имело только язычески охранительный, а не христианский смысл.

Не случайно Лев Толстой перед смертью специально позаботился о том, чтобы его предсмертный бред не был превратно истолкован как раскаяние и примирение с церковью (см.

²⁸⁹ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 270-272.

²⁹⁰ «Филемон и Бавкида, по древнегреческой легенде неразлучная и любящая чета, радушно принявшая в своём доме Зевса и Гермеса. За это боги спасли их от разыгравшегося потопа, наградили долголетием и возможностью умереть одновременно. После смерти Филемон и Бавкида были превращены в дуб и липу» [Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Изд. 3-е. Т. 27. – М.: Советская Энциклопедия, 1977, с. 391].

²⁹¹ Дневник Елены Булгаковой, запись от 03.02.1940 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 291.

²⁹² Там же, запись от 29 февраля 1940 г., с. 291.

²⁹³ Там же, запись от 8 марта 1940 г., с. 292.

[тезис 3.12](#)). Не исключено, что подобные указания своей жене сделал и умирающий Булгаков, и именно поэтому она так строго разделила текстуально дневник их жизни и историю его болезни.

Настоящим итогом религиозного и жизненного пути Михаила Булгакова является его роман «Мастер и Маргарита», в котором его отношение к христианству раскрыто, в первую очередь, в образах Иешуа и Воланда; образах лежащих в совершенно иной плоскости, чем традиционные христианские понятия Христа и Дьявола, образах вызывающих нескрываемую симпатию как самого писателя, так и читателей романа.

Создавая образ Иешуа, Булгаков, очевидно, наследовал идеи столь почитавшегося им Льва Толстого²⁹⁴. Что касается Воланда, то явных предшественников такого подхода к обрисовке Князя Тьмы видимо не существует, но по черновым редакциям романа можно проследить, как продвигалась в этом направлении мысль Булгакова. Как отмечает один из публикаторов Булгакова В. И. Лосев²⁹⁵, если в ранних редакциях романа Булгаков **«четко выстраивает зависимость сил зла от Создателя, их подчиненное положение»**, то в последней редакции **«он отходит от первоначальной идеи подчиненности «царства тьмы» «царству света» и делает их, по крайней мере, равновеликими»**. По мнению Лосева: **«Преображение это, надо заметить чудовищное»**²⁹⁶, и он пытается объяснить его тяжелыми жизненными обстоятельствами Булгакова. Однако замечу, что эти обстоятельства были неизменно плохи в течение всех лет работы над романом, поэтому объяснение Лосева никак нельзя признать удовлетворительным. Более того, сам же Лосев дальше признает, что **««возвышение» Воланда происходило последовательно и целенаправленно – от редакции к редакции»**. Значит, трансформация образа Воланда не определялась случайным образом, в зависимости от обстоятельств жизни писателя, а была обусловлена только постоянным углублением и развитием его творческого замысла. И именно новый образ Воланда, – гордый и независимый Дух, стоящий над земными понятиями Добра и Зла, – наряду с новым образом Маргариты, держит на своих плечах весь роман. Не думаю, что роман имел бы такую известность и популярность в любой из старых редакций. Это просто был бы совершенно иной роман, хотя возможно он и был бы более приемлем для строгих ревнителей христианских традиций.

3.12. Таков последний плод его религиозности. Но перед этим, уже во дни последней и мучительной болезни духовная брань у Михаила Афанасьевича была страшная. Он несколько раз просил дать ему револьвер (хотел пойти путем самострельной «эвтаназии»). Он порывался сжечь роман (и реально сжигал весь роман в марте 1930, а отдельные страницы и главы – и позже). «1 октября 1939 г. Разбудил в семь часов – невозможная головная боль. Не верит ни во что. О револьвере. Слова: отказываюсь от романа. Отказываюсь от всего, отказываюсь от зрения, только чтобы не болела так голова». И все же – устоял.

Пере-сказки диаконом **«последних плодов религиозности»** напоминают сходные обстоятельства смерти Льва Толстого: **«В ожидании крупных событий появились два губернатора – рязанский и тульский – и два архиерея. У Синода появилось желание примирить писателя, преданного анафеме, с православной церковью. Все было готово для торжественного служения. Тем более что Лев Николаевич бредил, и при желании можно было легко воспользоваться любым знаком больного, растолковав его, как раскаяние и примирение с церковью. Тогда можно оповещать мир о «счастливом и чудесном» событии. Но этому энергично противились известный его последователь Чертков и младшая дочь Толстого – Александра Львовна. Они зорко следили и не подпускали к больному людей, способных на подобную инсценировку. Они требовали выполнения завещания, в котором ясно была выражена воля писателя: похоронить без всяких религиозных обрядов, церемоний и надгробных речей, в**

²⁹⁴ «Толстой, наряду с Пушкиным, Гоголем и Салтыковым-Щедринным, принадлежал к числу любимейших писателей Булгакова» [Лурье Я. С. Комментарии: Война и мир // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1990, с. 606].

²⁹⁵ Лосев В. И. Закатный роман. Предисловие к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – М.: Вече, 2006, с. 16.

²⁹⁶ На мой взгляд, более чудовищна идея, что **«силы зла»** подчинены Создателю. Следовательно, они служат Ему, выполняя Его волю, являясь в земных терминах этаким божественной инквизицией.

простом деревянном гробу...»²⁹⁷. Слава богу, что смерть Булгакова не была столь публичной, иначе, несомненно, ретивые миссионеры от православной Церкви радостно объявили бы нам о предсмертном прозрении писателя.

Никакой «духовной брани» в религиозном смысле этого слова у Булгакова не было, были только страшные физические и нравственные мучения тяжело больного человека, отягченные чувством незавершенности его трудов, его жизненного пути. Эти мучения зафиксированы в дневнике болезни писателя²⁹⁸:

4 марта 1940 г.

«Служить народу... За что меня жали? Я хотел служить народу... Я никому не делал зла».

В ночь с 6 на 7 марта 1940 г.

«Когда засыпал: «Составь список... список, что я сделал... пусть знают...».

<...> Потом стал засыпать и после нескольких минут сна стал говорить: «Красивые камни, серые красивые камни... Он в этих камнях (много раз повторял). Я хотел бы, чтобы ты с ним... разговор... (Большая пауза.) Я хочу, чтобы разговор шел... о... (опять пауза). Я разговор перед Сталиным не могу вести... Разговор не могу вести.

Проснулся в восемь часов утра, в таком же состоянии, что и ночью. Опять все время вырывался и кричал: «Идти! Вперед!» Потом говорил много раз: «Ответил бы! Ответил непременно! Я ответил бы!»».

Как видим, не небесный, а вполне реальный земной бог – Сталин, терзал сознание Булгакова перед смертью и именно к нему, а не к Отцу небесному, тянулся недосказанный разговор. Так где же здесь «духовная брань»?

Говоря о револьвере и отказе от романа, Кураев цитирует историю болезни. В дневнике же Елены Сергеевны об отказе от романа и речи нет, а о револьвере только одна скупая запись от 1 февраля 1940 г.²⁹⁹: **«Ужасно тяжелый день. «Ты можешь достать у Евгения револьвер?»»** Но даже эта запись свидетельствует только о нестерпимых физических страданиях умирающего Булгакова, но отнюдь не о реальном желании совершить самоубийство. Подобные разговоры³⁰⁰ для страдающего человека сродни стонам, и не являются признаком малодушия. Более того, известно, что о возможности самоубийства окружающим обычно говорят именно для того, чтобы этого не сделать.

Никаких порывов сжечь роман из-за «духовной брани» у Булгакова никогда не было. Первую редакцию романа он, по свидетельству его жены, записанному М. О. Чудаковой, сжег без всякой «духовной брани»: **«Эту редакцию Булгаков сжег, как рассказывала мне Елена Сергеевна, во время диктовки ей в конце марта 1930 года известного ныне письма правительству СССР. Дойдя до слов «И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...», он будто бы сказал ей: «Ну, раз это уже написано – это должно быть и сделано» – и стал выдирать из тетрадей листы и бросать в печку. Но выдирал так, что треть или половина листа оставалась у корешка. И на ее вопрос ответил, что иначе ему «никто не поверит, что роман – был»³⁰¹.** Где же здесь мистика навязываемая Кураевым? Какой «дух» требует уничтожения рукописи?

Потом было эпизодическое сожжение отдельных страниц и глав, из-за боязни обыска, но, учитывая те страшные тоталитарные времена, мистическое содержание этому может придавать только очень недалекий человек. Да и сожжение черновиков совершенно не было чем-то особенным для Булгакова. Известно, что он имел привычку сжигать черновые рукописи всех своих сочинений³⁰²: **«Печка давно уже сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи!»**

²⁹⁷ Последний приют Льва Толстого. Челябинский рабочий от 23.08.2001. –

<http://www.chrab.chel.su/archive/23-08-01/5/A125498.DOC.html>

²⁹⁸ Булгаков М. А. Жизнеописание в документах. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 714.

²⁹⁹ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 291.

³⁰⁰ «Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать. <...> один приличный вид смерти – от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется» [Письмо к Гдешинскому А. П. от 28.12.1939 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 536].

³⁰¹ Чудакова М. Роман принесет еще сюрпризы. <http://www.grani.ru/opinion/chudakova/m.100056.html>

³⁰² Письмо к П. С. Попову от 24.04.1932 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 269.

Исключением из этого правила является как раз именно роман «Мастер и Маргарита», к которому сохранилось большое количество черновых рукописей. По мнению В. В. Петелина³⁰³ это может быть связано с тем, «<...> что в этих тетрадах есть «Материалы к роману»: выписки из источников, названия романа на полях оставшихся страниц, вопросы на которые необходимо ответить в ходе предстоящей работы и пр.» Иное, более убедительное объяснение дает жена писателя³⁰⁴: «Вообще до нашей с ним встречи он уничтожал **все свои рукописи**, оставляя только машинопись. Но с 1930 года я сохранила каждый листок, каждую строчку. Сначала Миша подсмеивался, а потом стал мне помогать в этом и ничего не выбрасывал».

Вступив в сознательную жизнь, Булгаков «**никогда не носил**» «**нательный крест**»³⁰⁵. Он не посещал храм, не принимал Таинств и сам себя не считал православным христианином, то есть добровольно поставил себя вне православной Церкви, так же, как и глубоко уважаемый им Лев Толстой³⁰⁶, – в творчестве которого, как считал Булгаков, не было «**ни одной**» неправильной строки³⁰⁷. А вот православная Церковь считает иначе, и ее позицию лучше всего выразил святой Иоанн Кронштадтский, записавший в своем дневнике такую молитву: «Господи, не допусти Льву Толстому достигнуть до праздника Рождества Божией Матери, Которую он хулит. Возьми его с земли – этот **труп зловонный, гордостью своею посмердивший всю землю**. Аминь»³⁰⁸.

И Булгаков действительно «устоял», не проявил малодушия на пороге смерти и, так же как и Лев Толстой, не отказался от своих взглядов. – Он не стал причащаться перед смертью и завещал, чтобы его тело кремировали без отпевания³⁰⁹ и не ставили крест на могиле³¹⁰. Что еще нужно сделать человеку, чтобы у лукавого диакона отпало желание посмертно причислить его к своей пастве?!!

³⁰³ Петелин В. В. Комментарии к черновым редакциям романа «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 723.

³⁰⁴ Дневник Елены Булгаковой. Письмо к Н. А. Булгакову от 17 октября 1960 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 318.

³⁰⁵ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 297.

³⁰⁶ «<...> мне, как исследователю творчества Толстого, занимавшемуся этой проблемой не один год, честно говорю, факты о раскаянии Толстого не известны. За год до смерти, 22-го января 1909-го года, Толстой записал в дневнике: «Заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки. И потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии, причащении – ложь». За год до смерти. Резко сказано и не просто сказано, но ведь это – выбор» [Ремизов В. – <http://www.svoboda.org/programs/Christ/2001/Christ.032501.asp>].

³⁰⁷ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 173 и 239.

³⁰⁸ См. [приложение 1](#), – по словам диакона Кураева это «**очень честный дневник**» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер]

³⁰⁹ Отпели его по просьбе жены заочно.

³¹⁰ На это была ясно выраженная воля писателя, иначе ничто бы не остановило его жену. Волею судьбы на могиле Булгакова стоит Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя: «На могиле Гоголя этот камень, очертаниями похожий на Голгофу, был подножием креста. **На могиле Булгакова креста нет**. Нужно сказать, что на захоронениях Новодевичьего тех лет вообще немного крестов. Это было не принято, как не принято было держать иконы в доме. И все-таки кресты есть, небольшие, скромные, мраморные. Люди более робкие или более осмотрительные, но не желавшие отказаться от дорогого символа, делали начертание креста на камне, рядом с надписью, частью надписи. На камне Михаила Булгакова нет даже такого начертания. Заподозрить Елену Сергеевну в боязни нельзя: она никогда и ничего не боялась, тем более, если речь шла о последнем прощании с Булгаковым, о его последней воле. Значит, **все сделано так, как он хотел**. Может быть, он действительно считал, что не заслужил света, а заслужил покой? Или крест, не водруженный на этом камне, все-таки виден, поскольку камень – Голгофа?» [Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 30]. Комментируя последнее предложение Яновской, замечу, что к последней воле Булгакова установка памятника никакого отношения не имеет. По стечению обстоятельств этот камень действительно символизирует нелегкий жизненный путь писателя и его драматическое восхождение на личную «Голгофу», но Елена Сергеевна увидела и выпросила этот камень совершенно случайно: «Я никак не могла найти того, что бы я хотела видеть на могиле Миши – достойного его. И вот однажды, когда я по обыкновению зашла в мастерскую при кладбище Новодевичьем, – я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то глыбу гранитную. Директор мастерской, на мой вопрос, объяснил, что это – Голгофа с могилы Гоголя, снятая с могилы Гоголя, когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие вырубili площадочку для надписи: *Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков, 1891-1940* (четыре строчки. Золотыми буквами). Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле – Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя. <...> Эту глыбу – морской гранит – привез Аксаков специально для могилы Гоголя...» [Письмо к Н. А. Булгакову от 16 января 1961 г. // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 320].

3.13. А теперь я предлагаю с духовной (или с мистической – так понятнее светскому читателю) точки зрения посмотреть на эти два эпизода: Булгаков порывается сжечь свой роман и Булгаков все же посылает свой роман в мир. Какой из этих двух его импульсов от лукавого? В одном случае Булгаков порывается покончить с собой, в другом случае он осеняет себя и жену крестным знаменем. Может ли первое быть от Бога, а второе – от «Воланда»? – Нет. Но тогда получается, что тот дух, что подталкивал Булгакова к самоубийству, он же и требовал уничтожения рукописи «романа о дьяволе».

Подобная дилемма никогда не возникала в жизни Булгакова. Находясь на пороге смерти, он, вопреки посылаемым задним числом лукавым диаконом импульсам, даже и не помышлял об уничтожении так много значившего для него романа, в который он вложил всю свою душу без остатка, и вполне осознавал его духовную мощь: «Умирая, он говорил, – вспоминала Елена Сергеевна: – Может быть, это и правильно... Что я мог бы написать после «Мастера»?..»³¹¹ М. Чудакова приводит и другие свидетельства трепетного отношения писателя к роману³¹²: «В последние дни, в состоянии, близком к полубреду, ему казалось, <...> что «забирают его рукописи. – Там есть кто-нибудь? – спрашивал он беспокоиво. И однажды заставил меня поднять его с постели и, опираясь на мою руку, в халате, с голыми ногами, прошел по комнатам и убедился, что рукописи «Мастера» на месте. Он лег высоко на подушки и упер правую руку в бедро – как рыцарь».

Совершенно иным было настроение писателя в марте 1930 года. Он был в «<...> ужасном душевном состоянии <...> – все было запрещено... на работу не брали не только репортером, но даже типографским рабочим. Во МХАТе отказали, когда он об этом поставил вопрос. Словом, выход один – кончать жизнь»³¹³. Но даже в этих тяжелейших жизненных условиях писатель «порываться покончить с собой» не стал, а поступил более здраво: написал письмо Правительству СССР. Результатом явился известный звонок Сталина Булгакову, в определенной мере разрешивший часть его проблем и изменивший его судьбу.

В период написания своего письма к Правительству, Булгаков сжег первую редакцию своего романа (см. тезис 3.12). Но где же здесь мистика? Где выбор, покончить с собой, сжечь роман или послать его в мир? Да и было ли что посылать? Совершенно очевидно, что написанное просто не удовлетворило писателя: «Вся многотысячелетняя история литературы не знает случая, когда автор сжег бы своими руками свое ЛЮБИМОЕ детище. Да, жгли. Но жгли лишь то, что вызывало отвращение, и раздражение, и стыд у них самих...»³¹⁴. И действительно, сравнение уцелевших обрывков с текстом последней редакции показывает не только то, что Булгаков послал в мир совершенно иной роман, но и то, что художественная ценность первых черновых редакций и окончательного текста романа несравнима.

3.14. А та Сила, что дала Булгакову возможность совершить последние движения и произнести последние слова, то есть та Сила, которая вдохновила его на крестное знамение, она же и дала ему возможность благословить свой роман.

Сила, давшая Булгакову возможность совершить последние движения, произнести последние слова и осенить жену крестным знаменем, это неведомая для безбрачного диакона Сила любви³¹⁵ к жене, а не к Богу. Прискорбно, что профессор Кураев не знает, что великие художники, скульпторы, поэты и писатели во все века вдохновлялись в своем творчестве, прежде всего именно Силой Любви земной, а не небесной. Для подтверждения справедливости этого обстоятельства в отношении Булгакова, обратимся к полному варианту записи от 8 марта 1940 г.³¹⁶:

³¹¹ Чудакова М. – Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 481.

³¹² Там же, с. 481.

³¹³ Там же, с. 337.

³¹⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Хромая судьба. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М.: Текст, 1993, с. 291.

³¹⁵ Для диакона и его поклонников поясняю, что знаменитое выражение из фильма «Звездные войны»: «Да пребудет с нами Сила!», – имеет несколько другой смысл.

³¹⁶ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 292.

«О, мое золото!» (В минуту страшных болей – с силой).

Потом раздельно и с трудом разжимая рот: го-луб-ка... ми-ла-я.

Записала, когда заснул, что запомнила.

«Пойди ко мне, я поцелую тебя и перекрещу **на всякий случай**... Ты была моей женой, самой лучшей, незаменимой, очаровательной... Когда я слышал стук твоих каблучков... Ты была самой лучшей женщиной в мире... Божество мое, мое счастье, моя радость. Я люблю тебя! И если мне суждено будет еще жить, я буду любить тебя всю мою жизнь. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! **Ты любила мои вещи, я писал их для тебя**... Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, моя жена, жизнь моя!»

До этого:

«Любила ли ты меня? И потом, скажи мне, моя подруга, моя верная подруга...»

Таким образом, последние мысли Булгакова были посвящены не небесному богу, а реальному, земному Божеству, его жене. И перекрестил он ее в том же смысле, как люди стучат по дереву, отгоняя возможную беду, а не в христианском благом смысле.

К отношению Булгакова к крестному знамению мы еще вернемся при обсуждении тезиса [11.3](#), а пока, для окончательного прояснения роли крестного знамения в жизни Булгакова, приведу цитату из дневника Е. С. Булгаковой за 3 января 1934 года³¹⁷:

«– Вот поедете за границу, – возбужденно стал говорить Жуховицкий, – только без Елены Сергеевны!..

– Вот крест! – тут Миша **истово** перекрестился – почему-то **католическим** крестом, – что без Елены Сергеевны не поеду! Даже если мне в руки паспорт вложат».

Если человек крестится **истово, то есть искренне**, на уровне подсознательного чувства, и осеняет себя знамением не по православному, а по католическому обряду, то есть слева направо, то здесь, как любит говорить Кураев, одно из двух: или этот человек католик, то есть не православный, или же он то ли атеист, то ли имеет какое-то собственное, не традиционное понятие Бога в душе.

При любом ответе следует, что православной веры Булгаков не придерживался! А поскольку католиком он явно не был, то у нас остается только второй ответ, – если Булгаков и верил в Бога, то ни с православной, ни с католической церковью он его не связывал, возможно, следуя словам уважаемого им Льва Толстого³¹⁸:

«Для человека, в уме которого вложено, как священная истина, верование в сотворение из ничего мира 6000 лет тому назад, в потоп и ковчег Ноя, вместивший всех зверей, в троицу, в грехопадение Адама, в непорочное зачатие, в чудеса Христа и в искупительную для людей жертву его смерти, – для такого человека требования разума уже не обязательны, и такой человек не может быть уверенным ни в какой истине. **Если возможна троица, непорочное зачатие, искупление рода человеческого кровью Христа, то все возможно, и требования разума не обязательны.**

<...> в голове, в которую вбит клин троицы или Бога, сделавшегося человеком и своим страданием искупившего род человеческий и потом опять улетевшего на небо, не может уже воздержаться никакое разумное, твердое убеждение. Что ни сыпь в закром с щелью в полу, все высыпается. **Что ни вкладывай в ум, принявший за веру бессмысленное, – ничто не удержится в нем».**

Эту же мысль высказал и известный психоаналитик Зигмунд Фрейд³¹⁹: «Если человек однажды уговорил себя без критики принять все нелепицы, преподносимые ему религиозными учениями, и даже не заметить противоречия между ними, то слабость его ума не должна нас слишком удивлять».

Сходных мыслей придерживался и Гете, высказавший следующее мнение по поводу Святой Троицы³²⁰:

«Я верил в бога, в природу и в победу добра над злом; но нашим благочестивцам этого было недостаточно, **мне еще следовало знать, что троица едина, а единое – троико, но это**

³¹⁷ Там же, с. 51.

³¹⁸ Толстой Л. Н. К духовенству... – <http://novooslovo.info/other.php?view=books&c=6&id=10&read=all#1>

³¹⁹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989, с. 134.

³²⁰ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни (запись от 4 января 1824 г.). – М.: Худож. лит., 1986, с. 459.

шло вразрез с моим правдолюбием, вдобавок я не понимал, чем мне это может быть хоть сколько-нибудь полезно».

Аналогичную мысль высказал в 1932 г. Бернард Шоу³²¹: «Человек, который верит в существование ада, способен поверить во что угодно <...>».

Мог ли читавший Ницше Булгаков не обратить внимания на следующие строки о христианской вере и Новом Завете³²²: «А можно ли давать в руки женщинам и детям книгу с такими подлыми словами: «... во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа ... ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»³²³. И *вправе* ли кто-либо быть христианином, если самому возникновению человека понятием *immaculata conceptio*³²⁴ придан христианский, то есть *грязный* смысл?»

Не менее радикальное отношение к христианству и Библии выразил Марк Твен³²⁵: «Иногда родители пытаются помочь делу, закрывая детям доступ к гнусным непристойностям, которыми полна Библия, но это только раздражает желание ребенка вкусить от сего запретного плода, <...> ежедневно и ежечасно Библия творит свое черное дело распространения порока и грязных порочных мыслей среди детей».

Как видим, отрицательно или равнодушно к христианству относились многие великие личности, так что отход Булгакова от христианства не является чем-то из ряда вон выходящим. Как пантеизм Гете не принижает величие его гения и его великое творение, – трагедию «Фауст», – ни с точки зрения религии, ни с точки зрения атеизма, так и не религиозность Булгакова ничуть не умаляет гениальности его романа.

Вот, что пишет о вере Булгакова Борис Соколов в своей энциклопедии³²⁶:

«<...> Встает вопрос об отношении Булгакова к Христианству и вере в Бога вообще, принимая во внимание, что столь вольную трактовку евангельского сюжета вряд ли позволил бы себе правоверный христианин – православный, католик и даже представитель какой-либо из многочисленных протестантских конфессий»;

«Во что и как верил Булгаков – не до конца понятно и сегодня, когда обнародованы, наверное, уже все свидетельства на сей счет <...> Нельзя исключить, что Булгаков верил в Судьбу или Рок, склонялся к деизму, считая Бога лишь первотолчком бытия, или растворял Его в природе, как пантеисты. Однако **последователем христианства автор «Мастера и Маргариты» явно не был**, что и отразилось в романе».

По мнению И. Л. Галинской³²⁷: «<...> в «Мастере и Маргарите» очевиднейшим образом художественно воплощена теория трех миров: земного, библейского и космического. Первый в романе представляют люди. Второй – библейские персонажи. Третий – Воланд со своими спутниками»³²⁸.

Именно отход Булгакова от православия и обусловил резкость мнения отдельных православных критиков о нем:

- В. Григорян³²⁹: «<...> нам нужно твердо отдавать себе отчет в том, как **далеки** религиозные воззрения Булгакова от христианства и от тех путей, которые способны привести нас к Богу».
- М. Дунаев³³⁰: «Мировоззрение автора «Мастера и Маргариты» оказалось весьма **эклклетичным**. Но главное – **антихристианская** направленность его – вне сомнения».

Но как бы ни был Булгаков далек от христианства и его ортодоксальной ветви, – православия, никакой антихристианской направленности его творчество и мировоззрение не

³²¹ Шоу Б. Приключения чернокожей девушки, отправившейся на поиски бога // Новеллы. – Алма-Ата: Жазушы, 1988, с. 179.

³²² Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989, с. 81.

³²³ 1 Кор. 7:2, 9.

³²⁴ «Непорочное зачатие» (лат.).

³²⁵ Твен М. Размышления о религии // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 288.

³²⁶ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 544, 546.

³²⁷ Галинская И. Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986, с. 77.

³²⁸ По мнению Галинской: «Теория же таких «трех миров» могла быть позаимствована Булгаковым только у того, кто является ее создателем, – у украинского философа XVIII в. Григория Саввича Сковороды». Нам же представляется, что Булгаков вполне мог обойтись и без заимствований, как обошелся без них и сам Сковорода.

³²⁹ Григорян В. «Булгаков» // Христианская газета севера России «Вера». – <http://www.orthedu.ru/stihi/36.htm>

³³⁰ Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), Пермь, 1999. – <http://www.wco.ru/biblio/books/dunaev1/>

имеют, здесь М. Дунаев явно перегнул палку. Не христианское вовсе не значит «антихристианское». В Новом Завете действительно сказано: «Кто не со Мною, тот против Меня» (Матф. 12:30, Лук. 11:23). Но эти слова Христа относятся только к Нему самому. Верующим же в Него дана иная заповедь: «Ибо кто не против вас, тот за вас» (Мар. 9:40, Лук. 9:50).

К сожалению, суггестивные проповеди Кураева производят определенный психотерапевтический эффект, и уже вторят ему недалекие последователи его учения о религиозности Булгакова: «<...> в том, что Михаил Афанасьевич Булгаков начинал и заканчивал свою жизнь православным христианином я, как и диакон Андрей Кураев, не сомневаюсь»³³¹. Прямо символ новой веры уже создается. Но можно ли даже сказать, что Булгаков начинал свою жизнь христианином? Ведь о начале духовного жизненного пути человека можно говорить только по достижении им определенного возраста, когда он становится способным осмыслить и **добровольно принять** вложенные в него родителями, школой, церковью и обществом моральные и религиозные ценности и начинает действительно сознательную жизнь. Но именно в этом возрасте Булгаков и отказался от христианства! И посмертное его перетягивание новообращенными христианами в свой лагерь лучше всего характеризует нынешний уровень духовной деградации православия в России, ибо в результате кризиса советских идеалов, слишком много перерожденцев приняло оно в себя, а этим людям по существу все равно во что верить, – в воскресение Христа, в предсказания астрологов, в следы снежного человека, или в православие Булгакова.

Какой смысл в исповедании веры в христианство Булгакова, когда есть убедительные свидетельства его сестры Надежды, часто беседовавшей с ним в последние месяцы жизни, что писатель умер неверующим? Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Воистину сон разума рождает только чудовищ, и для верующих в православность Булгакова справедливы приведенные выше слова Льва Толстого: «Что ни вкладывай в ум, принявший за веру бессмысленное, – ничто не удержится в нем».

Резюме 3. Вступая в сознательную жизнь, Булгаков, так же как и Гете, отошел от христианства. Возможно, что в зрелом возрасте он склонялся либо к деизму, либо к пантеизму. Но даже на смертном одре Булгаков сохранил равнодушие к личной вере в христианство и его обрядность, и всеми мыслями стремился только к одному, реальному, земному Божеству, – своей жене.

³³¹ Бражников И. Михаил Булгаков и стратегия «тёмных сил». 29.12.2005 г. – <http://www.pravaya.ru/look/6121>

4. Кураев. БУЛГАКОВ И БЕЗВЕРИЕ

«Приводя примеры нелепых фантазмагорий царящего там язычества, отец Хризолог рассказал, что, по представлениям суеверных индусов, земля наша держится на спине слона, слон стоит на чем-то еще и то, на чем стоит слон, не что иное, как огромная черепаха. «Видели бы вы, – рассказывал он, – их изумление, когда им был задан вопрос: а на чем же держится черепаха?» Такое же изумление выразили они, когда он пытался им разъяснить, что земля в слоне не нуждается, что и без помощи слона она будет держаться в космическом пространстве и останется на своей орбите. Мы хохотали над фантазмагориями язычников, как над забавнейшим анекдотом <...>

На следующий день, чтоб позабавить нашего медика, <...> я рассказал ему о наивном мировоззрении суеверных индусов <...>

– Вы, преподобный господин профессор, суевериям, разумеется, не подвластны? – спросил он меня.

Я лишь улыбнулся, не затрудняя себя ответом.

– Итак, – продолжал врач, вы полагаете, господин профессор, что мир существует вечно?

– Нет, – возразил я, – мир не может существовать вечно, ибо берет начало от сотворения.

– Кто же, однако, его сотворил? – последовал новый вопрос.

– Разумеется, бог, – ответил я, все еще без каких-либо подозрений.

– Ну, а бога кто сотворил?

Я взглянул на него с изумлением.

– Даже младенцу известно, что бог вечен!

– А что вы ответите, если я скажу следующее: либо кто-то сотворил бога, либо мир богом не сотворен, мир вечен.

Я впился в него глазами, а он, вольнодумец – или сам дьявол, – засмеялся мне прямо в лицо.

*– Простите меня, – сказал он, – но мне кажется, что так же, как вы сейчас, смотрели суеверные индусы, когда им пытались внушить, что **либо черепаха стоит на чем-то, либо Земля не нуждается в слоне!***

Лайош Мештерхази «Дон-Жуан, или Истина»³³²

«Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом...»

М. А. Булгаков³³³

Что же дает современной цивилизации замена наивной языческой черепахи на Бога? – И много и мало. О «много» рассуждать не буду, а вот на «мало» остановлюсь. Для атеиста введение в рассмотрение бога ничего не объясняет в окружающем мире, так как просто замыкает все не имеющие удовлетворительного ответа вопросы на непостижимости божественного промысла, выводя их из сферы научного познания в категорию принципиально непознаваемого. Но «безверие» слишком уж ловкое слово для обозначения позиции атеизма, и несет в себе изначально определенный негативный смысл. Что-то вроде как «беспартийный», то есть отчасти неполноценный, при советской власти. На свете существует не только религиозная вера в бога. Есть еще и дружба и любовь, и порядочность и сложившаяся в обществе мораль, и многое другое. И не стоит религии пытаться монополизировать за собой исключительные права на эти понятия. Как справедливо заметил Умберто Эко³³⁴: **«Нельзя сказать, что неверующий ни во что не верит. Он просто не верит во все подряд. Или верит только во что-то одно в каждый момент времени. И готов поверить во что-то другое, только если оно исходит из первого. <...> Если вы верите в две**

³³² Мештерхази Лайош. Дон-Жуан, или Истина//Избранное. – М.: Прогресс, 1977, с. 410.

³³³ Булгаков М. А. Необыкновенные приключения доктора. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 664.

³³⁴ Эко У. Диалог о вере и неверии / Умберто Эко и кардинал Мартини. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2004, с. 12.

вещи, никак, по-видимому, между собой **не связанные**, поскольку полагаете, что какая-то скрытая связь между ними все-таки должна быть, – это и есть **способность к вере**».

4.1. «5 января 1925 года Булгаков записал в своем дневнике: «Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне... Соль в идее: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены».

<...> Похоже, что с Булгаковым произошло то же, что и со многими другими русскими интеллигентами 20-х годов. Русской интеллигенции вообще трудно быть рядом с властью. Комфортнее она чувствует себя в оппозиции. Пока православие было государственной религией, интеллигенция ворчала на Церковь и скликала «буревестников революции». Но когда стаи этих стервятников слетелись и явили свое хамское мурло, когда революционно-атеистическая инквизиция показала, что решимости, напора и требовательности у нее куда как больше, чем у старой церковно-монархической цензуры, тут уже и для интеллигенции настала пора «смены вех».

Показательным было поведение знаменитого физиолога академика Павлова. Он до конца жизни оставался атеистом. Но при советской власти он стал носить царский мундир и креститься, проходя мимо православных храмов...

<...> Вот что <...> в 1923 году сказал сам Иван Петрович в беседе с будущим академиком Е. М. Крепсом. «Почему многие думают, что я верующий человек, верующий в смысле религиозном? Потому, что я выступаю против гонения на религию. Я считаю, что нельзя отнимать веру в Бога, не заменив ее другой верой. Большевику не нужно веры в Бога, у него есть другая вера – коммунизм... Другую веру приносят людям просвещение, образование, вера в Бога сама становится ненужной». В письме в Совнарком он писал: «По моему глубокому убеждению, гонение нашим правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка... Религия есть важнейший охранительный инстинкт, образовавшийся, когда животные превратились в человека, сознающего себя и окружающие существа, и имеющая огромное жизненное значение».

Хамская безбожная официальная пропаганда претила и другому «поповичу» – Михаилу Булгакову.

Претила Булгакову, как мы уже отмечали (см. [тезис 3.4](#)), не безбожная советская пропаганда сама по себе, а ее откровенное хамство, так как последнее он презирал в любом виде. Как мы убедились ранее (см. [тезис 3.9](#)), это совершенно естественная реакция любого интеллигентного человека. Среди друзей Булгакова были не только верующие, но и отъявленные атеисты. Напомню, что в период работы над романом он был дружен с М. М. Черемных. Как пишет М. Чудакова³³⁵: «Михаил Михайлович Черемных, почти ровесник Булгакова, был художник-график, один из создателей «Окон РОСТА», постоянный карикатурист журнала «Безбожник», а затем «Крокодила». «Отношение Булгакова к Черемныху было двойственное, – вспоминает Л. Е. Белозерская: – он совершенно **не разделял увлечения** художника антирелигиозной пропагандой (считал это примитивом) и **очень симпатизировал ему лично**».

Подобные дружеские отношения и симпатия к карикатуристу журнала «Безбожник» совершенно невозможны для мрачного ортодоксального кураевского Булгакова, якобы мечтающего заклеить в своем романе именно богоборчество. На самом же деле, как видно их воспоминаний Белозерской, Булгаков считал советское богоборчество не кощунственным, а именно примитивным, в чем, безусловно, был прав.

Парадоксально, что для подчеркивания мерзости коммунистического режима Кураев использовал слово «инквизиция», хотя в других работах он расточает ей дифирамбы и всячески обеляет ее³³⁶.

³³⁵ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 313.

³³⁶ «Инквизиторы и математики **делали одно дело** и поддерживали друг друга. Они вместе боролись с «демонами» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер];

4.2. Как известно, булгаковский Коровьев «однажды неудачно пошутил». Но если его шутка имела столь многовековые, вечные последствия, то она касалась религии. Также трудно не согласиться с Л. Яновской, когда она замечает, что «вряд ли Воланд наказывает своего верного рыцаря, чье место непосредственно рядом с ним, за неудачу каламбура». Наказан Коровьев не Воландом, а вышученным им Светом.

По мнению Кураева, самым страшным грехом является именно словесная хула на Свет³³⁷, а не реальные пакости роду человеческому. Понимает ли диакон, что наказать можно только слугу? Его утверждение, что Свет может **наказывать** служителей Сатаны, означает, что силы Тьмы состоят на службе у сил Света³³⁸. В этом случае постоянное злопыхательство церковников в адрес темных сил довольно забавно и неразумно.

Освежим в памяти слова Булгакова: **«Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил... его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого простутить немного больше и дольше, нежели он предполагал»**³³⁹. Где здесь упоминаются «многовековые, вечные последствия» и «религия»? И какая религия может быть у представителей Света и Тьмы?!!

Утверждение, что Воланд не может наказывать своих «верных рыцарей» не логично. Даже Бог строит свои отношения с окружающим миром именно на возможности наказания (изгнание падших ангелов и Адама и Евы, всемирный потоп, Страшный Суд и т.п.).

Но не будем придирааться. Все-таки это практически единственное место, где Кураев, ткнув на удачу пальцем, почти попал им в небо. Если бы он догадался заглянуть в столь обожаемые, но поверхностно просматриваемые им черновые редакции романа, то мог бы найти там неоспоримое подтверждение того, что изначально Фагот был наказан именно Светом: **«– Он неудачно однажды пошутил, – шепнул Воланд, – и вот, осужден был на то, что при посещениях земли шутит, хотя ему и не так уж хочется этого. Впрочем, надеется на прощение. Я буду ходатайствовать»**³⁴⁰.

Однако не все так просто! Если в первых редакциях, как судьба Фагота, так и судьба Мастера единолично решалась именно Светом, то в окончательной редакции все изменилось. Теперь уже Свет только **«просит»**, а не приказывает Воланду наградить Мастера покоем. Причем из текста ясно следует, что Воланд и сам уже принял аналогичное решение³⁴¹:

«Ты с чем пожаловал, незванный, но предвиденный гость?»;

«Без тебя бы мы никак не догадались об этом. Уходи».

Несомненно, в процессе работы Булгаков пришел к концепции, что если есть Свет и Тьма, то одно другое наказывать не может, так как их одновременное существование может зиждиться только на равновесии их сил. Следовательно, в окончательной редакции романа Фагот может быть наказан только Воландом, слова которого **«каламбур <...> был не совсем хорош»**, свидетельствуют, что неудачная шутка Фагота в большей степени задела Тьму, а не Свет, и Фагот заслуживал наказания в первую очередь с точки зрения Тьмы.

Имел ли Булгаков в виду какое-то конкретное историческое лицо и его шутку, мы вряд ли узнаем. Возможный пример такого каламбура приводит В. Сахаров, к сожалению без ссылки на источник: **«<...> свет приходит в «Мастера и Маргариту» из Евангелия от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его... Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир»**³⁴². В насмешку над этим образом «фиолетовый рыцарь» изобрел

«Работу инквизитора я считаю весьма достойным видом трудовой деятельности» [Кураев А., диакон. Работу инквизитора я считаю достойным видом трудовой деятельности].

³³⁷ В этом Кураев убежден настолько истово, что даже случаи внезапной смерти людей на его «потрясающих» лекциях считает божьим провидением [Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?]. Подробнее мы на этом остановимся в разделе [15](#).

³³⁸ Теперь понятно, с кем рядом, плечом к плечу, сражается Кураев в боях за человеческие души! Не зря его осведомленность в делах «иноного ведомства» порой просто потрясает.

³³⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 705.

³⁴⁰ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 259.

³⁴¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 686, 687.

³⁴² В. Сахаров ссылается на стихи 1:5 и 1:9 Евангелия от Иоанна.

сомнительный каламбур: «Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот». И был наказан превращением в шута, ибо свет не может породить тьму, они оба существуют одновременно и борются в мире и душе человека. Таким было кредо и Булгакова»³⁴³.

4.3. Вот и шутки советских безбожников, по мнению Булгакова, заходили слишком далеко. Нельзя разрушать чужую веру – если ты ничего не можешь предложить взамен. Нельзя заменять веру коровьей ветеринарией. Нельзя красть мечту о Небе: в этом случае душу «пожирает земля». Мрак и печаль настигают таких шутников... Коровьев теперь «темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом». Булгакову хотелось осадить наглый натиск «коровьего безбожия». И это свое слово, предупреждение, он хотел увидеть дошедшим до людей, опубликованным. Как вступить в гласную полемику с атеистической цензурой?

Учение Кураева о том, что у Сатаны и его помощников есть души, которые «пожирает земля», как якобы она пожрала ее у Фагота, противоречит христианской доктрине, согласно которой не только падшие, но и обычные ангелы души не имеют. Да и неужели же, именно для того, чтобы «осадить наглый натиск «коровьего безбожия» и «вступить в гласную полемику с атеистической цензурой», Булгаков представил истинный облик Коровьева-Фагота в виде изысканного «темно-фиолетового рыцаря», а Бегемота, – изобразил пажом, «лучшим шутком, какой существовал, когда-либо в мире»³⁴⁴?

Как отмечает Л. Яновская образы верных спутников Воланда, – Фагота и Бегемота навеяны Булгакову картинами Врубеля³⁴⁵: «Известно, что фиолетовые, ночные краски «Шестикрылого серафима» отразились в облике «темно-фиолетового рыцаря с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом» в последней главе романа «Мастер и Маргарита». И улавливается родство между юным «Демоном сидящим» и «демоном – пажом», каким оборачивается, принимая свой подлинный вид, Бегемот в той же последней главе романа. «Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны». Как всегда у Булгакова, не заимствование, не подражание – родство...»

4.4. Не нравилась советская жизнь Булгакову. Он вообще не мог описывать ее нефельетонно.

Отношение Булгакова к Советской России мы подробно рассмотрим при разборе тезиса [12.5](#). Здесь же заметим только, что по писательскому призванию своему Булгаков имел столь мощный сатирический дар, что не мог «<...> подступиться к теме современности вне гротеска»³⁴⁶. Даже в «Белой гвардии» явно гротескны фигуры Василисы и грабящих его петлюровцев. Гротескны и многие сцены «Бега».

Как пишет Л. Яновская³⁴⁷:

«На анкету о Салтыкове-Щедрине, разосланную редакцией «Литературного наследства», Булгаков ответил в частности: «<...> Влияние Салтыков на меня оказал чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. <...>

... Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой, внезапно. Она создается тогда, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден».

4.5. Однако, в риторике и логике есть такой полемический прием как *reductio ad*

³⁴³ Сахаров В. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: прощание и полёт. – http://www.kritika.nl/master_i_margarita.htm

³⁴⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 705.

³⁴⁵ Яновская Л. Моя земля // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 20.

³⁴⁶ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 296.

³⁴⁷ Яновская Л. Комментарии к дневнику Елены Булгаковой // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 339.

absurdum <...>

Вот и Булгаков в «пилатовских главах» вроде бы соглашается с базовыми тезисами атеизма. Иисус не есть Христос, Он не Сын Божий и не Бог. Он не творил чудес, не обладал даром пророчества, не воскресал и не спасал души людей. Учение Иисуса совершенно абстрактно, неприложимо к жизни. Да и в чем оно состояло – совсем не ясно, ибо Евангелия исторически недостоверны<...>

Моралистика без мистики – вот «евангелие от Толстого». Всепрощение, непротivление и никаких там чудес и демонов<...>

<...>Льва (Николаевича) видно по когтям: его Иисус тоже «ни про что не рассказывал», кроме всепрощения... <...>

Родство Иешуа и рафинированного толстовского атеизма вполне очевидно. Но есть ли признаки, по которым можно судить об отношении Булгакова к Иешуа и к той этике всепрощения, которая озвучивается устами Иешуа?

Вот уж, действительно, «*ex ungue leonem, ex auribus asinum*»!³⁴⁸ «Признаки, по которым можно судить об отношении Булгакова к Иешуа и к той этике всепрощения, которая озвучивается устами Иешуа» – это отношение самого Булгакова к творческому и духовному наследию Толстого. Булгаков считал, что:

«<...> явление Толстого в русской литературе значит то же, что для верующего христианина евангельский рассказ о явлении Христа народу. – После Толстого нельзя жить и работать в литературе так, словно не было никакого Толстого»³⁴⁹;

«Он требовал и требует, чтобы самый факт существования в нашей литературе Толстого был фактом, обязывающим любого писателя.

– Обязывающим к чему? – спросил кто-то из зала.

– К совершенной правде мысли и слова, – провозгласил Булгаков. – К искренности до дна. К тому, чтобы знать, чему, какому добру послужит то, что ты пишешь! К беспощадной нетерпимости ко всякой неправде в собственных сочинениях! Вот к чему нас обязывает то, что в России был Лев Толстой!»³⁵⁰.

Возможно сравнение Булгаковым явления Толстого с явлением Христа слишком кощунственно для Кураева, однако это ясно и недвусмысленно заявленная нравственная позиция писателя. Вот и все «*reductio ad absurdum*»! Творчество Толстого Булгаков считал непогрешимым:

«Однако и у Льва Николаевича Толстого бывали огрехи в его работе, – прозвучал вдруг голос Серафимовича, – Михаил Афанасьевич напрасно считает, что у Льва Толстого нет ни одной непогрешимой строки!»

«**Ни одной!**» – убежденно, страстно сказал Булгаков. – Совершенно убежден, что **каждая строка** Льва Николаевича – **настоящее чудо**. И пройдет еще пятьдесят лет, сто, пятьсот, а все равно Толстого люди будут воспринимать как чудо!»³⁵¹.

Обратите внимание, по мнению Булгакова у Толстого «**каждая строка** <...> – **настоящее чудо**». Следовательно, таким же чудом для него были и строки переписанного Толстым Евангелия – Евангелия от Льва Толстого, которое и проповедует Иешуа³⁵². Что касается утверждений Кураева, что Иешуа «не творил чудес, не обладал даром пророчества, не воскресал и не спасал души людей», то факты свидетельствуют, что Иешуа, в рамках романного повествования:

- **чудесным образом исцелил** Пилата от гемикрании, а Левия от стяжательства;
- **пророчески предсказал**, что его учение неузнаваемо исказят за две тысячи лет, а также грозу на вечер и скорую гибель Иуды;

³⁴⁸ «По когтю [узнают] льва, по ушам – осла» (лат.).

³⁴⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 173.

³⁵⁰ Миндлин Э. Л. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 198.

³⁵¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 239.

³⁵² Как известно, на первое место в христианском учении Толстой выдвинул не устраивавший никого ни в какие времена завет Христа – НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ [Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – http://az.lib.ru/t/tolstoj_lev_nikolaewich/]

- **воскрес после смерти** и возглавил **«ведомство»** Света;
- **спас своим учением** от забвения души Левия и Пилата, пробудив в них начала нравственности и духовности.

Как отмечает В. Петелин³⁵³: **«Булгаков наделяет своего героя даром по лицу, по жестам определять настроение собеседника, его желание, его душевное состояние. Своим магнетизмом тот может исцелять людей, приносить радость и душевное спокойствие»**. Конечно, эти способности Иешуа не являются абсолютно сверхъестественными, как его умение прозревать прошлое незнакомых ему людей в ранних редакциях³⁵⁴:

«– Марк нервный? – спросил Пилат, страдальчески озираясь.

– При Идиставизо его как ударил германец, и у него повредилась голова...

Пилат вздрогнул.

– Ты где же встречал Марка раньше?

– А я его нигде не встречал.

Пилат немного изменился в лице».

Если бы Кураев читал, а не пролистывал в поисках подходящих цитат черновые редакции романа, то он бы мог заметить, что в разработке образа своего героя Булгаков шел от сверхъестественного евангельского Иисуса к реальному, земному Иешуа.

4.6. Главный и даже единственный тезис проповеди Иешуа – «все люди добрые» – откровенно и умно высмеивается в «большом» романе. Стукачи и хапуги проходят вполне впечатляющей массой. Со всей своей симпатией Булгаков живописует погромы, которые воландовские присные устроили в мещанско-советской Москве. У *такого* Иисуса Булгаков не зовет учиться своего читателя.

Не зря диакон учился антирелигиозной пропаганде. Невольно вспоминается фильм «Пять вечеров», где телеведущая вот так же, **«откровенно и умно высмеивая»**, рукой сметает фарфоровых слоников. **«Откровенный и умный»** стиль Кураева более всего напоминает мне публикации незабвенной газеты «Советская культура».

«Все люди добрые» это не сама истина, а только ведущая к ней максима, указывающая путь к добру. Если кто-то идет другим путем, это еще не повод поливать грязью иные пути. К Храму могут вести разные дороги. **«Откровенно и умно высмеиваются в «большом» романе»** совсем не учение Иешуа, а **«стукачи и хапуги»**, усердно осеняющие себя крестным знамением и бойко раскаивающиеся, в своих грехах при необходимости. Готовность оперативно осенить себя при случае крестным знамением, пожалуй, самая мерзкая их черта, не имеющая ничего общего с настоящей верой, с которой несовместима их страсть к наживе и стукачеству. Булгакову, воспитанному в истинно религиозной, нравственной среде, несмотря на его собственный отход от православия, была особенно омерзительна именно показная религиозность, высмеянных им персонажей.

4.7. Да, Булгаков предлагает художественную версию толстовско-атеистической гипотезы. Но при этом вполне очевидно, что учение Иешуа не есть кредо Булгакова. Иешуа, созданный Мастером, не вызывает симпатий у самого Булгакова.

Образ любимого и положительного героя не набрасывают *такими* штрихами: **«Ешуа заискивающе улыбнулся..»**; **«Иешуа испугался и сказал умильно: только ты не бей меня сильно, а то меня уже два раза били сегодня»**; **«Иешуа шмыгнул высушающим носом и вдруг такое проговорил по гречески, заикаясь»**. Булгаков не мальчик в литературе. Если он так описывает персонажа – то это не его герой.

Слова Кураева **«толстовско-атеистическая гипотеза»** напоминают мне знаменитое выражение **«пархатые большевистские казаки»** из фильма «Семнадцать мгновений весны». То,

³⁵³ Петелин В. В. Рукописи не горят // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 24.

³⁵⁴ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 58.

что Толстой не считал Христа сыном божьим, и отвергал христианскую церковь, вовсе не делает его атеистом, как не являются атеистами мусульмане и иудеи, также отрицающие божественную сущность Христа.

Кураев подменяет симпатии Булгакова своими личными симпатиями. Иешуа в романе выглядит вполне достойно, как в разговоре с прокуратором, так и в сцене распятия. Конечно Булгаков «не мальчик», но и читатели же не девочки! В **окончательной редакции** романа цитируемых диаконом «штрихов» **нет**. Кураев нарыл их в ранних версиях, как папарацци на помойке, презрев право писателя на пробу пера и поиск образа. Из писаний Кураева на версту торчат ослиные уши бывшего последователя марксистско-ленинской философии. Вот так, в советское время, партийные критики громили писателей, посмевших описать обыденные, не божественные черты, у какого-нибудь секретаря райкома/обкома партии.

Последние слова Иешуа перед распятием о том, что: «<...> в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость»³⁵⁵, – противоречат утверждению Кураева, что: «Иешуа, созданный Мастером, не вызывает симпатий у самого Булгакова». Именно трусость считал Булгаков главным человеческим пороком³⁵⁶:

«– Скажите, какой человеческий порок, по-вашему, самый главный? – спросил он меня однажды совершенно неожиданно. Я стал в тупик и сказал, что не знаю, не думал об этом.

– А я знаю. Трусость – вот главный порок, потому что от него идут все остальные».

Внешне обезображенный побоями Иешуа красив духовно: «Внешнее неблагообразие Иешуа Га-Ноцри контрастирует с красотой его души и чистотой его идеи о торжестве правды и добрых людей (а злых людей, по его убеждению, нет на свете), подобно тому как, по словам христианского теолога II-III вв. Климента Александрийского, духовная красота Христа противостоит его ординарной внешности»³⁵⁷.

В своем анализе Кураев проявляет глубочайшее непонимание художественно-литературного метода, в котором, в отличие от религиозных преданий, характеры действующих лиц раскрываются не прямыми описаниями, а через сюжетное действие. Противопоставление невзрачного внешнего облика героя его богатому внутреннему миру не является личным изобретением Булгакова. Характер Иешуа проявляется через его противостояние Пилату. В романе перед нами предстает не «шмыгающий носом», «заискивающий» и не вызывающий уважения персонаж, как уверяет Кураев, а незаурядный человек, поражающий своими познаниями, оригинальностью высказываний и чистотой убеждений даже всесильного прокуратора Иудеи. Как отмечает И. Бэлза³⁵⁸, Булгаков, рисуя облик Иешуа, акцентирует три основные черты: «Прежде всего – **незаурядный интеллект**, подчеркнутый удивлением Пилата: человек, которого он назвал «бродягой», оказывается полиглотом и тонким психологом. Далее – **умение суггестивного воздействия** – также поразившего Пилата («сознайся, ты великий врач?») <...>. И наконец – **бесстрашие** – одна из стержневых тем (быть может, даже центральная) романа, входящая в его социально-этическую концепцию и звучащая уже в ответах Иешуа Га-Ноцри прокуратору, приводящих в такой ужас его секретаря. Это бесстрашие акцентируется в романе также отказом Иешуа от одурманивающего напитка, который давали распинаемому, чтобы смягчить остроту их страданий».

4.8. «Пилатовы главы», взятые сами по себе – кощунственны и атеистичны. Они написаны без любви и даже без сочувствия к Иешуа. Мастер говорит Ивану: «Я написал роман как раз про этого самого Га-Ноцри и Пилата». Довольно-таки пренебрежительное упоминание...

Кощунственность мы уже обсудили (см. [тезис 1.1](#)), сочувствие к Иешуа тоже (см. [тезис 4.7](#)). А что касается «пренебрежительного упоминания», то уже не удивительно, что цитируемой диаконом фразы в романе нет! И есть ли на свете хоть один человек, кроме Кураева, который способен утверждать с ясными глазами, что эту фразу писатель заменил на фразу «Дело в том,

³⁵⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 631.

³⁵⁶ Виленкин В. Я. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 207.

³⁵⁷ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 241.

³⁵⁸ Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст–1978. – М.: Наука, 1978, с. 170.

что год тому назад, я написал о Пилате роман», – по соображениям «внутренней цензуры»? Ведь из кураевского догмата о превалировании черновых рукописей Булгакова над беловым вариантом следует, что Булгаков, «убоявшись цензуры» улучшил свое отношение к якобы отрицательному для него образу Иешуа. На самом деле именно отказавшись от внутренней цензуры, писатель выразил свое истинное отношение к происходящему и убрал внешнее глумление над религией, которое, безусловно, претило его душе именно в силу заложенной в него в детстве основы. Попытка анализа Кураевым «пренебрежительных» слов душевнобольного Мастера, замученного подобными диакону критиками «пилатчины», совершенно несостоятельна.

4.9. Об Иешуа Мастеру говорить неинтересно: «Скажите мне, а что было дальше с Иешуа и Пилатом, – попросил Иван, – умоляю, я хочу знать. – Ах нет, нет, – болезненно дернувшись, ответил гость, – я вспомнить не могу без дрожи мой роман. А ваш знакомый с Патриарших прудов сделал бы это лучше меня»...

Поведение Мастера естественная реакция душевнобольных, они не любят слушать о том, что доставило им боль. Да и что умного «невежественный» Иван может сказать Мастеру в этой беседе? Истинно творческие люди, исчерпав тему, теряют к ней всякий интерес: все уже сказано, и добавить нечего, а религиозным созерцанием своего творения, равно как и своего пупка, они, в отличие от искателей духовного просветления, никогда не занимаются. В то время как закосневший диакон собирается вечно лицезреть и слушать одно и то же в Небесном Иерусалиме, творческий человек всегда в поиске и всегда стремится к новому.

4.10. Мастер абсолютно чужд идеологии всепрощения, которую он вкладывает в уста Иешуа: «Описание ужасной смерти Берлиоза (Иваном Бездомным – А. К.) слушающий (Мастер – А. К.) сопроводил загадочным замечанием, причем глаза его вспыхнули злобой: – Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского или литератора Мстислава Лавровича» (гл.13).

Значит, не только Булгаков, но и Мастер не сочувствует тому Иешуа, который появляется на страницах романа о Пилате.

Земные и небесные страсти разное дело. Право лень уличать в этом почтенного диакона, «стеклянные глаза» которого тоже слишком часто «вспыхивают злобой», – чего стоят только его слова о Нике Перумове: «Некая **сволочь** по кличке «Ник Перумов» даже переписала книгу Толкиена с откровенно сатанинскими акцентами»; «<...> **мерзавцы** типа Ника Перумова <...> совершенно сознательно стали сатанизировать мир Толкиена». Возможно ли после этого сомневаться, что и сам Кураев не сочувствует Христу Евангелия, заповедавшего в Нагорной проповеди (Матф. 5:38-39,43-44):

«38 Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

39 А Я говорю вам: **не противься злему**. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; <...>

43 Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

44 А Я говорю вам: **любите врагов ваших**, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и **молитесь за обижающих вас и гонящих вас**,»

Как видим, «*Christi ipsissima verba*»³⁵⁹ полностью совпадают с заповедями, проповедуемыми Иешуа. Не иначе, как Кураев, углубившись в изучение фестралов, терафимов и Гарри Поттера, а равно и прочей увлекательной ереси и колдовства, совсем позабыл, когда брал в руки Святое Писание и указанные слова Христа совсем стерлись из его памяти.

4.11. А Мастер еще не очень-то по сердцу и Булгакову: «Вы – писатель? – спросил с великим интересом Иван. – Я – мастер, – ответил гость и стал горделив, и вынул из кармана засаленную шелковую черную шапочку, надел ее, а также надел и очки, и показался Ивану и в профиль, и в фас, чтобы доказать, что он действительно мастер».

Согласитесь – странный способ доказывать свою литературную талантливость...

³⁵⁹ «Собственные слова Христа» (лат.).

Не менее странно постоянно подкладывать на литературном кладбище цитаты, вместо окончательной редакции, выбранной автором. Причем в данном случае диакон особо и не утруждался, а как обычно без ссылки, списал у Баркова. Поведение Мастера было бы странно, если бы Иван пришел к нему домой, но действие происходит в сумасшедшем доме, и поведение героя вполне соответствует его расстроенному душевному миру. Я не клиницист в этой области, но у меня нет сомнений, что в описанном в романе состоянии Мастеру место именно в сумасшедшем доме. Ведь для того, чтобы его дикий и беспокойный взор стал живым и осмысленным, ему пришлось выпить несколько стаканов, поданных ему Азазелло.

То, что Мастер не по сердцу Кураеву, сомневаться не приходится. Странно только, что диакон поленился списать у Баркова горячие крокодильи слезы по поводу того, что Мастер не смог вспомнить женщину, с которой он жил до Маргариты. Если бы Барков больше внимания уделял изучению биографии Булгакова, а не развитию третьего глаза в области литературы, он бы понял, что в этих строках отразилось отношение Булгакова ко второй из трех («О трижды романтический мастер...»³⁶⁰) его жен: «Семейная жизнь распалась. Любовь Евгеньевна была увлечена верховой ездой, потом автомобилями, в доме толклись ненужные люди. Телефон висел над его письменным столом, и жена все время весело болтала с подругами. Елена Сергеевна передавала нам в 1969 г. со слов Булгакова следующий эпизод, звучащий правдоподобно: «Однажды он сказал ей: – Люба, так невозможно, ведь я работаю! – И она ответила беспечно: – Ничего, ты не Достоевский! – Он побледнел, – говорила Елена Сергеевна, – рассказывая мне это. Он никогда не мог простить этого Любе»³⁶¹.

Эти слова потрясли Булгакова до глубины души и были для него страшным ударом, но не из-за его уязвленного самолюбия, а из-за осознания им ее неуважительного отношения к нему, как к писателю. Как свидетельствует И. В. Белозерский, племянник Белозерской-Булгаковой³⁶²: «Расстались они плохо, что подтверждает тот факт, что она сожгла письма Булгакова к ней». Как разительно это отличается от отношения к его творчеству Елены Сергеевны. Как отмечает Л. Яновская³⁶³, вскоре после переезда с Еленой Сергеевной на новую квартиру (18.02.1934) Булгаков написал П. С. Попову³⁶⁴: «Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что жилось там неладно». Напомню, что даже перед смертью Булгаков не выразил желания попрощаться с Л. Е. Белозерской, хотя в отношении своей первой жены, – Т. Н. Лаппа, такое желание он высказал³⁶⁵. Давнишняя обида отразилась в романе сценой забвения Мастером второй жены. И эта сцена так же выглядит вполне естественно, если не забывать, что Мастер в этот момент являлся душевнобольным.

4.12. Писатель создает образ вроде-бы-Христа, образ довольно заниженный и при этой не вызывающий симпатий у самого Булгакова.

Как мы уже отмечали при разборе тезиса 4.7, Иешуа в романе выглядит очень даже достойно, а его страх перед болью, – совершенно естественное чувство обычного, земного человека. Но тем выше показанное Булгаковым преодоление им этого страха и нравственная победа, достигнутая Иешуа в разговоре с прокуратором, которая, кстати, подтверждает и явную симпатию автора к нему.

4.13. Тогда – одно из двух.

Или Булгаков отождествил Иешуа с Иисусом Христом, причем в Христе он видел своего личного врага, а потому и высмеял Его так жестоко <...> Неужели человек, который отказывался писать атеистические сценарии по госзаказу, решил это сделать по

³⁶⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 709.

³⁶¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 359.

³⁶² Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. – М.: Худож. Лит., 1990, с. 215.

³⁶³ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 27.

³⁶⁴ Письмо к П. С. Попову от 14.03.1934 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 323.

³⁶⁵ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 180.

порыву сердца? Неужели тот, чье сердце отвращалось от атеистических карикатур, в своем закатном произведении, произведении, о котором он знал, что оно – последнее – стал осваивать новый для себя жанр травли верующих?

Возможно, это сложно для «затравленного» христианского ортодокса, но нужно понять и принять, что Булгаков с величайшим уважением относился ко Льву Толстому, и с величайшей тактичностью представил его взгляды в романе. Никакого высмеивания Иешуа в романе и в помине нет. Печально, что Иешуа смешон Кураеву, – по этому поводу я могу только вспомнить пословицу: «Когда умный человек слышит о Дао, он пытается следовать ему. Когда средний человек слышит о Дао, он ничего не говорит. А когда низкий человек слышит о Дао, – он громко смеется. Если он не смеется, то это не Дао».

О корнях образа Иешуа в романе приведу интереснейшее наблюдение Дмитрия Лаврова³⁶⁶: «Обратим внимание: ведь Иешуа в романе – сугубо «киевский»! «Этот человек был одет в старенький и разорванный хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной...»

На картине Сведомского во Владимирском соборе Христос представлен именно таким. В этом храме на западной стене размещена роспись художника Котарбинского «Христос на кресте» с изображенными тремя пустыми крестами на фоне черных туч и желтого горизонта. И, словно иллюстрация к этому сюжету, отрывок из романа: «С запада поднималась грозовая туча, черное дымное брюхо отсвечивало желтым... На вершине холма остались три пустых креста».

Булгаков никогда не отказывался «писать атеистические сценарии по госзаказу». Один раз ему действительно пытались предложить подобную работу, но он отказался от нее даже не зная о ее антирелигиозном содержании, так как не имел привычки писать заказные работы и всегда отказывался от любых «заказов» (см. [тезис 3.5](#)). В закатном произведении его сердце не «отвращалось» от карикатурного изображения персонажей, одной рукой ворующих, а второй крестящихся. Нет сомнения, попадись ему на глаза постоянно привирающий диакон Кураев, он бы и его окарикатурил по полной программе.

4.14. Значит, не свой взгляд на Христа передал Булгаков. Тогда чей? Чью ненависть ко Христу он ословесил? В чьих глазах Христос превращается в Иешуа? И можно ли этого «другого» назвать единомышленником Булгакова?

<...> Может, не свое мировоззрение Булгаков вложил в анти-богословие Мастера?

Вопросы, ословесенные диаконом, просто вводят в ступор. Какая еще ненависть привиделась его воспаленному воображению? Булгаков ословесил не ненависть к Христу, а свой, иной от ортодоксального христианства взгляд на него. Иешуа в романе не богочеловек, заранее предназначенный себя на заклание, а обычный, земной человек, не стремящийся покинуть этот мир раньше срока. А «другой» это Лев Толстой, именно в его Евангелии Христос превратился в простого человека. Но не Толстой является единомышленником Булгакова, а наоборот, Булгаков является единомышленником Льва Толстого. О трепетном отношении Булгакова к творчеству Толстого мы уже писали при разборе тезисов [3.12](#) и [4.5](#). Именно его мировоззрение и отразил Булгаков в своем романе в рассказе Воланда и «богословии» Мастера. А вот чью ненависть к Иешуа и роману Булгакова ословесил Кураев, вполне очевидно, – свою собственную.

4.15. Точно ли, что среди персонажей большого, московского, романа именно и только Мастер является автором романа о Пилате?

Точно так, – «именно и только Мастер», что мы и покажем ниже, в главе 6 [«Кто автор романа о Пилате?»](#)

Резюме 4. В романе высмеиваются не проповеди Иешуа, а «стукачи и хапуги», при необходимости усердно осеняющие себя крестным знаменем и бойко раскаивающиеся, в своих грехах. Булгакову, воспитанному в истинно религиозной, духовно нравственной среде, несмотря

³⁶⁶ Лавров Д. «Мистика» Булгакова была основана на реальных фактах // «Сегодня», 27.01.2006. – <http://obozrevatel.com/news/2006/1/27/83471.htm>

на его собственный отход от православия, была особенно омерзительна именно показная религиозность, высмеянных им персонажей.

5. Кураев. ШЕСТОЕ И СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА

«Когда на сердце светло, в темном подземелье блещут небеса. Когда в мыслях мрак, при свете солнца плодятся демоны»

*Конфуций*³⁶⁷

«Fecit deos primum timor»

*Петроний Арбитр*³⁶⁸

Интересно, отчего в точных науках нет шестых и седьмых доказательств? Не от того ли, что если доказательство действительно является таковым, то не только шестого и седьмого, но даже второго и третьего обычно уже не требуется?

5.1. И Кант не сводил Бога к «проявлению высшей нравственности». Бог Кантом полагается настолько выше мира людей, что для Канта из этой запредельности Бога следует ненужность обрядов и молитв: ведь человеческие действия могут влиять только на то, что находился в этом мире, а не за его пределами... Для Канта Бог не «нравственный закон», а Законодатель этого закона [«Всякая религия состоит в том, что мы смотрим на Бога как на достойного всеобщего почитания законодателя всех наших обязанностей» (Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980, с. 173)]. По отношению же к материальному миру Бог Канта – Творец: «высшая причина природы, поскольку ее необходимо предположить для идеи высшего блага, есть сущность, которая благодаря рассудку и воле есть причина (следовательно, и творец) природы, то есть Бог» [Кант И. Собрание сочинений. Т. 4. М., с. 523].

Для Канта не Бог есть «проявление нравственности», а ровно наоборот: в существовании нравственности он видел проявление Бога. Бог – выше нравственного опыта человека. Человеческий нравственный опыт есть лишь окошко, просвет в мире обыденной несвободы, позволяющий увидеть Нечто гораздо более высокое. Само существование нравственности есть лишь указатель на существование человеческой свободы, а вот уже факт нашей свободы есть указание на то, что мир не сводится к хаотической игре атомов.

Подробнее на данных утверждениях Кураева и истинных воззрениях Канта мы остановимся далее в разделе [20](#), в конце которого приведена подробная характеристика личной нравственной системы моральных воззрений великого философа. Здесь же отметим только, что отношение Канта к богу вполне практично. Без всякой запредельности оно характеризуется достаточно откровенными записями в его черновиках. Там, где мысли Канта свободны от цензуры, он записывает следующее: **«Бог как гипотеза»** и **«Бог – не существо вне меня, а лишь моя мысль»**³⁶⁹. Об этом же, чуть более завуалировано Кант пишет и в «Критике практического разума», рассуждая о моральной полезности веры в бога: «<...> морально необходимо признать бытие Бога <...> эта моральная необходимость **субъективна <...>, а не объективна <...>** признание его бытия <...> необходимо для теоретического разума, для которого оно, рассматриваемое как основание объяснения, может быть названо **гипотезой**, а по отношению <...> к потребности в сфере практического – **верой**, и притом **верой**, основанной на чистом **разуме**, так как **только чистый разум** (и в своем теоретическом, и в практическом применении) **есть ее источник»**³⁷⁰.

В более поздних работах, подводя итоги долгих критических размышлений, Кант пишет:

³⁶⁷ Афоризмы старого Китая. – <http://klein.zen.ru/old/ChinaAf.htm>

³⁶⁸ «Богов прежде всего создал страх» (лат.) [Петроний Арбитр. Сатирикон (предисловие). – М.: Вся Москва, 1990, с. 17].

³⁶⁹ Kant I. Gesammelte Schriften. Akademic-Textausgabe. Berlin, 1900-1968. Bd. XVI, s. 145.

³⁷⁰ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 523.

«<...> мы сами создаем себе эти объекты – Бога, свободу в практическом отношении и бессмертие – и произвольно приписываем им объективную реальность, так как мы уверены, что нет никакого противоречия в этих идеях, которые, если принять их, оказывают обратное морально направленное действие на субъективные принципы моральности и на ее укрепление, а стало быть, и на поведение. <...> мы сами создаем себе эти предметы, так как полагаем, что идея их способствует конечной цели нашего чистого разума <...>»³⁷¹;

«<...> для существования первосущности как божества, или души как бессмертного духа человеческий разум неспособен предложить никакого теоретического доказательства, содержащего хотя бы малейшую степень убедительности, и по вполне понятной причине: у нас нет материала для определения идей сверхчувственного <...>»³⁷².

Как видим, для Канта бог именно нравственный закон, создаваемый человеком, а не реальный «Законодатель», предписывающий этот закон: «<...> из такого представления о положенной в основу **идее** высшего творца ясно, что **я полагаю в основу не существование такого творца и знание о нем, а только идею его** и, собственно, делаю выводы не из этой сущности, а только из ее идеи, т. е. из природы вещей в мире согласно такой идее»³⁷³.

Что касается утверждения диакона, что для Канта из «запредельности Бога следует ненужность обрядов и молитв», то оно так же неверно. Религиозные взгляды философа его биограф Гулыга А. В. характеризует следующим образом³⁷⁴:

«На помощь сверхъестественных сил надеяться непозволительно. **Нет ни чудес**, выходящих за пределы объективных законов опыта, **нет божественной тайны**, превышающей возможности нашего духа, **нет благодати**, силой божественного авторитета просветляющей нашу нравственность. Поэтому **Кант отвергает молитву как средство общения с Богом <...>**, хождение в церковь, носящее характер идолослужения, и другие ритуальные обряды. По своему содержанию «**религия ничем не отличается от морали**», существуют различные виды веры, но религия едина, как едина мораль. **Вера в Бога – это прежде всего надежда на собственную нравственную силу**»;

«В середине 70-х годов Кант (об этом свидетельствуют его письма к Лафатеру) пришел к **моральному истолкованию** религии. <...> Склонять колени или падать ниц с целью показать свое благоговение перед небесными силами противно человеческому достоинству, равно как и обращение к их изображениям. **В этом случае «вы поклоняетесь не идеалу, который представляет вам ваш собственный разум, а идолу, сотворенному вами самими»**».

Именно поэтому, а не из-за мифической запредельности Кант и перестал ходить в церковь, так как отношение его к ней было резко отрицательным:

«**Церковное устройство** (иерархия) может быть монархическим, аристократическим или демократическим – это касается только организации. Но ее основообразующий принцип во всех этих формах **всегда остается деспотическим**»;

«**Поповство <...> можно считать узурпированным господством духовенства над душами <...>**»³⁷⁵.

«**Набожность никогда не внушает доверия к себе самой**, в постоянной боязливости оглядывается на сверхъестественное содействие и даже в этом самопрезрении (которое не есть смирение) думает, будто обладает средством снискать благоволение, **внешним выражением этого состояния** (в пиетизме или ханжестве) **служит рабское состояние духа**»;

«**Молитва**, мыслимая как **внутреннее по всей форме** совершающееся богослужение и поэтому как средство умиловления, **есть заблуждение суеверия** (создание фетиша), ибо она есть лишь *провозглашенное пожелание* по отношению к существу, которое не нуждается ни в каком разъяснении внутреннего убеждения желающего. **Молитвой**, стало быть, **ничего не совершается**, и, следовательно, не исполняется ни одна из обязанностей, которые для нас неприменны как заповеди божьи. **Поэтому здесь нет и настоящего служения Богу**»;

³⁷¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 7. Приложение о вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 г.: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? – М.: ЧОРО, 1994, с. 426-427.

³⁷² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 5. Критика способности суждения. – М.: ЧОРО, 1994, с. 310.

³⁷³ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Приложение к трансцендентальной диалектике. – М.: ЧОРО, 1994, с. 519.

³⁷⁴ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 199, 201.

³⁷⁵ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 195, 220.

«Когда встречаются человека, который громко разговаривает сам с собой, то прежде всего склоняются к подозрению, что у него **легкий припадок сумасшествия** <...>»³⁷⁶.

Замечу также, что Кант не верил в Троицу и подвергал сомнению историчность евангельского образа Иисуса Христа, говоря, что: «**Это учение, <...> может <...> как относящееся только к совершенствующей душу моральной вере, обойтись и без подобных доказательств своей истинности** <...>»³⁷⁷. Собственно говоря, все учение Льва Толстого основано именно на философии Канта, Толстой полагал, «**что они полные единомышленники**»³⁷⁸.

5.2. Атеисты Воланду тоже не по нраву: «он испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту».

Автор в лице Воланда просто от души смеется над ортодоксальными атеистами Берлиозом и Иваном, равно как и над всеми ортодоксальными верующими: слепая наивная вера людей его забавляет. Ведь беседу Воланда и Берлиоза можно смело уподобить беседе нобелевского лауреата, присевшего на край песочницы, с копающимся в ней малышом. Можно только представить себе, как будут его забавлять категорические высказывания наивного карапуза.

5.3. Более того, именно в Воланде он видит главное действующее лицо всего романа. В обращении к «Правительству СССР» 28 марта 1930 года он называет свой труд «роман о дьяволе».

Когда Булгаков писал письмо Правительству, ни Мастера, ни Маргариты в романе еще не было. В начале действительно был роман о дьяволе, и Воланд был его главным действующим лицом. Но в окончательной редакции его можно назвать только главной движущей силой романа, но не главным действующим лицом. Главные лица это Маргарита, Иван и остающийся в тени Мастер.

5.4. Булгаков построил книгу так, что советский читатель в «пилатовых главах» узнавал азы атеистической пропаганды.

Поскольку диакон Кураев был и остается именно советским читателем, ему всюду мерещится атеистическая пропаганда, с азами которой он за годы детства и учебы познакомился лучше, чем кто-либо из нас. Однако если бы «азы атеистической пропаганды» действовали на слушателя так же завораживающе, как и роман Булгакова, то дело марксизма-ленинизма жило бы и побеждало и доньше, а диакон читал бы не религиозные, а антирелигиозные проповеди, и преимущественно в обычных сельских клубах.

Азы вульгарной антирелигиозной советской пропаганды Булгаков высмеял не в древних главах, а в самой первой главе, в беседе Берлиоза с Иваном: «**Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф**»³⁷⁹. Вот в этом и состояли главные азы советской пропаганды. А в древних главах Булгаков отразил взгляд на Евангелие глубоко уважаемого им Льва Толстого, считавшего, что Иисус был не богом, а пророком: «**Такое понимание Христа лежит в русле русской этической мысли, оно практически полностью совпадает с пониманием Льва Толстого, который видел в Сыне Человеческом одного из многих великих людей, развивавших, как он говорил, науку наук, имевшую «своим предметом знание того, в чем назначение и потому истинное благо каждого человека и всех людей. Такова была наука Конфуция, Будды, Моисея, Сократа, Христа, Магомета и других...». <...> И именно носителем такого учения предстает в романе Иешуа**»³⁸⁰. Особый и небезынтересный вопрос – как относился сам Булгаков к учению Толстого? – Уважительность

³⁷⁶ Там же, с. 201, 213, 214.

³⁷⁷ Там же, с. 139.

³⁷⁸ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 268-269.

³⁷⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 336.

³⁸⁰ Миронов Ю. Мастер и Маргарита: книга и сериал. – <http://contr-tv.ru/common/1540/>

изложения очевидна, а вот разделял ли он все его основы? Думается, что нет, иначе Мастер нашел бы все-таки упокоение в свете с Иешуа, как это было во второй полной рукописной редакции 1937-1938 гг., где Мастер, отпустив Пилата, и сам вслед за ним отправляется к Иешуа и месту своего покая³⁸¹.

5.5. Но автором этой узнаваемой картины оказывался... сатана. Это и есть «доведение до абсурда», *reductio ad absurdum*. Булгаков со всей возможной художественной очевидностью показал реальность сатаны. И оказалось, что взгляд сатаны на Христа вполне совпадает со взглядом на него атеистической государственной пропаганды. Так как же тогда назвать эту пропаганду? Научной или...? Оказывается, в интересах сатаны видеть во Христе идеалиста-неудачника.

Как мы уже отметили при рассмотрении предыдущего тезиса, советская антирелигиозная пропаганда по понятным идеологическим причинам отрицала, прежде всего, не божественность Христа, а именно сам исторический факт его существования. Поэтому взгляд Воланда, доказывающего, что «Иисус существовал»³⁸², самым коренным образом отличается от взгляда на Христа антирелигиозной советской пропаганды. Даже учение Толстого, отрицавшего божественность Христа и полагавшего его только одним из великих пророков, рассматривалось советской властью как реакционно-утопическое.

Утверждение диакона, что казненного пророка следует считать идеалистом-неудачником, возможно и обосновано с житейской точки зрения, но вряд ли приемлемо с религиозной. Чем, собственно говоря, евангельский Иисус более удачен, чем булгаковский Иешуа? И тот и другой были распяты за свои проповеди. И тот и другой заложили основы новой религии. И тот и другой имеют своих сторонников и противников. Конечно, последователей православия существенно больше, чем последователей учения Льва Толстого. Но ведь, в свою очередь, последователей других христианских конфессий еще на порядок больше, что никак не опровергает православия в глазах его адептов.

5.6. А, значит, чисто-«научного» атеизма нет. Атеизм – это просто хорошо замаскированный (или забывший о своем истоке) сатанизм.

Если принять гипотезу диакона, что атеизм это сатанизм, то получается, что именно сатанизму и обучался Кураев все пять лет на кафедре истории и теории научного атеизма философского факультета МГУ. Теперь понятно, откуда растут дьявольские копыта и ослиные уши в его суждениях. Пресловутые азы вульгарной советской антирелигиозной пропаганды узнаются не у Булгакова, а именно в работе диакона, представляющей собой полный «*absurdum*».

По поводу обвинения атеизма в сатанизме замечу, что какие бы страшные недостатки ни приписывали религиозные ортодоксы атеистам, все же у последних есть одно неоспоримое достоинство перед верующими, – никогда атеисты не объединяются в стаю или вернее в стадо животных, рвущихся громить иноверцев, и не устраивают кровопролития из-за своих взглядов на религию. Таких примеров история не знает. К преступлениям тоталитарных режимов атеизм никакого отношения не имеет. Подобные режимы создавались и создаются на иных идеологических базах, – коммунистической, фашистской, националистической, монархической и т.п.

5.7. На философском языке сюжет «Мастера и Маргариты» изложил Н. А. Бердяев. По его мысли именно из неизмеримого могущества зла в мире следует бытие Бога. Ведь если зла так много, и тем не менее встречаются редкие островки света – значит, есть что-то, не позволяющее тайфуну зла переломить тростники добра. Есть какая-то более могущественная сила, которая не позволяет океанскому прибою размыть прибрежные пески. У сил добра, столь редких в мире сем, есть тайны стратегический резерв – в мире

³⁸¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 717.

³⁸² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 346.

Это какое уже по счету доказательство, восьмое? Думаю, что сама бесконечность так называемых не строгих «доказательств» бытия Божиего, уже является достаточно убедительным доказательством строгой его недоказуемости.

Позиция Толстого в отношении зла намного убедительнее и глубже. – Зло гнездится не в мире, а в каждом человеке, и представляет собой не что иное, как вожделения его алчущей плоти, – алчущей денег, власти, похоти и т.п. Не мифический Дьявол искушает человека, а он сам искушает себя; не чужое богатство искушает его, а он сам искушается чужим богатством. Толстой полагал, что никакого Дьявола в природе не существует вовсе: «Дьяволом называется голос плоти, говорящий в том же Иисусе»³⁸³.

5.8. А вот духовные родственники Булгакова – белая церковная интеллигенция – смогла прочесть его роман как произведение христианское. Об этом говорит то, что в ведущем культурно-богословском издании русского зарубежья – парижском журнале «Вестник Русского студенческого христианского движения» – за 25 лет после публикации булгаковского романа появилось пять статей о «Мастере и Маргарите». Все они были положительные.

Положительное отношение к роману «белой церковной интеллигенции» не удивительно. С одной стороны, она формировалась в демократических условиях и с молоком матери совковое кураевское деление мира на наших и не наших не впитала. С другой стороны, нужно учитывать, что для нее было очень важно, что: «Впервые в условиях Советского Союза русская литература серьезно заговорила о Христе как о Реальности, стоящей в глубинах мира»³⁸⁴.

Интересно другое, – Кураев снова передергивает! Упомянутые им в сноске к данному утверждению авторы трактовали роман совершенно иначе, чем он. Диакон мозоль на языке натер, доказывая, что Иешуа не имеет ничего общего с евангельским Христом. В то время, как в предисловии архиепископа Сан-Францисского Иоанна (князя Дмитрия Шаховского) к первому русскому изданию романа «Мастер и Маргарита» в Париже 1967 г. «главная мысль <...> состояла в том, что роман «Мастер и Маргарита» впервые за многие десятилетия забвения в России православной веры поставил в центр внимания художественный образ Иисуса Христа»³⁸⁵. Впрочем, различие в художественной оценке романа Булгакова не удивительно, если учесть, что архиепископ был не только известным религиозным деятелем, но и русским поэтом, то есть, в отличие от Кураева, мог не только критиковать, но и творить.

5.9. Стоит также заметить, что православная Анна Ахматова, выслушав из уст автора «Мастера и Маргариту» в 1933 году, не прервала своего общения с Булгаковым. Более того – Фаине Раневской она говорила, что «это гениально, он гений!». Положительной была и реакция великого православного литературоведа Михаила Бахтина. Они знали, что есть зло страшнее и долговечнее, чем советская власть.

Несомненно, более страшным злом для них были пошлые изыскания церковных фанатиков. Могли ли получившие прекрасное классическое образование Ахматова и Бахтин без отвращения прочесть следующие слова Кураева о греко-римской культуре: «Современный человек слишком оглушен неоязыческой пропагандой. Подлинных языческих мифов он не знает, ибо знаком с ними по купированным ревизиям Куна. И пока ему не покажешь реальную гнусь язычества, он все твердит, что язычество – это «близость с природой», а вот христианское отторжение от язычества – это фанатизм. Что ж – приходится дать людям понюхать языческие

³⁸³ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich

³⁸⁴ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. «Метафизический реализм», предисловие к первому русскому изданию романа «Мастер и Маргарита» в Париже 1967 г. [Лосев В. И. К истории воскрешения «Мастера» // Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 22].

³⁸⁵ Лосев В. И. К истории воскрешения «Мастера» // Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 21.

портянки»³⁸⁶. Думаю, они бы посоветовали диакону обратить внимание на свои собственные портянки, и не лезть со свиным рылом в калашный ряд. Мы же повторим слова Гете: **«Подлец, конечно, подлецом останется, а мелкая душонка, даже ежедневно общаясь с величием античного духа, не станет менее мелкой. Но благородный человек, в сердце которого господь заронил зачатки большого характера и высокого духа, путем близкого знакомства с лучшими творениями греческой и римской древности получит гармоническое развитие и с каждым днем будет приближаться к великим образцам»³⁸⁷**.

Для образованной Анны Ахматовой роман Булгакова был не более кощунствен, чем творения Гоголя и Гофмана. Многие православные спокойно читают и Гоголя, и Гофмана, и Булгакова, и не маются проблемами диакона. И вера их от этого меньше не становится. Ведь не об истории зарождения и становления христианства этот роман. Есть и другие вечные истины в мире. Да и с какой бы стати Ахматовой порывать общение с Булгаковым, даже если бы разошлись их взгляды? Такие вещи являются препятствием для общения только у перековавшихся марксистов-атеистов. Православная Ахматова не относилась к религиозным шариковым, заполонившим ныне Интернет и шокирующими своими выплеснутыми наружу убожеством и нетерпимостью.

Читая Кураева, непросвещенный читатель может подумать, что Бахтин, как и Ахматова, запросто закахивал к Булгакову в гости и слушал чтение романа. Но Булгаков и Бахтин не были знакомы. Тем не менее, в это же время, в конце 1920-х гг., почти одновременно с книгой о творчестве Достоевского Бахтин работал над статьями, которые были посвящены творчеству Толстого, в частности, роману «Воскресение» и его драматическим произведениям. Первоначально статьи эти имели функциональный характер и предназначались в качестве предисловий к толстовскому собранию сочинений, но позднее эти материалы, первоначально озаглавленные автором как «Предисловие» (каждое в отдельности), были внесены Бахтиным в список его научных работ уже под названиями «Идеологический роман Л. Н. Толстого» и «Толстой-драматург». То есть взгляды Толстого на религию не помешали Бахтину высоко и доброжелательно оценить его художественные произведения. Так же высоко он оценил и роман Булгакова³⁸⁸: **«Я сейчас весь под впечатлением от «Мастера и Маргариты». Это – огромное произведение исключительной художественной силы и глубины. Мне лично оно очень близко по своему духу»**.

По Кураеву получается забавная история. Жил себе знаменитый писатель Булгаков, который очень любил православную церковь. И как только кто-нибудь ее обижал, так он сразу писал фельетон в ее защиту и прятал в стол для будущих потомков, – чтобы знали, как безбожники когда-то над православием издевались. И так он писал целых 12 лет до самой смерти. В итоге огромный роман-фельетон получился! Этот роман он любил читать друзьям, а они, восхищаясь, уважительно говорили ему: **«Да ты никак писака!»**. И так он высоко ценил этот свой труд с критикой вульгарного безбожия, что, умирая, говорил: **«Может быть, это и правильно... Что я мог бы написать после «Мастера?»**» И даже перед смертью он подкакивал на кровати и восклицал: **«Чтоб знали!»**

Абсурдно? – Без сомнения! Это больше похоже на анекдоты Даниила Хармса о Пушкине. Скорее уж можно поверить, что роман Булгакова первый из задуманной им серии романов о русских пословицах! – Какой пословице? – **«Не так страшен черт, как его малюют!»** Но может быть все-таки не борьба с преходящей антирелигиозной пропагандой так интересовала Булгакова, и его влекли какие-то вечные истины? – Ведь не случайно судьбу Мастера он вылавил из своей собственной жизни (см. [тезис 21.10](#)).

5.10. По справедливому сравнению священника Андрея Дерягина, «ситуация с восприятием романа аналогична завозу в Россию картошки при Петре I: продукт замечательный, но из-за того, что никто не знал, что с ним делать и какая его часть съедобна, люди травились и умирали целыми деревнями». К сожалению, в фильме Владимира Бортко, фраза про «седьмое доказательство» просто опущена...

³⁸⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

³⁸⁷ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 509.

³⁸⁸ Письмо М. Бахтина к Е. С. Булгаковой от 14 сентября 1966 г. [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324].

Эту сказку я, кажется, еще в школе слышал. Но ни энциклопедия Брокгауза-Ефрона, ни другие издания не пишут о случаях гибели целых деревень из-за отравления картошкой. И в Интернете кроме Дерягина и Кураева никто об этом не пишет. Видимо так христианские рассказы о чудесах и рождаются. Единственно чем можно отравиться, это ягодами картофеля, но не целой же деревней! Да и картошку то завезли вовсе не при Петре I, а намного позже, в 1765 году, когда Сенат Российской империи принял указ о разведении в стране картофеля и о завозе из-за границы первой партии семенных клубней. Говорят, правда, что первый мешок картофеля действительно отправил из Голландии в Россию Петр Первый задолго до этого указа, но что с этим мешком стало, в точности неизвестно. Так что только при Екатерине II был издан указ об отправке во все губернии **«на расплод земляных яблок»**, и уже через 17 лет картофель сеяли по всей Сибири и даже на Камчатке. Правда внедрение картофеля в крестьянские хозяйства сопровождалось бунтами и жестокими административными мерами. Были отмечены случаи отравления, так как в пищу **иногда** употребляли не клубни, а зеленые ядовитые ягоды картофеля. Однако **случаев вымирания целых деревень не отмечено**. Интересно, что предубеждение против картофеля усиливалось и звучанием самого названия, так как многим оно слышалось как «крафт тойфельс», что в переводе с немецкого означает «чертова сила». Очевидно, такое название было не по душе тогдашним полуграмотным дьячкам, и, с их легкой руки, предубеждало темные крестьянские массы против полезного овоща.

Резюме 5. Бесконечность попыток создания так называемых не строгих **«доказательств»** бытия Божиего, сама по себе является всего лишь достаточно убедительным доказательством строгий его недоказуемости.

6. Кураев. КТО АВТОР РОМАНА О ПИЛАТЕ?

«И вот тогда кто-то тихонько подкрался ко мне. Я хотел посмотреть, кто это. Но все кругом застлал сумрак. И кто-то... этот кто-то невидимой рукой тихо вынул кинжал у меня из груди. В тот же миг рот у меня опять наполнился хлынувшей кровью. И после этого я навеки погрузился во тьму небытия».

Акутагава Рюноске «В чаще»³⁸⁹

Если верить Кураеву в романе перед нами разыгрывается кукольный спектакль, где главный кукловод, – Воланд, дергает марионеток за веревочки. Это краеугольный камень рассуждений Кураева. Странно одно, не приходит в голову диакону простая мысль, а кто же зритель этого нелепого спектакля? Для кого так старается Воланд, если любую приписываемую ему диаконом цель он мог бы достигнуть более простым способом? Нелепо же полагать, что Воланд не смог найти лучшего способа попытаться выпустить роман в мир, чем послать к Мастеру Маргариту. В чем проблема то при его возможностях? Как только роман был готов, Воланд мог изъять его и без малейших проблем опубликовать, за границей. Особенно нелепо выглядит завершающая балаганная часть этого кураевского спектакля, с бессмысленным заморачиванием наведенным мороком Маргариты и Мастера. Конечно, можно сказать, что и дьявольский промысел непостижим для земного ума, но этот ответ в данном случае не подходит, ибо перед нами художественный роман, а не описание реальных проделок Сатаны.

6.1. Изначально у Булгакова все было очевидно: автор «романа о Пилате» – Воланд. Но по мере переработки романа «исполнителем» рукописи становится человек – Мастер.

Изначально у Булгакова было очевидно, что никакого «малого» романа о Пилате в произведении нет. Древние главы излагались непосредственно от лица Воланда, но не его прямой речью, а авторской речью Булгакова. Поэтому назвать их малым романом мог только сам автор или читатель, но никак не действующие лица «большого» романа.

Во всех редакциях романа Воланд только произносит вводную фразу, после чего описание событий производится главным рассказчиком, – Булгаковым. Нет ни малейших оснований

³⁸⁹ Акутагава Рюноске. Новеллы. – М.: Худож. лит., 1974, с. 330.

считать, что это может быть прямая речь Воланда. Можно только представить, как нелепо выглядел бы подобный «литературный рассказ» с его стороны. Это именно авторское описание событий, а не речь Воланда. Чтобы убедиться в этом, обратимся к черновым редакциям.

В третьей редакции романа в главе 10 «Иванушка в лечебнице» Воланд начинает рассказ Ивану словами: **«Да, у него была мигрень. Шаркающей кавалерийской походкой он вошел в зал с золотым потолком»**. Следующая же далее глава 11 «Евангелие от Воланда», начинается словами: **«В девять часов утра шаркающей кавалерийской походкой в перистиль под разноцветную колоннаду вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат»**³⁹⁰.

В процессе редакционной правки Булгаков затушевывал все слишком явные места³⁹¹, тем не менее, и здесь ясно виден переход от авторской речи к рассказу Воланда. Так 2-я глава «Понтий Пилат» заканчивается словами³⁹²: **«Было около десяти часов утра»**, а следующая 3-я глава «Седьмое доказательство» начинается словами: **«Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, – сказал профессор»**. Таким образом, различие между авторской и прямой речью Воланда вполне очевидно.

Поскольку изначально изложение событий Воландом не являлось речью от первого лица, нет ни малейших оснований полагать, что после появления в романе Мастера, рассказ Воланда вдруг превратился в главу романа Мастера. Следовательно, глава «Понтий Пилат» по-прежнему является именно авторским показом событий глазами прямого их очевидца.³⁹³ Именно так воспринимает ее в пересказе Иванушки и сам Мастер. Мог ли он не узнать свой роман даже в чужом изложении? Это совершенно невероятно. Тем не менее, он восклицает: **«О, как я все угадал!»**³⁹⁴ А ведь если верить диакону, Мастер должен был бы воскликнуть: **«Да это же слово в слово мой роман!»**

В главе «Казнь», – излагающей сон, навеянный Ивану Воландом в больнице, – мы также видим именно авторское изложение сна Ивана. Даже в черновой редакции глав романа дописанных и переписанных в 34-36 гг., где Иванушка не спит, а слушает рассказ Мастера, подчеркнута, что излагаемый текст не является прямой речью Мастера. Глава 13-я «На Лысой Горе» заканчивается словами³⁹⁵: **«И хлынул дождь на Лысый Холм, и снизился стервятник»**. Следующая же 14-я глава «На рассвете» начинается словами: **«...и хлынул дождь и снизился орел-стервятник, – прошептал Иванушкин гость и умолк»**. Эти различия ясно указывают нам, чьими глазами мы видим события. Очевидно, что это глаза Булгакова, – всевидящего создателя своей виртуальной Вселенной. Да и как бы глава романа Мастера могла описывать сон Ивана? Сон это изображение со звуком, а не текст с описаниями, и главой романа Мастера не может быть по определению, так как во сне Иван не читает, а **видит и слышит**. Иначе получается, что Воланд посылает Ивану не собственные впечатления, а читает роман Мастера и монтирует из него «фильм». Не слишком ли сложно?

Собственно говоря, текст романа дает основания предположить, что и сам рассказ Воланда Бездомному и Берлиозу также является не просто рассказом, а неким гипнотическим видением или переживанием, наведенным на них Воландом. Булгаков ясно дает понять, что собеседники Воланда были в состоянии «транса» и не осознавали окружающее: **«Поэт провел рукою по лицу, как человек, только что очнувшийся, и увидел, что на Патриарших вечер»**³⁹⁶. Первым обратил на это внимание сам Иван: **«Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ?.. – подумал Бездомный в изумлении. – Ведь вот уже и вечер! А может быть, это и не он рассказывал, а просто я заснул и все это мне приснилось?»**³⁹⁷ Поскольку одновременно то же

³⁹⁰ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 183.

³⁹¹ «Известно, что Булгаков иногда затушевывал свою образную мысль, уводя ее с поверхности повествования в глубины» [Лидия Яновская. Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>].

³⁹² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 370.

³⁹³ Об этом пишет и В. В. Петелин: **«<...> исторические события двухтысячелетней давности даются глазами Воланда как очевидца тех событий»** [Петелин В. В. Рукописи не горят // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 17].

³⁹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 462.

³⁹⁵ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 302.

³⁹⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 370.

³⁹⁷ Там же, с. 370.

самое не могло присниться и Берлиозу, Иван тут же отмечает в сторону свою гипотезу, не зная, что он имеет дело не с обычным собеседником, а со сверхъестественной силой. Но мы то это знаем...

Заметим, что изначально две древние главы из первой части романа и две главы романа Мастера из второй части «большого» романа имели ряд существенных расхождений, и до сих пор нет ответа, устранены ли они самим автором, или же отредактированы в едином стиле женой писателя, не посвященной в тонкости его замысла. Удручающая судьба архива Булгакова такова³⁹⁸, что возможны оба ответа. Приведем комментарий профессионального текстолога Лидии Яновской по поводу различий художественного стиля древних глав первой и второй частей романа³⁹⁹:

«Даже четыре «древние», или «евангельские», главы стилистически делятся на две группы – по две. Ибо есть, согласитесь, какие-то не сразу уловимые, но тем не менее очень важные различия между главами, вошедшими в первую часть («Понтий Пилат» и «Казнь»), написанными с невероятной прозрачностью и как бы **полным отсутствием рассказчика**, и главами второй части («Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кириафа» и «Погребение»), **собственно представляющими роман мастера**, где образность насыщенной, а стиль тревожен и напряженно эмоционален.

Во второй части даже место казни названо иначе: не Лысая Гора, как в части первой, а Лысый Череп. Хотя оба названия не придуманы Булгаковым: они извлечены из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона.

Еще больше эти главы – по две – различны по существу. В главах первой части перед нами Иешуа и Пилат в их вечном диалоге – преобразованный, преображенный и все же евангельский миф. Во второй части центральный персонаж этих глав один – Понтий Пилат: Пилат после казни Иешуа. Судьба, которой в Евангелии нет; домысленный, воображаемый, романтический сюжет о раскаянии и расплате...»

Ниже мы еще вернемся к стилистике романа Булгакова при рассмотрении тезиса [6.20](#).

6.2. Впервые на страницах булгаковского романа Мастер появляется довольно поздно – в тетрадях 1931 года (позже, чем Маргарита). Автором же романа о Пилате он становится еще позже – только осенью 1933 года (он еще «поэт»; впервые «мастером» называет его Азazelло).

До той же поры авторство Воланда несомненно. Даже свое имя Мастер заимствовал у Воланда. "В первых редакциях романа так почтительно именовала Воланда его свита (несомненно, вслед за источниками, где сатана или глава какого-либо дьявольского

³⁹⁸ Без комментариев приведем с некоторыми купюрами **оставшееся без ответа** письмо Лидии Яновской министру культуры СССР Н. Н. Губенко:

«Уважаемый Николай Николаевич!

<...> Я исследователь творчества Михаила Булгакова.

С 1962 г. знаю его архив; работала с этим архивом дома у Е. С. Булгаковой; способствовала ее решению передать архив государству – в Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина.

Летом 1987 г., впервые после многолетнего перерыва получив доступ к фонду Булгакова в ОР ГБЛ, я обнаружила в этом фонде чудовищные недостатки. **Часть рукописей и других материалов расхищена. Полагаю, что часть рукописей уничтожена.**

<...> Все мои попытки привлечь внимание к несчастью – обращения к руководству ОР ГБЛ, в Союз писателей СССР, в печать – ни к чему не привели. Безобразнейшие заявления «Литературной газеты» о том, что рукописи, с одной стороны, находятся «на месте», а с другой стороны – «на месте» не находятся, поскольку якобы подарены покойной Е.С. Булгаковой (после смерти, надо думать?) малознакомой ей американской исследовательнице Э. Проффер, – фантазия самого дурного тона.

«На месте» драгоценных рукописей нет <...>

Я считаю, что Министерство культуры СССР должно занять свою позицию в этой трагедии. Два с половиной года потеряны. Но и сейчас опытные криминалисты могли бы произвести расследование (пропажи документируются!), установить преступников, попытаться вернуть хотя бы часть похищенного.

Нельзя же «обожать» писателя и так обращаться с произведениями его!

Лидия Яновская, 3 декабря 1989 г.»

[Лидия Яновская. Дайте слово текстологу (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

<http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/ain7.html>]

³⁹⁹ Лидия Яновская. Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

<http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>

ордена иногда называется «Великим Мастером»).

Утверждение, что Мастер появляется в романе позже, чем Маргарита совершенно обосновательно. Вот, что пишет М. Чудакова⁴⁰⁰: «В тетрадах 1931 г. появляются первые наброски одной из последних глав – «Полет Воланда». Обозначилась Маргарита – одной ремаркой в первой тетради («Маргарита заговорила страстно...») и единственной ремаркой во второй: «– Нет, нет, – счастливо вскричала Маргарита, – пусть свистнет! Прошу вас! Я так давно не веселилась!» Появился и новый герой – безмянный спутник Маргариты. Сделана была даже попытка вести повествование от его лица <...>».

Упомянутые Чудаковой тетради, по описанию публикатора В. И. Лосева, это:

«<...> две тетради с черновыми набросками глав. Одна из тетрадей имеет авторский заголовок «Черновики романа. Тетрадь 1, 1929 – 1931 годы». <...>

Во второй тетради, не имеющей заголовка, переписана глава «Дело было в Грибоедове» <...> и сделан набросок главы «Полет Воланда». Кроме того, была начата глава «Копыто консультанта» <...>

Материал, сосредоточенный в этих двух тетрадях, никак **не может быть соотнесен** с очередной редакцией романа. Это – черновые наброски глав, которые, в зависимости от времени их написания, можно отнести и ко второй, и к третьей редакции»⁴⁰¹.

Если мы заглянем в опубликованные варианты черновых редакций романа «Мастер и Маргарита»⁴⁰², то обнаружим, что хронологически первым везде приводится совместное упоминание Маргариты и героя в главе «Полет Воланда» из тетради без заголовка, а не слова «Маргарита заговорила страстно...» из тетради 1. Таким образом, герой (будущий Мастер) и Маргарита появляются в романе одновременно. Однако нужно же при этом отдавать себе отчет, что достоверно утверждать что-либо на основании всего двух фраз из уничтоженного обширного черновика совершенно невозможно.

По поводу авторства Воланда, несомненно только одно: как мы показали выше (см [тезис 6.1](#)), никакого малого романа в романе до появления Мастера не существовало, и древние события излагались автором от лица их прямого очевидца Воланда.

Цитируемое Кураевым утверждение Баркова о заимствовании Мастером своего имени у Воланда основывается на публикации М. Чудаковой за 1976 год⁴⁰³: «В первых редакциях романа так почтительно именовала Воланда его свита (несомненно, вслед за источниками, <...> где сатана или глава какого-либо дьявольского ордена иногда называется «Великим Мастером»)».

Барков, не затрудняя себя изучением черновых редакций, поспешил истолковать эту фразу в нужном ему смысле, – что изначально, с момента создания романа, Воланд звался «мастером». Однако, если внимательно прочесть опубликованные булгаковские черновики, окажется, что слово «мастер» употребляется в первых редакциях всего лишь **в одном случае**⁴⁰⁴, – в обрывке главы «Полет Воланда» из черновых набросков к главам романа, написанным в 1929-31 гг. – Это реплика Фагота на упрек Воланда по поводу последствий его свиста⁴⁰⁵:

«– А вот это уже и лишнее, – сказал Воланд, указывая на землю, **и тут я разглядел, что человек с портфелем лежит раскинувшись и из головы течет кровь.**

– Виноват, **мастер**, я здесь ни при чем. Это он головой стукнулся об мотоциклетку».

⁴⁰⁰ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 363.

⁴⁰¹ Лосев В. И. Фантастический роман о дьяволе // Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 12.

⁴⁰² Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – 537 с.

Булгаков М. А. Князь тьмы. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 800 с.

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 750 с.

⁴⁰³ Чудакова М. О. Памяти Елены Сергеевны Булгаковой. Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя. – Записки ОР ГБЛ, вып. 37, 1976, с. 95, 112.

⁴⁰⁴ Интересно, что данный отрывок также одновременно является и единственным, где повествование ведется непосредственно от первого лица героя, которого автор в будущем назовет сначала Поэтом, а затем Мастером.

⁴⁰⁵ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 100.

Учитывая, что это всего лишь отрывок (без начала и конца) наброска к черновику, а не вычитанный и выправленный автором текст, нельзя с полной уверенностью утверждать, что обращение «мастер» относится именно к Воланду, а не к наблюдающему за Фаготом повествователю, которого указанное зрелище явно шокировало больше, чем Воланда. Фаготу было бы гораздо естественнее извиниться именно перед ним, а не перед Воландом. Более того, именно повествователь упоминается последним перед репликой Фагота!

Но в любом случае, обрывок черновика есть только обрывок черновика. Автор мог не обратить внимания на неясность адресации указанной реплики, а также пропустить в спешке или зачеркнуть впоследствии дополнительную реплику героя, явно переадресовывающую ответ Фагота именно к нему. К тому же, обрывочный характер текста (чаще всего это просто куски фраз), подтверждает, что данные черновые наброски постигла общая печальная судьба всех ранних черновиков Булгакова, – «<...> десятки страниц аккуратно вырезаны и вырваны, многие страницы разорваны пополам, несколько глав из первоначальной редакции сохранились в более или менее законченном виде»⁴⁰⁶. Кто может поручиться за достоверность восстановленного по обрывкам уцелевших фраз текста? Тем более что для пропущенного рукописного текста совершенно невозможно точно оценить возможное количество отсутствующих знаков, ведь ключевая для понимания фраза могла быть вписана над строкой или на полях оторванной части листа.

Вполне возможно, что за слово «мастер» было принято неразборчивое написание слова «мессир». В расшифровке почерка Булгакова среди литературоведов существуют и более впечатляющие разночтения, например: «В письме от 24 января 1940 г. слово «мученья» исследователи В. В. Гудкова и М. О. Чудакова читают как «морозы», – или: «В письме от 15 июня 1938 г. слово «заветный» исследователи Л. М. Яновская и М. О. Чудакова читают как «закатный»⁴⁰⁷. Поэтому оснований для разумного сдерживания фантазии в области именования Воланда «мастером» намного больше, чем для ее безудержного прищипоривания.

Заметим, что лист с обсуждаемым наброском главы «Полет Воланда» абсолютно точно датируется 1931 годом. Именно на этом листе Булгаков в правом верхнем углу написал: «Помоги Господи кончить роман! 1931 г.»⁴⁰⁸ А ведь работу над романом писатель начал еще в 1928 году и в марте 1930 года уже сжег первый «черновик романа о дьяволе». В сохранившихся отрывках из этого черновика Воланд именуется только «мессиром»⁴⁰⁹. Следовательно, изначально, приступая к реализации своего творческого замысла, Булгаков связывал с Воландом слово «мессир». Поэтому неверна сама исходная посылка Баркова, что изначально Воланд именовался «мастером». Слова Чудаковой о том, что «в первых редакциях романа» встречается именование Воланда «мастером» относятся не к самым первым редакциям 1928-1929 гг., а только к одному черновому наброску редакции 1931 г. В последующих работах ни сама Чудакова, ни прочие исследователи архивов Булгакова за 30 лет ни разу не уделили внимания этой надуманной Барковым проблеме. Например, в своем масштабном труде «Жизнеописание Михаила Булгакова» Чудакова подробно разобрала и детально проследила все этапы работы писателя над романом, но об именовании Воланда мастером у нее нет ни слова.

Поскольку изначально в черновых редакциях 1928-1929 гг. Воланд именуется исключительно «мессиром», очевидно, если исключить вероятность возможной ошибки расшифровки рукописи, что речь в данном случае может идти только о единичной пробе пера Булгаковым, – известно, что «Булгаков в черновиках часто менял фамилии своих персонажей в поисках более интересной»⁴¹⁰. В ранних редакциях писатель примерил на своих героев

⁴⁰⁶ Петелин В. В. Комментарии // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 723.

⁴⁰⁷ Мягков Б. С., Соколов Б. В. Комментарии к письмам // Булгаков М. А. Чаша жизни: повести, рассказы, пьеса, очерки, фельетоны, письма. – М.: Сов. Россия, 1988, с. 590.

⁴⁰⁸ Петелин В. В. Комментарии // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 723.

⁴⁰⁹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 46.

⁴¹⁰ Петелин В. В. Комментарии // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 514.

множество имен, особенно на Воюанда, в т.ч. и имя Азазелло⁴¹¹, но стоит ли, исходя из этого, строить какие-то далеко идущие выводы относительно образа самого Азазелло?

Единичное употребление слова «мастер» в наброске к черновику никак не может рассматриваться как основание для утверждения о переходе к Мастеру одного из имен Воюанда. Более того, обращение «мастер» используется не только масонами. Это весьма распространенное в европейской традиции уважительное обращение, особенно к творческим людям. И не случайно оно появляется именно в редакции 1932-1934 гг.⁴¹² Дело в том, что в это же время, с 11 июля 1932 г. по 5 марта 1933 г. Булгаков работает над романом «Мольер», в котором неоднократно именуется своего героя «мастером»⁴¹³. Как отмечает Л. Яновская, предвестием Мастера в творчестве Булгакова явилась фигура Мольера в пьесе «Кабала святош»: «**Та же слабость и беззащитность в жизни, та же огромная сила духа в творчестве**»⁴¹⁴. И, добавим, то же именование: «мастер»!

Последние годы, с легкой руки литературных гробокопателей, усиленно внедряется версия, что слово «мастер» вообще неприменимо к великим писателям и деятелям культуры, и является изобретением большевиков, уподобивших писательский труд работе за станком. Эти инсинуации убедительно развенчивают слова великого русского поэта Александра Блока, сохраненные в воспоминаниях поэтессы Надежды Павлович: «**Большевики не мешают писать стихи, но они мешают чувствовать себя мастером... Мастер тот, кто ощущает стержень всего своего творчества и держит ритм в себе**»⁴¹⁵. С творчеством Павлович Кураев знаком, – именно ее стихи он выбрал в качестве эпиграфа к своей работе, но воспоминания предпочел игнорировать.

Б. Соколов отмечает, что в работе «Литература и революция» Троцкий, приводя эти слова Блока, комментирует их следующим образом: «**Большевики мешают чувствовать себя мастером, ибо мастеру надо иметь ось, органическую, бесспорную, в себе, а большевики главную-то ось и передвинули. Никто из попутчиков революции – а попутчиком был и Блок, и попутчики составляют ныне очень важный отряд русской литературы – не несет стержня в себе, и именно поэтому мы имеем только подготовительный период новой литературы, только этюды, наброски и пробы пера – законченное мастерство, с уверенным стержнем в себе, еще впереди**»⁴¹⁶.

По мнению Соколова⁴¹⁷: «**В таком же положении, как и Блок, оказывается булгаковский Мастер. Автору романа о Понтии Пилате общество отказывает в признании, и выпавшие на его долю испытания в конце концов ломают внутренний стержень главного героя «Мастера и Маргариты». Вновь обрести этот стержень он может лишь в последнем приюте Воюанда. Сам Булгаков, хотя и наделил Мастера многими чертами своей судьбы, внутренний творческий стержень сохранил на всю жизнь и, по справедливому замечанию враждебной ему критики, выступал в советской литературе как писатель, «не рядящийся даже в попутнические цвета» (эту цитату из статьи главы РАППа Л. Л. Авербаха (1903-1939) в письме к Правительству от 28 марта 1930 г. автор выделил крупным шрифтом). Стержнем была любовь к свободе, стремление говорить правду и проповедовать гуманизм, что и отразилось в этическом идеале, выдвигаемом Иешуа Га-Ноцри».**

В заключение приведу замечание одного из критиков первого варианта моей работы:

«Можно дополнить сказанное ссылкой на широко известную статью Блока «О назначении поэта»

(<http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/POETRY.HTM>), где есть такие слова: «Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины и чужеродный внешнему миру звук был заключен в прочную и осозательную форму слова; звуки и слова должны образовать единую гармонию. Это – область **мастерства**».

⁴¹¹ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 172.

⁴¹² Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 199.

⁴¹³ Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 9, 97, 173, 175, 176.

⁴¹⁴ Лидия Яновская. «Кабала святош», или Пьеса о Мольере (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/ain7.html>

⁴¹⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 508.

⁴¹⁶ Там же, с. 508.

⁴¹⁷ Там же, с. 509.

Блоку был совершенно чужд ремесленнический подход к поэзии, впоследствии провозглашенный Маяковским: «Мастера, а не длинноволосые проповедники нужны сейчас нам». Блок и принципы другого «мастера», Гумилева, критиковал весьма резко в статье «Без божества, без вдохновенья». И, однако же, употребил слово «мастерство».

Еще неплохо было бы окончательно разобраться со ссылкой Баркова на «мнение истинного поэта Мандельштама». Действительно, «рогатая сволочь» у Мандельштама упоминается – в «Четвертой прозе». Но он говорил о разрешенных, подцензурных, продавшихся власти писателях, а не о творческом методе. И восхищался рассказами Зощенко, которому удавалось, по его словам, заменять вдохновение «мастерством». Почему Барков цитирует воспоминания Н. Я. Мандельштам, а не «Четвертую прозу»? Все просто: в «Четвертой прозе» нет ни «мастеров», ни «мастерства», а у Надежды Яковлевны нужное слово ненароком очутилось на одной странице с «рогатой сволочью»...

Мандельштам, кстати говоря, куда больше похож на мастера из романа, чем Горький. Но настоящие дешифровщики не боятся трудностей и выбирают путь наибольшего сопротивления. Впрочем, этим фактам место, скорее, в разборе «мениппеи»⁴¹⁸.

Итак, с вопросом о «заимствовании» Мастером своего имени все окончательно становится на свои места. Слово «мастер» Булгаков начал использовать в своем творчестве уже с 1931-1932 года, то есть значительно раньше, чем его, применительно к Мандельштаму, в июне 1934 года употребил Сталин в известном телефонном разговоре с Б. Пастернаком: «Но ведь он же мастер, мастер?» Утверждения Альфреда Баркова, что это слово якобы было канонизировано применительно к Горькому, относятся к еще более позднему времени, – 1936 году. При этом из приведенных Барковым примеров следует, что практически во всех траурных статьях Горький именуется не «мастером», а «учителем»: «Ушел учитель», «Прощай, учитель», «Настоящий революционный учитель», «Памяти великого учителя»⁴¹⁹ и т.п. А из редакционной статьи «Правды» от 19 июня 1936 года, в которой о Горьком говорится как о «великом мастере культуры», видно, что Горький был назван великим как **один из многих** мастеров культуры, а не **единственным** «мастером» без всяких эпитетов, как герой романа Булгакова: «**Он мастер, мессир, я вас предупреждаю об этом. Вылечите его, он сто́ит этого**»⁴²⁰.

6.3. При этом двух Мастеров в романе никогда не было: когда Мастером был Воланд, любовник Маргариты назывался «поэтом».

Диакон исключительно гениально употребляет здесь слово «любовник», да так ловко, что даже у меня оно порождает негативные эмоции. Но раньше это слово имело несколько другое значение. Например, в словаре Даля приведено следующее определение⁴²¹: «Любовник м. -ница ж. влюбленные друг в друга, чета любящаяся или состоящая в супружеских отношениях». Кураев же очень умело развернул его к нам именно новой, современной негативной стороной⁴²².

Мастером Воланд никогда не был, везде в рукописях, за исключением одного наброска к черновику, с ним связано только одно обращение, – «мессир». И когда в этом наброске Воланд предположительно назван «мастером», герой вовсе не называется «поэтом», а является безымянным героем, от лица которого ведется повествование. Конечно, чтобы обратить на это внимание, нужно не выдергивать цитаты из контекста, а читать внимательно весь текст, на что у зело обильного публицистикой диакона времени, естественно, нет.

6.4. Вот также и у Булгакова после передачи Мастеру пера, набрасывающего «роман о

⁴¹⁸ Синуцын. – <http://www.bulgakov.ru/ipb/index.php?s=9bcb60a8aa6c0aa9b0193d1551aa8bd3&showtopic=136>

⁴¹⁹ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

⁴²⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 612.

⁴²¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. В 4 т. Т. 2. И-О. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003, с. 460.

⁴²² Думаю, что на нынешнее значение слов «любовник» и «любовница» несомненно, наложило отпечаток многолетнее негативное отношение к этим понятиям советской власти, заменившей институт любви институтом брака. Наличие любовницы или любовника, особенно естественно последнее, считалось властью предосудительным. Такие дела постоянно разбирались профсоюзными и партийными комитетами и немало членов партии лишились по этому поводу партбилетов.

Пилате», начинает различаться «евангелие Воланда» и «евангелие от Мастера». Автором первого является непосредственно сатана, а вот литературное оформление второго передается человеку – Мастеру. Но Мастер творчески активен и самостоятелен лишь в литературном оформлении, а не в сути.

О несамостоятельности работы Мастера над своим романом говорит многое. Во-первых, то, что у Мастера нет своего личного имени.

Изначально, с появлением в романе нового героя, Булгаков назвал его «поэтом». Однако в ряде случаев, где прямое обращение свиты Воланда с использованием слова «поэт» звучало бы недопустимо выпендренно, писатель использовал обращение «мастер». В дальнейшем это звучание, как более естественное для отстраненного характера образа, окончательно закрепилось за героем.

Утверждение, что у Мастера нет имени совершенно нелепо. Имя героя просто не сообщается читателю, так как душевнобольной Мастер отказался от него. Вспомним визит Мастера к Ивану в лечебнице: «– А, помню, помню! – вскричал Иван. – Но я забыл, как ваша фамилия! – Оставим, повторяю, мою фамилию, ее нет больше, – ответил гость»⁴²³. Этот художественный прием сразу выделяет Мастера из мира обычных людей и приподымает его образ над реальностью до уровня философского обобщения. Указание же настоящего имени Мастера только заземлило бы его образ. Булгаков не сразу нашел правильное решение, – сначала он именовал героя поэтом, и только в последних редакциях нашел верное звучание. Вдумайтесь в магию уходящего корнями в вечность звучания слов «Мастер и Маргарита», – сочетания «Поэт и Маргарита», «Василий и Маргарита», «Александр и Маргарита» и подобные им таким магическим звучанием не обладают! Повторяю, «мастером» Булгаков именовал и своего Мольера. А его самого называла Мастером его последняя жена: «<...> он был Мастер, он не мог допустить случайности, ошибки...»⁴²⁴.

Маргарита именуется любимого мастером потому, что: «У нее была страсть ко всем людям, которые делают что-либо **первоклассно**»⁴²⁵. Идеальный вдохновитель Кураева Барков очень много внимания уделяет тому, что слово «мастер» пишется в романе со строчной буквы. Но в романе «Жизнь господина де Мольера» Булгаков также именуется Мольера мастером, причем именно со строчной буквы, а как иначе?

Как отмечает Л. Яновская, портрет Мастера в романе дан не прямо, а через отражения⁴²⁶: «Его внешность как бы размыта: она отражена в любви Маргариты. Его эмоциональный портрет не прорисован: мастер как личность весь выражен в своем романе. Не ищите здесь ошибку – Булгаков очень хорошо знает, что делает. Другая художественная задача – другое решение».

6.5. Позволю себе высказать предположение, что слово *мастер* нужно прочитать на иврите. В еврейском языке оно имеет значение «закрытие», причем у прор. Исайи 53,3 это слово означает «предмет для закрытия нами своего лица». У Булгакова мастер – это замена имени, отказ от имени. Имя не нужно, когда жизнь человека (персонажа) сводится к некоей одной, важнейшей его функции. Человек растворяется в этой функции. И по ходу булгаковского повествования Мастер растворяется в написанном им романе и в своей зависимости от Воланда.

Похвально, что наш почтенный мракоборец в состоянии отщипнуть толику времени от своих духовных молитв и на углубленное изучение Танаха, Талмуда, Каббалы, Корана, учения Блаватской, Рерихов и прочей премудрости. Вот только плоды просвещения бывают горьки, ну да крестным знаменем видать уберегаются, – не иначе как мозоли уже натер, каждую страницу перекрещивая...

Боюсь, что грустные мысли терзают диакона при изучении оригиналов Ветхого Завета, ведь их христианские переводы хоть и похожи на тексты Танаха, но не более того. А ведь в святом

⁴²³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 471.

⁴²⁴ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 153.

⁴²⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 606.

⁴²⁶ Людия Яновская. «Кабала святош», или Пьеса о Мольере (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

Писании важна каждая буква и каждый знак препинания. Но эти проблемы не входят в рамки нашего обсуждения, поэтому оставим их в стороне и углубимся в сравнительный анализ перевода стиха пророка Исая. В Библии сказано:

«53:3 Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и издевавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его».

Сравним с оригиналом из Танаха – книгой пророка Йешайа⁴²⁷:

«53:3 Он презираем был и отвергнут людьми, страдалец и издевавший болезнь, и как бы отвращая от себя лица, презираем (был), и мы не почитали его».

Таким образом, фразе **«и мы отвращали от Него лице свое»** соответствует **«и как бы отвращая от себя лица»**. Оригинальный текст на иврите записанный латинскими буквами слева направо имеет вид: **«ukemaster panim mimenu»** и дословно переводится как **«и как бы отвращая лица от себя»**.

Учитывая, что на иврите союзы **«и»** – **«и»** и **«ке»** – **«как бы»** пишутся слитно с последующим словом, здесь действительно использовано слово «master», но в значении **«отвращать»**, а не **«закрывать»**. Где же здесь таинственный **«предмет для закрытия нами своего лица»**? На иврите сказано не **«закрывали от него лица»**, а **«отвращая от себя лица»**.

И что вообще можно вывести из того, что в других языках слово «мастер» означает нечто иное, чем на русском языке? Ровно ничего, – одинаковые слова часто повторяются в разных языках с различным значением. Например, по-болгарски «булка» означает «девушка», «майка», – «мать», а «направо», – «прямо». Или по-словацки «олово» означает «свинец», а по-чешски «позор», – «внимание». Но все это даже не пришло в голову диакону, когда он тщательно обдумывал свою очередную гипотезу. В случаях склонности к подобному фантазированию, очень полезно обертывание вледяную простыню для снижения лихорадочного воспаления симпатических нервных корешков, будоражащих изощренное воображение. А еще лучше клиника по типу профессора Стравинского и соответствующая терапия...

В мыслях Кураева чувствуется злое дыхание средневековья. Кураеву бы ведьм да колдунов выискивать, работая в столь любимой им инквизиции. Великий инквизитор погиб в нем, – ведь любое слово наизнанку выворачивает и пытается заставить его противоречить собственному значению, превращая чужие мысли в собственные легко растворимые и легко усвояемые мюсли: мысли **«превращаются»**, **«превращаются в»** мюсли, мюсли **«растворяются»** в диаконе и выводятся **«важнейшей его функцией»**. И обратите внимание на ослиные уши антисемитизма, – тайный смысл он ищет именно на иврите. Как это он сюда еще мифические протоколы сионских мудрецов не приплел?

Кураева постоянно тянет на толкование значений слов в далекой Палестине? Но разве оттуда родом его предки? Ему бы лучше припасть к корням своей фамилии и поискать толкования слов на татарском. Нам же лучше заглянуть в толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В нем указано, что одно из толкований слова «мастер» означает **«учитель грамоты по церковным книгам»**, – то есть человек хорошо знающий Евангелия! Как отмечает И. Л. Галинская⁴²⁸, **«это значение слова «мастер» еще в XIX в. сохранялось в орловском областном диалекте <...>, и, если вспомнить, что орловский диалект для семьи Булгакова был родным (дед писателя – орловский священник, отец – окончил орловскую духовную семинарию), можно предположить, что автор «Мастера и Маргариты», вкладывая в имя героя особый, не сразу проявляемый смысл, в Словаре Даля в данном случае вряд ли нуждался»**. Кураев прекрасно знаком с исследованиями И. Л. Галинской и сам же ее цитирует, поэтому его стремление к выворачиванию наизнанку значения слова «мастер» не очень чисто.плотно.

Поскольку Кураев постоянно тщится доказать нам inferнальность Мастера, покажем, что используя его излюбленную схоластическую логику, легко доказать, что сам диакон в сто раз более inferнален и практически является живым представителем Антихриста на земле. Для доказательства этого положения мы проверим каббалистические методы диакона на собственной персоне сего грозного «мракоборца», определим толкование **«имени его»**, места его и значения его в мире сем, и узнаем, не прячется ли кто другой под его личиной, как под личиной мракоборца Грюма в любимой книге Кураева о Гарри Поттере.

Прошу не рассматривать нижеприведенное доказательство как простой прикол или

⁴²⁷ Тора Онлайн. Книга пророка Йешайа. – <http://www.toraonline.ru/neviim/yeshaya.htm>

⁴²⁸ Галинская И. Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986, с. 76.

желание глупо поиздеваться над Кураевым и его сторонниками. Это только пример, демонстрирующий поклонникам рассуждений диакона полную абсурдность методов доказательства inferнальности, практикуемых Кураевым в своих работах. Моя цель показать, что, рассуждая подобным образом, можно доказать inferнальность кого угодно.

Первое слово в фразе «диакон Кураев» есть не что иное, как «диа-конь», что является несомненной аллюзией на слово «диа-вол». И там и там два копытных(!) животных! Нам могут возразить, что слово «диавол» на самом деле есть искаженное «диабол», – от корня «бол» (воля, желание, замысел), то есть «диавол» – это неумное, необузданное желание. На это мы ответим, что, во-первых, «диакон» Кураев как раз и действует по принципу: **«Что хочу, то и ворочу!»** А, во-вторых, корень «кон» также символизирует неумное, необузданное желание выигрыша в азартных играх.

Что же касается второго слова, то фамилия Кураев несомненно происходит от слова «курай». На первый взгляд можно подумать, что здесь выражено простое преклонение, – «ку»⁴²⁹, – перед божьим раем, – «ку»-«рай». Но только на первый взгляд. Согласно БСЭ⁴³⁰, **«курай – название нескольких сорных растений, обитающих в лесостепи, полупустынях и пустынях. Обычно – это жесткие, колючие растения <...>, относимые к жизненной форме *перекати-поле*. Чаще всего кураем называют однолетнюю солянку иберийскую <...>, более известную как русская <...>, – растение хорошо поедаемое скотом»**. Здесь очевидная аллюзия на недолговечность, – «однолетняя» и «сорность» идей Кураева для русской культуры и его чужеродность ей, – «перекати-поле»⁴³¹, а также на «скотство» его моральных и духовных воззрений.

Но о каких же скотах, в первую очередь идет здесь речь? Согласно словарю Даля слово «курай» означает растение, именуемое **«верблюжье сено»**. Поскольку Христос сказал, что **«<...> удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»** (Матф. 19:24), здесь усматривается скрытая аллюзия на то, что **«Кураеву своим языком наворотить кучу бессмысленностей легче, чем верблюду наворотить кучу, проходящим через него верблюжьим сеном»**.

Но как же сей скот-верблюд поможет нам узнать, в каком из мировых языков, кроме русского сокрыт смысл слова «курай»? На правильную дорогу нас выведет изображение верблюда на гербе города Челябинска. Казалось бы, след здесь сразу теряется, ведь в Челябинске говорят по-русски. Но вспомним, что на первом гербе города, утвержденном 8 июня 1782 года, кроме верблюда в нижней части щита, в верхней части была изображена еще и бегущая куница – герб Уфимского наместничества, в чьем подчинении тогда находился Челябинск. Уфа же, как известно столица Башкирии, поэтому позволю себе высказать предположение, что слово «Курай» нужно прочесть именно по-башкирски, где оно имеет значение **«скоморох с дудкою»**⁴³². Учитывая явные скоморошьи манеры нашего затейника диакона, развлекающего нас своим занимательным богословием, это, пожалуй, весьма подходящее толкование.

Но можно ли на этом поставить точку? Думаю, что спешить с этим не стоит. Все рассмотренное выше только первый слой этой поистине дьявольской мениппеи. Для вскрытия второго слоя масконов⁴³³ вспомним, что тайный смысл фраз часто бывает сокрыт в их анаграммах. Например, из букв фразы **«Иосиф Сталин»** мы можем составить фразу: **«Филин, оса, тис»**. Оса, как известно, жалит, тис ядовит, а что касается филина, то кто еще может более выразить кровожадный характер Сталина: **«Из всех пернатых обитателей северного полушария филин в наибольшей степени заслуживает звание «абсолютного хищника», пишет WWF. Филин хватает <...> абсолютно все <...> может охотиться по ночам, <...> к жертве филин подлетает совершенно бесшумно <...>. Способность этой птицы видеть ночью дает ей огромное преимущество перед любой жертвой»**⁴³⁴. В то же время, например, фраза **«Иисус Христос»** дает нам совершенно благозвучный вариант: **«Стихи, рис, соус»**, – очевидную аллюзию на поэтичность

⁴²⁹ Возглас преклонения из фильма «Кин-дза-дза».

⁴³⁰ Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Изд. 3-е. Т. 14. – М.: Советская Энциклопедия, 1973, с. 20.

⁴³¹ **«<...> будь я священником, <...> я не мог бы ездить по стране. Священник отвечает за тех людей, которые уже ходят к нему в храм <...> А сейчас я могу вести образ жизни перекати-поля»** [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

⁴³² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. В 4 т. Т. 2. И-О. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003, с. 362.

⁴³³ Лем Станислав. Фурурологический конгресс // В тени сфинкса. – М.: Мир, 1987, с. 401.

⁴³⁴ Филин охотился на собак. – http://www.floranimal.ru/news/show_news.php?id=498

учения Христа, дающего пищу как простому, так и изысканному уму. А название романа Булгакова «Мастер и Маргарита» дает поэтическую анаграмму: «Терраса, мим, гитара», – совершенно далекую от навешиваемых Барковым и Кураевым религиозно-политических аллюзий. Интересно, что среднее слово данной анаграммы одновременно является широко распространенной аббревиатурой романа.

Но вернемся к диакону. Здесь нас ждут поразительные открытия! Внешне казалось бы благозвучная фраза «**диакон Кураев**» раскладывается на следующие основные инфернальные анаграммы:

1. На русском:

- ◆ Апокалиптические пророчества:
 - «И у века дракон».
 - «Инок в руке ада».
 - «Он в крике у ада».
 - «В урке инок ада».
 - «Урка в иноке – ад».
- ◆ Стяжательство статуэтки «Доброго пастыря», несущего ягненка (овенка) на плечах:
 - «Краду и овенка».
- ◆ Хула на пророка:
 - «Иона дурак век».
- ◆ Похабные скороговорки, хулящие святые иконы:
 - «В дураке икона», – «А дурак в иконе».
 - «А в иконе дурак» – «Да, в иноке урка».
- ◆ Ругательства и похабщина:
 - «Да он и рак куев».
 - «Он кака у двери».
 - «Инок – девка, ура!»
 - «Инок, урка, дева».
 - «И урке наводка».
- ◆ Склонность к кокаину и алкоголю:
 - «Рев: кокаину да!!!»
 - «И на руке водка».
 - «И на урке водка».
- ◆ Характеристики умственного развития:
 - «Он и века дурак».
 - «О дурак навеки».
 - «Никако Дураев».
- ◆ Жизненное кредо:
 - «Вера, уд⁴³⁵, кокаин».
- ◆ Оценка качества многочисленных трудов:
 - «Диакона в реку!»⁴³⁶
- ◆ Отголоски японской мифологии:
 - «Кикуне вор ада», или «Кицунэ⁴³⁷ вор ада».
- ◆ Любовь к терроризму:
 - «Никако Радуев».

2. На старославянском:

- «Каин ад кровуе», или по-русски, «Каин ад кровью покрывает».

⁴³⁵ Как заметил один из персонажей романа Петрония Арбитра «Сатирикон»: «Настолько выгоднее упражнять уд, чем ум» [Петроний Арбитр. Сатирикон. – М.: Вся Москва, 1990, с. 151].

⁴³⁶ Явная переключка с известной фразой: «Судью на мыло!»

⁴³⁷ «Кицунэ (япон.) – оборотень, способный превращаться в лисицу» [Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. – М.: Текст, 1992, с. 194].

- «Каин да кровуе», или по-русски, «Каин да покроет все кровью».
 - «Иуда рек в окна», или по-русски, «Иуда говорил в окна».
 - «А девку он раки», или по-русски, «А девку он ракообразно».
3. На украинском, польском и суржике:
- «У иконе кадавр», или по-русски, «в иконе кадавр»⁴³⁸.
 - «У иноке кадавр», или по-русски, «в иноке»⁴³⁹ кадавр».
 - «Е кадавр у окни», или по-русски, «кадавр в окне».
 - «Диакон е курва», или по-русски, «диакон – курва».
 - «Ён вор как Иуда», или по-русски, «он вор как Иуда».
 - «Один, а каку вре», или по-русски, «один, а гадости врет».
 - «Е уродина квак», или по-русски, «уродливая жаба».
4. И, наконец, для просторечной формы «дьякон»:
- «Оку – дрянь века».
 - «Коньяк Дураев».
 - «Коньяк Радуев».
 - «Я дурень Квако».

Комментарии здесь излишни. Сокрытые в «имени его» фразы говорят сами за себя, так что не буду изощряться как диакон в изящной словесности, что дескать Господь Бог не мальчик и такие множественные совпадения попросту невозможны, и что Он не зря «наградил» Кураева такими отметинами «имени его» и т.д. и т.п. Тут уже и ребенку ясно, – объединение в одной иконе дракона, оборотня, кадавра, кровавого Каина, Иуды, дурака, урки и любителя кокаина это уже не невинные шалости Гарри Поттера. Тут пахнет целым Волян-де-Мортом! И вся эта адская смесь еще и образует фирменный православный коктейль «Коньяк Дураев», разливаемый из той же бочки, что и самогон «Коньяк Радуев»!

Воистину «*Digitus Dei est hic*»!⁴⁴⁰ Но дело не только в этом. Я привел практически полный список анаграмм фразы «диакон Кураев», и среди них нет не только ни одной богодухновенной, но даже и просто мало-мальски приличной и благозвучной. Во всяком случае, мне таковой составить не удалось. Убив на это целый вечер, я составил только фразу «Враки на Код у. е.», что по зрелому размышлению нельзя истолковать иначе, как щедрую оплату убитыми енотами последних потуг диакона в области критики «Кода да Винчи».

Пытался я найти хоть какие-то хорошие корни в мирском имени диакона «Андрей Кураев». Но и там ничего хорошего не нашлось: «Не рай веку рад», «Йедрена курва», «Рай курве не ад» и т.п. Видно дьявольские задатки были заложены в Кураеве изначально, от рождения, впрочем, как и антисемитские, ослиные уши которых торчат из пренебрежительной анаграммы «На, дурак еврей» и черносотенно-скотского варианта «На еврейку рад!» Видимо здесь то и таятся корни великого духовного противостояния диакона Кларе Цеткин, принятой им по недомыслию и темноте душевной за урожденную еврейку (см. [тезис 7.8](#)). Попытка добавить к мирскому имени диакона отчество «Вячеславович» дала все тот же мистический результат – «Я, диавол, санврач веку червей!»

Особенно неутешительные результаты дал юношеский псевдоним диакона «Андрей Пригорин». Можно было бы их и опустить, но, как говорит в подобных случаях сам Кураев⁴⁴¹, чтобы показать «реальную гнусь <...> приходится дать людям понюхать языческие портянки, <...> ибо отвратить людей от язычества мне представляется более важным, нежели соблюсти благочестивую девственность слуха». Так что не обессудьте кураевские поклонники, вот они дьявольские то ли «портянки», то ли «портки» диакона, – самая благозвучная анаграмма этого

⁴³⁸ «Кадавр» (cadaver) – дословно «труп» (лат.). В литературе это понятие имеет обычно более широкое значение: «Кадавр – вообще говоря, оживленный неодушевленный предмет: портрет, статуя, идол, чучело <...> Как правило, они феноменально глупы, капризны, истеричны и почти не поддаются дрессировке» [Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. – М.: Текст, 1992, с. 194].

⁴³⁹ Монах в православии.

⁴⁴⁰ «Это перст Божий» (лат.).

⁴⁴¹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

псевдонима: «Гений, но пи...р-р-р!»⁴⁴² Что ж, от суммы да от судьбы и псевдоним не скроет. Используя же принцип кроссворда⁴⁴³, можно получить более зловещие варианты, раскрывающие тайные юношеские замыслы Кураева, например: «Но Ридигер-ра пни!» или «На пир он Ридигер»⁴⁴⁴, или найти корни его поразительного пристрастия к Гарри Поттеру (опущенные нами из соображений приличия).

Характерно, что любимый идейный вдохновитель Кураева Альфред Барков также имеет совершенно вульгарную анаграмму, – «Факер да вор, бль...». Другой же вариант анаграммы, словно произнесенный загадочным булгаковским профессором с его дьявольским немецким акцентом (глухое «в» меняется на «ф»): «Верь балда ф рок», – раскрывает нам тайну загадочного мистического увлечения Кураева рок-музыкой и ее поклонниками. Ну а не менее странное, я бы сказал болезненное пристрастие Кураева к роману «Мастер и Маргарита», маловразумительно пробормотанное им в своем труде и явно не ясное ему самому, полностью объясняет анаграмма имени творца этой книги. Переставив буквы фразы «Михаил Булгаков», мы получим мучающий подобно Гондурасу диакона вопрос: «Хули вам Бога лик?» И действительно: «А хули?» Вот и вся разгадка священной книги нашего оборотня!⁴⁴⁵

Чтобы детально исследовать все составляющие адского коктейля «Коньяк Дураев», помимо фонетически смыслового анализа, рассмотрим и числовой эквивалент «имени его». Обратите внимание, что сам Кураев везде упорно именуется именно диаконом, а не дьяконом, что было бы более естественно для разговорного русского языка. Ведь не к церковникам же он обращается, а к простому народу, так с чего бы это? Ну что ж, для ответа на заданный вопрос нам придется выйти за пределы слишком средней семинарии и определить «число имени его».

Как известно, признаком Антихриста, по которому при появлении его можно удостовериться, что это он, является число 666. Как указывает Иоанн Богослов для этого нужно перевести имя предполагаемого Антихриста в конкретное число с помощью нумерации букв и их сложения, к чему мы, помолясь, и приступим. Поставим в соответствие фразе «диакон Кураев» порядковые номера букв в алфавите и определим их сумму, имеем:

$$5+10+1+12+16+15+12+21+18+1+6+3 = 120.$$

Как видим, «число имени его» составляет, на первый взгляд, казалось бы, вполне невинное число 120. Но хитер лукавый! Свои три шестерки он часто маскирует под три атеистическими пятерками дедушки Ленина! Атеистическая библия бывшего атеиста-сатаниста, – пятое собрание сочинений Ленина, содержит ровно 55 томов, что дает нам повышающий поправочный коэффициент 5.55! И вот он в действии:

$$120 \times 5.55 = 666!!!$$

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18). Знаменательно, что именно три атеистические пятерки⁴⁴⁶ предшествуют трем шестеркам, – числу зверя, и предворяют его приход.

Интересно, что сумма трех дьявольских шестерок в точности равна цифровому эквиваленту печально известного КГБ: $12+4+2 = 18 = 6+6+6$. А теперь обратите внимание, как тесно связан с КГБ и числом зверя цифровой эквивалент фразы «диакон Кураев»: $120 = 6.6(6) \times (6+6+6)$.

Итак, мы убедились, что сам Кураев, согласно неопровержимым фактам, является представителем Сатаны и Антихриста. Как писал Булгаков: «Это – факт. А факт – самая упрямая в мире вещь»⁴⁴⁷. «Contra factum non est argumentum»⁴⁴⁸, – добавим мы. Но как об этом может узнать читатель, взгляд которого не допущен к элементарной теории чисел и полному варианту букв

⁴⁴² Поскольку нас могут читать дети, часть букв опущена, но вдумчивый взрослый читатель легко восстановит лауну.

⁴⁴³ По принципу кроссворда ё=е и й=и.

⁴⁴⁴ Ридигер – фамилия патриарха Алексия II.

⁴⁴⁵ «Священная книга оборотня» Виктора Пелевина имеет подзаголовок «А Хули».

⁴⁴⁶ Разумеется, мне могут возразить, что число 555, прежде всего, знаменует собой низкое качество китайских товаров, но это понятие вполне приложимо и к произведениям диакона, – как говорится, куда ни кинь, – везде клин!

⁴⁴⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 599.

⁴⁴⁸ «Против факта нет доказательства» (лат.).

русского алфавита? На этот случай нами разработан ускоренный экспресс-метод получения «числа имени его», позволяющий безошибочно диагностировать дьявольские замашки на ранних стадиях их развития. Для анализа используется полный вариант земного титула испытуемого, – в нашем случае, – «**диакон Андрей Кураев**». Достаточно просто подсчитать число букв в каждом слове этой фразы и выписать их подряд. Попробуйте сделать это сами в качестве самостоятельного упражнения, и убедитесь, чему равняется «число имени его»!

Обратите внимание, что сумма цифр имени «**Андрей**», объединяющего оба рассмотренных выше варианта «имени его», объединяет в себе и атеистическое и дьявольское начала, а именно:

$$1+15+5+18+6+11 = 56.$$

Сие есть не что иное, как указание Всевышнего на равные пропорции атеистически-сатанистского (цифра 5) и чисто сатанистского (цифра 6) начала в нашем почтенном диаконе.

И все же, можно ли «приговорить» человека только на основании числовых и фонетических смысловых свойств «имени его»? А вдруг все эти небывалые совпадения с признаками Антихриста случайны? Говорят же, что если бросить кирпич с крыши дома, он может подскочить обратно как мяч, если все его молекулы случайно упорядочено отразятся в одну и ту же сторону. Хотя есть и иное мнение, что перемещения кирпичей не бывают случайны: «**Кирпич ни с того ни с сего <...> никому и никогда на голову не свалится**»⁴⁴⁹.

К счастью есть и иные, незыблемые признаки Антихриста, которые мы сейчас и рассмотрим.

Истинному посланцу Антихриста inferнальность должна сопутствовать с момента появления на свет. И здесь нас ждет очередной, хотя уже и совершенно неудивительный сюрприз. Год рождения Кураева, кратен inferнальной чертовой дюжине:

$$1963 = 13 \times 151.$$

Воистину, как писал Гоголь, тому нечего черта искать, у кого черт за плечами! Что интересно, в середине коэффициента кратности стоит все та же атеистическая пятерка, и в какую бы сторону от нее Кураев не двинулся, он наткнется на единицу, дополняющую ее до дьявольской шестерки. Но этим дьявольское клеймо еще не исчерпывается! Как и следовало ожидать, кратна чертовой дюжине и сумма цифр его мирского имени «**Андрей Кураев**»:

$$1+15+5+18+6+11+12+21+18+1+6+3 = 117 = 13 \times 9.$$

Суммы цифр мирского имени «**Андрей Кураев**» (117) и юношеского псевдонима «**Андрей Пригорин**» (164) на первый взгляд не имеют прямой связи с числом зверя, но только на первый. Если уменьшить каждое из них на искомые три шестерки и сложить с суммой цифр фразы «**диакон Кураев**» (120), то получится не что иное, как число дней в году. Мы еще считаем число зверя, но уже сочтены(!) дни года и века нашего:

$$117 - 6-6-6 + 164 - 6-6-6 + 120 = 365.$$

На один из важнейших признаков Антихриста указывает нам сам же Кураев⁴⁵⁰: «**Антихрист в глазах невнимательных зрителей, читателей и почитателей неотличимо похож на Христа**». Так будем же внимательны. Вспомним седьмую главу Евангелия от Матфея:

«**15 Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.**

16 По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?»

Здесь ясные указания, как обнаружить лжепророка! Как бы ни выдавал себя Антихрист за Христа, он всегда обнаружит себя и в делах и в речах своих, ибо не может он не высказать богохульные мысли, не может не поглумиться и не похулить хоть в чем-то христово учение под видом его же защиты и восхваления.

⁴⁴⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 343.

⁴⁵⁰ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?

При написании данной работы⁴⁵¹ мне пришлось ознакомиться со многими богохульными сочинениями диакона, написанными как до, так и после выхода его приснопамятной мерзопакостной работы о Булгакове, увы, пришлось мне изучить их мерзкое содержание.

На сатанинское происхождение Кураева, прежде всего, указывает его интервью «Я – инквизитор-хоббит»⁴⁵²: «<...> я понял, что я хоббит до глубины души». Тем, кто не читал Толкиена, напомню, что хоббиты не только были ярыми язычниками, но еще имели и волосатые ноги⁴⁵³, то есть один из характерных признаков черта⁴⁵⁴. Об этом же свидетельствует и положительное отношение диакона к инквизиторам и террористам: «Я считаю, что работа инквизитора – очень достойная работа», «<...> меня печалит отсутствие православного терроризма»⁴⁵⁵. Именно черти и есть не что иное, как временные инквизиторы и террористы, коим Господь все милостивейший попустил временное испытание заблудших чад своих. Сказано ведь: «*Qui cum Iesu itis, non ite cum iesuitis*»⁴⁵⁶. Как справедливо заметил устами своего персонажа Ч. Р. Метьюрин (кстати священник!): «Нет людей более чуждых религии, нежели те, кто постоянно занят соблюдением ее форм»⁴⁵⁷.

Так что напрасно Кураев пытается сделать себе комплимент, выдавая себя за хоббита. Да и точно ли хоббит перед нами? – Маленький, кругленький, жирненький «лгун с чуть-чуть поросычьими чертами лица»⁴⁵⁸, с бородкой, в очках и с волосатыми ножками. Любит опутывать свои жертвы религиозной паутиной. – Кто бы это мог быть? – Да обыкновенный паук! В новой реальности диакон маскируется под хоббита, а в старой сравнил бы себя с Мальчишем-Кибальчишем или Павкой Корчагиным.

Посланца Антихриста выдает и отношение к церковной службе, в частности к каждению⁴⁵⁹: «<...> я мечтаю о том, чтобы меня наградили «правом каждения двумя кадилами!» Представляете, как красиво это смотрелось бы: выходит диакон на амвон, в каждой руке по дымящемуся кадилу, и он машет ими, как китаец нунчаками! Просто супердиакон!»

Известно, что «<...> самый огонь кадильных углей знаменует собою Божественное естество Иисуса Христа, вещество углей – его земную, человеческую природу, а ладан знаменует собою молитвы людей, приносимые Богу. Приемлемые Христом человеческие молитвы превращаются в благоухающий фимиам, означающий самую сокровенную сущность молитв: их искренность, чистоту, проистекающую от добрых дел, совершаемых по воле Божией и из чистой любви к Нему»⁴⁶⁰.

И вот этой то сокровенной сущностью, Кураев ничтоже сумняшеся тщится махать вокруг себя со сверхъестественной скоростью, забыв, что кадилами не машут в суете как кулаками и нунчаками, а **торжественно, размеренно размахивают, раскачивая их не отделяя локтя от поясицы**. Впрочем, можно ли ожидать иного каждения от «супердиакона», привыкшего махать идеологическими нунчаками для лучшего вдалбливания ереси в головы своих заблудших слушателей?

Еще более впечатляет «наивный» рассказ Кураева о том, как Бог⁴⁶¹ якобы увел его от принятия священнического сана⁴⁶²: «<...> вдруг после диаконского посвящения у меня появилось ощущение, что **надо остановиться. Я не понимал зачем, не мог найти разумных объяснений** этому чувству, но оно было слишком очевидно. В итоге **я просто убежал** от своей хиротонии во священника, точнее – не поехал в Сучаву – тот город, где она и должна была совершиться. Теперь

⁴⁵¹ Отдельные обороты нижеследующего текста взяты мною из ответа отца Олега Моленко на вопрос о фильме «Код да Винчи». – <http://www.omolenko.com/2240.html>

⁴⁵² Кураев А., диакон. Я – инквизитор-хоббит.

⁴⁵³ «Глупый хоббит у дороги деловито бреет ноги. Зря старается – от века не похож на человека!» [Перумов Н. Эльфийский клинок: Эпопея «Кольцо Тьмы». Книга 1. – М.: Эксмо, 2007, с. 62].

⁴⁵⁴ Впрочем, согласно теории эволюции, такие же волосатые ноги имели и далекие предки человека...

⁴⁵⁵ Кураев А., диакон. Я – инквизитор-хоббит.

⁴⁵⁶ «Кто идет с Иисусом, не идите с иезуитами» (лат.).

⁴⁵⁷ Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец. – М.: Наука, 1983, с. 109.

⁴⁵⁸ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?

⁴⁵⁹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁴⁶⁰ Кадило. – <http://pkg.volga.ru/gdanov/kadilo.html>

⁴⁶¹ «Не я пришел в Церковь, а Господь «взял за шкурку», вытащил и протащил, как я этому ни сопротивлялся» [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

⁴⁶² Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

я уже знаю причину того торможения: **священник Кураев не смог бы делать то, что делает диакон Кураев».**

Действительно, стань Кураев священником, он бы не смог делать то, что делает⁴⁶³ диакон Кураев! Невольно вспоминаются слова самого диакона из рецензируемой нами работы: **«Мастер должен был впустить евангелие от Воланда в мир, но – испугался».** Здесь же диакон очевидно должен был сам решиться и пустить Божий мир и Бога в свою душу, но – **испугался и остановился...**

Такие странные множественные «совпадения» не бывают случайны. Обратите внимание, какой код был изначально заложен в названии провайдера Кураева в интернете⁴⁶⁴: **«<...> я сначала отмахнулся... <...> Наконец нашелся провайдер (группа **Vinchi**), <...> в итоге получилось, что мне работа в Интернете **ничего не стоит».** В отличие от дилетанта Дэна Брауна, использовавшего по атеистическому недомыслию только пять атеистических букв «кода», – **«Vinci»**, провайдер Кураева более «грамотен» и использует именно полный дьявольский набор из шести букв, – **«Vinchi».****

Наивная простодушная история с бесплатным Интернетом, доставшимся отличнику борьбы с атеизмом, просто до неприличия напоминает мерзкие басни Кураева о даровании Мастеру Сатаной выигрыша по облигации, который позволил ему **«<...> уйти с советской работы и начать писать свой роман».** Так кто же в данном случае даровал не вымышленному Мастеру, а реальному Кураеву возможность бесплатно загаживать Интернет своей псевдорелигиозной стряпней?!! Ясный ответ на этот риторический вопрос дает сам же Кураев⁴⁶⁵: **«Бесплатно – это там, где бес платит».** Так не Евангелие ли от Антихриста выпускает в мир в своих заплонивших Интернет измышлениях сей медиумично направляемый Антихристом диакон? Заметим, что сегодня даровавший диакону бесплатный Интернет руководитель московской компании Vinchi Group Андрей Рычковский фактически основал на бывшем кураевском форуме новую тоталитарную секту и превратил данный ресурс в антиправославный, а ненужного ему, выполнившего свою задачу раскрутки форума на начальном этапе диакона Кураева отбросил как выжатый лимон. Вот как **«бес платит»!**

Антихрист просто использует Кураева в качестве медиума. Но этот контакт в итоге выжигает талант диакона, который, по завершении своей медиумично направляемой миссии, становится творчески бессилён. Сам Кураев уже предчувствует это: **«Я не хочу, а **знаю, что перемена будет. Может, еще года два так можно жить <...>, а потом просто силы кончатся»**⁴⁶⁶. Ну что ж, бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке, – пружина уже распрямляется...**

Лжесочинения Кураева настолько изобилуют цитатами из еретических сочинений, что сами являются настоящим учебным пособием для еретиков. Разумеется, чтобы понять суть ереси, ее действительно нужно изучить, имея на то соизволение и благословение святой Церкви. Но разве обязательно, при развенчании каждой лживой сущности подробно цитировать и фактически пропагандировать ее? Если на заре христианской эры отцы Церкви нашей ясным и понятным словом своим доносили до слушателей смысл христианства, то неужели сегодня опровержение антихристианских ересей требует обязательного и многословного цитирования их?!! Ведь еще Сервантес отмечал, что: **«<...> многословие никому удовольствия не доставляет»**⁴⁶⁷.

Не буду подробно излагать все хуления и злые вымыслы, изложенные в разных богохульных произведениях Кураева, дабы не следовать ему же в ереси его. Но лишь укажу, да простит мне Господь милосердный вынужденное повторение лжи ради ее обличения, на главную ложь и хулу.

Она в том, что Кураев внедряет среди верующих мнение, что якобы наш Господь Иисус Христос на самом деле стремился и сам взять в руки меч и вложить его в руки сподвижников

⁴⁶³ **«И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: **что делаешь, делай скорее»** (Иоан. 13:27).**

⁴⁶⁴ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

⁴⁶⁵ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. – М.: Правда, 1961, с. 223.

своих⁴⁶⁸: «Хотел ли бы сам Булгаков быть с Иешуа (не с библейским Христом, ученики Которого носили мечи, а Сам Он не гнушался обличения ни словом, ни бичом <...>)?»

Если мы посмотрим, что говорил Христос о мечах, то увидим, что он употреблял это слово как в прямом, так и в переносном смысле. Например, в десятой главе Евангелия от Матфея образ меча употребляется в переносном смысле, как общепринятый символ разделения:

«34 Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч,
35 ибо Я пришел **разделить** человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее».

Но когда Христос говорит о мече, в прямом смысле этого слова, то мы слышим совсем иной совет Его ученикам Своим:

«Тогда говорит ему Иисус: **возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут;**» (Матф. 26:52).

Ко лжи и хуле Кураева о воинственности Христа присовокуплена и клевета на Нагорную проповедь. Представляя Иешуа отрицательным героем, озвучивающим «этику всепрощения», которая якобы «откровенно и умно высмеивается в «большом» романе»⁴⁶⁹, Кураев, упраздняет и отрицает возвышенное значение морали Нагорной проповеди «*Diligite inimicos vestros*» – «**Любите врагов ваших**»⁴⁷⁰.

Своей страшнейшей ложью, – подменой истинной морали Евангелия дьявольской, – Кураев предпринимает попытку устранить в сознании людей все дело Божьего домостроительства, искупления, спасения людей. Именно для этого им под предлогом развенчания образа Иешуа фактически унижается, искажается и кощунственно высмеивается личность и проповеди Богочеловека Христа. И эти его действия были пророчески предсказаны еще великим Иммануилом Кантом в работе «Конец всего сущего» (1794 г.)⁴⁷¹: «Если когда-либо христианству суждено будет утратить достоинства любви (а это произойдет в том случае, когда место кротости займет **вооруженный предписаниями авторитет**) <...>, то антипатия и отвращение к нему станут господствующим образом мышления и *антихрист*, которого считают провозвестником страшного суда, начнет свое (предположительно основанное на страхе и своекорыстии) недолгое правление <...>».

Отсюда вывод: кто по неведению прочтет часть любого сочинения Кураева (до первой лжи и хулы), тот должен раскаяться и очиститься от невольного греха сопричастности богохульству. Кто же примет ложь его книги, тот будет находиться под анафемой Церкви небесной Отца, Сына и Святаго Духа и угрозой вечной гибели.

И еще важный вопрос. Мог ли Господь настолько попустить медиумично направляемому Антихристом диакону смущать умы честных прихожан, что не дал явно ни одного прямого предостерегающего знамения о дьявольской природе Кураева? Понятно, что вопрос этот риторический и настоящий вопрос другой, – когда, где и как было дано это знамение, и почему на него не обратили внимания. А дано оно было еще в 1998 году, когда ураган, пронесшийся по Москве, сорвал кресты с нескольких храмов – в том числе в старинном Новодевичьем монастыре и с церкви, где служит диакон Кураев! Но хитер лукавый, чтобы не обличили его, он каждое свое обличение смешным делает, и всегда охотно цитирует все обвинения в свой адрес. Интересующие нас факты изложены прямо в одной из многочисленных статей диакона, но так замаскированы обвинениями в адрес оккультизма, что заметить их нелегко. А мы все же заметим, и процитируем⁴⁷²:

«Ураган оставил нетронутым казино, расположенное по соседству с храмом, где я служу (храм Рождества св. Иоанна Предтечи на Красной Пресне), но **сорвал крест с колокольни моей церкви**».

«Это несомненный **знак гнева Божия**. Но чьи грехи вызвали этот гнев?»

«<...> в Новодевичьем монастыре кресты были сорваны только с тех храмов, которые оставались музейными. Они не были возвращены монастырю, и в них не проходили

⁴⁶⁸ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ «А Я говорю вам: **любите врагов ваших**, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. 5:44).

⁴⁷¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. Конец всего сущего. – М.: ЧОРО, 1994, с. 218.

⁴⁷² Кураев А., диакон. Почему московский ураган разрушал храмы?

православные Богослужения. Те храмы монастыря, в которых шла обычная православная служба, крестов не лишились».

Вот и знамение: «храмы <...>, в которых шла обычная православная служба, крестов не лишились». Какие же «необычные» православные службы отправляет Кураев, если его церковь лишилась креста?..

Думаю написанного достаточно, чтобы убедиться в том, что, используя схоластическую логику диакона, можно в первую очередь доказательно обвинить в inferнальности его самого. Нечего и говорить, что «разъяснив» Кураева на иврите, латыни, хинди, пушту, татарском и других языках, мы получили бы еще более впечатляющие результаты. Следовательно, или утверждения диакона об inferнальности Мастера совершенно беспочвенны, или же сам Кураев, по той же логике, является посланцем Антихриста.

6.6. Во-вторых, то, что рассказ о Пилате начинается до появления Мастера на арене московского романа и продолжается уже после того, как Мастер сжег свой роман. Кто же начинает и кто завершает? – Воланд (Еще одна часть романа о Пилате вводится как сон Ивана Бездомного. Но тут уж точно Мастер не при чем: в «Мастере и Маргарите» владыкой снов, то есть владыкой лунных ночей оказывается именно Воланд).

Как мы уже выяснили выше (см. тезис 6.1), в первой части романа древние главы и начинает и завершает сам автор Михаил Булгаков, излагающий события не прямой речью рассказывающего лица, а их авторским описанием непосредственно в истинном, в рамках романа, виде. При этом сон Ивана главой романа Мастера не может быть по определению, – так как во сне Иван не читает, а **видит и слышит**. Да и на Патриарших прудах слушатели слишком подозрительно заморожены рассказом Воланда, и, судя по всему, воспринимают его в состоянии «транса», как некое видение.

Переход от прямой речи героя к описанию событий глазами автора распространенный композиционный прием. В романе автор всеведущ и подобно богу царит над своей вселенной. Точно так же, например, построен роман «Мельмот Скиталец» Метьюрина, где рассказы молодого Джона Мельмота, испанца Монсады и самого Скитальца-Искусителя незаметно переходят в авторскую романную речь, и не являются прямой речью героев⁴⁷³. Чьему перу принадлежит история несчастной индийской девушки, запечатленная на переписанных Монсадой пергаментах еврея Адонии, которую он слово в слово передает слушающему его молодому Мельмоту?⁴⁷⁴ Разве кто-то был рядом с девушкой Иммали и Искусителем на берегу океана? Как и в романе Булгакова, ответ может быть только один, – авторское перо незаметно подставляет плечо рассказу романного персонажа.

Хорошо, что Кураев, при внешнем начетничестве, «человек девственный и невежественный» в вопросах художественной литературы, и явно не читал никогда «Рукопись найденную в Сарагосе» Яна Потоцкого, – ибо там у него от подобных вопросов крыша бы точно навсегда съехала.

6.7. Мастер – «гадает» («О, как я угадал! О, как я все угадал!», – говорит Мастер в больнице Ивану Бездомному после того, как тот пересказал ему воландовское повествование о Пилате.), Воланд – видит. Мастер отправляет Ивана за продолжением к Воланду («ваш знакомый с Патриарших прудов сделал бы это лучше меня»). Воланду же ни к чему ссылка на Мастера.

Мастер, не являясь очевидцем, постигает Истину силой художественного воображения, а Воланд именно «видит». Так что нет ничего удивительного в том, что Мастер отправляет Ивана к Воланду. Последнему же совершенно нет причин ссылаться на кого-либо. Он все видел своими глазами.

6.8. Правда, о своей причастности к этой книге Воланд не торопится возвещать. «Так вы

⁴⁷³ Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец. – М.: Наука, 1983. – 704 с.

⁴⁷⁴ Там же, с. 293.

бы сами и написали евангелие, – посоветовал неприязненно Иванушка. Неизвестный рассмеялся весело и ответил: – Блестящая мысль! Она мне не приходила в голову. Евангелие от меня, хи-хи...». Тут видна ложь, без которой немислим образ сатаны. «Евангелие от дьявола» уже написано и уже известно соавтору. Но Воланд отрекается от авторства. Он – просто «консультант» (23 раза в тексте романа Воланд именуется так, тогда как Мессиром – 65 раз). Кого же он консультирует? Вновь напомним, что Воланд – честнейший бес мировой литературы. Он почти не врет. И в московском романе он оправдывает эту свою автохарактеристику только в отношении к роману Мастера.

Во-первых, Воланд в своих словах ни от чего не отрекается, так как ему никто ничего не приписывает.

Во-вторых, тут действительно видна ложь, без которой мы уже даже и не мыслим Кураева: цитата взята из редакции 1928-1929 гг.⁴⁷⁵, где **никакой книги, никакого романа и никакого мастера** в сюжете еще и в помине нет. О каком же соавторстве может идти речь?

В-третьих, если образ сатаны немислим без лжи, то с этим не вяжется его кураевская характеристика: «<...> Воланд – честнейший бес мировой литературы. Он почти не врет».

6.9. Также он поступит и в окончательной версии романа – сделав удивленный вид при встрече с Мастером.

Что ж – «поздравляю вас, гражданин, соврамши!». Что Воланд знаком с Мастером и его романом, выдает сам Мастер, когда в больнице говорит Иванушке – «Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее». Штука в том, что Иванушка имени Воланда и сам не знал и Мастеру не называл...

Как обычно, Кураев поздравил сам себя. Как отмечает Е. Яблоков⁴⁷⁶, Кураев: «<...> заклинает: *«Никогда нельзя с полным своим согласием и восторгом цитировать сатану – даже литературного!»* (с. 63). Между тем фраза *«поздравляю вас, гражданин, соврамши!»* (с. 47) в собственных устах г-на Кураева почему-то не смущает. Может, это только Воланда нельзя цитировать, а присных его можно? Или только простым людям, «неграм», непозволительно, а «белой церковной интеллигенции» – в самый раз?»

Штука с именем Воланда похитрее, чем кажется диакону. Мастер, в отличие от Иванушек мыслящих в пределах слишком средней семинарии, человек образованный, знает пять языков, Гете читал в подлиннике, а не только в переводах. Как отмечает И. Бэлза⁴⁷⁷: «<...> имя это взято Булгаковым из «Вальпургиевой ночи», из возгласа Мефистофеля: *Junker Voland kommt*». Подробный комментарий к происхождению имени «Воланд» приводит Б. Соколов⁴⁷⁸:

«Само имя Воланд взято из поэмы Гёте, где оно упоминается лишь однажды и в русских переводах обычно опускается. Так называет себя Мефистофель в сцене Вальпургиевой ночи, требуя от нечисти дать дорогу: *«Дворянин Воланд идет!»*. В прозаическом переводе А. Соколовского (1902), с текстом которого Булгаков был знаком, это место дается так: *«Мефистофель. Вон куда тебя унесло! Вижу, что мне надо пустить в дело мои хозяйские права. Эй, вы! Место! Идет господин Воланд!»* В комментарии переводчик следующим образом разъяснил немецкую фразу *«Junker Voland kommt»*: «Юнкер значит знатная особа (дворянин), а Воланд было одно из имен черта. Основное слово *«Faland»* (что значило обманщик, лукавый) употреблялось уже старинными писателями в смысле черта». Булгаков использовал и это последнее имя: после сеанса черной магии служащие Театра Варьете пытаются вспомнить имя мага: « – Во... Кажись, Воланд. А может быть, и не Воланд? Может быть, Фаланд».

В редакции 1929-1930 гг. имя Воланд воспроизводилось полностью латиницей на его визитной карточке: «D-r Theodor Voland». В окончательном тексте Булгаков от латиницы отказался: Иван Бездомный на Патриарших запоминает только начальную букву фамилии – W

⁴⁷⁵ Булгаков М. А. Черновые варианты. Тетрадь 2, 1928-1929 гг. Шестое доказательство // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 74.

⁴⁷⁶ Яблоков Е. Белым по-черному. – <http://www.knigoboz.ru/news/news3564.html>

⁴⁷⁷ Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст–1978. – М.: Наука, 1978, с. 187.

⁴⁷⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 171.

(«дубль-ве»). Такая замена оригинального V («фау») неслучайна. Немецкое «Voland» произносится как Фоланд, а по-русски начальное «эф» в таком сочетании создает комический эффект, да и выговаривается с трудом. Мало подходил бы здесь и немецкий «Faland». С русским произношением – Фаланд – дело обстояло лучше, но возникала неуместная ассоциация со словом «фал» (им обозначается веревка, которой поднимают на судах паруса и реи) и некоторыми его жаргонными производными. К тому же Фаланд в поэме Гёте не встречался, а Булгакову хотелось именно с «Фаустом» связать своего сатану, пусть даже нареченного именем, не слишком известным русской публике. Редкое имя нужно было для того, чтобы не искушенный в Демонологии рядовой читатель не сразу бы догадался, кто такой Воланд. Третья жена писателя Е. С. Булгакова запечатлела в дневнике чтение начальных глав последней редакции «Мастера и Маргариты» 27 апреля 1939 г.: «Вчера у нас Файко – оба (драматург Александр Михайлович Файко (1893-1978) с женой), Марков (завлит МХАТа) и Виленкин (Виталий Яковлевич Виленкин (1910/11 г. рождения), коллега Павла Александровича Маркова (1897-1980) по литературной части МХАТа). Миша читал «Мастера и Маргариту» – с начала. Впечатление громадное. Тут же настойчиво попросили назначить день продолжения. Миша спросил после чтения – а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать, я тоже напишу, и мы обменяемся записками. Сделали. Он написал: сатана, я – дьявол. После этого Файко захотел также сыграть. И написал на своей записке: я не знаю. Но я попала на удочку и написала ему – сатана». Булгаков, несомненно, экспериментом был вполне удовлетворен. Даже такой квалифицированный слушатель как А. М. Файко Воланда сразу не разгадал. Следовательно, загадка появившегося на Патриарших прудах иностранного профессора с самого начала будет держать в напряжении большинство читателей «Мастера и Маргариты». В ранних редакциях Булгаков пробовал для будущего Воланда имена Азazelло и Велиар».

Как видим, Булгакову было важно выбрать такое имя Сатаны, чтобы даже проницательный, образованный читатель не смог с ходу однозначно понять, что это именно Сатана. В черновых редакциях в главе «Полночное явление» опознание Мастером Воланда разжевано для «образованцев» более детально⁴⁷⁹:

«Он заставил Ивана подробнейшим образом описывать неизвестного консультанта и в особенности добивался узнать, какая у него борода. И когда узнал, что острая, торчащая из-под подбородка, воскликнул:

– Ну, если это только так, то это потрясающе!

А когда узнал, что фамилия начиналась на букву "W", изменился в лице и торжественно заявил, что у него почти и нет никаких сомнений».

По этому поводу у меня один вопрос к Кураеву, читал ли он действительно сам ранние версии «любимого» им романа, или просто поручил какому-нибудь послушнику подобрать подходящие ему цитаты?

6.10. И, судя по состоянию души Мастера, он не из книг знает о том, как рушатся души, коснувшиеся князя тьмы: «А затем, представьте себе, наступила третья стадия – страха. Нет, не страха этих статей, поймите, а страха перед другими, совершенно не относящимися к ним или к роману вещами. Так, например, я стал бояться темноты. Словом, наступила стадия психического заболевания. Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами. И спать мне пришлось с огнем... Я стал человеком, который уже не владеет собой». Так что не вполне права Маргарита, когда полагает, что Мастера опустошила психушка <...>

Судя по состоянию души Кураева, он ничего не знает о том, как в действительности рушатся души писателей при столкновении с реальной жизнью, и совершенно незнаком с биографией Булгакова. Писатель придал Мастеру многие черты своей биографии. Опустошил его душу не мифический князь тьмы, – порождение воспаленного воображения Кураева, а вполне реальные литературные критики и чиновники. Именно деятельностью таких критиков

⁴⁷⁹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 295.

объясняются следующие строки в известном письме Булгакова Сталину⁴⁸⁰: «С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен»⁴⁸¹.

В романе Булгаков описал именно собственное психическое заболевание, – он действительно стал бояться темноты и даже не мог ходить один по улицам: «<...> **страх** овладел каждой клеточкой моего тела. И так же точно, как собаки, я боялся и трамвая»⁴⁸². Об этом состоянии писателя неоднократно упоминается в дневнике Елены Булгаковой⁴⁸³: 1 июня 1934 г. – «М. А. чувствует себя ужасно – **страх** смерти, одиночества. Все время, когда можно, лежит»; 20 июля 1934 г. – «У М. А. очень плохое состояние – опять **страх** смерти, одиночества, пространства»; 13 октября 1934 г. – «У М. А. плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества»; 19 ноября 1934 г. – «После гипноза – у М. А. начинают исчезать припадки страха, <...>. Теперь – если бы он мог еще ходить один по улице»; 22 ноября 1934 г. – «Полгода он не ходил один»; 16 мая 1937 г. – «М. А. в ужасном настроении. Опять стал бояться ходить один по улицам».

6.11. Да и сам Воланд намекает на то, что одна вполне конкретная рукопись интересует его и что именно этот интерес и завлек его в Москву:

«Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист».

Объяснение весьма интересное. Герберт Аврилакский (Герберт Орильяхский, Gerbert d'Aurillac) – это римский папа Сильвестр 2 (999-1003). <...> фигура Сильвестра стала одним из прототипов легенды о докторе Фаусте. Легенда гласила, что Герберт уговорил дочь мавританского учителя, у которого он учился, похитить магическую книгу ее отца. С помощью этой книги он вызвал дьявола, а уж дьявол сделал его папой и всегда сопровождал его в образе черного лохматого пса. Герберту также приписывали владение искусством изготовления терафима – говорящей мертвой головы (ср. беседу Воланда с головой Берлиоза).

В объяснении Воланда нет ничего загадочного. Какого бы чернокнижника он ни упомянул, представляясь специалистом по черной магии, любой из них подобен Фаусту, и оставляет после себя в первую очередь именно рукописи.

6.12. В подвалах дома Пашкова Воланд замечен не был. С текстами Герберта вроде бы мы его тоже не видим. Неужели соврал?

Что делать Воланду в подвалах? Только люди далекие от книг могут серьезно полагать, что книгохранилища устраивают в подвалах. А вот в самом здании Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Воланд как раз и был замечен. Именно на его крыше он встречался в частности с Левиим Матвеем. Правда текстов Герберта Воланд при этом в руках не держал, но и диакон со свечой там не стоял, и не может достоверно утверждать, чем был занят Воланд целый день. Вспомним слова Воланда во время безобразного шума, поднятого в квартире № 50 охотниками на Бегемота⁴⁸⁴: «**Что происходит в квартире? Мне мешают заниматься**». Логично предположить, что Воланд занимался не любимым развлечением Кураева, – словесной эквилибристикой, а действительно работал, и вполне возможно над вышеупомянутыми рукописями.

Впрочем, если посмотреть на поднятую проблему более серьезно, то совершенно очевидно, что **никто** Воланда в Москву не приглашал и его визит носил строго приватный характер, иначе

⁴⁸⁰ Письмо к И. В. Сталину от 30.05.1931 // *Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940.* – М.: Совр. писатель, 1997, с. 243.

⁴⁸¹ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 60, 61, 74, 78, 79, 147.

⁴⁸² *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2.* – К.: Дніпро, 1989, с. 476.

⁴⁸³ Жена писателя Е. С. Булгакова 25.08.1934 записала в своем дневнике «**М. А. все еще боится ходить один. Проводила его до Театра, потом – зашла за ним**» [Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 65].

⁴⁸⁴ *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2.* – К.: Дніпро, 1989, с. 671.

жил бы он в Национале, а не в квартире Берлиоза. Отсюда напрашивается совершенно простой и логичный вывод, что Воланд лишь насмеялся над Берлиозом и Иваном, а равно и над всеми излишне наивными читателями романа.

6.13. Нет. Лишаем слова Воланда чрезмерной конкретики и получаем: Воланда интересует некая рукопись, написанная неким Фаустом и хранящаяся в некоем московском подвале. А в таком виде это ложь? – Нет!

Разумеется ложь! Лишив слова Воланда чрезмерной конкретики, мы получим фразу: «В государственной библиотеке обнаружены рукописи чернокнижника и требуется, чтобы я их разобрал». То есть речь идет о библиотеке, а не о подвале, так как ни в одной библиотеке книги не хранятся в подвалах, и о чернокнижнике, а не о писателе, так как называть Мастера современным Фаустом просто смешно. И, наконец, речь идет именно о рукописях, то есть написанных от руки произведениях, а не о машинописных, то есть напечатанных копиях романа. Более того, во время визита Воланда роман Мастера ни в каком московском подвале не хранился, ибо был сожжен Мастером задолго до того.

6.14. Воланд и в самом деле прибыл в Москву для знакомства с рукописью одного из Фаустов. Но называя имя первого литературного Фауста, но⁴⁸⁵ имеет в виду последнего – Мастера. Вот с его рукописью он и в самом деле познакомился. И о ее существовании он знал все же с самого начала...

Как мы уже отмечали, называть Мастера Фаустом может только очень недалекий человек. Воланду нет никакой нужды знакомиться с романом Мастера, так как он сам лично присутствовал при суде и казни Иешуа и обладает подлинной, а не книжной информацией по этому поводу. Если мы обратимся к черновым редакциям, то увидим, что изначально Воланд вообще не упоминал никакой конкретной книги или рукописи. Например, в «Великом канцлере» (1932-1934)⁴⁸⁶, Воланд ни словом не обмолвился о том, что его интересует какая-либо конкретная книга:

«– Я – специалист по черной магии.

<...> тут в государственной библиотеке громадный отдел старой книги, магии и демонологии, и меня пригласил как специалист единственный в мире. Они хотят разобрать, продадут...»

6.15. Отношения Мастера с Воландом – это классические отношения человека-творца с демоном: человек свой талант отдает духу, а взамен получает от него дары (информацию, видения-«картинки», энергию, силы, при необходимости и «материальную помощь» (Вспомним 100 000 рублей, «случайно» выигранных Мастером в лотерею – сумма, которая позволила ему уйти с советской работы и начать писать свой роман.) и защиту от недругов).

Порой при этом сам человек не понимает до конца, откуда же именно пришел к нему источник его вдохновения. Мастер, например, уже завершив свой роман, впервые встречается с Воландом лицом к лицу. Причем Воланд делает вид, что он никакого отношения к творчеству Мастера не имеет (точнее, словом Воланд заявляет одно, а делом – являя сожженную рукопись – тут же демонстрирует совсем иное).

Не дают покоя Кураеву 100 тысяч. Странно, что Дьявол так поскупился. Мог бы и больше подкинуть, а то всего на подвальчик хватило. Или Господь Бог его финансирует по остаточному принципу?

⁴⁸⁵ Несомненно, здесь следует читать «литературного Фауста, он», однако я везде сохраняю оригинальную орфографию Кураева, убедительно демонстрирующую скороспелость его работ.

⁴⁸⁶ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 90.

Честно говоря, уже надоело опровергать фантазию диакона, что Воланд нанял Мастера написать роман. Если принять окончательные выводы Кураева, то получается, что в романе в мир пущено Зло. Ведь однажды написанный роман, сколько бы его потом не сжигали, Воланд может восстановить в любой момент. А подбросить его в мир, для него дело не хитрое и вполне под силу его помощникам. Таким образом, если верить Кураеву, Булгаков создал антиутопию и живописал конец мира, в который приходит Зло в виде антихристианского романа. Однако малейших отголосков этой ужасной катастрофы мы не находим ни в одной из версий романа. Причина думаю в том, что писатель был умнее, нежели это полагает диакон. Если от Евангелия Льва Толстого православная Церковь не рухнула, что ей художественный роман о Пилате?

Если Воланд своею волей определил жизненный путь Мастера, дал ему выигрыш в 100 тысяч, поселил в подвал, внушил ему интерес к роману о Пилате и ввел в его жизнь Маргариту, то получается, что все слова и рассуждения Воланда об Иешуа от первой и до последней редакции являются просто приколом над одураченным им Мастером. Более того, никакого реального Иешуа в этом случае не существует, ведь только в голове Кураева могла родиться мысль, что Воланд общается с ожившим персонажем романа Мастера. Но от кого же тогда появляются таинственные гонцы в черновых редакциях и Левий Матвей в окончательной редакции? Весь эпизод беседы Воланда и Левия вообще теряет всякий смысл. А в описании бала Сатаны становится бессмысленным упорное подчеркивание Булгаковым интереса, проявляемого к судьбе Мастера и Маргариты Воландом и его свитой. Какой же в этом смысл, если герои романа только управляемые ими марионетки?

Булгаков упорно подчеркивает неосведомленность Воланда о горькой судьбе Маргариты и существовании романа якобы излагающего Евангелие от Сатаны. Первые его вопросы Мастеру: «Кто вы такой? <...> О чем роман?»⁴⁸⁷. То же и в черновых редакциях. Например, в редакции 1934 г., на просьбу Маргариты вернуть ей любимого, Воланд «**вопросительно**» поворачивает голову к Коровьеву, и, выслушав его шепотом данные пояснения, удивленно произносит: «**Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истинная любовь**». Когда Маргарита сообщает причину ареста Поэта – «Он написал книгу о Иешуа Га-Ноцри», – становится ясно, что Воланд и не подозревал о существовании романа – «**Великий интерес выразился в глазах Воланда**». Коровьев опять что-то шепчет и Воланд замечает: «**Нет, право, это черед сюрпризов<...>**»⁴⁸⁸. Но какие же могут быть сюрпризы от дергаемых за ниточки марионеток? Можно ли всерьез удивляться перипетиям их судьбы? Зачем ломать перед ними глупую комедию, не проще ли морок навести?

Нельзя прикладывать к роману реалии причинности обычной жизни. Встреча Воланда и Мастера в романе одновременно и случайна и обусловлена волей автора, точно так же как и встреча Эдмона Дантеса и аббата Фариа в романе «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. И в одном и в другом случае без этой встречи не было бы собственно романа, как такового. Впрочем, Кураев подобных вещей категорически не понимает.

6.16. Вот чего нет у сатаны – так это собственного творческого таланта. Оттого так ненужны, скучны и повторны пакости Воландовской свиты в конце московского романа (уже после бала у сатаны).

Интересно, каким же талантом вдохновлялись нужные и нескучные для диакона пакости до и во время бала у Сатаны? И чем же они ему, собственно говоря, были так интересны и нескучны? Неужели только обилием обнаженной натуры? Или написано это по принципу «**все равно моя привычная аудитория не вдумается, а других, как ни пиши, все равно не проймешь**»?

Из романа ясно видно, что тревожащие Кураева «**пакости воландовской свиты**» не случайны, а являются частью действий Воланда по оздоровлению затхлой московской атмосферы. В данном случае они направлены на очищение ее от ненавистных Булгакову Торгсина и дома Грибоедова: «**– Распоряжений никаких не будет – вы исполнили все, что могли,**

⁴⁸⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 612-612.

⁴⁸⁸ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 176.

и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь. Можете отдыхать. Сейчас придет гроза, последняя гроза, она довершит все, что нужно довершить, и мы тронемся в путь»⁴⁸⁹.

Напомню, что от шалостей Сатаны в Москве не пострадал ни один приличный человек, исключительно мерзавцы и набожные святоши, – проходимцы и подонки, одной рукой ворующие, а другой, – крестящиеся. Как известно Булгаков ненавидел святош и не случайно назвал свою пьесу о погубивших Мольера именно «Кабала святош». В той или иной степени все святоши в романе наказаны Воландом. И теперь последняя гроза, – обычный символ очищения, – довершает временное избавление Москвы от подлинной нечисти. Временное, так как подобными наказаниями зло можно только ограничить, но нельзя истребить совершенно, каковая цель Воландом, впрочем, совершенно и не ставится.

6.17. Сатана – ангел (хотя и павший). И поэтому он сам не может творить. Поэтому и нуждается он в творческой мощи людей. Поэтому и нужны ему все новые Фаусты – в том числе и Мастер.

Воланд одалживает Мастеру свои глаза, дает ему видения. Мастер же (которого Булгаков выводит на сцену в *тринадцатой* главе) эти видения пропускает через свой литературный гений.

И примечание:

И это не случайность. «В редакции романа 1934-1936 годов глава с повествованием о событиях в клинике не только имела тот же тринадцатый номер (хотя количество глав было иным), но и название было более «инфернальное» – «Полночное явление»... Только визитер был другой – сатана Воланд (он же в первых редакциях романа – Мастер) собственной персоной, да еще с черным пуделем» (А. Барков. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение). Напомню, что на балу у сатаны Маргарита получает «панагию» с изображением черного пуделя. О том, что Мефистофель является Фаусту в виде черного пуделя, напоминать, полагаю, излишне.

Ни в одной черновой редакции романа Воланд не именуется Мастером, как это с упорством достойным лучшего применения утверждает Кураев. Единичный случай употребления слова «мастер» есть только в **наброске к черновику** 1931 г., и совершенно не дает оснований для заключения, что это обращение перешло к Мастеру от Воланда. Обрывочный текст не дает даже полных оснований для отнесения этого обращения именно к Воланду, а не к безымянному на тот момент повествователю, упоминаемому последним перед репликой Фагота (см. [тезис 6.2](#)).

Познания Кураева о христианском сатане глубоки, но к чему они здесь? Если Иисус в романе совершенно не соответствует каноническим евангелиям, то почему Сатана обязан соответствовать христианским канонам? Булгаковский Воланд не имеет ничего общего с христианским сатаной из ведомства Кураева, он наделен несомненным творческим началом и прекрасным чувством юмора и может делать все, что ему позволяет Булгаков. От того то и завораживают слух речи Воланда и его свиты, – без всяких преувеличений сплошные перлы премудрости, – что ни фраза, то готовая поговорка. Так что все измышления Кураева о творческой импотенции Воланда совершенно безосновательны.

С нумерацией глав простодушный диакон и вовсе прокололся, слепо переписав непроверенную цитату у Баркова⁴⁹⁰. А Барков видимо ошибся из-за того, что при его жизни в изданиях ранних редакций нумерация глав не приводилась. Обычно она опускается и сейчас. Но мы все же имеем возможность заглянуть в издание под редакцией В. В. Петелина⁴⁹¹ и удостовериться, что инфернальная, по словам Баркова, глава «Полночное явление» имела вполне безобидный 12-й номер. Зато искомый инфернальный номер достался последующей главе «На Лысой Горе», описывающей распятие Иешуа. Однако как же вдумчивому поклоннику

⁴⁸⁹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 689.

⁴⁹⁰ Справедливости ради нужно заметить, что Барков не имел возможности проверить свою гипотезу. В его ошибке скорее виноваты публикаторы указанных глав, но Кураев был обязан это проверить, имея доступ к более точным новым изданиям собраний сочинений Булгакова.

⁴⁹¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 750 с.

измышлений Баркова и Кураева удостоверить, что Петелин не ошибся в нумерации глав? Для этого Фомы неверующего приводим фотокопию страницы рукописи с началом 13-й главы имеющей название «На Лысой Горе».

Право же стыдно православному диакону верить в inferнальные номера и делать серьезные выводы из случайного совпадения номеров глав в двух последних редакциях. Ведь православие таких суеверий **не признает!** Даже так называемое число зверя, содержащееся в «имени его», для нее ничем не выделяется из прочих: **«По мнению православной церкви само по себе число 666 ничего не означает, кроме собственно числа. Оно спокойно употребляется на своем месте. Например, в Библии есть 666 страница»**⁴⁹². Это всего лишь один из признаков, по которому можно определить Антихриста, у которого, между прочим, будут и две руки, две ноги и голова. Так что же, по этому признаку открутить всем головы, и оторвать руки и ноги? Смешно, когда суеверны темные массы, но когда на бытующих в обществе предрассудках пытается подыграть себе «просвещенно-освященный» профессор, это уже не смешно. Одно дело пропускать **«видения»** через литературный гений и совсем другое, – через пищеварительный тракт...

Интересно, кто одалживает свои глаза самому диакону, и дает ему видения его? Вспоминается бессмертное гоголевское: **«Подымите мне веки...»**⁴⁹³ Если бы Кураев их поднял, то мог бы обратить внимание, что в 1906 г. семья Булгаковых поселилась на Андреевском спуске в доме № 13⁴⁹⁴. Дом с тем же номером описан и как дом Турбиных в «Белой гвардии». Этот же номер использован и в рассказе «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна». Так стоит ли удивляться, что Булгаков, не будучи суеверным как диакон, питал пристрастие к числу 13?

6.18. Воланд просто использует Мастера в качестве медиума. Но этот контакт в итоге выжигает талант Мастера, который по завершении своей миссии становится творчески бессилён («Я утратил бывшую у меня способность описывать что-нибудь», – признавался Мастер в черновиках булгаковского романа).

Во-первых, эти слова были сказаны Мастером в душевнобольном состоянии, когда он вспомнить не мог без дрожи свой роман. И в это состояние его вверг отнюдь не Воланд, а существующая политическая система.

Во-вторых, этих слов в окончательной редакции романа Булгакова нет.

В-третьих, сравните слова Мастера со словами Булгакова: **«Может быть, это и правильно... Что я мог бы написать после «Мастера»?...»**⁴⁹⁵.

В-четвертых, напомним собственные слова медиумичного диакона: **«Я не хочу, а знаю, что перемена будет. Может, еще года два так можно жить <...>, а потом просто силы кончатся»**⁴⁹⁶.

6.19. Эта история очередного Фауста необычна, пожалуй, лишь одним: в жизни Мастера нет минуты решения, выбора. Оттого нет и договора. Мастер неспособен к поступкам. Он медиумично плывет по течению и оправдывает себя формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается «– Ну, и ладно, ладно, – отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: – Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там» (гл. 30).

Воланд просто подобрал то, что плохо лежало. Мастер не продал сатане душу. Он ее

⁴⁹² Сайт отца Олега Моленко. – <http://www.omolenko.com/1008.html>

⁴⁹³ Гоголь Н. В. Вий. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2006, с. 175.

⁴⁹⁴ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 28.

⁴⁹⁵ Там же, с. 481.

⁴⁹⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

просто растерял (поступок, то есть сознательную отдачу себя сатане в булгаковском романе совершает лишь Маргарита).

Кураев забыл, что без договора любая подобная сделка недействительна. Причем его обязательно нужно скрепить собственной кровью. Такая неосведомленность просто непростительна для такого выдающегося знатока обычаев нечистой силы, как он⁴⁹⁷. Ни Мастер, ни Маргарита свои души не теряли, не продавали и никому не отдавали, соответственно Воланд ничего не подбирал.

Любопытно, что слова Кураева полностью приложимы к его собственному сотрудничеству с КГБ в качестве осведомителя. Меняя в словах диакона обвинения в адрес Мастера на известные факты кураевской биографии⁴⁹⁸, получаем: «В жизни Кураева нет минуты решения, выбора. Оттого нет и договора. Кураев неспособен к поступкам. Он медиумично плывет по течению и оправдывает себя формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается, все ходили в КГБ «– **Вернуться в мир я уже не могу, <...> главное – мечта служить Церкви, <...> какой-то ни к чему не обязывающий звонок <...> брезгливости от контакта с органами власти я не испытывал. <...> в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали <...> Я предложил все-таки называть меня по фамилии и никакой клички не взял»⁴⁹⁹. КГБ просто подобрал то, что плохо лежало. Кураев не продал КГБ душу. Он ее просто растерял».**

6.20. Трижды и тремя разными способами вводится пилатова линия в текст московского романа. Сначала как прямая речь самого Воланда. Затем – как сон Иванушки, и, наконец, как рукопись романа Мастера. При этом стилистически, сюжетно, идейно текст из всех трех источников оказывается поразительно един.

Кто может контролировать все три этих источника?

Естественно Булгаков, и именно благодаря его контролю, все эти источники стилистически достаточно отличаются. В частности эти отличия (см. [тезис 6.1](#)) показывают, что древние главы первой части романа не являются ни прямой речью Воланда, ни главами романа Мастера, как это мерещится Кураеву. Хотя какой спрос с диакона за его поспешные выводы, он ведь обучался в университете атеизму-сатанизму, а не литературоведению. Лучше уж посмотрим, что пишут о стилистике романа специалисты⁵⁰⁰:

«Давно замечено, что в «Мастере и Маргарите» два стилистических пласта, что главы «древние» и главы «современные» в нем написаны по-разному. Реже отмечается, что этот богатейший в интонационном отношении роман стилистически делится на две части и иначе. На две части, заметьте.

Они очень по-разному написаны, эти две части романа. Стиль части первой почти реалистичен, несмотря на то, что фантастика здесь начинается с первых же страниц...

А часть вторая романтична. Поэтическая фантастика полета Маргариты переливается в фантасмагорию бала у Сатаны, и блистательные сатирические сцены в этой части не снимают ощущения торжествующей бесконечности вымысла».

Что касается внутреннего различия стилистики четырех «древних» или «евангельских» глав, то напомню, что они «стилистически делятся на две группы – по две».

Напомню, что роман Мастера действительно написан не об Иешуа, а именно о Пилате, и что рассказ Воланда вовсе не чтение этого романа, а рассказ от первого лица, при этом вместо прямой речи Воланда автор как бы показывает нам происходящее его глазами. Именно так его рассказ и воспринимает Мастер, – вспомните его слова: «О, как я угадал! О, как я все угадал!», –

⁴⁹⁷ В доброе старое время не миновать бы диакону костра, уж больно обширна его осведомленность о потусторонних обычаях. Вспоминается забавная история с подобным добровольным осведомителем 30-х годов. Он «раскрыл» множество вредительских организаций, но, в конце концов, в органах решили, что человек настолько осведомленный не может сам стоять в стороне от вредительской деятельности и арестовали и его.

⁴⁹⁸ Кураев А., *диакон*. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁴⁹⁹ Возможно Кураев намекает на тот факт, что самые титулованные иерархи православной церкви не гнушались певчих кличек, а вот диакон все-таки сумел устоять. Но если всего лишь ради учебы в семинарии Кураев пошел на сотрудничество с органами, то на что бы он согласился, если бы речь зашла, например, о патриаршестве?..

⁵⁰⁰ [Людия Яновская](#). Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

<http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>

говорит Мастер в больнице Ивану Бездомному. Как ни болезненно состояние Мастера, но уж свой роман он узнал бы даже в пересказе Ивана.

Таким образом, глава «Понтий Пилат», несомненно, представляет собой передачу Булгаковым оригинального рассказа Воланда. Что касается сна Ивана, то логично предположить, что данный сон навеян Ивану Воландом, о чем пишет Лидия Яновская⁵⁰¹:

«Картина казни, представленная как предрассветный сон Ивана в лечебнице – сон, продолжающий рассказ Воланда и, вероятно, посланный Воландом Ивану в ответ на горячую его, Ивана, мольбу.

– Скажите мне, а что было дальше с Иешуа и Пилатом, – попросил Иван, – умоляю, я хочу знать.

– Ах нет, нет, – болезненно дернувшись, ответил гость, – я вспомнить не могу без дрожи мой роман. *А ваш знакомый с Патриарших сделал бы это лучше меня.*

Ночной гость исчезает, и в предрассветный час Ивану начинает сниться, что солнце уже снижалось над Лысой Горой...»

Напомню, что изложение сна опять таки дается нам не прямой речью Воланда, и не чтением романа, а именно авторским изложением сна Ивана (см. [тезис 6.1](#)).

6.21. Если роман есть произведение только Мастера – то лишаются ответа два вопроса: 1) откуда Воланд мог знать роман московского писателя, с которым он якобы даже и не был знаком в первый день своего пребывания в столице СССР? 2) Как роман Мастера мог войти в сон Ивана Бездомного?

Но эти вопросы снимаются, если предположить, что Воланд изначально вдохновляет Мастера в его творчестве. Мир снов, наваждений и теней – это родной мир Воланда. Только Воланд имеет достаточно сил для того, чтобы воспользоваться всеми тремя вратами. Значит, он и есть подлинный автор этой антиевангельской версии евангельских событий

Известно, что один дурак может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не ответят. Так что пора, наконец, сказать, что подлинный автор «ошеломляющей» идеи об авторстве Воланда отнюдь не Кураев, как обычно излагающий от своего имени чужие мысли. В данном случае диакон беззастенчиво выдает за плоды собственного озарения и результат мучительных и длительных раздумий идеи М. М. Дунаева⁵⁰². Все усовершенствование Кураевым мыслей Дунаева сводится к излюбленной диаконом магии чисел, – трех врат! Ведь заложенный в Кураева вульгарный атеистический фундамент настоятельно требует сведения любого вопроса к трем источникам и трем составным частям марксизма.

Писатель не успел завершить свой роман. К печати его готовила жена писателя Елена Сергеевна. При этом она сгладила мелкие, но достаточно заметные противоречия в «древних главах», – этих кураевских «трех источниках и трех составных частях романа». Например, текст автора кончается словами «всадник Понтийский Пилат», а Булгакова отредактировала его как «всадник Понтий Пилат»⁵⁰³. Вызвана ли данная правка указанием Булгакова, или Елена Сергеевна внесла ее по предыдущим рукописям, неизвестно. Так что вполне возможно, что эти «три источника» должны были иметь более заметные стилистические и фонетические различия.

Тем не менее, как мы отмечали выше (см. [тезис 6.1](#)) и окончательная и черновые редакции романа неоспоримо свидетельствуют, что первые две древние главы не являются ни прямой речью Воланда, ни главами романа Мастера, так что вопросы поставленные Кураевым не имеют ни малейшего смысла. Воланду не было никакой нужды «знать роман московского писателя». Он

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² «<...> именно Воланд, отнюдь не Мастер, является истинным автором литературного опуса о Иешуа и Пилате. Напрасно Мастер самоупоенно изумляется, как точно «угадал» он давние события. Подобные книги «не угадываются» – они вдохновляются извне. И если Священное Писание – Боговдохновенно, то источник вдохновения романа о Иешуа также просматривается без труда. Впрочем, основная часть повествования и без всякого камуфляжа принадлежит именно Воланду, текст Мастера становится лишь продолжением сатанинского измышления» [Дунаев М.М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), Пермь, 1999. – <http://www.wco.ru/biblio/books/dunaev1/>].

⁵⁰³ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 749.

не зачитывал чужой роман, а вел свой собственный рассказ, и, посылая сон Ивану, основывался только на собственных впечатлениях, – впечатлениях очевидца.

6.22. Да и тот факт, что эпиграф булгаковского романа относится именно и только к Воланду, показывает, в ком именно Булгаков видит главного персонажа своего повествования. Роман Булгакова и в самом деле – о «Черном богослове».

Толковый словарь Ушакова дает следующее определение эпиграфа⁵⁰⁴: «Короткий текст (обычно цитата откуда-нибудь, поговорка, изречение и т.п.), помещаемый автором впереди своего произведения или его отдельной части, и придающий **своеобразное освещение** основной идее произведения». Соответственно специалисты характеризуют эпиграф к роману «Мастер и Маргарита» следующим образом:

«Булгаковский эпиграф из «Фауста» Гете заключает в себе ориентацию на оригинальное двухчастное произведение, свободно сочетающее в себе землю и небо, день и ночь, <...> телесное и духовное, театральное и мистическое, реальное и символическое. Таким образом, эпиграф к "Мастеру и Маргарите" М. Булгакова представляет собой в свернутом виде романский пролог <...>»⁵⁰⁵.

«Эпиграф предопределяет универсальный жанр, жанровую структуру романа М. Булгакова, его философско-этическую проблематику, трагическое звучание. <...> «Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – это так же, как и «Фауст» Гете, двухчастное произведение, свободно сочетающее в себе различные эпохи (античную и современную), землю и небо, мир реальный и трансцендентный, сцены трагические и комические, фарсовые и возвышенно-лирические, также грандиозно архитектурно-композиционное здание романа и оригинальна его философская концепция»⁵⁰⁶.

Напомню, что к роману «Белая Гвардия» Булгаков предпослал два эпиграфа. Один из «Капитанской дочки»: «Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. – Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!», – второй, – из Апокалипсиса: «И судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими»⁵⁰⁷. По логике Кураева получается, что тот факт, что эпиграф булгаковского романа относится именно и только к крушению монархии и гражданской войне, показывает, что у Булгакова главное в его повествовании апокалиптическое разрушение монархической России. На самом же деле крушение монархии только фон, на котором разворачивается главное повествование – рассказ о днях Турбиных. Точно так же и появление и приключения в Москве Воланда и его свиты только фон, на котором разворачивается рассказ о Мастере и Маргарите. При этом автор ясно дал понять, кто же является главным, истинным героем романа, назвав главу, в которой впервые появляется Мастер «**Явление героя**». Обратите внимание, именно «явление», а не «появление». Мастер является в современных главах так же, как является Иешуа в древних главах.

Наивное толкование Кураевым булгаковского эпиграфа показывает, что именно его собственная работа полностью соответствует буквальному смыслу ее эпиграфа и относится не к булгаковскому роману, а именно и только к Христу. То есть является на деле всего лишь христианской проповедью, может быть отчасти и искренней, но уж очень лживой по аргументам.

Резюме 6. Автором романа о Пилате является именно Мастер. Однако к его роману относятся только древние главы второй части. Что же касается древних глав первой части, то они являются авторским изложением рассказа Воланда и сна навеянного им Ивану.

⁵⁰⁴ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996, ст. 1426.

⁵⁰⁵ Ванюков А. И. Заглавие и эпиграф в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филология. – Саратов, 1996, с. 76.

⁵⁰⁶ Крючков В. П. Воланд // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003, с. 165-166.

⁵⁰⁷ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 26.

7. Кураев. РОМАН ИЛИ ЕВАНГЕЛИЕ?

«Если говорить о «Мастере и Маргарите», то мы не много знаем книг, в которых бы столь лестно была изложена антихристианская, гностическая версия жизни Христа.

В. Григорян⁵⁰⁸

То, что изложение кем-либо собственной версии евангельских событий является именно Евангелием от указанного лица, настолько тривиально, что и говорить не о чем. Если есть Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Тимофея, Петра, Иуды и т.д., то почему бы не быть и Евангелию от Воланда? Тем более что в отличие от многих писавших вышеуказанные Евангелия, Воланд, в соответствии с сюжетной канвой романа, был непосредственно на месте событий, и излагает личные впечатления, а не пересказывает чужие воспоминания и проповеди. Тем не менее, заметим, что ни рассказ Воланда, ни сон Ивана, Евангелием по своей форме не являются, так как содержат все явные признаки авторского романного повествования (см. [тезис 6.1](#)).

Заметим также, что нигде в романе писатель не уличает Воланда в активной неприязни к христианству и целенаправленной подрывной деятельности против него, поэтому нет никаких оснований считать, что булгаковский Воланд злонамеренно перевирает традиционное христианское учение. Наоборот, очевидно, что в рамках романа это именно изложение истинных исторических событий.

7.1. То, что сам Булгаков в «романе о Пилате» видел «евангелие сатаны», мы уже знаем. Но как об этом может узнать читатель, взгляд которого не допущен к записным книжкам писателя?

Пока что мы узнали только то, что «евангелие сатаны» в романе о Пилате видит сам Кураев. Что касается «видения» Булгакова, то в ранних редакциях романа действительно была глава «Евангелие от Воланда», однако тогда ни «романа о Пилате», ни Мастера не было и в помине, поэтому говорить, что роман Мастера является «евангелием сатаны» и написан по его вдохновению совершенно неправомерно. Этот вопрос мы уже подробно разобрали ранее (см. тезисы [6.1](#), [6.20](#)).

Вдумчивый читатель, интересующийся записными книжками писателя, может пройти в библиотеку. Все уже давно опубликовано и допуск не требуется. Правда, записные книжки писателя заканчиваются 1925 г., а роман начат в 1928 г., но можно почитать Дневник Елены Сергеевны и письма Булгакова.

7.2. Подсказку вдумчивый читатель найдет в знаменитой фразе «рукописи не горят». В устах Воланда – это четкая претензия на то, что инспирированная им рукопись должна заменить собою церковные Евангелия или по крайней мере встать с ними вровень. Дело в том, что «рукописи не горят» – это цитата. Цитата пусть и не текстуальная, но смысловая. В самых разных религиозных традициях утверждалось, что спорные дела надо доверять суду стихий – воды или огня.

Как поручику Ржевскому всюду мерещилось известное слово из четырех букв, так и у «вдумчивого» Кураева явная «*mania religiosa*»⁵⁰⁹. Вне религиозного смысла он, рассуждать уже не способен. При чем здесь Евангелия и суд стихий? Невольно напрашивается вопрос: а что здесь видит поручик Ржевский? – Насчет воды он бы точно вспомнил знаменитую поговорку, что не все золото, что в воде не тонет...

Как полагает Б. Соколов: «Слова Воланда «Рукописи не горят» и воскресение из пепла «романа в романе» – повествования Мастера о Понтии Пилате – это иллюстрация широко известной латинской поговорки: «*Verba Volant, scripta manent*». Интересно, что ее часто

⁵⁰⁸ Григорян В. «Булгаков» // Христианская газета севера России «Вера». – <http://www.orthedu.ru/stihi/36.htm>

⁵⁰⁹ «Религиозная мания» (лат.).

употреблял М. Е. Салтыков-Щедрин, один из любимых авторов Булгакова. В переводе она звучит так: «Слова улетают, написанное остается»⁵¹⁰.

На мой взгляд, фраза «рукописи не горят» не имеет ни малейшего отношения ни к религии, ни к устоявшемуся ее использованию в случаях нахождения считавшихся утраченными произведений. Эти слова обращены только к авторам, и говорят им о том, что пока они живы, никакое сожжение рукописи не в силах уничтожить их произведение, живущее в их собственной памяти. В этом Булгаков убедился на личном примере еще в 1921 г., задолго до уничтожения первой редакции «Мастера и Маргариты»⁵¹¹: «<...> **правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда!**»

В данном случае, как отмечено в Булгаковской энциклопедии⁵¹²: «<...> **Воланд в буквальном смысле возрождает сожженный роман Мастера; продукт художественного творчества, сохраняющийся только в голове творца, материализуется вновь, превращается в осязаемую вещь**». Заметим, что в ранних редакциях Воланд после появления рукописи, пролистывал ее страницы с невероятной быстротой⁵¹³. Но в дальнейшем эта ремарка была снята Булгаковым, так как для Воланда, способного извлечь текст романа из подсознания Мастера, в последующем его пролистывании нет никакой нужды.

7.3. В христианских же святцах есть история о епископе (св. Льве Катанском), который увидел в своем храме языческого жреца, связал его омофором, вытащил на улицу и приказал прихожанам разжечь костер. Вместе с этим колдуном и епископ взшел на костер. Но богоданная стихия, конечно, послушалась своего Творца, а потому христианского пастыря оставила нетронутым, испепелив при этом язычника...

<...> Видя, что в словах он переспорить не сможет, православный предложил испытание огнем. Арианин отказался взойти на костер, православный же, и стоя на костре, продолжал свою проповедь.

Осчастливил бы и Кураев соотечественников подобным чудом⁵¹⁴, дрова бы нашлись! А то он все себя на проповеди распыляет, да с лекциями разъезжает. А одно его восшествие на костер да горяще-говорящее свидетельство из него о православии значило бы в сто раз больше, чем миллион его лекций!

Впрочем, нелишне напомнить бывшему философу-расстриге мнение настоящего философа Иммануила Канта о чудесах⁵¹⁵: «<...> **утверждение, что способность человека по-настоящему твердо теоретически верить в чудеса позволяет ему даже и совершать их, докучая таким образом небу, – выходит слишком далеко за границы разума, чтобы стоило долго останавливаться на таких бессмысленных фантазиях**».

За две тысячи лет до Канта эту же истину кратко сформулировал другой великий философ – Цицерон⁵¹⁶: «<...> **то, что не может произойти, никогда не происходит; то, что может – не чудо. Следовательно, чуда вовсе не бывает**».

7.4. Итак, распространенное верование говорит, что не разрушается то, что сохраняет Бог, в том числе – истинные книги, содержащие правильное понимание библейских сюжетов. Теперь же Воланд выступает в роли и хранителя рукописей и определителя их достоверности. По заверению Воланда, именно его версия евангельских событий

⁵¹⁰ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 343.

⁵¹¹ Булгаков М. А. Записки на манжетах. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 680.

⁵¹² Там же, с. 182.

⁵¹³ «Воланд проглядел роман с такой быстротой, что казалось, будто вращает страницы струя воздуха из вентилятора» [Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 442].

⁵¹⁴ Обратите внимание на сходство всех проповедников. Независимо от того, о чем они проповедают, о религии или о правильном питании, обязательный упор они делают на чудеса: «Я недавно совершил морское путешествие, длившееся **несколько дней**.<...> Хотите верить, хотите нет, но за **несколько недель мы похоронили в море 9 человек**. Все умерли из-за отравления», – от якобы неправильного кормления [Брэгг Поль С. Чудо голодания. – 2-е изд., М.: Молодая Гвардия, 1990, с. 58-59].

⁵¹⁵ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980, с. 159.

⁵¹⁶ Цицерон. Трактат «О дивинации». Книга 2-я // Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985, с. 265.

должна быть принята как прошедшая «независимый суд» стихий. О том, как горят церковные книги, хорошо знал советский читатель 30-х годов а потому и несгораемое творение Воланда презентовалось как достойная замена канонических Евангелий.

Во второй полной рукописной редакции романа (1938 год) есть две подробности. В ночь первого сожжения своей рукописи Мастер «попробовал снять книгу с полки. Книга вызвала во мне отвращение». В ночь же второго сожжения рукописи Мастер снова берет в руки книгу и пускает ее на растопку: «Мастер, уже опьяненный будущей скачкой, выбросил с полки какую-то книгу на стол, вспушил ее листы в горячей скатерти, и книга вспыхнула веселым огнем». Это не рукопись самого Мастера, а именно книга. В обоих случаях книга не названа. Однако, только одна книга в европейской традиции не нуждается в уточнении названия и называется просто Книгой. Библия. Вот она-то горит – в отличие от пришедшего ей на замену манускрипта.

Пора бы уже Кураеву определиться. То «истинная книга» у него не горит, то горит, то любая не названная книга уже не просто книга, а Библия. Мы же не в средней школе: уж коли Библия в «европейской традиции», то не «какая-то книга», а просто «Книга», и именно с **большой буквы**. И где это диакон видел «пушащиеся» Библии? Вот я беру в руки лежащую на моем столе Библию и пытаюсь «вспушить» ей листы. Попробуйте и вы, если у Вас есть Книга. – Не пушится! Бумага на Библии идет особая. Но в любом случае отождествление снятой Мастером с полки книги с Библией полностью притянута за уши, так как в окончательной редакции Булгаков убрал фразу о снятии книги с полки в ночь первого сожжения, и добавил определение «какая-то книга» в описании ночи второго сожжения. Такие авторские уточнения полностью исключают абсурдную версию диакона. И как всегда такую правку совершенно невозможно связать с цензурными требованиями. К тому же, кроме этой книги в данной главе упоминаются и другие: «Валялась какая-то книга горбом в кресле»⁵¹⁷.

И какое нам дело до «европейской традиции», если у нас, советских, пардон православных, собственная гордость! Даже календарь отличается от европейского. Поэтому из всей Европы нас могут интересовать только традиции православных братьев греков. И здесь диакон со своим незнанием языков запутался окончательно. В отличие от Булгакова, получившего классическое образование, Кураев очевидно и не подозревает, что греческое слово $\beta\iota\beta\lambda\iota\alpha$ (Biblia) представляет собой множественное число и переводится как «Книги». Одна же книга передается греческим словом $\beta\iota\beta\lambda\iota\omega\mathfrak{n}$ (Biblion).

7.5. Поэтому главы, где действует Иешуа, нельзя называть «евангельскими». Их верное название – «пилатовы главы» <...> роман не столько «апология Иисуса» (как собачились атеистические критики), сколько апология Пилата.

Изумительно глубокое открытие, особенно если учесть, что в древних главах исключительно везде в романе речь идет именно о Пилате. И роман, по словам Мастера, написан именно «О Пилате», а совсем не об Иисусе. Не распятие реального исторического прообраза евангельского Иисуса Христа, а именно трусость Пилата при осуждении невинного пророка интересует Булгакова, полагавшего трусость главным **человеческим пороком**⁵¹⁸ (см. тезис. 2.5). И это, пожалуй, самый большой сюрприз для ортодоксального христианства в романе: евангельская история только задний фон романа о Пилате. Однако в ненависти к «пилатчине» Кураев совсем не оригинален. Помнится атеистические критики «собачились», как и наш диакон, именно над апологией Пилата, а не Иисуса, – Мстислав Лаврович и иже с ним «предлагал ударить, и крепко ударить, по пилатчине...»⁵¹⁹. Правда, перефразируя Булгакова, можно сказать, что произведения травивших Мастера критиков могут считаться шуткою по сравнению с кураевщиной. Как заметила М. Чудакова: «Судя по книге о романе Булгакова, Кураеву просто не дано – бывает! – понять, что же такое искусство и – главное – чем оно отличается от других форм

⁵¹⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 690.

⁵¹⁸ Виленкин В. Я. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 207.

⁵¹⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 472.

духовной деятельности человека»⁵²⁰. Например, к рассматриваемому тезису Кураев дает сноску о «неприличии» школьных учебников литературы, в которой простодушно изумляется, откуда автор такого учебника «взял потрясенность Воланда любовью Мастера и Маргариты». Ответ на этот вопрос мы рассмотрим далее при обсуждении тезиса [18.27](#).

7.6. В этом романе оправдан Пилат.

Заключительная фраза **«жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат»**⁵²¹ показывает, что Пилат хотя и прощен, но не оправдан. Прощение и оправдание совершенно разные моральные категории.

Как отмечает Лидия Яновская, роману «Мастер и Маргарита» предшествует пьеса «Бег» «темой преступления и расплаты за преступление, – темой, взмывающей до высокой трагедии и перекликающейся с «Макбетом» Шекспира. Фигура белого генерала Хлудова в «Беге» предшествует Понтию Пилату в «Мастере и Маргарите»⁵²². Вероятно диакон полагает, что Булгаков оправдал и Хлудова, и спорить здесь явно бесполезно, как говорится, каждый понимает в меру своей распушенности.

7.7. Сноска: «Кстати, по современным меркам политкорректности «пилатовы главы» очень нецензурны. Ведь в них вина за распятие Иешуа возлагается на иудейский Синедрион».

Недооценивает Кураев тот факт, что слово божие теперь доступно и массам. Давайте посмотрим, что пишет по этому поводу Матфей:

«26:59 Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти.

<...>

27:2 И связавши Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.

<...>

27:17 Итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтоб я отпустил вам: Варраву, или Иисуса, называемого Христом?

27:18 Ибо знал, что предали Его из зависти.

<...>

27:23 Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят!

27:24 Пилат, видя, что ничего не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы.

27:25 И отвечая **весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших**».

Так в чем же «нецензурность» Булгакова? Опять Кураев передергивает. Ведь в строгом соответствии с его логикой не политкорректно не творение Булгакова, а именно само христианство, в основу своего учения заложившее утверждение о смертельной вине целого народа. А ведь на чужих костях свое счастье не построишь! У Булгакова же даже вина синедриона только косвенная, а прямая ответственность словами Левия возложена на Пилата: **«Тебе не очень-то легко будет смотреть в лицо мне после того, как ты его убил»**⁵²³.

7.8. «Оказывается, и в самом деле в редакции «Безбожника» «как в синагоге» – главная претензия к Евангелию связана с потребностью забыть тот выкрик иерусалимской толпы <...> Впрочем, тут начинается тема, которой мне не хотелось бы касаться: связь булгаковского антисемитизма <...> «пилатовых глав» и иудейского Талмуда».

⁵²⁰ Чудакова М. «Бодрости от Воланда требовать не обязательно». –

<http://www.knigoboz.ru/news/news3165.html>

⁵²¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 722.

⁵²² Лидия Яновская. Несколько сюжетов из небытия. Обстоятельства цензурные? (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/19/ia6.html>

⁵²³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 655.

Кураев пытается свалить вину с больной головы на здоровую. Меня не оставляет странное ощущение, что речь диакона в защиту евреев направлена тем не менее против них! Только недавно самого Кураева убедительно и доказательно обвинили в антисемитизме⁵²⁴, а теперь он, деланно отстраняясь, прикрывается щитом им же изобретенного «булгаковского антисемитизма». Что ему стоит изобразить Булгакова антисемитом, если он недавно **чистокровную арийку по происхождению и христианку по воспитанию** Клару Цеткин умудрился переkreить в еврейку?

Это один из образцовых шедевров фонтанирующего навязчивыми вздорными идеями диакона: «Понимаю, что тут не уйти от вопроса – а с чего это я взял, что Клара Цеткин помнила Пурим? Ведь она, скорее всего, не была практикующей иудейкой. Марксистка, она исповедовала атеистические взгляды – и с какой же стати ее действия сопоставлять с обрядами давно забытой ею синагоги. Но дело совсем не в том, ходила ли Клара Цеткин в синагогу в пору своей революционной деятельности. Дело в том, что в ее памяти не могли не остаться детские воспоминания об этом празднике. Все другие синагогальные праздники она могла забыть – но не этот. Просто потому, что в иудаизме Пурим – это прежде всего детский праздник. «Вечером и утром в синагогах читают свитки Эстер. Принято шуметь (стучать ногами по полу, кулаками по столам и крутить специальные пуримские трещотки) при упоминании имени злодея Амана. Особенно усердно исполняют этот обычай, конечно, дети». Итак, для Клары Цеткин Пурим не был просто книжным воспоминанием. Это то, что с детства входит в сознание иудея. А потому даже для того еврея, который порвал связь со своей национальной религиозной традицией, детское воспоминание о Пуриме очень живо»⁵²⁵.

Вот что думают об авторе этих нелепых фантазий сами евреи⁵²⁶: «Никаких доказательств этот Кураев, разумеется, не приводит. Тут даже говорить не о чем – всё основано на домыслах. И то, что такой **невежественный** человек многими в России воспринимается как «эксперт», довольно прискорбное явление».

Да, иной засовывает палец в непотребное место, а новоявленный православный «ученый» сует его прямо в рот, и смело высасывает из него все, что на текущий момент его душе угодно. Вот его откровения о роли и значении евреев в приходе конца света⁵²⁷:

«Ибо нам не надо гадать самим, пришел антихрист или нет, ставит он уже свои метки или же еще нет. Православному человеку вообще не стоит проявлять особую активность при выискивании антихриста. Его и искать-то не надо: он сам себя предъявит миру. Надо просто время от времени смотреть НТВ...

<...> Не особо прозорливые батюшки скажут нам об антихристе, а иудеи! Уж Израиль точно своей радости не скроет. Его восторг будет оглушительно-всемирен. Когда Израиль радостно воскликнет: «Мы нашли Мессию!», когда иудеи будут с радостью растолковывать нам: «Вы видите, наши пророчества сбылись! То, что было сказано нам в древности, все-таки свершилось! Мессия пришел! Мир покорился ему, подлинному Царю Израиля, который стал Царем Мира», – вот тогда на все эти радостные презентации христианам нужно будет спокойно и скромно ответить: «Ну что ж. Наконец-то... Вы, значит, и будете тот самый «ха-мелек – ле-ишра'ель»?.. Извините, руки не подам».

Не мы высмотрим лжехриста между строчками газет или в сонных видениях. О его приходе нас уведомят вполне официально. Нам назовут массу его официальных титулов. Но только об одном его служении будут поначалу говорить туманно: что-то о его религиозном статусе и убеждениях. А христианин откроет книгу *Откровения* (откровения, а не загадок и не прятки!), свернется по ней и добавит: «Царь Израиля... 666... Звереныш во фраке... Что ж, скоро, значит, придет и наш Христос... Мы подождем Его в сторонке от ваших праздников, в пустыне...».

⁵²⁴ Нежный А. С приветом от Клары. Дьякон Андрей Кураев как создатель антисемитских мифов. – <http://user.transit.ru/~maria/books/priwet.htm>.

⁵²⁵ Не ищите эти строки во втором «расширенном и дополненном» издании книги «Как делают антисемитом». Кураев подчистил свои детские воспоминания, как мог, один запах остался. И только Интернет хранит оригиналы первого издания, например, – <http://www.zagorsk.ru/duhovn/kuraev/>

⁵²⁶ Светлана Лыжина. Авраам Шмулевич: поменьше слушайте невежественных диаконов! (Интервью раввина Авраама Шмулевича, 10 марта, 2004). – Newsinfo. – <http://www.religare.ru/article8670.htm>

⁵²⁷ Кураев А., диакон. Христианство на пределе истории. О нашем поражении.

Так вот, если в самом деле евреи породят мессию, соответствующего их представлениям о мессианском служении, то НТВ будет вести прямой репортаж с места событий – из Иерусалима. Пока же этого нет – нет и антихриста. Нет его печати».

Ну что ж, и нам приятно познакомиться, – «Диакон всея Руси... 666... Звереныш в рясе...» (см. тезис 6.5), – но руку тоже тянуть не будем. Как все оказывается просто, – смотри себе НТВ и наблюдай за евреями, – а как придет антихрист, – «бей жидов и спасай Россию!» Редкой души «откровения» дарит нам диакон, что ж, *«fatuus stultitiam prodit»*⁵²⁸. И все же, какой укор России, что она так благосклонно выслушивает этот фанатичный религиозный бред, вместо того, чтобы взять в руки метлу и вымести подобных пророков на то место, которое они заслуживают, и где они в конечном итоге все равно окажутся, – на свалку истории.

Для настоящего антисемита еврей, даже если он является православным священником, всегда остается в первую очередь евреем. Именно этим и объясняется неприкрытая, с трудом сдерживаемая неприязнь диакона Кураева к отцу Александру Менью⁵²⁹: «Инстинкт диссидентства у отца Александра был заложен, похоже, уже на уровне национального характера. Быть иным и ощущать свою инаковость и подчеркивать, культивировать ее одна из характерных черт еврейского мироощущения (точнее, самоощущения) и в отце Александре она присутствовала вполне. Причем проявлялась она очень ярко вплоть до непристойно-расистских заявлений⁵³⁰ <...> В свое время отец Александр Мень сделал много. В свое. Но сейчас – иное время. Он ушел вовремя».

Некоторые исследователи пишут о якобы бытовом антисемитизме Булгакова, ссылаясь на строки его дневника за 1924-1925 гг. Выданные из контекста жизни Булгакова эти цитаты, на первый взгляд, выглядят достаточно убедительно. Однако точно ли об антисемитизме свидетельствуют они? Да, Булгаков раздражен засильем евреев в определенных издательских организациях. Но антисемитизм это неприязнь исключительно к евреям и именно по национальному признаку. Так неужели же, если бы, например, редакцию «Безбожника» или любого иного издательства вместо евреев заполнили негры, или китайцы Булгаков остался бы доволен уровнем их работы, особенно антирелигиозной? Конечно же, нет! Следовательно, в своем дневнике он выразил не бытовой антисемитизм, а только бытовую неприязнь к конкретной бытовой ситуации, поскольку раздражение Булгакова связано не с самим по себе количеством евреев в определенных организациях, а только с его неприязнью к результатам работы этих учреждений. Любой из нас, например, неоднозначно отнесется к «засилью» кавказцев на рынке. Если цены нормальные, не обратит никакого внимания, а если не по карману, то в сердцах плюнет и скажет: «Засели паразиты и цены ломают!» Но в последнем случае это будет раздражение именно ценами, а не кавказцами. Так и у Булгакова сквозит раздражение

⁵²⁸ «Дурак [всегда] обнаружит [свою] глупость» (лат.).

⁵²⁹ Кураев А., диакон. Оккультизм в православии: Александр Мень: потерявшийся миссионер.

⁵³⁰ «Непристойно-расистским заявлением», по мнению Кураева, явился комментарий Александра Менья по поводу протестного письма патриарху Алексию I (Симанскому) священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина (1965 г.), в котором они требовали реального отделения церкви от государства и отказа от дискриминации верующих из-за убеждений. Как известно, патриарх ответил на это письмо запрещением отцов Эшлимана и Якунина в служении. Досадуя, что «такой человек, как Эшлиман, который столько бы мог сделать для Церкви, был выбит из седла», – Мень и сказал, что нужно было не подставлять Эшлимана под удар, а найти вместо него какого-нибудь «Иванова». Как явствует из контекста, слово «Иванов» было употреблено Менем исключительно в нарицательном смысле, в каком мы употребляем и слова «Петров» или «Сидоров»). Но диакон, то ли не желая понимать это, то ли ничтоже сумняшся полагая, что раз уж у Эшлимана такая неблагозвучная фамилия, то и заменять ее следовало бы на более подобающую, вроде Рабинович или Кацценеленбоген, гневно восклицает: «Ивановых не страшно подставить и сломать им судьбу, Эшлиманы люди более нужные...» При этом Кураева явно возмущают не шотландско-грузинские корни Эшлимана («Предки отца Николая по линии отца происходили из Шотландии. В 40-е годы XIX века Карл Якоб Эшлиман был приглашен в Крым на должность главного архитектора. (В Ялте и поныне стоит ему памятник). По матери Н.Н. Эшлиман происходит от грузинского князя Давида Назарова, выехавшего в XVIII веке из Грузии с царем Вахтангом в Россию» – <http://www.alexandrmen.ru/books/bychkov/bych12.html>). Очевидно, что требование Кураева «Эшлиману эшлиманово», вызвано именно «непристойно-расистским» желанием того же рода, что и в случае с Кларой Цеткин. Странно, что его не смущает фамилия патриарха Алексия II, – Ридигер... Но даже если тренированный осведомительский нюх не подводит Кураева, и среди далеких шотландских предков Эшлимана действительно «затесались» и лица ненужной диакону национальности, это не отменяет того факта, что за время укоренения в России род Эшлимана успел обрусеть не меньше, чем имеющий эфиопских предков род Пушкина или имеющий шотландских предков род Лермонтова.

именно жизнью, а не евреями, в то время как настоящего антисемита всегда раздражают именно сами евреи, независимо от любых жизненных причин.

Хорошо это или плохо, вопрос другой, но если учесть, в какое тяжелое и материально и **духовно** невыносимое для Булгакова время сделаны эти записи⁵³¹, то говорить здесь просто не о чем. Сам же писатель в своем дневнике подчеркивает, что у него⁵³²: **«Есть неуместная раздражительность. Все из-за проклятого живота и нервов»**. Напомню эпизод, когда Булгаков специально сидел в гостях у знакомых, пока они не были вынуждены предложить ему пообедать⁵³³:

«Каюсь в скверном. Когда я уходил, мне представилась картина обыска у них. Приходят. Все роют. Находят золотые монеты в кальсонах в комод. В кладовке мука и ветчина. Забирают хозяина...

Гадость так думать, а я думал.

Кто сидит на чердаке над фельетоном голодный, не следуя примеру чистоплюя Кнута Гамсуна⁵³⁴. Иди к этим, что живут в семи комнатах, и обедай».

Новоявленным образованцам, внешне тянущимся к истокам русской духовности, тяжело понять нравственные устои истинно русской потомственной интеллигенции и осознать и принять тот факт, что: **«<...> в кругу, к которому принадлежала Любовь Евгеньевна (и Михаил Булгаков), антисемитизм был недопустим и находился под нравственным запретом»⁵³⁵**. Приведу слова М. Чудаковой⁵³⁶: **«<...> в те же самые годы, когда он хотел выбрать самое страшное и отталкивающее из виденного – он описал убийство еврея на мосту в последней главе «Белой гвардии» и описал убийц с тем накалом ненависти и омерзения, выше которого, пожалуй, не поднимался на страницах своей прозы. Какая бы то ни было национальная идея с насилием и произволом впридачу пленить его никоим образом не могла. И пережив все первое пореволюционное десятилетие, в самом доверительном своем сочинении, обращенном к «Тайному другу» (1929), он вновь опишет страшные последствия национальной ненависти как самую саднящую страницу памяти»**.

Что еще я могу добавить на чашу весов? Только прекрасные еврейские⁵³⁷ глаза его последней жены, его божества, его последней любви...

7.9. Оправдан Левий, срывающийся в бунт против Бога... Похоже, что оправдан даже Иуда, кровью своей искупивший свое предательство: его убийца «присел на корточки возле убитого и заглянул ему в лицо. В тени оно представилось смотрящему белым, как мел, и каким-то одухотворенно красивым».

Богохульство конечно грех, но если бы оно неумолимо наказывалось Богом, то, возможно, на Земле уже и людей не осталось бы, так как одних истребил бы Бог, а другие сами бы благополучно вымерли по причине тяги к безбрачию. Что касается красоты Иуды, то православный профессор явно не понимает, что художественный образ, в отличие от религиозного, может иметь неоднозначную сложную природу и не пишется только черными и

⁵³¹ Письмо в Киев Н. А. Земской от 23 октября 1921 г.: **«Игривый тон моего письма объясняется желанием заглушить тот ужас, который я испытываю при мысли о наступающей зиме. <...> Может, помрем, а может, и нет. Работы у меня гибель. Толку от нее пока немного <...> Бегаешь как собака, а питаешься только картошкой»;**

«Под пятой», запись от 9 февраля 1922 г.: «Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем»;

«Мой дневник», запись от 02.09.1923 «<...> в таких условиях, как сейчас, я, возможно, пропаду». [Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 22, 49, 53].

⁵³² Булгаков М. А. Мой дневник, запись от 23.12.1924 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 78.

⁵³³ Булгаков М. А. Записки на манжетах. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 699.

⁵³⁴ Имеется в виду роман Кнута Гамсуна «Голод».

⁵³⁵ Яновская Л. М. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 123.

⁵³⁶ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 237.

⁵³⁷ **«Род Нюрнбергов <...> в России ведет свое происхождение от еврея-ювелира Нюрнберга, приехавшего в Житомир в 1768 г. в числе немецких переселенцев, приглашенных Екатериной II». В середине 1880-х годов отец Елены Сергеевны «<...> перешел из иудейства в лютеранство, а в 1889 г., накануне брака с матерью Булгаковой <...>, дочь православного священника, принял православие» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 131].**

белыми красками: «Булгаков полностью отверг свидетельства о внешней, телесной красоте Иисуса. Ею в романе наделяет предатель – Иуда из Кириафа, что еще больше по контрасту оттеняет безобразие души этого персонажа»⁵³⁸.

Кураеву для повышения литературной образованности было бы полезно прочесть новеллу Акутагавы Рюноскэ «В чаще», и обратить внимание, что сказал устами прорицательницы дух убитого:

«Овладев женой, разбойник уселся рядом с ней на землю и принялся ее всячески утешать<...>

Слушая разбойника, жена наконец задумчиво подняла лицо. **Никогда еще я не видел ее такой красивой!** Но что же ответила моя красавица жена разбойнику, когда я был, связанный, рядом с ней? <...> «Ну так ведите меня, куда хотите»⁵³⁹.

Толкования творчества Булгакова Кураевым невероятно примитивны. Не спору, что он преуспел в богословских науках, но жизнь шире, чем наши представления о ней. Литературный критик из него никудышный. Если русскую литературу начнут толковать такие диаконы, она точно умрет. А если они сами возьмутся за перо для создания нетленных шедевров, то умрем и мы от интеллектуального вакуума.

7.10. Понятно, почему сатана заинтересован в этом анти-евангелии. Это не только расправа с его врагом (Христом церковной веры и молитвы), но и косвенное возвеличивание сатаны.

У Булгакова Воланд не проявляет ни малейшего интереса к «анти-евангелию». Может ли роман Мастера поразить того, кто стоял на балконе у прокуратора и завтракал с Кантом? У Булгакова нет ни малейшего намека на стремление Воланда подкинуть роман в мир. Наоборот, изъяв Мастера из мира по собственной (хотя и совпавшей с пожеланием Иешуа) воле, и не воспрепятствовав новому уничтожению романа, Воланд фактически дал ему окончательно уйти в небытие. Очевидно, что манией величия Воланд, – реальный персонаж романа, а не вымышленный «христианский» сатана, – не обладает, в возвеличивании не нуждается и с вымышленным в рамках романной реальности Иисусом Христом «церковной веры и молитвы» расправляться и не думает, наоборот, заблуждения людей его чрезвычайно забавляют.

7.11. Нет, сам Воланд никак не упоминается в романе Мастера. Но через это умолчание и достигается нужный Воланду эффект: это всё люди, я тут не при чем, я просто очевидец, летал себе мимо, примус починял... Так вслед за Понтием Пилатом и Иудой следующим амнистированным распинателем становится сатана.

Невольно возникает встречный вопрос. А кто, собственно говоря, если следовать Библии, всю эту кашу заварил и прислал Своего Сына для **заранее predetermined** распятия? – Он здесь тоже не при чем? Он тоже просто очевидец, и во всем виноваты только Сатана и прельщенные им люди? А как бы без них пресуществился замысел Его? Или Он и здесь не при чем, – просто очевидец, который беспечно «носился над водой», в размышлениях о предыдущем удачно амнистированном распинании – всемирном потопе?

7.12. И, как и подобает анти-евангелию, оно появляется в скверне: из-под задницы кота («Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей»). Рабочий стол – печка – коту под хвост – и снова печка. Таков путь рукописи Мастера.

И примечание: Впрочем, несколько экземпляров остаются ждать своего часа у литературных критиков, которым они была розданы.

Неужели Кураев не читал бессмертных строк **православной** Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»? Или в духовных заботах он забыл, откуда

⁵³⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 246.

⁵³⁹ Акутагава Рюноскэ. Новеллы. – М.: Худож. лит., 1974, с. 329.

люди на свет появляются, в том числе и он сам, и Сын Божий Иисус Христос? Ответственно заявляю: под хвостом у котом не только не грязнее, чем в аналогичном месте у людей, но даже и чище! По крайней мере, намного чище, чем на языке у иных религиозных образованцев. Видимо, когда Кураев изучал эту проблему, он или напугал кота, или ему просто большое животное попало. К тому же кот, садясь, хвост под себя подкладывает, так что вся «скверна» прикрывается⁵⁴⁰. Ну и совсем уж неудобно обращать внимание начитанного православного теолога на тот факт, что христианская церковь не считает котом, даже черных, источниками «скверны».

Заявление Кураева, что «несколько экземпляров остаются ждать своего часа у литературных критиков», явно основано на расхожей фразе «рукописи не возвращаются и не рецензируются». Но если бы он заглянул в свою «любимую» книгу, которую может «страницами цитировать <...> по памяти», то прочел бы, что Мастер, отпечатал пять списков романа⁵⁴¹. Один из них отдал на рецензирование, и получил его обратно: «– Это Лапшенникова, секретарь редакции, – усмехнувшись, сказал Иван <...> – Может быть, <...> так вот, от нее я получил свой роман, уже порядочно засаленный и растрепанный»⁵⁴². В минуту душевного затмения Мастер сжег не только этот экземпляр, но и **все остальные «списки романа и черновые тетради»**⁵⁴³.

7.13. Кстати, и деньги, на которые Мастер творил свое произведение, он нашел в грязи («Вообразите мое изумление, – шептал гость в черной шапочке, – когда я сунул руку в корзину с грязным бельем и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете!»).

И примечание: «Чтобы не было сомнений в том, кто подсунил Мастеру облигацию, во второй полной рукописной редакции романа (1938 год) эта облигация еще и начинается с цифры 13».

Причины пристрастия Булгакова к числу 13 мы уже обсуждали (см. [тезис 6.17](#)). Потуги Кураева связать Мастера с числом 13, ошибочно именуемым им «цифрой», смехотворны в сравнении с собственной inferнальностью диакона (см. [тезис 6.5](#)). До того как мастер «разбогател», у него всей мебели в комнате было стол, стул да корзина с бельем. Да и стол то самый дешевый, – обычный обеденный, без выдвигаемых ящичков. Потому то Мастер облигацию в корзину и сунул.

По нынешним временам, не зная реалий того времени, такую нищую обстановку действительно трудно представить. Поскольку поклонники диакона сведения об истории и быте собственной страны черпают преимущественно в его же произведениях, приведу более подробное пояснение. Для этого обратимся к автобиографической прозе Булгакова. Вот его описание типичной обстановки тех лет в учреждениях: «**В комнате на четвертом этаже два шкафа с оторванными дверцами, колченогие столы**»⁵⁴⁴. А вот описание бытовых условий благополучного и известного по тем временам писателя Юрия Слезкина, несравненно более богатого, чем Мастер: «<...> писатель читает мне свою новую повесть. <...> Кончает и, бережно

⁵⁴⁰ На кураевском форуме (http://kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63&topic=22023.1005) один из поклонников диакона аргументируя позицию Кураева сослался на якобы народную поговорку «Коту под хвост». Но в русском языке такой поговорки нет, а есть поговорка «Как псу (мерину) под хвост (без пользы)» [Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник. В 2-х т. Т. 1. Толк-Бестолочь. – М.: Худож. лит., 1984, с. 355]. Есть правда немецкая поговорка «Alles für die Katze», – «Всё коту под хвост». Но, как известно, «что русскому хорошо, то немцу смерть». Дело тут в том, что «<...> широкое проникновение западной культуры в Россию началось тогда, когда средневековые «гонения на кошек» в Европе уже начали уходить в прошлое, поэтому русская этническая культура в гораздо меньшей степени восприняла представление о связи кошек с дьяволом, что нашло соответствующее отражение во фразеологическом фонде русского языка. В русском национальном фольклоре кот считался символом мудрости, учености, просветительства, умиротворенности, наряду с лукавством и озорством» [Вишневская Г. М., Федорова Т. В. Особенности коннотации английских зооморфных фразеологизмов. – Ярославль: Ярославский Государственный Педагогический Университет, Ярославский Педагогический Вестник. – http://history.yar.ru/vestnik/novye_issledovaniy/14_10/].

⁵⁴¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 470.

⁵⁴² Там же, с. 471.

⁵⁴³ Там же, с. 474.

⁵⁴⁴ Булгаков М. А. Записки на манжетах. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 670.

свернув рукопись, кладет под подушку. Письменного стола нету. До бледного рассвета мы шепчемся»⁵⁴⁵.

Невольно возникает вопрос, отчего же людям в те годы была присуща такая необыкновенная аскетическая скромность на работе и в быту? Ответ мы можем найти в той же автобиографической прозе. В стране царила нищета. Поэтому все лишнее, без чего только можно было обойтись, и что только можно было продать, периодически продавалось. Об этом так же можно прочесть в воспоминаниях Булгакова:

«Простыню продал.

Денег не будет раньше, чем через две недели. <...>

Сегодня я получил деньги. Деньги! <...>

Дома – чисто. Ни куртки. Ни простынь. Ни книг»⁵⁴⁶.

Заметим, что не так уж и роскошно устроился «разбогатевший» Мастер в своем подвале, хотя он и восклицает: «Ах, какая у меня была обстановка!» Именно его восторженное описание этой скудной новой «обстановки» и «громкости» маленькой комнаты в четырнадцать метров, и подчеркивает крайнюю нищету его прежней жизни: «<...> диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате – громадная комната, четырнадцать метров, – книги, книги и печка»⁵⁴⁷.

Образованному человеку, знающему подобные реалии жизни тех лет, и в голову бы не пришло копаться с нечистой целью в корзине Мастера. Впрочем, иные головы для другого просто непригодны, и по внутреннему содержанию от корзины Мастера ничем не отличаются.

Резюме 7. Роман Мастера, независимо от степени его соответствия реальным историческим событиям, является художественным романом, а не новым Евангелием. Прообраз евангельского Христа в романе, – Иешуа, – не Бог, а пророк, рожденный от смертных отца и матери.

Иешуа проповедует истину в древнем Иерусалиме, а в современной Москве эту же истину пророчески описывает в своем романе Мастер⁵⁴⁸. Так же как и Иешуа он подвергается гонениям и распинается в переносном смысле этого слова группой ничтожных критиков. Так же как и у Иешуа, свет истины Мастера остается неузнанным. В древности пророков уничтожали физически, а тысячелетия спустя, в пору невиданного расцвета информационных технологий, их души уничтожают морально и порой для этого достаточно одной строчки в газете, особенно при тоталитарном режиме, во время которого живет Мастер.

⁵⁴⁵ Там же, с. 674.

⁵⁴⁶ Там же, с. 697.

⁵⁴⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 446.

⁵⁴⁸ «В фигуре Мастера, ставшей в дальнейшем центральной в московских главах романа, намечалась прямая связь с Иешуа новозаветных глав. С огромной художественно-мировоззренческой смелостью автор романа давал читателю возможность и для такого истолкования фигуры своего нового героя – как современной и оставшейся при этом не узнаваемой современниками ипостаси того, что недаром «угадан» до полной достоверности в собственном его романе» [Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 310].

8. Кураев. ПУТЬ ПИЛАТА: ОТ РУКОПИСИ К ЛУНЕ

«<...> первое свойство благородного человека, это презрение к религии, которая пугает нас самой естественной на свете вещью, а именно смертью, отвращает от самой милой на свете вещи, то есть от жизни, и потчует перспективой попасть на небо, где вековечное блаженство уготовано только планетам, и они на самом деле не подлежат ни наградам ни наказаниям, а только своему постоянному движению в объятиях пустоты. Будьте сильны, как мудрые мужи древних греков, и взирайте на смерть твердо, без боязни. Иисус как-то чересчур исстрадался, ее ожидая. С чего ему было так беспокоиться, в сущности, если он знал, что все равно воскреснет?»

Умберто Эко⁵⁴⁹

Отважный диакон храбро анализирует совершенно непонятный ему роман Булгакова, отчаянно продираясь через хитросплетения сюжета. Основное, что поражает его воображение, это проблема соотношения литературных образов героев с реальной жизнью. Он постоянно бьется в наивных попытках доказать их выдуманность, не понимая, что не только в художественной, но даже и в документальной литературе отклонения от реальных исторических событий и реального облика героев бывают очень велики, и литературные образы всегда в той или иной мере выдуманы. Как заметил Гессе⁵⁵⁰: *«<...> писание истории при всей трезвости и при всем желании быть объективным все-таки остается сочинительством и ее третье измерение – вымысел»*. В этом смысле, несомненно, вымышлены и многие черты образа Христа в Новом Завете, так как писания четырех евангелистов очень часто противоречат друг другу, причем как в мелких второстепенных деталях, так и в принципиально важных местах.

8.1. Так что – «Мастер и Маргарита» это рассказ о некоем не очень духовном человеке, который свои проблемы переписал через евангельский сюжет? Да. Но и больше.

Следуя логике Кураева, я мог бы написать, что – рассматриваемая работа диакона Кураева это рассказ некоего, хотя и очень начитанного, но, в сущности, очень малообразованного человека, который все свои религиозные проблемы пытается переписать через сюжет романа Булгакова.

8.2. Роман Булгакова сложен, а местами и просто запутан. Признаюсь, я не могу понять, где Мастер и Маргарита окончили свою земную жизнь. То ли они были отравлены в подвале. То ли Азazelло организовал сердечный приступ Маргарите у нее же дома, а Мастеру – в больнице...

Стоило ли при таком глубоком непонимании романа браться за его критику? Впрочем, для Кураева это не препятствие. Своим буйным воображением он готов покрыть и взять «под свой контроль» все «не до конца сожженные» по его мнению «пространства». А ведь стоило бы ему внимательно прочесть «Жизнеописание Михаила Булгакова» Мариэтты Чудаковой, вместо пролистывания его и выдергивания цитат, как несогласованность отдельных сюжетных линий романа чудесно бы прояснилась. Например, непонятливый диакон мог бы узнать, что роман автором не закончен. *«Обширность вставок и поправок в первой части и в начале второй говорит о том, что не меньшая работа предстояла и дальше, но выполнить ее автор не успел»⁵⁵¹*.

Вот, что пишет об этом Яновская⁵⁵²:

«Правка романа <...> идет с перерывами до последних дней жизни. Здесь и малые, стилистические поправки, и попытки еще раз изменить имена персонажей (в ряде случаев

⁵⁴⁹ Эко У. Остров накануне. – СПб.: Симпозиум, 2001, с. 62.

⁵⁵⁰ Гессе Г. Игра в бисер // Гессе Г. Избранное. – М.: Радуга, 1991, с. 100.

⁵⁵¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 480.

⁵⁵² Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 733.

писатель возвращается к прежним редакциям), и очень существенные новые идейно-художественные решения <...>

Особенно густо выправлена первая часть романа, а во второй – первая и последние главы. Некоторые записи – наметки для будущих переделок – остались невоплощенными».

8.3. Оказывается, не только персонажи московского романа (Воланд и Мастер) ткнут ткань романа о Пилате. Есть и обратное влияние: Иешуа и Пилат покидают страницы своего романа и вторгаются в судьбы персонажей московских.

Самый большой и смущающий (для христианина) сюрприз «Мастера и Маргариты» в том, что в его конце оживают персонажи малого романа, придуманные персонажами романа большого.

Причем и Пилат и Иешуа оказываются прежними – как раз такими, какими их и описал Мастер. Но если автор «романа о Пилате» – не то Воланд, не то Мастер, то автором московского романа все же оказывается сам Булгаков. Неужели и он видит Иешуа таким же, как видел его Воланд? Неужто Мастер «угадал» не только замысел Воланда, но и веру Булгакова?

Самый большой и смущающий (для христианина) сюрприз состоит в том, что Кураев постоянно беззастенчиво заимствует оригинальные идеи у покойного Баркова⁵⁵³, то есть занимается плагиатом. Отсюда риторический вопрос, верует ли он в загробную жизнь и Страшный Суд, или надеется, что его заслуги перевесят его грехи? Впрочем, это уже вопрос к его совести.

Итак, по мнению Кураева, Мастер в финале встречается именно со своим литературным персонажем, сидящим, тем не менее, на своем месте уже около 2000 лет, что, по мнению Баркова (см. тезис 18.44), абсолютно точно соответствует именно 12 тысячам лун, а не 24 тысячам, как кажется на первый взгляд, так как «<...> за длительный период времени в каждой конкретной точке, в том числе и в той, где отбывает наказание Пилат, можно наблюдать только половину от всех полнолуний». И вот, несмотря на такую очевидную историческую тонкость, нас пытаются уверить, что персонаж романа Мастера только что ожил. Кто же может оживить героев романа Мастера? Сам он не имеет такой силы, – значит Воланд, но зачем это ему? Чтобы они еще и докучали ему своими просьбами? Ни малейшего смысла в этом оживлении нет, так как Воланд мог доставить Мастера и Маргариту в «покой» и без глупого спектакля с отпусанием Пилата по воле якобы Иешуа, тем более что Мастер и не требовал никакого подобного представления.

Естественно, что все герои романа Мастера созданы его творческим воображением, и, как литературные герои любого художественного произведения, в действительности не существуют. Но в момент встречи с реальным Пилатом сливается воедино реальная жизнь и художественная ткань повествования Мастера. Аналогичный прием соединения в финале иллюзорно-фантастического плана с реальным, встречается и в произведениях Гофмана хорошо известных Булгакову.

8.4. Я полагаю, что через все эти сложности о вере Булгакова можно сказать по крайней мере одно: он верит в то, что творец рискует стать заложником своего творения.

В таких случаях, как известно, разумные люди добавляют оговорку: «Верую, ибо нелепо»⁵⁵⁴.

8.5. Воланд подчеркивает, что Пилат придуман Мастером: «Тот, кого так жаждет видеть

⁵⁵³ «<...> Пилат прощен отступником Мастером, <...> разрешение на это дано самим Иешуа, но не персонажем творения Мастера, а уже вышедшим из рамок «романа в романе» и зажившим собственной жизнью, то есть, как бы реальным Христом <...>» [Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>].

⁵⁵⁴ «<...> я не нахожу причин для стыда, которые показывали бы, что я, презрев стыд, счастливо бесстыден и спасительно глуп. Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [Тертуллиан. О плоти Христа. – <http://pstbi.pagez.ru/item.php?id=67&cid=6>].

выдуманный вами герой...». В этом – булгаковская подсказка. Булгаков заставляет Воланда проговориться. Ведь если придуман Пилат, то придуманы и Иешуа, и Левий.

Кураев не понимает разницы между художественным вымыслом и реальной действительностью. Любой литературный герой, как бы верно ни списал автор с натуры его характер и обстоятельства его жизни, всегда выдуман. Частично, без сомнения, выдуман и Христос Нового Завета, ибо свидетельства разных евангелистов не только во второстепенных, но зачастую и в крайне существенных деталях полностью противоречат друг другу (см. [тезис 18.11](#)). Поскольку ни один из евангелистов не изложил достоверно все обстоятельства жизни и смерти Иисуса Христа, то независимо от того существовал ли он реально, и имел ли земное или божественное происхождение, Евангелия описывают только его собирательный, а не реальный образ.

В этом отношении предусмотрительнее оказался ислам: *«Коран – точное воплощение Слова Аллаха, и в этом смысле он весьма отличен от остальных Священных Писаний, сотворенных людьми спустя многие годы после смерти пророков <...> и подвергшихся неоднократным <...> переработкам и добавлениям»*⁵⁵⁵. Коран так точен потому, что Пророк лично, вместе с архангелом Джibriлом, дважды(!) сверил⁵⁵⁶ *«истинность и точность всего текста»* Корана для исключения малейших ошибок⁵⁵⁷. К сожалению Христос не нашел на это ни времени, ни места, и сказания евангелистов таковыми и остались...

Поэтому, как бы Мастер ни *«угадал»* своих героев, все они в любом случае вымышлены, и реальные герои и события все равно отличались от описанных им, особенно во второстепенных деталях, которые не фиксируют ни одни хроники. Тем не менее, и Новый Завет и роман Мастера имеют прототипами своих героев одних и тех же лиц, – одни из которых существовали исторически достоверно, например, Пилат, другие, возможно, явились объектом вымысла, – например, Иисус. Сложившийся канонический образ Христа может являться контаминацией черт нескольких реальных пророков. Но в данном случае это не важно. Вопрос реального существования Иисуса Христа в данной работе не рассматривается, так как независимо от его решения, в романе Булгакова Иешуа является прообразом именно евангельского Иисуса Христа.

Так что же хотел подчеркнуть Булгаков своими словами *«выдуманный вами герой»*? Тривиальные истины изложенные мною выше, или нечто иное? Обратите внимание, в ранних редакциях он пробовал подчеркнуть слияние вымысла и реальности не в образе Пилата, а в образе Иешуа: *«Ты награжден. Благодарю, благодарю бродившего по песку Ешуа, которого ты сочинил, но о нем более никогда не упоминай»*⁵⁵⁸. Однако применительно к Иешуа такие слова имели двойственное толкование, и могли быть восприняты как указание на вымышленность его исторического образа. Поэтому в заключительной редакции Булгаков отнес эпитет *«выдуманный»* именно к образу Пилата, где подобное толкование невозможно. Данная редакционная правка дает полное основание утверждать, что Иешуа рассматривался Булгаковым как реальный исторический персонаж, послуживший прототипом евангельского Иисуса Христа, а не как вымышленный персонаж древнего романа, написанного Мастером.

Попробуем, тем не менее, стать на точку зрения Кураева и исследовать его гипотезу на непротиворечивость. Мы сразу получаем множество проблем. Почему Воланд так взволнован, испытывая Маргариту? Зачем он в ранних редакциях подчеркивает: *«Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но и исчезнет мысль о Га-Ноцири и о прощенном игемоне. Это дело не твоего ума. Ты никогда не поднимешься выше, Ешуа не увидишь. Ты не покинешь свой приют»*⁵⁵⁹. Не все ли ему равно, какой морок навести? – Вам со светом? – Пожалуйста, и Ешуа в нарезочку!

В ранних редакциях Воланд совершенно очевидно подчинен Иешуа⁵⁶⁰:

⁵⁵⁵ Максуд Р. Ислам. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000, с. 44.

⁵⁵⁶ Там же, с. 45.

⁵⁵⁷ Если вторая проверка текста Корана действительно была необходима, то полное отсутствие ошибок можно было получить только за бесконечное число итераций. Тем не менее, двойная проверка, несомненно, минимизировала число ошибок в Коране, по сравнению с Библией.

⁵⁵⁸ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 324.

⁵⁵⁹ Там же с. 325.

⁵⁶⁰ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 193, 208.

«– Очень хорошо, – говорил Воланд, – я с особенным удовольствием исполню волю пославшего. Исполню <...> В мгновение ока. Не задержи!»;

«– Я получил распоряжение относительно вас. <...> Так вот, мне было велено...»

А беседа с Левием? Разве Воланд страдает шизофренией, что так серьезно беседует с якобы им же навеянным Мастеру образом? И как это выдуманый, неполноценный, по словам диакона Иешуа, мог прочесть роман Мастера да еще просить о чем-то Воланда? Если Воланд хочет навести морок на Мастера, то ему вовсе не нужны для этого выдуманные Иешуа и Левий.

Зачем Воланд так настойчиво обращает внимание Мастера на то, что тот должен быть благодарен созданному им художественному образу? И зачем ему вообще понадобилось отпущение «выдуманного» Пилата? Разве он не мог сразу доставить Мастера к его домику в «покое»?

Вопросы, вопросы, вопросы... Сплошные несуразности, и все они не имеют разумного объяснения, если только не признать, что гипотеза диакона совершенно необоснованна, и лишена здравого смысла.

Вернемся к разговору с Левием. Левий явно раздражает Воланда. Последний не скрывает, что считает его непроходимо глупым, и вдруг задает неожиданный, затягивающий неприятную ему беседу вопрос⁵⁶¹: «А что же вы не берете его к себе, в свет?» И Левий печально отвечает: «Он не заслужил света, он заслужил покой».

Перефразируя Пушкина можно сказать: «Глуп Левий, глуп и его ответ!» Здесь явная Булгаковская подсказка, что не Иешуа, а именно недалекий Левий, считает, что Мастер не заслужил «свет». Иешуа же понимает, что «свет» не для Мастера, – это удел людей подобных недалекому Левию или любимцу нашего диакона Никанору Босому. Можно ли представить себе рядом с ними творческие натуры вроде Леонардо, Микеланджело и того же Мастера? – Нет! Для них должен быть другой выход. Его то Булгаков и показывает в романе. А эпитет «выдуманный» всего лишь подчеркивает момент слияния в финале реальности и литературного вымысла Мастера, – слияния действия большого и малого романов в момент дарования Мастеру власти над судьбой реального Пилата: «Ваш роман прочитали... и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен»⁵⁶².

8.6. Примечание. Почему из всех евангелистов выбран только один и именно Левий Матвей? Этот выбор как раз показывает, что перед нами не историческая «реконструкция». Библейская критика ко времени написания Булгаковым романа уже единодушно считала, что первым евангелистом был все же Марк, и другие синоптические Евангелия (в том числе и Евангелие от Матвея) опирались на него. Цекровная же традиция полагает, что первым евангелистом был все же Матфей. Поскольку Воланд ведет войну с церковными христианами, а не с учеными, поэтому в его антиевангелии должен быть пародирован именно Матфей.

Во-первых, в романе нет ни малейших следов войны Воланда с церковными христианами. Новый взгляд на Христа он излагает не христианам, а как раз закоренелым атеистам. Во-вторых, не нужно путать первых евангелистов и первых апостолов. Библейская критика, как известно, датирует евангелия не ранее, чем 70-м годом нашей эры⁵⁶³. Еще в начале прошлого века ученые пришли к выводу, что «<...> составители Евангелий не были историографами. Сами они не только не были очевидцами событий жизни Иисуса, но и не встречались с таковыми. Дело в том, что записи делались ими через сорок-шестьдесят лет после распятия Иисуса»⁵⁶⁴. Следовательно, их писали не лично упомянутые апостолы⁵⁶⁵. Поэтому для Булгакова, писавшего о первом ученике-апостоле Иешуа, а не о первом евангелисте Христа, «цекровная», как изволил выразиться Кураев,

⁵⁶¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 687.

⁵⁶² Там же, с. 707.

⁵⁶³ Христианство. Словарь под ред. Л. Н. Митрохина. – М.: Республика, 1994, с. 143.

⁵⁶⁴ Боровик О. Планы бытия. –

<http://borovik.spb.ru/reink/documents/ED0329C013D96F1F9A1DDA323826E73CB28EE021.html>

⁵⁶⁵ «<...> происхождение Евангелия относится ко второй половине I века. Были попытки некоторых ученых отнести его происхождение к концу II века, но эти попытки не имели успеха» [Полный православный богословский энциклопедический словарь, издательство П. П. Сойкина, типография СПб, Стременная, 12, собственный дом, репринтное издание концерн «Возрождение», 1992, т. 1, с. 812].

традиция была более естественна. Как отмечает В. Лосев⁵⁶⁶: «Гierasпольский епископ Папий (ум. ок. 165 г.) в своей работе «Изъяснение изречений Господа» отмечал, что при жизни Иисуса Христа за ним записывал лишь апостол Матфей. Позже эти записи с арамейского языка переводили кто как мог». Так что перед нами именно историческая реконструкция.

8.7. А Пилат «романа» придуман или нет? Столь велико обаяние булгаковского творения, что миллионы людей думают, будто и в самом деле Понтий Пилат был «пятым прокуратором Иудеи». На самом деле ни один из новозаветных текстов так его не зовет. Он правитель – «игемон». Прокуратор – это просто старший сборщик налогов в имперскую казну. После подавления иудейского восстания 69-70 годов Иудея была лишена видимости своей самостоятельности, и тогда действительно римские правители этой провинции стали именоваться прокураторами. Так именно представлен Понтий Пилат у Тацита. Но: именно свидетельству Тацита и призывает не верить Берлиоз – «Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту, между прочим, и о том, что то место в 15-й книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых "Анналов", где говорится о казни Иисуса, – есть не что иное, как позднейшая поддельная вставка».

Булгаков не оспаривает это мнение (и в самом деле: христианские апологеты 2-4 веков не ссылаются на Тацита). Значит, описание жизни «прокуратора Понтия Пилата» строится на заведомо неверном источнике... Это именно художественная литература. А у художественной литературы и населяющих ее персонажей есть автор, творец. Таковым для «прокуратора Понтия Пилата» является Мастер (с участием Воланда).

Уже набившая оскомину вечная присказка Кураева «с участием Воланда» до боли напоминает мне присказку Сталина «и другие изверги», употреблявшуюся им при перечислении слишком длинных списков врагов народа. «Открытие» Кураева, что роман «Мастер и Маргарита» является «именно художественной литературой», потрясает «глубиной» прозрения. Как говорил Воланд недалекому Левию: «Без тебя бы мы никак не догадались об этом»⁵⁶⁷. Похоже, диакон искренне поражен возможностью несовпадения романного художественного образа с реальной действительностью. Тут одно из двух. Или «Мастер и Маргарита» его первый прочитанный роман. Или он наивно считает, что в романах затрагивающих евангельские сюжеты недопустим малейший авторский вымысел. Однако в последнем случае нельзя написать никакой исторический роман на евангельскую тему, ибо никогда невозможно достоверно установить, что реально думало и говорило в прошлом то или иное историческое лицо.

Создавая образ Пилата, Булгаков основывался на собственных архивных исследованиях. Как указывает Б. Соколов, ряд деталей к образу Пилата Булгаков почерпнул из исследования Г. А. Мюллера: «Немецкий ученый утверждал, что тот был именно пятым прокуратором Иудеи (некоторые другие источники указывали, что шестым). Автор «Мастера и Маргариты» узнал у Мюллера и годы правления предшественника Понтия Пилата Валерия Грата – с 15 по 25 (в булгаковском архиве сохранилась соответствующая выписка). Отсюда же была взята и легенда о Пиле и Ате (Атусе), отразившаяся в подготовительных материалах к роману: «Атус – король (Майнц) и дочь мельника Пила. Pila-Atus Понт Пятый! прокуратор!» <...> Из книги Мюллера Булгаков выписал по-немецки и пословицу о горе Пилат в Швейцарских Альпах, с которой легенда связывала последнее пристанище Понтия Пилата: «Когда Пилат покрыт шапкой (облаков), погода хорошая». В «Мастере и Маргарите» в финале главные герои видят Понтия Пилата в горной местности. В ней можно найти сходство и с Альпами, и с хорошо знакомой Булгакову в 1920-1921 гг. Столовой горой, у подножья которой находится Владикавказ»⁵⁶⁸.

Как видим, Булгаков не заикливался на Таците как Кураев, и строил свое произведение на заведомо заслуживающих внимания источниках⁵⁶⁹, уделяя пристальное внимание самым

⁵⁶⁶ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Великий канцлер. – М.: Новости, 1992, с. 479.

⁵⁶⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 687.

⁵⁶⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 416.

⁵⁶⁹ «У Булгакова прокуратор грозит первосвященнику Иосифу Каифе, что Ершалаим будет взят и уничтожен римскими легионами. Здесь он точно следует описанию французским историком Эрнестом Ренаном (1823-1892) в книге «Антихрист» (1866) взятия Иерусалима будущим императором Титом (39-81) в 70 г. (отсюда обещание

мельчайшим их деталям, например, таким как номер доказательства Канта или прокураторства Понтия Пилата.

8.8. В начале романа Воланд говорит, что он всего-навсего очевидец, и повествование о Пилате и тех, чьи судьбы раздавлены Пилатом, идет как о чем-то в высшей степени объективном и достоверном. Невнимательный читатель «Мастера и Маргариты» может подумать, что все и в самом деле было так.

Но очная встреча Воланда и Мастера с одной стороны, Пилата и Левия Матвея, с другой, не позволяет вдумчивому читателю принять эту простую схему. На этой встрече оказывается, что Пилат придуман Мастером. Следовательно, в той же синергии Мастера и Воланда придуманы и Левий и Иешуа.

Потому они и *просят* Воланда – как создания у своего создателя (гл. 29)...

6 июня 1936 года Булгаков так завершил работу над «первой полной редакцией» своего романа: Мастер «подскакал к Воланду ближе и крикнул: – Куда ты влечешь меня, о великий Сатана? – Голос Воланда был тяжел, как гром, когда он стал отвечать: – Ты награжден. Благодарю бродившего по песку *Ешуа, которого ты сочинил*».

Поскольку вдумчивый читатель уже понял, что Пилат придуман Мастером не более чем Булгаковым, то для него Левий и Иешуа вполне реальны. Не вдумчивый читатель может полагать, что у Воланда разновидность шизофрении или белой горячки, в связи с чем ему изрядно докучают плоды его собственного воображения.

Читая свой любимый роман, диакон даже не задумался, а какого так сказать черта Воланд ошивался на балконе у Пилата в то утро?! Как его угораздило оказаться очевидцем казни? Ведь Сатана, в отличие от Бога, не вездесущ. Следовательно, он появился там не случайно, а предугадав, что предстоящее распятие Иешуа станет краеугольным камнем для зарождения новой религии и окажет колоссальное влияние на судьбы человечества. Впрочем, может быть и так, что Воланд выполнял спецзадание Творца, решившего, что одного Ведомства, исповедующего идеалы Ветхого Завета уже маловато для управления земным миром, и пора создать уравнивающее его Ведомство Нового Завета.

Чем истощать свое воображение разбором романа Булгакова, Кураеву лучше было бы задуматься об объективных и достоверных очевидцах написавших четыре изрядно противоречащие друг другу евангелия (см. [тезис 18.11](#)). Данные весьма существенные противоречия не позволяют вдумчивому читателю принять простую схему, что эти евангелия действительно написаны очевидцами, и ясно свидетельствуют, что евангелия написаны с чужих слов и щедро дополнены художественным вымыслом. Интересно, что ни в одном из них нет даже намека, что Христос после воскресения посетил свою мать. Но подобные вопросы Кураева не волнуют, его влечет только «великий Сатана».

8.9. Значит, тот, кто влюбляется в воландовского Иешуа, влюбляется в сатанинский артефакт, в морок. Любить Иешуа – это безвкусие. Это не «духовность», а атеизм и сатанизм.

Мрак... Почти как в одном телевизионном рассказе Андрея Макаревича. Во время пребывания его в сельской глубинке, местный администратор, обняв его за плечи, произнес, жалуясь на отсутствие в оных краях элементарной культурной среды, пронзительную философскую фразу: «Бездуховность, блядь!»

Риторический вопрос: «Кто больший поклонник Сатаны, – атеист, отрицающий его существование, или же Кураев, верующий в Него? Кто более угоден Сатане, – человек признающий, пропагандирующий и доказывающий Его существование, или человек, для которого Он не существует по определению?»

8.10. Но не зря Булгаков изучал оккультизм. В оккультизме и в буддизме предполагается, что «энергия человеческой мысли» объективируется, сгущается и затем может оказывать совсем не просимое обратное воздействие на своего творца. Все боги, все духи, все демоны созданы игрой сознания. Психическая энергия, которую поклонник вкладывает в некий мыслеобраз, концентрируется в этом образе и постепенно отчуждается от мыслящего, медитирующего, молящегося ума. Соответственно, любой мыслеобраз, которому множество людей поклоняется в течение долгого времени, достаточно реален. Он способен им помогать и как бы возвращать людям энергию, которую от них получил прежде. Божества создаются направленным к ним поклонением; это аккумуляторы, собирающие в себе энергию поклонения.

С тем, что все боги, духи и демоны созданы **только игрой человеческого сознания**, то есть являются сугубо **воображаемыми** субъектами, я согласен на 100%. Но отдает ли себе Кураев отчет, что его слова полностью приложимы и к христианству?

8.11. Маг же должен сознательно создавать такие аккумуляторы (терафимы), т. е. такие материальные предметы, через которые энергия, собранная богами, возвращалась бы от них в мир людей. Маг должен уметь дарить духам бытие не только в «тонкоматериальном мире», но и в мире плоти – например, через подселение духов в материальные предметы.

Такое ощущение, что не Кураев перед нами, а ненавидимый им Ник Перумов. Пора диакону писать учебник «Путь православного мага» для почитателей талантов Гарри Поттера. Грешно такому «экспириенсу» высшего уровня зазря пропадать.

8.12. Так «индусы дают жизнь магическим диаграммам и скульптурным изображениям богов, прежде чем поклониться им. Обряд этот именуется *прана-пратиштха* <...>». Общеязыческое убеждение полагает, что боги питаются дымом жертв, сжигаемых перед их изображениями. Традиционная магическая практика «изготовления богов» описана еще в герметическом трактате «Асклепий» <...>.

«Обнаруживая солидную эрудицию», наш диакон забирается «в дебри, в которые может забраться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек»⁵⁷⁰.

8.13. Если не знать этих языческих верований в статуи как место обитания божеств и как источник магических воздействий на человека, то будет непонятно то дерзновение, с которым христиане врывались в языческие храмы и разрушали статуи. С точки зрения «светской» это поведение кажется варварством, разрушением памятников искусства «церковными мракобесами». Но христиане видели в этих статуях именно то, что видели в них сами же язычники – не произведения искусства, а колдовские талисманы...

Премудрый диакон хорошо разъяснил нам мотивы и средства религиозной и антирелигиозной борьбы. Теперь действительно понятно «дерзновение» носителей коммунистических воззрений, которые поступили с христианством так же, как оно само поступило с язычеством: «Христа действительно изображали так, как в свое время христианство изображало языческих божеств, делая из них демонов и злых духов»⁵⁷¹.

Понятны и мотивы движения Талибан разрушившего статуи Будды в Афганистане! Я говорю это без издевки. Мне действительно теперь ясны их мотивы. Однако вера христиан в действенность колдовских талисманов меня удручает; только теперь я понял сущность и языческие корни христианского понятия «намоленное место».

⁵⁷⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 336-337.

⁵⁷¹ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 194.

Право же исторически справедливо было бы, прежде чем возмещать православию какие-либо убытки, причиненные ему за годы советской власти, вчинить ему встречный иск за сожженных на кострах иноверцев, как соотечественников, так и иноземцев, за уничтожение самобытной культуры Руси: «В наших летописях принятие христианства выставляется как бы без борьбы; кажется, будто Русь, омывшись в купели крещения, тотчас же забыла свой прежний языческий мир со всеми творениями его вымысла. Не совсем так было на деле. К сожалению, нам остались такие отрывки духовного противодействия остаткам язычества со стороны духовных пастырей, что мы по ним не можем себе уяснить теперь ни сущности языческих верований, ни степени их перерождения, ни истории их изменений, ни приложения к разным видам внутренней и внешней жизни. **Духовные равным образом порицали и преследовали все, что носило на себе память язычества – были ли то действительные верования и убеждения, или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшие уже прежний смысл и серьезное значение,** так точно как теперь купальный огонь, вожанье козла на масленице, или малороссийское колядование. Из многого, что осталось и теперь, мы не знаем, то ли значение оно имело в XVI и XVII веке, как в XIX»⁵⁷².

8.14. Вот так же «призрачные приятели» обретают свою плоть в финале «Мастера и Маргариты». Быть может, именно поэтому Каиафа и Иуда не появились ни на балу у сатаны, ни в жизни Мастера. Их ограниченность рукописью Мастера может объясняться тем, что Мастер не вложил в эти образы свою душу – в отличие от более проработанных образов Пилата и Иешуа.

Иешуа вовсе не появляется в жизни Мастера. В финале он всего лишь снится Ивану. Не появляется и Никанор Босой, в которого, по мнению Кураева, Булгаков вложил свою душу, хотя в другом месте диакон утверждает, что душа вложена в образ буфетчика, который впрочем, также не появляется. Даже Пилат не появляется в жизни Мастера, а, наоборот Мастер появляется в жизни Пилата.

С чего бы появляться на балу Каиафе? Разве он предал или обманул Иисуса? Для него, так же как и для Кураева святая цель оправдывала средства. Что же до Иуды, то если каждого тайного агента пригласить на бал, то там, по свидетельству Кураева⁵⁷³, от одних православных священников прохода не будет.

8.15. Но у «романа о Пилате» два соавтора. Оба они – и Воланд, и Мастер – «объективируют» свои фантазии. В сентябре 1934 года Булгаков полагал, что не Мастер, а Воланд отпускает Пилата: «– Прощен! – прокричал над скалами Воланд, – прощен!».

В ранних редакциях, когда Мастера еще не было, именно Воланд по поручению Иешуа отпускал Пилата. Но с появлением и выходом на первый план фигуры Мастера, появился роман в романе, а не просто рассказ Воланда. Соответственно возник и мотив его незавершенности, по мнению Света. Совершенно логично, что теперь именно Мастер и завершает одновременно и свой роман и судьбу реального Пилата.

8.16. Впрочем, еще более о власти Воланда над романом Мастера свидетельствует его подчеркнутое отсутствие на страницах этого романа. Раз персонажи, мотивы и судьбы романа Мастера придуманы, а дьявола в романе нет, значит именно он-то и сверхреален. Ему не надо попадать в зависимость от Мастера и потом добиваться независимости от него.

⁵⁷² Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – СПб.: К. Вульф, 1860, с. 180.

⁵⁷³ «Все поступающие проходили сквозь сито КГБ и Совета по делам религий»; «Между прочим, в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали» [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

Никто в романе Мастера не попадает в зависимость от самого Мастера и, соответственно, не добивается какой-либо независимости от него. В этом романе в равной степени подчеркнута отсутствует не только Воланд, но и иудео-христианский Бог, мусульманский Аллах, боги индуизма и прочие многочисленные боги. Поскольку различных богов на свете великое множество, то на Воланда падает столь ничтожная часть их общей власти над романом Мастера, что и говорить о ней смешно.

И если именно отсутствие придает сверхреальность, то почему Бог присутствует на страницах Библии? Хромая «логика» Кураева прекрасно описывается следующим анекдотом советских времен⁵⁷⁴: «Западные ученые находят в египетской гробнице III тысячелетия до нашей эры кусок медной проволоки; на этом основании делается вывод, что древние египтяне уже тогда пользовались телеграфом. В ответ советские ученые ответственно заявляют, что на территории России в захоронениях III тысячелетия до нашей эры проволоки никто никогда не находил – следовательно, русские в это время уже пользовались **беспроволочным телеграфом**».

8.17. Воланд использовал Мастера – и покинул его. Иешуа создан Мастером – и тоже оставил его. Простил ли Иешуа своего создателя – Мастера? Иешуа, который вроде бы всех прощает, для которого все люди хорошие, тем не менее выносит приговор Мастеру. О том, что это приговор, а не награда, свидетельствует печальная интонация Левия при произнесении этой фразы («А что же вы не берете его к себе в свет? – Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий»).

Душещипательно и напоминает известные строки: «И сия пучина поглотила ее в один момент. В общем, все умерли». Печальные интонации в голосе Левия мы уже разбирали (см. [тезис 8.5](#)). Они вполне естественны, ибо не блещущий умом Левий действительно считает, что Мастеру повезло меньше, чем ему, в чем он, как видим, не одинок. Левий искренне полагает, что причиной просьбы Иешуа является то, что Мастер не заслужил света. Иешуа же просит «**наградить**» Мастера покоем, понимая, что «**свет**» не для Мастера и его душе ближе «**покой**». О том, что это именно **награда** неоспоримо свидетельствует уже то, что Иешуа просит именно «**наградить**», а не наказать, или одарить Мастера покоем.

Обратите внимание на следующее место: «**Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже**», – **в первый раз моляще** обратился Левий к Воланду»⁵⁷⁵. В этой фразе чувствуется неподдельное участие не только Иешуа, но и пусть и недалекого и фанатичного, но по-своему доброго Левия в судьбе Маргариты. А если верить диакону, то получается, что Левий умоляет «**приговорить**» Маргариту. Налицо явный absurdum.

8.18. Иешуа отдает Мастера навсегда в царство Воланда, зла и тьмы: «Он прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?» Иешуа лишь одно дарит Мастеру – освобождение от памяти о самом Иешуа... Создание вынесло приговор своему творцу («он не заслужил света») и покинуло его.

Чем перед Иешуа провинился Мастер? Не тем ли, что создал какого-то карикатурно-картонного, одномерного персонажа, который, став самостоятельным, сам тяготится своей навязанной ему одномерностью и пробует ее – через осуждение Мастера – изжить?

Разве в романе описана отдача в «царство зла и тьмы»? Наоборот, Мастер попадает в царство покоя и естественно света, ибо, где рассвет, там и свет. Нет и освобождения от памяти. Напоминаю, что строки «**память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать**» сняты автором в последней редакции и вместо них написан новый эпилог. В романе они оставлены вопреки воле писателя его женой. Фраза «**он не заслужил света**» принадлежит не Иешуа, а туповатому Левию, которому, как и нашему диакону не представляется большего счастья, чем общение с себе подобными. Абсурдная идея Кураева о том, что Мастер провинился

⁵⁷⁴ Еськов К. Евангелие от Аффания. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001, с. 123.

⁵⁷⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 687.

перед Иешуа, хоть вымышленным, хоть реальным, вполне опровергается тем, что Иешуа просит не наказать, а именно **«наградить»** Мастера покоем.

8.19. Теперь будет понятна головокружительная фраза Воланда, сказанная Мастеру: «Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман». Вновь говорю: если Мастером выдуман Пилат, то Иешуа тоже должен быть рассматриваем как просто персонаж его романа.

Вновь говорю, любой персонаж хоть романа, хоть Евангелия, всегда выдуман. Поэтому и Пилат и Иешуа выступают в романе Булгакова в двух ипостасях, – как реальные исторические (в рамках романа Булгакова) личности и как выдуманные герои (в рамках романа Мастера).

8.20. Но вот, оказывается, персонаж читает роман про самого себя и дает ему оценку... Это и есть сюрприз, обещанный Воландом Мастеру. Сон, придуманный писателем (Мастером) для своих персонажей (сон Пилата о прогулке с Иешуа) обретает реальность и являет себя призраку автора...

Если Воланд наводит морок, то глупо с его стороны раскрывать глаза Мастеру, поясняя ему свой «сюрприз». На самом деле сюрприз заключается в том, что Воланд предвидел, что за Мастера попросят. Именно поэтому, расставаясь после бала с Маргаритой, Воланд не прощается с ней:

«Маргарита молитвенно протянула обе руки к Воланду, но не посмела приблизиться к нему и тихо воскликнула:

– Прощайте! Прощайте!

– **До свидания, – сказал Воланд»**⁵⁷⁶.

Этим же предвидением Воланда объясняются и его слова Левию: **«Ты с чем пожаловал, незванный, но предвиденный гость?»**⁵⁷⁷

8.21. Персонажи создаются романом Мастера, но все же эти тени не начинают жизни вполне самостоятельной. Такими, какими их задумал Мастер, они сохраняются навсегда. Но им не хватает сил и реальности для того, чтобы самостоятельно меняться хотя бы в мелочах. Их непеременимость подчеркивается: Левий Матвей и в XX веке все так же мрачен и ходит все в том же хитоне, запачканным глиной еще на Лысой Горе. Двенадцати тысяч новолуний не хватает для того, чтобы лужа вина высохла у ног Понтия Пилата. И сам Понтий Пилат не изменился – он по-прежнему отрицает свою ответственность за казнь Иешуа. Казненный им Иешуа также все еще «в разорванном хитоне и с обезображенным лицом».

Пилат умоляет Иешуа сказать, что казни не было не наяву, а во сне Ивана Поньрева. Но сон есть сон, это только гиперболизированное отражение действительности, мучающей Ивана. Переносить его на реальные образы героев, по меньшей мере, неразумно.

Земная жизнь является процессом отмирания. Поскольку в загробном мире отмирания нет, то нет там собственно и жизни в земном ее смысле, а только **«непеременимое»** существование. Попав со временем в долгожданный Небесный Иерусалим, Кураев будет немало удивлен тем, что и его облик станет **«непеременичив»**, – перестанут расти борода и волосы, а тело окажется не человеческим, а эфемерным; и обречен он будет не на жизнь в ее земном понимании, а только на вечное существование, ибо таким, каким его задумал Бог, он сохранится навсегда, без какой-либо возможности самостоятельно меняться хотя бы в мелочах. Впрочем, если Кураев верит, что его жизнь после смерти продлится в обычном земном теле, то и здесь его ждут сюрпризы, – будет он постоянно стирать свою рясу, ведь слуг и стиральных машин там нет! А когда его одежда окончательно истлеет, придется ему с ближайшего дерева фиговый листок сорвать, чтобы срам

⁵⁷⁶ Там же, с. 620.

⁵⁷⁷ Там же, с. 686.

прикрыть, ведь ателье индпошива и магазины готовой одежды там также отсутствуют. В общем, ждуг его там сюрпризы намного хуже, чем он в синергии с Дерягиным⁵⁷⁸ пророчесствует Мастеру.

«Непеременчивость» посмертных воплощений персонажей романа объясняется тем, что они являются не живыми людьми со смертным телом, прикрытым недолговечной одеждой, а некими энергетическими оболочками, неизвестной природы. «Переменчивость» свойство живой, земной жизни, неумолимо ведущей к смерти, а «непеременчивость», – свойство загробной, – ведь она уже никуда не ведет. Даже в Евангелиях Христос воскресает «непеременчивым», с незаживающими отверстыми ранами от гвоздей и копья (Иоан. 20:20,25). Обратите внимание, что из ран его не текла кровь, хотя они представляли собой сквозные отверстия, в которые он предлагал Фоме вложить персты (Иоан. 20:27). В человеческом теле из таких ран кровь хлестала бы ручьем, что совершенно несовместимо с жизнью. Возможно, диакон наивно верит в то, что Христос воскрес в своем старом человеческом теле, но, несомненно, это была новая энергетическая оболочка совершенно иной физической природы, чем обычное человеческое тело. Ведь в Новом Завете подчеркивается, что Христос после воскресения обрел способность проникать сквозь запертые двери (Иоан. 20:19,26) и использовал разные образы для своего появления (Марк. 16:12).

Аналогично и тело Левия уже не обычное человеческое тело. Например, являясь к Воланду, Левий выходит из стены, что вряд ли возможно для обычного человека. Запачканный глиной хитон Левия так же не реальная земная грязная ткань, которую можно постирать и заштопать, а неотъемлемая часть все той же неведомой нам субстанции, которая представляет собой видимый образ Левия. Не исключено, что придать себе иной облик и избавиться от глины на хитоне ему не позволяет его худая карма. Но в области кармы Кураев большой специалист, – пять лет изучал,⁵⁷⁹ отплевываясь, – так что не буду отбивать у него хлеб своими наивными рассуждениями. Мрачность Левия может объясняться и глубинными свойствами его характера, – ведь смешно же предположить, что какой-нибудь святой старец, просидевший всю свою жизнь на столпе, истязая плоть, в загробной жизни вдруг станет веселым и общительным рубахой парнем. Вот так и Левий, – кесарево, – кесарю, а слесарево, – слесарю. Да и у кого же за две тысячи лет от постоянной улыбки скулы не сведет? Так что, посещая Воланда, можно и расслабиться...

8.22. И как безвольно, заискивающе Иешуа просил Пилата в романе Мастера, так же он и теперь просит Воланда.

Кураев продолжает искажать факты. В беседе с Пилатом Иешуа не только не заискивает перед прокуратором, но и одерживает убедительную нравственную победу над ним (см. [тезис 4.7](#)). Что касается Воланда, то ни в одной из версий романа не описано прямое обращение Иешуа с просьбой к Воланду. В ранних версиях безликий гонец передает распоряжение, и только в последней редакции Левий Матвей передает просьбу. Но само по себе слово «просьба» ничего не означает. И король может обратиться с просьбой к своему подданному или высокопоставленному сановнику. Например, известно, что российская императрица Екатерина Великая никогда не приказывала, а именно просила выполнить ее волю. Поэтому о зависимости «просящего» можно судить только по реакции того, кого «просят».

Если мы обратимся к ранним версиям романа, то там Воланд от усердия только каблуками не щелкает⁵⁸⁰:

«Коровьев и Бегемот сняли картузики. Азazelло поднял в виде приветствия руку, хмуро скосился на прилетевшего гонца. Лицо того, **печальное и темное**⁵⁸¹, было неподвижно, шевелились только губы. Он шептал Воланду.

Тут мощный бас Воланда разлетелся по всему холму.

⁵⁷⁸ Дерягин А., священник. Опыт прочтения: «Мастер и Маргарита». –

<http://www.wco.ru/biblio/books/ader1/Main.htm?mos>

⁵⁷⁹ «Пять лет моей жизни были посвящены изучению «творческого наследия» Блаватской и Рерихов» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер].

⁵⁸⁰ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 193.

⁵⁸¹ Обратите внимание, – гонец, так же как и Левий в окончательной редакции, печален изначально, в отличие от веселых вольных рыцарей Воланда.

– Очень хорошо, – говорил Воланд, – я с особенным удовольствием исполню волю пославшего. Исполню».

И тут же отдает распоряжение Азazelло: «**В мгновение ока. Не задержи!**» В более поздней редакции мы читаем⁵⁸²:

«– **Я получил распоряжение** относительно вас. Преприятное. Вообще могу вас поздравить – вы имели успех. Так вот, **мне было велено...**

– Разве вам можно велеть?

– **О, да. Велено унести вас...**»

Фразами «исполню», «получил распоряжение» и «мне велено» явно подчеркнута зависимость Воланда от Света, и его подчиненное положение.

В 1938 году, в седьмой редакции романа эта зависимость существенно ослаблена⁵⁸³:

«Через некоторое время послышался шорох как бы летящих крыльев и на террасу высадился неизвестный вестник в темном, и беззвучно подошел к Воланду. Азazelло отступил. Вестник что-то сказал Воланду, на что тот ответил, **улыбнувшись**:

– **Передай, что я с удовольствием это сделаю.** Вестник после этого исчез, а Воланд позвал к себе Азazelло и приказал ему:

– **Лети к ним и все устрой.**»

При правке последней редакции, Булгаков 14.05.1939 снял эпизод с неизвестным вестником⁵⁸⁴ и вместо него продиктовал две страницы нового текста, – беседу Воланда с Левием Матвеем. Возможно, именно прочтенная Булгаковым статья о творчестве Гофмана повлияла на этот эпизод, так как загадочный вестник «света» слишком отдавал мистикой, а роман, несмотря на чертовщину, непостижимо реален. Да и философские размышления «нового» Воланда о Добре и Зле не могли бы быть так страстно высказаны в беседе с безликим «неизвестным вестником».

В окончательной авторской редакции Воланд полностью лишен каких-либо черт подобию страсти перед Иешуа. Однако слова Воланда «**передай, что будет сделано**», «**ваш роман прочитали <...> и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен**»⁵⁸⁵, не оставляют сомнения, что «просьба» Иешуа исходит от равного и не предполагает возможности отказа. Ни о каком заискивании Иешуа перед Воландом и речи нет. Даже Левий не заискивает перед ним и ведет себя достаточно дерзко. Молящие нотки в его голосе объясняются всего лишь его искренним участием в судьбе Мастера и Маргариты.

Резюме 8. Булгаков недвусмысленно дает понять, что не Иешуа, а именно недалекий Левий считает, что Мастер не заслужил «свет», Иешуа же понимает, что «свет» не для Мастера, и поэтому просит Воланда **наградить** Мастера именно «покоем», понимая, что последний ближе душе Мастера. Вопреки утверждениям Кураева «**покой**» это не «**царство Воланда, зла и тьмы**», а царство покоя и естественно света, ибо, где рассвет, который встречают Мастер и Маргарита в финале, там и свет.

В финале романа эпитет «выдуманный» применительно к образу Пилата подчеркивает момент слияния реальности и литературного вымысла Мастера, – слияния действия большого и малого романов в момент дарования Мастеру власти над судьбой реального Пилата.

Посмертная непеременимость героев романа находится за пределами человеческого разума, но хорошо согласуется с фантастической логикой романа, – нелепо же представить, что энергетическая субстанция, способная свободно просачиваться сквозь стены и перемещаться в пространстве, будет вести себя так же, как и обычное человеческое тело и одежда, – стареть и истираться.

⁵⁸² Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 208.

⁵⁸³ Лосев В. И. Я погребен под этим романом // Булгаков М. А. Князь тьмы. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 23.

⁵⁸⁴ Там же, с. 22.

⁵⁸⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 687 и 709.

9. Кураев. РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

«Я начал драть рукопись. Но остановился. Потому что вдруг, с необычайной чудесной ясностью, сообразил, что правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда! Кончено! Неизгладимо. Эту изумительную штуку я сочинил. Кончено!..»

М. А. Булгаков⁵⁸⁶

Слова Воланда о негорящих рукописях поразили Кураева в самое сердце. Верный своей привычке, как и недалекий Левий, толковать все буквально, он решил, что речь идет о том, что если кинуть рукопись в огонь, то она не сгорит. Разумеется, это глупость, – каждый нормальный человек понимает, что сгорит. Правда Кураев верует, что Святое Писание не сгорит: «<...> не разрушается то, что сохраняет Бог, в том числе – истинные книги, содержащие правильное понимание библейских сюжетов»⁵⁸⁷. Хотя, как известно из истории, прекрасно горят и разрушаются целые православные храмы со всей бесценной утварью и книгами. Но видно не достигло еще православное богословие подлинно научных высот в толковании библейских текстов. Смущает ум диакона и христианская былина о том как «богозданная стихия, конечно, послушалась своего Творца, а потому христианского пастыря оставила нетронутым, испепелив при этом язычника». Разумеется, в таких неблагоприятных для мыслительного процесса условиях Кураеву просто невозможно сообразить, что речь в романе идет совершенно о другом, о том, что написанное нельзя уничтожить не физически, а в своей памяти, – его можно скрыть только от людей, но не от себя самого. Что собственно блестяще и продемонстрировал в романе Воланд, материализовав сожженный роман Мастера, сохранившийся в голове его творца. В том, что написанное невозможно изгнать из памяти, Булгаков на собственном примере убедился еще в 1921 г. (см. эпиграф), задолго до уничтожения первой редакции «Мастера и Маргариты»: «<...> правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда!».

9.1. Отношение к этой фразе – примета, по которой можно отличить русского интеллигента от советского образованца. Никогда нельзя с полным своим согласием и восторгом цитировать сатану – даже литературного!

Заблуждения диакона с толкованием смысла этой не имеющей ни малейшего отношения к религии фразы мы уже разобрали (см. [тезис 7.2](#)). Отношение к этой фразе на сегодняшний день действительно «примета, по которой можно отличить русского интеллигента от советского образованца», и, сравнив отношение к ней Кураева с приведенным выше в эпиграфе отношением к ней Булгакова, мы без труда можем «отличить» первого от второго. Надеюсь, что вдумчивый читатель вывел для себя это отличие еще при рассмотрении самого первого тезиса Кураева.

9.2. Но самое неприличное в этом модном цитировании другое. «Рукописи не горят» – это предмет предсмертного кошмара Булгакова, а не тезис его надежды.

<...> в письме В. Вересаеву от 27 июля 1931 г. Булгаков прямо пишет об обратном вторжении созданных им персонажей в его жизнь: «...один человек с очень известной литературной фам,илией и большими связями... сказал мне тоном полу-уверенности:

– У Вас есть враг...

Я не мальчик и понимаю слово – „враг“... Я стал напрягать память. Есть десятки людей – в Москве, которые со скрежетом зубным произносят мою фамилию. Но все это в мире литературном или околотеатральном, все это слабое, все это дышит на ладан. Где-нибудь в источнике подлинной силы как и чем я мог нажать врага?

И вдруг меня осенило! Я вспомнил фамилии! Это – А. Турбин, Кальсонер, Рокк и Хлудов (из «Бега»). Вот они, мои враги! Недаром во время бессониц приходят они ко мне к

⁵⁸⁶ Булгаков М. А. Записки на манжетах. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 680.

⁵⁸⁷ Берусь наглядно доказать, что любая книга диакона отлично сгорит от первой же спички.

говорят со мной: «Ты нас породил, а мы тебе все пути преградим. Лежи, фантаст, с загражденными устами». Тогда выходит, что мой главный враг – я сам».

Скорее это предмет ночных кошмаров диакона, которому вероятно по ночам черти покоя не дают, что впрочем, вполне естественно, ведь «не мальчик» уже... Однако простота, как известно, хуже воровства. Ведь действительно, главным врагом Булгакова был именно он сам и его упрямое нежелание подстраиваться под окружающий мир (в цитируемом оригинале у Булгакова стоит не «в мире», а «в мирке»). Вот Кураев перестроился под новую власть и ее вкусы, и горя не знает. Но, в отличие от Кураева, у Булгакова был именно талант, а не способности. Способности всегда можно приспособить на службу чему угодно, а истинный талант в землю не зароешь, – все равно прорастет и пойдет своим собственным путем.

Если бы Булгаков слушал советы знакомых «сдаться» и писать «агитационные пьесы»⁵⁸⁸, и создавал иных героев, его жизнь сложилась бы совершенно иначе; при его таланте он бы провел ее в почестях и славе, обласканный официальной критикой. Но он предпочел идти своим путем, не оправдывая себя формулой иуд всех веков, «инога, мол, и не остается», – как это сделал сам Кураев, согласившись на контакты с КГБ⁵⁸⁹. Заменяв в словах диакона Церковь на Театр, и телефонные звонки на агитационные пьесы, Булгаков мог бы с полным основанием сказать: «И я оказываюсь перед выбором. Вернуться в мир я уже не могу, там я со всем порвал, на работу врачом меня тем более не возьмут. А главное – мечта служить Театру, к которой я шел уже несколько лет. Или какие-то ни к чему не обязывающие агитационные пьесы...». Но Булгаков сделал иной нравственный выбор, определивший его нелегкий жизненный путь, и был верен ему всю свою жизнь.

Человек попроще, на месте Булгакова сказал бы: «Язык мой, враг мой»⁵⁹⁰. И что же в этом случае написал бы диакон? – Видимо нечто вроде: «Булгакова терзает предсмертный кошмар, подобно гоголевскому герою ему кажется, что его язык отделился от него, ведет свою собственную самостоятельную жизнь и даже угрожает ему».

9.3. Вот и через последний булгаковский роман проходит скорбь о власти деяний над авторами этих деяний. Во второй полной рукописной редакции романа (1937-1938) на балу у сатаны появились Гете и Шарль Гуно. Первый – как автор поэмы «Фауст», второй – как автор оперы «Фауст». По Булгакову выходит, что они стали пленниками того демонического персонажа, которому отвели центральное место в своих произведениях.

По Булгакову выходит, что они были не пленниками, а почетными гостями:

<Коровьев> «– Имею честь рекомендовать вам, королева, директора театра и доктора прав господина Гёте и также – господина Шарля Гуно, известного композитора.

– Я в восхищении, – говорила Маргарита.

И директор театра и композитор почтительно поклонились Маргарите, но колена не целовали. <...>

– Мессир просил вас принять эти веночки <золотые лавровые веночки – С.Ц.>, – говорила Маргарита одному из артистов по-немецки, а другому по-французски, – на память о сегодняшнем бале»⁵⁹¹.

Как видим, здесь «проходит» не «скорбь», а только сплошной почет и уважение. Булгаков подчеркнул, что Гете и Гуно единственные не целовали колена Маргариты, так как являлись именно почетными гостями, а не подневольными участниками бала.

9.4. Сожжение рукописи отнюдь не грех по Булгакову. Даже Иешуа призывает сжигать

⁵⁸⁸ «– Пишите агитационную пьесу! <...> – Довольно! Вы ведь государство в государстве! Сколько это может продолжаться? Надо сдаваться, все сдались. Один Вы остались. Это глупо!» [Дневник Елены Булгаковой, запись от 15.05.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 147].

⁵⁸⁹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁵⁹⁰ В черновиках устами Пилата Булгаков выразился предельно понятно: «И один у тебя враг – во рту он у тебя – твой язык! Благодарю его!» [Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 44].

⁵⁹¹ Булгаков М. А. Князь тьмы. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 638.

рукописи (о том, как он умолял Левия сжечь его рукопись, Иешуа рассказывает Пилату).

Рассуждения Кураева напоминают беседу Левия с Воландом, – диакон и Булгаков говорят на разных языках. У Булгакова в словах Воланда речь идет о переносном смысле, а Кураев заикнулся на буквальном. Иешуа нигде не «призывает сжечь рукописи». Он только просит Левия сжечь пергамент с неправильной записью его слов: «**Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. <...> сожги ты, прошу тебя, свой пергамент!**»⁵⁹²

9.5. Пилат же мучительно пытается убедить себя в том, что он не делал той подлости, которая принесла ему слишком страшную популярность... Он «более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу» (гл. 32). «– Боги, боги, – говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, – какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, – тут лицо из надменного превращается в умоляющее, – ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было? – Ну, конечно не было, – отвечает хриплым голосом спутник, – тебе это померещилось. – И ты можешь поклясться в этом? – заискивающе просит человек в плаще. – Клянусь, – отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются. – Больше мне ничего не нужно! – сорванным голосом вскрикивает человек в плаще».

Самый обычный сон – Ивана Понырева. Неужели Кураеву сны никогда не снятся? Как известно, сны часто отражают то, что наяву мучит сознание человека, но отражения эти весьма далеки от реальности.

9.6. Покой, которого жаждут почти все герои романа – это избавление от прошлого, от памяти. Фрида мечтает избавиться от платка, которым она задушила своего сына. Мастер – от романа: ««Он мне ненавистен, этот роман», – ответил мастер» (гл. 24). «Память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя». А кто, кстати, отпускал Мастера? – Воланд, а отнюдь не Иешуа. Но отпустить может только тот, кто раньше держал в своей власти. Значит, и в самом деле Воланд водил судьбой и пером Мастера до этой финальной сцены...

Где же здесь избавление от памяти? Фрида надеется избавиться от платка потому, что его ежедневное появление уже не наказание, а бессмысленная вечная пытка. Нигде не сказано, что если ее отменить, то она забудет свой поступок. Слова Мастера, что роман ему ненавистен, сказаны им еще в достаточно невменяемом после сумасшедшего дома состоянии, до перехода в иной мир, когда он оглядится «**взором живым и светлым**»⁵⁹³ и окончательно преобразится в полете. Мастера на свободу в последней редакции никто не отпускает. Слова «**Память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать...**» принадлежат предпоследней редакции романа и включены в окончательную редакцию против воли автора его женой, о чем я уже писал ранее (см. [Введение](#)). Так что судьбой и пером Мастера, водил исключительно Булгаков, имевший на это полное право. Но даже и в приведенном варианте редакции финала нигде не сказано, что Мастера «отпускал» Воланд. По логике сюжета это был не Воланд, а Иешуа, не отпускавший Мастера, пока его роман не окончен. Ведь именно Иешуа и поручил Мастеру, через посредство Воланда, закончить роман и отпустить Пилата.

9.7. Булгакову тоже было что забывать. «Теперь уже всякую ночь я смотрю не вперед, а назад, потому что в будущем я для себя ничего не вижу. В прошлом же я совершил пять роковых ошибок». Значит, были такие его рукописи, которые ему хотелось бы видеть сожженными и небывшими.

⁵⁹² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 350.

⁵⁹³ Там же, с. 697.

Булгаков в данном контексте нигде не пишет о рукописях, и ясно дает понять, что имеет в виду роковые ошибки своей личной жизни, а не творчества, в котором, как известно, у **настоящих** художников, в отличие от бумагомарателей, роковых ошибок не бывает. В письме П. С. Попову от 14.04.1932 Булгаков пишет⁵⁹⁴:

«Старых друзей **нельзя забывать** – Вы правы. Совсем недавно один близкий мне человек утешил меня предсказанием, что, когда я вскоре буду умирать и позову, то никто не придет ко мне, кроме Черного Монаха. <...> И страшновато как-то все-таки, если уж никто не придет. Но что же поделаешь, сложилась жизнь моя так.

Теперь уже всякую ночь я смотрю не вперед, а назад, потому что в будущем для себя я ничего не вижу. В прошлом же **я совершил пять роковых ошибок**. Не будь их, не было бы разговора о Монахе, и самое солнце светило бы мне по-иному, и сочинял бы я, не шевеля беззвучно губами на рассвете в постели, а как следует быть, за письменным столом.

Но теперь уже делать нечего, ничего не вернешь. **Проклинаю я только те два припадка нежданной, налетевшей как обморок робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти**. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна – плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет».

Как видим, забывать Булгакову нечего. Наоборот, он пишет «нельзя забывать». И слова эти относятся не к ошибкам, а к «старым друзьям». Гнетут писателя не мифические рукописи, «которые ему хотелось бы видеть сожженными и небывшими», а страх одиночества из-за разлада семейной жизни со второй женой и потери, как ему казалось тогда, его последней любви, – Елены Сергеевны. Слова: «<...> эта робость была случайна – плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы», – совершенно ясно показывают, что в словах о «двух припадках робости» речь идет не об ошибках молодости, а о событиях случившихся относительно недавно. Как отмечает Л. Яновская⁵⁹⁵: «Исследователи весьма согласно считают <...>, что ошибки, о которых так сожалел Булгаков, – во-первых, то, что он не ответил мгновенным и горьким «да» на предложение Сталина уехать за границу, и, во-вторых, что так легко отпустил свою любовь⁵⁹⁶». И с этим мнением трудно не согласиться. Добавим только, что третьей ошибкой, несомненно, является неудача с письмом Правительству СССР с просьбой выпустить за границу: ««Вы совершили ошибку – поэтому вам и отказано, – говорил Замятин. – Вы неправильно построили свое письмо – пустились в рассуждения о революции и эволюции, о сатире!.. А между тем надо было написать четко и ясно – что вы просите Вас выпустить – и точка! Нет, я напишу правильное письмо!» <...> можно утверждать, что в 1931 году впечатление от того, как Замятин при содействии Горького получил вскоре положительный ответ на свое письмо, было оглушительным»⁵⁹⁷. Булгаков иступленно мечтал увидеть иные страны⁵⁹⁸: «Есть у меня мучительное несчастье. Это то, что не состоялся мой разговор с генсекром⁵⁹⁹. Это ужас и черный гроб. Я иступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю».

9.10. Булгаков их не называет, но хотелось бы верить, что в их число он включил и свой фельетон «Главполитбогослужение» (Гудок. 24 июля 1924)...

И в сноске: Сам фельетон мог бы быть просто смешным (он построен по популярному принципу «испорченного радиоприемника» – одна вполне серьезная программа налагается на другую не менее серьезную – а в итоге получается смешной абсурд). Вот только редакционная (т.е. не-Булгаковская) приписка в конце фельетона требует ликвидации православного храма, якобы мешающего вести уроки в соседней школе...

⁵⁹⁴ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 268.

⁵⁹⁵ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 21.

⁵⁹⁶ Разрыв с Еленой Сергеевной Шиловской в 1931 году казался Булгакову окончательным.

⁵⁹⁷ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 354.

⁵⁹⁸ Письмо к В. В. Вересаеву от 22.07.1931, приписка от 26.07.1931 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 251.

⁵⁹⁹ Имеется в виду обещанная ему Сталиным личная встреча.

В конце фельетона находится не приписка, а написанное Булгаковым примечание «Гудка». Подпись М.Б. стоит именно после примечания. Фельетон написан о том, что недопустимо столь близкое соседствование столь разных учреждений фактически в одном здании. Недопустимо не потому, что кощунственно, а потому, что песнопения мешают вести урок, а шум урока мешает службам и более того создает комические ситуации. Своим фельетоном Булгаков хотел исправить создавшуюся анекдотическую ситуацию и именно поэтому поместил в примечании обращение от имени редакции, что сделало публикацию официальным запросом, а не личным мнением фельетониста.

В примечании сказано⁶⁰⁰: «<...> дело о совместном пребывании школы и церкви в одном здании тянется уже два года. Просьба всем соответствующим учреждениям сообщить, когда же кончится это невозможное сожительство?» Где же здесь требование ликвидации церкви? Речь идет только о том, чтобы развести эти учреждения по разным зданиям. – Но Кураев беззастенчиво клеветает на Булгакова, чтобы создать у читателя впечатление, что писатель одержим глубоким раскаянием, и душа его стремится на «**путь истинный**».

Булгаков пишет о том, что школа и церковь не должны находиться в одном здании. И, между прочим, данная церковь не храм в прямом смысле этого слова, а самое обычное здание, «**пристроенное**» два года назад к зданию железно-дорожной школы и переданное верующим по договору с Конотопским исполкомом. То есть подыскание для богослужений другого помещения в данном случае является не святотатством, а насущной необходимостью, ибо описанные автором ситуации вредят и церкви и школе⁶⁰¹:

«Клюкин вышел, одернул пояс и прочитал:

Попрыгунья стрекоза

Лето красное пропела,

Оглянуться не успела...

– Яко Спаса родила!! – грянул хор в церкви.

В ответ грохнул весь класс и прыснули прихожане».

Прискорбно, что православный профессор не понимает, для чего пишутся фельетоны. А пишутся они всегда с одной и той же целью: заклеить и искоренить недостатки окружающей жизни, а отнюдь не для увеселения. Если Булгаков написал этот фельетон, значит он, в отличие от Кураева, считал невозможным подобное нелепое соседство церкви и школы и хотел его прекратить.

Резюме 9. Речь в романе идет не о том, что гениальные рукописи нельзя сжечь и уничтожить физически, а о том, что написанное нельзя уничтожить в своей памяти, – можно скрыть от людей, но не от себя самого, что и продемонстрировал в романе Воланд, материализовав сожженный роман Мастера, сохранившийся только в голове его творца. В том, что написанное уже невозможно изгнать из памяти Булгаков на собственном примере убедился еще в 1921 г., задолго до уничтожения первой редакции «Мастера и Маргариты», написав⁶⁰²: «<...> написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда!». Бессмысленно утверждение Кураева, что герои романа стремятся избавиться от своей памяти. Это также невозможно. Можно получить прощение от других, но нельзя скрыться от себя самого.

⁶⁰⁰ Булгаков М. А. Главполитбогослужение. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3 Дьяволиада. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 416.

⁶⁰¹ Там же, с. 415.

⁶⁰² Булгаков М. А. Записки на манжетах. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 680.

10. Кураев. СВЕТ, ТЕНИ И СОФИСТИКА

«– Что же он велел передать тебе, раб?»

– Я не раб, – все более озлобляясь, ответил Левий Матвей, – я его ученик.

– Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, – отозвался Воланд, – но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются...»

М. А. Булгаков⁶⁰³

В своем толковании сюжета Кураев постоянно путается с персонажами романа Мастера, – то они у него неполноценные тени-марионетки, – оживленные и управляемые Воландом литературные персонажи. То они полноценные противники Воланда, на равных вступающие в спор с ним.

10.1. «– Я к тебе, дух зла и повелитель теней, – ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

– Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? – заговорил Воланд сурово.

– Потому что я не хочу, чтобы ты здравствовал, – ответил дерзко вошедший.

– Но тебе придется примириться с этим, – возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, – не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, – в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

Я не буду с тобой спорить, старый софист, – ответил Левий Матвей».

Вот самое заколдованное место во всем булгаковском романе. И поклонники Булгакова, и его враги видят в этом диалоге нечто очень авторское. Немалое же число первых видят в этом пассаже и некую «неопровержимую диалектическую логику».

Следующую часть диалога, приведенную нами в эпиграфе, Кураев опустил, а ведь именно она является ключевой для понимания текста. Очевидно, что Воланд имеет в виду не прислуживание Иешуа со стороны Левия, а именно рабскую, по мнению Воланда, сущность философии Левия, которую они обсудили перед этим. В свете утверждения диакона о том, что персонажи романа только лишенные самостоятельности «тени» (см. тезис 8.21), завершающие слова Воланда: «**Передай, что будет сделано**», – выглядят совершенно абсурдно. Точнее наоборот, абсурдно выглядят утверждения Кураева. Кому передать? – Созданному по воле Воланда призраку? Полный *absurdum*.

10.2. <...> русские интеллигенты без православия остаются бездомными в русской культуре

По Кураеву Лев Толстой, сознательно отказавшийся от православия, является «**бездомным в русской культуре**». Бездомны для него и зачарованные Гималаями Рерихи и католик Шнитке. Не все ясно и с Пушкиным, уж больно кощунственна его «Гавриилада», где Дева Мария сокрушается: «**Досталась я в один и тот же день // Лукавому, архангелу и богу**»⁶⁰⁴. «Бездомен» и вовремя ушедший, по мнению Кураева⁶⁰⁵, отец Александр Мень. По мнению диакона «**домным**» в русской культуре видимо является только он сам да еще, быть может, Иоанн Кронштадтский. А вот Михаил Булгаков считал иначе⁶⁰⁶: «**Совершенно убежден, что каждая строка Льва**

⁶⁰³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 687.

⁶⁰⁴ Пушкин А. С. Гавриилада. ПСС: В 10 т. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 153.

⁶⁰⁵ Кураев А., диакон. Оккультизм в православии: Александр Мень: потерявшийся миссионер.

⁶⁰⁶ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 239.

Николаевича – настоящее чудо. И пройдет еще пятьдесят лет, сто, пятьсот, а все равно Толстого люди будут воспринимать как чудо!» Как будут воспринимать через 500 лет Кураева, я скромно промолчу. Мало ли их было религиозных фанатиков, и где теперь они и их сочинения? Только кураевы их и перечитывают.

10.3. Так что если в романе Мастера излагается философия Толстого, то от себя Воланд излагает философию Блаватской-Рерихов.

Но Левий вполне справедливо называет эти построения софистикой. Ведь он называет Воланда «повелителем теней» в смысле мистическом («владыка призраков и демонов»). Воланд же опровергает тезис Левия, понимая слово тень в смысле физическом.

По схоластической логике диакона получается, что медиумичное порождение Воланда и Мастера не только знает толк в мистике, но еще и может поучить ей Воланда. Свежо предание, а верится с трудом.

Общий характер беседы не оставляет сомнений, что Воланд просто опускается до уровня туповатого Левия, и в доступных тому выражениях разъясняет, что Свет и Тьма дополняют друг друга и одно без другого было бы неполно и неполноценно; нет добра без зла, как нет света без тени. Впрочем, и недалеко ушедший от Левия Кураев также говорит с Булгаковым на разных языках, понимая фразу «**рукописи не горят**» буквально, в смысле физическом (см. [тезис 7.2](#)), а не в переносном (Булгаков имел в виду, что раз написанное уже невозможно изгнать из памяти).

Кстати интересный штрих, сам Левий, видимо, не отбрасывает тени, иначе Воланд не преминул бы обыграть слова Левия о тенях на его собственной тени.

10.4. Добро первично и самодостаточно. С онтологической точки зрения оно имеет опору в Боге, а не в сатане. С гносеологической же точки зрения добро обладает достаточной силой убедительности для человеческой совести, чтобы не нуждаться в помощи и рекомендациях зла.

Усвоенную в детстве материалистическую истину: «**Материя первична, сознание вторично**», – Кураев механистически (фундамент невынимаем) переносит на понятия добра и зла. А ведь если бы он внимательно вчитался в начало Библии, то мог бы заметить, что ни добро, ни свет не были первичны и самодостаточны. Вопреки утверждениям Кураева, только в процессе акта творения Бог создал свет и отделил его от **изначальной тьмы**, и зафиксировал неразделимость добра и зла:

«В начале сотворил Бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: **да будет свет**. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и **отделил Бог свет от тьмы**» (Быт. 1:1-4);

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и **дерево познания добра и зла**» (Быт. 2:9).

По диакону получается, что возможно существование добра без зла. Но добро заключается именно в «не совершении зла»! Если вообразить мир, в котором зла нет, и злое деяние принципиально **не совершаемо**, то что истинно доброго в любом деянии в этом мире? Разве травоядные питаются травой от доброты, а хищники – мясом от злобы? Как справедливо заметил Экзюпери⁶⁰⁷: «Что такое алмаз, если нет твердой породы, которую нужно преодолеть, чтобы до него добраться? Что такое клинок, если нет врагов? Что такое возвращение, если нет отсутствия? Что такое верность, если нет соблазна? Торжество добра – это торжество покорных волов вокруг кормушки. Я не жду ничего хорошего от оседлых и перекормленных».

Если «**Добро первично и самодостаточно**», то почему Бог допустил в мире зло и увековечил его деревом познания добра и зла? Известно, что Господь запретил Адаму и Еве «**есть <...> от дерева познания добра и зла**» (Быт. 2:16,17), следовательно, изначально они не знали ни добра, ни зла. Полакомившись запретным плодом, Адам и Ева были страшно наказаны, получается, что

⁶⁰⁷ Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. – Рига: Полярис, 1997, с. 290.

они, не зная зла, умудрились совершить страшное зло, что опять же противоречит утверждению Кураева о первичности и самодостаточности добра. Заметим, что это наказание было явно несправедливым, ибо не понимали Адам и Ева, что творят, находясь вне нравственных категорий. Так и дети малые часто ни злы, ни добры, так как поступая хоть хорошо, хоть плохо с нашей точки зрения, собственной нравственной оценки еще не имеют и понятия добра и зла у них еще не сформированы. Странно, что в этом же состоянии умудряется находиться и диакон Кураев, что с онтологической точки зрения в его возрасте совершенно противоестественно, с гносеологической же более чем подозрительно.

10.5. Воланду такое любящее само-ограничение Света непонятно: «Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?». И потому он себя предлагает в качестве внешнего «регулятора», умеряющего свет.

Но напрасно Воланд приписывает Свету желание уничтожить все то, что не является Богом. Ненависть к жизни – свойство не Бога, а Воланда. Мир тварной, небожественной жизни создан Богом, а отнюдь не сатаной. И Бог не уничтожает Свое создание.

В романе нет ни строчки о ненависти Воланда к жизни. Наоборот, он проявляет к ней живейший интерес. А что касается того, что «Бог не уничтожает Свое создание», то вспомним хотя бы всемирный потоп. В сущности это был первый в мире массовый геноцид. Возможно, люди и провинились тогда перед Ним, но звери... В чем их то вина? Нравственно ли было так жестоко и бездушно поступить с бессловесными тварями, не могущими даже слова сказать в свою защиту?

Ни одно цивилизованное общество не позволяет себе казнить беременных женщин и детей, а во время потопа погибли и первые и вторые. И ведь как Всемогущий, Он мог бы мгновенно и безболезненно ликвидировать ненужные ему проявления жизни, но нет, Он выбрал наиболее злодейский, изуверский и мучительный способ умерщвления всего живого через утопление: «Вспомните о бесчисленном множестве младенцев и маленьких ребятишек – они не причинили ему никакого зла, что он отлично знал, но их близкие его оскорбили, и это было для него достаточно: он смотрел, как вода поднимается к их кричащим ротикам, он видел безумный ужас в их глазенках, он видел отчаянную муку и мольбу на лицах их матерей, которая тронула бы любое сердце, но только не его, поскольку он специально охотился на невинных. И он хладнокровно утопил всех этих бедных крошек»⁶⁰⁸.

Что скажем мы об Отце, забившем насмерть своих неразумных детей? Думаю то же, что и Марк Твен⁶⁰⁹:

«Мы, не краснея, называем нашего бога источником милосердия, хотя отлично знаем, что во всей его истории не найдется ни одного случая, когда он на самом деле проявил бы милосердие. Мы называем его источником нравственности, хотя его история и его повседневное поведение, о котором нам свидетельствуют наши собственные чувства, неопровержимо доказывают, что он абсолютно лишен даже какого-либо подобия нравственности или морали. Мы называем его Отцом, и при этом не в насмешку, хотя мы прониклись бы ненавистью и отвращением к любому земному отцу, если бы он подверг своего ребенка хотя бы тысячной доле тех страданий, горестей и жестоких бед, на которые наш бог обрекает своих детей каждый день, на которые он обрекал их ежедневно в течение всех столетий, прошедших с той минуты, когда свершилось это великое преступление – когда был сотворен Адам»;

«С тончайшим сарказмом мы облагораживаем бога званием отца – и все же мы отлично знаем, что, попадись нам в руки отец в его духе, мы немедленно его повесим».

Парадоксальна людская логика, как заметил Жан Ростан: «Кто убивает человека, тот – убийца. Кто убивает миллионы людей, тот – победитель. Кто убивает всех, тот – Бог»⁶¹⁰.

Что есть человек против Бога, как не дитя малое? Но и с детьми у Него разговор короткий. Вспомним славные деяния пророка Елисея (4-я Цар. 2):

⁶⁰⁸ Твен М. Письма с Земли. Письмо десятое // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 130.

⁶⁰⁹ Твен М. Размышления о религии // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 277, 295.

⁶¹⁰ Жан Ростан. Размышления биолога. – <http://citaty.info/page.php?id=46>

«23 И пошел он оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый!

24 Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка.

25 Отсюда пошел он на гору Кармил, а оттуда возвратился в Самарию».

Конечно, кто Ветхий Завет помянет, тому глаз вон, но кто забудет, – оба. Спаси нас Бог от такой божественной любви. Как пишет сам же Кураев: «Без Христа Ветхий Завет – едва ли не самая страшная книга в религиозной истории человечества»⁶¹¹.

Мыслимо ли вообразить подобные «подвиги» со стороны булгаковского Воланда и его свиты?⁶¹² На их совести в романе только смерть наушника и шпиона барона Майгеля, современного аналога Иуды древних глав романа. Правда Воланд не попытался предотвратить смерть Берлиоза, но это греховно только по нашим земным меркам, а для Воланда это нормальный ход событий, не требующий его вмешательства, ведь на земле от несчастных случаев ежесекундно гибнут тысячи людей. Да и собственно говоря, Берлиоз, как и впоследствии буфетчик, получил от Воланда полное предсказание своей грядущей гибели, и не вина Воланда, что, невзирая на его слова, Берлиоз решил озаботиться не собственными делами, а чужими. Как говорит в черновых редакциях сам Булгаков устами Ивана Бездомного: «<...> знать вперед хотя бы и о смерти, это далеко не значит эту смерть причинить!»⁶¹³ Честно говоря, единственно, что не красит Воланда и его свиту, это эпизод с несчастным конференсье. Но, во-первых, тут, как и в разгроме Маргаритой квартиры Латунского, прежде всего, явно проявилась авторская воля самого Булгакова. Во-вторых, голову вернули на место без какого-либо физического ущерба, в отличие от разорванных на части, обглоданных, полуобъеденных детей, растерзанных медведицами во славу Господню...

Воланд вовсе не жесток и совершенно не питает ненависти к людям. Наоборот, ему не чужды проявления чувств, – он явно симпатизирует Маргарите и потрясен силой ее любви. Но одного важного чувства он лишен начисто, – милосердия. Воланда интересует только беспристрастная справедливость, абстрактного милосердия он лишен. Надо сказать, что в этом отношении он полностью соответствует недавним понятиям о христианском боге, якобы вечно мучающем грешников в аду. Фрида вполне заслуженно обречена на мучения. Она слишком жестоко обошлась со своим ребенком. Можно понять трагедию ее ситуации и проявить милосердие, однако справедливость-то требует совсем другого – наказания. Но, подчеркнем, наказание Фриды – это мучения духа, а не тела! Никто ее не жарит на сковородке и не варит в кипящей смоле, как в старом, наивном христианском аду. Сегодня богословами разработаны и активно продвигаются в сознание верующих иные, более прогрессивные «духовные» концепции этого ада, но не будем забывать полный вариант известной пословицы: «Кто старое помянет, – тому глаз вон. А кто забудет, – оба». Именно вечность наказания грешников, в число которых а priori были включены инаковерующие и просто неверующие, и отвратила Ч. Дарвина от христианского учения и подвигла его на следующую оценку христианства: «Отвратительное учение!»⁶¹⁴.

⁶¹¹ Кураев А., диакон. Как делают антисемитом, 2-е доп. изд.

⁶¹² «Я расскажу вам очень милую и, пожалуй, даже трогательную историю. На некоего человека снизошла благодать, и он спросил священника, как ему надлежит жить, чтобы не посрамить своей веры. Священник сказал: «Подражай нашему Отцу Небесному, учись быть таким, как он». Этот человек досконально изучил Библию, а затем, помолившись, чтобы бог наставил его, принялся ему подражать. Он устроил так, чтобы его жена упала с лестницы, сломала спину и до конца жизни не могла больше пошевелить ни рукой, ни ногой; он предал своего брата в руки афериста, который ограбил его и довел до богадельни; одного своего сына он заразил анкилостомами, другого – сонной болезнью, а третьего – гонореей; одну дочку он облагодетельствовал скарлатиной, и она с малых лет осталась слепоглухонемой; а потом помог какому-то проходивцу соблазнить вторую свою дочь и выгнал ее из дома, так что она умерла в борделе, проклиная его. Затем он поведал обо всем этом священнику, который сказал, что так Отцу Небесному не подражают. Когда же благочестивый труженик спросил, в чем его ошибка, священник переменял тему и поинтересовался, какова погода на их улице» [Твен М. Письма с Земли. Письмо седьмое // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 118].

⁶¹³ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 148.

⁶¹⁴ Дарвин Ч. Сочинения: В 9 т. Т. 9. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Религиозные взгляды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 205.

Воланд не добрый ангел спаситель отчаявшихся и заблудших душ. Его поведение по отношению к людям, за редкими исключениями, скорее можно сравнить с отношением ученого-экспериментатора к подопытным животным. Вспомним сеанс в Варьете. На форуме булгаковской энциклопедии по данному поводу задали резонный вопрос: «<...> эти женщины, которые голыми разбегались из театра-варьете. Когда они разбегались, было весело. А вот когда они возвращались домой, было уже не весело! Как их дома встретили? У многих ведь дети были. Детям какво, когда мама голая вернулась из театра? И соседи заметили. И теперь сплетен полон дом. На улице не покажись. До работы сплетни наверное доберутся. Кто-то в театре без мужа был, с подругой. И как муж встретил? Развод или череда скандалов? Может и то, и другое? Как им дальше жить? И в чём же они провинились? Очень хотелось красивое платье. Ключули на наживку старинного Искусителя. Конечно, не ключули бы на наживку – не попались бы на крючок, ничего бы с ними не смог сделать Воланд. Но как было устоять перед такими нарядами? Не слишком ли жестоко с ними обошлись?»

Да, жестоко, и даже слишком, хотя я уверен, не каждый, хранящий милосердие в своем сердце, читая, задумался об этом. Так что же говорить о лишенных милосердия? – Отсутствие милосердия страшная вещь. Но его отсутствие необходимо не только Воланду, воздающему людям по грехам их. Оно нужно и ученым, хладнокровно режущим, заражающим и мучающим животных не только во имя создания новых методов лечения людских болезней, но и в не меньшей степени ради развития самой науки познания структуры живого. Конечно, можно сказать, что в данном случае милосердие к людям побеждает милосердие к животным, но с такой логикой нетрудно рассудить, что и Воланд в Варьете исследовал людскую психику ради неведомой нам благой цели, а не просто из любопытства.

10.6. Свет и радость – синонимы в мистике. Поэтому мрачность Левия означает, что он никак не есть вестник Света. Не из Рая Христова он исшел, а из болящего сознания Мастера...

Скорее всего, Левий помрачнел при виде не любимого им Сатаны. Неужели Кураев на его месте приветствовал бы Сатану с радостным выражением лица?

А может быть дело и в том, что Свет оказался слишком уж ярким даже для недалекого Левия, – уши начали болеть от псалмов, вот взор и омрачился. Как говорится, – за что боролись, на то и напоролись. Но такие простые гипотезы в «**болящее сознание**» диакона не приходят. Он даже забыл, что по его собственным словам, мрачность и печальная интонация Левия свидетельствуют о том, что он принес приговор Мастеру ([тезис 8.17](#)). Здесь диакону выгодно другое, и он вдохновенно перетолковывает слова Булгакова в очередном нужном ему смысле. А ведь не только Левий, но и все вестники Иешуа во всех редакциях имеют мрачный вид, темную одежду и печальное лицо (см. [тезис 8.22](#)). Следовательно, «**болящее сознание Мастера**» не имеет к ним никакого отношения. От того то и наградил Булгаков своего героя покоем, что возможно не так уж и сладко живется в Небесном Ершалаиме. Легко ли с утра до вечера каждый день псалмы распевать? Всеобщее и вечное постоянное ликование знаете тоже утомляет...

Резюме 10. Воланд и Левий говорят на разных языках. Называя Левия рабом, Воланд имеет в виду не прислуживание Иешуа со стороны Левия, а именно рабскую, по мнению Воланда, сущность философии Левия, отрицающей неразделимость понятий добра и зла, зафиксированную даже в Библии: «**И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и **дерево познания добра и зла****».

Воланд равно лишен как восторженного, так и приписываемого ему Кураевым ненавистного отношения к жизни. К людям он относится скептически и рот его кривится в вечной усмешке, но жизнь он принимает такой, как она есть, со всем ее достоинствами и недостатками.

11. Кураев. ЕСТЬ ЛИ ЗАЩИТА ОТ ВОЛАНДА?

*Горе! малый я не сильный!
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем!*

А. С. Пушкин⁶¹⁵

Кураев настойчиво пугает читателей своим толкованием образа Воланда, упрямо игнорируя все факты, свидетельствующие о том, что Воланд не имеет ничего общего с каноническим врагом рода человеческого, – христианским сатаной, – порождением болящего сознания верующих. Учитывая отказ Булгакова от православия и его крайне уважительное отношение ко Льву Толстому, очевидно, что писатель разделял и мнение Толстого, что никакого христианского дьявола в природе не существует вовсе: **«Дьяволом называется голос плоти, говорящий в том же Иисусе»**, – утверждал Толстой⁶¹⁶. Таким образом, булгаковский Сатана не мерзкий христианский враг рода человеческого, искушающий его и пакостящий ему на каждом шагу, а представитель высших мировых сил, возглавляющий одно из существующих мировых **«ведомств»**. Но мир без дьявола в его привычном христианском толковании пугает Кураева, и он вновь и вновь тщится привнести дьявольское начало в мир, полагая, что к Богу людей без дьявола не загонишь...

11.1. Воланд, конечно, не считает свои силы ограниченными. Но есть в романе две сцены, которые показывают, что и у него есть некий весьма могущественный противник.

Первый эпизод: буфетчик выходит из проклятой квартиры, где он требовал настоящих денег вместо фальшивых. «Голове его почему-то было неудобно и слишком тепло в шляпе; он снял ее и, подпрыгнув от страха, тихо вскрикнул. В руках у него был бархатный берет с петушьим потрепанным пером. Буфетчик перекрестился. В то же мгновение берет мякнул, превратился в черного котенка и, вскочив обратно на голову Андрею Фокичу, всеми когтями вцепился в его лысину. Испустив крик отчаяния, буфетчик кинулся бежать вниз, а котенок свалился с головы и брызнул вверх по лестнице».

Невелико же могущество таинственного противника. Мало было на спину буфетчика приключений, так еще добавили: изодрали когтями всю лысину, и заставили издать крик отчаяния. Хороша защита, нечего сказать. Впрочем, никакой защиты и нет, перед нами обычная шутка свиты Воланда, так же, как и обратное превращение нарядов, духов и червонцев. Ведь даже у Золушки карета обратно в тыкву без всякого крестного знамения превращалась.

Обратите внимание, как тонко и умно высмеивает Булгаков наивную веру религиозных образованцев в охрнительную охранительную силу крестного знамения⁶¹⁷:

«Отчаянный крик. Мяуканье кошки. Шажки быстрые, дробные, вниз, вниз, вниз!

<...> Крестьясь и что-то бормоча, пролетел печальный человек, без шляпы, с совершенно безумным лицом, исцарапанной лысиной и в совершенно мокрых штанах. Он начал рвать за ручку выходную дверь, в страхе не соображая, куда она открывается – наружу или внутрь, – наконец совладал с нею и вылетел на солнце во двор».

Вот, что крест животворящий делает! Как говорится: «Вы все еще хотите перекреститься? Тогда мы идем к вам!»

Кстати в черновых редакциях подобные превращения совершаются и без помощи животворящего креста, например, две колоды карт без всякого перекрещивания превращаются в **«два блина»**, а затем, когда их кидают в печку, в **«маленького симпатичного щенка»**⁶¹⁸. И

⁶¹⁵ Пушкин А. С. Вурдалак. Из цикла «Песни западных славян». ПСС: В 10 т. Т. 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 308.

⁶¹⁶ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich

⁶¹⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 530.

⁶¹⁸ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 34.

превращения денег и исчезновение одежды после сеанса в Варьете также никак не связаны с крестным знаменем. Все эти превращения объясняются всего лишь недолговечностью наложенных чар.

11.2. Буфетчик вообще «богобоязнен»: его покорило от того, что стол в комнате Воланда был покрыт церковной парчой, от Аннушки он отстраняется словами «оставь, Христа ради» и сбегает по лестнице, крестясь. Свою жизнь он доживает уже вне буфетного мухлеза (тем более странно, что в фильме В. Бортко буфетчик ни разу не крестится).

Более странно то, что дальше Кураев пишет: «единственным положительным персонажем оказывался Никанор Босой». Но оказывается есть еще один положительный персонаж! Не важно, что он сволочь и осетрина у него второй свежести, зато он «богобоязнен», и от Воланда его «коробит», – значит «наш». Это кураевское правило отличия «своего» от «чужого» оспорить невозможно, действительно в романе все подонки богобоязненны. И в этом истинное отношение Булгакова к внешней религиозности подобных святош. Вспомним характеристику богобоязненного буфетчика в черновиках⁶¹⁹: «Если ему приходилось платить восемь копеек в трамвае, он **вдыхал так, что на него оборачивались**». А чего стоит характеристика его «мужественного» возвращения за шляпой? – «**Поборов усилием жадности** страх, буфетчик нажал кнопку <...>»⁶²⁰.

11.3. Второй эпизод – когда Азazelло уносит души Мастера и Маргариты на конях-призраках (фестралах). «Трое черных коней храпели у сарая... Маргарита вскочила первая, за нею Азazelло, последним мастер. Кухарка, застонав, хотела поднять руку для крестного знамения, но Азazelло грозно закричал с седла: – Отрежу руку! – он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу».

Как видим, крестное знамение крайне неприятно для воландовской нечисти. <...> Ведь если верить Воланду (и атеистической пропаганде), то на кресте был распят просто философствующий неудачник. Бояться креста в таком случае не больше поводов, чем страшиться *изображения собак, когда-то растерзавших Гераклита* или пугаться *рисунка чаши, из которой испил свою смерть Сократ*.

Фестралы, как я понимаю, упомянуты для засвидетельствования эрудиции? Приятно видеть, что Кураев успевае читать не только духовную литературу, но и книги о Гарри Поттере. Как говорится, наш фестрал везде поспел. Одногo диакон не учел: «**Фестралы – целиком плод фантазии Роулинг и нигде ранее эти существа не упоминаются**»⁶²¹. Поскольку Булгаков не читал произведений Роулинг, то фестралов в его романе быть не может. Кроме того, фестралы не «кони-призраки», а «огромные **крылатые кони**», которые «невидимы для тех, кто не видел смерти» и неумоимо «**движутся по воздуху с волшебной быстротой**». Поскольку у коней Азazelло никаких крыльев в романе не отмечено, то они, несомненно, не фестралы, тем более что и «**волшебной быстротой**» и неумоимостью они также не обладают: «**Волшебные черные кони и те утомились** и несли своих всадников **медленно...**»⁶²².

Но как же, в отличие от фестралов, летят без крыльев булгаковские кони, спросит иной? Ясен пень, неведомой силой, – отвечу я. В посмертии ею наделены не только кони, но и главные герои романа: «**Мастер и Маргарита соскочили с седел и полетели, мелькая, как водяные тени, через клинический сад**»⁶²³.

Вернемся к пародийному эпизоду с крестным знаменем. Несомненно, что никакую руку Азazelло бы отрезать кухарке не стал, поскольку в романе крестное знамение малейшего вредного воздействия на свиту Воланда не оказывает и никакой охранительной силой не обладает. При любом перекрещивании нечистой силы в романе незамедлительно следует

⁶¹⁹ Там же, с. 26.

⁶²⁰ Там же, с. 30.

⁶²¹ Волшебные кони: Фестрал и Кошмар – <http://www.grimmauldplace.ru/index.php?dan=164>

⁶²² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 704.

⁶²³ Там же, с. 699.

пародийное наказание, – вспомните котенка, впившегося когтями в темя буфетчика! Булгаков тонко высмеивает наивную веру в силу крестного знамения. Чтобы убедиться в ироничном отношении Булгакова к крестному знаменю в романе «Мастер и Маргарита», обратимся к ранним редакциям романа, в которых эта ирония выражена с предельной откровенностью⁶²⁴:

«Мужик **остолбенел**, увидевши автомобили с пассажирами. Занес руку ко лбу.

«Только перекрестись! – каркнул грач, – я тебе – перекрещусь!»

В машине **заулюлюкали**.

Грач заорал:

– Держи его!

Мужик, **прыгая как заяц**, кинулся, очевидно, **обезумев**, не разбирая дороги, и слышно было, как **влетел в реку**.

В машинах **разразились хохотом...**»

Да, жестко⁶²⁵. Жаль наивного мужика, поверившего в сказки о силе крестного знамения. Хотя диакон и тут ничтоже сумняшеся может начать нас уверять, что это все де тончайший гениальный тактический ход Булгакова, – пробудить интерес читателя к крестному знаменю через жалость к мужику, «и тем **посрамить дьявола**»⁶²⁶. В окончательную редакцию данный эпизод не вошел, видимо, в силу некоторой излишней резкости, неотличимой для читателя от прямого пошлого глумления, но в смягченном виде отразился в эпизоде с кухаркой и Азazelло.

Как наивное суеверие показана вера в магическую силу крестного знамения и в других произведениях Булгакова. Например, в пьесе «Иван Васильевич»⁶²⁷ царь дважды крестит дверь: в первый раз прекращается стук в дверь, а во второй – пропадает голос за ней. В результате, Иоанн восклицает знаменитое: «**Что крест животворящий делает!**» В данном случае Булгаков следует традиции заложенной еще «Фаустом» Гете, в котором сквозит ирония над наивной верой обывателей в магическую силу подобных «**оберегов**»⁶²⁸.

11.4. Так отчего же *образ* креста, крестное знамение так страшит сатанистов? Значит, последствия Распятия – нечто гораздо большее, нежели прогулка «молодого человека» с Понтием Пилатом по дорожке лунного света... И распят был на том Кресте, наверно, не просто «молодой человек».

Как мы показали выше, образ креста совсем не страшен для свиты Воланда, да и крестное знамение не так уж болезненно для его любителей, ведь шрам на лысине украшение мужчины (возможно и кухарка украсилась подходящим шрамом, с размаху сев на пятую точку). А что касается внешней неприязни сил тьмы к крестному знаменю, то ответ мы можем найти у самого Кураева (см. [тезис 8.13](#)): «Если не знать этих языческих верований в статуи как место обитания божеств и как источник магических воздействий на человека, то будет непонятно то дерзновение, с которым христиане врывались в языческие храмы и разрушали статуи. С точки зрения «светской» это поведение кажется варварством, разрушением памятников искусства «церковными мракобесами». Но христиане видели в этих статуях именно то, что видели в них сами же язычники – не произведения искусства, а **колдовские талисманы...**» Вот эти то колдовские штучки с наведением христианской магической порчи и не одобряются свитой Воланда.

11.5. Кстати, во всем тексте романа Мастера ни разу не употребляются слова «крест» и «распятие».

⁶²⁴ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 169.

⁶²⁵ Вот так бы наверно заскакал со своими инсинуациями и сам Кураев, доведись ему встретиться с Булгаковым в реальной жизни.

⁶²⁶ Повторяющийся рефрен в словах отшельника в спектакле Исидора Штока «Чертова мельница».

⁶²⁷ Булгаков М. А. Иван Васильевич. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 343.

⁶²⁸ Комментируя сцену, в которой Мефистофель утверждает, что не может выйти из комнаты Фауста, поскольку путь ему преграждает знак пентаграмма (вписанная в круг наша родная звезда, углы которой символизируют пять ран Иисуса и пять букв его имени), А. Аникст пишет: «**Беседа о пентаграмме приобретает иронический характер; Гете путем насмешки дает знать читателю, что не следует слишком серьезно относиться к чертовщине, введенной в произведение**» [Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 651].

Это вполне естественно, ибо сакральное значение эти слова приобрели только века спустя, после широкого распространения христианства. Тем не менее, внимательный читатель, в отличие от Кураева, несомненно, обратит внимание на «тень» креста в романе. Так, например, как отмечает В. Лосев, кошель Иуды с запиской убийцы не случайно именно «перекрестили»⁶²⁹ веревкой.

11.6. И еще говорящая деталь: когда Воланд осматривает Москву с крыши дома Пашкова, «Его длинная широкая шпага была воткнута между двумя рассекшимися плитами террасы вертикально, так что получились солнечные часы. Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны».

Эта подробность непонятна без знакомства с либретто оперы Шарля Гуно «Фауст» <...> Тут Валентин и его друзья обращают свои шпаги острием вниз, а, значит, крестообразными рукоятками – вверх. И так, зажав в руках шпаги, которым они придали значение Креста, они наступают на Мефистофеля. Тот судорожно корчится, будучи не в состоянии выносить вида креста <...> Но в Москве Храма Христа нет. Кресты снесены. Осталась лишь тень от креста. Тень не может бороться с «повелителем теней»; она покорно «подползает к туфлям»».

В данном случае говорящая деталь красноречиво свидетельствует только об одном: тезис о крестообразности эфеса шпаги Воланда, как и большинство других тезисов, прилежно списан диаконом у Баркова и после легкого религиозного полупережевывания вновь предложен читателям в несколько иной форме.

Изучение Кураевым либретто опер, несомненно, расширяет его кругозор, но в данном случае ему полезней было бы лично «к оперу заглянуть». Тогда диакон мог бы обратить внимание на то, что каждому воинству положено свое оружие: **у Сатаны не может быть шпаги с крестообразной рукоятью**⁶³⁰.

Замечу, что у не являвшегося христианином и не страдавшего излишней набожностью Гете тронувшая Кураева до глубины души сцена со шпагами отсутствует единственно по причине ее очевидной нелепости. Как может Мефистофель свободно и непринужденно общающийся с самим Богом вдруг корчиться при виде креста? Вот они плоды внедрения религии в искусство: дать Кураеву возможность, так он еще более нелепые, чем у Гуно, душеспасительные сцены для либретто оперы «Мастер и Маргарита» наваяет, заставив корчиться и Воланда и его свиту.

И что это за суеверие насчет повелителя теней? Неужели православная Церковь серьезно разделяет материальные объекты и их тени и полагает, что последние относятся к исключительной компетенции Дьявола? Лично мне о таком мракобесии слышать не приходилось. Титул «повелитель теней» не более чем эмоциональный эпитет. Так именование «светлейший» отнюдь не означает, что от носящего его расходится «сияние лучистое, подобно тому, как расходятся частные суммы гармонического ряда»⁶³¹.

11.7. Булгаков демонстрирует хорошее знание церковного богословия <...>

А Кураев, к сожалению, демонстрирует пустое красноречие и неумное воображение вместо знания реальной жизни. Занимательны его разъяснения, широка эрудиция и развито

⁶²⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 643.

⁶³⁰ «Во-первых, нам неизвестно, с крестообразной ли рукоятью шпага у Воланда – эта деталь в романе не описана. Во-вторых, более того, **крестообразной рукоять у шпаги сатаны быть не должна! В классических постановках оперы это учитывалось** – эфес шпаги всегда был выгнутым. В. Теляковский в книге «Мой сослуживец Шаляпин» пишет: «Первое, что Поссарт [Эрнст Поссарт (1841 – 1921), немецкий актер, режиссер, театральный деятель] заметил, это, что у Шаляпина неправильный костюм, ибо шпага будто бы имеет эфес в виде креста, между тем это был не крест, а змея в виде буквы «S». Поссарт мне объяснял, что Мефистофель должен креста бояться, я его уверил, что это и мы, русские, знаем» (7, стр.212). Таким образом, вряд ли Булгаков подразумевал наличие крестообразной рукояти у шпаги Воланда». – *Евгения Душацкая*. При шпаге я, и шляпа с пером... – <http://www.bulgakov.ru/manuscripts/tesa.doc>

⁶³¹ Как три вектора один детерминант в нуль обратили // Физики продолжают шутить. – М.: Мир, 1968, с. 314.

воображение, но «говорящие детали» он находит не в романе Булгакова, а создает в собственном сознании.

11.8. Этот намек Булгаков и делает упоминанием о реакции нечистой силы на крестное знамение. Эти детали тем более выразительны, что в окончательном тексте романа церковная тематика полностью отсутствует. Крестное знамение, да иконка, за которой прячется Иван Бездомный – вот и все признаки существования Церкви в булгаковской Москве. Но *sapienti – sat*.

Да, *sapienti sat*. Именно полное отсутствие церковной тематики очень выразительно доказывает полное равнодушие Булгакова к Церкви. Рассуждения же Кураева поразительно напоминают логику Короля и Белого Кролика в «Алисе в стране Чудес» в сцене суда над Валетом⁶³²:

– Почерк обвиняемого? – спросил другой присяжный.

– Нет, – ответил Белый Кролик. – И это всего подозрительней.

(Присяжные растерялись).

– Значит подделал почерк, – заметил Король.

(Присяжные просветлели).

– С позволения Вашего Величества, – сказал Валет, – я этого письма не писал, и они этого не докажут. Там нет подписи.

– Тем хуже, – сказал Король. – Значит, ты что-то дурное задумал, а не то подписался бы, как все честные люди.

Вот квинтэссенция всей логики диакона: в любой ситуации он ищет не логический смысл наблюдаемого, а его объяснение с точки зрения навязываемой им «кочки» зрения.

11.9. Да, и еще об одном Воланд проговаривается: у него нет власти над философом, доказавшим бытие Бога – Кантом: «Он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!». Тот, кто собирает на свой бал Калигулу и Мессалину и прочих негодяев всех веков, «никоим образом» не может потревожить Канта. Это не его «ведомство»...

Ни о чем подобном утверждению Кураева Воланд не проговаривается. Тот, кто собирает на свой бал не только негодяев, но и лучших прославленных музыкантов и композиторов всех веков, вполне может пригласить к себе и выдающихся философов. Но в данном случае Воланд говорит с Берлиозом и Иваном не об абстрактной возможности извлечения Канта из места его пребывания на бал, а именно о возможности извлечения его в обычную земную реальность для направления в Соловки: «<...> отправить его в Соловки невозможно»⁶³³. Точно так же невозможно отправить туда и Калигулу, и Мессалину, ибо их земной век так же окончен, а мир иной с земной реальностью в романе не пересекается. Как показывают черновые редакции, Воланд может извлечь из потустороннего мира любого, но только на свой бал, а не в обычную жизнь. Поэтому бал Воланда и происходит в ином измерении и недоступен зрению земных наблюдателей.

Отношение Воланда к Канту вполне уважительное, – даже вместе завтракали⁶³⁴. И по поводу места нахождения Канта в романе философствующий диакон явно заблуждается. Судя по всему, Кант награжден именно покоем. Неслучайно в ранних редакциях, и особенно в варианте 1936 г., Мастер наделен явным внешним сходством с Кантом (см. [тезис 18.21](#)). В окончательной редакции на это намекает белая коса Мастера после преобразования в последнем полете. Ну а покой, он на то и покой, чтобы никого из него насильно на балы не извлекать. Да и что там делать Канту? Он и по жизни был затворником. Несомненно, что и Мастеру и Маргарите на этих балах бывать не придется.

⁶³² Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. – М.: Наука, 1978, с. 95.

⁶³³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 341.

⁶³⁴ Там же, с. 341.

Заметим, что вопреки утверждениям диакона, Кант никогда не создавал доказательства бытия Бога. Наоборот, Кант все время оговаривает в своих выводах, что бытие Бога недоказуемо в сфере логики. При этом Кант действительно полагал, что **с моральной точки зрения** нужно жить так, будто бы Бог существует, и в нескольких работах у него приведены нравственные обоснования этой его позиции. Однако данные рассуждения Канта относятся к сфере морали, а не строгого научного доказательства и являются только **изложением его личной нравственной позиции и его собственного символа веры**. Подробнее мы на этом остановимся далее в разделе [20](#).

Резюме 11. Булгаков разделял мнение Толстого, что никакого христианского Дявола в природе не существует вовсе. Поэтому булгаковский Воланд не имеет ничего общего с каноническим христианским сатаной. Защита от такого Воланда приличным людям не нужна, а что касается неприличных, то их не спасет и крестное знамение, наивную веру в защитительную охранительную силу которого с издевкой высмеивает Булгаков. Не случайно все подонки в романе богобоязненны и постоянно крестятся. В этом проявилось крайне неприязненное отношение Булгакова к внешней, показной религиозности православных «образованцев». Любому перекрещиванию нечистой силы в романе незамедлительно сопутствует пародийное наказание, – в этом Булгаков следует традиции заложенной еще «Фаустом» Гете, в котором также сквозит ирония над наивной верой обывателей в магическую силу подобных «оберегов».

12. Кураев. ЕСТЬ ЛИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В РОМАНЕ?

*«Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи».*

А. С. Грибоедов⁶³⁵

«Дочитав до конца, она сказала:

– Достаньте тетрадочки и запишите: 1) чайки – интеллигенция, которая не знает, к кому ей примкнуть; 2) гагары – существа, боящиеся переворота, мещане; 3) волны – народные массы; 4) гром и молния – реакция, которая пытается заглушить голос народа; 5) пингвины – буржуазия; 6) Горький – буревестник революции. Записали? Положите ручки. Калижнюк, ответь нам: кто такие чайки?

Коля лениво выбрался из-за парты, подумал, побряхтел:

– Ну, они, эти, ну, которые культурные...

– Ты хочешь сказать – интеллигенция? Правильно, садись».

Илья Зверев «Второе Апреля»⁶³⁶

Единственными положительными персонажами романа согласно Кураеву являются пара усердно крестящихся подонков, выбранных им согласно немудреному принципу: **«Да он сукин сын, но он наш сукин сын»**. Ну что ж, каждый сам сдирает с себя коросту и выбирает с кем ему по пути.

12.1. <...> единственным положительным персонажем оказывался Никанор Босой. Его грехи не переезжали человеческие судьбы. Он взяточник, а не людоед, не доносчик и не палач. Он – единственный, кто признал наказание себе заслуженным: «– Бог истинный, бог всемогущий, – заговорил Никанор Иванович, – все видит, а мне туда и дорога. Господь меня наказует за скверну мою, – с чувством продолжал Никанор Иванович, то застегивая рубашку, то расстегивая, то крестясь, – брал!» Его покаяние осталось уникальным в романе по своей глубине и необратимости. Вот как это было в черновиках.

Как мы уже отмечали (см. [тезис 11.2](#)), совсем не случайно, что в романе все подонки богобоязненны. В этом проявилось отвращение Булгакова к внешней религиозности

⁶³⁵ Грибоедов А. С. Горе от ума // Русская классика. – М.: Эксмо, 2003, с. 239.

⁶³⁶ Зверев И. Ю. Второе апреля // Защитник Седов. – М.: Советский писатель, 1990, с. 364.

православных «образованцев». Странно, что такой «чуткий» в других ситуациях нос Кураева не чувствует предельной ироничности цитируемых им строк и того, что покаяние это только кажущееся: «<...> Босой раскаивается и отрекается от своего прошлого... но только во сне, <...> вернувшийся к исполнению прежних обязанностей и **оставшийся хапугой и грубияном** Никанор Иванович из своего сновидения вынес только необъяснимую ненависть к артисту Куролесову <...>»⁶³⁷.

Вот описание уникально и глубоко кающегося Никанора Ивановича в черновиках самой первой редакции 1928-1929 гг. (здесь он именуется Поротым):

«– Полон я скверны был, – мечтательно заговорил Поротый, строго и гордо, – людей и Бога обманывал, но с ложью не дорогами ходишь, а потом и споткнешься. В тюрьму сяду с фактическим наслаждением»;

«Шатаясь, с мертвыми глазами, налитыми темной кровью, Никанор Иванович Босой, член кружка «Безбожник», положил на себя крестное знамение и прохрипел:

– Никогда валюты в руках не держал, товарищи, Богом клянусь!

И тут супруга Босого, что уж ей попритчилось, кто ее знает, вдруг воскликнула: – Покайся, Иваныч!

Чаша страдания ни в чем не повинного Босого (он, действительно, никогда в руках не держал иностранной валюты) переполнилась, и он внезапно ударил свою супругу кулаком по лицу, отчего та разоряла битки по полу и взревела»⁶³⁸.

Да, Булгаков не мальчик и живописует лжепокаяние любимого героя отца Андрея весьма жестко. Я бы на месте Кураева так явно свою симпатию не афишировал, памятуя характеристику его любимца Булгаковым: **«страшный Босой»**⁶³⁹. «Скорее всего, первоначально Никанор Иванович Босой должен был быть фигурой более зловещей, – не только взяточником, но и **вымогателем и доносчиком**, возможно, игравшим по отношению к Мастеру ту же роль, которая в окончательном тексте досталась Алоизию Могарычу»⁶⁴⁰.

То, что любимого положительного героя-вымогателя Кураева Булгаков действительно ставил на одну доску с предателем и доносчиком Алоизием Могарычем подтверждается собственноручной надписью Булгакова на подаренной им 16 мая 1939 г. Елене Сергеевне фотографии: «Булгаков надписал жене фотографию, где он смотрит в невидимую зрителю даль, и лицо его нахмурено, жестковато и, пожалуй, мужественно-безнадежно: «Вот как может выглядеть человек, возившийся несколько лет с **Алоизием Могарычем, Никанором Ивановичем и прочими**. <...>»»⁶⁴¹. Впрочем, для Кураева доносительство действительно не такой уж и тяжкий грех, учитывая его собственную **«вынужденную»** работу осведомителем КГБ во время учебы в семинарии⁶⁴².

12.2. В 1933 году Булгаков (после ареста некоторых входящих в его дом людей) удалил из романа следующие слова, свидетельствующие о том, что Босой перестал быть комическим персонажем: «Вовсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был наслышан о них, нет, просто иным каким-то способом, кожей, что ли, Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком, – лишить свободы». Кстати, эта фраза о «кожном знании» объясняет фамилию персонажа – «Босой»...

От проповеди Кураева прямо слеза прошибает: «Посмотрите, ноги мои босы...». Но думаю, что диакону радоваться нужно, что вместе со столь дорогими его сердцу строками Булгаков

⁶³⁷ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 338.

⁶³⁸ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 24, 116.

⁶³⁹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 325.

⁶⁴⁰ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 390.

⁶⁴¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 461.

⁶⁴² Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

удалил и последующие строки, однозначно свидетельствующие о неприкрытой мерзости кураевского любимца⁶⁴³:

«Вовсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был наслышан о них, нет, просто иным каким-то способом, кожей, что ли, Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком, – лишить свободы.

Босой Никифор Иванович **был тупым человеком**, это пора признать. Он не был ни любопытен, ни любознателен. Он **не слушал музыки, не знал стихов**. Любил ли он политику? Нет, он терпеть не мог ее. Как относился он к людям? Он их **презирал и боялся**. Любил смешное? Нет. **Женщин?** Нет. Он **презирал их вдвойне**. Что-нибудь ненавидел? Нет. **Был жесток?** Вероятно. Когда, **при нем избивали**, скажем, **людей**, а это, как и каждому, Босому приходилось нередко видеть в своей однообразной жизни, **он улыбался**, полагая, что это нужно.

Лишь только паскудная в десять человеческих ростов стена придвинулась к глазам Босого, он **постарался вспомнить, что он любил. И ничего не вспомнил**, кроме клеенчатой скатерти на столе, а на этой клеенке тарелку, а на тарелке голландскую селедку и плавающий в мутной жиже лук <...>»

На форуме Булгаковского Дома-музея⁶⁴⁴ я повстречал виртуального Никанора Ивановича, магически вызванного волей Кураева из небытия, с помощью заклинаний его духа в рассматриваемой нами книге. Кураевский образованец с ходу поразил форум следующим заявлением: «Кстати, в эмигрантских кругах (а там его напечатали впервые уже вроде бы в 1940) роман всегда получал самые положительные рецензии именно как роман христианский». После непродолжительной дискуссии припертый к стене Никанор Иванович написал: «**Да не важно, ну ляпнул сдуру дату, не в этом дело, главное в том**, что воспитанная в православном духе эмиграция приняла роман потому, что правильно интерпретировала его. Это христианское произведение. А вот совки, все как один **невежественные** в религиозном отношении, словно Ваня Бездомный, нафантазировали себе черте-что».

Как видим, сквозь благообразную религиозную личину «вежественного» религиозного образованца явственно проступает именно внешне ненавидимый им совковый дух, утверждающий, что главное не понимание программы партии, то есть романа Булгакова, а правильное классовое, пардон религиозное чутье.

К сожалению, мне не удалось получить от новоявленного Босого ответ на мой прямой вопрос, действительно ли он так:

- туп;
- не любопытен;
- не любознателен;
- не слушает музыки;
- не знает стихов;
- не может терпеть политику;
- презирает и боится людей;
- не любит смешное;
- вдвойне презирает женщин;
- жесток;
- улыбается, когда при нем избивают людей;
- не любит ничего, кроме голландской селедки и плавающего в мутной жиже лука.

Не ответил виртуальный Босой и на риторический вопрос, Булгаков ли его оболгал, или же, вызывая дух Никанора Ивановича из небытия, ему солгал диакон Кураев. Возможно, это связано с тем, что, несмотря на все мастерство Кураева, его изделие оказалось не реальной реинкарнацией булгаковского персонажа, а только мастерски изготовленным терафимом – хоть и говорящей, но, по сути, мертвой головой.

Ярко выраженная любовь виртуального Никанора Ивановича к мистике и его мнение по поводу фильма: «<...> попытка уйти от мистики означает создать М&М автора Бортко. Но не Булгакова», – натолкнули меня на мысль проверить «на вшивость» самого говорящего. Получился очень забавный результат. Анаграмма ника «Никанор Иванович» дает фразу: «**Чаво на**

⁶⁴³ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 133.

⁶⁴⁴ [Религиозные мотивы в прозе МАБ – http://forum.dw3.ru/viewtopic.php?t=286](http://forum.dw3.ru/viewtopic.php?t=286)

кино ни ври». А полный вариант имени «Никанор Иванович Босой» дает фразу: «Но ни вой собачина криво». Итого, суммируя, получаем изумительный образец подлинной мистики: «Чаво на кино ни ври, но ни вой собачина криво!»⁶⁴⁵

Отрицательное отношение Булгакова к любимому персонажу Кураева объясняется очень просто: «Босой <...> – **один из ненавистной Булгакову категории чиновников. В 1921-1934 годах писатель был озабочен поисками жилья, и фигура домоуправа, «выжиги и плута», характерна для его творчества в целом <...>»**⁶⁴⁶

12.3. Впрочем, Иван ищет не встречи с Богом, не истины в Боге; он просто искал в Нем минутной защиты. <...> обращение Ивана было временным. Но – было. Подобное религиозное обращение может показаться карикатурным. Оно должно было казаться таковым цензором. Но слишком серьезные слова и мысли Булгаков вкладывает в эти эпизоды своих книг, и паяцы становятся чем-то живым и серьезным. Они как юродивые получают право вслух сказать то, чего говорить вообще-то нельзя...

Обращения Ивана к богу в романе нет ни в окончательной, ни в черновых редакциях. Есть только упоминание его сознания, когда от страшного потрясения смертью Берлиоза его от одной разновидности невежества шатнуло в другую. Просветление сознания Ивана и подлинное его «обращение» наступают только в больнице, в результате ночных бесед с Мастером. Это «обращение» заключается в отпадении Ивана от вбитой в него невежественной слепой нерассуждающей веры в наивные догмы вульгарного безбожия и понимания, что в мире есть нечто принципиально непознаваемое. Однако к религии «обращение» Ивана никакого отношения не имеет. Это обращение не к богу, а к разуму. К христианскому богу он обращался временно и карикатурно.

Раскаянье «живых и серьезных паяцев», – буфетчика и Никанора Босого, – изначально карикатурно и цензоры здесь не при чем. Если бы Булгаков относился к этим персонажам иначе, он бы донес их раскаянье до читателя. Как мы уже отмечали (см. [тезис 2.1](#)), Булгаков считал, что никакая цензура, «никакие переделки в произведении ни на йоту не изменяют его основного смысла и ничуть не ослабляют его нежелательное воздействие на зрителя» (естественно, если это произведение написано мастером).

12.4. Сначала – о возрасте. Прощание с Берлиозом происходит, когда Ивану было 23 года. Значит, он родился в канун Мировой войны, в школу до революции пойти не успел. Школьный его возраст приходился на годы революции, гражданской войны и разрухи. Все его образование – начально-советское (в смысле образование начальных лет соввласти, когда советская система образования еще не сложилась, а классическая система была уже разрушена).

Ну а теперь посчитаем и мы. Действие романа разворачивается в мае 1929 г. (см. [тезис 14.4](#)) Минус 23, – родился Иван в 1906 г. В школу пошел в 1913 г. До революции окончил 4 класса. Завершил образование уже в советское время, возможно в школе рабочей молодежи. Конечно, образование было хуже дореволюционного, однако не настолько как это утверждает Кураев, особенно в Москве. Собственно все невежество Ивана состояло в отсутствии дореволюционного общеклассического образования, в результате чего он оказался весьма невежествен в вопросах литературы и религии. Ручаюсь, что все это можно смело отнести к большинству выпускников современных школ, в том числе и к самому диакону Кураеву. И что же у них нет никаких перспектив в жизни? Конечно, есть, и не меньшие, чем у того же диакона.

12.5. Если в эпилоге Ивану 30 – значит, прошло всего семь лет. За семь лет пройти путь от невежественного поэта-атеиста до профессора – это из области тех чудес, которые

⁶⁴⁵ Я начинаю склоняться к мистической мысли, что каждая «вещь в себе» внутри своего же имени и содержит свою, недоступную для обычных методов человеческого познания, сущность (иногда просто «сучность»).

⁶⁴⁶ Мягков Б. Комментарии // Булгаков М. А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2.: Романы. – М.: РИПОЛ классик, 2004, с. 820.

Как бы Кураеву не хотелось омолодить в финале Ивана Понырева, ему вовсе не 30 лет. Булгаков описывает его возраст как «лет тридцати или тридцати с лишним»⁶⁴⁷, то есть 30-35 лет. Нет никаких оснований брать его возраст по нижней планке, в этом случае Булгаков прямо бы написал «лет тридцати». Следовательно, становление Ивана заняло примерно 10-12 лет. Срок вполне достаточный, особенно в те годы, когда в связи с нехваткой специалистов, карьерный рост мог быть очень стремителен. За 12 лет чего не сделаешь, можно и институт красной профессуры окончить.

Утверждение диакона, что Булгаков ненавидел Советскую Россию совершенно нелепо. Патологическую ненависть к ней самого Кураева я не оспариваю. Она более чем очевидна, – это примета всех новых «образованцев», перековавшихся из бывших совков. Когда такие люди бросают старую веру и переходят в новую, они не находят ничего лучшего, чем всячески оплевывать старое и демонстративно вытирать об него ноги. Но Булгаков то «образованцем» никогда не был и не перековывался! Поэтому он не плевал ни старое, ни новое. Ненавидеть Советскую Россию ему было столько же смысла, сколько и французскую революцию с ее не менее безобразным террором.

Любая революция безобразна, как и любое стихийное бедствие, но ненавидеть стихийные бедствия нет смысла. К ним можно только адаптироваться и научиться жить, не поддаваясь им. В душных для него условиях Советской России Булгаков сумел сохранить и культуру и нравственность о чем лучше всего свидетельствуют его произведения. Некоторые их читатели наивно восхищаются, что он «писал такие антисоветские произведения в то время», принимая за «антисоветскость» отсутствие в них политической заангажированности и открытое бичевание недостатков. Булгаков страстно желал скорейшего восстановления **нормальной** человеческой жизни и **порядка в своей** стране, но его желания не совмещались с действительностью. Как доказала история, они были просто принципиально несовместимы с советской властью. Но тогда это еще не было столь очевидно. Страна постепенно преодолевала хаос гражданской войны и переходила к новому порядку. В то время это создавало определенные надежды у интеллигенции, в массе своей положительно воспринявшей советскую власть. Но прежде, чем обвинять ее, вспомним, что не все так радужно было в царской России. Именно ее страшные язвы бичевал один из любимых писателей Булгакова Салтыков-Щедрин, поэтому не на пустом месте возникли революционные иллюзии у многих ее граждан. И не случайно в поэме Блока «Двенадцать» (январь 1918 г.) впереди двенадцати революционеров – апостолов новой жизни идет Иисус Христос»:

«... Так идут державным шагом –
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос»⁶⁴⁸.

Оснований для объявления произведений Булгакова антисоветскими, найдется не больше чем для объявления произведений Салтыкова-Щедрина антимоноархическими⁶⁴⁹. Оба писателя бичевали недостатки существующего строя, но при этом не ставили вопрос о его свержении.

⁶⁴⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 718.

⁶⁴⁸ Блок А. Двенадцать. – СПб.: Азбука-классика, 2006, с. 71.

⁶⁴⁹ Салтыков-Щедрин был глубоко разочарован результатами трех французских революций, и полагал, что чисто политические средства освобождения масс неприемлемы, так как подобные политические «новшества» (революции и перевороты) «заклучают в себе наибольшую сумму угроз», и лишь «перемещают центры власти, в ущерб или к выгоде немногих заинтересованных личностей, но без существенной пользы для масс. Напротив того, социальные новшества ежель и не влекут за собой прямого освобождения масс от удручающих мелочей, то представляют собой непрерывную подготовку к такому освобождению» [Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16: Кн. 2. – М.: Худож. Лит., 1974, с. 43].

Отношение писателя к советскому строю достаточно прозрачно отражено в семейном дневнике Булгаковых. В нем не отражено ни одно связанное с вопросами веры событие, ни один православный праздник, но для записей по поводу советских праздников и политических событий время и место всегда находятся. Например, в разные годы на годовщину Октябрьской революции Елена Сергеевна записывает⁶⁵⁰:

06.11.1933 «Преддверие октябрьского праздника»;

07.11.1935 «Проводила М. А. утром на демонстрацию. Потом рассказывал – видел Сталина на трибуне, в серой шинели, в фуражке»;

07.11.1938 «День прошел, как и все праздничные дни».

Согласитесь, такие записи не делаются в семьях диссидентов, и тем более ярких антисоветчиков, каким теперь пытаются представить Булгакова.

В начале двадцатых годов писатель сотрудничал с эмигрантским, сменовеховским журналом «Накануне», издающимся в Берлине. Вот строки из опубликованной в нем Булгаковым в период с 21.12.1922 по 01.03.1923 серии очерков под общим названием «Столица в блокноте»⁶⁵¹:

«Фридрихштрасской уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю, и даже больше того: по мере того как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что **«все образуется»** и **мы еще можем пожить довольно славно**.

Однако я далек от мысли, что Золотой Век уже наступил. Мне почему-то кажется, что наступит он не ранее, чем порядок, симптомы которого так ясно начали проступать в столь незначительных, казалось бы, явлениях, как все эти некурительные и неплевательные события, пустит окончательные корни. <...>

Москва – котел, в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди Дунк и неграмотных **рождается новый**, пронизывающий все углы бытия, **организационный скелет.** <...>

В порядке дайте нам опоры точку, и мы сдвинем шар земной».

Настоящие антисоветчики, публикуясь **за рубежом**, писали совсем другие слова.

Так же как и Горький в «Несвоевременных мыслях», Булгаков сумел более верно оценить отрицательные последствия распада Российского государства в самом первом своем печатном отклике на советскую действительность «Грядущие перспективы» (газета «Грозный» от 18.11.1919). В нем Булгаков пророчески предсказал грядущее отставание России от Запада⁶⁵²:

«Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же наконец мы догоним их, и догоним ли вообще?

Ибо мы наказаны. <...>

Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном и в буквальном смысле слова.

Платить за безумие мартовских дней, за безумие дней октябрьских, за самостийных изменников, за разращение рабочих, за Брест, **за безумное пользование станками для печатания денег...** за все!

И мы выплатим. <...>

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, **а быть может и внуки** <...>.

И мы <...> вынуждены будем сказать нашим детям:

– Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!».

Первое, непосредственное впечатление Булгакова оказалось самым верным, как это обычно и бывает. Ведь и сам Кураев совершенно правильно изначально оценил для себя роман Булгакова как кощунственный, но потом вспомнил свою детскую любовь к нему и взялся за безнадежное дело приспособления его под вкусы церковных ортодоксов. Безнадежное потому,

⁶⁵⁰ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 44, 108, 218.

⁶⁵¹ Булгаков М. А. Столица в блокноте. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 Записки покойника: Автобиографическая проза. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 270-273.

⁶⁵² Булгаков М. А. Грядущие перспективы. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 439-440.

что как бы ни привился его обман на русской почве, он не продержится вечно, и рано или поздно сокрушительно рассыплется как карточный домик.

Однако даже в вышеприведенных словах Булгаков не возлагает всю вину на Советскую власть, а начинает отсчет от буржуазной революции и «безумия мартовских дней» – неспособности дорвавшихся до власти либеральных крикунов управлять огромной страной.

Если бы Булгаков ненавидел Советскую Россию, он сумел бы выразить эту ненависть, но даже в вышеприведенных строках чувствуется только горечь от скатывания его Родины в бездну. И в личном дневнике эта ненависть проступила бы хоть между строк. Но и там проступает ненависть не к Советской России, а только к подлости, приспособленчеству, хамству, быдлачеству и другие порокам «образованцев», присущим им при любой власти. «Как жило холуйство, так и живет. Не умирает», – говорил он⁶⁵³, – «От хамов нет спасения»⁶⁵⁴. Как видим, Булгаков вовсе не считал, что хамство сформировалось только при советской власти, как нас пытаются в этом уверить новые «образованцы», не знающие как лучше оплевать историю родной страны.

Как и любой мыслящий человек в то время, Булгаков не мог не думать об эмиграции. В августе 1921 г. он отправил свою первую жену Т. Н. Лаппа из Батума в Москву, а сам остался. Как вспоминает Т. Н. Лаппа⁶⁵⁵:

«В общем, он говорит: «Нечего тут сидеть, поезжай в Москву». Поделили мы последние деньги, и он посадил меня на пароход в Одессу. Я была уверена, что он уедет, и думала, что это мы уже навсегда прощаемся»;

«Когда я жила в медицинском общежитии, то встретила в Москве Михаила. Я очень удивилась, потому что думала, мы уже не увидимся. Я была больше чем уверена, что он уедет».

Тем не менее, Булгаков остался, хотя не был обременен семейными узами, поскольку детей у них не было. Ничто не мешало ему уехать. Почему же он остался? Мне кажется прав Л. Паршин, написавший следующий комментарий к воспоминаниям Т. Н. Лаппы⁶⁵⁶:

«Пусть это звучит парадоксально, но я думаю, что никуда он и не собирался уезжать. <...> Булгаков был энергичен, находчив, предприимчив, расчетлив и осторожен. Россию покидали тысячи человек, и сделать это тогда было не так уж трудно. Не похоже, чтоб он этого хотел».

Думаю, Булгаков действовал как человек, которого непреодолимо тянет к краю обрыва, чтоб заглянуть, чтоб перевернулось что-то внутри, чтоб ощутить и понять что-то новое. Но прыгнуть? Нет».

Легко оплевывать прошлое, как Кураев, но попробуйте сделать это сегодня, по отношению к текущему времени и поймите, что судьба диссидента или эмигранта не так уж заманчива, – ведь хочется же жить и творить в своей стране в настоящем, а не сопротивляться ему ради далекого будущего. Диссидент это не только честная позиция, но еще и жертвенное призвание. Но не всем же дано быть святыми и умерщвлять свою грешную плоть, хоть в религиозных, хоть в политических целях. Ведь и сам Кураев предпочитает миссионерствовать не в диких, а в цивилизованных местах, и вести активную общественную жизнь, а не уйти монахом в далекий скит, или сидеть пустынником на каменном столпе и кормить вшей во славу божию.

Осенью 1921 г. новую Советскую Россию Булгаков воспринимает уже как объективную реальность. В письме к матери 17 ноября 1921 г. он пишет⁶⁵⁷: «Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни». Как отмечает М. Чудакова⁶⁵⁸: «Несомненно, что уверенность в прочности новой власти была привезена Булгаковым уже с Кавказа»; «В его духовном багаже не было тех иллюзий, которые могли быть поколеблены текущими событиями. Личный же опыт революционных лет убедил Булгакова в необратимости свершившегося <...>. Два эти обстоятельства в первую очередь обусловили, на наш взгляд, энергию, жизнестойкость, неколебимость в том, что сам он считал существенным, –

⁶⁵³ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 345.

⁶⁵⁴ Булгаков М. А. Мой дневник, запись от 26.12.1924 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 78.

⁶⁵⁵ Из семейной хроники Михаила Булгакова: воспоминания Т. Н. Лаппа (Кисельгоф) // Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. – М.: Кн.Палата, 1991, с. 91,93.

⁶⁵⁶ Там же, с. 90.

⁶⁵⁷ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 26.

⁶⁵⁸ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 147, 148, 191.

качества, удивлявшие его современников и ретроспективно восхищающие мемуаристов и их аудиторию»; «Теперь у него брезжила, кажется, **надежда**, что ему удастся увидеть **возрождение страны**. **«Из хаоса постепенно рождается порядок»**, – стремился уверить он своего зарубежного читателя и, пожалуй, себя самого».

В неопубликованном фельетоне «Муза мести» к Некрасовскому юбилею в 1921 г. он видит уже совсем иное будущее, чем в «Грядущих перспективах»⁶⁵⁹: «<...> И пройдут еще года. Вместо буйных огней по небу разольется свет. Выкованная из стали неузнаваемая рать – **орда крестьянская завладеет землей**. И наверно, тогда в ней найдутся такие, что станут рыться в воспоминаниях **победителей мира** и отыщут кованые строфы Некрасова и, вспоминая о своих униженных дедах, скажут:

– Он был наш певец. **Нашим угнетателям**, от которых был сам порожден, **своими строфами мстил**, а о нас печалился.

Ибо муза его была – муза мести и печали».

Описывая революцию в «Музе мести» он теперь использует эпические былинные зачины: **«И были грозные, кровавые дожди. Произошли великие потрясения, пошла раскачка всей земли»**⁶⁶⁰.

Думается, что новое отношение Булгакова к советской власти сформировалось не в последнюю очередь под влиянием реальных ее успехов. Страна становилась на дыбы и менялась на глазах, строилось метро, заводы, города, электростанции. Страшная же цена этих успехов и индустриализации была тогда не только не очевидна, но и, во многом, просто не известна ему, как и другим. Так что упрекать Булгакова в малодушии нет оснований. Не он один пытался «идти в ногу со временем». Нельзя не учитывать и атмосферу не только лицемерного, но и искреннего славословия в адрес новой власти и ее «успехов», что порождало у многих писателей определенный комплекс неполноценности от «стояния в стороне» и стремление к сопричастности новой жизни своей страны.

Зарождающееся отношение Булгакова к новой, Советской России чувствуется и в романе «Белая гвардия» в доброжелательных репликах героев романа⁶⁶¹: **«Последними словами командира были: – Штабная сволочь. Отлично понимаю большевиков»**; «Ну, одно тебе скажу, Карась, **молодцы большевики**. Клянусь честью – **молодцы**». Как сказал бы сам Кураев, Булгаков увидел, что **«есть зло страшнее и долговечнее, чем советская власть»**. Что мы и наблюдаем сейчас, когда на просторах бывшего СССР и Российской империи рвут на себя клочки политического одеяла националисты разных мастей. Нет сомнения, что большевики были Булгакову милее, чем **«самостийные изменники»** – украинские националисты: **«Я б вашего гетмана, – кричал старший Турбин, – за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым! <...> Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует?»**⁶⁶²

В 1923 г. в очерке «Киев-город» Булгаков напишет⁶⁶³:

«Но трепет новой жизни я слышу. Его отстроят, опять закипят его улицы, и станет над рекой, которую Гоголь любил, опять царственный город.

А память о Петлюре да сгинет».

Для нового мировоззрения Булгакова характерно и изменение его отношения к принявшему советскую власть Горькому, – 6 ноября 1923 г. Булгаков записал в дневнике⁶⁶⁴:

«Теперь я полон размышления и ясно как-то стал понимать – нужно мне бросить смеяться. Кроме того – в литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь. **Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель** и какие страшные и важные вещи говорит он о писателе <...>. Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезни и слабость <...>

Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий меня сейчас, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, **я могу быть одним – писателем**.

Посмотрим же и будем учиться, будем молчать».

⁶⁵⁹ Там же, с. 127-128.

⁶⁶⁰ Там же, с. 192.

⁶⁶¹ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 176 и 252.

⁶⁶² Там же, с. 56.

⁶⁶³ Булгаков М. А. Киев-город. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 538.

⁶⁶⁴ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 62.

Записи в дневнике подтверждают, что писатель не воспринимал Советскую Россию как нечто чужеродное ему. Крайне тактично он отнесся и к смерти Ленина⁶⁶⁵:

«Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. <...>

Как словом своим на слова и дела подвинул бессчетные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей. <...>

К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бесменная звезда».

Согласитесь, написано довольно поэтично и от всей души... Так же взволновала Булгакова и смерть Серго Орджоникидзе: «<...> Орджоникидзе умер от разрыва сердца. **Это всех потрясло**»⁶⁶⁶. «Днем с Сергеем и М. А. пошли в город, думали попасть в Колонный зал <...>»⁶⁶⁷.

Особый вопрос отношение Булгакова к Сталину. Нет, Булгаков не боготворил его, но видимо уважал как сильную личность «вздыбившую» Россию. Нужно учесть, что все то, что мы знаем сейчас, Булгакову достоверно известно быть не могло. Конечно, он мог подозревать сфабрикованность громких процессов, однако аналогичные процессы были и после Великой французской революции, – борьба за власть есть борьба за власть. Многие в то время видели в Сталине духовного наследника великого преобразователя России – Петра Первого, который, как известно, также на костях и крови воздвигал будущее могущество России и город своего имени.

Рьяным монархистом, то есть приверженцем конкретного царствующего дома, Булгаков не был, но сама идея монархии, по свидетельству его первой жены, в молодости была ему близка⁶⁶⁸: «Он был вообще вне всякой политики. <...> Но большевиков он не любил, и по убеждениям он был монархист». Несомненно, со временем, убедившись в жизнеспособности поначалу встреченного им в штыки строя, Булгаков стал воспринимать Сталина как нового «большевистского» монарха. Как Пушкину было не зазорно писать царю, так и для Булгакова было совершенно естественно писать Сталину и действующему правительству (так же поступает и его Мольер, через весь сюжет красной нитью проходит тема взаимоотношений великого драматурга с королем). Письма эти, с одной стороны, подчеркивают сохранение писателем чувства собственного достоинства, а, с другой стороны, показывают, что писатель мучительно искал свое место в современной жизни, в Советской России. Ему было важно получить разрешение на поездку за границу именно как знак доверия к нему. Нечего и говорить, что при характерной для Кураева и иже с ним ненависти к Советской России, Булгаков бы не мучался этими проблемами, да и из страны сумел бы уехать еще в двадцатые годы. Аналогично относилась к Сталину и Елена Сергеевна, о чем свидетельствует характерная запись от 14 марта 1936 г. в ее дневнике: «Перед началом второго действия в правительственной ложе появились Сталин, Орджоникидзе и Молотов. Я все время думала о Сталине и мечтала о том, чтобы он подумал о Мише и чтобы судьба наша переменилась»⁶⁶⁹.

Отношение Булгакова к Сталину прозрачно выражено и в его восторженном письме В. В. Вересаеву: «В самое время отчаяния <...> **по счастью** мне позвонил генеральный секретарь... Поверьте моему вкусу: он вел разговор **сильно, ясно, государственно и элегантно**. В сердце писателя зажглась надежда: оставался только один шаг – **увидеть его и узнать судьбу**»; «В отношении к генсекретарю возможно только одно – **правда, и серьезная**»⁶⁷⁰. Спустя годы мы понимаем всю наивность этих оценок и то, что Булгаков был обманут в своих ожиданиях, но нужно же понимать, что писателю тогда все виделось иначе и не нужно нам спустя годы пытаться сделать его умнее, как не нужно доказывать, что великий Эвклид предвидел геометрию

⁶⁶⁵ Булгаков М. А. Часы жизни и смерти. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 Записки покойника: Автобиографическая проза. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 339-340.

⁶⁶⁶ Дневник Елены Булгаковой, запись от 18.02.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 130.

⁶⁶⁷ Там же, запись от 19.02.1937, с. 131.

⁶⁶⁸ Из семейной хроники Михаила Булгакова: воспоминания Т. Н. Лаппа (Кисельгоф) // Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. – М.: Кн. Палата, 1991, с. 63.

⁶⁶⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 426.

⁶⁷⁰ Письмо к В. В. Вересаеву от 22.07.1931, приписки от 27-28.07.1931 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 252.

Лобачевского. Увы, но не предвидел. В 1931 г. в письме Сталину Булгаков пишет⁶⁷¹: «Заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что **писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам**. Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года **оставил резкую черту в моей памяти**».

Как известно в 1939 г. Булгаков написал пьесу «Батум» о юности и начале революционной деятельности Сталина. Замысел возник у него давно, и окончательное решение написать ее он принял уже в начале 1936 г.⁶⁷² Однако по различным причинам осуществление задуманного откладывалось писателем. Оценки пьесы противоречивы. Некоторые булгаковеды считают, что Булгаков написал ее в конфликте с собственной совестью и стыдился ее, хотя факты свидетельствуют об обратном. Как отмечает В. Сахаров⁶⁷³: «Булгаков все это, конечно, предвидел и сказал писателю Л. Ленчу: «Вы же, наверное, успели уже узнать наши литературные нравы. Ведь наши товарищи обязательно станут говорить, что Булгаков пытался сподхалимничать перед Сталиным и у него ничего не вышло». Действительно, далее последовали всевозможные вариации этой оригинальной мысли. Они повторяются по сей день, невзирая на тут же приводящиеся факты».

Возникает закономерный вопрос, почему же Булгаков не уничтожил якобы слабую, по его мнению, пьесу? Почему в семейном дневнике четы Булгаковых нет ни малейшего намека на подобные настроения, а, наоборот, отражено его многолетнее творческое желание взяться за разработку данного сюжета и его напряженная лихорадочная работа над пьесой, написанной на одном дыхании в рекордно короткие сроки? Можно ли оставить без внимания положительное мнение о пьесе самой Елены Сергеевны, имевшей достаточно тонкий литературный вкус, а также Николая Эрдмана, – второго, наряду с Булгаковым, выдающегося драматурга того времени. Вот некоторые записи о пьесе «Батум» из дневника Булгаковой⁶⁷⁴:

- личные впечатления – «Сегодня прочла вечером одну картину из новой пьесы. **Очень сильно сделано**»;
- чтение знакомым (семья Файко) – «Миша прочел им черновик пролога из пьесы о Сталине <...>. **Им чрезвычайно понравилось, это было искренно**»;
- чтение Борису и Николаю Эрдманам – «Они считают, что – **удача грандиозная. Нравится форма вещи, нравится роль героя**».

Свою высокую оценку пьесы Елена Сергеевна не изменила и с течением времени: «И, наконец, кто еще так угадал Сталина, как Булгаков в своем «Батуме»?..»⁶⁷⁵

Полагаю, что цитированные выше записи однозначно свидетельствуют: Булгаков писал свою пьесу искренне, литературные ее достоинства не подвергались даже малейшему сомнению со стороны его современников, и стыдиться ее ему было не больше оснований, чем Альберу Камю своего «Калигулы».

Свое отношение к новой России Булгаков пробовал выразить и в романе «Мастер и Маргарита». В черновиках романа есть сцена с заходящим в атаку на Воланда и его свиту аэропланом:

«Тут вдалеке за городом возникла темная точка и стала приближаться с невыносимой быстротой. Два-три мгновения, точка эта сверкнула, начала разрастаться. Явственно послышалось, что всхлипывает и ворчит воздух.

– Эге-ге, – сказал Коровьев, – это, по-видимому, нам хотят намекнуть, что мы излишне задержались здесь. А не разрешите ли мне, мессир, свистнуть еще раз?

⁶⁷¹ Письмо к И. В. Сталину от 30.05.1931 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 246.

⁶⁷² «М. А. окончательно решил писать пьесу о Сталине»; «М. А. поехал в МХАТ <...> разговор, над чем будет М. А. теперь работать? – М. А. ответил, что единственная тема, которая его сейчас интересует, это о Сталине» [Дневник Елены Булгаковой, записи от 07.02.1936 и 18.02.1936 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 112, 114].

⁶⁷³ Сахаров В. «Батум» М. А. Булгакова: в поисках текста. – <http://bulgakov.km.ru/teatr/batum.htm>

⁶⁷⁴ Дневник Елены Булгаковой, записи от 23.05.1939, 07.06.1939, 11.06.1939 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 260, 263, 265.

⁶⁷⁵ Письмо Е. С. Булгаковой к С. Я. Маршаку от 06.01.1955 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 629.

– Нет, – ответил Воланд, – не разрешаю. – Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротою точку и добавил: – У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!»⁶⁷⁶

Не случайно именно через образ летчика попытался Булгаков выразить свое отношение к нарождавшейся на его глазах новой, Советской России. В то время летчики пользовались всеобщей любовью и популярностью, как позже космонавты.

В Булгаковской энциклопедии Борис Соколов, вслед за Виктором Лосевым⁶⁷⁷, упорно трактует данный эпизод как слова Воланда о Сталине⁶⁷⁸. Однако из контекста совершенно очевидно, что речь идет именно о летчике: «Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротою точку...». Конечно, можно было бы предположить, что глядя на самолет, Воланд прозревает нечто находящееся за ним, – Кремль и Сталина. Да вот только Кремль у Воланда за спиной, он смотрит «за город», то есть стоит спиной к общепринятому месту нахождения Сталина.

По мнению Соколова указанный эпизод необоснованно не включается в издания романа, так как «автором он как будто не отменен». По этому поводу приведу сведения опытного текстолога Лидии Яновской, характеризующей указанный текст как «<...> в 1-м экземпляре машинописи уничтоженный, но сохранившийся во 2-м экземпляре...»⁶⁷⁹. Несомненна авторская воля в отношении данного текста. Он совершенно чужероден окончательному замыслу романа и его надмирности, стоящей выше всех подобных оценок, – для вечности они не имеют никакого смысла.

Но вопреки воле автора в изданной Лосевым под научной редакцией Соколова новой «канонической» версии многострадального романа⁶⁸⁰ вышеприведенный текст впервые включен в состав окончательной редакции и сопровождается комментарием по уровню аргументации до боли напоминающим бессмертную беседу Берлиоза с Бездомным: «Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту, между прочим, и о том, что то место в пятнадцатой книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых «Анналов», где говорится о казни Иисуса, – есть не что иное, как **позднейшая поддельная вставка**»⁶⁸¹.

С тем же бездоказательным апломбом нам сообщают, что поскольку «ни в одном экземпляре машинописи нет»⁶⁸² текста «И тогда над горами прокатился, как трубный голос, страшный голос Воланда: – Пора!! – и резкий свист и хохот Бегемота. Кони рванулись, и всадники поднялись вверх и поскакали», то он есть не что иное, как «**позднейшая вставка**», которая «имела **вынужденный, цензурный характер**». Но ведь точно так же отсутствуют оригиналы и других многочисленных правок и, в частности, самых первых строк романа⁶⁸³, поскольку тетрадь с самыми последними записями к роману, в том числе не воплотившимися, либо утрачена, либо уничтожена хранителями архива Булгакова. Такой подход к корректировке текста романа является очень опасным прецедентом для возможной ревизии и других его строк, под предлогом их якобы цензурного характера. Впрочем, этот «вывод» Лосева меркнет рядом с его же ранним дерзновенной барковской смелости заявлением по поводу этих же строк: «<...> остается загадкой, кто же вместо Булгакова написал концовку этой главы при издании романа в шестидесятые годы»⁶⁸⁴. И действительно кто? Неужели и здесь замешана нечистая сила, или иной таинственный соавтор? Правда после нахождения исследователями в конце 80-х годов в архиве друга и биографа писателя П. С. Попова машинописной копии романа, подготовленной Е. С.

⁶⁷⁶ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 748.

⁶⁷⁷ Лосев утверждал, что реплика Воланда относилась «<...> к правителю той страны, которую он покидал» [Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Великий канцлер. – М.: Новости, 1992, с. 515].

⁶⁷⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 146, 257, 333, 481.

⁶⁷⁹ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 748.

⁶⁸⁰ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный Мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». – М.: Вагриус, 2006. – 1006 с.

⁶⁸¹ Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 336.

⁶⁸² Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный Мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». – М.: Вагриус, 2006, с. 1005.

⁶⁸³ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 736.

⁶⁸⁴ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Великий канцлер. – М.: Новости, 1992, с. 504.

Булгаковой еще в 1940 г.⁶⁸⁵, Лосев видимо сумел «разъяснить» для себя эту таинственную проблему, так как больше таких смелых загадок не формулировал. Право же иным нашим булгаковедам стоило бы переключиться на Шекспира. Вот уж где загадки и простор для воображения. Оспариваются не какие-то там концовки глав, а авторство всех сочинений великого драматурга. Странно, что у нас авторство Булгакова еще не подвергается сомнению. Ведь если посмотреть дневник его жизни, – все время или в карты или в шахматы играет, или по ресторанам да по гостям ходит, или у себя гостей всю ночь принимает. Когда же он мог писать то?

Не менее удивительно выглядит фраза Лосева, что данный текст в первой машинописной копии был «<...> **изъят кем-то (оторвано пол-листа)**»⁶⁸⁶. Кто же этот таинственный «кем-то»? Почему он уничтожил этот совершенно безобидный текст только в одном экземпляре и оставил во втором? Вряд ли это был случайный прохожий. И если это было сделано не по воле автора, то **кому и с какой целью** нужно было уничтожить текст, **не включенный** в окончательную редакцию романа? Несомненно, ответ здесь возможен только один: текст был уничтожен или самим Булгаковым, или Еленой Сергеевной, вносившей, как известно, во время его болезни (1939-1940) правки прямо в машинопись под его диктовку⁶⁸⁷. Очевидно, что данный текст был автором снят, а взамен продиктован другой, записанный в утраченной архивом тетради.

То, что текст был не просто зачеркнут, а именно уничтожен, говорит только об эмоциональной окраске принятого Булгаковым решения. Честно говоря, для меня самое загадочное во всей этой «суете вокруг дивана» не упорство комментатора и научного редактора в превратном толковании эпизода, а необъяснимая их страсть увидеть его в составе основного текста, который он абсолютно **ни чем не украшает**. Слишком уж явно он не удался писателю и выглядит чужеродно и искусственно.

Отнесение данного эпизода к Сталину несостоятельно и находится в одном ряду с болезненными ассоциациями Баркова о том, что Воланд это Ленин, а Мастер – Горький и т.п. Столь же несостоятельно и утверждение, что именно мифическое обращение к Сталину и послужило причиной снятия эпизода, и что на это обратили внимание еще первые слушатели романа: «<...> **Воланд у Булгакова одобрительно отзывался о деятельности Сталина – сатана хвалил генсека! Что не осталось незамечено первыми слушателями романа**»⁶⁸⁸. Здесь Лосев ссылается на запись Е. С. Булгаковой от 15 мая 1939 г. о чтении романа знакомым: «**Вчера у нас было чтение – окончание романа. <...> Последние главы слушали почему-то закоченев. Все их испугало. Паша в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя – ужасные последствия могут быть**»⁶⁸⁹. Можно ли поверить, что **именно чтение данного эпизода** так потрясло и напугало слушателей? Ведь то, что дьявол якобы склонился перед мощью Сталина, наоборот могло их только воодушевить. Их, несомненно, испугало **именно все содержание**, поскольку роман лежал вне привычной им уже системы ценностей так называемого социалистического реализма.

В своих воспоминаниях слушатели чтения романа отмечали совсем иное, чем пытается навязать Лосев. Вот, например, воспоминания В. Я. Виленкина: «**Иногда напряжение становилось чрезмерным, его трудно было выдержать. Помню, что когда он кончил читать, мы долго молчали, чувствуя себя словно разбитыми. И далеко не сразу дошел до меня философский и нравственный смысл этого поразительного произведения...**»⁶⁹⁰

Как отмечает М. Чудакова⁶⁹¹ слушатели «<...> **были чрезмерно сосредоточены на разгадывании Воланда, испуганы невольными ассоциациями, к которым вело их всемогущество героя в наказании одних и поощрении других. Кроме того, все или почти все слушатели, как можно видеть по всем уцелевшим свидетельствам, испытывали род недоумения по поводу непохожести романа на текущую литературную продукцию**». А послушать Лосева и Соколова, так можно подумать, что сцена с летчиком была единственным препятствием к публикации романа в то время.

⁶⁸⁵ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный Мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». – М.: Вагриус, 2006, с. 1000.

⁶⁸⁶ Там же, с. 1005.

⁶⁸⁷ Там же, с. 1000.

⁶⁸⁸ Там же, с. 1005.

⁶⁸⁹ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 259.

⁶⁹⁰ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 461.

⁶⁹¹ Там же, с. 462.

Новое издание черновых редакций последнее, подготовленное Виктором Лосевым, скончавшимся в июле 2006 г. Впрочем, все его отличие от предыдущих изданий как всегда связано только с новой вступительной статьей. На этот раз маститый булгаковед вплотную подошел к тому, чтобы вопреки фактам попытаться посмертно вернуть Булгакова в лоно православия и все введение посвятил доказательству уважительного отношения писателя к православию, хотя, как известно, с гораздо большим уважением Булгаков относился к учению Льва Толстого. Но большая ложь часто куется не спеша, чтобы дать ей время прорасти прямо в головах слушателей, поэтому свой внедряемый в подсознание заветный тезис Лосев спрятал в комментарий: **«Вопрос этот <доказательства бытия божия – С. Ц.> чрезвычайно волновал Булгакова и в юношеские годы (была попытка отказаться от православной веры)»**⁶⁹². Ловко сказано! Действительно, что с того, что Булгаков перестал считать себя православным христианином, не носил нательный крест, не ходил в церковь, не принимал Таинств, не причащался перед смертью и завещал, чтобы тело его кремировали без отпевания и не ставили крест на могиле? Все это, оказывается, можно рассматривать только как растянувшуюся на всю его жизнь попытку. Осталось только теперь объявить ее неудавшейся.

К сожалению научный редактор издания Б. Соколов, не взирая на собственное мнение, что **«последователем христианства автор «Мастера и Маргариты» явно не был, что и отразилось в романе»**⁶⁹³, никак научно не прокомментировал закатное искажение истины В. Лосевым. Если в будущем официальное булгаковедение объявит о волнующем посмертном возвращении блудного Булгакова в лоно православия, а сам роман в новых **«канонических»** изложениях **«принесет еще сюрпризы»**, это будет право же **«очень грустно»**...

12.6. Столь стремительную карьеру в гуманитарных науках делали только товарищи, доказавшие свою исключительную преданность линии партии. Для историка такая стремительная карьера невозможна. А вот для идеолога-философа в те годы она была весьма вероятна. Нет, не историк профессор Понырев, а философ. «Красный профессор», «выдвиженец». И раз он философ столь успешный, карьерный, то, значит, философ-сталинец, то есть воинствующий атеист. Таким был, например, Марк Борисович Митин <...> назначенный Сталиным в академики в 1939 году, минуя защиту докторской диссертации.

Здесь я согласен с Кураевым, – столь стремительную карьеру в философии делали только товарищи, доказавшие свою исключительную преданность линии какой-нибудь партии. Например, сам диакон, обучаясь на филфаке МГУ, специализировался на пропаганде вульгарного атеизма, а значит после окончания его в 1984 г. был **«невежественным атеистом»**. Но ему, по его собственному выражению, крупно повезло, – когда государственное финансирование атеизма в середине 80х практически прекратилось **«Господь взял и привел»**⁶⁹⁴ в РПЦ(м). И всего за 12 лет он, как и Понырев(!), прошел тот же путь от невежественного атеиста до профессора. И обратите внимание, так же как и упомянутый им Митин, Кураев был именно **«назначен»** в профессора, **«минуя защиту докторской диссертации»**. Воистину на воре шапка горит! Невольно напрашивается аналогия со студентом из «Фауста» Гете, который: **«Следуя дьявольским советам, <...> во второй части «Фауста» – обратился в такого пошлейшего «приват-доцента», что самому черту стало совестно: какого вывел он «профессора по назначению»»**⁶⁹⁵.

Что касается карьеры Понырева, лучше послушаем профессионального текстолога Лидию Яновскую⁶⁹⁶:

«Роль Ивана Бездомного – Ивана Николаевича Понырева – в романе продолжает определяться. И есть смысл снова заглянуть в черновую тетрадь эпилога: в рукописи мысль писателя иногда бывает беззащитно обнажена.

⁶⁹² Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный Мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». – М.: Вагриус, 2006, с. 1001.

⁶⁹³ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 544, 546.

⁶⁹⁴ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁶⁹⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 196.

⁶⁹⁶ Лидия Яновская. Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). –

В черновой тетради читаем: «Каждый год, лишь только наступает весеннее полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек около тридцати или тридцати с лишком лет. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это *специалист по древней истории* профессор Иван Николаевич Палашов». (Пусть вас не смущает фамилия Палашов. На протяжении эпилога Булгаков дважды попробует заменить фамилию этого своего персонажа, и все же вернется к прежней: Понырев.)

В диктуемых заново строках эпилога текст останется очень близким по смыслу: «Это – *сотрудник Института истории и философии*, профессор Иван Николаевич Понырев».

Профессия та же, только она помечена глуше. Убраны избыточные подробности – Булгаков не любит выкладывать все. Намек, впрочем, оставлен. «Институт истории... и философии... профессор...» Оглядываясь на черновик, можно предположить, что изучает и преподает Иван Николаевич все-таки *древнюю историю* – ту самую, которая так обожгла его в молодости. Так что все, что прошло перед нами в «библейских» главах романа, теперь ему очень хорошо известно. Из первоисточников. И, стало быть, прошедшие годы для некогда невежественного Ивана («Вы – человек девственный? Ведь вы человек девственный?» – говорил мастер) не прошли даром...»

Как видим, Понырев не философ, а именно историк.

12.7. Бездомный свою-то историю не понял и исказил – так что не стоит восхищаться его якобы «серьезными учеными трудами». Неужели не чувствуете вы издевательской булгаковской интонации – «Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает»?

Издевательская интонация самого Кураева чувствуется очень хорошо, а вот у Булгакова ее нет. Просто весь эпилог написан в слегка пародийном снижающем стиле, в полном соответствии с приведшей Булгакова в восторг статьей Миримского о творчестве Гофмана (см. [тезис 17.43](#)): «Однако жизнь в мечте есть только временное пребывание в саду фантазии, и Гофман, как правило, разрушает иллюзорно-фантастический план ироническим пуантом, возвращающим героя от мечтательного сна к прозаической действительности»⁶⁹⁷. Именно таким ироническим пуантом в романе и является обсуждаемый нами эпилог.

12.8. Альфред Барков убедительно показывает, как совместные усилия советской психлечебницы, Мастера, Маргариты и Воланда превращают Ивана в Иванушку. Вместо талантливого поэта (раз ему удался образ Христа «ну прямо как живой» – значит, независимо от идеологии, все же литературный талант был) – лунатик... Это аргументированное исследование стоит сопоставить с фантазиями тех, кто поучает наших детей.

Рассмотрению и опровержению одного из центральных аргументов этого якобы убедительного «исследования», – отождествлению вина цекуба с ЦЕКУБУ, я посвятил [приложение 2](#) к данной работе. Здесь же позволю себе только выразить надежду, что дети правильно поймут интерес Кураева к Баркову и не спутают последнего с его знаменитым однофамильцем. Вот только боюсь, что диакон первый за голову схватится, когда дети бодро отрапортуют ему, что никакой религией в романе и не пахнет, а исключительно политикой, – и Воланд это Ленин, а Мастер это Горький.

Доводы Баркова о превращении Ивана в Иванушку в процессе общения с Мастером, совершенно несостоятельны. Он пишет: «<...> в Иванушку поэт превратится в процессе визита своего гостя». Этот «глубокий» вывод Барков делает на том основании, что в начале 19 главы есть фраза⁶⁹⁸: «Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она позабыла его»⁶⁹⁹. А ведь нетрудно заметить, что роман разделен на две части. В первой поэт именуется исключительно Иваном или Иваном

⁶⁹⁷ Миримский И. Социальная фантастика Гофмана. – Литературная учеба, 1938, № 5, с. 73.

⁶⁹⁸ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 542.

⁶⁹⁹ Эту фразу Барков безграмотно цитирует с несколькими существенными ошибками, весьма характерными для подобных «аргументированных исследований».

Николаевичем⁷⁰⁰, в том числе и после визита Мастера в 13 и 15 главах⁷⁰¹, несмотря на якобы имевшее место его превращение в Иванушку в 13 главе. Во второй же части, – до выздоровления, – поэт именуется преимущественно Иванушкой. Таким образом, трактовка Баркова совершенно бессмысленна. Чтобы понять, почему Иван во второй части именуется «Иванушкой», ему нужно было вспомнить, что «Иванушка» есть не кто иной, как любимый герой народных сказок «Иван-дурак», и заглянуть в конец главы 11, где задолго до появления Мастера есть следующие примечательные строки:

«Подремав немного, Иван **новый** ехидно спросил у **старого** Ивана:

– Так кто же я такой выхожу в этом случае?

– **Дурак!** – отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта⁷⁰².

Вот оно незамеченное Барковым и его учеником Кураевым действительное превращение Ивана в Ивана-дурака, то есть Иванушку! Хоть бы на название главы эти горе-исследователи внимание обратили, – «Раздвоение Ивана». Как следует из текста романа, Иван раздвоился еще в 11 главе, а в 13 главе продолжается «добивание» старого Ивана⁷⁰³: «**Как-нибудь его надо изловить? – не совсем уверенно, но все же поднял голову в новом Иване прежний, еще не окончательно добытый Иван**». Превращение Ивана в Ивана-дурака или Иванушку, не означает, что он при этом оболванился. В его тяжелой клинической ситуации первый шаг к прозрению и превращению в нормального мыслящего человека естественным образом связан, прежде всего, с осознанием собственной глупости и твердолобости. Без этого реальное перерождение человека немислимо.

12.9. Правда, к числу таких, учащих и все же странных интерпретаторов, к сожалению, приходится отнести и ведущего современного булгаковеда – М. О. Чудакову. На мое замечание, что человек не может за семь лет пройти путь от неуча до профессора истории, Мариэтта Омаровна заметила, что мой путь от студента кафедры атеизма к студенту семинарии был еще короче.

Как мы показали выше (см. [тезис 12.5](#)), путь Понырева от «**талантливого поэта**» (именно так его оценивает сам Кураев) до профессора истории занял примерно 12 лет. В финале романа Иван не блистал классическим образованием, однако «**неучем**» был не большим, чем сам Кураев после окончания МГУ. Невежественность человека в вопросах религии еще не делает его полным невеждой и профаном в остальных вопросах. Литературным талантом и способностями Иван, судя по описанию Булгакова, обделен не был. Так что для тех лет в его карьере способного молодого человека ничего удивительного нет.

12.10. Это верно. Когда речь идет о перемене взглядов человека и о покаянии, то перемена может занять и не семь лет и не год, а одну секунду.

Невелика же религиозная премудрость, открывшаяся диакону за секунду. Впрочем, и неутешительные результаты налицо. Как справедливо заметил Умберто Эко⁷⁰⁴, самое страшное в «**покаянии**» поспешность. Невелика и ценность этого покаяния, учитывая, что после него диакон с чистой совестью и ясными глазами добровольно⁷⁰⁵ в осведомители КГБ записался. Но вместо того, чтобы хоть сейчас, спустя годы покаяться за «**подленькое и мелочное прошлое**» и написать, что это позорное пятно в биографии жжет его душу, он простодушно рассуждает, что тогда все поступались своей совестью⁷⁰⁶:

⁷⁰⁰ Заметим, что сам Булгаков не придавал никакого сакрального значения именованию Понырева Иванушкой, – в черновиках 1928-29 гг. Понырев именуется Иванушкой с самого начала романа в главе «Шестое доказательство» [Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 50-58].

⁷⁰¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 478, 486.

⁷⁰² Там же, с. 444.

⁷⁰³ Там же, с. 464.

⁷⁰⁴ Эко У. Имя розы. – М.: Кн. палата, 1989, с. 331.

⁷⁰⁵ По крайней мере, руки ему не выкручивали и палками по пяткам не били.

⁷⁰⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

«И я оказываюсь перед выбором. <...> **главное – мечта служить Церкви**, к которой я шел уже несколько лет. Или какой-то **ни к чему не обязывающий звонок**... Сдаю экзамены и поступаю, прекрасно понимая, что это зависело вовсе не от того, как я их сдам. **Все поступающие проходили сквозь сито КГБ и Совета по делам религий**»;

«<...> **брезгливости** от контакта с органами власти **я не испытывал**»;

«Между прочим, в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали».

Что ж, если так, тем печальнее будут последствия окормления прихожан православной церкви новым поколением ее духовных поводырей, оправдывающих себя **«формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается»**. Ценность их «раскаяния» справедливо охарактеризовал Герман Гессе: **«Раскаяние само по себе не пользует нимало, благодати нельзя купить раскаянием, ее вообще нельзя купить»**⁷⁰⁷.

12.11. <...> даже в житиях святых можно узнать только о чудесном обучении грамоте отрока Варфоломея, но и тут мы не найдем чудесных рождений специалистов-историков.

Отрок Варфоломей действительно учился **«при всех усилиях и побуждениях, крайне плохо**. И только по молитвам одного неизвестного старца-черноризца, которого он случайно встретил в поле и которому поведал свою скорбь о безуспешности своей в учении, внезапно открылся у отрока **смысл к пониманию грамоты»**⁷⁰⁸. Впрочем, это чудо меркнет рядом с другим его достижением: **«Однажды, когда мать его была в церкви за литургиею, он трижды прокричал во чреве ее: в первый раз – пред чтением Евангелия, в другой – еще сильнее – при начатии херувимской песни, так что голос его слышен был по всей церкви и мать пришла в ужас; в третий раз – после возгласа священника: «Святая святых», – и опять с такою силою, что уstraшенная мать едва не пала на землю, заливаясь слезами»**⁷⁰⁹.

Однако не за все эти чудесные явления был удостоен сей отрок причисления к лику святых, а за то что, приняв монашеский постриг, он вошел в историю как прославленный подвижник и чудотворец Сергей Радонежский, основатель Свято-Троицкой лавры и других обителей, благословивший войско князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву и оставивший заметный след, как в жизни православной Церкви, так и в истории Руси.

Почему же в житиях святых не описаны не менее поразительные факты, например, чудесного рождения специалистов-математиков, отличающихся необыкновенными способностями к устному счету? Прежде всего, потому что их дар не имел характера внезапного озарения, а так же потому, что жития святых это жития именно **святых**, а не **«специалистов-историков»**, математиков, астрономов и т.п. Поэтому, если мы заинтересуемся **«чудесным рождением»** последних, и захотим узнать: **«Какого мнения о сем святая церковь?»** – то окажется, что: **«Святая церковь о сем умалчивает»**⁷¹⁰, – ибо интересуется, прежде всего, проявлением божьего промысла, а не просто необыкновенных способностей людей. Поэтому в Святых Писаниях земных религий можно найти немало примеров чудесных рождений, как богов, так и простых смертных. Но не стоит искать там примеры **«чудесных рождений специалистов-историков»**. Да и Иван Поньрев родился историком не в готовом к употреблению виде, а стал специалистом в результате 12 лет упорной работы над собой. Но раз Кураев так настаивает, давайте приглядимся пристальнее к его собственному жизненному пути, и посмотрим на темпы чудесного карьерного роста самого отрока Андрея.

По воспоминаниям отца Кураева, под его идейным руководством **«<...> в старших классах Андрей выпускал газету «Атеист» <...> Семья <...> была вполне атеистической. У меня не было верующих знакомых, никого: ни родственников, ни друзей, ни однокурсников <...>»**⁷¹¹. Таким образом, уже с детства отрок Андрей отличался непримиримостью к чужому мнению, – вылитый Иван Поньрев в бытность Бездомным. Но, в отличие от Ивана Поньрева, Андрей Кураев отнюдь

⁷⁰⁷ Гессе Г. Паломничество в Страну Востока // Гессе Г. Избранное. – М.: Радуга, 1991, с. 36.

⁷⁰⁸ Макарий, митрополит. История Русской церкви. Том 3. Отдел 1. Глава III. Монастыри. – <http://magister.msk.ru/library/history/makary/mak3103.htm>

⁷⁰⁹ Там же.

⁷¹⁰ Куприн А. И. Поединок: Повести. Рассказы. Статьи. – М.: Эксмо, 2007, с. 167.

⁷¹¹ Кураев В. И. Интервью газете «Татьянин день», Москва, август, 1997, № 13.

не был бездомен в вульгарном тоталитарном советском атеизме: «Его отец Вячеслав Кураев долгое время служил верой и правдой делу идеологической чистоты тоталитарного советского государства. Он работал в самом сердце идеологической структуры КПСС, находясь рядом с одним из его главных философов-идеологов, могущественным П. Н. Федосеевым, и исполнял при нем обязанности секретаря. Именно там разрабатывались методы борьбы с инакомыслящими философами, культурными деятелями и впадающими в ересь представителями творческой интеллигенции. Сам Федосеев, разрабатывая философские основы исторического материализма и современной теории коммунизма, не признавал ничего, кроме атеизма и «вечно живого учения»⁷¹². Окончив школу, Кураев пошел по стопам отца, – поступил на философский факультет МГУ, специализировался на кафедре **научного атеизма**, но с началом перестройки и распада советской власти вдруг обратился к богу и вместо непримиримого атеиста стал непримиримо православным.

Официальные данные о юности Кураева на сайте его имени⁷¹³ менее информативны. В немногих словах, не вдаваясь в подробности, сказано, что через год после окончания философского факультета МГУ по кафедре научного атеизма, в 22 года, то есть фактически в возрасте Ивана Понырева, Кураев отказался от карьеры атеиста, ушел из аспирантуры и перешел на работу в Московскую Духовную Академию. В 30 лет Кураев уже декан философско-богословского факультета Российского Православного Университета св. Иоанна Богослова. В 34 – профессор Свято-Тихоновского Православного Богословского Института, правда, как и академик Митин, по назначению, «**минуя защиту докторской диссертации**». Таким образом, путь Кураева от «**невежественного атеиста**» до православного профессора занял **ровно 12 лет**, так же как и у Ивана Понырева.

Карьера действительно слишком стремительна для атеистического образованца. Для тридцатых годов с их невероятным дефицитом пролетарских квалифицированных кадров она была бы вполне естественна, но только не для нашего времени, тем более что благородное атеистическое происхождение будущего профессорствующего диакона не имело никакого веса в глазах его нового начальства. Нужно быть совершенно наивным, чтобы поверить, что такое счастье свалилось ему прямо с неба просто так в подарок. Даже булгаковский Шариков, правда еще в собачьей шкуре, понимал, что не бывает, чтобы так «**свезло**», – хоть бабушка да должна была согрешить.

В поисках следов этого греха вернемся к «отделке диакона под декана». Нужно учесть, что в течение периода, предшествующего становлению на этой должности, Кураев проводил время не только в возвышенных молитвах и чтении богословских книг. По собственному свидетельству диакона, определенное время у него отнимала и работа осведомителем КГБ⁷¹⁴. Разумеется, по его словам «**вынужденная**». И, разумеется, так же как и все пишущие сейчас об этом, Кураев никого не заложил и сумел ловко обмануть крайне недалеких советских гебешников, не блиставших, как известно, умом и сообразительностью. И все же, для менее простодушных людей именно здесь и находится первый звоночек. Именно здесь скрывается тот «водолаз», с которым согрешила бабушка нашего героя, а точнее он сам: «**Сам Кураев при этом тоталитаризме как раз жил неплохо: учился в МГУ на кафедре атеизма, и когда принял крещение, наказан большевиками не был. Напротив, его послали учиться богословию за границу. Понятно, что это делалось с благословения КГБ, и сам Кураев в перестройку прославился тем, что печатно признался: да, я был завербован КГБ, но ничего конкретного не сделал. Он так и не понял, что **даже дать согласие просто числиться стукачом – мерзко**. Легенды о сатане очень образно это объясняют: дьявол дает богатство и успех в обмен не на какие-то мерзкие дела. Наоборот, он освобождает**

⁷¹² Шапошникова Л. В., академик РАЕН. IV. Русская православная церковь против Рерихов. Подвижничество диакона Кураева. – http://www.roerich-museum.ru/sbt1/sbt1gl4_10.htm

⁷¹³ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁷¹⁴ «– <...> безгласности от контакта с органами власти я не испытывал. <...> в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали <...>

– А где проходили такие встречи?

– Приходило, например, извещение с почты о посылке, идешь за ней, а там человек в сером плаще. Иногда самым неприкрытым образом караулили у выхода из семинарии: «Следуйте за нами». Приводили в конспиративное место. Их было несколько: в гостинице, в загсе, в Государственном музее, который находился в Лавре. Последнее предназначалось исключительно для бесед с монахами, которые за пределы монастыря выходили редко» [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

человека от необходимости красть и лгать ради успеха, ему нужно одно: подписать договор, ему нужна душа. Вот эту подпись Кураев в свое время и поставил, и получил успех в жизни – успех, правда, не такой крупный, как ему бы хотелось, но ведь и сатана не собирается выкладывать за душу больше, чем она стоит»⁷¹⁵.

Заметим, что даже если действительно все священнослужители при советской власти сотрудничали с КГБ, это никак не снимает с Кураева его личного греха и ответственности. Ведь отказ от сотрудничества с КГБ в 1986 г. грозил ему только замедлением темпов его чудесной карьеры по превращению отрока Андрея в православного профессора. Для светского человека это может быть и не мало, но для священнослужителя это не должно было играть такую определяющую роль. Путь к Богу ему никто не перекрывал! Да и нельзя его перекрыть даже тюремной камерой. Но Кураев, похоже, даже гордится своей «принципиальностью» и полагает, что одержал нравственную победу над КГБ⁷¹⁶: «Я предложил все-таки называть меня по фамилии и никакой клички не взял». Впрочем, как он сам пишет ниже: «Иногда давали клички и без ведома»...

В поисках второго звоночка и второй «бабушки» обратим внимание, что детально описывая свой жизненный путь Кураев почему-то скромно умалчивает о своем трехлетнем сотрудничестве в качестве общественного помощника с известным гонителем Рерихов депутатом ЛДПР полковницей КГБ Кривельской, являющей собой «образец чудовищного невежества, изощренных домыслов и беспардонной клеветы»⁷¹⁷. Вот и вторая «бабушка»-учительница, и второй звоночек! Теперь неправдоподобно стремительный духовный и карьерный рост отрока Андрея от «невежественного атеиста» до профессора смотрится уже более естественно. Заметим, кстати, что по странному совпадению идейный вдохновитель рассматриваемого нами труда диакона – Альфред Барков – так же являлся полковником КГБ⁷¹⁸.

Вся жизнь Кураева, по его «наивным» утверждениям, полна загадочных чудесных совпадений: «<...> в Церкви я никогда не приходил на чье-то место, а значит, и мои должности не вызывали чьей-то зависти. Так что обходилось без «подсидок». Просто каждый раз совпадали моя готовность к перемене места и потребность в каком-то новом служении. В 1985 году впервые ректор МДА создал при входе в свой кабинет «предбанник» и решил посадить в нем референта. В 1990 году впервые Патриарх решил создать должность пресс-секретаря. Прошло еще время – и впервые был создан богословский факультет в рамках впервые же создаваемого православного университета, и этому факультету, конечно, был нужен декан»⁷¹⁹.

Везет же диакону по жизни! В точности, как оболганному им Мастеру, только диакону вместо разовой удачи, – облигации, – пожалована свыше перманентная: должность, – пожалуйста; Интернет – пожалуйста («мне работа в Интернете **ничего не стоит...**»⁷²⁰); обвести вокруг пальца тупых гебешников, – пожалуйста! И все бесплатно! А вот в случайность выигрыша Мастера Кураев не верит, полагая что: «**Бесплатно – это там, где бес платит**»⁷²¹. Да, народная мудрость действительно гласит, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Но есть же, согласитесь, некоторый нюанс, отличающий везение придуманного литературного героя, все богатство которого составляли книги и корзина с грязным бельем, от крайне подозрительного благоденствия реального, живого, упитанного розовощекого диакона. Прямо невинный ягненок, все само так ему в руки и сыплется, без всяких его к тому телодвижений. Но вот еще звоночек: в рецензируемой нами книге Кураев упоминает, что журналиста «Московских новостей» Сашу Солдатова именно он «знакомил с жизнью Семинарии, в 1991 году помогал ему поступить во впервые созданную группу церковной журналистики журфака МГУ, а затем **дал ему** первые знакомства в редакции «Московских новостей»». Стоит ли говорить, что тот, кто **дает** полезные

⁷¹⁵ Яков Кротов. Неновое средневековье. Интеллектуал православизации: Андрей Кураев. –

http://www.krotov.info/yakov/5_hist/61_nenovoe/6_kuraev.htm

⁷¹⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁷¹⁷ Шапошникова Л. В., генеральный директор Музея им. Н. К. Рериха, академик РАЕН. Русская православная церковь против Рерихов. – http://www.roerich-museum.ru/sbt1/sbt1gl4_10_3.htm

⁷¹⁸ Цыбульник С. А. «Мастер и Маргарита»: прогулки с Барковым или путешествие с дилетантом. – <http://www.bulgakov.ru/ipb/index.php?showtopic=158>

⁷¹⁹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁷²⁰ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

⁷²¹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

знакомства, тот и сам их **берет**, не полагаясь на волю случая и мистические «совпадения», а равно и на то, что **«fortuna favet ignavis»**^{722?}

Не менее «наивен» и рассказ Кураева о том, как Бог⁷²³ якобы увел его от принятия священнического сана⁷²⁴: «Итак, я написал прошение о рукоположении во священника. И благословение патриарха Пимена и старца Кирилла уже было. Предполагалось, что в одно воскресенье рукоположат во диакона, в следующее – во священника. И уже все было назначено, и вдруг после диаконского посвящения у меня появилось ощущение, что **надо остановиться**. Я не понимал зачем, не мог найти разумных объяснений этому чувству, но оно было слишком очевидно. В итоге **я просто убежал** от своей хиротонии во священника, точнее – не поехал в Сучаву – тот город, где она и должна была совершиться. Теперь я уже знаю причину того торможения: **священник Кураев не смог бы делать то, что делает диакон Кураев**».

Означают ли эти слова, что когда человека ноги несут прочь от Церкви, то это не нечистый его путает, а именно Господь оберегает?! Или только в одном и только том случае, если его имя диакон Кураев? Действительно, стань Кураев священником, он бы не смог делать то, что делает диакон Кураев. Как это перекликается со словами самого диакона из рецензируемой нами работы: «Мастер должен был впустить евангелие от Воланда в мир, но – **испугался**». Вот и диакон должен был сам решиться и пустить Божий мир и Бога в свою душу, но – **испугался и остановился...**

Давайте же сравним поливание Кураевым грязью героев романа и этапы собственной чудесной карьеры и жизни отрока Андрея:

Сравнительная характеристика героев романа и отрока Андрея

Поливание Кураевым грязью героев романа	Чудесная карьера и жизнь отрока Андрея
«Мастер неспособен к поступкам. Он медунично плывет по течению и оправдывает себя формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается ».	Свои контакты с КГБ Кураев оправдывает именно приведенной им «формулой иуд всех веков» ⁷²⁵ : «И я оказываюсь перед выбором. Вернуться в мир я уже не могу , там я со всем порвал, на работу меня тем более не возьмут. А главное – мечта служить Церкви , к которой я шел уже несколько лет. Или какой-то ни к чему не обязывающий звонок... ».
«<...> эта блудливая ведьма (так назвал диакон Маргариту в первой редакции – С. Ц.) не сможет вдохновить Мастера на новые творения...»; «<...> деньги, на которые Мастер творил свое произведение, он нашел в грязи («Вообразите мое изумление, – шептал гость в черной шапочке, – когда я сунул руку в корзину с грязным бельем и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете!»)	Обмазывая грязью героев романа, блудливый диакон полагает, что у него есть полное моральное право «вдохновлять» верующих, своих контактов с КГБ он совершенно не стыдится ⁷²⁶ : «<...> брезгливости от контакта с органами власти я не испытывал . <...> в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали <...> Приводили в конспиративное место. Их было несколько: в гостинице, в загсе, в Государственном музее, который находился в Лавре»; «Я предложил все-таки называть меня по фамилии и никакой клички не взял ».

⁷²² «Судьба благоприятствует дуракам» (лат.).

⁷²³ «Не я пришел в Церковь, а Господь «взял за шкурку», вытащил и протащил, как я этому ни сопротивлялся» [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

⁷²⁴ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁷²⁵ Там же.

⁷²⁶ Там же.

<p>«Вспомним 100 000 рублей, «случайно» выигранных Мастером в лотерею – сумма, которая позволила ему уйти с советской работы и начать писать свой роман».</p>	<p>Несмотря на то, что, по словам Кураева: «Бесплатно – это там, где бес платит», – сам он не гнушается подобного счастья⁷²⁷: «<...> я сначала отмахнулся... <...> Наконец нашелся провайдер (группа Vinchi), <...> в итоге получилось, что мне работа в Интернете ничего не стоит...».</p>
<p>«Чтобы не было сомнений в том, кто подсунил Мастеру облигацию, во второй полной рукописной редакции романа (1938 год) эта облигация еще и начинается с цифры 13».</p>	<p>В имени самого Кураева заложено число зверя: если умножить числовой эквивалент фразы «диакон Кураев» равный 120 на коэффициент 5.55, символизирующий полное собрание сочинений Ленина (5 издание, 55 томов), то получится число 666. Эта же фраза имеет множественные кощунственные inferнальные анаграммы, например: «И у века дракон»; «А в иконе дурак», «Инок в руке ада» и т.п. Также inferнально и мирское имя диакона «Андрей Кураев». Сумма цифр его кратна inferнальной чертовой дюжине $117 = 13 \times 9$. Содержит оно и кощунственные анаграммы, например: «Не рай веку рад», «Йедрена курва» и т.п. Не лучшие результаты дает и юношеский псевдоним диакона «Андрей Пригорин», например: «Но Ридигер-ра пни!» и т.п. В названии провайдера Кураева в интернете заложен inferнальный код да Винчи: «Наконец нашелся провайдер (группа Vinchi)...» Год рождения Кураева кратен inferнальной чертовой дюжине $1963 = 13 \times 151$.</p>
<p>«Воланд просто использует Мастера в качестве медиума. Но этот контакт в итоге выжигает талант Мастера, который по завершении своей миссии становится творчески бессилён».</p>	<p>Забавно, но на «выжженность» своего таланта и надвигающееся «творческое бессилие» жалуется и сам Кураев⁷²⁸: «Я не хочу, а знаю, что перемена будет. Может, еще года два так можно жить <...>, а потом просто силы кончатся».</p>
<p>«Отношения Мастера с Воландом – это классические отношения человека-творца с демоном: человек свой талант отдает духу, а взамен получает от него дары (информацию, видения-«картинки», энергию, силы, при необходимости и «материальную помощь»); «Порой при этом сам человек не понимает до конца, откуда же именно пришел к нему источник его вдохновения».</p>	<p>По словам Кураева, он тоже «не понимает до конца» всех хитросплетений своей полной чудес жизни⁷²⁹: «<...> что же находится вдали от логики? – Конечно, религия. И в итоге я подал заявление на кафедру атеизма»; «<...> это было чудо. Не я пришел в Церковь, а Господь «взял за шкирку», вытащил и протащил, как я этому ни сопротивлялся».</p>
<p>«Мастер должен был впустить евангелие от Воланда в мир, но – испугался».</p>	<p>Кураев должен был решиться и пустить Божий мир и Бога в свою душу, но – испугался и остановился⁷³⁰: «<...> вдруг после диаконского посвящения у меня появилось ощущение, что надо остановиться. Я не понимал зачем, не мог</p>

⁷²⁷ Кураев А., *диакон*. Не-американский миссионер.

⁷²⁸ Кураев А., *диакон*. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁷²⁹ Там же.

⁷³⁰ Там же.

	найти разумных объяснений этому чувству, но оно было слишком очевидно. В итоге я просто убежал от своей хиротонии во священника, точнее – не поехал в Сучаву – тот город, где она и должна была совершиться».
«Следующий подарок: домик. <...> дар, полученный Мастером, мог бы ему вручить и Ленин. Значит, Воланд вручает Мастеру «ленинскую премию». <...> Невысока же для него оказалась планка мечтаний и цена соблазна... Только советская образованщина, испорченная «квартирным вопросом» и мечтой о дачном домике в Переделкино могла увидеть в этом достойную замену Небесному Иерусалиму и христианскому раю».	Собственные мечты диакона выглядят весьма мещанскими, и недалеко от мечты отца Федора о свечном заводике ⁷³¹ : «Хорошо бы окончить жизнь диаконом в сельском приходе...<...> Но чтобы спокойно жить, писать и служить в селе, нужно очень много денег. <...> «домик в деревне» – если это в пределах досягаемости до Москвы и с интернетом – стоит ой как недешево. Так что идея трезвая, хорошая, но дорогая <...> уж если я себе разрешаю о чем-то помянуть – так именно об этом <...>».
«Пытка покоем. Наказание тупиком ».	Непонятно на каком основании причисляющий себя к писателям, Кураев мечтает о покое и жизненном тупике ⁷³² : «Любой писатель желает в конце жизни получить покой, чтобы «исписать» »; «Увлечения? Да одно у меня увлечение – поспать ».

Рядом с описанными выше чудесными жизненными событиями и высказываниями отрока Андрея, скромный выигрыш, выпавший Мастеру на его облигацию, просто меркнет. Из вышеприведенной таблицы следует, что или обвинения диакона в адрес героев романа совершенно беспочвенны, или же все эти обвинения, без малейшего исключения, полностью приложимы и к самому Кураеву.

12.12. Ну мы-то, знаем, какую Венеру ищет «лгун с чуть-чуть поросычьими чертами лица».

Мы то естественно знаем, ее еще Пушкин искал: «Я люблю в Венере грудь, Губки, ножку особливо, Но любовное огниво, Цель желанья моего... Что такое?.. Ничего!..»⁷³³ А вот что нового об этом «**ничего иль очень мало**» нам может рассказать православный профессор?

12.13. Булгаковский роман сложнее порождаемых им восторгов. Свет и тьма в нем перемешаны, и хотя бы потому никого из его персонажей не стоит возводить в степень нравственного идеала. И даже если в Мастере и в Маргарите увидеть автобиографические черты (что-то в Мастера Булгаков вложил от себя самого, а в Маргариту – что-то от своих жен), то и в этом случае еще нельзя считать доказанным положительное отношение самого автора к этим своим персонажам. Ведь он мог быть не в восторге и от себя самого, и от каких-то черточек своих женщин.

Наконец то диакон понял, что жизнь сложнее наших представлений о ней, и что свет и тьма в ней перемешаны. Булгаков не возводит своих любимых героев «в степень нравственного идеала», он просто любит их такими, как они есть, следуя сформулированному им принципу: «**Героев своих надо любить...**»⁷³⁴. Он не идеализирует Мастера, хотя и вложил в него свою судьбу,

⁷³¹ Там же.

⁷³² Там же.

⁷³³ Пушкин А. С. Царь Никита и сорок его дочерей. ПСС: В 10 т. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 139.

⁷³⁴ Булгаков М. А. Театральный роман. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 281.

и свой талант. Но, как и всякий художник, он не мог не идеализировать свою Музу, свою возлюбленную, и вложил в образ Маргариты, все, что ему было дорого в ней, не забыв убрать все наносное «ведьмовское» при переходе ее в «покой»: «<...> исчезало ее **временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт. Лицо покойной посветлело и, наконец, смягчилось, и оскал ее стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом**»⁷³⁵.

Роман не Библия, где все виновны изначально, герои художественного произведения не нуждаются в доказательстве своей положительности в глазах автора. Нет ничего совершенного в мире, любой человек имеет недостатки, поэтому об отношении писателя к своему персонажу нужно судить не по отдельным отрицательным «черточкам», а по совокупности всех черт, составляющих художественный образ. Судя по тексту романа, к любимым героям Кураева, – богобоязненным подонкам буфетчику и «страшному» Босому, Булгаков действительно относится резко отрицательно. Что же касается Мастера и особенно Маргариты, то здесь любовь и положительное отношение автора очевидны и несомненны. Выраженные через авторскую речь и подчеркнута уважительное и доброжелательное отношение Воланда и его свиты к Маргарите и Мастеру, эти чувства, в свою очередь, неявно очеловечивают в нашем восприятии помогающие им силы Тьмы.

Резюме 12. Безусловно, положительными персонажами романа являются Иешуа, Иван Понырев, Мастер и Маргарита. Любимым персонажем и героиней автора является Маргарита, в образ которой он вложил всю силу своей последней земной любви. Особое место в романе занимают образы Воланда и его свиты, которые лежат вне привычной нам нравственной системы оценок, так как находятся «по ту сторону добра и зла».

13. Кураев. СКОРО ЛИ ПАСХА?

«Ну, уж это положительно интересно, – трясясь от хохота, проговорил профессор, – что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!»

*М. А. Булгаков*⁷³⁶

Кураев ищет специальную пасхальную тему в романе, пытаясь найти чуть ли не почасовую увязку его сюжета с событиями Страстной недели. Между тем текст романа неумолимо свидетельствует, что не пасхальная, а полнолунная тема волновала Булгакова. Об этом же свидетельствует и дневник жены писателя, например: «М. А. часто уходил к себе в комнату, наблюдал луну в бинокль – для романа. Сейчас – полнолуние»⁷³⁷. Обратите внимание на дату наблюдения, – 25 июня. Как известно, в ранних вариантах Мастера и Маргариты «и московские, и ершалаимские сцены были приурочены к одним и тем же июньским дням»⁷³⁸.

13.1. В европейской фаустиане действие начинается на Пасху. Так в поэме Гете. Так в операх Берлиоза и Гуно – всюду звучит «Христос воскрес» (правда, что касается творения Гуно – то лишь во французском оригинале).

Если уж речь зашла о европейской фаустиане, сначала рассмотрим наличие пасхальной темы у ее основоположника Гете. Вот что пишет В. И. Вернадский о религиозных воззрениях Гете:

«В его научной работе как натуралиста скорее влияло его религиозное ощущение природы, чувство художника, но не философа. Характерной чертой его личности, которая не могла высказаться вполне открыто в неблагоприятных для этого политико-социальных условиях его жизни до конца, при отсутствии религиозной свободы, было то, что хотя Гёте не был христианином, но он внешне, формально исполнял, если это было необходимо, религиозные обряды государственной церкви. Он был глубоким и искренне верующим, сознательным

⁷³⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 696.

⁷³⁶ Там же, с. 372.

⁷³⁷ Дневник Елены Булгаковой, запись от 25.06.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с.

⁷³⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324.

пантеистом. Личный бог был чужд его миропредставлению. Всю жизнь он носил личину, поскольку это было необходимо для спокойной жизни.

Для него и его художественное творчество, и его научная работа натуралиста неотделимы от его пантеистических переживаний. При этом характерно, что природа Гёте совпадает почти целиком с биосферой и всегда связана с жизнью. **Он совсем не был мистиком, как это ошибочно иногда указывают.** Мистицизм совершенно отсутствовал в его чувстве природы, несмотря на то, что, например, в Фаусте и в других художественных произведениях он пользовался его образами, указывающими на его большое знакомство с мистической литературой, холодным умом им изучавшейся.

Глубокая индивидуальность Гёте не могла словами и логикой ясно выражать иным путем свое отношение к природе, а **отсутствие в нем мистических настроений и отход его от конкретных религий** и от философских систем не открывали для него других путей. В одновременном пантеистическом подходе и к художественному, и к научному творчеству на протяжении всей жизни наиболее ярко выразила свое своеобразие личность Гёте.

Его пантеизм не мог иметь почвы для широкого оглашения. Он высказывал эти настроения только в тесном кругу, в частных беседах, в дневниках и выявлял их, не подчеркивая, в своих сочинениях»⁷³⁹.

Сам Гете достаточно ясно выражает свои взгляды в автобиографических произведениях и письмах:

«<...> мне рассказала княгиня <...>, что <...> ей советовали относиться ко мне с некоторой опаской, я-де прекрасно **умею прикидываться набожным христианином**, чуть ли не католиком.

«Поверьте, дорогая, – воскликнул я, – **я не притворяюсь набожным, а бываю им, когда чувствую в том потребность.** <...> **Что мне не по душе, от того я отвращаю свой взор**, но многое из того, что я не принимаю безусловно, мне все же удастся понять в своей самобытности, и тут я нередко прихожу к убеждению, что и другие вправе существовать по-своему, как **по-своему, согласно моим воззрениям, живу и я**»⁷⁴⁰.

Как отмечает известный комментатор творчества Гете А. Аникст, широкое использование образов христианской мифологии в заключительной сцене «Фауста» связано с тем, что «Во времена Гете религиозная символика была широко известна, и он прибегнул к ней, чтобы **сделать общепонятной свою философию**, в существе своем весьма далекую от христианского вероучения»⁷⁴¹. Прижизненный биограф Гете Иоганн Петер Эккерман записал следующие слова Гете (запись от 6 июня 1831 г.)⁷⁴²: «Думается, вы согласитесь, что финал – вознесенье спасенной души – сделать было очень нелегко и что, говоря о сверхчувственном, едва только чаемом, **я мог бы расплыться в неопределенности, если бы не придал своим поэтическим озарениям благодетельно ограниченную, четкую форму христианско-церковных преданий и образов**».

Гете не нуждался в религии для обоснования своей философии: «<...> философ не нуждается в поддержке религии для доказательства известных положений, к примеру – учения о бессмертии души. <...> Для меня убежденность в вечной жизни вытекает из понятия деятельности. Поскольку я действую неустанно до самого своего конца, **природа обязана предоставить мне иную форму существования, ежели нынешней дольше не удержат моего духа**»⁷⁴³.

Отношение его к христианству практически не отличалось от взглядов Льва Толстого, за исключением более мягкой формы его выражения:

«– Вообще же, – сказал я, – Евангелия, когда в них вчитаешься повнимательнее, полны отклонений и противоречий, бог ведь какие превратности судьбы испытали эти книги, прежде чем они были собраны воедино и приведены в тот вид, в каком они нам известны.

– Поставить себе задачей историко-критическое исследование этого вопроса – все равно, что вознамериться выпить море, – сказал Гете. – Куда **разумнее без долгих размышлений**

⁷³⁹ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки, «Мысли и замечания о Гете как натуралисте». – М.: Наука, 1981. с. 256.

⁷⁴⁰ Гете И. В. Кампания во Франции 1792 года. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М.: Худож. Лит., 1980, с. 385.

⁷⁴¹ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 699.

⁷⁴² Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 431.

⁷⁴³ Там же, запись от 4 февраля 1829 г., с. 275.

принять все как есть и усвоить из этого то, что содействует нашей нравственной культуре и укрепляет ее»⁷⁴⁴.

Говоря о современном христианстве, Гете подчеркивал, что еще «в Лютерово время люди уже стремились очистить это **исковерканное попами учение»⁷⁴⁵. В беседах с Эккерманом Гете выразил следующее мнение о христианском догмате Святой Троицы⁷⁴⁶:**

«Что касается вопросов религиозных, научных и политических, то я и тут хлебнул немало горя, ибо не лицемерил и всегда имел мужество говорить все, что чувствовал.

Я верил в бога, в природу и в победу добра над злом; но нашим благочестивцам этого было недостаточно, мне еще следовало знать, что троица едина, а единое – тройко, но это шло вразрез с моим правдолюбием, вдобавок я не понимал, чем мне это может быть хоть сколько-нибудь полезно».

Гете не был антихристианином, как Ницше, но его отношение к духовенству и церкви в целом было резко отрицательным:

«<...> нас поражает отблеск той высокой духовности, которая исходила от личности Христа и была такой божественной, что божественное ее ничего и никогда на земле не бывало. Если меня спросят, способен ли я, по своей природе, благоговейно перед ним преклониться, я отвечу: несомненно. Я преклоняюсь перед ним, как перед божественным откровением высшего принципа нравственности. Если спросят, способен ли я, по своей природе, поклоняться солнцу, я тоже отвечу: несомненно! Ибо и оно откровение наивысшего, самое могучее из всех явленных земнородным. Я поклоняюсь в нем свету и творящей силе господа, которая одна дарит нас жизнью, и заодно с нами всех зверей и все растения. Но если меня спросят, готов ли я преклонить колена перед костью апостола Петра или Павла, я отвечу: пощадите меня, весь этот абсурд для меня нестерпим! <...>

Очень уж много глупостей в установлениях церкви. Но она жаждет властвовать, а значит, нуждается в тупой, покорной толпе, которая хочет, чтобы над нею властвовали. Щедро оплачиваемое высшее духовенство ничего не страшится более, чем просвещения широких масс»⁷⁴⁷.

Высоко ценя нравственные основы христианства, Гете возлагал надежды на его духовное преобразование, полагая, что в результате «великого просветительского движения, движения времени» христианские религии со временем сольются в новую единую религию доброго образа жизни – религию «убеждений и поступков»:

«Не будет долее существовать и убогое протестантское сектантство, а вместе с ним – вражда и ненависть отца к сыну, брата к сестре. Ибо когда человек усвоит и постигнет чистоту учения и любви Христовой, он почувствует себя сильным и раскрепощенным и мелкие различия внешнего богопочитания перестанут его волновать.

Да и все мы мало-помалу от христианства слова и вероучения перейдем к христианству убеждений и поступков»⁷⁴⁸.

Как отмечает в своем двухтомном фундаментальном монографическом исследовании «Гете. Жизнь и творчество» известный литературовед ФРГ профессор Карл Отто Конради, Гете был обладателем «специфического религиозного чувства, черпавшего из многих источников и впечатляющего своей силой и искренностью, своей обращенностью к миру»⁷⁴⁹. «Однако христианином в буквальном смысле слова Гёте никогда не был. Ведь именно ту веру, которая, собственно, и делает человека христианином, он никак не мог заставить себя принять: веру в однократное историческое самоявление бога в лице Иисуса Христа, в его воскрешение и вознесение. Церковную доктрину, строящуюся на этом как на непреложной и непременно принимаемой на веру истине, он отказывался признать, а ожесточенные, тянущиеся сквозь века споры различных церквей о должном истолковании основ вероучения, как и последствия этих споров, поэт презирал. Согласно свидетельству канцлера фон Мюллера, он как-

⁷⁴⁴ Там же, запись от 13 февраля 1831 г., с. 387.

⁷⁴⁵ Там же, запись от 4 января 1824 г., с. 461.

⁷⁴⁶ Там же, запись от 4 января 1824 г., с. 459.

⁷⁴⁷ Там же, запись от 11 марта 1832 г., с. 626.

⁷⁴⁸ Там же, запись от 11 марта 1832 г., с. 627.

⁷⁴⁹ Конради К. О. Гете. Жизнь и творчество. В 2 т. Т. 2. Итог жизни. – М.: Радуга, 1987, с. 475.

то раз дал «гениальную характеристику истории церкви как продукта заблуждения и насилия» («Разговоры с Гёте» канцлера фон Мюллера, запись от 19 октября 1823 г.)»⁷⁵⁰.

«А верить в чудеса вокруг Иисуса и Марии поэт считал и вовсе невозможным. «Я считаю это, скорее, хулой на великого творца и его откровения в природе», – писал он Лафатеру 9 августа 1782 года.

Распятие было ему ненавистно. В свое время он иронизировал на этот счет в «Венецианских эпиграммах», но и в конце жизни называл его **«безобразной деревяшкой, самой отвратительной, что только есть под солнцем».** «Ни один разумный человек не пожелал бы раскопать и воткнуть его в землю», – писал он Цельтеру 9 июня 1831 года. Гёте отнюдь не презирал Христа, совсем напротив, он рассматривал его как одного из великих **пророков**, каких знали и другие религии. Причина его неприязни к культу распятого Христа отчетливо проступает в «Годах странствий», где в «педагогической провинции» воспитатели по наущению автора заявляют, что земной путь Христа «для благородной части человечества поучительней и полезней, чем его смерть»»⁷⁵¹.

«<...> образ Аллаха, на взгляд Гете, можно было легче связать с непосредственной радостью жизни, чем образ христианского бога»⁷⁵².

Конради подчеркивает, что сомнения в христианстве Гете познал еще в молодости: «Христианское морализаторство и сентиментальная добродетель Геллерта в особенности не могли привлечь молодого Гете, который еще во Франкфурте познал сомнения. Весьма показательно, что не существует ни одного стихотворения Гете в стиле тех «Духовных од и песен», которые во множестве сочинял Геллерт. Если он и впадал порой в тон христианских песнопений, то у него получались лишь пародии»⁷⁵³.

Религиозные взгляды Гете Конради характеризует следующим образом:

«<...> вся природа в целом представляет собой лишь вариации единого, божественного начала. Мироздание не отделено от творца, который воплощает себя в нем, и самовоплощение это неиссякаемо. Бог как олицетворение разумного миропорядка и есть создатель нравственных основ, придающих смысл жизни человека, – это вера, доверие, любовь, труд. О них вновь и вновь напоминал в старости Гёте, а о боге как таковом даже не упоминал. Гётевское кредо сводилось к следующему: можно принять на веру наличие высшего существа, абсолютного и бесконечного, однако его нельзя персонифицировать и непосредственно узнать, как и дать ему имя. Человек, однако, может ощутить божественное начало во всем сущем, понимая природу как бога-природу; он может увидеть в частном подобие великого целого, наслаждение отблеском бесконечного и тем довольствоваться».

«В животворящей работе природы всегда присутствует деятельное божество. Но это никак не потустороннее существо, раз и навсегда создавшее природу и оставившее ее на произвол судьбы. Нет, божество непрестанно самоосуществляется в ней»⁷⁵⁴.

«В письме к А. Г. Ф. Шлихтегроллю от 31 января 1812 года Гёте в характерных выражениях отмежевался от представлений Фрица Якоби о боге как сверхъестественном существе: такой бог, писал поэт, должен бы все больше отдаляться от реального мира, «тогда как мой бог все явственнее вплетается в него»»⁷⁵⁵.

«<...> божественное начало непосредственно связывается с нравственной позицией человека. Не будь этого бог пребывал бы только в природе и не воспринимался бы как таковой: только человек и создает бога своей этикой. Без человеческого гуманизма нет бога – таков дерзкий, многообязывающий постулат внутреннего религиозного чувства человека, могущий быть воплощенным лишь в конкретной деятельности. Гёте считал его для себя непреложным и им оправдывал свои политические суждения»⁷⁵⁶.

Христианская религия для Гёте – одна из многих, заслуживающая, правда, особого отличия, потому что она признает божественными «унижение и бедность, глумление и поругание, презрение и несчастье, страдание и смерть», мало того – согласна признать, что «даже

⁷⁵⁰ Там же, с. 539.

⁷⁵¹ Там же, с. 540.

⁷⁵² Там же, с. 474.

⁷⁵³ Там же, с. 79-80.

⁷⁵⁴ Там же, с. 476.

⁷⁵⁵ Там же, с. 477.

⁷⁵⁶ Там же, с. 478.

грех и преступление не только не мешают, но и способствуют святости, и за то почтить их и возлюбить их» готова»⁷⁵⁷.

«В одном из последних писем к Буассере от 23 марта 1831 года Гете сам следующим образом определил свое отношение к религии: «На этой последней странице я наконец воспользуюсь поводом всерьез и в шутку закончить свое письмо удивительным сообщением.

Всякому человеку присуще религиозное чувство, и остаться с ним наедине, самостоятельно переработать его в своем сознании он не способен, потому он ищет, а не то и сам плодит прозелитов.

Последнее не в моем вкусе, но первое я проделал вполне добросовестно, но не нашел такого вероисповедания – от самого сотворения мира, – к которому я желал бы полностью присоединиться. И вот теперь, на склоне лет, я прослышал о некоей секте гипсистериев, которые, оказавшись в тисках между язычниками, иудеями и христианами, заявили, что будут ценить, восхвалять и почитать все наилучшее, совершеннейшее, о чем только узнают, и поклоняться ему, поскольку это наилучшее непременно дело рук божества. Тут и пал мне из глубины темного века радостный свет, я понял, что всю жизнь только и стремился стать гипсистерием»⁷⁵⁸.

Именно тем, что классик европейской фаустианы Гете не являлся христианином, объясняется какими пародийно лирическими красками он живописует отношения Бога и Сатаны-Мефистофеля⁷⁵⁹:

«Тогда ко мне являйся без стеснения.

Таким, как ты, я никогда не враг.

Из духов отрицанья ты всех мене

Бывал мне в тягость, плут и весельчак».

Нескрываемая приязнь Бога к Мефистофелю свидетельствует, что только Мефистофель, в отличие от «подлинных ангелов», является для Бога достойным и равным ему собеседником. Что впрочем, и неудивительно, ибо «правильные» ангелы способны только поддакивать ему, и беседа с ними никакого интереса для Бога представлять не может. Как сказал Паскаль: «Опирается можно только на то, что сопротивляется».

Мефистофель также питает встречную, взаимную симпатию к Богу⁷⁶⁰:

«Как речь его спокойна и мягка!

Мы ладим, отношений с ним не портя.

Прекрасная черта у старика

Так человечно думать и о черте».

Как видим, взгляды гения немецкой литературы во многом совпадают с взглядами гения нашей литературы, – для обоих **понятия бога и дьявола всего лишь разные стороны одного и того же мирового процесса**. И это неудивительно, – мысли сходятся не только у дураков, но и у гениев.

Именно пантеизмом Гете и объясняется отсутствие пасхальной темы в его «Фаусте». Тема это то, что пронизывает собой всю ткань повествования, а у Гете есть упоминание пасхального звона и только. И Мефистофель, и Фауст совершенно индифферентно относятся к Пасхе. Звон пасхальных колоколов будит в душе Фауста воспоминания детства, спасая его от попытки покончить с собой: «Вы мне вернули жизнь, колокола. Как в памятные годы детской веры»⁷⁶¹, – но тем дело и кончается. Поэтому возвысить эти строки до понятия темы совершенно невозможно. Вот как комментирует это место А. Аникст⁷⁶²:

«Услышав молитвенные песнопения, он отставляет чашу с ядом. **Его останавливает** не то, что церковь считала самоубийство грехом, а **любовь к людям**. Услышав их голоса, вспомнив об их страданиях и нуждах, о которых говорится во втором монологе, Фауст остается жить, чтобы разделить общую судьбу человечества.

<...> **Фаусту чужда приверженность религии**, хотя в детстве <...> он был верующим <...> в трагедии не раз **подчеркивается непричастность Фауста к христианской религии**, но

⁷⁵⁷ Там же, с. 541.

⁷⁵⁸ Там же, с. 441-442.

⁷⁵⁹ Гете И. В. Фауст, перевод Б. Пастернака. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 137.

⁷⁶⁰ Там же, с. 138.

⁷⁶¹ Там же, с. 152.

⁷⁶² Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985,

поэтическую красоту церковного обряда – музыку и пение, как выражение душевного состояния страждущего и ищущего облегчения своей участи человечества, Гете ценил. Именно такой смысл имеют религиозные песнопения, написанные им».

13.2. Есть ли пасхальная тема у Булгакова?

Как подчеркивает Кураев, «бал нечисти» у верующих⁷⁶³ «ежегодно-весенний» (см. тезис 18.8). Проводится он после Вальпургиевой ночи⁷⁶⁴. События в романе, как будет показано ниже в разделе 14.4, происходят с 1-го по 4-е мая 1929 г. Воланд со свитой прибывает в Москву сразу после Вальпургиевой ночи и покидает ее накануне православной Пасхи, которая в 1929 г. пришлось на 5 мая. Поскольку основная тема в романе Булгакова ежегодный бал Воланда, то с грустью приходится признать, что предшествование событий романа православной Пасхе в романе вторично, ибо в отличие от консервативных ведьм, твердо придерживающихся определенной даты своего праздника, христианская церковь отмечает его в весьма широком промежутке. Дата его проведения, в частности, увязана с еврейской Пасхой, но никак не связана с Вальпургиевой ночью и «балом нечисти». То есть наступление Пасхи в мае после Вальпургиевой ночи и визита Воланда в Москву совершенно случайно и наблюдается исключительно редко⁷⁶⁵, обычно Пасха празднуется в марте-апреле.

Изначально события романа привязывались не к пасхальной неделе, а именно к визиту Воланда: «В редакции 1929-1930 гг. события в большинстве вариантов происходили в июне 1933 или 1934 г. (как и в повести «Роковые яйца», дистанция от времени работы над произведением взята в 4 года). В 1931 г. в сохранившихся набросках начало действия было отодвинуто в еще более отдаленное будущее – к 14 июня 1945 г.»⁷⁶⁶ Только в последних редакциях Булгаков приурочил Бал Сатаны к Вальпургиевой ночи.

13.3. В романе постоянно подчеркивается, что Москва залита светом весеннего полнолуния. И действие романа разворачивается на пространстве от среды до воскресной ночи. Сопоставляем: первое воскресенье после весеннего полнолуния... Да это же формула православной Пасхи! В эпилоге вполне прямо намекается на это: «Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние...». А если учесть неоднократные упоминания о мае, выйдет, что речь идет о поздней Пасхе.

«Открытие» Кураева могло бы впечатлить, если бы сей факт не был давно известен и описан без всякого пафоса в булгаковской энциклопедии (см. тезис 14.4). Однако повторюсь, что Булгаков увязал действие романа с Вальпургиевой ночью только в самых последних редакциях романа. До этого действие романа происходило в июне. Таким образом, очевидно, что никакой самостоятельной пасхальной темы в романе изначально не было, и пасхальная неделя использована только потому, что Пасха единственный христианский праздник, связанный с inferнальной мистической темой полнолуния и царицей ночи Луной. Вот, что пишет об этом Л. М. Яновская⁷⁶⁷:

«Луна царит в тех сценах, где разрешаются события «евангельских» глав. Луна сопровождает душевные муки Пилата и смерть Иуды, которую Пилат попытался искупить свою вину и ничего, конечно, искупить не мог. В ослепительном лунном свете лежит убитый Иуда. В потоке лунного света свершаются прощение Пилата и прозрение Ивана Бездомного.

И слова *мой ученик* звучат в ночь полнолуния – во сне. Произнесены они на самом деле или нет – неизвестно. Ибо опять-таки известно только одно: эти слова *услышаны*.

⁷⁶³ У неверующих таких балов нет, так как они в нечистую, а равно и в чистую силу не верят.

⁷⁶⁴ Вальпургиева ночь – с 30 апреля на 1 мая, по германскому народному поверью, служит годичным праздником ведьм, собирающихся в эту ночь вокруг своего повелителя – сатаны – на высокой, недоступной горе Броккен, где они справляют свой «шабаш» в ознаменование расцветающей весны.

⁷⁶⁵ «Только в 1918 и 1929 г. Страстная среда падала на 1 мая. Больше в XX в. такого символического совмещения не происходит...» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324].

⁷⁶⁶ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324.

⁷⁶⁷ [Людия Яновская](http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html). Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>

Луна – светило Воланда. Обман или реальность все, что происходит в ее неверном свете? Впрочем, не так ли обманчивы все истины бытия...»

Испокон веку мистические явления связывают с полнолунием⁷⁶⁸. В этом и заключается вся разгадка якобы пасхальной темы, а на деле мистического ореола полнолуния у Булгакова. Не пасхальная, а полнолунная тема, – тема луны, проходит красной нитью через роман. В призрачном свете луны является Мастер Ивану, в этом же свете возвращает его Воланд Маргарите, по «лунной дороге» бежит Пилат к Иешуа, и в весеннее же полнолуние испытывает сильнейшее беспокойство единственный ученик Мастера Иван Поньрев...

Интересные соображения на этот счет высказывает А. Барац⁷⁶⁹:

«Булгаков, по всей видимости, пожелал учесть как требование христианской пасхалии, т. е. требование недельного цикла, так и календарное требование пасхи еврейской, т. е. наличие полной луны. Но тогда мы вправе предположить, что для своего «пасхального» «великого бала сатаны» он мог составить оригинальную «пасхалию», согласно которой бал этот происходит в одно из «весенних полнолуний», а именно в то из них, которое приходится в том году на ночь с пятницы на субботу.

Не знаю, подозревал ли об этом сам Булгаков, но я не поленился проверить и убедился, что такое совпадение весеннего полнолуния с субботней ночью происходит не только каждый год, но к тому же еще и **только один раз в год**, чем исключаются любые разночтения. Например, в этом году такое сочетание произошло с 9 на 10 марта, в 2002 году оно состоится в ночь с 26 на 27 апреля, в 2003 году с 4 на 5 июня, в 2005 с 25 на 26 марта и т.д.

Таким образом, Булгаков мог с полным правом назвать «бал весеннего полнолуния» ежегодным и даже написать (в эпилоге), что «каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах <...> Иван Николаевич Поньрев».

13.4. Это, в свою очередь, значит, что 14 нисана иудейского календаря (время действия «пилатовых глав») осталось далеко позади. События разворачиваются на Страстной седмице православного литургического календаря.

Как известно, только на первом Вселенском соборе Христианских церквей в Никее (ныне Ницца) в 325 г. было решено перенести православный праздник на неделю позже иудейского. Постановлением этого же собора Пасха должна отмечаться в первое воскресенье, следующее за первым полнолунием после весеннего равноденствия. Это, в свою очередь, значит, что как в современных, так и в древних главах, где действие разворачивается задолго до Никейского собора, события разворачиваются в одни и те же дни христианской Страстной недели со среды по субботу. Рассказ Воланда и сон Ивана приходятся на пятницу, но в них упоминаются также события среды и четверга. Две же главы романа Мастера повествуют о событиях, происходящих в ночь с пятницы на субботу. Что касается «большого» романа, то также в пятницу происходит его важнейшее событие, – Бал сатаны и в субботу же завершается и его действие.

13.5. В Страстную среду Иуда встречался с синедрином. И роман начинается с Великой Среды: атеистический синедрион (Берлиоз и Бездомный) решает, как еще раз побольнее уязвить Христа. В Страстную среду жена изливает миро (благовонное масло) на голову Иисуса (Мф. 26). В московскую среду голова Берлиоза катится по маслу, пролитому другой женой (Аннушкой) на трамвайные пути.

А нет ли здесь скорее параллели с головой Иоанна Крестителя? И там и там отрезанная голова подается на блюде(!), и в смерти повинна молодая «жена». И разве столь любезная сердцу диакона Аннушка пролила масло на трамвайные пути? Свою литровку она разбила «о вертушку»⁷⁷⁰, где и поскользнулся Берлиоз, а не на рельсах. И голова Берлиоза катится не по

⁷⁶⁸ Здесь начитанный диакон непременно бы вставил: «В него же подвергаются превращениям оборотни, вампиры и волколаки!»

⁷⁶⁹ Барац А. Пасха Михаила Булгакова, 12.04.2001. – <http://www.abaratz.com/fil15.htm>

⁷⁷⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 375.

трамвайным путям, а по «бульжному откоосу» и «бульжной мостовой»⁷⁷¹, где ни капли масла не излилось.

13.6. Сеанс в варьете приходится на «службу 12 евангелий» – вечер Великого Четверга, когда во всех храмах читаются евангельские рассказы о страданиях Христа. Издевательства Воланда над москвичами (которые сами, впрочем, предпочли быть в варьете, а не в храме) идут в те часы, когда христиане переживают евангельский рассказ об издевательствах над Христом. В эти часы этого дня как раз очень ясное деление: где собираются русские люди, а где – «совки».

В ранних версиях сеанс в варьете приходился на 11 июня и только в последних редакциях автор отнес время действия к Пасхе. Так при чем же здесь Страстной четверг и «евангельские рассказы», если пасхальная тема в романе изначально отсутствовала? Разве изменение Булгаковым дат событий в романе означает, что при этом текст романа должен механически связываться с соответствующими новым датам церковными праздниками? Это совершенно нелогично. И от чего же при таких страшных «издевательствах», на следующий день еще больше народу в Варьете набежало? Или это собрались садомазохисты? Как по мне так вышло прекрасное, как сейчас говорят, шоу.

Весьма интересна оригинальная мысль православного философа, что население России делится на две основных категории: «русские люди» и так называемые «совки». Вот он долгожданный критерий отделения овец от козлищ! Кураеву осталось только заказать себе коричневую рясу и, сделав последнее умственное усилие, объявить, что «совки» не просто не русские, но и вообще не люди...

13.7. А вечер «чистого четверга» – это особое время. Это «четверговый огонь», разносимый из храма по домам и по всем комнатам дома... И чтобы в этот, самый эмоционально насыщенный вечер церковно-народного календаря пойти не в гости, не в библиотеку или в обычный театр, а в варьете, да еще на сеанс черной магии – надо было быть совсем уж «отморозком». Так что не среднестатистические москвичи пришел пред очи Воланда на его смотр, а весьма своеобразный контингент. Это были люди, давно снявшие с себя нательные крестики и смывшие с души все следы христианского воспитания. Вот они и оказались беззащитны перед князем тьмы...

То, что бывший атеист Кураев считает неверующих людей сатанистами, мы уже знаем, но теперь мы видим, что они для него еще и «отморозки». Послушать диакона так и Булгаков «давно снявший с себя нательный крестик» является «отморозком»! Например, в 1936 г. Булгаковы на **Рождество**: «После театра <...> пошли в шашлычную против Телеграфа, просидели до трех. Там были американцы и неизбежный барон Штейгер с ними»⁷⁷². В Великую Субботу 11 апреля провели ночь на **Пасху** «на концерте у американского посла»⁷⁷³, откуда уехали только «в третьем часу». В 1938 г. на **Пасху** 24 апреля Булгаков пошел играть в карты: «Вечером М. А. пошел к Федоровым играть в винт»⁷⁷⁴. В 1939 г. **Великий Четверг** пришелся на 6 апреля, но и в этот «самый эмоционально насыщенный вечер церковно-народного календаря» Булгаков пошел, как обычно, играть в карты: «Миша вечером пошел играть в винт»⁷⁷⁵. И на **Троицу** 28 мая 1939 г.⁷⁷⁶: «Вечером пошел играть в винт к Федоровым».

Несомненно, что для верующего человека подобное поведение Булгакова великий грех. Как считает сам Кураев⁷⁷⁷: «<...> греховно убийство времени. Все равно как в картишки поиграл».

⁷⁷¹ Там же, с. 374.

⁷⁷² Дневник Елены Булгаковой, запись от 07.01.1936 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 111.

⁷⁷³ Там же, запись от 11 апреля 1936 г., с. 118.

⁷⁷⁴ Там же, запись от 24 апреля 1938 г., с. 196.

⁷⁷⁵ Там же, запись от 6 апреля 1939 г., с. 251.

⁷⁷⁶ Там же, запись от 28 мая 1939 г., с. 262.

⁷⁷⁷ Кураев А., диакон. Интервью порталу «Интерфакс-Религия» в связи с выходом фильма «Код да Винчи», 21.05.2006.

Но Булгаков давно отошел от православия, и соблюдать священную для православных Страстную неделю у него было не больше оснований, чем священный для мусульман месяц Рамазан.

Ни один православный праздник⁷⁷⁸ не упоминается в семейном дневнике Булгаковых, хотя на упоминание советских праздников время и место находятся, например, 6 ноября 1933 г.⁷⁷⁹: «**Преддверие октябрьского праздника**», – или 7 ноября 1938 г.⁷⁸⁰: «**День прошел, как и все праздничные дни**». В предрождественский вечер 6 января 1939 г. в дневнике сделана запись⁷⁸¹: «<...> сидим вдвоем с Мишей, ужинаем. **Ощущение праздничное от уюта, уединения**». Может ли православный человек настолько забыться и не заметить канун истинного для него праздника? Вопрос, конечно, риторический...

Характерно, что для неверующих у Кураева наготове только грязная брань, в то время как для подлинных отморожков, – христианских инквизиторов, – диакон находит самые добрые слова: «**Инквизиторы и математики делали одно дело и поддерживали друг друга. Они вместе боролись с «демонами»**»⁷⁸². «**Работу инквизитора я считаю весьма достойным видом трудовой деятельности. <...> Не самые темные, а самые просвещенные христиане были инквизиторами. <...> Только два процента арестованных испанской инквизицией подвергались пыткам и те не длились более 15 минут <...> вовсе не с наукой воевала инквизиция, а с магическим суеверием. Оттого и рождение науки пришлось на пору расцвета инквизиции**»⁷⁸³. И невдомек диакону, что не рождение науки пришлось на пору расцвета инквизиции, а строго наоборот, **инквизиция пышно расцвела, пытаясь подавить зарождающуюся науку. Никогда так пышно не расцветают репрессивные аппараты, как в пору подавления инакомыслящих.**

Хочу напомнить новоявленному поклоннику методов инквизиции, что именно последняя явилась предвестником человеконенавистнических методов современных тоталитарных режимов: «**По официальным данным, в 20 деревнях кругом Трира в 1587–93 гг. было сожжено 306 человек; в двух деревнях осталось всего две женщины (Hennen. Ein Hexenprozess aus der Umgebung Von Trier. 1887). В местечке Герольцгофене в 1616 г. было сожжено 99 ведьм, в следующем году – 88 В местечке Эллингене за 8 месяцев в 1590 г. было сожжено 71. В Эльвагене иезуиты возвели в 1612 г. на костер 167 человек а в Вестерштетене за 2 года – 600 человек. В Кведлинбурге в 1589 г. в один день погибло 133 человека. В Нейссе магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров; в Бамберге был особый дом для ведьм, где их держали до суда; их кормили страшно солеными селедками, не давали воды и купали в кипятке, куда бросали перец. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали эту площадь с сосновым лесом. В Нассау в 1628 г. вышло постановление, чтобы в каждой деревне были особенные выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествовавшим для этого по стране. Вскоре тюрьмы наполнились сознавшимися под пыткой во всех ужасах сатанинских оргий. В народе господствовало такое возбуждение, что многие сами себя выдавали за ведьм**»⁷⁸⁴. Эти же печи только в большем количестве воздвигли фашисты в лагерях смерти, теми же селедками кормили врагов народа в Советском Союзе и так же оговаривали себя подозреваемые в условиях невиданного разгула репрессий в 1937 году. И точно так же обвиняемые славословили своих палачей, строящих «новое свободное общество», как славословила их «**страшная ведьма Ланье из Нанси**», которая в 1584 г. обратилась к своим судьям со следующими словами: «**Как мы хотим вас погубить! Но вы – самые счастливые люди на свете, ибо против вас мы совершенно бессильны**»⁷⁸⁵. Подобные заявления сопровождали любой крупный политический процесс в СССР в тридцатые годы прошлого века.

⁷⁷⁸ Один раз в дневнике упомянута елка на католическое Рождество: «**Елка была. Сначала мы с М. А. убрали елку, разложили под ней всем подарки**» [Дневник Елены Булгаковой, запись от 24.12.1934 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 84].

⁷⁷⁹ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 44.

⁷⁸⁰ Там же, с. 218.

⁷⁸¹ Там же, с. 234.

⁷⁸² Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

⁷⁸³ Кураев А., диакон. Работу инквизитора я считаю достойным видом трудовой деятельности.

⁷⁸⁴ Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 51.

⁷⁸⁵ Там же, с. 67.

Точно так же в те страшные годы следствие велось по особым исключительным правилам, разрешавшим пытки подозреваемых и внесудебное их осуждение без права на юридическую защиту по средневековому принципу *«In his ordo est ordinem non servare»*⁷⁸⁶. Точно так же главным и решающим доказательством виновности являлось признание самого обвиняемого. Единственно, в чем отстал советский уголовный кодекс от навязанного иезуитами, так это в возможности официального осуждения не за мнимую, вырванную под пытками «вину», а непосредственно за само мировоззрение, то есть *«опасное состояние»* личности. Хотя проект такого кодекса и был подготовлен под руководством Н. В. Крыленко в начале 30-х годов⁷⁸⁷, но принять его советская власть так и не решилась.

Для исполнения приговоров инквизиторы, как правило, передавали свои жертвы светским властям, но разве это умаляет их роль в злодеяниях? Точно так же передавали осужденных расстрельным командам и следователи НКВД, а Гитлер, и Сталин вообще лично в расстрелах не участвовали. Так что же, в расстрелах все они не виновны? Передача приговоренных для расправы светским властям объяснялась только желанием церкви сделать светскую власть соучастником своих преступлений, чтобы создать видимость того, что сама церковь никого не убивает и не проливает крови, хотя именно церковь навязала светскому законодательству понятие «греховных» преступлений.

Даже родоначальник «объективного» клерикального взгляда на инквизицию французский аббат Вакандар, опубликовавший в 1906 г. свою «критическую» историю инквизиции писал: *«Доказано вне всякого сомнения фактами и документами, что церковь в лице своих пап использовала все средства, имевшиеся в ее распоряжении, включая отлучение, чтобы заставить светские власти казнить еретиков. Отлучения особенно боялись, так как, согласно каноническим законам, отлученный, если оно с него не снималось в течение года, мог быть осужден на смерть. Поэтому у тогдашних правителей не было другого средства избежать этого наказания, как беспрекословно выполнять приговоры церкви»*⁷⁸⁸.

Факты свидетельствуют, что именно церковь добивалась преследования «колдунов» и «ведьм» светскими судами за религиозные преступления:

«Светское законодательство <...> стремилось иметь дело лишь с «зловредными деяниями» колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и свершался суд над колдуном. <...>

Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. прямо **запрещает христианам верить тому, что женщины могут быть вампирами** и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались **безумцами**. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постичь того, кто, одуроченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирающих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных **мнимых** преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и «языческим безумием». Колдун – реальность, он несет с собою малефиций *<зловредительство – С. Ц.>* своему ближнему и подлежит как вредитель суровому наказанию; вампир – стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одуроченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжелые насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности перед законом.

Но если **светский суд отмежевывал себя от народных безумий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к «народному безумию»** и вскоре овладели и светским судом.

До IX века светское законодательство упорно ставило ударение на вреде, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание; **с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна**. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впал во власть демона, преклонился перед силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом,

⁷⁸⁶ «В таких случаях правило – не соблюдать правил» (лат.).

⁷⁸⁷ Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. – 2 изд. – М.: Юрид. лит., 1989, с. 27.

⁷⁸⁸ Инквизиция перед судом Истории. – <http://www.rulib.org/book/4871/8.html>

соответствует все более и более величине **греха**, а не **преступления**: убийство, совершенное без специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ярко сказался элемент дьявольского наваждения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер колдовских преступлений, но и **санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие**, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных, – все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лонгобардец Ротар⁷⁸⁹.

«<...> папа Иннокентий VIII своей знаменитой буллой *Summis desiderantes*, так называемой «ведовской буллой», указал, что основной задачей германской инквизиции отныне является беспощадная борьба с ведовством и окончательное его истребление, так как зло это приняло слишком большие размеры, чтобы инквизиция могла к нему относиться со снисхождением и с некоторым ослаблением. Против дьявола, в своей дерзости дошедшего до стремления овладеть всем человечеством, церковь обязана выступить во всеоружии своей мощи и энергии. Дьявольское упорство во что бы то ни стало должно быть уничтожено.

И началась эра страшных, кровавых преследований всех, заподозренных в той или иной степени в сношениях с дьяволом и его сотрудниками.

Таково историческое значение той буллы, во имя которой **в течение свыше двух столетий сжигали, мучили, терзали и уничтожали суеверных, больных, жалких и невежественных людей**. Булла эта была поворотным пунктом в деятельности инквизиции, которая с этого момента сосредоточила главное свое внимание на ведовстве и не столько стремилась к установлению чистоты католической веры и правильности отдельных догматов, сколько к искоренению той страшной силы, которая дерзала овладеть человечеством, чтобы вырвать его из лона церкви и из ведения самого бога⁷⁹⁰.

То, что Церковь вместо заповеданного ей Христом милосердия, наоборот занялась жесточайшим преследованием инакомыслящих и просто больных людей, и распространением в народе самых темных суеверий, является несмываемым пятном на ее совести. И отсутствие следов раскаяния за совершенные иезуитами преступления объединяет церковников не с Богом, а с худшими репрессивными режимами.

Диакон утверждает, что поскольку «неприязнь людей к колдунам совершенно независима от христианства», то «по законам логики из этого следует вывод, что инквизиция не может считаться причиной «охоты на ведьм»⁷⁹¹. Но с той же степенью обоснованности можно утверждать, что поскольку неприязнь людей к изменникам родины, вредителям и шпионам совершенно независима от коммунистической идеологии, то и НКВД не может считаться причиной советских репрессий. Однако по законам нормальной, не семинаристской логики следует, что причиной «охоты на ведьм» всегда является стремление дорвавшейся до власти идеологии к истреблению инакомыслящих. И ответственность за преступления инквизиции лежит именно на христианстве. Да, не оно придумало ведьм и колдунов, но его вина в том, что вместо просвещения народа и борьбы с религиозными суевериями оно само занялось раздуванием этих суеверий до невиданных размеров в своих меркантильных корыстных целях:

«Материальная нужда, все усиливающаяся эксплуатация крестьянства, частые голодовки, нищета, эпидемии – вот причины, в силу которых народ охотно откликнулся на даваемые церковью объяснения, и чем сильнее распадался феодальный режим, чем ненадежнее становилась жизнь выбитого из колеи средневекового человека, тем легче поддавался он на дьявольскую удочку и тем крепче держался он за **церковное объяснение**, доступное его элементарному мышлению.

⁷⁸⁹ Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 12.

⁷⁹⁰ Там же, с. 50.

⁷⁹¹ Кураев А., диакон. Работу инквизитора я считаю достойным видом трудовой деятельности.

Тяжелое положение женщины, ставшее особенно острым в связи с разложением натурального хозяйства и феодального общества вообще, способствовало тому, что дьявол пожинал особенно богатую жатву среди женщин. Не принимаемые ни на какие службы, не допускаемые в цехи, отталкиваемые насильно от трудовой жизни, **женщины страдали особенно сильно.**

Численно превосходя мужчин, ввиду неучастия ни в войнах, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в тяжком, подрывающем силы труде, женщины оказывались в избыточном количестве и наполняли собою монастыри и всевозможные «богоугодные» и благотворительные учреждения. Оставаясь вне брачных уз и зачастую ведя затворническую жизнь, женщина становилась жертвой своей половой неудовлетворенности и впадала в опасную созерцательность и мечтательность. **Эта почва была чрезвычайно благодатна для безумных бредней церкви о дьяволе и демонах.** Со всей страстностью физической неудовлетворенности женщина бросалась в объятия той фикции, которую церковь сделала реальностью и в которую так крепко поверила глубоко невежественная истеричная женщина, выбитая из строя разлагавшимся феодальным обществом. И женщина – вместо того, чтобы выходить замуж, всходила на костер и приносила безумные жертвы собственному невежеству и взлелеянной церковью фантазмагории. Больные женщины оказались в роли самых сильных представителей дьявола, и церковь не щадила сил, чтобы вырвать с корнем этих наиболее опасных и упорных еретиков; в этой кровавой расправе церковь продолжала творить свое старое гнусное преступление. Она никогда и нигде не отрицала сношений женщины, идущей на костер, с дьяволом; **она никогда не называла ее больной и слова обезумевших жертв выдавала, как признание реальной связи преступницы с врагом человеческого рода.**

Сжигая женщину как опаснейшую преступницу, церковь лишь укрепляла в обществе идею ведовства и дьявольщины и сеяла вокруг себя безумие, которое тут же становилось жертвой всепожирающих appetитов церкви. Будучи источником опаснейшего суеверия, питая все слои населения губительным ядом фантазмагорий, **церковь не могла, конечно, искоренить того дела, которое ею же взращивалось»**⁷⁹².

«Одержимость упоминается еще в Библии; о ней определенно говорится в Евангелиях; но **эпидемический характер она приняла лишь в XVII веке,** когда церковь в течение двух столетий насыщала атмосферу разными страшными духами и довела слабых людей до полного безумия. Исцеление одержимых производилось церковью путем молитв и заклинаний, причем процедура заклинаний была введена церковью в ритуал»⁷⁹³.

Кураев утверждает, что «Римская Инквизиция основана только в 1542 г.»⁷⁹⁴, хотя ее основание относится еще к 13 веку. Вот что сказано в соответствующей статье Военно-исторического словаря: «В 1233 г. папа Григорий IX поручил ведение инквизиции монашескому ордену доминиканцев. Инквизиторы назначались римскими папами и подчинялись только им»⁷⁹⁵. Подобные методы коррекции исторической правды лукавым диаконом неотличимы от методов советских историков, применявших их для обеления преступлений советской власти. Отсчет репрессий они начинали и заканчивали 1937 годом, стыдливо умалчивая, что репрессии, пусть и в меньших масштабах, начались и не прекращались ни на миг с самого начала существования советской власти.

Опираясь на слова сицилийского инквизитора Людвиг Парамо: «В течение 150 лет были в Испании, Италии, Германии сожжены, по меньшей мере, 30 000 ведьм»⁷⁹⁶ – Кураев ничтоже сумняшеся заявляет, что «На фоне светских репрессий безбожного XX века цифра в 30 000, распределенная по всем странам и нескольким векам, уже не кажется огулнительной»⁷⁹⁷. При этом им полностью игнорируются комментарии этих слов специалистами: «Так как Парамо писал эти слова в 1598 году, то в число 30 000 не могли войти ни 900 ведьм, сожженных в Лотарингии в течение 15 лет Николаем Реми во второй половине XVII века, ни 700 погибших в Фульде от руки

⁷⁹² Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 45-46.

⁷⁹³ Там же, с. 57.

⁷⁹⁴ Кураев А., диакон. Работу инквизитора я считаю достойным видом трудовой деятельности.

⁷⁹⁵ Военно-исторический словарь. Инквизиция. – http://www.medieval-wars.com/enc/ii_00159.html

⁷⁹⁶ Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 51.

⁷⁹⁷ Кураев А., диакон. Работу инквизитора я считаю достойным видом трудовой деятельности.

свиристествовавшего в XVII веке Балтазара Фосса, ни 600 сожженных в Бамберге в течение 1624–30 гг., ни **бесчисленное множество других, погибших в огне** во исполнение буллы папы Иннокентия VIII»⁷⁹⁸. Впрочем, позже неугомонный диакон раскопал где-то на свалке «новые» исследования этого вопроса своими единомышленниками, согласно которым **«цифра казненных оказывается и еще на порядок ниже – три тысячи жертв»**⁷⁹⁹.

Особенно омерзительно то, что в деятельности инквизиции, как впрочем и всей церкви, определяющую роль играли денежные вопросы:

«Денежный момент вообще играл очень значительную роль в ведовской инквизиции, и не без основания каноник Корнелий Лоос называл процессы против ведьм алхимией, с помощью которой из человеческой крови получают серебро и золото. <...> Летописец XVI века описывает нищету, охватившую Трир и его окрестности, но прибавляет, что теперь богаты судьи, следователи и инквизиционные ищайки: «палач и его жена ходят даже в серебре и золоте»⁸⁰⁰.

«Все расходы по ведовским процессам покрывались из средств осужденных или просто привлеченных к ответственности ведьм и колдунов. Конфискации подлежало не только недвижимое имущество, но и все движимое, вплоть до предметов первой необходимости. Обратное оправданное ничего не получало. Иногда ведовское доносительство являлось последним средством лишить человека его имущества: когда иной способ законного грабежа оказывался невозможным, выдвигалось обвинение в ведовстве»⁸⁰¹.

«Характерно, что материальная подкладка процессов во имя чистоты религии была подмечена еще Карлом Великим, который в одном капитулярии от 811 года обвинял духовенство в том, что оно злоупотребляет дьяволом и адом с целью скопления денег и всяческих материальных благ. Ту же мысль в XVII веке проводит красной нитью в своей книге «Cautio criminalis» (1631 г.), Фридрих Шпе, сам вышедший из иезуитской среды.

«Многие духовные и не духовные лица, – говорит Шпе, – ныне голодают по осуждениям, которые их так обильно кормили жирным супом». Шпе приводит, между прочим, факты шантажа со стороны многих инквизиторов: они сеяли панику среди народа, вызывали перед ним образ самых ужасных демонов, а когда народ, нафанатированный и полный бредовых мыслей, умолял инквизитора приступить к искоренению дьяволов, ему отвечали, что у инквизиции есть обязанности в другом месте и только за уплату определенной суммы отъезд инквизитора может быть временно отсрочен. Эти отсрочки были чрезвычайно кратковременны и каждый раз возобновлялись при условии внесения денег со стороны напуганного населения»⁸⁰².

В своей кровавой деятельности христианская инквизиция не гнушалась сожжения не только взрослых, но и детей! Например, в Швеции в 1669 г. были сожжены 15 детей, в Германии **«в 1659 г. в Бамберге были сожжены 22 девочки в возрасте от 7 до 10 лет»**⁸⁰³. Жаль, что они не могли ознакомиться с возвышенными размышлениями Кураева об инквизиции, хотя вряд ли это облегчило бы им путь на небо. Воистину нужно быть полным **«отморозком»**, чтобы пытаться сегодня обелять омерзительные преступления инквизиции.

При том, что инквизиция имела много общего с репрессивными аппаратами тоталитарных режимов, было у нее все же и одно кардинальное отличие: ни один тоталитарный режим **никогда не творил подобные злодеяния открыто.** Даже полное отсутствие совести у палачей не позволяло им прилюдно уничтожать приговоренных, как это делала в средние века, прикрывающаяся фальшивыми моральными лозунгами и кощунственно протитирующая любовь к Богу, обезумевшая в охоте на ведьм христианская церковь.

Но отчего же, несмотря на все вышесказанное, Кураев считает **«Работу инквизитора <...> весьма достойным видом трудовой деятельности»?** Видимо потому, что истово следует Соборному Уложению 1649 г.: **«1. Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождышу Его**

⁷⁹⁸ Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 51.

⁷⁹⁹ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

⁸⁰⁰ Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 53.

⁸⁰¹ Там же, с. 55.

⁸⁰² Там же, с. 56.

⁸⁰³ Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Изд. 2-е. – М.: СП «Интербук», 1990, с. 59.

Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест, или на Святых Его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохулника обличив, казнити, **зжечь**»⁸⁰⁴. Несомненно, диакону мил и Указ 1684 г., по которому смертной казни через сожжение предавались еретики, которые «отшатнулись от церкви и чинят соблазн и мятеж», а также «перекрещенцы». Костомаров, характеризуя данный Указ, пишет: «Велено было хватать всякого, кто не ходил в церковь, не исповедовался, не пускал к себе священника в дом; таких приказано было подвергать пытке; <...> а непокорных велено было велено **сжигать живьем**»⁸⁰⁵. При чем пытки обвиняемых производились **по требованию** духовных властей.

Костомаров пишет, что еще при царе Федоре Алексеевиче от царского имени монахом Симеоном Ситиновичем (Симеоном Полоцким) был составлен проект создания Московской Духовной Академии (основана в 1685 г.) – первого высшего учебного заведения в северной Руси (где кстати ныне профессорствует Кураев!): «Учреждаемая Академия не была, однако, одним только учебным заведением. По проекту, она **долженствовала быть чем-то вроде инквизиции или тайной полиции по религиозным делам**. Блюстители и учителя должны были наблюдать, чтобы не являлись неправомудрствующие в вере, не заводили распри и раздоров, а если такие люди явятся, то доносить о них царю. Царь с совета патриарха, по одному только свидетельству блюстителя и учителей, не принимая никаких «словес и рассуждений», обещал судить обвиненных без всякого помилования. <...> По доносу, сделанному блюстителем и учителями, **виновный подвергался сожжению без всякого милосердия**. <...> Все переходящие из других вер в православную состояли под надзором блюстителя с учителями и записывались в особые книги. Стоило только донести на них, что они не вполне хранят православную веру и церковные предания – их ссылали на Терек или в Сибирь, а если бы оказывалось, что они держатся своей старой веры, из которой перешли в православие, то они **осуждались на сожжение**. Равным образом, чужеземцы, пришедшие из других государств, будучи прежде православной веры, за принятие в России какой-нибудь другой веры **осуждались на сожжение**. Если кто из русских или чужеземцев произнесет какое-нибудь укоризненное слово против православной веры или церковных преданий или, например, скажет что-нибудь против призывания святых, поклонения иконам, почитания мощей, тот предавался суду блюстителя и учителей и **осуждался на сожжение**. <...> Таков был проект первого высшего училища в Московском государстве, **такова была заря ученого образования, которое грозило худшим мраком, чем прежде невежество**»⁸⁰⁶.

Нынешний наследник славных традиций зарождения МДА Кураев, восхваляя гуманизм инквизиции, не забыл подчеркнуть, что пытки «не длились более 15 минут». А с чего бы им длиться дольше, учитывая мастерство и оснащенность ее палачей? Неполный список реквизитов итальянской выставки «Инквизиция. Средневековые орудия пыток» включает «<...> около 60 моделей предметов для пыток, <...> например, модели нюрнбергской девы и стула ведьм, дыбы и железного кляпа, вилки еретика и железного сапога, <...> а также орудия, применявшиеся для осуществления смертной казни – колесо, ручная пила и кол»⁸⁰⁷. Обряд устрашения подследственной этими милыми орудиями христианского труда описан В. Я. Брюсовым: «– Вот это, милая моя, – жом; им **ущемляются большие пальцы**, и, когда винты подвинчиваются, **из-под ногтей течёт кровь**. А это – шнур; когда зашнуруем мы тебе в него руки, запоёшь ты иным голосом, так как **входит он в мясо не хуже ножа**. А это ещё – испанский сапог; мы положим твою ножку **между двумя пилами** и будем сжимать её, хоть до тех пор, пока не распилился кость и **не потечёт мозг**. А там вот – стоит дыба; как подтянем мы тебя на неё, так руки и **вывернутся из суставов**»⁸⁰⁸.

Я бы рекомендовал диакону для разнообразия представить себя сидящим на таком старом добром средстве, как «**умааг**»⁸⁰⁹. Думаю не то что за 15 минут, а за 15 секунд, если не быстрее,

⁸⁰⁴ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961, с. 70.

⁸⁰⁵ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Репринт. воспр. изд. 1873-1888 гг. Книга II. Вып. 5. – М.: Книга, 1991, с. 502.

⁸⁰⁶ Там же, с. 418-419.

⁸⁰⁷ В Петропавловке продемонстрируют позорную маску и стул ведьм. – Московский комсомолец, 25.04.2007. – <http://www.mk.ru/blogs/MK/2007/04/25/srochno/240699/>

⁸⁰⁸ Брюсов В. Я. Огненный ангел: Ист. повести. – К.: Дніпро, 1991, с. 285.

⁸⁰⁹ Ефремов И. А. Час быка. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Кн. 2. – М.: Мол. гвардия, 1989, с. 431.

отрекся бы он на нем от всего сущего и признал, что пишет свои книги по прямому наущению дьявола...

Кураеву следовало бы предложить новую редакцию статьи об изнасиловании, включающую параграф, что если насилие **«не длилось более 15 минут»**, то применяется поправка имени отца Андрея Кураева, дающая льготу в наказании за гуманный секс. Но перед введением в действие этой поправки я бы просил отца Андрея все же лично подвергнуться хотя бы пятиминутному насилию для окончательного уточнения приемлемой длительности пытки. Буде такое счастье случится, напоминаю испытующим, что в связи с излишней полнотой чревоугодничающего испытуемого, нужно обязательно учесть ценный совет серых подручных дона Рэбы⁸¹⁰: **«Когда жиру много, накалять зубец не след, все одно в жиру остынет. Ты щипчики возьми и сало слегка отдери...»**

13.8. Утром в Страстную пятницу апостолы стояли за линией оцепления, с ужасом наблюдая за голгофской казнью.

Крайне интересно, на основании каких источников диакон сформулировал этот тезис, и кто именно там стоял: **«Хотелось бы всех поименно назвать...»**⁸¹¹ Ведь если мы обратимся к каноническим Евангелиям, то обнаружим, что в них не упомянута не только мифическая «линия оцепления», но и якобы стоящие за ней апостолы! А если мы обратимся к неканоническому «Евангелию от Афрания» Кирилла Еськова, то узнаем, следующее⁸¹²:

«Есть и возвышенная беседа, которую ведет умирающий в жесточайших муках человек со своими стоящими при кресте матерью и «любимым учеником», сиречь – Иоанном (Ин 19:26-27) [медицинские аспекты крестной казни были детально описаны Мак-Дауэллом; обычно считают, что смерть наступает от болевого шока, сочетающегося с обезвоживанием организма и тепловым ударом, но в действительности это не совсем так; спустя несколько часов после распятия у человека начинает развиваться отек легких из-за затрудненности их вентиляции, непосредственной причиной смерти является асфиксия; в силу этого распятый в принципе не может вести сколь-нибудь продолжительных и связных разговоров].»

Стоп! А ведь у Синоптиков, между прочим, ни Богоматери, ни ученика нет и в помине. Есть лишь повсюду следовавшие за Христом галилейские женщины – две Марии, Магдалина и Иаковлева, и Саломея, да и те стоят вовсе не рядом с крестом, а *глядят издали* (Мр 15:40; Мф 27:55). Как могло случиться, что все Синоптики дружно не заметили такую «деталь», как *стоящие у креста Иоанн и Дева Мария?*»

А вот Кураев оказался прозорливее всех канонических евангелистов, и своим непомерно развитым воображением умудрился промыслить целую толпу апостолов.

13.9. Утро же этой Страстной пятницы москвичи проводят тоже в окружении милиции, но это оцепление ограждает очередь «халявщиков», давящихся за билетами в варьете.

В излюбленных Кураевым ранних редакциях романа москвичи стоят в очереди 12 июня, – **«<...> визит буфетчика Театра Варьете к Воланду с требованием замены поддельных денег настоящими на следующий день после сеанса черной магии происходил в редакции 1929-1930 гг. 12 июня»**⁸¹³. Как мы уже писали (см. [тезис 13.6](#)), при изменении дат разворачивающихся в романе событий внутреннее их содержание не может автоматически перепривязываться к новым церковным праздникам. Следовательно, Булгаков не придавал никакого значения подобной внутренней увязке событий, и его интересовало только внешнее соответствие временных рамок древних и современных глав, укладывающихся в четыре дня Страстной недели.

⁸¹⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. – М.: Текст, 1992, с. 237.

⁸¹¹ Ахматова А. Реквием: Стихи русских советских поэтов. – М.: Современник, 1989, с. 50.

⁸¹² Еськов К. Евангелие от Афрания. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001, с. 45.

⁸¹³ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324.

13.10. В храме в это время идет чтение Часов. Булгаков так же по часам фиксирует разрастание и распад этой очереди.

Вся фиксация «разрастания и распада» очереди Булгаковым сводится всего к двум фразам⁸¹⁴:

«К десяти часам утра очередь жаждущих билетов до того взбухла, что о ней достигли слухи до милиции»;

«А дело тем временем шло к полудню, когда должна была открыться касса. Но об этом, конечно, не могло быть и разговора! На дверях Варьете тут же был вывешен громадный кусок картона с надписью: «Сегодняшний спектакль отменяется». В очереди началось волнение, начиная с головы ее, но, поволновавшись, она все-таки стала разрушаться, и через час примерно от нее на Садовой не осталось и следа».

Только совершенно воспаленное воображение может усмотреть связь между чтением Царских Часов в Храме и приведенным описанием Булгаковым времени происходящих событий.

13.11. Шествие с гробом безголового Берлиоза оказывается атеистическим суррогатом пятничного хода с Плащаницей.

Если шествие с гробом суррогат церковного хода, то должна найтись хоть какая-то аналогия с ним. В православной церкви в Великую Пятницу в память о распятии Иисуса Христа в храмах пред вечернею⁸¹⁵ совершается чин выноса иконы Плащаницы – полотна, на котором изображен положенный во гроб Господь. При этом Плащаница выносится из алтаря и устанавливается в середине храма. Никакой аналогии с похоронами Берлиоза здесь быть не может, поскольку крестный ход с Плащаницей ни до, ни после вечерни не проводится⁸¹⁶, так как не предписан церковным Уставом.

Крестный ход с Плащаницей проводится только вечером пятницы⁸¹⁷ после утрени Великой Субботы, на которой после поклонения Плащанице совершается чин Погребения. Под скорбный перезвон колоколов тихим Крестным ходом с Плащаницей и свечами шествие обходит храм, после чего Плащаница вновь устанавливается в центре храма до вечера Великой Субботы. Может быть Кураев усмотрел аналогию здесь? Но Берлиоз погиб в среду, и его гроб везут по улице в пятницу во втором часу дня⁸¹⁸. Христос же был распят в пятницу утром, и Его Плащаницу не везут по улице днем, а **обносят** кругом церкви поздно вечером. По церковному календарю это

⁸¹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 511, 513.

⁸¹⁵ В третьем часу дня.

⁸¹⁶ «В юго-западном крае встречается обычай обносить плащаницу кругом храма за вечерней Великой пятницы.

Такое разнообразие богослужбной практики объясняется тем, что в Уставе ничего не говорится о выносе плащаницы на вечерне в Великую пятницу. Устав говорит только о выносе плащаницы на утрени Великой субботы.

Обычай приходских церквей обносить плащаницу кругом храма за вечерней в Великую пятницу, не имея для себя оснований в Уставе, не оправдывается и никакими историческими данными; точно также ни существующими пособиями к изъяснению церковного Устава, ни практикой авторитетных церквей (каковы кафедральные храмы в некоторых старинных городах) такого обнесения решительно не полагается»

[Булгаков С. В. Настольная книга для священнослужителей. Триодь Постная. Издание исправленное и дополненное, 2004 год. Интернет-версия под общей редакцией Его Преосвященства Александра (Милеанта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского. – http://www.kursmda.ru/books/triodion_bulgakov.htm#_Toc68417019]

⁸¹⁷ Вечером пятницы совершается утрени Великой Субботы, так как сутки по церковному календарю начинаются с вечера.

⁸¹⁸ Время действия определяется следующими цитатами [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 544, 546, 548]:

«...» в пятницу <...» Маргарита проснулась около **полудня** <...»;

«Напившись чаю <...» Маргарита Николаевна установила на трехстворчатом зеркале фотографию и просидела **около часа**, держа на коленях испорченную огнем тетрадь, перелистывая ее и перечитывая <...»;

«...» **через несколько минут** <...» Маргарита Николаевна надевала в передней пальто, чтобы идти гулять».

Итак, с учетом чаепития, перелистывания заветной тетради, «смешного разговора» с Наташей и поездки на троллейбусе, похоронная процессия появилась примерно в начале второго, что подтверждается также разговором в троллейбусе: «Кремация, ты говоришь, в два?» [там же, с. 548]

уже не пятничное, а субботнее шествие. Да и отрезанная и впоследствии украденная из гроба голова Берлиоза на аналогию с Плащаницей не напрашивается.

13.12. Бал у сатаны идет в ночь с Пятницы на Субботу. Маргарита дважды купается в кровавом бассейне. В древней Церкви именно в ночь на Великую Субботу оглашенные принимали крещение в баптистериях – в образ смерти и воскресения Спасителя...

Почему Маргарита купается именно два раза? Неужели оглашенные⁸¹⁹ тоже дважды принимали крещение? На что намекает купание Бегемота в коньяке? Суррогатом чего является полет Маргариты? Ответов на эти вопросы Кураев не дает. И почему упрямо выдвигая свои невероятные суррогатные гипотезы, диакон намеренно упускает из виду действительно очевидную параллель между смертью-наказанием предателя Иуды в древних главах и смертью-наказанием предателя барона Майгеля в «большом» романе?

13.13. Но до Пасхи дело не доходит: Воланд не может остаться в Москве Пасхальной: «– Мессир! Суббота. Солнце склоняется. Нам пора». И из Пасхи же убегают Мастер с Маргаритой. Эта московская православная Пасха нигде в романе не упоминается. Но события ведут к ней. И Воланду отчего-то не хочется продлевать свое пребывание в Москве...

Если верить Кураеву, перед православной Пасхой духи зла покидают Москву. Данное абсурдное утверждение порождает массу вопросов. Распространяется ли это благотворное явление на прочие города России, или это чисто столичная специфика, и провинции, как всегда, не повезло? На какой день духи зла возвращаются обратно? Пугают ли их прочие православные праздники? И неужели католическая Пасха на них совсем не действует? Значит, черти придерживаются православной веры? Свежо предание, а верится с трудом. Тем более что традиции «европейской фаустианы» не мешают Воланду остаться в Москве пасхальной. У Гете Мефистофель не только не бежит от Пасхи, но и совершенно не обращает на нее внимания. Да и чего ему ее бояться, если он с Богом на короткой ноге?

Как мы уже отмечали, специальной пасхальной темы в романе нет (см. тезисы [13.2-13.3](#)). Основная тема – визит и Бал Воланда. Ни Воланду с его свитой, ни Мастеру и Маргарите нет смысла убегать от Пасхи. Не может Воланд обмениваться вестниками с Иешуа, и как мальчишка от Пасхи бегать. Тем более что в строгом соответствии с фабулой романа, канонического евангельского воскресения в нем не было⁸²⁰, и, следовательно, сей праздник для здоровья булгаковского Сатаны совершенно не опасен. В романе ясно сказано, причиной того, что Воланд собрался «в путь»⁸²¹ (а не «бегство») является то, что все его дела в Москве завершены. Бал прошел, судьба Мастера и Маргариты определена, теперь на очереди разрешение судьбы Пилата.

13.14. Суббота – вот храм, который всегда с евреем. Где бы он ни был, но суббота приходит всегда и вместе с ней возможность вспомнить о Боге, сотворившем мир за шесть дней...

⁸¹⁹ Оглашенные (оглашаемые) – лица, готовившиеся ко Крещению, а также кающиеся, отлученные от причастия.

⁸²⁰ «Но если, например, утверждение о том, что Христос восстал из мертвых, понимать не буквально, а символически, тогда оно может быть объектом для различных толкований, которые не будут вступать в конфликт со знанием и не исказят смысл самого утверждения. Возражение, что символическое понимание этого утверждения кладет конец христианской вере в бессмертие, по самой своей сути убого, потому что задолго до пришествия христианства человечество верило в жизнь после смерти и, стало быть, ему не была нужна никакая гарантия бессмертия в форме праздника Пасхи. Опасность того, что слишком буквальное понимание мифологии в той форме, в какой ее преподносит Церковь, неожиданно приведет к ее полному отрицанию, в наше время велика, как никогда. Не пора ли начать понимать христианскую мифологию символически, чтобы предотвратить ее полное уничтожение?» [Юнг К. Г. Нераскрытая самость // Юнг К. Г. Избранное. – Мн.: ООО «Попурри», 1998, с. 90].

⁸²¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 689.

Сатана – вот образ, который всегда с Кураевым. Где бы он ни был, но сатанизм мерещится ему везде, и вместе с ним возможность вспомнить о Сатане. Возникает риторический вопрос: кто же больший сатанист, тот, кто не верит в Сатану, или тот, кто вспоминает о нем на каждом углу и по каждому поводу?

Резюме 13. Поскольку главная линия действия романа связана с балом Сатаны, который по сведениям Кураева проводится в начале мая, то наступление после него праздника Пасхи совершенно случайно и наблюдается исключительно редко. Как отмечает сам Кураев, изначально, в ранних редакциях, действие романа разворачивалось в июне, и лишь впоследствии было перенесено на май. Следовательно, пасхальная тема в романе вторична и не несет никакой смысловой нагрузки. Не пасхальная, а полнолуная тема, – тема луны, проходит красной нитью через роман Булгакова.

14. Кураев. ПОЧЕМУ ВОЛАНД – ИНОСТРАНЕЦ?

*«– Сознавайтесь, кто вы такой? – глухо спросил Иван.
Иностранец нахмурился, глянул так, как будто впервые видит поэта, и ответил
неприятно:
– Не понимай... русский говорить...»*

М. А. Булгаков⁸²²

Кураев утверждает, что раньше Воланд «был «иностранцем» для «святой Руси»», и только после разрушения Храма Христа Спасителя, – «является как полновластный хозяин». Как мы покажем ниже, Храм Христа Спасителя не имеет ни малейшего отношения к роману (см. [тезис 14.3](#)), а что касается «иностранности» Воланда на «святой Руси» и ее трепетного отношения к духовным святыням христианства, то в опровержение этого тезиса приведем следующий факт:

«В XVIII и XIX веках древнерусская икона <...> была по многим причинам не в фаворе, и даже более того – подвергалась гонениям. Она слишком много напоминала новаторам древнеправославные догматы, а потому старинные иконы уничтожались, из храмов выкидывались, у старообрядцев отбирались и складывались на чердаках, колокольнях, в подвалах и погребах, где от сырости, птиц и других причин гнили, а храмы заменяли древние иконы новыми, по большей части бездарными произведениями современного иконописания.

Мне вспоминается один ужасающий пример вандализма в конце прошлого столетия. – Продолжает знаток икон С. П. Ряпушинский. – В самом центре Москвы сторожа церкви 12 Апостолов в Кремле, в подвале которой были сложены древние иконы, в 1896 году кололи их на дрова и топили ими печи»⁸²³.

Спору нет, уничтожение Храма Христа Спасителя в Советской России ужасно, но и «святой Руси» хвалиться нечем. Не на пустом месте выросло воинствующее безбожие 20-х годов, его духовные корни православие породило подобно гидре внутри себя, безбожно воинствуя в борьбе со старообрядцами.

14.1. В черновиках читается занятное продолжение истории с буфетчиком, которого насмерть перепугали сатанисты. Столкнувшись с нечистой силой, он сразу же бежит в церковь.

<...> Буфетчик оказался снаружи, голову задрал. На куполе креста не было. Вместо креста сидел человек, курил».

<...> вместо храма – комиссионный магазин, вместо ладана – папиросы, вместо батюшки – отреченец. «Ни одного лика святого» нет <...> Но все же тема поруганного храма звучит здесь открыто.

⁸²² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 376.

⁸²³ Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже: В 2 т. Т. 2. – М.: Прогресс-Традиция, 2002, с. 156.

Авторитетный, по мнению Кураева, исследователь Барков считал иначе. Как мы уже отмечали (см. [тезис 3.1](#)), о вере Булгакова Барков, на основании цитируемых им источников, в том числе и приведенных диаконом строк, делает следующее заключение⁸²⁴: «<...> в отношении Булгакова к религии и к православной церкви **никаких принципиальных расхождений во взглядах с Толстым не было**». Резко отрицательное отношение Толстого к православию, полагаю, для читателя уже не составляет секрета.

14.2. <...> в романе подчеркнуто отсутствует главный храм России – Храм Христа Спасителя.

Увы, как это ни печально, но храм Христа Спасителя далеко не единственное, что подчеркнуто отсутствует в романе. В романе столь же подчеркнуто отсутствует главный Кремль России (Московский), главные театры России (Большой и Малый), главный гастроном тех лет (Елисейский), главный и единственный митрополит России и еще так много всего главного, что право порой просто комок подкатывает к горлу...

14.3. Но вот Воланд с крыши Дома Пашкова обозревает Москву, взирая «на необъятное собрание дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на снос лачуг»... Читатель-не-москвич проходит мимо этой строчки, не замечая ее странности. Чтобы вполне оценить эту булгаковскую подсказку, надо знать географию и историю Москвы. Вспомните парадный, телевизионный вид на Кремль с Большого Каменного Моста. Кремль остается от этого моста по правую руку. Впереди несколько вполне добротных каменных домов, за которыми стоит Манеж. А вот слева от моста на Боровицком холме и стоит Дом Пашкова, «дом с круглой башней». Если теперь смотреть с этого дома, то перед лицом будет Кремль, впереди слева – Манеж, справа впереди – мост. За спиной – Музей изобразительных искусств имени Пушкина. За Музеем – усадьба Голицыных (будущее место работы Ивана Бездомного). Сзади и чуть левее дома Пашкова – усадьба Гагариных. Между Гагариными и Голицыными – усадьба Лопухиных. Наконец, сзади и правее дома Пашкова – Храм Христа Спасителя... Непонятно – откуда вдруг тут могли взяться «обреченные на снос лачуги».

И все же они тут были, правда в одном лишь месте и в одно лишь время. С 1933 по 1937 годы. «Тут» значит на месте Храма. <...> Храм взорвали в декабре 1931 года. <...> Строительство дворца начали в 1937 году. А вот в промежутке между этими двумя акциями на месте Храма и появилась «деревня Нахаловка» – самострой, домики, построенные безо всяких разрешений... Ее-то и видит Воланд.

<...> Весь мистический сюжет «Мастера и Маргариты» может быть понят из этого фрагмента. И этот сюжет может быть резюмирован поговоркой: «свято место пусто не бывает».

Оставив пока в стороне географию и историю, заметим, что по знанию романа у Кураева твердый кол. Булгаков ясно пишет⁸²⁵: «Глаз Воланда горел так же, как одно из таких окон, хотя

Воланд был **спиной к закату**». Вот фотография заката над Кремлем. Слева по ул. Волхонке 15 виден храм Христа Спасителя. Дом Пашкова стоит на углу Моховой и Знаменки, то есть правее Храма и существенно ближе к Кремлю. Следовательно, находясь спиной к закату, Воланд сидит на террасе дома Пашкова **спиной к Храму**. Сидит он: «Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя <...>»⁸²⁶. Из описания ясно, что «длинная и широкая шпага» Воланда воткнута не

⁸²⁴ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

⁸²⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 686.

⁸²⁶ Там же, с. 685.

перед ним, заслоняя ему горизонт широким лезвием и рукоятью, а позади и слева. Воланд сидит «на складном табурете»⁸²⁷, левая нога немного вытянута вперед, правая поджата под него и носком касается плит террасы, так что тень шпаги «медленно и неуклонно удлиняясь» подползает к его «черным туфлям». За спиной у Воланда «круглая башня»⁸²⁸, так что при всем желании он не имеет никакой возможности оглянуться и бросить взгляд на расположенный позади него Храм Христа Спасителя. К сожалению, в своем фильме В. Бортко пренебрег многими нюансами романного текста. В данном случае он игнорировал указания Булгакова, что действие происходит «на закате солнца» и Воланд сидит «спиной к закату». В результате из-за неправильного выбора времени съемки, солнце оказалось не за спиной Воланда, как в романе, а впереди и слева.

Вот карта места событий. На пересечении Знаменки и Моховой обозначен Дом Пашкова. Снизу в левом углу по Волхонке, 15 расположен Храм Христа Спасителя (окаймлен зеленым). Красная линия (1) показывает направление взгляда Воланда в сторону пожара, – вверху справа (за границей карты). Розовая линия (2) показывает направление лучей солнца, светящего в спину Воланда с левой стороны.

В романе указано, что Воланд смотрит на горящий дом Грибоедова (дом Герцена на Тверском бульваре)⁸²⁹. Следовательно, по правую руку у него находится Кремль, а перед ним, – Манеж и Охотный ряд: «В XIX в. район Охотного ряда приобрёл исключительно торговый характер: там располагались лавки, склады, гостиницы, трактиры и т.п. В 1930 Охотный ряд реконструирован, почти вся старая застройка <...> снесена, на этом месте – гостиница «Москва»⁸³⁰.

Но какие же «лачуги» имел в виду Булгаков? Старый Охотный ряд, или нечто другое? Ключ к разгадке лежит на поверхности: «<...> Воланд не отрываясь смотрел на **необъятное сборище** дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг»⁸³¹. Написано не просто сборище, а именно необъятное. Можно ли так выразиться о кучке лачуг на месте Храма или даже о целом Охотном ряду? Разумеется, нет. Следовательно, Булгаков описывает не близлежащие строения, а весь необъятный вид на раскинувшуюся перед Воландом до самого горизонта Москву. В то время Москва действительно представлял собою именно описанное Булгаковым «необъятное сборище» разнокалиберных строений. В русском языке под словом «лачуга» понимается «бедная хижина, небольшой и плохой дом»⁸³². Поэтому маленькие плохонькие, обреченные на снос домишки старой Москвы Булгаков вполне обоснованно назвал лачугами.

Конечно, в наше время, чтобы понять эти тонкости нужно действительно хоть немного ориентироваться в географии и истории Москвы. Географические познания диакона я готов признать более менее удовлетворительными, а вот с историей у него как всегда вылезло наружу дремучее невежество. Впрочем, всех этих подробностей можно и не знать. Достаточно просто постараться понять, о чем идет речь, а не заикливаться, как поручик Ржевский, на одной навязчивой идее, даже и пытаюсь найти дорогу к Храму.

Поскольку «весь мистический сюжет «Мастера и Маргариты»» Кураев, по его словам, «понял» именно «из этого фрагмента», то приходится с грустью констатировать, что в романе

⁸²⁷ Там же, с. 685.

⁸²⁸ Там же, с. 686.

⁸²⁹ Там же, с. 686.

⁸³⁰ [Энциклопедия «Москва». Статья Охотный ряд – http://slovari.yandex.ru/](http://slovari.yandex.ru/)

⁸³¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 685.

⁸³² Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999, с. 320.

«Мастер и Маргарита» диакон не понял ровно ничего. Даже расположение глаз Воланда не на обычном месте, а на затылке, не помогло бы, так как за спиной у него «круглая башня», заслоняющая «задний» обзор. Оригинальный выход для спасения гипотезы своего учителя предложил один из его последователей на кураевском форуме: «Возможно, Воланд был развернут «цензурно-насильственно» <...>, но даже в таком положении Воланд видит все, в том числе то что позади него, благодаря зеркальному эффекту в окнах»⁸³³. Все бы хорошо, но кривизна оконных стекол всегда смешивает в пестрые пятна и без того «изломанные»⁸³⁴ отражения. К тому же из описания Булгакова ясно следует, что на «лачуги» Воланд смотрит, глядя вниз на раскинувшийся перед ним город. На окна «в верхних этажах» он смотрит в следующем эпизоде, и по понятным физическим причинам видит в них «изломанное» отражение солнца, а не земли.

А возможно ли вообще появление каких-то самостроенных «безо всяких разрешений» лачуг на месте строительной площадки Дворца Советов? Неужели место строительства будущего Дворца никак не охранялось? Неужели в то время можно было прийти и нахально поселиться на режимной территории рядом с Кремлем, будто и не было ГУЛАГа и массовых репрессий и выселений Ягоды, Ежова и Берии. Любого свободно арестовывали и выселяли, а кураевскую Нахаловку не могли?

Как же так? Ведь Солженицын упоминает «лагучасток в полукилометре от Кремля – начало строительства Дворца Советов»⁸³⁵. Казалось бы, огороди эту Нахаловку и вот он! Но мягкосердечные кремлевские вожди почему-то упустили эту возможность. Может Господь на святом месте охранял «нахалов»? Но и здесь не так все просто. Чтобы немного остудить благородное негодование советской властью, разрушившей Храм, поясню, что корень зла таится еще глубже. Как известно, при закладке нового храма были разобраны находившиеся на площадке, предназначенной для Храма Спасителя, Свято-Алексиевский женский монастырь и церковь во имя Всех святых, монастырь был переведен в Сокольники⁸³⁶. По преданию игуменья, уходя, пожелала этому месту «быть пусто» и с той поры ни одно сооружение еще не смогло устоять здесь достаточно долго. Так что божье попущение на кощунственное строительное нахальство маловероятно.

А возможно ли было попущение «нахальству» со стороны Кремля? Тоже нет. Серьезные работы по реальному строительству Дворца Советов, – возведение каркаса, – действительно были начаты только в 1937 г. Но строительству любого здания всегда предшествуют котлованные работы, – так называемый нулевой цикл работ. И эти работы начались сразу после взрыва Храма. После многомесячного разбора его руин начались подготовительные земляные работы, прежде всего прорытие и бетонирование огромного котлована. Естественно никакой самострой на территории строительной площадки был невозможен, не говоря о том, что на стройплощадках не бывает свободного места для самостроя, – везде или копают, или что-то складывают, или проводят подъездные пути.

Вздорность тезиса Кураева о лачугах ясна любому здравомыслящему человеку, однако, учитывая свойство любой бредовой идеи периодически возрождаться, как феникс из пепла, приведу краткую хронологию разрушения Храма и строительства на его месте Дворца Советов:

18 июля 1931 года: «Известия» опубликовали Постановление Совета Народных Комиссаров о сооружении в Москве на месте храма Христа Спасителя Дворца Советов.

18 августа 1931 года: Начата разборка Храма.

5 декабря 1931 года: Храм взорван.

1933 год: «В 1933 году началась разведка грунтовых толщ.

Геологи пробурили 117 скважин – 4325 метров. Отдельные скважины проникали в землю на глубину до 110 метров»⁸³⁷.

1934 год: «В 1934 году, наряду с буровой разведкой, геологи заложили шахту, глубиной в 46 метров. <...> спустя два года <т. е. в 1936 году – С. Ц.> был вырыт котлован <...>»⁸³⁸.

⁸³³ Форум Кураева. «Мастер и Маргарита» – толкования и реальность. – http://kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63&topic=22023.new.

⁸³⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 686.

⁸³⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Том 2, часть 3, глава 22. – Кемеровское кн. изд-во, 1991, с. 486.

⁸³⁶ Главный воинский Кафедральный Соборный Храм Христа Спасителя. – <http://www.pobeda.ru/molitva/hrami/xxc.html>

⁸³⁷ Атаров Н. Дворец Советов. – М.: Московский рабочий, 1940, с. 72.

1935 год: «1 января 1935 года экскаватор высыпал первый ковш земли в кузов грузовика.

На площадке между Волхонкой и Москва-рекой взорвано и удалено 160 тысяч кубометров скальных пород, вынута 620 тысяч кубометров мягкого грунта. Это не много в сравнении с тем, что еще предстоит. Ковши экскаваторов вынесут наверх, в кузова грузовиков, еще 1800 тысяч кубометров.

Общий объем бетонных работ – 500 тысяч кубометров.

В течение 180 стахановских дней была закончена бетонировка двух массивных концентрических колец главного фундамента»⁸³⁹.

1936 год: закончено рытье котлована (см. выше).

1937 год: начато возведение каркаса.

1938 год: «27 января 1938 года в главный фундамент Дворца была опущена последняя бадья с бетоном»⁸⁴⁰.

А вот как выглядела строительная площадка во время работ нулевого цикла:

«Автомобильные асфальтовые дороги, проложенные между холмами; крутые асфальтовые спуски; и среди пестрого хаоса разрытой земли в огромном углублении – замкнутый серый массив фундамента.

<...> Бесконечной вереницей, как на фронтовых дорогах, движутся грузовики»⁸⁴¹.

Из вышеизложенного неоспоримо следует, что мифические лачуги мифической деревни Нахаловки созданы исключительно силой богатого воображения Кураева, так же как и вымышленное им еврейское происхождение Клары Цеткин и многие другие не менее забавные утверждения из его многочисленных опусов.

Можно было бы, конечно, списать все эти огрехи на очевидную необразованность диакона в истории, и непонимание им того, что история не богословие, а наука, и в ней нужно толковать не собственные измышления, а реальные факты. Однако Кураев утверждает, что в своих выводах он **«опирался»** преимущественно на черновые рукописи романа. Но если мы заглянем в черновые рукописи, то обнаружим, что никаких лачуг там нет! С осени 1932 по осень 1934 Булгаков завершает третью редакцию романа, Храм Христа Спасителя уже три года как снесен, никаких лачуг в романе нет:

«На плоской террасе здания, украшенного белыми колоннами и скульптурами, изображениями белых женщин в туниках, сидел на складном табурете Воланд и **глядел на город, громоздившийся внизу.** <...>

Воланд **устремил взгляд вдаль**, любуясь картиной, открывшейся перед ним. Солнце садилось за изгиб Москвы-реки, и там варилось месиво из облаков, черного дыма и пыли.

Воланд повернул голову, подпер кулаком подбородок, **стал смотреть на город»**⁸⁴².

В шестой редакции романа, завершенной в период с 27.10.1937 по 23.05.1938, также нет никаких лачуг, как при обзоре с Дома Пашкова: «В вышине, на террасе самого красивого здания в Москве, построенного очень давно, на пустынной террасе, на балюстраде которой возвышались гипсовые вазы, на складной табуретке сидел черный Воланд неподвижно и **смотрел на лежащий внизу город**», – так и при прощании на Воробьевых горах: «Кони стояли на холме Воробьевых гор. У ног лежала река, за рекой пряничные башни монастыря, а дальше – **бесконечный, невероятный город, скопление кирпичных глыб, без конца, без края, испещренных ослепительными пятнами, осколками солнца, низко сидящего на западе, выжигающими окна в верхних этажах»**⁸⁴³.

Взволновавшие воображение Кураева лачуги появились в романе только семь лет спустя после исчезновения Храма, в июне 1938 года, когда Булгаков диктовал О. С. Бокшанской седьмую редакцию романа.

14.4. Эта деталь позволяет понять время действия романа: четыре весенних дня с 1933 по 1937.

⁸³⁸ Там же, с. 73.

⁸³⁹ Там же, с. 76.

⁸⁴⁰ Там же, с. 78.

⁸⁴¹ Там же, с. 83.

⁸⁴² Булгаков М. А. Князь тьмы. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 249-250.

⁸⁴³ Там же, с. 711, 714.

Как мы убедились при рассмотрении предыдущего тезиса, с 1933 по 1937 годы на территории бывшего Храма Христа Спасителя шло достаточно активное строительство котлована, полностью исключаяющее возможность нахального самостроя. Соответственно вывод Кураева о времени действия романа и его якобы связи с временем и самим фактом сноса Храма, не имеет под собой ни малейших оснований. Как отмечено в Булгаковской энциклопедии, наилучшим образом события романа соотносятся с более ранним периодом, а именно с 1929 годом:

«Хронология событий как в московской, так и в ершалаимской части Мастера и Маргариты играет ключевую роль в идейном замысле и композиции. Однако в тексте романа прямо точное время действия нигде не названо. В редакции 1929-1930 гг. события в большинстве вариантов происходили в июне 1933 или 1934 г. (как и в повести «Роковые яйца», дистанция от времени работы над произведением взята в 4 года). В 1931 г. в сохранившихся набросках начало действия было отодвинуто в еще более отдаленное будущее – к 14 июня 1945 г. Но уже в редакции 1929 г. присутствовала и весенняя датировка московских сцен. Там Иван Бездомный захватил катафалк с телом Михаила Александровича Берлиоза, въехал на Крымский мост, слетел с него, раскинув руки, в воду, а следом за ним свалился катафалк с гробом, причем «ничего не осталось – даже пузырьрей – с ними покончил весенний дождь».

В самых ранних вариантах Мастера и Маргариты и московские, и ершалаимские сцены были приурочены к одним и тем же июньским дням. Июньская датировка могла быть связана с христианским праздником Дня Вознесения Господня, отмечаемым в 1929 г. 14 июня. Вероятно, поэтому визит буфетчика Театра Варьете к Воланду с требованием замены поддельных денег настоящими на следующий день после сеанса черной магии происходил в редакции 1929-1930 гг. 12 июня, а, следовательно, сатана со свитой и Мастером оставлял Москву как раз в ночь на 14 июня.

Однако месяц нисан, на который в Евангелиях приходятся события Страстной недели, распятия и Воскресения Иисуса Христа, в разные годы соответствовал марту или апрелю юлианского календаря (так называемого старого стиля), но никогда – июню. А приуроченность визита Воланда со свитой в Москву на Страстную неделю, несомненно, представлялась Булгакову соблазнительной возможностью. Между тем, в XX в. православные Страстная неделя и Пасха ни в одном году не могут приходиться на июнь. Если еще в 1933 г. в сохранившейся хронологической разметке глав события в московских сценах в первых главах были приурочены к июню, то в последних Булгаков уже стал исправлять июньскую датировку на майскую, вернувшись к весенней приуроченности действия одного из вариантов 1929 г. В окончательном тексте Мастера и Маргариты нет точного указания, когда именно происходит встреча Воланда с литераторами на Патриарших прудах, но, оказывается, эту дату несложно вычислить.

Если исходить из предположения, что московские сцены Мастера и Маргариты, как и ершалаимские, происходят на православной Страстной неделе (православные – большинство верующих в Москве), то требуется определить, когда Страстная среда в XX в. приходится на май по григорианскому календарю (так называемому новому стилю), принятому в России с 14 февраля 1918 г. Именно в среду, в этот страшный майский вечер, Воланд и его свита прибыли в Москву. Выясняется, что **только в 1918 и 1929 г. Страстная среда падала на 1 мая**. Больше в XX в. такого совмещения, по-своему – символического, не происходит. <...> 1918 г. как время действия московской части Мастера и Маргариты отпадает – в романе изображена явно не эпоха военного коммунизма, когда не было даже червонцев, которыми так щедро одаривают спутники Воланда публику в Театре Варьете. Визит сатаны и его свиты происходит в Москву эпохи нэпа, хотя эпоха эта уже на изломе. Очевидно, действие происходит в 1929 г., когда Пасха приходилась на 5 мая (22 апреля по ст. ст.). 1929 г. был провозглашен И. В. Сталиным «годом великого перелома», призванного покончить с нэпом и обеспечить переход к сплошной коллективизации и индустриализации. Тогда же переломилась и судьба Булгакова: все его пьесы оказались под запретом. Если 1918 г. оказался годом гражданской войны и временем действия первого романа Булгакова «Белая гвардия», то другой год столь же рокового совпадения социалистического праздника и Страстной среды стал хронологическим стержнем «последнего закатного» булгаковского романа «Мастер и Маргарита». Горькой иронией можно счесть здесь то, что повествование начинается в день международной солидарности трудящихся. Люди в Москве

оказываются разобщены еще сильнее, чем прежде. А спешащий на первомайское торжественное заседание председатель МАССОЛИТа Берлиоз давно уже думает только о собственном благополучии и следовании конъюнктуре, а не о свободном литературном творчестве. Ночь же на 1 мая – это знаменитая Вальпургиева ночь, великий шабаш ведьм на Брокене, восходящий еще к языческому древнегерманскому весеннему празднику плодородия. Прямо после Вальпургиевой ночи Воланд со свитой прибывает в Москву.

В М. и М. есть еще ряд доказательств приуроченности московских сцен к периоду со среды до субботы Страстной недели 1929 г. (последний полет Воланда, его товарищей и Мастера и Маргариты происходит в ночь на Пасху, с субботы 4-го на воскресенье 5-го мая). Одно из таких доказательств можно найти в истории Фриды. Здесь Булгаков в качестве источника использовал книгу швейцарского психолога и врача, одного из основоположников сексологии Августа Фореля «Половой вопрос» (1908). В булгаковском архиве сохранились выписки из этой книги, относящиеся к случаям швейцарки Фриды Келлер и силезской уроженки Коницеко. Фрида Келлер удавила своего незаконнорожденного ребенка, мальчика пяти лет. Коницеко же задушила новорожденного младенца носовым платком. Автор М. и М. в образе Фриды контаминировал Фриду Келлер и Коницеко, взяв за основу историю первой, но добавив важные детали из дела второй – носовой платок как орудие убийства и младенческий возраст погубленного ребенка. Фрида Келлер родила мальчика в мае 1899 г. Булгаков заставил свою Фриду задушить мальчика сразу после рождения, как это сделала Коницеко. Интересно, что Фрида Келлер убила своего ребенка тоже в мае, на католическую Пасху 1904 г., что, возможно, стало одним из поводов для автора М. и М. включить в роман ее историю. Слова Коровьева-Фагота о том, что вот уже **тридцать лет** камеристка кладет платок Фриде на стол, однозначно указывают на май 1929 г. как на время действия в московских сценах.

Посещение Воландом Москвы именно в начале мая доказывается и тем, что Степан Богданович Лиходеев, увидев печать на двери Берлиоза, сразу думает о своем разговоре с председателем МАССОЛИТа, происходившем, «как помнится, двадцать четвертого апреля вечером». Разговор этот состоялся недавно, иначе Степа вряд ли бы мог помнить точную дату. Если принять первомайскую датировку начала событий в М. и М., то разговор с Берлиозом, который вспомнил испуганный исчезновением соседа и печатью на его двери Лиходеев, был недельной давности, и директор Театра Варьете не успел его позабыть.

В одном из вариантов последней редакции «Мастера и Маргариты», написанном в 1937 г., на предложение поэта Ивана Бездомного отправить И. Канта годика на три в Соловки, Воланд отвечал, что «водрузить его в Соловки невозможно, по той причине, что он уже **сто двадцать пять лет** находится в местах, гораздо более отдаленных от Патриарших прудов, чем Соловки». Кант скончался 12 февраля 1804 г., так что происходящее на Патриарших оказывается однозначно приурочено, принимая во внимание слова о майском вечере, к маю 1929 г. В окончательном тексте Булгаков заменил «сто двадцать пять лет» на «с лишком сто лет», чтобы избежать прямого указания на время действия, но косвенные указания на Страстную неделю 1929 г. сохранил.

Присутствуют в М. и М. и приметы конца эпохи нэпа. Извозчики на улицах еще соседствуют с автомобилями, еще функционируют писательские организации (РАПП, МАПП и т.д.), которые были распущены в 1932 г. и стали образцом для МАССОЛИТа, вполне процветавшего в момент появления Воланда и его товарищей. В то же время, в Мастере и Маргарите есть и ряд анахронизмов по отношению к 1929 г., например, упоминание троллейбуса, увозящего дядю Берлиоза Поплавского к Киевскому вокзалу⁸⁴⁴, прочь от Нехорошей квартиры. Троллейбусы появились в Москве только в 1934г., но вошли в М. и М. чисто механически вместе с эпизодом, написанным в середине 30-х годов.

Скрытая датировка действия содержится и в возрасте автобиографического героя – Мастера. Это – «человек примерно лет **тридцати восьми**», а именно столько Булгакову исполнилось 15 мая 1929 г., через неделю после сдачи в «Недра» главы из Мастера и Маргариты и ровно через две недели после того, как Воланд и его компания очутились на Патриарших <...>.

⁸⁴⁴ Соколов пропустил еще один анахронизм: Киевский вокзал, куда устремился дядя Берлиоза, до 1934 года именовался Брянским [Пирковский С. Виртуальная реальность, или Трамвай на Патриарших. – [«Вопросы литературы» 2004, № 4.](http://magazines.russ.ru/voplit/2004/4/pirk16.html) – <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/4/pirk16.html>].

В редакции «Мастера и Маргариты», писавшейся в 1929 г., срок, прошедший с момента суда над Иешуа Га-Ноцри и его казни до появления в Москве Воланда со свитой и извлечения из лечебницы Мастера, был определен точно. Здесь Иешуа говорил Пилату, что «тысяча девятьсот лет пройдет, прежде чем выяснится, насколько они наврали, записывая за мной». Появление в Москве Воланда, рассказывающего свой вариант Евангелия, и Мастера, создающего роман о Понтии Пилате, совпадающий с рассказом сатаны, как раз и означает выяснение истины, открытой Иешуа, но искаженной переписчиками»;

«<...> Время действия московских сцен «Мастера и Маргариты» непосредственно предшествует одной важной календарной реформе в СССР. В марте 1930 г. традиционная семидневная неделя была заменена на пятидневную, а в ноябре 1931 г. – на шестидневную (пять дней рабочих, шестой – выходной), в связи с чем **прежние названия дней были заменены казенно-канцелярскими терминами: «первый день шестидневки», «второй день шестидневки» и т.д.** Возврат к прежней семидневной неделе и названиям ее дней произошел только в июне 1940 г.»⁸⁴⁵

Пожалуй, последнее замечание наиболее существенно. Поскольку в романе упоминаются традиционные названия дней недели, то события московской части романа, очевидно, происходят до марта 1930 года, то есть в 1929 году. Впрочем, необходимо понимать, что само стремление указать время действия абсолютно точно соответствующее всем приметам действительности абсолютно бессмысленно, ибо роман ни в чем не обеспечивает стопроцентное совмещение исторической и романной реальности. Разве ходил трамвай на Патриарших прудах? Был ли в Москве Дом Грибоедова или литературная ассоциация МАССОЛИТ, или клиника профессора Стравинского, или Дом Драмлит? Ничего этого не было, как не было в Киеве Алексеевского спуска, описанного в романе «Белая гвардия». Окружающий мир Булгаков отображал преломленным зрением художника. Поэтому для описанных в романе мест и времени действия можно указать не реальные соответствия, а только их прообразы.

Именно для 1929 г. мы и получаем наиболее достоверное совмещение исторической и романной реальности. При этом остаются нерешенными только некоторые тонкие вопросы: «В романе совмещены несовместимые в действительности события: во-первых, Страстная пятница не может совпасть с полнолунием, во-вторых, первое после весеннего равноденствия полнолуние не может прийти на май»⁸⁴⁶. По мнению А. Левина Булгаков допустил такую неточность сознательно: «Мы склонны полагать, что совмещение принципиально разновременных событий – сознательный выбор мастера»⁸⁴⁷. Присоединяясь к этому мнению, приведу в его подтверждение комментарий А. Аникста к «Фаусту» Гете по поводу того, что от убийства Валентина до момента, когда Фауст узнает о судьбе Маргариты прошло **всего три дня**. «Между тем за это время Гретхен⁸⁴⁸ родила, утопила ребенка, бродила как нищая, была арестована, осуждена и заключена в тюрьму. Гете здесь прибегнул к приему, часто встречающемуся у Шекспира: время разных линий действия не совпадает. Прием принадлежит к числу так называемых поэтических вольностей»⁸⁴⁹, – *licentia poetica*⁸⁵⁰. Несомненно, Булгаков вслед за Шекспиром и Гете замкнул временные линии своего романа именно так, как этого требовало его художественное чутье. И разлагать его текст на составные части и прокаливать сухой остаток на спиртовке бессмысленно. Не для того написано. Впрочем, определенная часть читателей иначе как таким образом просто не в состоянии пропустить через себя и переварить ни одно крупное художественное произведение. Но не стоит поверять алгеброй гармонию. Она выше любых подобных оценок.

14.5. Москва взорвала Храм Христа. Сквозняк, образовавшийся в возникшей от этого пустоте, и затянул в Москву «знатного иностранца». Да, тот кто был «иностранцем» для «святой Руси», теперь является как полновластный хозяин.

⁸⁴⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324, 342.

⁸⁴⁶ Левин А. Б. Мастер и Пасхалии. – http://www.netslova.ru/ab_levin/ab_levin.html

⁸⁴⁷ Там же.

⁸⁴⁸ Уменьшительная форма от имени Маргарита, – Гретхен. Гете называет свою героиню Гретхен только в трагических или задумчивых, лирических сценах. В остальных сценах она – Маргарита.

⁸⁴⁹ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 666.

⁸⁵⁰ «Поэтическая вольность» (лат.).

Как всегда Кураев уже забыл о том, что он писал раньше. Только что, в тезисе [13.13](#), «Воланд у него «не может остаться в Москве Пасхальной», и вдруг оказывается, что он в этой же Москве «полновластный хозяин». Не сквозняк ли в голове диакона затягивает в нее подобные противоречащие друг другу утверждения?

Глубокая мысль диакона, что раньше, на «святой Руси» дьявол «был иностранцем» конечно крайне патриотична, но не политкорректна, так как намекает на то, что за границей дьявол чувствует себя как дома и хозяйничает полновластно. И неужели, по мнению Кураева, на «святой Руси» обошлось без дьявола во время революции и братоубийственной гражданской войны? Да и до революции не все было так гладко, вспомним хотя бы злодеяния Ивана Грозного. И Русь уже много веков не только православная, – есть и мусульмане, и католики и буддисты, поэтому нет у православных на Руси никаких оснований отказывать дьяволу в гражданстве и запрещать ему свободный проход к гражданам иной веры.

Резюме 14. С крыши дома Пашкова Воланд смотрит не в сторону Храма Христа Спасителя, а в сторону Кремля и Охотного ряда. Действие романа происходит предположительно в начале мая 1929 г. В романе подчеркнуто отсутствует как явно, так и в подтексте, не только главный храм России – Храм Христа Спасителя, но и главный Кремль России, – Московский, главные театры России – Большой и Малый, главный гастроном тех лет – Елисеевский, главный и единственный метрополитен России и еще очень много главного, так как роман совсем не об этих замечательных достижениях русской культуры.

15. Кураев. ОБ ОБЕЗЬЯНЕ БОГА

«Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим».

Притчи 14:15

«<...> встреча с Живым Богом вызывает в душе страх <...>».

Из философии Кураевых⁸⁵¹

Странно, что начитанный диакон не счел нужным сослаться на исследование О. А. Савельевой⁸⁵² «Русский апокрифический Христос: к постановке проблемы», в котором она, в частности, писала о том, что по ее мнению не к Воланду, а именно «к Иешуа приложимо определение «обезьяны Христа». Но простим Кураеву невинное желание представить обезьяной именно Сатану, и тем сделать его ближе к людям, в полном соответствии с сатанинской теорией о происхождении человека от обезьяны.

15.1. Как у Мастера есть власть над Пилатом, так у Воланда оказывается власть над Ершалаимом: «Святой Град» светится и уходит во тьму по желанию Воланда. Значит – это его, Воланда создание, а не Божий Град, описанный в Библии.

Если верить Кураеву, то и растаявшая позади Москва тоже только мираж Дьявола. Отсюда недалеко до предположения, что не только роман Булгакова, но и сам диакон Кураев, да и весь окружающий мир, – всего лишь наведенный Воландом морок.

Как мы уже отмечали, Кураев не понимает разницы между художественным вымыслом и реальной действительностью. Не понимает, что в рамках романа Булгакова не христианские евангельские мифы, а именно рассказ Воланда отражает истинный ход и значение реальных событий. **Воланд НЕ ХРИСТИАНСКИЙ ДЬЯВОЛ!** И не дьявол вообще, в буквальном человеческом понимании этого слова. Он только прототип дьявола, придуманного людьми. Воланд стоит выше земных понятий Добра и Зла, и ему дана значительная власть, в том числе и над Ершалаимом, представляющим собой не «Божий Град, описанный в Библии», а реальный (в рамках романа) город.

⁸⁵¹ Кураев А. В., Кураев В. И. Религиозная вера и рациональность. Гносеологический аспект // Исторические типы рациональности. Т. 1. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1995, с. 85.

⁸⁵² Савельева О. А. Русский апокрифический Христос: к постановке проблемы. – Slavia Orientalis. Т. LII, № 2, 2003, с. 159-178.

15.2. Издавна сатану называют «обезьяной Бога». Как обезьяна подражает действиям человека, не понимая их смысла, так и демон пробует копировать некоторые действия Творца. Таковы притязания Воланда: быть Богом...

<...> «Так кто ж ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Заметим, что эпиграф относится не к Мастеру и не к Маргарите. Эпиграф вновь обращает внимание на то, кто является главным действующим лицом романа. Роман – о дьяволе. Эпиграф из гетевского «Фауста» как нельзя лучше характеризует его тактику и его цель: через малые обманы – к величайшему, к презентации себя как Бога.

Эпиграф к роману имеет совершенно иной смысл (см. [тезис 6.22](#)). У Воланда нет ни малейших притязаний быть Богом (см. ниже [тезис 15.5](#)).

15.3. К предыдущему тезису Кураев дает следующее любопытное примечание:

Я получил свое «седьмое доказательство». 24 марта 2004 на лекции, которую я читал в Ухте (город в республике Коми) разгорелась дискуссия, точку в которой довелось поставить, однако, не мне. Не вполне трезвый мужчина начал настаивать на том, что «сатана – это неудача Бога». Вышло, мол, нечто отнюдь не преддвумерное Творцом... Громкий и самоуверенный, он, держа руки в карманах, обличал Бога. Умолкнет минут на десять – и снова настаивает на своем любимом тезисе. И вдруг, когда центр разговора переместился в другую точку зала, раздался хрип и стук: мужчина упал, тяжело дыша. Через несколько минут он скончался. Присутствовавший в зале врач-реаниматолог оказался бессилён. Более того, в официальном медицинском заключении о смерти после вскрытия тела было сказано: «Показаний к смерти не обнаружено».

По поводу якобы полученного Кураевым «седьмого доказательства» приведу мнение Иммануила Канта обо всех подобных доказательствах⁸⁵³: **«Понятие Бога и сама уверенность в его бытии могут существовать исключительно лишь в разуме, исходить только от него <...> этому понятию не может быть адекватен никакой опыт или созерцание, следовательно, он никогда не сможет однозначно доказать бытие подобного существа. Таким образом, никто не может быть убежден в его существовании, в первую очередь, с помощью какого-либо созерцания».** Об этом же, в сущности, писал когда-то и сам Кураев: «<...> в своей трансцендентности Он не может быть предметом ни опыта, ни мысли, ни эксперимента»; «<...> поэтому Православие, в частности, не слишком надеется на поиск и применение доказательств бытия Бога»⁸⁵⁴.

Поэтому, раз никаких иных показаний к смерти не обнаружено, остается только одно «противопоказание», – лекция Кураева. Вот оно секретное оружие православной России! Послать бы диакона в Чечню, читать лекции террористам. Хотя его речи видимо только на мирных людей и действуют.

15.4. Бог ли прекратил нарастание богохульств или сатана взял свою добычу – в любом случае кончина 61-летнего Виктора оказалась печальной. Осталось добавить, что лекция была по булгаковскому роману «Мастер и Маргарита». Булгаков сам писал, что этот роман – о дьяволе. О нем преимущественно и шла речь на лекции. Два обморока и одна смерть обнажили духовное состояние светской аудитории, преимущественно состоявшей из учителей городских школ».

Если добычу взял сатана, то Кураев здорово угодил ему своей лекцией. Даже Поль Брегг с ним не сравнится. Правда Брегг похоронил не одного, а целых 9 человек (см. [тезис 7.3 примечание](#)), но ведь за несколько недель. А наш диакон здорового мужика завалил всего за

⁸⁵³ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. Что значит ориентироваться в мышлении. – М.: ЧОРО, 1994, с. 100.

⁸⁵⁴ Кураев А. В., Кураев В. И. Религиозная вера и рациональность. Гносеологический аспект // Исторические типы рациональности. Т. 1. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1995, с. 81, 92.

час(!), да еще два полноценных обморока обеспечил. И это еще по-божески, ведь мог бы и ползала истребить!

Однако гложет меня сомнение. Если бы Господь Бог обременял себя такими чудесами, то большая часть населения Земли давно вымерла бы и, надеюсь, начиная не с таких самоуверенных мужиков, а с Гитлера, Сталина и им подобных⁸⁵⁵. Вот только неизвестно, уцелел ли бы при этом и сам диакон. Пути господни неисповедимы: никем не доказана истинность православия по сравнению с католицизмом, протестантизмом, исламом, иудаизмом, буддизмом, оккультизмом и прочими многочисленными «измами»⁸⁵⁶.

И еще один серьезный вопрос. А допустимо ли благочинному христианскому пастырю, в отличие от кота Бегемота, жмурясь от удовольствия⁸⁵⁷, хвалиться подобными делами? Не обуяла ли Кураева гордыня, что Господь сподобился представить ему доказательство? Точно ли было оно от Господа⁸⁵⁸, особенно, если «сатана взял свою добычу»? Я бы еще понял диакона, если бы он рассказал об этом случае не широкой публике, а приватно, в частной доверительной беседе. Но чтобы вещать такое на всю страну, нужно или слишком уж безрассудно и слепо следовать принципу иезуитов «*Ad maiorem Dei gloriam*»⁸⁵⁹, или иметь гордыню величайшую. Как говорил о подобных случаях Мишель де Монтень: «*Особенное пристрастие людей к чудесам происходит от нашей гордости, заставляющей нас думать, что мы такие важные существа, что ради нас высшее существо должно нарушить весь порядок мира*»⁸⁶⁰.

Не вызывает сомнения положительное отношение Кураева к данному ему «доказательству», и это отвратительно, как само по себе, так и из-за обуявшей его гордыни, что Бог ниспослал ему такое дьявольское подтверждение. Как же мелок этот кураевский Бог, – являющий нам не горнего бога Нового Завета, а всего лишь зеркальное отражение внутреннего мира Кураева.

Доказательство, явленное Кураеву, доказывает только одно: у кураевского Бога дьявольское лицо, а сам диакон одержим гордыней. Совершенно невозможно представить себе подобный пафосный публичный рассказ в устах отца Александра Меня, о котором Кураев ничтоже сумняшеся написал: «*Он ушёл вовремя*»⁸⁶¹. И здесь Кураеву исключительно повезло, топор, посланный Александру Меню, еще одно безупречное звено в цепочке его доказательств. Да только не доказательства ли это явления очередного Антихриста? (см. [тезис 6.5](#))

15.5. Вот и Воланд пробует в Москве, забывшей Христа, выдать себя за Вседержителя.

В романе нет даже малейших намеков на подобные попытки Воланда. Он не пытается выдать себя за бога и четко разграничивает задачи своего и другого «ведомства». Вполне понимают это и герои романа:

«– Ну, и ладно, ладно, – отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: – Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у **потусторонней силы!** Ну, что ж, согласен искать там.

⁸⁵⁵ Говорят, что каждому дается по его вере. Доказательство, данное Кураеву, показывает, что по его вере пьяное богохульство страшнее преступлений Гитлера и Сталина.

⁸⁵⁶ По сообщению журнала U.S. News & World Report в 2005 году количество «религий» в мире перевалило за 33800 и приблизительно 10 новых нарождаются каждую неделю. Впрочем, основных религий чуть более 30, так что не все так уж плохо.

⁸⁵⁷ Помните подвиг Бегемота? – «Тогда прошу послушать, – отозвался кот и, жмурясь от удовольствия, рассказал о том, как однажды он скитался в течение девятнадцати дней в пустыне и единственно, чем питался, это мясом убитого им тигра» [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 604].

⁸⁵⁸ «*Magna dii curant, parva negligunt*» – «Боги заботятся о важных делах, и не пекутся о малых» (лат.).

⁸⁵⁹ «К вящей (большей) славе Божией (лат.)» – девиз монашеского ордена иезуитов, основанного в 1534 г. в Париже испанским дворянином Игнатием Лойолой, причисленным католиками к лику святых. Этим девизом члены ордена оправдывали любые злодеяния, совершенные ради укрепления влияния католицизма и власти папы» [Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2003, с. 252].

⁸⁶⁰ Толстой Л. Н. Путь жизни. Полн. собр. соч. Т. 45. – М.: Гослитиздат, 1956, с. 281 (<http://www.levtolstoy.org.ru/lib/sb/book/1867/page/161>)

⁸⁶¹ Кураев А., диакон. Оккультизм в Православии.

– Ну вот, ну вот, теперь ты прежний, ты смеешься, – отвечала Маргарита, – и ну тебя к черту с твоими учеными словами. **Потустороннее или не потустороннее – не все ли это равно?»**⁸⁶²

15.6. Он представляет себя справедливым, просто таким лицом закона. Воланд уверяет: «Все будет правильно, на этом построен мир». Но действия Воланда в Москве никакой такой правильности не являют. И хотя во всех учебниках пишется, будто «Воланд оказывается носителем высшей справедливости», но на деле преступления москвичей и наказания, налагаемые на них самозванным судьей, все же оказываются несоразмерны.

Несомненно, Воланд в заключительной сцене романа имеет в виду равновесие и неразделимость Добра и Зла в глобальном смысле, а отнюдь не свои действия в Москве.

15.7. И как несправедливы бывают наказания Воланда, так же немотивированны и его амнистии.

Главный Иуда московского сюжета – Алоизий Могарыч – нимало не изменившись, преуспевает и после встречи с Воландом, став директором театра варьете.

Воланд не интересуется, как развернутся события после его «наказания». Такие мелочи ему не интересны. В отличие от христианского бога он не ведет непрерывного мониторинга за людьми и не претендует на их славословия и благодарность. Рот его искривлен в вечной усмешке, так как он не питает надежды, что людской род исправит свои пороки.

15.8. А что такого «в эту ночь» совершил Коровьев, чтобы обрести преображение?

Пути сатанинские неисповедимы. А разве Фаготу предписывалось кем-то, что-то совершить? – Ему было предписано только пошутить подольше, чем ему бы хотелось. И вот срок истек: «<...> **сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!**»⁸⁶³

15.9. Хорошо ли, что Фрида получает возможность забыть свой страшный грех (убийство ребенка)? Разве она действительно изменилась? Где следы ее раскаяния? Она ненавидит свою тюрьму, а не свое преступление.

В романе ни о какой тюрьме и речи нет. Что это за тюрьма с камеристкой, печью и прогулками к реке, где можно платок утопить? Для тюрьмы это слишком роскошно. Но простим диакону невнимательность к любимому роману, шутка ли сказать, – читать столько его версий, в голове наверно каша уже.

В наказании Фриды Маргариту поразила бессмысленная жестокость. Если Фрида так относится к платку, то она действительно изменилась, и его ежедневное появление для нее уже просто бессмысленная пытка. Наказание осмысленно только тогда, когда ведет к раскаянию и исправлению. Но для раскаявшегося грешника вечное наказание уже не наказание, а обыкновенный садизм. Возможность забыть свой страшный грех Фриде никто не предоставлял. Ее избавили только от ненужной пытки, но не от мук ее совести. Иначе и платок не нужно было бы убирать, ведь забыв свой грех, она бы перестала обращать на платок внимание.

15.10. Вспомним, как Коровьев представляет ее – «А вот это – скучная женщина, обожает балы, все мечтает пожаловаться на свой платок». Глаза у Фриды «беспокойные, назойливые, мрачные». Еще один ее портрет – «одно совершенно пьяное женское лицо с бессмысленными, но и в бессмысленности умоляющими глазами». «– Я счастлива, королева-хозяйка, быть приглашенной на великий бал полнолуния. – А я, –

⁸⁶² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 693.

⁸⁶³ Там же, с. 705.

ответила ей Маргарита, – рада вас видеть. Очень рада. Любите ли вы шампанское? – Я люблю. – Так вы напейтесь сегодня пьяной, Фрида, и ни о чем не думайте».

До чего же пошлый разговор. И мерзкий совет той, которая носит имя Маргариты (гетевская Маргарита сама утопила своего ребенка, но зато и сама же осудила себя на казнь, отказалась бежать из тюрьмы, в покаянии приняла кончину и была взята на Небеса). Плунуть на свой грех и забыть, а совесть затопить в шампанском – вот уровень нравственного мышления той ведьмы, в которой некоторые литературоведы видят чуть ли не воплощение «русской души»...

Гетевская Маргарита не имеет ничего общего с Маргаритой Булгакова, кроме имени. А одни и те же слова имеют совершенно разное значение в зависимости от контекста.

Во-первых, по условиям своего испытания Маргарита согласилась выказывать на балу приязнь ко всем гостям: «Среди гостей будут различные, ох, очень различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества! Если кто-нибудь и не понравится... я понимаю, что вы, конечно, не выразите этого на своем лице... Нет, нет, нельзя подумать об этом! Заметит, заметит в то же мгновение. Нужно полюбить его, полюбить, королева. Сторицей будет вознаграждена за это хозяйка бала!»⁸⁶⁴

Во-вторых, Фрида уже жестоко наказана и нелепо бы выглядело, если бы Маргарита стала в данных условиях пытаться читать ей мораль в двух словах.

В-третьих, Фрида не просит дать ей забвение ее страшного деяния, а Маргарита не обещает ей этого, – совет Маргариты относится только к тому, чтобы она перестала **сегодня** думать о преследующем ее платке. Если бы грязные измышления диакона, которые он приписывает Маргарите, соответствовали действительности, то Маргарита сказала бы нечто совершенно иное, например: «Да плюньте вы на этот платок. Тоже мне горе! Велик ли труд его выкинуть? Попробуйте вытирать им пыль, или сморкайтесь в него». Но уровень нравственного мышления Маргариты явно выше уровня безнравственного мышления Кураева, всегда готового испачкать грязью что угодно во имя своих меркантильных целей.

15.11. Хуже совета Маргариты только песенка из мультфильма про Чебурашку (сказка дивная и мультяшка хорошая. Но вот песенка...): «Если мы обидели кого-то зря, календарь закроет этот лист. К новым приключениям спешим, друзья. Эй, прибавь-ка ходу, машинист!».

Хорошо, что диакон и в чебурашках разбирается. Хотя уровень его суждений неотличим от уровня суждений советских педагогов 30-х годов, пытавшихся запретить детские сказки, так как, по их мнению, это ложь, уводящая от реальной жизни маленького советского гражданина. Справедливости ради нужно сказать, что детские сказки пытались истребить не только в СССР, но и в США. В ряде штатов запретили, например, сказки Братьев Гримм «Красная шапочка» (несет бабушке кусок пирога и бутылку вина) и «Бременские музыканты» (учит детей бродяжничать), и сказку Андерсена «Стойкий оловянный солдатик» (подчеркивает физические недостатки). Запрещают там и «Гекльберри Финна» Марка Твена, – из-за того же бродяжничества и отсутствия политкорректности к афроамериканцам. А песенка из мультфильма, по-моему, больше всего подходит самому Кураеву, – везде поспев и «обобидев» очередную тему, он весело спешит к новым приключениям, не отягощаясь муками совести за вываленную на головы доверчивых читателей ложь.

15.12. И хорошо ли вообще, что слишком многие герои романа (и Пилат, и Мастер, и Иван) стараются избавиться от мук совести?..

Воланд их в этом поддерживает. И свой *произвол*, сочетающий немотивированную снисходительность со столь же безосновательной жестокостью, он считает законом.

Ни Пилат, ни Мастер, ни Иван не пытаются избавиться от мук совести. А если совесть временами мучает их, то ничего плохого в этом нет, особенно для Пилата, которому это больше

⁸⁶⁴ Там же, с. 588.

всех необходимо. Если ростки совести когда-нибудь проклюнутся и в Кураеве, это будет очень хорошо.

15.13. Воланд – архитектор своей «Матрицы», мироправитель и даже миро-творец. Воланд – и автор «Евангелия».

Воланд являет себя и в качестве повелителя Небесного Ершалаима. Он повелевает и Понтием Пилатом, и Иешуа (из чего явствует, что он придумал и того и другого для своего «Евангелия»)… С Мастером он говорит так, как Бог беседовал с ним самим в книге Иова.

То, что Воланд, исполняя просьбу Иешуа, открывает Пилату дорогу в «Небесный Ершалаим» никак не означает, что он является чьим-то повелителем. Поэтому утверждение Кураева, что Пилат и Иешуа выдуманы Воландом «для своего Евангелия», совершенно немотивированно.

15.14. Восстановление рукописи заставляет Маргариту воскликнуть нечто, что допустимо говорить только о Боге: «Маргарита задрожала и закричала, волнуясь вновь до слез: – Вот она, рукопись! Вот она! Она кинулась к Воланду и восхищенно добавила: – Всесилен, всесилен!».

Для православных верующих это возможно и кощунственно. Однако ни Булгаков, ни его герои к православию никакого отношения не имеют. Роман заявлен автором как фантастический, и не имеет никакого отношения к христианскому понятию Сатаны. Разумеется, Бог тоже всесилен, но, в отличие от Сатаны, Он всегда предпочитает бездействовать; возможно потому, что добро можно создать только из зла⁸⁶⁵.

15.15. Для Бога в мире Воланда нет места. Воланд не отрицает Его существования (дьявол уж точно не атеист); он иначе блокирует возможность проявления своего Оппонента в мире людей: «– Мы вас испытывали, – продолжал Воланд, – никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас». «Никого» – значит, и Бога. Ну, а поскольку любой человек считает Бога сильнее себя, то воландовский запрет на просьбу оказывается еще более конкретным. Красота этой сатанинской формулы блокирует саму возможность молитвы.

Печально, что духовное лицо не понимает глубокого отличия молитвы от обычной просьбы. В Евангелии молитва действительно характеризуется именно как просьба, но не каждая же просьба есть молитва. В молитве просьба высказывается с искренним упованием на божью волю и готовностью смириться с ней. Вспомним молитву Христа в Гефсиманском саду: «И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Матф. 26:39),

Молитва может содержать и просьбы и обещания молящегося, но даже высказанные вслух они выглядят вполне пристойно, ибо высказываются не конкретному лицу, находящемуся перед молящимся, а Вечности, олицетворяемой Богом. Но обращенные непосредственно к Богу при личной встрече с Ним, те же слова обретут иной смысл, и прозвучат уже совсем иначе, не как молитва и упование на божью волю, а как самая обычная бытовая просьба. Именно о таких просьбах, а не о молитве, и пишет Булгаков. Произнести свое сокровенное желание вслух Маргарите не позволяет ее гордость и чувство собственного достоинства: «– Благодарю вас, месьер, – чуть слышно сказала Маргарита и **вопросительно поглядела** на Воланда. Тот в ответ улыбнулся ей вежливо и равнодушно. **Черная тоска как-то сразу подкатила к сердцу Маргариты.** Она почувствовала себя обманутой. Никакой награды за все ее услуги на балу никто, по-видимому, ей не собирался предлагать, как никто ее и не удерживал. А между тем ей совершенно ясно было, что идти ей отсюда больше некуда. Мимолетная мысль о том, что

⁸⁶⁵ «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего делать» [Уоренн Р. П. Вся королевская рать. – М.: Правда, 1988, с. 315].

придется вернуться в особняк, вызвала в ней внутренний взрыв отчаяния. **Попросить, что ли, самой, как искушающе советовал Азazelло в Александровском саду? "Нет, ни за что", – сказала она себе**⁸⁶⁶.

Разумеется, Маргарита ведет себя не по-христиански, ведь внутренне она в данный момент обращается не к Богу, а к Воланду, но и роман то не христианский и стоит она перед Воландом, а не перед Богом.

Поведением Маргариты и словами Воланда Булгаков утверждает истину: **«Перед кем бы вы ни стояли, никогда и ничего у них не просите, особенно у тех, кто сильнее вас»**. Именно таким было собственное кредо писателя. Он никогда не склонялся перед сильными мира сего и ничего не выпрашивал. Но молитва не есть просто высказанная просьба. Это мощный духовный и нравственный посыл, это раскрытие своей души перед Вечностью, а не просто механическое проборматывание словесных формул вслух или про себя. К обычному разговору и высказыванию просьб это никакого отношения не имеет, и иметь не может. В молитве вы общаетесь с Богом не словесно (даже произнося ее вслух!), а соединяетесь с ним душой.

Булгаков предлагает никогда и ничего не просить **при личной встрече**, ни у кого, даже у Бога. Но нигде не сказано о запрете просить, обращаясь к образу Бога в своей душе, то есть о собственно молитве. Так что красота этой формулы ничего не блокирует и никому не мешает молиться, разве что самому диакону и его последователям. Что касается того, что для Бога в мире Воланда нет места, то и тут Кураев передергивает, так как Воланд четко декларирует, что занимается задачами только своего **«ведомства»**⁸⁶⁷, значит, существует и другое ведомство, и, как видим, Воланд на его место не претендует!

Кстати любимый диаконом (на словах) Иммануил Кант также отрицательно относился к формально проговариваемой молитве⁸⁶⁸: **«Молитва, мыслимая как внутреннее по всей форме совершающееся богослужение и поэтому как средство умилоствления, есть заблуждение суеверия <...> Молитвой, стало быть, ничего не совершается <...> здесь нет и настоящего служения Богу»**;

«Когда встречают человека, который громко разговаривает сам с собой, то прежде всего склоняются к подозрению, что у него легкий припадок сумасшествия <...>».

15.16. Эта формула не-моления в воландовском «евангелии» подтверждается и от обратного: через демонстрацию бесполезного унижения просящего Иешуа: **«А ты бы меня отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен»**.

Эта просьба всего лишь подчеркивает, что в отличие от евангельского Христа, булгаковский Иешуа отнюдь не стремился быть распятым ни за свои грехи, ни за чужие. Да и сам доморощенный миссионер диакон Кураев почему-то предпочитает не искушать судьбу и не следует примеру прославленных миссионеров прошлого, несших крест духовного просвещения не в цивилизованных странах, а в истинно диких и опасных местах. Правда возможно Сибирь именно таким местом диакону и кажется, и по его представлениям там до сих пор медведи бродят по улицам. Но я бы на его месте испробовал свои силы на островах каннибалов, пока они еще не вымерли; за одно и силу крестного знамения проверил бы.

15.17. Для просьбы места нет. Остается лишь голая воля к власти. Точнее, воля-то (воля – в смысле хотелка) у человека остается своя, а вот во власти он оказывается уже чужой. Зато Воланду уже безопасно общаться с человеком, отрезанным от Творца. И у человека нет шанса не быть обманутым в этом контакте.

Вообще-то **«хотелка»** это нечто совсем другое, ну да не буду смущать человека давшего обет безбрачия.

15.18. Да, а что же Булгаков думает о Воланде? Вот первая авторская презентация

⁸⁶⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 607.

⁸⁶⁷ Там же, с. 610.

⁸⁶⁸ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 213, 214.

главного героя романа: «Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец». Разноцветные зрачки – деталь немаловажная именно для Булгакова. О том, что Михаил Афанасьевич был врачом, знают все. Но мало кто вспомнит, что узкая его научная специализация определяется как «сифилитолог». Разноцветные зрачки и есть симптом далеко зашедшего сифилиса (Воланд этого и не скрывает: «– Приближенные утверждают, что это ревматизм, – говорил Воланд, не спуская глаз с Маргариты, – но я сильно подозреваю, что эта боль в колене оставлена мне на память одной очаровательной ведьмой, с которой я близко познакомился в тысяча пятьсот семьдесят первом году в Брокенских горах, на чертовой кафедре»).

Хромота – традиционный фольклорный признак лукавого. Новая, чисто булгаковская нотка в этом мотиве – это максимальная заниженность гипотезы о происхождении этой хромоты.

Такой специализации как «сифилитолог» в природе не существует, видимо имеется в виду слово «сифилидолог». Понятно, почему и в этом месте наш диакон поспешил на ссылочку на Баркова, ведь пришлось бы цитировать, что Воланд никакой не Сатана, а всего лишь Владимир Ильич Ленин. Но простим грех умолчания нашему диакону, – такая мелочь на фоне его эпохальных открытий вполне простительна. Так что же там писал Барков: ««Правый глаз черный, левый почему-то зеленый». К тому же, правый – «с золотой искрой на дне»... То, что один глаз у Ленина был близорук, другой – дальнорук, об этом говорят как об общеизвестном факте. Да и по определению И. А. Бунина Ленин – «косоглазый». Многие из нас с детства помнят рассказы о добром дедушке Ленине, у которого «глаз с косинкой», «глаз с золотой искоркой». Во всяком случае, с учетом этих данных, имеются все основания интерпретировать булгаковское описание глаз Воланда как описание характерных примет Ленина, часть из которых приводилась в массовых изданиях того времени. Но «косоглазый» – не единственное, что было сказано Буниным о Ленине. Помните – там было еще и... «сифилитик». Вот, наконец, и выстрелило это «неизвестно зачем» подвешенное Булгаковым ружье. Современники Ленина полагали, что весь его паралич был следствием подхваченного где-то сифилиса».

Не хочется быть «кошунником», но поддержка Кураевым безумных идей Баркова наводит на интересную мысль, – раз нечистая сила может подхватить вензаболевание, то, несомненно, это же возможно и для чистой силы. Не отсюда ли ее интерес к альтернативным, непорочным методам зачатия и использованию для этого голубей? И кстати основной «традиционный фольклорный признак лукавого», не хромота, а копыто. Но где же оно обещанное копыто инженера? Или его отсутствие «новая, чисто булгаковская нотка» для вдумчивых православных читателей, чтобы не так страшно было?

15.19. А вот последнее булгаковское описание действия Воланда: «Тогда черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита».

И сноска: «Странно, что многие критики романа говорят о «преображении» Воланда в финале. На самом деле у Булгакова такого слова нет. Нет у него и описания «настоящего обличья Воланда»».

Нужно внимательно читать роман, где ясно сказано⁸⁶⁹: «И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. <...> Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота <...> И, наконец, **Воланд летел тоже в своем настоящем обличье**». Раз в «настоящем», – значит было преобразование! И вот, что говорят об этом преображении и настоящем обличье Воланда менее предвзятые критики⁸⁷⁰:

«Все метаморфозы Воланда и его свиты завершаются в финале романа смелым обобщением: он «летел тоже в своем настоящем обличье». Маргарита определяет составные

⁸⁶⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 705-706.

⁸⁷⁰ Литвинова В. И. Восшествие на голгофу (Материалы для изучения творчества М. Булгакова в школе) // Стрежень. Литературно-художественный журнал. – 1997, № 4.

«детали» Воланда: «лунные цепочки», «глыба мрака», «туча», «белые пятна звезд», и читатель узнает: поднебесье! Распахнутое окно космоса».

Во второй полной рукописной редакции 1937-1938 гг. преобразование Воланда описано более прямолинейно: «Впереди кавалькады скакал Воланд, принявший свое настоящее обличье. Повод его коня был сделан из лунных цепей, конь его был глыбой мрака, грива тучей, шпоры звездами»⁸⁷¹.

Видимо до этих черновиков диакон не добрался, – то ли устал с непривычки, то ли просто не дочитал книгу до конца. В последней редакции Булгаков, шлифуя текст, как обычно сгладил слишком прямолинейные фразы, поднимаясь до философского отождествления Воланда и Космоса.

Вот такая обезьяна, понимаешь, получилась у диакона. Слона то, в смысле преобразования Воланда, он и не заметил, точно как в известной басне Крылова.

15.20. Так что при внимательном чтении булгаковского текста вряд ли можно сделать вывод, будто «Воланд – самый обаятельный персонаж романа». А о том, что на поверхностный взгляд зло может казаться обаятельным – так об этом знает любой аскет и моралист. Если бы Воланд внушал лишь отвращение – непонятен был бы триумф зла в том мире, в котором жил Булгаков (да и мы тоже).

В том, что зло может казаться обаятельным, практикующему аскету и моралисту возразить трудно, – знает, о чем пишет! Однако ж он сам выбрал свой путь, и роптать на искушения ему грех. А что касается обаятельности образа Воланда, то просто приведем полностью цитату М. Дунаева, которую пытается опровергнуть Кураев. Вот, что пишет Дунаев⁸⁷²: «Воланд здесь – безусловный гарант справедливости, творец добра, праведный судья для людей, чем и привлекает к себе горячее сочувствие читателя. Воланд – самый обаятельный персонаж романа, гораздо более симпатичный, нежели малохольный Иешуа. Он активно вмешивается во все события и всегда действует во благо <...>».

Резюме 15. При чтении булгаковского текста невозможно сделать навязываемый Кураевым вывод, что Воланд самый неприятный персонаж романа и является лишь обезьяной Бога. Наоборот, он вполне самодостаточен и не пытается никому подражать, что собственно и невозможно, в силу принципиального различия поля деятельности ведомств Света и Тьмы. В сталинской Москве сам Сатана кажется воплощением добра. Можно ли подписать более уничтожающий приговор сталинской системе?

16. Кураев. КНИГА ИОВА – «ФАУСТ» – «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

«История рассудит нас»

*М. А. Булгаков*⁸⁷³

В своих тщетных попытках обосновать религиозные корни романа Булгакова, Кураев пытается выстроить логическую цепочку от книги Иова к «Фаусту» и далее к «Мастеру и Маргарите». Но как мы уже отмечали выше (см. [тезис 13.1](#)) «Гёте не был христианином <...> Он был глубоким и искренне верующим, сознательным пантеистом», и использовал христианскую символику только в силу ее широкой известности и понятности для окружающих. Подобно Гете его главный герой Фауст также не является христианином: «Гете смолоду был горячим поклонником Спинозы, создателя пантеистической философии, для которого бог был равнозначен всей природе. Именно божественной природе и отдает свою любовь Фауст»⁸⁷⁴. Его

⁸⁷¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 715.

⁸⁷² Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), Пермь, 1999. – <http://www.wco.ru/biblio/books/dunaev1/>

⁸⁷³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 604.

⁸⁷⁴ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 649.

«<...> речи излагают пантеистическую философию, отрицание личного бога, обожествление природы»⁸⁷⁵.

Еще в начале 20-го века православный священник Сергей Соловьев в своем труде «Гете и христианство» подробно проанализировал творческую и духовную биографию Гете с позиций христианской религии и пришел к выводу, что: «Он не был христианином по своей сути. В его произведениях можно найти отдельные элементы христианского мировоззрения, но дух его творений не христианский»⁸⁷⁶. Трагедию «Фауст» Соловьев прямо характеризует как «произведение антихристианское». Заметим, что труд С. Соловьева был высоко оценен связанным с Сергиевым Посадом известным русским философом и писателем В. В. Розановым, писавшим в письме к о. Павлу Флоренскому: «Читаю с наслаждением «Гёте». Скажите (непрерывно) спасибо от меня свящ. Соловьеву»⁸⁷⁷.

Нет идейной преемственности и между «Фаустом» и романом Булгакова. Александр Мень полагал, что «в лице Воланда Булгаков (подобно Лермонтову) изобразил вовсе не дьявола. <...> Воланд руководствуется нравственными принципами отнюдь не «дьявольскими» и в этом стоит выше людей, которых он посетил...»⁸⁷⁸. Тем не менее, Воланд все же именно тот, кого люди называют дьяволом, хотя действительно не имеет ничего общего с дьяволом христианства и Мефистофелем Гете. «Канадский ученый А. К. Райт пишет: «Хотя булгаковский дьявол действительно «вечно совершает благо», очень мало оснований утверждать, что он «вечно хочет зла». «Пусть даже убийство Берлиоза останется на совести Воланда»⁸⁷⁹, зато во всех других случаях он морально безупречен, – пишет В. Лакшин и продолжает: – Сам Воланд и его свита нимало не скрывают, что едва ли не во всех своих действиях они руководствуются добродетельными и даже назидательными целями». «Воланд не позволяет шуток по поводу «Света». Такого дьявола в мировой литературе до Булгакова действительно не было», – пишет Л. Яновская»⁸⁸⁰.

Как отмечает И. Бэлза⁸⁸¹ ситуации «Фауста» «обыгрываются в романе как явно пародийные. <...> все эти атрибуты – лишь отдельные, не так уж значительные в конце концов приемы полемики Булгакова с концепцией гётевского «Фауста», причем пародируется далеко не только опера Гуно, как полагает подавляющее большинство исследователей, а прежде всего образ Мефистофеля, которому автор «Мастера и Маргариты» противопоставил свое понимание «духа зла и повелителя теней» – так Левий Матвей, ученик и посланник Га-Ноцри, назвал Воланда «на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве». Характеристика, данная Воланду бывшим «сборщиком податей», непосредственно связана с концепцией, которая легла в основу булгаковского романа. Он оказался первым в истории мировой литературы произведением, концепция которого дала талантливой и чуткой чехословацкой исследовательнице основание назвать его «Антифаустом»⁸⁸². Сходного с позицией чешской исследовательницы Ольновой мнения придерживался и близкий друг Булгакова С. Ермолинский, писавший, что Булгаков считал роман «своей главной книгой – своим «Фаустом» (или «Антифаустом»)»⁸⁸³. Таким образом, рассматривая «Мастера и Маргариту» «в перспективе гетевского «Фауста», можно сказать, что оба произведения перекликаются только в своей главной позитивной философии – отрицании божественной природы Христа и утверждении истины, что «Все, что мы зовем злом, есть лишь обратная сторона добра»⁸⁸⁴.

⁸⁷⁵ Там же, с. 658.

⁸⁷⁶ Казакова И. Б. Гете и христианство. Творчество Гете в оценке православного священника Сергея Соловьева. – <http://samara.orthodoxy.ru/Hristian/Kazakova.html>

⁸⁷⁷ Джимбинов С. Розанов о национальном гении. – Литературная газета, № 27 (5796), 5-11 июля 2000 г.

⁸⁷⁸ Мень А., протоиерей. Трудный путь к диалогу. – М.: Радуга, 1992, с. 89–90.

⁸⁷⁹ Напомню, что Воланд не убивал Берлиоза и не подстраивал его смерть. Он всего лишь не попытался предотвратить ее, но это греховно только по нашим земным меркам, а для Воланда это нормальный ход событий, не требующий его вмешательства. Берлиоз, так же как и буфетчик, получил от Воланда полное предсказание своей грядущей гибели, и не вина Воланда, что Берлиоз не внял его предупреждениям.

⁸⁸⁰ Барац А. Пасха Михаила Булгакова, 12.04.2001. – <http://www.abaratz.com/fil15.htm>.

⁸⁸¹ Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст–1978. – М.: Наука, 1978, с. 188.

⁸⁸² Olonová Elvíra. Bulgakovuv «Anti-Faust». Praha, Orientace, 1970, № 6. См. также: Olonová Elvíra. Průza Michaila Bulgakova. – Romboid, 1975, № 1.

⁸⁸³ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 110.

⁸⁸⁴ Гете И. В., из речи «Ко дню Шекспира», 1771 г. // Конради К. О. Гете. Жизнь и творчество. В 2 т. Т. 2. Итог жизни. – М.: Радуга, 1987, с. 501.

16.1. Булгаков своим эпиграфом требует рассматривать свой роман в перспективе гетевского «Фауста».

Булгаков ни от кого ничего не требует. Эпиграф, для которого писатель использовал свой собственный подстрочный перевод, поясняет основную идею произведения и характеризует его как бы от имени другого, более авторитетного лица (см. [тезис 6.22](#)). В данном случае подчеркивается, что Воланд стоит выше земных понятий добра и зла и его деятельность на благо миру, ибо мир не может и не должен быть одноцветным.

16.2. А «Фауст» своим прологом, откровенно цитирующим книгу Иова, требует рассматривать себя в перспективе этой библейской книги.

Нельзя не согласиться, что пролог Фауста весьма откровенно пародирует книгу Иова. Но судьбы Иова и Фауста не имеют ничего общего. Первого предлагает испытать сам Бог, второго же Богу предлагает испытать Мефистофель: «Поспоримте! Увидите воочью, // У вас я сумасброда отобью, <...>»⁸⁸⁵. Первый набожен и «богобоязнен», второй же дерзок и одержим духом познания. Первого испытывают лишениями⁸⁸⁶, второго же благодетельствуют. Первый не отказался от Бога, несмотря на все испытания и лишения, второй же сразу подписал «отказный» договор с Дьяволом. Все, что взял Гете из библейского сюжета, это разрешение Бога на «эксперимент»⁸⁸⁷.

Об осмысленности подобных кураевскому толкований четко высказался сам Гете в беседе с Эккерманом (запись от 18 января 1825 г.)⁸⁸⁸:

«– Потому-то я всегда удивляюсь тем ученым,– вмешался я,– которые считают, что путь поэтического творчества пролегает не от жизни к поэзии, а от книги к книге. Вечно они твердят: это он почерпнул отсюда, а вот это – оттуда! <...>

– О да, – согласился Гете, – это просто смешно!

– Плохо, что и лорд Байрон повел себя не умнее, он расчленил вашего «Фауста», уверяя, что вот это взято оттуда, а то отсюда.

– Я, признаться, – сказал Гете, – даже и не читал большинства произведений, о которых говорит лорд Байрон, и уж тем более о них не думал, когда писал «Фауста». <...> Что я написал – то мое, вот что он должен был бы сказать им, а откуда я это взял, из жизни или из книги, никого не касается, важно – что я хорошо управился с материалом! <...> Мой Мефистофель поет песню, взятую мною из Шекспира, ну и что за беда? Зачем мне было ломать себе голову, выдумывая новую, если Шекспирова оказалась как нельзя более подходящей и говорилось в ней именно то, что мне было нужно. Если в экспозиции моего «Фауста» есть кое-что общее с Книгой Иова, то это опять-таки не беда, и меня за это надо скорее похвалить, чем порицать».

Подчеркнем, что Гете говорит «ЕСЛИ ... есть», а не «есть». Этот нюанс показывает, что если Гете и взял что-то из данного библейского сюжета, это совершенно не означает, что его трагедия в целом вдохновлялась этим сюжетом и его религиозным смыслом.

16.3. Начинается книга Иова «прологом на небесах». Радость сатаны о том, что на земле все люди уже забыли Бога, осаживается репликой Творца: «а как же раб мой Иов?»

В начале книги Иова (Иов 1) нет ни малейшего намека на радость Сатаны и осаждение ее Богом⁸⁸⁹:

⁸⁸⁵ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 136.

⁸⁸⁶ Как философская притча книга Иова весьма возвышенна и поучительна. Но применительно к реальной жизни она до боли напоминает мне множество душещипательных рассказов приближенных к Сталину людей о том, как он их спасал от Берии, предварительно предавая их в его власть.

⁸⁸⁷ Заметим, что завязка сюжета у Гете содержит логическую несообразность. Любой спор или должен быть уравновешен равными ставками, или ставить на кон должна вызывающая сторона. В Библии Бог вызывает Сатану на спор и ставит на кон душу Иова, чтобы доказать свое божественное превосходство над ним. Но у Гете затевающий спор Сатана не ставит на кон ничего! В то время как вызванный им на спор Бог, почему-то ставит на кон душу Иова.

⁸⁸⁸ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 144.

«6 И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана.

7 И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее.

8 И сказал Господь сатане: **обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова?** ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла.

9 И отвечал сатана Господу и сказал: **разве даром богобоязнен Иов?**

10 Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле;

11 но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?»

Как видим, Сатана не выражает никакой радости, и не Бог осаживает его гордыню, а именно горделивая радость Творца – «**обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле,**» – осаживается репликой Сатаны: «**разве даром богобоязнен Иов?**»

16.4. Вот сатана и требует эксперимента

Если бы Сатана действительно потребовал от Бога эксперимента, поймав его на слове, и именно вынудил Его ответить за необдуманную горделивую похвалу Иову и попустить его испытание, это выглядело бы еще не так печально. Но, к сожалению, именно Бог, горделиво, с готовностью первым предложил Сатане провести «эксперимент» по испытанию Иова: «**И сказал Господь сатане: вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей. И отошел сатана от лица Господня**» (Иов 1:12).

Конечно, можно утверждать, что на эксперимент Творца спровоцировали хитрые слова Сатаны «**но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?**» – сыгравшие на его чувствах Бога ревнителя, – «**ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его – ревнитель; Он Бог ревнитель**» (Исх. 34:14). Но где же была Его мудрость в этот миг? Есть же хорошая поговорка: «**Собака лает, – ветер носит**». Возникает риторический вопрос: кому, Себе или Сатане, и что именно хотел Он доказать в этот миг?

16.5. Эту литературную незавершенность «книги Иова» почувствовал Гете. Его Мефистофель начинает там, где остановился библейский сатана. Ему Бог дает гораздо больше, чем в библейском сюжете: «Тебе позволено. Ступай и завладей его душой. И если можешь, поведи путем разврата за собою».

И примечание: «Для более точного понимания «Фауста» лучше работать не с пастернаковским переводом, а с переводом А. Мейера, при этом учитывая его замечательные размышления о гетевской поэме».

Для более точного понимания текста иностранного автора, несомненно, лучше всего работать с ним на языке оригинала, так как самое точное понимание произведения может выразить только его автор. Вот, что дал Бог Мефистофелю в оригинале:

«**Der Herr. Nun gut, es sei dir überlassen!
Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab,
Und führ'ihn, kannst du ihn erfassen,
Auf deinem Wege mit herab,
Und steh beschämt, wenn du bekennen mußt:
Ein guter Mensch in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst**»⁸⁹⁰.

⁸⁸⁹ По поводу утверждения Кураева, что в начале книги Иова сатана выражает богу радость, что на земле все люди уже забыли Бога я направил запрос на <http://www.bible-center.ru/faqs>, и получил следующий ответ: «Если честно, то с подобным комментарием именно к первой главе книге Иова мы ранее не сталкивались. На нашем сайте подобный комментарий также отсутствует».

⁸⁹⁰ Goethes Werke. – Muenchen: Beck. Bd. III : Dramatische Dichtungen. – 16. Aufl. – 1996, s. 18.

К сожалению, нынешним православным профессорам, перековавшимся из бывших атеистов, изучение оригиналов уже недоступно. Как признается сам Кураев⁸⁹¹: «Ну, какой я в самом деле «профессор богословия»! В дореволюционную Духовную Академию меня и студентом бы не приняли, не то что профессором! Я бы прежде всего на языках завалился...»⁸⁹². В этом печальном случае, несомненно, лучше всего работать с хорошим подстрочным прозаическим переводом, а не толковать стихотворные переводы, насыщенные не только «замечательными размышлениями» переводчиков, но и неизбежными их «замечательными» отступлениями от авторского текста и смысла.

Для «Фауста» имеется прекрасный подстрочный прозаический перевод А. Л. Соколовского⁸⁹³, из которого собственно Булгаков и взял имя «Воланд». Вот точный перевод искомого текста Соколовским:

«**Владыко.** Хорошо! Просимое тебе дозволено. Попробуй отклонить этот дух от первородного источника. Увлеки его, если можешь, по твоему пути, и будь посрамлен, если придешь сам к сознанию, что праведный человек найдет прямой путь даже среди обуявшего его мрака сомнений»⁸⁹⁴.

Пастернак передал это место следующим образом⁸⁹⁵:

«**Господь.**

Он отдан под твою опеку!

И, если можешь, низведи

В такую бездну человека,

Чтоб он тащился позади.

Ты проиграл наверняка.

Чутьем, по собственной охоте

Он вырвется из тупика».

Как видим, слова «завладей его душою» отсутствуют как в переводе Пастернака, так и в подстрочном переводе Соколовского. Но, в отличие от стихотворного перевода, в подстрочнике присутствует вообще иное понятие – дух: «Сознание, мышление, психические способности; начало, определяющее поведение, действия. <...> Внутренняя моральная сила»⁸⁹⁶. Не выманить обманом душу, – «В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти»⁸⁹⁷, – а именно **сломить горение духа** Фауста, завладеть его страстями и повести за собою по дороге жизни должен был Мефистофель. Заметим, что перевод Соколовского снабжен обширными комментариями. В их числе, помимо чисто литературоведческих замечаний, приведен и подробный разбор всех трудно переводимых и темных мест оригинала, а также всех вынужденных отступлений от него, когда буквальный перевод невозможен или затемняет смысл. К цитированному выше тексту такие комментарии отсутствуют, что свидетельствует о его полной ясности и точном соответствии подстрочника оригиналу.

16.6. Только если помнить это зачин «Фауста» и его связь с книгой Иова, будет понятен финал. В конце поэмы Фауст, ставший уже презрительнейшим мерзавцем, умирает. Мефистофель приходит получить свою законную добычу – его душу. И тут происходит совсем неожиданное: являются ангелы и отбирают у Мефистофеля душу Фауста. Однако, это неожиданность лишь для тех, кто забыл начало поэмы. Бог изначально считает Фауста Своим слугой. Но по просьбе Мефистофеля Бог снял Свою благодатную защиту с души Фауста. Человек остался один на один с тем, кого Достоевский называл

⁸⁹¹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

⁸⁹² Судя по многочисленным орфографическим ошибкам Кураева, «прежде всего» диакон бы завалился на русском языке, хотя сам Кураев считает иначе: «Я владею русским языком во всем разнообразии его стилей – от церковнославянского до студенческого» [Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне»].

⁸⁹³ Гете И. В. Фауст: Трагедия / В пер. и объяснениями (с предисл.) А. Л. Соколовского – СПб.: Бр. Пантелеевы, 1902. – 362 с.

⁸⁹⁴ Там же, с. 14.

⁸⁹⁵ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 137.

⁸⁹⁶ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999, с. 183.

⁸⁹⁷ Там же, с. 183.

«дух сверхчеловечески умный и злобный». При таких условиях человек всегда проиграет. Поэтому Бог и не винит Фауста. Библейская формула «Бог дал – Бог взял» в «Фаусте» обретает свой смысл: Бог дал Фауста Мефистофелю, Бог же и забрал Фауста из лап сатаны.

Дилетантская трактовка Кураевым финала «Фауста» убедительно опровергается самим Гете, который раскрыл ключ к спасению Фауста в беседе с Эккерманом (запись от 6 июня 1831 г.)⁸⁹⁸:

«Затем мы упомянули о развязке, и Гете обратил мое внимание на место, где говорится:

Спасен высокий дух от зла
 Произволением божьим:
 «**Чья жизнь в стремлениях прошла,
 Того спасти мы можем**».
 А за кого **любви самой**
 Ходатайство не стынет,
 Тот будет ангелов семьей
 Радушно в небе принят.
 (Перевод Б. Пастернака.)

– В этих стихах, – сказал он, – ключ к спасенью Фауста. В нем самом это **все более высокая и чистая деятельность** до последнего часа, а свыше – на помощь ему – нисходит вечная любовь <Гретхен⁸⁹⁹ – С. Ц.>. Это вполне соответствует нашим религиозным представлениям, согласно которым не только собственными усилиями заслуживаем мы вечного блаженства, но и милостью божьей, споспешествующей нам.

Думается, вы согласитесь, что финал – вознесенье спасенной души – сделать было очень нелегко и что, говоря о сверхчувственном, едва только чаемом, **я мог бы расплыться в неопределенности, если бы не придал своим поэтическим озарениям благотворно ограниченную, четкую форму христианско-церковных преданий и образов**.

Итак, по мнению Гете, деятельность Фауста становится к концу жизни: «**все более высокой и чистой**», а диакон уверяет, что Фауст в конце поэмы становится «**преизряднейшим мерзавцем**». Воистину не идет Кураеву на пользу поверхностное начетничество. Ведь мало прочесть, главное понять прочитанное. Если смысл религиозных текстов можно узнать благодаря толкованиям святых отцов, то в художественной литературе необходимо и собственную голову на плечах иметь.

Кураев даже не задумался, что его смехотворное толкование означает, что в состязании Бога и дьявола фактически победил дьявол, а Бог просто отнял награду у Мефистофеля по праву сильного, забрав назад данное Им слово. Следовательно, Он с самого начала не собирался вести с Мефистофелем честный спор и собирался просто обмануть его, заранее зная, что без Его «**благодатной защиты**», Фауст обречен на поражение.

Чтобы действительно понять финал, да и всю трагедию Гете, нужно, прежде всего, понять драму и трагедию самого Фауста, который, в отличие от Иова, стремился не к Богу, а к деятельному знанию, и готов был заплатить за него любую цену. Именно эти высокие устремления, как указывает Гете, и были зачтены ему в искупленье его грехов, а отнюдь не божье попущение на его испытание. Не мирские утехи влекут Фауста, а, прежде всего, высокое горение его духа⁹⁰⁰:

«Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
 Жизнь и свободу заслужил.
 <...>
 Народ свободный на земле свободной
 Увидеть я б хотел в такие дни.

⁸⁹⁸ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Худож. лит., 1986, с. 431.

⁸⁹⁹ «Давно любимый, // Невозвратимый // Вернулся, горем больше не томим» [Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 627]. Как указывает А. Аникст: «Прощение Гретхен снимает с Фауста его вину перед ней, – важный штрих в конечной оценке героя» [Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 700].

⁹⁰⁰ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 610.

Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутсЯ никогда они».
И, это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю».

Впрочем, разъяснять это ценителям искусства вроде Кураева бесполезно. Диакон, с наслаждением оплевывающий все, что ему не по душе, считает, что эти слова сказаны «преизряднейшим мерзавцем», и не в состоянии понять, что Мефистофель получил номинальные права на душу Фауста только на основании договора с самим Фаустом, но не по условиям пари, заключенного им с Богом. Как мы уже отмечали (см. [тезис 16.5](#)), не выманить обманом душу, а именно **сломить горение духа** Фауста, завладеть его страстями и повести за собою по дороге жизни должен был Мефистофель. Но дух Фауста остался свободен, его горение оказалось неподвластно дьяволу, – Фауст не стал «жрать прах» и «пресмыкаться», как было обещано Мефистофелем, он не идет у него на поводе и сам выбирает свой путь в жизни. Следовательно, Мефистофель проиграл свой спор с Богом. И поскольку пари Бога с Мефистофелем выше договора, заключенного Мефистофелем с Фаустом, Бог с полным основанием забрал душу Фауста себе: **«Чья жизнь в стремлениях прошла, Того спасти мы можем».**

16.7. Булгаков подчеркивает, что еще до приезда Воланда дух атеизма и кощунства пропитал Москву.

Москва живет под фокстрот «Аллилуйя». Он звучит в ресторане, где собирается писательский бомонд, под его музыку бесовская сила является в кабинете профессора – специалиста по раковым болезням, его наяживает оркестр на балу у сатаны. Этот фокстрот написан американцем Винсентом Юмансом как кощунственная пародия на богослужение. Кощунство – это перемена верха и низа местами.

Может, москвичи не знали о кощунственности этого фокстрота? Знали.

Естественно знал об этом и Булгаков. Вот что пишет об его отношении к этому фокстроту близкий друг писателя С. Ермолинский⁹⁰¹: «Когда он приходил ужинать в «Кружок», где собирались писатели и актеры (как нынче в Доме литераторов или в Доме актера), его появление сопровождалось оживленным шепотом. К нему, служающе юля, подбегал подвизавшийся в «Кружке» тапер и, приняв заказ, тотчас возвращался к роялю и отбарабанивал в усладу знаменитому гостю модный фокстротик (кажется, «Аллилуйя»)».

Отношение Булгакова к своему любимому, хотя и кощунственному для христиан фокстроту, можно дополнить следующими сведениями: «В архиве Булгакова сохранились ноты фокстрота «Аллилуйя», изданного в 1929 г., с пометой Е. С. Булгаковой на обложке: «Упоминается в МиМ и в пьесе «Блаженство». **Булгаков часто играл его**»⁹⁰².

Думаю, что комментарии здесь излишни. Хотя замечу, что Воланд бы непременно спросил: «Повторяется история⁹⁰³ с Кларой Цеткин?»

16.8. Примечание. Как не нравится нечисти любое упоминание о Боге, видно из следующего диалога: «Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте. – Ну, жив, жив, – неохотно отозвался Азazelло. – Боже! – Пожалуйста, без волнений и вскрикиваний, – нахмурясь, сказал Азazelло. – Простите, простите, – бормотала покорная теперь Маргарита».

Нас опять пытаются уверить, что Карл у Клары украл кораллы. А ведь казалось бы нетрудно заметить, что в романе это совершенно обычное восклицание для Маргариты, и так называемая «нечисть» никакого внимания на это присловье не обращает. В данном случае

⁹⁰¹ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 83.

⁹⁰² Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / Белобровцева И., Кульюс С. – М.: «Книжный Клуб 36.6», 2007, с. 247.

⁹⁰³ Пожалуй, точнее будет сказать истерия.

Аззелло резко реагирует не на слово «боже», а на нервирующее его волнение Маргариты. Мотивы его совершенно нормальной мужской реакции определяются следующими его словами: «Аззелло с видимой скукой выслушал эту бессвязную речь и сказал сурово: – Прошу вас минутку помолчать»⁹⁰⁴. В эпизоде же извлечения Мастера никто, включая Воланда, не обращает ни малейшего внимания на это страшное слово:

«Маргарита вцепилась в больничный халат, прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и слезах: – **Боже**, почему же тебе не помогает лекарство?

– Ничего, ничего, ничего, – шептал Коровьев, извиваясь возле мастера, – ничего, ничего... Еще стаканчик, и я с вами за компанию.

И стаканчик подмигнул, блеснул в лунном свете, и помог этот стаканчик. Мастера усадили на место, и лицо больного приняло спокойное выражение»⁹⁰⁵.

То же безразличие к сакральному слову наблюдается и в сцене после бала:

«Уже собирались садиться, как Маргарита в отчаянии негромко воскликнула:

– **Боже**, я потеряла подкову!

– Садитесь в машину, – сказал Аззелло, – и подождите меня. Я сейчас вернусь, только разберусь, в чем тут дело»⁹⁰⁶.

Разумеется, спрашивать Кураева, почему в этих эпизодах «нечисть» спокойна, бессмысленно. «Ляпнул сдуру, и спросу нет», – как говорят его поклонники.

Резюме 16. Между книгой Иова и «Фаустом» Гете нет ни малейшего духовного родства и преемственности. Пролог «Фауста» откровенно пародирует святое писание, особенно приятельскими отношениями Сатаны и Бога. Иова предлагает испытать сам Бог, Фауста же предлагает испытать Мефистофель. Иов набожен и «**богобоязнен**», он не отказался от Бога, несмотря на все испытания, и все свои лишения воспринимает как божье испытание – «**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**» (Иов 2:10). Фауст же дерзок и одержим духом познания, он сразу подписывает «отказный» договор с Мефистофелем и прекрасно знает, чьи услуги он принимает. Дьявол испытывает его не лишениями, как Иова, а именно искушениями, пытаясь не сломать, а разложить его душу. Все, что взял Гете из библейского сюжета, это разрешение Бога на «**эксперимент**».

Нет идейной преемственности и между «Фаустом» и романом Булгакова. Фауст стремился вызвать нечистую силу и добровольно заключил с ней договор на продажу души. Мастер же столкнулся с Воландом по воле случая и не закладывал свою душу, даже теоретическая возможность заключения подобного договора в романе не упоминается. Воланд демоничен, и, используя определение Гете ⁹⁰⁷, является «**безусловно позитивной деятельной силой**». Мефистофелю же, по тем же словам Гете, демонические черты совершенно не присущи, так как он «**слишком негативен**». В отличие от Мефистофеля, Воланд не персонифицирует собой зло как таковое и поэтому не нуждается в высшем поущении на свои действия в отношении Мастера и его возлюбленной. В романе Булгакова нет ни состязательности Сатаны и Бога, ни испытания Мастера Воландом, героя испытывает на прочность не мифический христианский дьявол, а реальное земное зло – тоталитарный советский режим. Поэтому в перспективе европейской фаустианы роман «Мастер и Маргарита» является не «Фаустом», а «**Антифаустом**».

⁹⁰⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 553.

⁹⁰⁵ Там же, с. 614.

⁹⁰⁶ Там же, с. 620.

⁹⁰⁷ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни, запись от 2 марта 1831 г. – М.: Худож. лит., 1986, с. 404.

17. Кураев. ОБРАДУЕТ ЛИ ВЕЧНОСТЬ С МАРГАРИТОЙ?

«Героев своих надо любить...»

М. А. Булгаков⁹⁰⁸

*«В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне полнолуны».*

А. Ахматова⁹⁰⁹

Возможно моя критика Кураева кажется читателям излишне жесткой и непримиримой, и настраивает против меня не только поклонников диакона, но и тех, кто его взгляды не разделяет. Однако «*quod scripsi, scripsi*»⁹¹⁰, – благочестивый диакон исключительно похабно оскорбил образ Маргариты, обозвав ее в первой редакции своего труда «*блудливой ведьмой*». А ведь толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля дает следующее толкование ее имени: «*жемчужина*». И вот эту то жемчужину романа и пытается злобно втоптать в грязь и растерзать диакон Кураев, как топтала когда-то, по наущению его духовного предшественника епископа Кирилла, Гипатию Александрийскую толпа христианских фанатиков. В силу самой своей виртуальной природы Маргарита не может сама оправдаться и постоять за себя. Не может за нее это сделать и автор – Булгаков. Поэтому я счел для себя позволительным сделать это за них. Не знаю, может быть кого-нибудь и обрадует вечность с Кураевым, но я бы решительно предпочел ему Маргариту.

Странно, что никто еще не заметил, что испытание Маргариты на балу в точности повторяет известные сюжеты народных сказок об испытании девичьей добродетели. Слова Воланда: «*Кстати, скажите, а вы не страдаете ли чем-нибудь? Быть может, у вас есть какая-нибудь печаль, отравляющая душу, тоска?»*, – и ответ Маргариты, – «*Нет, мессир, ничего этого нет, <...> а теперь, когда я у вас, я чувствую себя совсем хорошо*»⁹¹¹, слишком явно перекликаются со словами сказки «Морозко»: «*Тепло ли тебе девица? – Тепло, батюшка!*» Здесь нет ни пародийности, ни гротеска, только отражение извечного стремления русской души к вознаграждению **истинной добродетели**. На балу испытывается смирение Маргариты, **любимой героини автора**: «*<...> в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты...*»⁹¹². И именно его, Булгакова, Маргариту, Кураев и стремится полить жирной черной грязью.

17.1. Да, Воланду заступничество Маргариты за Фриду поначалу кажется милосердием. Но Маргарита успокаивает духа зла: «Воланд, обратившись к Маргарите, спросил: – Вы, судя по всему, человек исключительной доброты? Высокоморальный человек? – Нет, – с силой ответила Маргарита, – я знаю, что с вами можно разговаривать только откровенно, и откровенно вам скажу: я легкомысленный человек. Я попросила вас за Фриду только потому, что имела неосторожность подать ей твердую надежду. Она ждет, мессир, она верит в мою мощь. И если она останется обманутой, я попаду в ужасное положение. Я не буду иметь покоя всю жизнь. Ничего не поделаешь! Так уж вышло. – А, – сказал Воланд, – это понятно».

Нигде не сказано, что Воланду заступничество Маргариты **казалось** милосердием, как это утверждает Кураев. Это заступничество именно и было ни чем иным, как милосердием. Стоящему над человеческой моралью Воланду непонятно, а вернее недоступно только беспричинное проявление милосердия в силу абстрактных незыблемых «*высокоморальных*» принципов. Но милосердие может быть обусловлено и внутренней жертвенной мотивацией. И здесь Воланд

⁹⁰⁸ Булгаков М. А. Театральный роман. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 281.

⁹⁰⁹ В стихотворении Ахматовой ташкентского периода («Хозяйка», 1943), посвященном Е. С. Булгаковой, отразилось проживание Ахматовой в квартире Елены Сергеевны, – земной Маргариты писателя.

⁹¹⁰ «*Что я написал, то написал*» (лат.).

⁹¹¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 585.

⁹¹² Письмо к П. С. Попову от 26.06.1934 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 343.

вполне понимает Маргариту. Она имела неосторожность подать Фриде твердую надежду и теперь не может переступить через свое обещание, даже если внутренне и жалеет о нем. «Высокоморальный» человек на месте Маргариты не сожалел бы о своих поспешных опрометчивых словах, так как иное поведение для него просто невозможно в силу заложенных в него незыблемых моральных догматов. Но чего больше в таком «высокоморальном» поведении: сознательного милосердия или доведенной воспитанием до автоматизма привычки?

Осознанная жертва Маргариты собственным счастьем, ее **жертвенное** милосердие, нравственно ничуть не ниже, если не выше, абстрактного милосердия, как нормы поведения «высокоморального» человека «**исключительной доброты**». Даже Христу угоднее раскаявшийся грешник⁹¹³, нежели высокоморальный, ни разу не оступившийся праведник (Матф. 18):

«11 Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

12 Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?

13 и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся».

Противоестественное толкование Кураевым поведения Маргариты вполне опровергается и словами Воланда в сцене отпущения Пилата⁹¹⁴: «Повторяется история с Фридой?». Поскольку Маргарита Пилату ничего не обещала, то о ее существовании последний даже и не подозревает, следовательно, повторяться может только ее милосердие. Опровергаются кураевские измышления и черновыми редакциями романа⁹¹⁵:

«<...> если Фриду не простят, я не буду иметь покоя всю жизнь. Я понимаю, что всех спасти нельзя, но я подала ей твердую надежду. Так уж вышло. И я стану обманщицей.

– Ага, – сказал Воланд, – понимаю.

– Так вы сделаете? – спросила неуверенно Маргарита.

– Ни в коем случае, – ответил Воланд.

Маргарита побледнела и отшатнулась».

Это не игра и не поза, реакция Маргариты идет от самого сердца.

17.2. Как видим, свой внутренний комфорт Маргарита ценит выше встречи с Мастером. Воланд предупредил, что исполнит лишь одну ее просьбу. Маргарита имеет все основания подозревать, что Мастер в тюрьме. Но просит она не за него. За себя. За свой покой.

Такие извращенные комментарии могут выходить только из под перьев религиозных ортодоксов. Только их схоластическая казуистика способна породить подобную бессмыслицу. Если Маргарита настолько себялюбива, то какое ей дело до Фриды? Какой покой могут нарушить ее обещания, которые как таковые, и высказаны то прямо не были, – только туманное «<...> ни о чем не думайте». Получается так же заклеил бы при необходимости Кураев и Януша Корчака, вошедшего по своей собственной воле в газовую камеру с детьми, которым он имел неосторожность внушить твердую надежду. А по диакону получается, что Корчак сделал это потому, что выше всего ценил свой «внутренний комфорт».

Напомню характеристику Маргариты Булгаковым в начале второй части:

«Она была красива и умна. К этому надо добавить ещё одно – с уверенностью можно сказать, что многие женщины всё, что угодно, отдали бы за то, чтобы променять свою жизнь на жизнь Маргариты Николаевны. Бездетная тридцатилетняя Маргарита была женою очень крупного специалиста, к тому же сделавшего важнейшее открытие государственного значения. Муж её был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену <...>

Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить всё, что ей понравится. Среди знакомых её мужа попадались интересные люди. Маргарита

⁹¹³ Возможно причина этого банальная неприязнь к посягающим на исключительность непогрешимости Его.

⁹¹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 708.

⁹¹⁵ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 439-440.

Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире. Словом... она была счастлива?...»⁹¹⁶

Этот риторический вопрос, для Кураева видимо, лишён всякого смысла, как и ответ на него: **«Ни одной минуты! С тех пор, как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в особняк, она не знала счастья <...> ей нужен был он, мастер, а вовсе не готический особняк, и не отдельный сад, и не деньги. Она любила его, она говорила правду»**⁹¹⁷.

Неужели так тяжело понять, как задыхалась Маргарита от пустоты ее жизни в удушающей для нее атмосфере мещанского **«счастья»**⁹¹⁸? Нормальному человеку при чтении этих строк, становится как-то не по себе от такой привольной жизни. Вот уж поистине **«адское место для живого человека!»**⁹¹⁹ Поэтому дальнейшие события романа воспринимаются им как логическое продолжение этого **«счастья»**: **«На вырванном из блокнота листе она без помарок быстро и крупно карандашом написала записку: «Прости меня и как можно скорее забудь. Я тебя покидаю навек. Не ищи меня, это бесполезно. Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня. Мне пора. Прощай. Маргарита»»**⁹²⁰.

С описанием Маргариты Булгаковым перекликается жизнь ее реального прототипа, – Елены Сергеевны Булгаковой: **«И, знаете, что меня поразило, что я, молодая и, казалось бы, счастливая женщина, писала Оле в Америку, где она тогда (в 1922-23 году) была с МХАТом: ты знаешь, Оленька, я не могу объяснить, почему, но я очень тоскую, ведь я люблю Женю (отца), ведь я обожаю малыша (Женичку), но в душе все время тоска, я не вижу смысла в моей жизни, мне недостает чего-то. Надо наверно чем-то другим заполнить ее. Откуда были эти мысли? И чувства? И, читая их, я понимала, почему у меня была тогда такая смелость, такая решительность, что я порвала всю эту налаженную, внешне такую беспечную, счастливую жизнь, и ушла к Михаилу Афанасьевичу на бедность, на риск, на неизвестность»**⁹²¹.

17.3. Так что Маргарита успешно прошла испытание Воланда. Вот если бы она бросилась сразу просить за Мастера, жертвуя собой – вот тогда она явила бы чуждость своего духа духу Воланда. А так – они оказались одного поля ягодами. Ради себя они могут помогать людям, но ради себя же могут и перешагивать через них. Такая Маргарита Воланду понятна. Ее можно забрать с собой из Москвы.

Увы, не приходится сомневаться, что **«если бы она бросилась сразу просить за Мастера, жертвуя собой»**, то лукавый диакон, написал бы что-нибудь вроде: **«Маргарита успешно прошла испытание Воланда. Вот если бы она не сразу бросилась просить за Мастера, а сумела пожертвовать собой ради Фриды – вот тогда она явила бы чуждость своего духа духу Воланда. А так – они оказались одного поля ягодами. Ради себя они могут помогать людям, но ради себя же могут и перешагивать через них, как Маргарита перешагнула через Фриду. Такая Маргарита Воланду понятна. Ее можно забрать с собой из Москвы»**. Ну что здесь можно сказать? – **«Тьфу на вас еще раз!»**⁹²² – как говаривал в фильме булгаковский Жорж Милославский.

17.4. Еще Маргарита заступает за Понтия Пилата. Но как-то очень несимпатично описывается это ее «заступничество»: **«– Отпустите его, – вдруг пронзительно крикнула Маргарита так, как когда-то кричала, когда была ведьмой, и от этого крика сорвался камень в горах и полетел по уступам в бездну, оглашая горы грохотом. Но Маргарита не**

⁹¹⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 543.

⁹¹⁷ Там же, с. 543.

⁹¹⁸ Этого патологически не понимает идейный вдохновитель Кураева Барков, у которого диакон поленился списать следующие абсурдные слова: **«<...> при чтении этого и других пассажей о Маргарите обращает на себя внимание откровенно пародийный, комический стиль повествования, явное присутствие авторской иронии. Причем «правдивый повествователь», от имени которого ведется повествование, не является откровенно комическим лицом, каким был бы рассказчик в манере Щедрина; нет, он в традициях гоголевских повествователей разыгрывает роль простачка и в простодушной манере чрезмерно расхваливает свою героиню»**.

⁹¹⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 544.

⁹²⁰ Там же, с. 557.

⁹²¹ Дневник Елены Булгаковой. Письмо к А. С. Нюренбергу от 27 октября 1968 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 331.

⁹²² Иван Васильевич меняет профессию. – СССР: Мосфильм, 1973.

могла сказать, был ли это грохот падения или грохот сатанинского смеха». Вариант: «О, как мне жаль его, о, как это жестоко! – заломив руки, простонала Маргарита». Слишком много в этом нарочитости, позы и штампа...

Приведенный диаконом вариант из ранней редакции «О, как мне жаль его, о, как это жестоко!» действительно звучит выпендренно и неудачно. Именно поэтому Булгаков и заменил его словами: «Отпустите его, – вдруг пронзительно крикнула Маргарита <...>» Возможно в словах Маргариты отразилась известная католическая формула отпущения грехов «*absolve te*»⁹²³.

17.5. Другая исповедь Маргариты: «– Я тебе сказку расскажу, – заговорила Маргарита и положила разгоряченную руку на стриженную голову, – была на свете одна тетя. И у нее не было детей, и счастья вообще тоже не было. И вот она сперва много плакала, а потом стала злая».

Опять мы видим пример извращенного мышления Кураева. А ведь это очень важная сцена, когда буйное «ведьмовство» Маргариты сразу утихает при виде испуганного ребенка. Она показывает, что внутренне Маргарита не изменилась. Душа ее осталась чиста. Да внешне она жаждет мести, но скорее виртуальной, чем настоящей. вспомните, как после бала она останавливает Воланда собравшегося послать кого-нибудь «разобраться» с Латунским уже «по взрослому».

17.6. Вот описание мертвой Маргариты: «ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт».

Очередное передергивание. В романе сказано: «На его глазах **лицо отравленной менялось** <...> видно было, как **исчезало** ее временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт. Лицо покойной **посветлело** и, наконец, **смягчилось**, и оскал ее стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом»⁹²⁴. Эти слова имеют совершенно другой смысл. Описание мертвой Маргариты показывает, что после отравления она теряет все черты ведьмы перед воскрешением к новой жизни.

Чтобы вернуть любимого, Маргарита согласилась стать ведьмой и естественно изменилась при этом как внешне, так и в душе. Но стоит ли читать христианскую, да и любую общечеловеческую мораль ведьме, как бы к ней не относиться? Да и не такая уж злобная ведьма из нее получилась. Греховность Маргариты весьма относительна. Став ведьмой, Маргарита освободилась от моральных комплексов, но не от морали. Чтобы утихомирить ее буйство и желание мести хватило единственной слезы ребенка. И на предложение Воланда наказать Латунского силами его свиты Маргарита ответила решительным отказом.

17.7. Вот Маргарита ожившая: «Голая Маргарита скалила зубы». Так что не стоит удивляться, видя, что животные – даже мистические – боятся Маргариту. «Коровьев галантно подлетел к Маргарите, подхватил ее и водрузил на широкую спину лошади. Та **шарахнулась**, но Маргарита вцепилась в гриву и, **оскалив зубы**, засмеялась», – говорилось в ранних рукописях.

Если верить Кураеву, – он копается в ранних рукописях потому, что автор убирал что-то из-за цензуры⁹²⁵. Но кто способен поверить, что Булгаков, боясь цензуры, мог снять слово «шарахнулась» в описании посадки Маргариты на лошадь? – Дьякон, как обычно, аргументирует к невежеству, полагая, что о цензуре он писал в другом месте, и никто не будет сопоставлять

⁹²³ «Отпускаю тебя (*лат.*) – Так говорит католический священник во время исповеди, отпуская грехи. Эти слова могут также использоваться при примирении или расставании» [Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – Харьков: Фолио; М.: Эксмо: 2006, с. 404].

⁹²⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 696.

⁹²⁵ Думаю, что на самом деле цель дьякона сходна с целью папарацци, роющихся на помойках.

один его тезис с другим. Но если подхватить самого диакона и водрузить его на лошадь, особенно в голом виде, даже самая религиозная лошадь «шарахнется» от неожиданности.

В ранних редакциях поведение Маргариты было описано более развязно по той простой причине, что в них после смерти она не преображалась, а оставалась вечной ведьмой. В связи с этим хочется дать совет Кураеву: «Если Вы дали обет безбрачия, никогда не читайте ранних редакций «Мастера и Маргариты» на ночь, и ничто голое не оскалит на Вас свои зубы в Ваших страшных ночных кошмарах».

17.8. Булгаков гениально владеет русским языком. И если он для описания героини подобрал именно такие слова – значит не стоит романтизировать Маргариту, отдирать от нее те черты, которые ей придал Булгаков, а насильственно отреставрированный лик ведьмы возносить на одну ступень со светлыми Мадоннами русской классики... Вы можете себе представить, чтобы у Льва Толстого Наташа Ростова улыбнулась Пьеру, «оскалив зубы»?

Неудача диакона с оскалившей зубы Наташей Ростовской вероятно связана с тем, что он по простоте душевной силился промыслить ее в одетом виде, что является с его стороны грубейшей ошибкой, впрочем, вполне простительной духовному лицу. Маргарита же в романе ведет себя вполне пристойно и скалит зубы только один раз и вполне естественно, радуясь молодости, вернувшейся после крема Азazelло: «На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати, безудержно хохочущая, скалящая зубы»⁹²⁶. Риторический вопрос: можно ли безудержно хохотать, не скаля при этом зубы? Несомненно, что такую же реакцию вызвало бы омолаживающее воздействие волшебного крема и на Наташу Ростовую, если бы она испробовала его в тридцать лет. Что касается диакона, то его, несомненно, постигла бы либо печальная судьба Николая Ивановича, либо старухи с дочкой из сказки «Морозко»...

Как мы уже отмечали, в окончательной редакции романа Булгаков кардинально изменил трактовку образа Маргариты, романтизировал его и сам «отодрал» от Маргариты все развязные черты, старательно навязываемые ей Барковым и аккуратно списывающим у него Кураевым. «Умница Маргарита» (авторская характеристика⁹²⁷) действительно продолжает галерею светлых классических образов русских женщин. Со светлыми Мадоннами русской классики у нее общее, прежде всего то, что она Женщина, – жертвенно-благородная, одновременно гордая и смиренная, возвышенная и мечтательная. Маргарита во всех жизненных ситуациях ведет себя так же, как и женщины 19-го века, не испытавшие на себе влияния современного феминизма, и в этом и состоит «классичность» ее образа. Так же как жены декабристов, она мужественно готова на любые испытания ради спасения и поддержки любимого человека, и без колебаний бросает свой житейски благополучный мир, чтобы до конца пройти тернистый путь со своим избранником...

Интересную мысль о возможных духовных истоках образа Маргариты высказывает В. Сахаров:

«<...> поскольку булгаковский роман разворачивается как Евангелие <...>, то истоки образа Маргариты стоит искать там же – в Священном писании. А сквозной образ всех канонических Евангелий – это исцеление, спасение и духовное возрождение грешницы, которая «возлюбила много».

<...> это путь Марии Магдалины, падшей и возрождающейся грешницы, какой она живет в народном представлении. Ради Мастера и его правдивой, пророческой книги она стала ведьмой и вступила в союз с самыми темными силами.

<...> верная, любящая, страстная, грешная Маргарита давно отделилась от своих многочисленных прототипов и живет в булгаковском романе и сознании его читателей сама по себе, увлекая, удивляя и восхищая. Ей веришь»⁹²⁸.

17.9. Во всех вариантах романа Маргарита мстит совершенно незнакомым ей людям...

⁹²⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 556.

⁹²⁷ Там же, с. 585.

⁹²⁸ Сахаров В. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: прощание и полёт. – http://www.kritika.nl/master_i_margarita.htm

Маргарита не знакома с ними лично, но знает их заочно; они причинили много горя и ей и ее любимому человеку. Разве обязательно быть лично знакомым с Гитлером, Сталиным или Берией, чтобы появилось желание и право «разобраться» с ними?

17.10. Так кто же она? Во второй полной рукописной редакции романа (1938 год) поясняется, что Маргарита – это реинкарнация хозяйки Варфоломеевской ночи, французской королевы Марго.<...>

Так что о доброте и милосердии «черной королевы» Маргариты (так к ней обращаются на балу) говорить стоит поосторожнее.

Нигде у Булгакова речь не идет о модной ныне реинкарнации, а говорится только о том, что Маргарита является прапраправнучкой **одной из** французских королев⁹²⁹, живших в шестнадцатом веке⁹³⁰. И разве при реинкарнации душа не перевоплощается, а просто механически переселяется в иное тело, сохраняя все свои атрибуты? Может ли Кураев указать христианские источники, в которых этот вопрос рассмотрен подробнее? Вряд ли. Ведь христианство не признает реинкарнацию. Учение о предсуществовании души было осуждено еще в 553 году, на Пятом Вселенском Соборе в Константинополе, как Оригенова ересь. Так что у диакона в этом вопросе по обыкновению **«смешались в кучу кони, люди»**. Видимо интерес к фестралам и терафимам даром для мышления не проходит.

Называя Маргариту **«черной королевой»**, Кураев, демонстрирует общность своего внутреннего мира и духовных устремлений с отравительницей Тофаной, так как более **никто** так к Маргарите в романе не обращается. Прочие персонажи романа называют Маргариту либо **«светлой королевой»**⁹³¹, либо **«королевой-хозяйкой»**, либо просто **«королевой»**. Заметим, что **«светлой королевой»** Булгаков называл свою мать в романе «Белая гвардия»⁹³², а **«королевой-хозяйкой»** или просто **«королевой»** звал свою последнюю жену:

«Михаил Булгаков называл ее королевой.

Только двух женщин в своей жизни называл так: свою мать и потом – третью свою жену, Елену Сергеевну Булгакову.

Женат был трижды. Все три женщины, поочередно носившие его имя, были прекрасны, женственны, благородны и заслуживали восхищения и любви. И в каждую из них – поочередно – он был влюблен. Но **королевой назвал только одну из них**⁹³³.

Усердно анализируя, по его словам, черновики, Кураев даже не заметил, что в окончательной редакции в сцене с Тофаной на балу добавлен важный элемент раскаяния Маргариты. Во второй полной рукописной редакции 1937-1938 гг. Тофана называет Маргариту **«королева»** и **«добрейшая королева»**⁹³⁴, а последняя только беспечно веселится:

«Ведь может же в конце концов осточертеть муж?

– О, да – **смеясь ответила королева Маргарита**»⁹³⁵.

В окончательной же редакции этот диалог имеет совершенно другой вид:

«Ведь бывает же так, королева, чтобы надоел муж.

– Да, – **глухо ответила Маргарита <...>**»⁹³⁶.

⁹²⁹ Несмотря на ухищрения Баркова и Кураева, образ королевы Марго отнюдь не ассоциируется у читателей с черными красками. – Для нас она, прежде всего, персонаж романа Дюма «Королева Марго», – романа о любви.

⁹³⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 578.

⁹³¹ «Историческая Маргарита Валуа осталась бездетной, и Маргарита, следовательно, не могла быть ее потомком. Поэтому Булгаков связал королеву Великого бала у сатаны с другой французской королевой – Маргаритой Наваррской (1492-1549), имевшей потомство. Она была **«светлой королевой»** – известной писательницей, автором сборника «Гептамерон» <...>» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 155].

⁹³² Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 26.

⁹³³ Яновская Л. М. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 218.

⁹³⁴ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 423.

⁹³⁵ Там же, с. 422.

⁹³⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 592.

При этом новое обращение Тофаны к Маргарите «черная королева», подчеркивает нравственные страдания Маргариты.

17.11. А верна ли Маргарита своей любви? Маргарита Мастера в отличие от Маргариты Фауста – далеко не девственница. С Мастером она изменяла живому мужу, от которого ничего не видела, кроме добра.

Изречение Кураева, что кроме не девственниц бывают и «далеко не девственницы», тонкая и глубокая мысль, вполне достойная новоявленного православного философа. В реальной жизни замужние женщины девственницами, увы, обычно не бывают, в отличие от Евангелия, где муж, по словам великого русского поэта А. С. Пушкина: «<...> как отец с невинной жил еврейкой. // Ее кормил – и больше ничего»⁹³⁷. Хотя и в Евангелии, с Девой Марией, по мнению того же Пушкина, все было не так уж и просто: «Досталась я в один и тот же день // Лукавому, архангелу и богу».⁹³⁸ Возможно именно это и есть тот самый случай «далеко не девственницы»?

Разумеется, нехорошо, что Маргарита изменяла мужу, но ведь и Анна Каренина тоже изменяла. Да и кто только кому не изменял в литературных произведениях? Да и сам Кураев изменил любимому (атеизму), правда весьма удачно, и теперь считает себя настолько безгрешным, что везде рвется кинуть первый камень.

17.12. Едва только Мастер исчез из ее жизни, она уж готова завести роман с другими мужчинами: «Почему, собственно, я прогнала этого мужчину? Мне скучно, а в этом ловеласе нет ничего дурного, разве только что глупое слово «определенно»? Почему я сижу, как сова, под стеной одна? Почему я исключена из жизни?».

Уже два тысячелетия христианская церковь учит, что нельзя оставлять неженатых мужчину и женщину наедине, так как между ними немедленно появится третий⁹³⁹, – то ли Дьявол, то ли «хотелка», о которой ранее говорил диакон. По мнению Кураева, если женщина вне дома вступит в разговор с посторонним мужчиной, ее честь и доброе имя будут опорочены. Ибо даже самый невинный разговор неугомонным диаконом будет квалифицирован как попытка завязать роман. Следовательно, если с женщиной на улице заговорит незнакомец, она должна немедленно пресечь его попытку завязать разговор. Логично было бы предположить, что данные мысли церковного ортодокса рождены длительным воздержанием, но все гораздо проще: это очередной тезис, прилежно переписанный диаконом у Альфреда Баркова (разумеется, без ссылки).

17.13. «Дьяволу бы я заложила душу, чтобы только узнать...». А чем же она тогда будет любить Мастера, если душу она продает сатане? Если не душой, то тем, что она в обнаженном виде демонстрировала всей нечестной публике на балу у сатаны? Значит, лишь плоть Маргарита оставляет для Мастера?

Что именно оставила Маргарита Мастеру виднее автору – Михаилу Булгакову, готовому заложить душу дьяволу и за существенно меньшую цену, чем любовь: «Я не то что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!..»⁹⁴⁰ Маргарита в романе не закладывает и не продает свою душу, а всего лишь **выражает готовность** платить сполна за свою любовь: «Ах, право, дьяволу бы я заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет?»⁹⁴¹ И эту готовность она выражает именно после приписываемой ей Кураевым попытки «завести роман».

Маргарита готова заложить свою душу только ради того, чтобы узнать, жив ли Мастер. Ее жертвенность выше обычной формулы влюбленных: «Я душу дьяволу отдам за ночь с тобой!»

⁹³⁷ Пушкин А. С. Гавриилиада. ПСС: В 10 т. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 138.

⁹³⁸ Там же, с. 153.

⁹³⁹ «Solus cum sola [in loco remoto] non cogitabuntur orare «Pater noster»» – «Мужчина с женщиной [наедине] не станут читать «Отче наш»» (лат.).

⁹⁴⁰ Дневник Елены Булгаковой, запись от 29.11.1938 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 226.

⁹⁴¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 549.

Ведь, несмотря на двухтысячелетние усилия христианской церкви, для влюбленных плотское мирское соитие превалирует над духовным платоническим. Поэтому история заклада дьяволу грешного тела ради духовного соития мировой литературе неизвестна. Странно, что Кураев не разразился гневной рецензией на мюзикл о бедной Эсмеральде и не растолковал нам кто, кого, чем и как будет любить после отдачи души сатане.

17.14. Но – только ли для Мастера?

Вот какой-то мужчина поповолюбил познакомиться с Маргаритой, но встретил ее мрачный взгляд. Маргарита Николаевна тут же пожалела о несостоявшемся знакомстве: «Вот и пример, – мысленно говорила Маргарита тому, кто владел ею, – почему, собственно, я прогнала этого мужчину? Мне скучно, а в этом ловеласе нет ничего дурного, разве только что глупое слово «определенно»? Почему я сижу, как сова, под стеной одна? Почему я выключена из жизни?» Она совсем запечалилась и понурилась».

В рукописи 36-37 гг. Маргарита не прочь заигрывать даже с Азazelло при первом же их знакомстве на Манежной площади: «Хорошо, пожалуйста, – уже без надменности ответила Маргарита Николаевна, растерялась, подумала о том, что садясь на скамейку, забыла подмазать губы».

Кураев повторяется (см. [тезис 17.12](#)). Его навязчивые мысли о «заигрывании» Маргариты с Азazelло, навеяны словами Нового Завета: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство» (Гал. 5:19). Но поведение Маргариты самое обычное женское поведение. Почему английский джентльмен в любой ситуации может подумать, не измялись ли его брюки, а женщине аналогичное поведение, по мнению Кураева, непростительно и должно рассматриваться как «заигрывание» с окружающими. Женское поведение вообще, как правило, нелогично, с точки зрения мужчины. Как заметил устами Шерлока Холмса Конан Дойл, женщина может проявлять все признаки преступницы – нервничать, ерзать на стуле, волноваться и даже впасть в истерику – всего лишь потому, что... сидит лицом к свету. А это значит, что ее гложет только одна мысль: не слишком ли заметны ее морщинки? И в данный момент ей совершенно безразлично, в каких смертных грехах ее обвиняют.

17.15. Во второй редакции своего эпохального «труда» Кураев опустил бессмысленную фразу: «Она с радостью демонстрирует свою наготу всем подряд даже вопреки прямой просьбе Мастера».

Благодаря Интернету, мы тоже допущены в творческую мастерскую Кураева и можем разобрать и оценить и его нетленные черновики, переделанные им «страха ради цензорского».

Оставаясь в образе ведьмы, Маргарита действительно не стыдится своей наготы. Но кто сказал, что наготы нужно стыдиться? Древние греки, например, ее не стыдились. Вспомните «Таис Афинскую» Ефремова. Кроме того, никто никому ничего с радостью не демонстрирует. Я понимаю распаленное воображение диакона, но о чем фактически идет речь в просьбе Мастера? – «Ты хоть запахнишь, – крикнул ей вслед мастер. – Плевала я на это, – ответила Маргарита уже из коридорчика»⁹⁴². Однако нигде не сказано, что Маргарита распахнулась перед Азazelло или скинула халат. Их реплики всего лишь реалии обстановки, – он в кальсонах, а она в халате на голое тело, – «Но простите Азazelло, что я голая!» – Тоже вполне понятное извинение, если бы Кураев был прав, она бы даже не извинялась, что под халатом она не одета.

17.16. В черновиках Маргарита «Сверкает распутными глазами». Или: «Маргарита хохотала, целовалась, что-то обещала, пила еще шампанское и, опьянев, повалилась на диван и осмотрелась... Кто-то во фраке представился и поцеловал руку, вылетела рыженькая обольстительная девчонка лет семнадцати и повисла на шее у Маргариты и прижалась так, что у той захватило дух... Гроздь винограду появились перед Маргаритой на столике, и она расхохоталась – ножкой вазы служил золотой фаллос.

⁹⁴² Там же, с. 694.

Хохоча, Маргарита тронула его, и он ожил в ее руке. Заливаясь хохотом и отплевываясь, Маргарита отдернула руку. Тут подсели с двух сторон. Один мохнатый с горящими глазами прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой – фращник – привалился к правому боку и стал нежно обнимать за талию. Девчонка уселась на корточки перед Маргаритой, начала целовать ее колени. – Ах, весело! Ах, весело! – кричала Маргарита, – и все забудешь. Молчите, болван! – говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то же время сама подставляла ухо».

Пожалуй, со времен Баркова такой порнографии в русской литературе не было...

<...> И если Маргарита может с хохотом «отплевываться» от «ожившего фаллоса», то не не стоит удивляться ее кредо: «Не надо ни о чем думать, не надо ничего бояться и выражения тоже подбирать не надо».

Интересно, не грешит ли Кураев, изучая порнографию на примере Баркова (не Альфреда, у этого порнография только духа), а также ранних версий романа Булгакова. Или по долгу службы можно читать и со слезами отплевываться, лишь бы хохотом не заливаться?

В рассуждениях диакона о распутности и ведьмовстве Маргариты все притянута за уши (см. [тезис 17.6](#)). Греховность понятие весьма относительное в разных культурах. Может быть, самый великий грех христианства в том и состоит, что оно внесло понятие греха в те области, где в нем никакой нужды не было, – например, в сексуальность человека. Я имею в виду, разумеется, не прелюбодейство, а то, в чем видят греховность Маргариты Барков и следующий ему во всем Кураев, – поведение Маргариты в написанной раблезианскими красками сцене с превращающимся фаллосом. Несомненно, если бы Маргарита упала в обморок, расплакалась, или спросила: «**А что это?**», – а не расхохоталась, Кураев написал бы: «**Какое мерзкое ханжество! Замужняя, имеющая любовника женщина, ведет себя как институтка!**»

Но дело даже не в этом. Процитированные Кураевым строки принадлежат ранней редакции романа, где Маргарита навсегда оставалась вечной ведьмой⁹⁴³, не только привычно скалящей зубы, но, после отравления, еще и с радостью срывавшей с себя одежду и запрыгивающей на уже привычную метлу. Не случайно, в еще более ранней редакции, когда главный герой еще именовался Поэтом, его даже забрать предлагали без Маргариты⁹⁴⁴. Какие же есть основания использовать данные черновые наброски при анализе окончательно сложившегося у автора художественного образа героини? При такой коренной трансформации авторского замысла за 12 лет работы, использование ранних черновых рукописей для толкования образов героев последней редакции совершенно неправомерно. Например, образ Воланда претерпел сложную эволюцию от бездушно юродствующего заурядного исполнительного черта, лакейски вытягивающегося в струнку перед Иешуа со словами: «**Чего изволите?**», – до осознающей себя всесильной, независимой в суждениях силы, стоящей над земными понятиями Добра и Зла, и беспристрастно вершащей судьбы человеческие. И ни Барков, ни Кураев даже и не пытаются примерить к его окончательному величественному образу принижающие подбострастные черты ранних редакций.

Аналогично образ Маргариты кардинально эволюционировал от вульгарной, постоянно скалящей зубы ведьмы, до верной подруги и спутницы Мастера. Безжалостное иссечение всех ранних фривольных описаний бала Сатаны в окончательной редакции связано не с внутренней цензурой⁹⁴⁵, а именно с их несовместимостью с новой художественной концепцией романа и с новым, более возвышенным и одухотворенным содержанием образа Маргариты. Приведенные диаконом строки абсолютно чужеродны органичному единству стилистической ткани романа.

⁹⁴³ «Не узнал Маргариту Мастер. Голая ведьма теперь неслась в тяжелом бархате, шлейф трепало по крупу, трепало вуаль, сбруя ослепительно разбрызгивала свет от луны» [Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 324].

⁹⁴⁴ «– С ней, – глухо сказал он, – с ней. А иначе не поеду.

Самоуверенный Азazelло смутился <...> Но внезапно изменился <...>

– В чем дело! – засипел он, – какой может быть вопрос? И чудесно. Именно с ней. Само собой»

[Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 195].

⁹⁴⁵ «В дальнейшем, уступая внутренней цензуре, Булгаков сделал сцену Великого бала у сатаны гораздо целомудреннее <...>». [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 166].

Теперь эти сцены были бы в нем просто неуместны, так же как были бы в нем неуместны и сцены подбострастия Воланда перед Иешуа из ранних редакций.

В окончательной редакции Булгакову удалось совместить казалось бы несовместимое: разгул оживших трупов и душевную чистоту Маргариты. Если в ранних редакциях она просто веселилась на балу, то теперь она проходит тяжелое физическое и нравственное испытание⁹⁴⁶. По негласным условиям его, она должна оказывать радушие всем гостям, не проявляя брезгливости и ханжества ни в чем. И она его выдержала с честью, как настоящая королева.

Заключая обсуждение данного тезиса, хочу заметить, что не только со времен Альфреда Баркова, но за все время существования русской литературы, такой порнографии как сочинение Кураева не было в русской критике. Крайне мало удовольствия доставляет необходимость копаться дальше в его на лету каменеющих, как говаривал Маяковский, словесных извержениях.

17.17. Примечание: В более раннем варианте намек на гомосексуальность был связан с Воландом.

От чтения черновиков у диакона дух захватывает сильнее, чем у Маргариты. Известно, что сильнее всего возбуждает и захватывает именно от подглядывания (в данном случае в творческую лабораторию автора). Да так захватывает, что логику напрочь отшибает. Какая же гомосексуальность у Воланда, если он по утверждению самого же Кураева сифилис у ведьмы подхватил? – Это уже бисексуальность!

17.18. Маргарита стала ведьмой задолго до встречи с Воландом: «Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме» (гл. 19).

Кураев совершенно не в состоянии понять разницу между обычным женским ведьмовством-кокетством и настоящим, хотя в романе подчеркнута, что Маргарита стала похожа на ведьму только после воздействия на нее крема Азazelло:

«Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»;
«Придется вам, мой милый, жить с ведьмой <...>
– А ты действительно стала похожа на ведьму»⁹⁴⁷.

17.19. Она вполне сознательно продает свою душу дьяволу: «Ах, право, дьяволу бы заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет!» (гл. 19).

Маргарита действительно совершенно осознанно соглашается на предложение Азazelло⁹⁴⁸: «Я знаю, на что иду. Но иду на все из-за него, потому что ни на что в мире больше надежды у меня нет. Но я хочу вам сказать, что, если вы меня погубите, вам будет стыдно!» Но о продаже ею при этом своей души даже и речи нет. Как мы уже отмечали, фраза «дьяволу бы заложила душу...» совершенно обычна для влюбленных и за ней ничего реального не стоит (см. тезис 17.13). Обычная гипербола вида: «Редкая птица долетит до середины Днепра!» То, что Маргарита временно стала ведьмой, даже по христианским канонам еще не означает ее отказа от своей души, так как она не заключала пакта с дьяволом и не получила «*sigillum diabolicum*»⁹⁴⁹. Странно, что такой специалист по inferнальным явлениям как Кураев не счел нужным обратить внимание на это.

17.20. И еще до встречи с Воландом Маргарита потеряла свою душу. Она кокетничает,

⁹⁴⁶ «Воланд, знакомя героиню со знаменитыми злодеями и развратницами, усиливает муки ее совести» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 163].

⁹⁴⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 557, 691.

⁹⁴⁸ Там же, с. 554.

⁹⁴⁹ «Клеймо дьявола» (лат.). – «Ведьмы получали особый знак, *sigillum diabolicum*, при заключении пакта с дьяволом <...> на шабаше. Знак этот <...> часто бывал на спине, у самого конца спинного хребта, <...> имел форму зайца, или жабьей лапы, или черной кошки» [Брюсов В. Я. Огненный ангел. Примечания издателя. – М.: Высшая школа, 1993, с. 351].

когда говорит, «заложила бы душу» – ибо, похоже, она вообще не верит в существование души.

Существование души никем не доказано вне религиозной схоластики. Нобелевской премии за это еще не давали, а ведь такое эпохальное открытие ее явно заслуживает. Напомню, что Иммануил Кант по поводу гипотетического существования души писал, что в подобных вещах разум не имеет никаких оснований ни допускать их существование, ни догматически отрицать их «<...> так как у нас нет никаких понятий ни об их возможности, ни об их невозможности»⁹⁵⁰.

17.21. Оттого и мечтает о самоубийстве (самоубийцы слепо и наивно полагают, будто уничтожение тела тождественно уничтожению души и ее боли).

Между понятиями мечтать о самоубийстве, и думать о нем, пропасть не меньше, чем между диаконом и литературным критиком. Впрочем, справедливости ради, заметим, что и литературный критик вряд ли бы сумел провести службу в церкви на должном уровне.

17.22. «Так вот, она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста». Странно, но даже встреча с сатаной и его призраками не убеждает Маргариту в бессмертии души: и утром после бала она по прежнему думает о самоубийстве: «Только бы выбраться отсюда, а там уж я дойду до реки и утоплюсь».

Из факта существования Сатаны и призраков не следует не только бессмертие души, но даже и просто ее наличие у человека. К тому же Маргарита не была ортодоксальной христианкой, иначе она бы с самого начала прогнала Азazelло и осенила себя крестным знаменем, или хотя бы попыталась это сделать.

Обвинение диаконом Маргариты в нелогичности ее поведения, еще более нелогично и свидетельствует о глубоком непонимании им противоречивой женской природы. Пожалуй, ему было бы полезно ознакомиться с историей Анны Карениной. С глубоким выводом о нелогичности ее поведения он мог бы войти в историю мировой литературы.

17.23. Поскольку же ведьмой (хоть в тайне от себя самой) Маргарита была еще до встречи с сатаной, то и «знакомство с Воландом не принесло ей никакого психического ущерба».

Мы уже выяснили, кем (в тайне от себя самого) является сам диакон Кураев (см. [тезис 6.5](#)). Несомненно, что знакомство с Воландом нанесло бы ему, в отличие от Маргариты, не только большой психический ущерб, но и прямые физические убытки в виде оторванной как у Жоржа Бенгальского за вранье головы.

«Ведьмовство» Маргариты мы уже разбирали (см. тезисы [17.5](#), [17.6](#) и [17.18](#)). Булгаков его охарактеризовал как «временное»⁹⁵¹, а не постоянное, как это привиделось диакону. Впрочем, Кураев, как обычно, просто списал этот тезис у Баркова, также не понимавшего, что сравнение женщины с ведьмой не всегда намекает именно на ее ведьмовство, как таковое, и может, как в случае с Маргаритой, намекать на нечто иное: «Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек! Что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весной мимозами?»⁹⁵² Увы, поскольку секса в СССР в те годы официально не было, то не было в литературе и слова «сексуальность», и сексуальных женщин обычно сравнивали с ведьмами. Аналогичное сравнение есть у Булгакова и в «Белой гвардии»:

⁹⁵⁰ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 566.

⁹⁵¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 696.

⁹⁵² Там же, с. 543.

«Николке она показалась страшно красивой, как ведьма»⁹⁵³. Вопрос о том, почему сексуальных женщин сравнивали именно с ведьмами, а не с ангелицами, оставляю Кураеву для самостоятельного размышления бессонными ночами. Замечу только, что не одну лишь сексуальность, и привлекательность, но и живость характера Маргариты, поднимавшую ее над толпой, подчеркивает Булгаков своим сравнением.

Разъяснение понимания Булгаковым женского ведьмовства мы можем найти в письме жены писателя ее брату, в котором Елена Сергеевна рассказывает, как однажды в три часа ночи Булгаков вызвал ее из дома и повел в какой-то дом на Патриарших прудах в гости к бывшему рыбопромышленнику, с сыном которого он был в приятельских отношениях: «Сидели до утра. Я сидела на ковре около камина, старик чего-то ошалел: «Можно поцеловать вас?» – «Можно, говорю, целуйте в щеку». А он: «Ведьма! Ведьма! Приколдовала!» «Тут и я понял, – говорил потом всегда Миша, вспоминая с удовольствием этот вечер, вернее, ночь, – что ты ведьма! Присушила меня!» Пошли домой, и так до сих пор не знаю, у кого это я была»⁹⁵⁴.

17.24. Маргарита – не Муза. Она лишь слушает уже написанный роман. В жизни Мастера она появляется, когда роман уже почти закончен.

Банальная ложь в духе критика Латунского. Мастер и Маргарита начали встречаться в начале мая, роман же был закончен только в августе. Четыре месяца срок сам по себе немалый. Но ведь имеет еще значение и темп работы, – и здесь у Булгакова сказано предельно ясно⁹⁵⁵: «Тот кто называл себя мастером, работал лихорадочно над своим романом, и этот роман поглотил и незнакомку». В черновиках, столь внимательно изучавшихся диаконом, сказано еще более прозрачно: «<...> не успел он дописать свой роман до половины, как...»⁹⁵⁶

Муза самого Булгакова, – его третья и последняя жена, появилась даже после завершения первой редакции романа, что ничуть не помешало ей стать подлинной Музой этого произведения. Именно Елене Сергеевне мы обязаны тем, что Булгаков изменил первоначальную, так устраивающую диакона концепцию, на более светлую. Хорошо, что появление любимой женщины всегда оказывает благотворное воздействие на художника, не то остаться бы Маргарите голой ведьмой, скалящей зубы на радость диакону и его сторонникам.

17.25. Хуже того. Именно Маргарита подталкивает его к самоубийственному поступку – отдать рукопись в советские издательства: «Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером». Это или сознательная провокация или потрясающее безмыслие. Или просто медиумичность: и Мастер и Маргарита открыты воздействию Воланда. Во всяком случае пассивность Мастера подчеркивается вполне ясно: «И, наконец, настал час, когда пришлось покинуть тайный приют и выйти в жизнь».

Несомненно, здесь имеет место то ли сознательная «провокация» то ли потрясающее «безмыслие», но не со стороны Маргариты, а со стороны диакона. – Ведь Муза прототипа Мастера⁹⁵⁷, – последняя жена Булгакова, тоже мечтала о публикации романа⁹⁵⁸, а уж ее то обвинить в безразличии к судьбе писателя просто невозможно⁹⁵⁹:

⁹⁵³ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. с. 261.

⁹⁵⁴ Дневник Елены Булгаковой. Письмо к А. С. Нюрнбергу от 13 февраля 1961 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 327.

⁹⁵⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 470.

⁹⁵⁶ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 236.

⁹⁵⁷ «Елена Сергеевна Булгакова послужила главным прототипом Маргариты в романе «Мастер и Маргарита» [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 134].

⁹⁵⁸ Тяжело даже представить себе возможные последствия публикации романа в те страшные годы. Одно могу утверждать, лучшее, на что можно было бы надеяться, это ссылка. Но это мы понимаем сейчас, умудренные историческим опытом, но можно ли упрекать за непонимание этого Елену Сергеевну?

⁹⁵⁹ Дневник Елены Булгаковой, запись от 20.12.1938 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 232.

«За ужином – вдвоем – говорили о важном. При работе в театре <...> невозможно работать дома <...> над своей вещью. Миша задает вопрос – что же делать? От чего отказаться? Быть может, переключиться на другую работу?

Что я могу сказать? Для меня, **когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл».**

Мерещущийся Кураеву на каждом шагу Воланд не оказывал никакого медиумического влияния на судьбу Мастера и Маргариты. Если бы он действительно руководил их судьбой с целью получения и опубликования романа, то по его завершении он, несомненно, нашел бы подходящий способ вразумить советских литературных критиков и напечатать роман, а не пустил бы дело на самотек.

17.26. Нет, эта «черная королева» не сможет вдохновить Мастера на новые творения... Призрак Мастера завещал Ивану Бездомному продолжить роман «о нем». Но призрак Маргариты поцеловал юношу – и профессор Понырев так ничего и не написал (хотя Маргарита и уверяла его, что она знает его будущее и там все будет хорошо). Ничего не напишет и зацелованный Маргаритой призрак Мастера.

Напомню, что «черной королевой» Маргариту, наряду с диаконом, зовет в романе только отравительница Тофана⁹⁶⁰ (см. [тезис 17.10](#)). В ранних же редакциях своего сочинения Кураев называл Маргариту не «черной королевой», а «блудливой ведьмой». Я рад, что слово «блуд» ушло из вдохновленного воображения распаленного религиозными (надеюсь) страстями диакона.

Целуя больного юношу, Маргарита вселяет в него уверенность в том, что он еще покинет больничную койку и вернется к нормальной жизни. Своими словами: «<...> **вот я вас поцелую в лоб, и все у вас будет так, как надо...**»⁹⁶¹, – она врачует его больную душу, а не одаряет цыганским предсказанием счастья и успехов в личной жизни и в написании нового романа.

Из финала романа никак не следует, что Маргарита не сможет вдохновлять Мастера. Скорее следует обратное, ибо Мастер возвращается к жизни, оглядываясь «**взором живым и светлым**»⁹⁶². В последнем полете на лице у него мечтательная улыбка. Поэтому препятствий к творчеству у него в покое не больше, и даже меньше, чем в христианском раю.

Утверждение Кураева, что Мастер и Маргарита стали призраками безосновательно. Из романа этого не следует. После воскрешения тело Мастера преобразилось, так же как и тела Иешуа и Левия, однако оно по-прежнему живое и в нем течет кровь! – Вспомните, как после воскрешения Мастера Маргарита вытирает «**кровь на его рассеченном виске**»⁹⁶³. У призраков такого не наблюдается. Не свойственно им и затруднять себя открыванием дверей и балконных решеток: «**Еще через мгновение мастер привычной рукой отодвигал балконную решетку в комнате № 117-й, Маргарита следовала за ним**»⁹⁶⁴.

Переписывая у Баркова, Кураев пропустил его утверждение, что «**Бездомный обнаружил отсутствие тени у Мастера и Маргариты**»⁹⁶⁵. При этом Барков ссылается на следующий эпизод романа:

«Мастер взволновался от этих слов и заговорил, присаживаясь на край Иванушкиной постели:

— А вот это хорошо, это хорошо. Вы о нем продолжение напишите!

Иванушкины глаза вспыхнули.

— А вы сами не будете разве? — Тут он поник головой и задумчиво добавил: — Ах да... что же это я спрашиваю, — Иванушка покосился в пол, посмотрел испуганно.

— Да, — сказал мастер, и голос его показался Иванушке незнакомым и глухим, — я уже больше не буду писать о нем. Я буду занят другим»⁹⁶⁶.

⁹⁶⁰ Право же есть что-то общее в отравлении людских тел и людских душ.

⁹⁶¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 700.

⁹⁶² Там же, с. 697.

⁹⁶³ Там же, с. 698.

⁹⁶⁴ Там же, с. 699.

⁹⁶⁵ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

⁹⁶⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 700.

По Баркову получается, что испуг Иванушки связан якобы с отсутствием тени у Мастера. При этом, однако, совершенно непонятно, какую же смысловую нагрузку несет предлагаемая Барковым мотивировка испуга Иванушки по отношению к его разговору с Мастером. Неужели Булгаков нам подсказывает, что не отбрасывающие тени не могут творить? – Вряд ли. – Иванушка сначала сообразил, что Мастер не будет уже писать об Иешуа, и только потом поник головой, покосился в пол и посмотрел испуганно. Следовательно, его испуг связан не с тенью, а именно с тем, о чем он вспомнил. Того, что и является причиной, по которой Мастер не будет больше писать о Иешуа. О чем же, вернее о ком же мог вспомнить Иванушка? – Естественно о Воланде; о том, что Мастер принял его помощь. У читателей романа, если они не чрезмерно религиозны, образ Воланда страха не вызывает, что собственно и расстраивает Кураева. Но мы видим роман изнутри, а для Иванушки Воланд связан только со страшной смертью Берлиоза и зловещим христианским образом сатаны. От того-то он со страху и поник головой, и глаза отводит в сторону, и косится испуганно. И все же, вслед за этим, он «с грустью и каким-то тихим умилением» произносит слова «вишь ты, как у вас все хорошо вышло», – совершенно немыслимые при принятии барковской гипотезы об испуге Иванушки перед мифическим превращением Мастера и Маргариты в вампиров.

17.27 Характерно также, что Мастер и Маргарита обречены на бесплодие; и на земле они не смогли родить детей, тем более не будет детей у призраков.

Кураев трогательно заботится о чужой плодовитости, хотя лучше бы ему подумать о своей собственной. Да и много ли детей смогли бы народить Мастер и Маргарита в небесных чертогах? – Как ни печально, но тоже ни одного! Ведь в раю семейных пар нет, и не предвидится. Из всех видов земной любви там дозволен только один, – платоническая любовь к Христу. В покое же Мастер и Маргарита будут жить по-человечески, по земному, вместе, а не по христианским райским установлениям, – каждый по отдельности.

17.28. В булгаковском романе нетрудно заметить мотив расплаты за легковесные слова: «булгаковский дьявол обладает поразительным свойством материализовываться после любого чертыханья всех героев романа, любящих все поминать имя нечистого».

А кто, черт побери, этого не любит? Причем делают это и верующие и неверующие. Да и стоит ли удивляться частой материализации дьявола в романе, который первоначально только о нем и писался?

17.29. Далее идет сноска на Баркова: «Встреча Мастера и Маргариты в переулке, где не было ни души, что Булгаков подчеркивает особо, произошла днем в центре Москвы рядом с многолюдной Тверской... На Патриарших в сцене знакомства писателей с дьяволом тоже не было ни души – там «безлюдность» была явно подстроена шайкой Воланда».

Диакон подвело беспредельное доверие к избранным местам из Баркова, ведь именно со времен его однофамильца начинал диакон изучение «порнографии в русской литературе». Ну а мы обратимся непосредственно к тексту романа: «Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась... По Тверской шли тысячи людей, но я Вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела на меня не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах! Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души»⁹⁶⁷.

Булгаков особо подчеркнул, что встреча произошла не в безлюдном переулке, а прямо на многолюдной Тверской (в месте впадения в нее «кривого, скучного переулка»), на глазах у

⁹⁶⁷ Там же, с. 466.

тысяч людей. То, что в кривом скучном переулке в стороне от крупной торговой улицы не было ни души, вполне возможно и без проделок Сатаны. Что людям делать здесь, в стороне от магазинов? На таких улицах обычно ходят редкие прохожие, либо живущие здесь, либо идущие на другую крупную улицу. К сожалению Бортко в изображении данной сцены в фильме пошел на поводе у Баркова и Кураева, но текст романа выше всяких альтернативных изысканий и прочтений!

В сцене на Патриарших прудах «безлюдность» также имеет очень простое объяснение: «В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея»⁹⁶⁸.

Так ли уж это удивительно, что люди предпочли отсидеться дома, где было прохладнее, чем на улице? Заметим, что позже, «когда дышать стало гораздо легче» люди появились «на всех трех сторонах квадрата, кроме той, где были наши собеседники»⁹⁶⁹. Как видим, никакой особой «безлюдности» Воланд не подстраивал, разве что, возможно, непосредственно рядом с собой. И то, когда Иван крикнул «караул!», то: «Две каких-то девицы шарахнулись от него в сторону <...>»⁹⁷⁰

17.30. ««Любовь выскочила...». «Так поражает финский нож»... «Убийца»... Неужели великий Булгаков, великий стилист не смог найти других слов для описания «вечной любви»? Но если он нашел именно такие слова – то, может, это и не любовь? Может, это взаимное использование любовниками друг друга?

Да, я слышу всегдашнее возражение: постойте, сам же Булгаков сказал, что он пишет роман о «настоящей, верной, вечной любви»... Сказать он и в самом деле так сказал. Но – как? С какой интонацией? Это всерьез или с иронией и издевкой? «Что дальше происходило диковинного в Москве в эту ночь, мы не знаем и доискиваться, конечно, не станем, тем более, что настает пора переходить нам ко второй части этого правдивого повествования. За мной, читатель!

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!» (гл. 19).

Скажите, где еще Булгаков высказывался от себя о серьезном и вечном с такой назойливо-восторженной интонацией первомайских призывов? Тут очевидная авторская самоирония – фантасмагорию назвать «правдивым повествованием». Тут очевидная фельетонность».

Кураев как всегда «поленился» дать ссылку на Баркова, у которого беззастенчиво списаны все эти светлые мысли. Неужели замена барковского слова «ироничность» на «фельетонность» так изменяет общий смысл его слов? Сколько можно беззастенчиво обкрадывать покойника? Гореть диакону за плагиат в геенне огненной. Впрочем, на Страшном Суде сочтутся.

Авторы фантасмагорий никогда не называли свои повествования лживыми, несмотря на всю их фантастичность. Наоборот, от древности и до наших дней они всегда подчеркивали именно их правдивость. Отсюда и совет Булгакова отрезать лгунам их гнусные языки. Да и привлекающее внимание Баркова место не единственное, где рассказчик подчеркивает правдивость своего повествования:

«Поэтому нет ничего удивительного в таком хотя бы разговоре, который однажды слышал автор этих **правдивейших строк** у чугунной решетки Грибоедова <...>»;

«Даже у меня, **правдивого повествователя**, но постороннего человека, сжимается сердце при мысли о том, что испытала Маргарита, когда пришла на другой день в домик мастера, по счастью, не успев переговорить с мужем, который не вернулся в назначенный срок, и узнала, что мастера уже нет»;

⁹⁶⁸ Там же, с. 334.

⁹⁶⁹ Там же, с. 370.

⁹⁷⁰ Там же, с. 377.

«Пишущий эти **правдивые строки** сам лично, направляясь в Феодосию, слышал в поезде рассказ о том, как в Москве две тысячи человек вышли из театра нагишом в буквальном смысле слова и в таком виде разъехались по домам в таксомоторах»;

«Да, прошло несколько лет, и затянулись **правдиво описанные** в этой книге происшествия и угасли в памяти. Но не у всех, но не у всех!»⁹⁷¹

Не знаю, понимает ли Кураев что-либо в любви и словах, которыми ее описывают, но, по моему, он просто глумится над текстом Булгакова. Нормальному же человеческому уху обсуждаемые слова Булгакова кажутся возвышенными и прекрасными. Вот мнение о них профессионального текстолога и литературоведа Лидии Яновской:

«Часть вторая начинается **взволнованно и романтично**: «За мной, читатель!» Романтическая взволнованность этих строк занимала внимание писателя не меньше. Впервые она проступает в четвертой редакции романа...

Интонация первых строк – **ключ к звучанию части в целом**.

Они очень по-разному написаны, эти две части романа. Стиль части первой почти реалистичен, несмотря на то, что фантастика здесь начинается с первых же страниц...

А часть вторая романтична. Поэтическая фантастика полета Маргариты переливается в фантасмагорию бала у Сатаны, и блистательные сатирические сцены в этой части не снимают ощущения торжествующей бесконечности вымысла...»⁹⁷²

Финский нож упоминается во многих произведениях Булгакова. Чем его так пленило это сравнение, пусть разбираются специалисты, но в упоминании финского ножа в «Мастере и Маргарите» нет ничего особенного. Любовь точно так же **«выскочила»** и перед самим Булгаковым и Еленой Сергеевной: «Елена Сергеевна Шиловская была женой, как тогда говорили, «ответственного работника», была достаточно близко знакома с семьей Булгаковых – с Михаилом Афанасьевичем и Любовью Евгеньевной. Она вызвалась помогать писателю в работе над романом – перепечатывать на машинке текст. Между ней и Булгаковым вспыхнул роман. Но ее муж был категорически против развода и запретил им встречаться. Однако через год, в 1932 году, произошла их встреча: по одной версии – случайная, по версии же самого Булгакова – Елена Сергеевна сама позвонила ему и назначила встречу. Так или иначе, но с тех пор они уже не разлучались»⁹⁷³.

То, что произошло с Мастером и Маргаритой в романе, и с Булгаковым и Еленой Сергеевной наяву, французы называют пронзительно точно, – **«coup de foudre»**, – «удар молнии». Булгаков же предпочел собственный вариант, – удар финского ножа. Этот образ он постоянно использует не только в художественных произведениях, но и в личной переписке, например в письме П. С. Попову от 19.03.1932⁹⁷⁴.

17.31. Таким же искусственным фальцетом отдает и от заверения Булгакова о вечной любви и верности Маргариты. Булгаков пошутил – а его шутку приняли всерьез... Столь же мало веры и громкой декларации Маргариты, принимающей баночку с зельем из рук Азazelло – «Я погибаю из-за любви! – и, стукнув себя в грудь, Маргарита глянула на солнце».

Так что нет уверенности в том, что Маргарита не будет улетать на ежегодные балы Воланда в поисках менее скучных друзей.

Скорее «искусственным фальцетом отдает» от рассуждений диакона о поразившем его ожившем фаллосе... Нет бы уняться почтенному профессору, и избавить читателей от грязных и низменных домыслов о грядущих полетах Маргариты на балы Воланда.

⁹⁷¹ Там же, с. 384, 543, 710, 718.

⁹⁷² [Лидия Яновская](http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html). Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>

⁹⁷³ [Сыздальцева Т. В.](http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/258/558/2064/$print_all/) «Михаил Афанасьевич Булгаков». Православный образовательный портал «Слово». – [http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/258/558/2064/\\$print_all/](http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/258/558/2064/$print_all/)

⁹⁷⁴ Письмо к П. С. Попову от 19.03.1932 // [Булгаков М. А.](#) Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 265.

В образе Маргариты Булгаков вывел достаточно обыкновенную женщину, отличающуюся от других женщин только силой своей любви, а вовсе не «умом и сообразительностью»⁹⁷⁵. Поэтому придирается к словам Маргариты, по меньшей мере, глупо. Лучше всего в житейском смысле Маргариту характеризует следующий диалог с Аззелло:

«– Простите, простите, – бормотала покорная теперь Маргарита <...> Моя драма в том, что я живу с тем, кого я не люблю, но портить ему жизнь считаю делом недостойным. Я от него ничего не видела, кроме добра...

Аззелло с видимой скукой выслушал эту **бессвязную речь** и сказал сурово:

– Попрошу вас минутку помолчать.

Маргарита **покорно** замолчала»⁹⁷⁶.

Вот из этого то диалога, как из гоголевской шинели, можно вывести все обыденное женское начало, присущее образу Маргариты, которым он, однако, к счастью, не исчерпывается.

17.32. Маргарита владеет Мастером. Мастеру же не обрести свободы от Маргариты.

Им обоим не обрести свободы друг от друга, да она и не нужна им, ибо сказано: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:24). Маргарита владеет Мастером, а он владеет ею. Более того, из романа видно, что именно Маргарита в меньшей мере владеет Мастером и более зависима от него, что объясняется его болезненным душевным состоянием и временной потерей веры в собственные силы. Только любовь Маргариты способна вернуть его к новой жизни.

17.33. Маргарита грозит Мастеру: «А прогнать меня ты уже не сумеешь».

Я не знаю, плакать, или смеяться. Маргарита **грозит** Мастеру?! Какое больное воображение нужно иметь для такого утверждения. В тексте романа для этого нет ни малейших оснований:

«Мастер шел со своею подругой в блеске первых утренних лучей через каменистый мшистый мостик. Он пересек его. Ручей остался позади **верных** любовников, и они шли по песчаной дороге.

– Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я»⁹⁷⁷.

Где же здесь угроза?! Что здесь кроме чистой, струящейся любви, любви до гроба и после него? Кстати Кураев выше ехидствовал, что детей они в этом доме не заведут. Повторюсь, в раю их тоже не заводят. А вот как насчет прочих удобств? Хотелось бы узнать, рассчитывает ли диакон со временем заслужить такой домик, как у Мастера, или надеется целыми днями беззаботно порхать как птичка по райским садам?

Булгаковские «слезки» уже отлились «волку» Кураеву на «Коде да Винчи». Теперь он исторгает собственные слезы по поводу чужих толкований⁹⁷⁸: «<...> открываем страницу с описанием картины Леонардо да Винчи «Мадонна в гроте» и читаем: «хищно согнутые когти Марии угрожающе нависли над головой младенца Иоанна Крестителя...» (с.168). Неужто это

⁹⁷⁵ Как известно: «Птица Говорун отличается умом и сообразительностью». К сожалению, сегодня более распространена другая порода говорунов, – не птица, а «гражданин Говорун <...> говорящий клоп» [Стругацкий А., Стругацкий Б. Сказка о Тройке. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. – М.: Текст, 1992, с. 291].

⁹⁷⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 552.

⁹⁷⁷ Там же, с. 709.

⁹⁷⁸ Кураев А., диакон. Интервью порталу «Интерфакс-Религия» в связи с выходом фильма «Код да Винчи», 21.05.2006.

можно счесть за объективное и достоверное описание леонардовского полотна? Достаточно посмотреть на светлый Лик Марии на этом полотне, чтобы понять, что она никому не собирается «хищно угрожать». Вот такая вот избирательная, понимаешь, у диакона «объективность и достоверность»...

17.34. То, что это именно угроза, понимает даже Воланд: «мастер, притянул к себе Маргариту, обнял ее за плечи и прибавил: – Она образумится, уйдет от меня... – Не думаю, – сквозь зубы сказал Воланд» (гл. 24).

В отличие от Кураева, Воланд понимает, что женщина, давшая такие доказательства своей любви, не покинет Мастера никогда. Кураев просто не понимает, что сквозь зубы говорят не только в тех случаях, когда раздражены чем-то или хотят унижить собеседника. Сквозь зубы говорят еще и тогда, когда сдерживают свое волнение и потрясение (см. [тезис 18.27](#)).

17.35. Вообще Мастер становится приложением к Маргарите: «Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, – сказала Маргарита, и лицо ее исказилось судорогой». Маргарита здесь все же просит о себе (как о своем же покое она просила, вступаясь за Фриду). Она имеет Мастера, пользуется им, как она пользовалась кремом Воланда.

Совершенно обыкновенные слова Маргариты, выражающие ее прорвавшееся, наконец, наружу сокровенное желание, Кураев пытается вывернуть наизнанку.

17.36. Не случайно в кошмарах Ивана Поньрева она столь властно обращается к Мастером: «Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. Иван Николаевич сразу узнает его. Это – номер сто восемнадцатый, его ночной гость» (Эпилог).

Для Кураева любой сон кошмар⁹⁷⁹. Ивану же снятся сны более сложной структуры. Его действительно мучают предрассветные кошмары о казни Иешуа, и он просыпается «с мучительным криком»⁹⁸⁰. Но, успокоившись после укола, он видит уже совсем другие «какие-то возвышенные и счастливые сны»⁹⁸¹. Но сон есть сон, а не реальная жизнь. Во сне Поньрев вспоминает героев романа такими, какими они ему представились при первой, как говорится, самой яркой встрече, – Мастера пугливым и озирающимся, а Маргариту, – смелой и решительной. Именно такими они врезались ему в память. О преображении Мастера в полете ему вообще ничего не ведомо. Наяву же, при прощании с Иваном, Мастер уже не пуглив, и не он при Маргарите, но Маргарита при нем: «– Прощай ученик, – чуть слышно сказал мастер и стал таять в воздухе. Он исчез, с ним вместе исчезла и Маргарита»⁹⁸².

17.37. Так что Маргарита – отнюдь не «ангел хранитель» и не «добрый гений» Мастера. Вечность с ней – подарок еще тот!

У Кураева странная женобоязнь. Право же не так страшен черт, как его малюют, хотя любая женщина далеко не подарок⁹⁸³. Эту горькую истину я выразил когда-то следующими словами: «Юные девушки очаровательны как щенята. Но как узнать, какая собака из них вырастет?» Ответ на скрытый в этом афоризме вопрос, что же происходит с девушками по мере

⁹⁷⁹ Могу только вообразить, как беспокойно спится человеку одержимому чертовщиной и верой в Сатану, – уж лучше верить в Сантану!

⁹⁸⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 721.

⁹⁸¹ Там же, с. 721.

⁹⁸² Там же, с. 700.

⁹⁸³ В великолепной дилогии Леонида Соловьева о Ходже Насреддине его избранница в первой книге, – «удивительной и необычайной» красоты скромная и стройная как тростиночка Гюльджан, весьма реалистично превращается во второй книге из «кроткой голубки» в «толстую крикливую женщину», перечашую ему по любому поводу [Соловьев Л. В. Повесть о Ходже Насреддине. – М.: Правда, 1987, с. 70, 244].

их взросления, есть у Даниила Андреева⁹⁸⁴: «Почему так **очаровательны, так милы детеныши почти всех животных? Почему, не говоря уже о волчатах и львятах, даже поросята и маленькие гиены не вызывают в нас ничего, кроме доброго и трогательного чувства? Потому что проявление демонического начала в животном начинается лишь с той минуты, когда ему приходится вступить в борьбу за жизнь, то есть подпасть закону взаимопожирания**». Именно демоническое начало, чрезмерно проявившись в женщине, способно полностью разрушить ее очарование.

Крайнюю степень проявления демонизма в женщине гениально описал А. С. Пушкин в известной «Сказке о рыбаке и рыбке», в образе склочной старухи, застывшей мозги старику своими нелепыми и необузданными желаниями. Но Мастеру ничего подобного не грозит. Из Маргариты после отравления и воскрешения ее Азazelло, ушло все присущее женщинам ведьмовство, исчезло без следа все ее демоническое начало. Следовательно, она действительно будет вечным ангелом-хранителем и добрым гением Мастера.

17.38. В романе Мастера говорилось об одной женщине, которая предала любимого. Так Низа выдала Иуду. Не по этой ли линии в царстве Воланда пойдут пути Мастера и Маргариты?

Лучше бы диакон озаботился линией своего собственного жизненного пути. Получается муза Мастера – Маргарита для него шлюха, а настоящая шлюха и тайный агент Низа, принимающая «гостей» когда муж уезжает, для него достойная женщина. Да разве Низа предала любимого? – Для нее и понятия такого не существует. У шлюх любимых нет, а если и есть, то не любимые, а любимые бойфренды, как сейчас говорят. Раньше в этих случаях пользовались другим, более емким словом...

17.39. Иуду Низа уводит от пасхальной трапезы.

Неужели с точки зрения православной религии Низа согрешила, уведя Иуду от пасхальной трапезы? Это же не христианская пасха, и бог у нее не христианский, не триединный, так что и греха в уводе с нее нет. Но дело не в этом. – В романе ясно сказано⁹⁸⁵: «**Ведь мы же условились. Я хотел зайти к тебе. Ты сказала, что весь вечер будешь дома...**». Так неужели Иуда возжаждал именно откусать с ней пасху, а не имел в ее отношении какую-то другую, по образному выражению Кураева, «хотелку»? Не от пасхальной трапезы увела Низа Иуду, а от греха прелюбодеяния с замужней женщиной.

17.40. Безвольно идет Иуда («ноги сами без его воли вынесли его из подворотни вон»).

А это, как бы поделикатнее диакону объяснить, связано именно с упомянутой им «хотелкой». Тут ноги против воли бегут именно туда, куда она смотрит.

17.41. Кстати, в Палестине «вечным домом» называли могилу...

Везде диакон побывал. Ему «**все известно, он все знает и понимает**»⁹⁸⁶. Одно непонятно, при чем здесь Палестина, зеленая лошадь и розовый слон? Или писания Кураева компилируются по принципу «кстати, о музыке...»?

17.42. Впрочем, Булгаков нередко столь ярко выписывал своих персонажей, что читатели принимали характерность за положительность. «Читал труппе Сатиры пьесу. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил».

⁹⁸⁴ Андреев Д. Роза мира. – М.: Эксмо, 2006, с. 280.

⁹⁸⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 640.

⁹⁸⁶ Там же, с. 719.

А что здесь удивительного? – Дело мастера боится! Все мы знаем, что Иван Грозный был жестокий кровавый деспот, но это не мешает нам любить его художественный образ из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». – Такова волшебная сила искусства!

17.43. Предвидел Булгаков и то, что за «Мастера и Маргариту» его могут несправедливо и против его воли записать в оккультисты и сатанисты. «Я случайно попал на статью о фантастике Гофмана. Я берегу ее для тебя, зная, что она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в «Мастере и Маргарите»! Ты понимаешь, чего стоит это сознание – я прав!».

Речь идет о статье «Социальная фантастика Гофмана». Экземпляр журнала «Литературная учеба» (1938, № 5) с пометками Булгакова сохранился. Что подчеркнул Булгаков в этой статье? Где именно он узнал себя? – Подчеркнуты строки: в произведениях Гофмана «цитируются с научной серьезностью подлинные сочинения знаменитых магов и демонолатров, которых сам Гофман знал только понаслышке. В результате к имени Гофмана прикрепляются и получают широкое хождение прозвания, вроде спирит, теософ, экстатик, визионер, и наконец, просто сумасшедший. Сам Гофман, обладавший, как известно, необыкновенно трезвым и практическим умом, предвидел кривотолки своих будущих критиков».

Вот и Булгаков с ясным и дневным сознанием ввел в свой роман ночных персонажей – а слишком многим читателям стало мерещиться, будто Булгаков и сам из числа «спиритов и визионеров»...

Все предвидел Булгаков, кроме одного, что в его творчестве будут копаться не только деятели культуры соцреализма, но и церковники. Цитируемые Кураевым слова далеко не единственные, подчеркнутые Булгаковым в статье о Гофмане. Как отмечает В. И. Лосев⁹⁸⁷: «Булгаков проявил к этой статье очень большой интерес. Вся она испещрена его подчеркиваниями и пометками».

Если бы Булгаков действительно беспокоился, что потомки могут записать его в оккультисты и сатанисты, то, прочтя подтверждение этому, он бы не восторгался своей дальновидностью, а наоборот, впал бы в глубокое уныние. Если верить диакону, Булгаков пишет жене, что он прав в том, что «с ясным и дневным сознанием ввел в свой роман ночных персонажей». Это совершенно бессмысленное утверждение. Ведь Булгаков ясно пишет, что он прав не во внешнем своем поведении, а именно в выборе верного художественного решения самого романа. Замечу, что его восторг этим, неявно перекликается со словами Мастера: «О, как я угадал! О, как я все угадал!»

Статья И. Миримского действительно заслуживает внимания, и практически не устарела. Поразительное чувство сопричастности к внутреннему миру великого мастера испытывал я читая ее. Думаю, Булгаков имел в виду в письме к жене в первую очередь следующие строки, которые изумительно точно приложимы к его бессмертному роману:

«Действительно, на первый взгляд творческая система Гофмана кажется необычайно противоречивой и беспорядочной: тематические плоскости то и дело неожиданно смещаются, характер образов колеблется от чудовищного гротеска до нормы реалистического обобщения, герои вопреки законам разума, бытуют одновременно в двух мирах: реальном и фантастическом, чорт разгуливает по улицам Берлина, как человек, а архивный чиновник живет в сказочной стране Атланте, как дух; в стилевом плане авторская ирония часто идет рядом с трагической серьезностью, слезливо-сентиментальное смешивается с комическим и буффонным, патетический монолог переходит в жаргонизированную речь и т.д. Но романтизм не болезнь, а художественный метод, и творческая система Гофмана от начала до конца раскрывается в своей классовой закономерности и художественном единстве»⁹⁸⁸.

⁹⁸⁷ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 497.

⁹⁸⁸ Миримский И. Социальная фантастика Гофмана. – Литературная учеба, 1938, № 5, с. 64.

Несомненно, именно это место так поразило Булгакова. Одно дело знать и понимать свое творчество сердцем и совсем другое дело прочесть свое творческое кредо, так четко сформулированное другим человеком. Безусловно, писатель отметил и следующие строки⁹⁸⁹:

«Основной чертой творческого метода Гофмана <...> является сознательно подчеркнутая и **обнаженная двуплановость** в показе действительности. Свойственную романтизму игру контрастами Гофман доводит до предельного выражения. **Два плана – реальный и фантастический** или, что то же самое, филистерский⁹⁹⁰ и энтузиастический – могут выступать в произведении Гофмана **то раздельно, то слито**, но они всегда различимы во всем, начиная от образов и кончая речевым строем»;

«Стиль Гофмана можно определить как **реально-фантастический**»;

«В творчестве Гофмана <...> можно выделить две фантастические стихии: с одной стороны, фантастика «кошмаров и ужасов» как преувеличенное отражение «ночной стороны природы» <...> когда субъект теряет власть над собой и становится игрушкой непонятных, а поэтому роковых для него, сверхъестественных сил <...> С другой стороны, светлая фантастика иллюзорно-романтического поэтического мира <...> **Это тот самый «прекрасный цветочный сад»⁹⁹¹, где человек обретает все, в чем ему отказала действительность**», которая «<...> служит героям Гофмана как бы трамплином для прыжка из «царства нужды и рассудка» в **романтическое царство поэзии и свободы**»;

«<...> если гений заключает мир с действительностью, то это приводит его в болото филистерства, «честного» чиновничьего образа мыслей; **если же он не сдается действительности до конца, то кончает преждевременной смертью или безумием**»⁹⁹².

Можно ли точнее выразить художественную концепцию романа «Мастер и Маргарита»?

А следующие цитаты прямо перекликаются с отдельными местами романа:

1. «Однако жизнь в мечте есть только временное пребывание в саду фантазии, и Гофман, как правило, разрушает иллюзорно-фантастический план ироническим пуантом, возвращающим героя от мечтательного сна к прозаической действительности»⁹⁹³, – таким ироническим пуантом в романе является эпилог, который автор, кстати, продиктовал уже после прочтения статьи Миримского.

2. «Окрашивая в большей или меньшей мере каждое повествование Гофмана, ирония разрушает серьезность чудес»⁹⁹⁴, – здесь вспоминается и грозное обещание Азazelло отрезать руку перепуганной кухарке, и галка, убитая прощальным свистом Фагота, и т.п.

По воспоминаниям знакомых Булгакова, и в частности С. А. Ермолинского⁹⁹⁵, Булгаков разыгрывал их, читая статью Миримского и заменяя фамилию Гофмана своей. Насладившись эффектом, он признавался, что статья эта о Гофмане.

17.44. Как верно сказал священник Андрей Дерягин – «Ситуация с восприятием романа аналогична завозу в Россию картошки при Петре I: продукт замечательный, но из-за того, что никто не знал, что с ним делать и какая его часть съедобна, люди травились и умирали целыми деревнями».

Ссылок на использованные идеи Дерягина у Кураева нет. Зато на проходной исторический анекдот с картошкой диакон не поленился сослаться дважды (см. [тезис 5.10](#)).

Резюме 17. Вечность с Маргаритой, несомненно, обрадует Мастера. Ведьмино косоглазие, жестокость и буйность черт ушли из нее безвозвратно. Осталась только ее чистая, светлая, струящаяся любовь к Мастеру. Маргарита главная героиня и самый положительный персонаж романа и пользуется нескрываемой симпатией как других основных героев, так и самого автора – Булгакова. Ее искренняя и чистая любовь побеждает все препятствия и за это она вознаграждается вечной жизнью с любимым – Мастером.

⁹⁸⁹ Там же, с. 70, 71, 72, 73, 74.

⁹⁹⁰ Мещанский.

⁹⁹¹ Вот и цветущие вишни, на которые так горько жалуется Кураев (см. [тезис 18.37](#)).

⁹⁹² Как пророчески перекликаются эти слова с горькими судьбами самого Булгакова и его Мастера.

⁹⁹³ *Миримский И.* Социальная фантастика Гофмана. – Литературная учеба, 1938, № 5, с. 73.

⁹⁹⁴ Там же, с. 82.

⁹⁹⁵ *Ермолинский С. А.* О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 145.

18. Кураев. ОН ЗАСЛУЖИЛ ПОКОЙ

«Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости»

Екклесиаст 9:10

«Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis».

Requiem⁹⁹⁶

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землёй, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна <успокоит его>...».

М. А. Булгаков⁹⁹⁷

*«<...> после этих лет тяжелых испытаний я больше всего ценю **покой**».*

М. А. Булгаков⁹⁹⁸

Кураев упорно тщится пропихнуть идею, что в финале Мастер удостоился не награды, а наказания. При этом в ход идет обычная кураевская наперсточная ложь и подлог. Хорошо, что Кураев манипулирует не руками, а языком, и в написанном им тексте легко указать, где сокрыт очередной обман.

18.1. О судьбе Мастера сказано красиво: «Он не заслужил света, он заслужил покой». И несколькими поколениями советских интеллигентов эти слова переживались как символ их скудных эсхатологических надежд. «Счастливый финал»...

Почему все так рады за Мастера, что завидуют его «синице в руке», совсем и не задумываясь о его утрате – о «журавле в небе», о Свете? Ведь в русской литературной традиции свет и покой едины. Булгаков даже для эпиграфа письма ко Сталину избрал некрасовское стихотворение, в котором была строка – «Вдруг ангел света и покоя мне песню чудную запел»...

Чудными песнями кураевского ангела света, да и самого диакона, всю вечность не прокормишься. Народная мудрость гласит, лучше синица в руках, чем «свет» на горизонте. К тому же в «свете» семейная жизнь влюбленных не предусмотрена⁹⁹⁹. Там можно любить только бога, и то в переносном смысле. Так что вполне может быть, что «гадкий утенок» Мастера на самом деле является прекрасным лебедем, а проповедуемый Кураевым скудный эсхатологический небесный журавль окажется всего лишь ошипанной курицей. Никакой единой общепринятой трактовки слов «свет» и «покой» в русской литературной традиции не существует, поэтому, не оглядываясь на Некрасова, при анализе романа следует исходить исключительно из того, что сам Булгаков вложил в эти понятия.

⁹⁹⁶ «Вечный покой даруй им, Господи, и да сияет им вечный свет (лат.). – Начало католической заупокойной мессы, первое слово которой (реквием – покой) дало название многим музыкальным композициям, написанным на ее слова; из них наиболее знамениты версии Моцарта и Верди. Сравните с пророчеством в Четвертой книге Ездры (2:34-35), где сказано, что Пастырь дает живущим «requiem aeternitatis» («покой вечности»), и «lux perpetua lucebit» («вечный свет будет светить [им]»)» [Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2003, с. 291].

⁹⁹⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 704.

⁹⁹⁸ Письмо к В. А. Булгаковой от 23 января 1923 г. // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 123.

⁹⁹⁹ «И Церковь и Марксизм требуют безоговорочной веры, тем самым ограничивая свободу человека, одно ограничивает его свободу в отношениях с Богом, а другое – в отношениях с Государством, вырывая, тем самым, могилу индивидуальности. Хрупкому существованию этого – насколько нам известно – уникального носителя жизни угрожают с обеих сторон, несмотря на соответствующие обещания грядущих духовной и материальной идиллии. И сколько из нас сумеет устоять перед мудростью поговорки «лучше синица в руках, чем журавль в небе?»» [Юнг К. Г. Нераскрытая самость // Юнг К. Г. Избранное. – Мн.: ООО «Попурри», 1998, с. 90].

18.2. Неужели непонятно, что покой оторванный от света – это темный покой, могильный мрак?

В романе никакого разрыва света и покоя и, соответственно, могильного мрака и в помине нет: «Мастер и Маргарита увидели обещанный **рассвет**. <...> Мастер шел со своею подругой в блеске **первых утренних лучей** через каменистый мшистый мостик»¹⁰⁰⁰. Поскольку «**вечером**» к ним придут гости, то, несомненно, перед вечером будет и день. А вот если поверить Кураеву, что в «свете» есть только собственно сам голый свет и совершенно отсутствует темнота и тень, то получится, что как раз в его «Небесном Иерусалиме» нет покоя, так как его «свет» напоминает любимую пытку НКВД, – мощная, никогда не выключающаяся лампа под потолком, и орущий псалмы громкоговоритель. Думаю, такой «свет» быстро надоеет самой религиозной душе.

18.3. Так в чем же грех Мастера? Почему он не заслужил света? В чьих глазах он «согрешил»? От кого он принимает свою полу-награду, полу-наказание?

Ясно, что его грех связан с его романом. Но что же было грехом – написание романа в синергии с Воландом или его сожжение?

Приговор Мастеру выносит Иешуа (второстепенный персонаж его романа о Пилате). Персонаж судит своего автора. Но автор не один: есть соавтор – Воланд. Иешуа – создание не только Мастера, но и Воланда. Поэтому Воланда он просит о покое для Мастера.

Полную несостоятельность данного толкования мы уже разбирали (см. [раздел 8](#)). Волнующий Кураева «**приговор**» Мастеру выносит не один из центральных образов романа, – Иешуа, а действительно «**второстепенный персонаж**», – прообраз будущих создателей христианской религии недалекий и глуповатый Левий, – искренне и простодушно полагающий, что Иешуа не берет Мастера в «свет» потому, что тот именно не заслужил «света». Иешуа же просит именно «**наградить**», а не «**наказать**», или «**даровать**» Мастера покоем, так как понимает что «покой» душе Мастера ближе, чем пресловутый «свет» (см. [тезис 8.17](#)). Свою награду Мастер получает одновременно и от Иешуа и от Воланда, так как оба они, независимо друг от друга, исходя из разных оснований, – милосердия и справедливости, – пришли к мысли, что Мастер заслужил награду именно покоем. Что делать ему в «свете» с недалекими, излишне религиозными левиями и кураевыми? Что общего у него с ними?

Но даже глуповатый Левий понимает, что с романом Мастера связан не мифический «**грех**», а именно награда. «**Грехом**» же с точки зрения Левия является то, что Мастер принял помощь представителя тьмы Воланда. Для Левия это вполне естественное препятствие к взятию Мастера в Свет, хотя принять ту же помощь не считает зазорным для себя возглавляющий ведомство «света» Иешуа. Левий даже не задумывается, хотел ли бы сам Мастер попасть в «свет», – свои скудные эсхатологические надежды и левии и кураевы испокон веку считают единственно возможным счастливым уделом. Исполать им.

То, что для Иешуа принятие Мастером помощи от Воланда не является «грехом», убедительно доказывается анализом черновых редакций романа. Действительно, в то время как Мастер во всех редакциях принимает помощь Воланда, его награда решается автором в его творческом поиске совершенно по-разному, независимо от указанного обстоятельства, и кардинально отличается от редакции к редакции. В одних редакциях Мастер никогда не увидит Иешуа¹⁰⁰¹, в других, – направляется прямо «**к нему**», вслед за Пилатом¹⁰⁰². В окончательном же варианте Мастер награждается собственным путем, и нигде не сказано, что он никогда не увидит Иешуа и Воланда с его свитой. Это остается за рамками действия, но в пределах вечности ничто не препятствует указанным персонажам найти время заглянуть к нему на огонек.

18.4. Для Воланда эта просьба призрака, вызванного им же самим к жизни, досадна и

¹⁰⁰⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 709.

¹⁰⁰¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 325.

¹⁰⁰² Там же с. 717.

нелепа. И без нее Воланд уже решил, что делать с Мастером, а заодно и с Маргаритой.

В романе сказано: «**Передай, что будет сделано, – ответил Воланд <...>**»¹⁰⁰³. Так что же получается, просьба «**призрака**» для него «**досадна и нелепа**», но при этом он все-таки передает ему ответ, достойный как минимум равного ему? Если бы Иешуа действительно был призраком, вызванным Воландом к жизни, то последний бы, не стесняясь, послал бы его куда подальше со всеми его просьбами, и строго настроено наказал бы ему более не докучать под угрозой немедленного распыления.

18.5. Тогда понятно, что грехом (с точки зрения Воланда и Иешуа, а отнюдь не моей) оказывается именно сожжение романа. Мы уже знаем, что призраки чахнут, если их оставлять без внимания...

Призрак кураевского красноречия тоже зачахнет, если диакон прекратит надувать щеки с умным видом. Сам то он хоть одного призрака в своей жизни видел? Где же здесь наказание, когда просят «**наградить**»? Впрочем, все это мы уже неоднократно разбирали. Нигде в романе нет ни малейшего намека на греховность Мастера с точки зрения Иешуа и Воланда. Наоборот, Иешуа просит «**наградить**» Мастера. Как любит говорить Кураев, Булгаков не мальчик, и не мог случайно употребить здесь именно это слово. Раз Мастер заслуживает награды, то греха на нем нет, и «**награда**» является **для него** именно наградой, а не наказанием. Так что в будущем придется чахнуть не Мастеру–Булгакову, а именно призраку Кураева, после того, как его сочинения постигнет заслуженное забвение, и он останется «**без внимания**».

В своих измышлениях о греховности Мастера Кураев не одинок¹⁰⁰⁴, и это неудивительно, ведь с точки зрения христианской религии Мастер действительно согрешил. Вот только не хватает ума у его хулителей понять, что к современному христианству Мастер имеет отношение немногим большее, чем к исламу и буддизму. И не в состоянии они понять, что греховность Мастера перед Иешуа и Воландом должна оцениваться не ими, **извне романа**, а самими указанными персонажами и автором, – **изнутри романа**. То, что Мастер грешен с позиции христианских ортодоксов, совсем не означает, что он грешен для Иешуа и Воланда, а уж тем более для Булгакова.

Как-то сложилась уже определенная традиция сравнивать судьбу Мастера в первую очередь с Булгаковым, но ведь настоящий писатель никогда не переплавляет в горниле романа только свою собственную судьбу. Да, у Булгакова и Мастера много общего и связь их несомненна, но есть и важнейшее различие: Булгакова не «**сломали**», он не отказался от творчества, и убедительное доказательство этому хотя бы его «**закатный**» роман. Гораздо более в этой линии повествования схожа с судьбой Мастера судьба близкого друга Булгакова драматурга Николая Эрдыманова¹⁰⁰⁵, в попытках возвращения которого в Москву он принимал самое деятельное участие. Именно Эрдыманова, так же как и булгаковского Мастера, действительно «**сломали**». Увлекаясь

¹⁰⁰³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 687.

¹⁰⁰⁴ «В великой борьбе мировых сил за душу человека Мастеру не удалось остаться бойцом до конца. Мастер сам отступился от предназначенной ему богом работы. В конце романа Мастер приговорен к «покою». Это и есть уход от ответственности: уход из жизни.

Мастер работал импульсивно, слишком мало вкладывал в роман собственной страсти, личного самоотвержения. Его роман пассивно изливается через перо на бумагу. Мы не видим его в усилии духа, напряжении мысли, в работе, внутреннем монологе. <...> Он сломлен невзгодами, но он сломал себя изнутри сам: сбежал из жизни в клинику Стравинского, уверился, что «не нужно задаваться большими планами». Он обрек себя на бездействие духа, на вторичную литературную работу, он – не Творец он всего лишь Мастер. <...> Для Мастера «покой» – отказ от творческого порыва» [Литвинова В. И. Восшествие на голгофу (Материалы для изучения творчества М. Булгакова в школе). Стрежень. Литературно-художественный журнал. – 1997. – № 4].

Остается только посочувствовать бедным школьникам, на чьи головы будет изливаться это вдохновенное словоблудие о великой борьбе мировых сил и бойцах за дело Отца, Сына и Святого Духа.

¹⁰⁰⁵ «Николай Эрдыман – легендарная фигура в истории советского театра. <...> после ареста и ссылки в Сибирь, куда был отправлен прямо со съёмок фильма «Волга-Волга», **больше никогда не занимался театральной драматургией. Он как будто «похоронил» себя для театра**, сосредоточившись исключительно на случайных литературных заработках. Это был непростой выбор. Эрдыман-драматург покончил со своей творческой жизнью для того, чтобы выжил Эрдыман – человек» [«Николай Эрдыман – выстрел самоубийцы». – <http://www.civilization-tv.ru/index.php?a=programs&p1=1&id=58>].

несомненно заслуженными дидирамбами драматургическому таланту Булгакова, булгаковеды совершенно забывают, что в Москве тех лет был еще один выдающийся мастер драматургии, – Николай Эрдман:

«Когда это имя в конце 60-х возродилось, словно из пепла, став неотделимым от реформы Таганки, многие перекрестились: «Эрдман? Быть не может. Сын? Внук?» Но это был «тот самый»... Маяковский его просил: «Научите меня пьесы писать!» Есенин считал самым одаренным поэтом-имажинистом. Горький приглашал на Капри и одобрительно отзывался о «Мандате». Им восхищались Булгаков и Зоценко, Мандельштам и Пастернак, Платонов и Эйзенштейн, корифей МХАТа, Вахтанговского театра и ГосТИМа. <...>

Чудом выскользнувший из кровавой мясорубки 30-х, он отвергал борьбу как способ выживания. И никогда не спорил с цензурой <...> На условное безмолвие он обрек себя сам, потому и начал писать сценарии, скетчи, либретто»¹⁰⁰⁶.

«Сам Эрдман обрек себя на безмолвие, лишь бы сохранить жизнь <...> Эрдман попался <...> за басни, которые Качалов по легкомыслию прочел на кремлевской вечеринке <...> В тот же вечер все остроумцы были арестованы и высланы <...> Говорят, что Эрдман подписывался в письмах к матери «мамин сибиряк» и сочинил прощальную басню: «Раз ГПУ, зайдя к Эзопу, схватило старика за жопу. Смысл этой басни, видно, ясен: довольно этих басен!»¹⁰⁰⁷

Барков пытался примерить на Эрдмана образ Фагота¹⁰⁰⁸, однако такая трактовка не выдерживает элементарной критики даже в рамках собственной маниакальной концепции Баркова, ибо наказание Эрдману было назначено не в виде ерничанья, а в виде ссылки; власть имущим он при этом не прислуживал, и ни в чьей «свите» не состоял. В затворническом периоде жизни его судьба пересекается только с судьбой Мастера.

18.6. Мастер должен был впустить евангелие от Воланда в мир, но – испугался. Воланд пробовал подтолкнуть его к тиражированию рукописи, подослав к нему Маргариту. «Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером».

Мастер не «испугался» своего романа и не нуждался в «подталкивании к тиражированию рукописи». К моменту появления Маргариты, роман был еще совершенно не готов, поэтому на его завершение ушло еще 4 месяца напряженного «лихорадочного» труда. Если Мастер должен был «впустить его в мир», зачем же Воланд сам, без подсказки Иешуа, решил убрать Мастера из этого мира? Можно еще поверить, что Сатана не может сам написать книгу, но полагать, что уже написанную книгу, в нужных количествах появляющуюся «из под хвоста» его спутника Бегемота, он не может вывести в мир, просто смешно. В финале ни Воланда, ни его свиту совершенно не волнует повторное сожжение Мастером своего романа, и, следовательно, его окончательное исчезновение из мира. Следовательно, утверждение Кураева, что Воланд «подталкивал» Мастера к тиражированию рукописи, совершенно несостоятельно.

18.7. Маргарита же именно после издательского провала рукописи стала отдаляться от Мастера: «теперь мы больше расставались, чем раньше. Она стала уходить гулять».

Таких слов в окончательной редакции романа нет. Они есть в предыдущей редакции, и в напечатанном на ее основе издании романа 1973 г. и перепечатках с него (см. [Введение](#)). В последней редакции Булгаков заменил их словами «и жил я от свидания к свиданию»¹⁰⁰⁹. Но в любом случае диакон в своем анализе проявляет глубочайшее непонимание природы взаимоотношений мужчины и женщины, а также не учитывает, что Маргарита была более деятельной натурой, чем Мастер. Поэтому она и подгоняла его, по этой же причине ей было нестерпимо сидеть в унынии в подвале. Впрочем, в истолковании этого места Кураев уступает Баркову, – который додумался истолковать эти слова как указание, что Маргарита была

¹⁰⁰⁶ Малюкова Л. Николай Робертович Эрдман (1900-1970), 29.01.2001. – <http://www.pahra.ru/chosen-people/erdman/index.htm>.

¹⁰⁰⁷ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989, с. 311.

¹⁰⁰⁸ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

¹⁰⁰⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 472.

секретным агентом органов: «В ту ночь Маргарита не просто предала Мастера, а фактически передала его в руки тех, к кому она в самое неподходящее время уходила «гулять» и кто через четверть часа после того, как она покинула Мастера (слово «покинула» – в тексте романа!), «постучал» к нему в окна»¹⁰¹⁰.

18.8. Неверно предположение М. Дунаева, будто Воланду роман Мастер нужен был для черной мессы – «бала». «Роман, созданный Мастером, становится не чем иным, как евангелием от сатаны, искусно введенным в композиционную структуру произведения об антилитургии. Вот для чего была спасена рукопись Мастера. Вот зачем искажен образ Спасителя. Мастер исполнил предназначенное ему Сатаной».

Как раз на балу у Воланда роман Мастера никак не фигурирует, не зачитывается, не замечается, и никто из его персонажей там даже не появляется. Бал нечисти состоялся бы и без романа Мастера (он вообще ежегодно-весенний). А вот сожжение Мастером порученного ему труда в глазах Воланда есть дезертирство. Мастер испугался первого сопротивления твердолобых атеистов и отступил, не решился разбросать по свету осколки кривого зеркала, а тем самым ослабил общую стратегию антихристианского наступления.

Странно, что твердолобые атеисты умудрились защитить христианство и способствовать ослаблению антихристианского наступления, пугая Мастера. И в чем же состояло это ослабление? Роман написан, – задача, якобы поставленная Воландом, выполнена. А уж опубликовать его и «разбросать по свету осколки кривого зеркала» Воланд и сам в состоянии. Но если его так сильно волнует сожжение романа, то почему же он позволил сжечь его повторно? Никак у Кураева концы с концами не сходятся. И откуда у диакона такая подозрительная осведомленность о бытовании и традициях нечисти? Во всем этом Кураев разбирается не хуже черта средней категории.

18.9. А хорошо ли Мастеру быть в темном, бес-светном покое? Чего лишился мастер, отказавшись от света? От чего отгородил его «покой», подаренный Воландом?

Этими вопросами отчего-то не принято было задаваться.

Вот и объяснил бы нам видимо давно уже начавший «задаваться» диакон, чего же именно лишился Мастер, что они с Маргаритой получили бы в «свете», – собственный дом, как в «покое», или же нечто иное, – две кельи, – одну в мужском и одну в женском общежитии. Очевидно последнее, «ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Матф. 22:30).

Даже по логике самого Кураева так называемый отказ Мастера и отказом то не является: «– Почему Вы выбрали путь отказа от семьи, если это многого лишает человека?

– Я не думаю, что это отказ. **Отказаться можно от того, что есть.** Все же одно дело – выпустить то, что у тебя уже есть, а другое – просто не взять. Если я не протянул руку, чтобы какое-то сокровище взять, – вряд ли можно назвать это отказом»¹⁰¹¹.

Поскольку Мастер тоже ничего не выпускал из рук, то говорить об его отказе от света по кураевской же логике неправомерно.

18.10. <...> попробуем приглядеться к той вечности, по которой обречен бродить призрак Мастера (именно призрак; не будем забывать, что тело Мастера, отравленное Азazelло, не то сгорело в арбатском подвале, не то осталось в палате № 118).

Забавно, что диакона свято верующего в будущее свое воскресение в новом теле не смущает, что его нынешнее земное тело к тому времени уже истлеет и превратится в прах. Но призраком в будущей жизни он себя из-за этого не полагает, хотя гипотетическая «призрачность» мастера сильно смущает его воображение. А ведь из текста романа ясно видно,

¹⁰¹⁰ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. – <http://m-bulgakov.narod.ru/master-94.htm>

¹⁰¹¹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

что и Мастер и Маргарита, так же как и Иешуа и Левий (см. [тезис 8.21](#)), после смерти получили новые тела (см. ниже [тезис 18.17](#)). Следовательно, они призрачны не более чем евангельский Иисус Христос.

18.11. Дары же Воланда всегда по меньшей мере двусмысленны. Во всем романе он наиболее откровенно врет именно в этой сцене прощания с Мастером.

О Пилате Воланд говорит так: «Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать». Стоп! Ведь Иешуа через Левия Матвея просил за Мастера, а не за Пилата!

Не знаю, как там дары Воланда, а вот слова Кураева действительно «**всегда по меньшей мере двусмысленны**». Не знаю, где именно диакон наиболее откровенно врет, но когда ему было выгодно другое, он писал, что «**Воланд – честнейший бес мировой литературы. Он почти не врет**» (см. [тезис 6.8](#)). Здесь же он обвиняет его в постоянной явной и скрытой лжи.

Вероятно воспитывавшийся с детства в твердолобой атеистической вере Кураев не читал сказок. Иначе знал бы, что всякий дар – бога ли, кудесника ли, черта ли, всегда двусмыслен. Мудрец из всего извлечет пользу, а дураку все во вред, что мы и наблюдаем на примере несомненно наделенного пропагандистским даром диакона. Какой великолепный образец совкового лектора вульгарного научного атеизма пропадает в нем!

Кураев не понимает, что если бы Воланд действительно солгал, то, в первую очередь, не словами «**за него уже попросили**», а предшествующими словами: «**Ваш роман прочитали**»¹⁰¹². Но не верить этим словам также нет никакого основания. Хотя нигде не описана сцена передачи рукописи Мастера Иешуа, но в разговоре с Воландом Левий произносит слова: «**Он прочитал сочинение мастера**»¹⁰¹³. Считать этот разговор наведенным мороком невозможно, так как Воланд и Левий разговаривают наедине, и цирк им разыгрывать не для кого.

Коренное отличие Воланда от Кураева в том, что он действительно «**честнейший бес мировой литературы**». Даже в начале романа, на Патриарших прудах Воланд только насмехается над ортодоксальными атеистами Берлиозом и Иваном (см. [тезис 5.2](#)), не преследуя этим никаких корыстных целей, рассказы же его о прочих событиях абсолютно достоверны.

Приписываемый диаконом Воланду обман совершенно не нужен именно в финале, когда роман Мастера не только написан, но и доступен и Воланду и Иешуа. Из эпизода «воссоздания» романа ясно вытекает, что он был доступен Воланду в любое время совершенно независимо от воли Мастера¹⁰¹⁴. Зачем Воланду нужно было устраивать весь этот спектакль с Маргаритой, если бы ему действительно был нужен только роман Мастера? При желании Воланд мог бы извлечь роман из сознания Мастера прямо в клинике Стравинского и не тратить свое драгоценное время на бессмысленный обман.

Со своей свитой Воланд общается вполне доверительно, и если бы Мастер и Маргарита были только пешками в его игре, это неизбежно бы проявилось в пренебрежительном отношении к ним постоянных спутников Воланда. Между тем, с их стороны чувствуется искреннее уважение к Мастеру и Маргарите, и неподдельное участие в их судьбе: «**По отношению к Мастеру и Маргарите Воланд и его свита ведут себя благородно и вполне галантно**»¹⁰¹⁵. Все эти вопросы мы уже неоднократно разбирали (см. [тезис 6.15](#)). Так что остается повторить только одно: вся цепь умозаключений Кураева об обмане Мастера Воландом совершенно несостоятельна.

Роман не историческая хроника и не дневник, и многие вещи в нем традиционно опускаются, так как раскрываются через другие эпизоды, в данном случае через речь Воланда. Добавление в разговор Воланда с Левием обсуждения судьбы Пилата, несомненно, разрушило бы драматичное напряжение этого эпизода вокруг судьбы Мастера и Маргариты. Очевидно, что Булгаков не стал вводить это обсуждение намеренно, и его отсутствие никак нельзя назвать несогласованностью сюжетных линий, как в случае с первым после весеннего равноденствия

¹⁰¹² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 707.

¹⁰¹³ Там же, с. 687.

¹⁰¹⁴ Потому-то Воланд и не оставляет себе ни одного экземпляра воссозданных рукописей, – для него раз созданное уже не исчезает и не сгорает.

¹⁰¹⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 196.

полнолунием (см. [тезис 14.4](#)), так как о реальных формах общения Воланда и Иешуа мы можем только догадываться.

Для прояснения истинного авторского замысла в эпизоде с Пилатом, нам проще всего обратиться к ранним редакциям романа. В них вместо заземленного простоватого Левия перед Воландом появляется или «**гонец**» или «**неизвестный вестник в темном**». Содержание их беседы с Воландом при этом не разглашается, следовательно, изначально участие Воланда в судьбе Пилата никакого противоречия не содержало. Более того, несомненно, Левий Матвей не единственный канал связи Воланда и Иешуа. В том то и состоит многозначность такого рода произведений, что не всегда их события, как и реальную жизнь, можно интерпретировать и объяснить единственно возможным образом.

Многозначен не только роман Булгакова, но даже Святое Писание. Например, попробуем применить «анализаторские»¹⁰¹⁶ методы Кураева к Евангелию. Как утверждается, Иисус был распят на Голгофе, – Лысом Черепе, голом холме, лишенном признаков растительности на северо-западе Иерусалима. Стоп! Вот и первый звоночек! Ведь в Евангелии сказано (Иоан. 19):

«41 На том месте, где Он распят, **был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен.**

42 Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко».

Получается, что Христа распяли в саду, в котором была гробница. А как же голый холм?!!

И второй звоночек, когда Иосиф из Аримафеи снял тело Иисуса, то (Иоан. 19):

«39 Пришел также и Никодим, – приходивший прежде к Иисусу ночью, – и принес состав из смирны и алая, **литр около ста**».

Как вам этот крепкий старец? Ведь сто литров состава весили даже более центнера!¹⁰¹⁷ Добро бы речь шла о ветхозаветных временах, когда «<...> были на земле исполины, <...> сильные, издревле славные люди» (Бытие 6:4), но две тысячи лет назад все эти исполины уже успели отдать богу душу.

Ну и для порядка третий звоночек. У Иоанна сказано, что когда Магдалина плакала у гроба ей явился Иисус (Иоанн. 20):

«14 Сказав сие, **обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус.**

15 Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

16 Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! – что значит: **Учитель!**»

У Синоптиков же (не предсказателей погоды, а более схожим образом пишущих евангелистов) вместо Иисуса Магдалине у могилы является «**Ангел**» (Матф. 28:2), или «**юноша**» (Марк. 16:5) или «**два мужа в одеждах блистающих**» (Лук. 24:4) со словами: «**Его нет здесь**», и что увидят его они только в Галилее. Так что же это тогда за «**чахнувший призрак**» явился Марии Магдалине в Евангелии от Иоанна?!! Да и у Синоптиков полного согласия в речах нет. Непонятно видела ли Мария простое видение или двоящееся. И у кого двоилось в глазах, – у нее, или у Луки.

И таких звоночков для диакона в Библии великое множество, – какой простор для умозаключений, но нет! – Кураева манит только роман Булгакова.

18.12. Второй звоночек: Воланд предлагает Мастеру создать гомункула: «Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда».

Снова ложь: Воланд подменяет Фауста Вагнером: гомункула создал Вагнер, «лаборант» Фауста, и, по оценке своего учителя – «беднейшее из всех земных исчадий». Фауст в это время был в летаргическом сне.

Вагнер – безнадежный книжник <...> Но не таков Фауст: «Я на познание ставлю крест. Чуть вспомню книги – злоба ест».

¹⁰¹⁶ Правильнее было бы сказать «канализаторские».

¹⁰¹⁷ Возможно, что этот состав несли его слуги, однако в Писании на это нет ни малейшего намека.

Слышит диакон звон, да не знает, где он. Ведь Гете в своей трагедии описал горение души и стремление к познанию именно Фауста, а не Вагнера. Да, гомункула создал ученик и лаборант Фауста Вагнер, во всем подражающий своему учителю. Но мечтал то об этом бессонными ночами именно Фауст. Где же тут ложь?! Разве Воланд говорит: «Хотите ли Вы как Фауст **вылепить нового гомункула**?» – Нет! Он говорит: «**Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?**»

Таким образом, Воланд искушает Мастера **не возможностью** создания (конкретного гомункула), **а надеждой** (познать тайны бытия), то есть именно жаждой познания Фауста, а не достижениями его лаборанта, на которые он вдохновлен своим учителем-Фаустом. Гомункул и реторта здесь только образы познания. Смешно же право полагать, что Мастер всерьез займется алхимическими опытами по созданию гомункула. Для этого нужен совсем другой склад мышления. Да и зачем ему гомункул? Ведь Мастер не одинок, как Фауст, у него есть Маргарита. Так что весь этот разговор Воланда просто часть «терапии» искалеченной души Мастера и возвращения ее к жизни.

Некоторая ложь впрочем, содержится в словах самого Кураева, ибо Вагнер создал гомункула не самостоятельно. Как отмечает А. Аникст, слова гомункула, обращенные к Мефистофелю, ясно показывают, что именно последний тайно или явно помог Вагнеру создать гомункула¹⁰¹⁸, чтобы с его помощью вырвать Фауста из объятий летаргического сна.

Кураев приписывает Фаусту жизненный принцип: «**Смотрю в книгу и вижу фигу**», – забыв, что у Гете Фауста месяц привык «**встречать среди бумаг и книг**». ¹⁰¹⁹ Собственно повествование о Фаусте начинается словами: «**Фауст без сна сидит в кресле за книгою на откидной подставке**»¹⁰²⁰. Но трагедия Фауста в том, что вся его ученость так и не открыла ему «**тайну бытия**»¹⁰²¹. И именно за постижение этой тайны и готов он отдать и жизнь свою и душу дьяволу. Не книги сами по себе, а только отсутствие в них необходимого ему знания угнетает и раздражает Фауста.

18.13. Фауста тошнит от «спального колпака и халата» Вагнера. Воланд же, называя Мастера Фаустом, подсовывает ему вагнеровский мирок: «Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак» (Маргарита о жизни в обещанном «домике»).

У Гете стоит ремарка: «**Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, с лампою в руке**»¹⁰²². Однако Фауст и сам в шапке и балахоне. В эту его одежду далее переодевается Мефистофель в сцене со студентом¹⁰²³. Так что же, его тошнит и от собственной одежды? – Не думаю. Скорее Фауста тошнит от поповских ряс. Фотографии Булгакова свидетельствуют, что дома он неизменно надевал черную шапочку Мастера и халат. До этого же, по воспоминаниям друзей, писатель ходил дома «**в халате, в колпаке**»¹⁰²⁴. Как характеризует этот «**вечный колпак**» друг писателя С. Ермолинский, это был «**старый, хорошо мне знакомый вязаный колпак**»¹⁰²⁵. Да и сам диакон не чурается рясы и клобука, – в быту удобно и летом не жарко...

Своими словами о «**вечном колпаке**» Маргарита не предрекает судьбу Мастера, а, так же как и Воланд, врачует его бедную, больную, израненную душу, возвращая ее к жизни и любви.

18.14. Фауста мутило от его размеренно-предсказуемой лабораторно-домашней жизни: «Я проклиная мир явлений, Обманчивых, как слой румян. И обольщение семьянина. Детей, хозяйство и жену». Фауст мечтал о деятельности, Мастер (пока был жив) – о беспамятстве и покое. Что ж – спокойней всего на кладбище.

¹⁰¹⁸ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 677.

¹⁰¹⁹ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 140.

¹⁰²⁰ Там же с. 139.

¹⁰²¹ Там же, с. 139.

¹⁰²² Там же с. 144.

¹⁰²³ Там же с. 191.

¹⁰²⁴ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 359.

¹⁰²⁵ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 104.

Как обычно Кураев излишне прямолинейно и убого трактует литературное произведение. Фауста «мутило» не «от его размеренно-предсказуемой лабораторно-домашней жизни», а оттого, что все его усилия постичь тайны бытия не привели к желаемому результату. В своей деятельности Фауст дерзновенно хочет познать все тайны Природы, то есть стать равным Богу (если мы вводим в рассмотрение эту категорию). По понятным причинам цель эта недостижима, но Фауст не может примириться с этим и признать ограниченность усилий своего разума. Потому то, в отчаянии, он и хочет покончить с собой и проклинает весь «мир явлений», проклинает и «святой любви порывы» и «надежду», и «терпение»¹⁰²⁶. Фауст и Мастер совершенно разные типы людей, – один рвется к преобразованию природы, – другому милей сидеть с пером в руке в подвале. Но причем здесь беспамятство и кладбище, тревожащие воспаленное воображение диакона?

18.15. Примечательно, что дух зла действует с ловкостью наперсточника. Фауст не желает вести размеренно-домоседскую жизнь, и Мефистофель тут же его подсовывает ему свой навязчивый сервис: «(Фауст) «Жить без размаху – никогда! (Мефистофель): вот, значит, в ведьме – и нужда».

Мастеру, напротив, по сердцу арбатский подвальчик, домашний уют. Но дар Воланда все тот же: ведьма.

Наперсточное шулерство, хотя и весьма неуклюже, здесь проявляет сам Кураев. Мефистофель не дарит Фаусту ведьму, и приводит его к ней, чтобы Фауст выпил омолаживающее зелье, а не для того, чтобы он жил с ней. Никакого дара «ведьмы» тут и в помине нет. Воланд так же не дарит Маргариту Мастеру, а наоборот возвращает ей Мастера. Ведьмой Маргарита становится лишь временно, ради спасения Мастера (см. [тезис 18.16](#)).

18.16. Ведьма и королева Варфоломеевской ночи в приложении к домашнему обиходу: «ловите гранату! Не бойтесь, она ручная!». Дерзаний у мастера нет, творчества уже нет, пути нет. Зато ведьма теперь всегда с ним.

Во-первых, нигде в романе не сказано, что в покое у Мастера нет дерзаний, творчества и пути. Наоборот, именно этот путь, – путь творческого дерзновенного познания образно раскрывает перед ним Воланд в своих словах о Фаусте (см. [тезис 18.12](#)). Во-вторых, в романе подчеркнута, что Маргарита перед воскрешением навсегда теряет все свое ведьмовство. Так что лучше бы Кураеву озаботиться собственной «гранатой», – христианской верой, подсунувшей ему наряду с верой в бога и веру в черта, дьявола, демонов и прочих бесов, для изгнания которых из него понадобилось бы не одно стадо свиней.

Невежество Кураева по части ведьм просто потрясает. Какая ведьма? Когда ведьма умирает, то ее душа выскакивает у нее изо рта в виде серой мыши (у спящих ведьм душа может временно выскакивать в виде розовой мыши)¹⁰²⁷. Почему же у Маргариты после ее отравления Азazelло изо рта ничего не выскочило, несмотря на ее временное ведьмовство? Мог ли Булгаков забыть об этом. – Конечно, нет! Так в чем же дело? – Да в том, что Маргарита не была настоящей полноправной ведьмой на договоре (см. [примечание к тезису 17.19](#)). Настоящие ведьмы обязаны заключить пакт с дьяволом и получить от него «*sigillum diabolicum*» – «клеймо дьявола» на шабаше). Поэтому фактически Маргарита являлась не реальной ведьмой, а всего лишь временно исполняющей обязанности (ВРИО) ведьмы (см. [тезис 17.23](#)).

18.17. И лепка нового гомункула вряд ли чем обогатит мир призраков: в «Фаусте» гомункул как раз жаждет обрести плоть, вырваться из своей стеклянной реторты. И как Мастер сможет дать плоть гомункулу, если он и сам ее лишен? Как он сможет освободить гомункула (Анаксагор в «Фаусте» говорит гомункулу – ты «жил, оградясь своею скорлупой»), если он сам стал «человеком в футляре»?

¹⁰²⁶ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 182.

¹⁰²⁷ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 662.

И примечание:

Старый гомункул Вагнера погиб, когда его реторта разбилась о трон Галатей.

Безосновательные утверждения Кураева, что Мастер лишен плоти, мы уже рассмотрели (см. [тезис 17.26](#)). Напомню, что хотя после воскрешения тело Мастера и преобразилось, однако оно живое, в нем по-прежнему течет кровь. Навещая Ивана, Мастер отодвигает балконную решетку, а не просачивается через нее, как это делают призраки.

Читая «Фауста» диакон явно утомился и небрежно пролистал вторую половину книги, или по простоте души своей, расценил выход Гомункула из реторты как его гибель. Ведь Гомункул у Гете благополучно достигает своей цели, соединяясь по совету Протея¹⁰²⁸ «<...> с воплощением красоты Галатей, разбивая свою колбу о ее трон; затем он сливается с морем и начинает путь постепенных превращений, ведущих к созданию полноценного человека. Смысл аллегии в том, что, только войдя в поток всеобщей жизни, можно достичь высшей человечности. В этом отношении судьба Гомункула символически повторяет путь Фауста»¹⁰²⁹. Но Мастеру, как мы уже отмечали, нет ни малейшей нужды создавать Гомункула (см. [тезис 18.12](#)), его влекут иные дали. Мир Мастера вполне материален, а вот мир призраков вполне успешно обогащает сам диакон своими призрачными творениями.

18.18. Впрочем, одного гомункула Мастер уже создал: из Христа-Богочеловека он попробовал слепить человечка...

Ну, а если мы вспомним «Собачье сердце», то поймем, что для Булгакова идея гомункула была похоронена раз и навсегда.

Как показывают умственные упражнения новоявленного христианского литературного критика, никакую, самую бредовую идею нельзя похоронить навсегда, – все равно перегниет и вырастет заново.

18.19. Что еще Воланд уготовил Мастеру на вечность? – призрак Маргариты. Качество этого подарка вызывает определенные сомнения, изложенные в предыдущей главе.

Невольно вспоминается бессмертное: «Татьяна, ты тогда моложе и лучше качеством была!» Однако после мази «качество» Маргариты полностью восстановилось: «На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати»¹⁰³⁰. Поскольку, в отличие от диакона, стареть Маргарита уже не будет, «качество подарка», пожалуй, заставит замолчать самые злые языки, как на том, так и на этом свете.

18.20. Следующий дар – музыка Шуберта.

Из окончательного текста романа трудно понять, почему именно Шуберт станет неразлучным с Мастером <...> «... черные скалы, вот мой покой... черные скалы...». <...> Вот и отгадка – что значит «покой без света».

Слава богу, Булгаков не упомянул наряду с Шубертом картины Рембрандта, которого образованный Кураев, вероятно, тоже «читал», а то бы диакон нам прокаркал, что Маргариту на вишнях да винограде разнесет до невероятных размеров рубенсовских дам...

Самое несуразное в мерещащейся диакону разгадке то, что фразу «черные скалы, вот мой покой» он выкопал в редакции 1929 г., когда ни Мастера, ни даруемого ему покоя в романе и в помине еще не было¹⁰³¹. Да и смешно же право сводить все творчество Шуберта к этой единственной фразе.

¹⁰²⁸ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 478.

¹⁰²⁹ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 687.

¹⁰³⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 556.

¹⁰³¹ Булгаков М. А. Черный маг. Черновики романа. Тетрадь 1, 1928-1929 гг. // Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 35.

Чтобы понять, что означал для Булгакова «покой», нужно обратиться не к музыке Шуберта, а к роману «Белая гвардия», где «звучат обнадеживающие слова, произнесенные тем, к чьему престолу попадает убитый вахмистр: «Живи себе, гуляй», – те самые, как кажется, слова, на которых спустя много лет воздвигнется столь необычное здание завершающих глав «Мастера и Маргариты», – слова, обозначившие будущую жизнь, как **жизнь**, как **существование в том же физическом облике** и даже **рядом с любимой женщиной**»¹⁰³².

18.21. Еще один Воландов дар: «старый слуга». Значит, кто-то и в вечности останется «службой»? В христианстве такого представления нет.

У каждой религии свои представления. Например, в мусульманстве в раю есть черноокие гурии – сексуальные служанки. А в христианстве возможно и нет слуг, зато есть рабы: «**И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему**» (Откр. 22:3). Возможно, в том числе и это обстоятельство обыгрывает Воланд в своей беседе с Левиим, называя его рабом. Более того, эти рабы будут иметь еще и полагающееся им по статусу клеймо на лбу: «**И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их**» (Откр. 22:4).

Что касается «старого слуги», то ответ можно найти в Булгаковской энциклопедии¹⁰³³: «У Булгакова Мастер <...> был наделен, особенно в варианте 1936 г., внешним сходством с Кантом. Тогда Воланд в финале говорил Мастеру: «Свечи будут гореть, услышишь квартеты, яблоками будут пахнуть комнаты дома. В пудреной косе, в старинном привычном кафтане, стуча тростью, будешь ходить, гулять и мыслить». Здесь портрет героя в последнем приюте явно восходит к портрету Канта в книге немецкого поэта и публициста Генриха Гейне (1797-1856) «К истории религии и философии в Германии» (1834); «... и, когда было пасмурно или серые тучи предвещали дождь, появлялся его слуга, старый Лампе, с тревожной заботливостью следуя за ним, с длинным зонтиком под мышкой, как символ провидения. Какой странный контраст между внешней жизнью этого человека и его разрушительной, мира сокрушающей мыслью».

Вот он старый слуга! Потом Булгаков убрал слишком явные намеки, но «старый слуга» остался их реликтом, не дающим покоя Кураеву.

18.22. А это означает, что посмертие, организованное Воландом – это не-христианское посмертие. Вечность с буратинами. И мелькнувший там Иешуа не более похож на Иисуса, чем египетский фаллический знак (анх) – на Голгофский Крест.

Вечность с буратинами это сильно. Какую же страшную травму нанес юному диакону в далеком детстве безобидный, хотя и занозистый, деревянный человечек, когда не только туалетная, но и наждачная бумага была в дефиците?

Разумеется посмертие в романе не христианское? Но кем доказано, что христианское посмертие лучше, скажем, буддистского или мусульманского? – Что может быть лучше чернооких гурий, услаждающих праведников в раю? Впрочем, для диакона это не актуально, – обет есть обет, хотя его неугасаемый интерес к трехбуквенным фаллическим символам весьма, так сказать, символичен. И кстати, где это там мелькнул Иешуа? Даже Пилат «мелькнул» не «там», а на пути туда. А Иешуа в финале «мелькает» только во сне Ивана Понырева.

18.23. Следующий подарок: домик.

О качестве этого дара можно судить и по тому, что он не впервые возник в творчестве Булгакова.

<...> дар, полученный Мастером, мог бы ему вручить и Ленин. Значит, Воланд вручает Мастеру «ленинскую премию». Темы сродства Воланда и Ленина касаться не будем. Просто отметим, что от «потусторонней» силы Мастер получает вполне посясторонний, «кесарев» дар. Невысока же для него оказалась планка мечтаний и цена соблазна...

¹⁰³² Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 479.

¹⁰³³ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 256.

Только советская образованщина, испорченная «квартирным вопросом» и мечтой о дачном домике в Переделкино могла увидеть в этом достойную замену Небесному Иерусалиму и христианскому раю.

Маргарита увещевает Мастера обзавестись «домиком с венецианскими окнами». Но именно в таком домике и жил Фауст, и именно на эти окна у него была аллергия: «Назло своей хандре Еще я в этой конуре, Где доступ свету загражден Цветною росписью окон!».

Заумно рассуждая о небесном Иерусалиме и царстве зла и тьмы, необходимо все же помнить, что многие из провозглашаемых ныне церковных «истин» не являются частью первоначального откровения, изложенного в Евангелиях, и представляют собой только декларативные, внутрицерковные догматы, принятые в результате ожесточенного, порой многовекового обсуждения на различных соборах. В качестве примера упомяну все то же филиокве, – исходит ли Святой Дух только от Отца, или же и от Сына. Аналогичный постулирующий принцип используется и в науке, – недоказуемые утверждения принимаются на веру, – например постулаты геометрии. Но не следует забывать, что, поменяв одни постулаты на другие, можно получить не только логически непротиворечивые, но и применимые на практике результаты, более точно описывающие окружающий мир, например, неевклидовы геометрии Лобачевского и Римана вместо геометрии Евклида.

Хотелось бы подробнее узнать о жилищных условиях и пайках в Небесном Иерусалиме и в христианском раю, а то как-то не убедительно, – истинно журавль в небе. Синицу мы по описанию Булгакова хоть как-то представили, – не так уж и плоха, скромненько и со вкусом. И еще вопрос. Судя по словам диакона, Небесный Иерусалим и христианский рай это не одно и то же. Значит и там тоже есть столица?! А где же обещанное равноправие? А вдруг там все места уже заняты, и Кураеву придется вечно жить в провинции, в то время как его любимый герой Никанор Босой будет жить в первопрестольной?

Предвкушающему небесное блаженство христианского рая диакону я хотел бы напомнить слова Иммануила Канта¹⁰³⁴: «<...> фальшиво предположение, будто Адам и Ева, стоило бы им только остаться в раю, ничего бы там не делали, а только вместе ели бы, пели аркадские песенки да любовались красотой природы. **Скука замучила бы их наверняка, так же как и других людей в подобном положении**».

Бывшему безбожнику Кураеву угодно верить в мечту о Небесном Иерусалиме, ключи от которого у святого Петра, – камня христианства. Но отошедший от христианства Булгаков, «испорченный» памятью о доме своего детства и юности, считал, что человек заслуживает, прежде всего, определенных условий на земле, и писал, что «<...> **жилище есть основной камень жизни человеческой**»¹⁰³⁵.

Не диакону судить Булгакова, мечтавшего именно о собственном доме, и именно с венецианским окном¹⁰³⁶. У Булгакова это была не пошлая мечта о мещанском уюте и роскоши, как это пытается приписать ему Кураев, а именно стремление «**восстановить норму**», которую он полагал естественно необходимой для жизни человека, без которой он не представлял себе его нормальной творческой жизни¹⁰³⁷.

¹⁰³⁴ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. О педагогике – М.: ЧОРО, 1994, с. 432.

¹⁰³⁵ Булгаков М. А. Трактат о жилище. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 607.

¹⁰³⁶ «Особенно нам понравился кабинет Чехова. Разноцветные стекла в полукружье большого итальянского окна смягчали лучи крымского солнца, и комната казалась прохладной... Я спросила его: «Мака, ты хотел бы иметь такой кабинет?» Он ничего не сказал, только кивнул утвердительно головой» [Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. – М.: Худож. Лит., 1990, с. 142].

¹⁰³⁷ Булгакову чрезвычайно мешал шум: «Для М. А. **квартира – магическое слово**. Ничему на свете не завидует – квартире хорошей! Это какой-то пунктик у него»; «Для М.А. есть одно магическое слово – квартира. «Ничему на свете не завидую – только хорошей квартире»; «У нас, действительно, стройка отвратительная – все слышно сверху, снизу, сбоку. А когда наверху танцуют – это бедствие. Работать М. А. очень трудно»; «<...> когда строился дом, строители говорили, что над кабинетами писателей будут особые перекрытия, войлок, – так что обещали полную тишину. А на самом деле... – Я не то что МХАТу, я **дьяволу готов продаться за квартиру!**» [Дневник Елены Булгаковой, записи от 23.08.1934, 13.11.1938, 29.11.1938 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 64, 220, 226].

Как отмечает М. Чудакова: «Для него это Вещи с большой буквы, и они легко трансформируются в вещи литературные. Это – часть нормы, без которой немислима жизнь, отсутствие которых – помеха творчеству»¹⁰³⁸. Это свое отношение Булгаков прекрасно выразил в повести «Собачье сердце» устами профессора Преображенского¹⁰³⁹. Эта норма являлась его неуклонным жизненным ориентиром и никогда не выпускалась им из виду. Перебравшись в Москву, Булгаков первым делом изложил в письме к матери программу своих действий: «<...> в три года **восстановить норму – квартиру, одежду, пищу и книги**»¹⁰⁴⁰. Об этом же он написал и сестре Вере уже после смерти матери 23 января 1923 г.: «Здесь в Москве, в условиях неизмеримо более трудных, чем у Вас, я все же думаю пустить жизнь в нормальное русло»¹⁰⁴¹.

Любопытно, сравнить планки мечтаний Булгакова и самого Кураева. Вот что пишет диакон в своей автобиографии:

«Хорошо бы окончить жизнь диаконом в сельском приходе...<...>

Любой писатель желает в конце жизни **получить покой**, чтобы «**исписаться**». <...> Но чтобы спокойно жить, писать и служить в селе, нужно **очень много денег**. Для этого нужен какой-то постоянный источник дохода <...> «**домик в деревне**» – если это в пределах досягаемости до Москвы и с интернетом – стоит ой как недешево. Так что идея трезвая, хорошая, но дорогая. Где на нее взять денег – не знаю. Но уж **если я себе разрешаю о чем-то помечать – так именно об этом <...>**»¹⁰⁴².

Да, богатые, то есть боговдохновенные, тоже плачут (или алчут?). Не говоря уже о прямых аналогиях с обвинениями в адрес Мастера, – исписаться и получить покой! Возможно небольшой свечной заводик мог бы решить проблемы диакона... Но, может быть, Кураев знает и другие ценности, более важные для человека, чем «домик в деревне»? – Только одну, – туго набитое брюхо¹⁰⁴³: «**Да прильпни язык мой гортани моему, аще я когда-нибудь напишу что-то о посте! Достаточно посмотреть на мою талию, чтобы понять, что это тема, находящаяся вне пределов моей компетенции**». Грех чревоугодия Кураев не считает для себя таким уж тяжким и благодушно попускает его себе. Что ж, находясь на короткой ноге с Богом и являясь Его непосредственным представителем в нелегком миссионерском деле, особенно в условиях дикой по понятиям диакона России можно позволить себе накопить немного жирку. Это вековая слабость всех опрощенных православных попов, но отнюдь не возвышенных религиозных философов, на роль которых так активно претендует Кураев. Да и какой из него философ? По его же словам философа в себе он успешно изживает¹⁰⁴⁴: «<...> в последние годы **по капле выдавливаю из себя философа**. Мне интересны подробности, детали, историческая сложность. А философскую легкость обобщений, когда по двум-трем фактам строится глобальная теория, приходится изживать». Судя по трудности изживания «философской легкости обобщений», Кураеву предстоит еще очень много выдать из себя... Пожелаем же ему успехов в этом нелегком благородном деле.

Много жирных попов и прочих бездельников отметилось в истории России, да что-то ни один жирный мужик в ней не отмечен... Вот бы где пригодился Кураеву совет Мефистофеля Фаусту: «**Возмись копать или мотыжить. Замкни работы в тесный круг. Найди в них удовлетворенье. Всю жизнь кормись плодами рук, Скотине следуя в смиренье. Вставай с коровами чуть свет, Потей и не стыдись навоза – Тебя на восемьдесят лет Омолодит метаморфоза**». Впрочем, ответ диакона известен заранее: «**Жить без размаху? Никогда! Не пристрастился б я к лопате, К покою, к узости понятий**».

18.24. К своим словам о сходстве Воланда и Ленина эрудированный диакон дает следующую сноску: «**Имя Воланд может прочитываться как намек на имя Владимир. Первый слог в этих именах фонетически схож, а второй схож по смыслу: ланд–земля–мир. Воланд как «князь мира сего», «владыка мира», Владимир. Не стоит забывать, что**

¹⁰³⁸ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 213.

¹⁰³⁹ Булгаков М. А. Собачье сердце. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. 472-473.

¹⁰⁴⁰ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 28.

¹⁰⁴¹ Письмо к В. А. Булгаковой от 23 января 1923 г. // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 123.

¹⁰⁴² Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹⁰⁴³ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

¹⁰⁴⁴ Там же.

те советские годы – это годы торжестве сокращений и аббревиатур. Среди новоязных «комсомолов» и прочих «массолитов» были и Владлен и Вилен».

Имя Воланд взято Булгаковым из поэмы Гёте (см. [тезис 6.9](#)), и его образ, по словам Булгакова, не имеет никаких реальных прототипов. Например, в ранней редакции у Воланда были сросшиеся пальцы на ноге, – как говорят в народе «копыто дьявола». Отсюда и один из вариантов названия «Консультант с копытом». Позже Булгаков убрал эту деталь описания. Вот что пишет по этому поводу его близкий друг С. Ермолинский¹⁰⁴⁵:

«– А помнишь, раньше у тебя было... – начал я.

– Ни к чему деталь, – сердито перебил он.

– Не хочу давать повода любителям разыскивать прототипы. Думаешь, не найдется человека «с копытом»? Обязательно найдется. А у Воланда никаких **прототипов нет**. Очень прошу тебя, имей это в виду.

<...>

Сейчас вряд ли помнят, что в середине двадцатых годов зашелестели по Москве шепотки, что у Сталина «копыто дьявола». Это случайное совпадение ошеломило Булгакова не потому, что он опасался, что рукопись раньше срока попадет куда не надо и ее перетолкуют как злободневный намек. Такое толкование исказило бы замысел романа и образ Воланда. Кстати, вот и у Гете в «Фаусте» брюнетка в испуге отталкивает Мефистофеля, восклицая: «Ах, у вас нога грузней копыта!» Еще один «прототип»? И, кажется, совсем-совсем близок? Однако насколько более привлекателен и великолепен Воланд в сравнении с гетевским Мефистофелем... Булгаков на свой лад перетолковывает и реплику (хотя и ставит ее эпиграфом к своему роману): «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». У Гете Мефистофель говорит это с иронией, в своей обычной манере шутовского сарказма, а у Булгакова – всерьез, и не однозначно, а в раздумье. Нет, он категорически отмахивался от всех возможных «прототипов».

Согласитесь, с одной стороны, нелепо представить, что Булгаков, стремившийся в годы работы над романом поговорить со Сталиным, вздумал сознательно ввести подобную вызывающую аллюзию в образ Воланда, и, с другой стороны, при его то литературном мастерстве он бы мог намекнуть на сходство образов не так вопиюще грубо, а настолько тонко, что ни одна цензура не придралась бы.

Тяга Кураева к поиску скрытого смысла различных слов настолько заразительна, что я невольно задумался об этимологии известного слова «дурак». Первый слог в нем фонетически схож с французским прилагательным **dur**, – трудный. А второй, – схож по смыслу с инициалами самого Кураева, – следовательно, слово «дурак» «может прочитываться как намек на» фразу «трудный Андрей Кураев», этакий **enfant terrible** русского православия...

18.25. Фаусту, «чья жизнь в стремлениях прошла», Мефистофель однажды предложил следующий жизненный план: «Возьмись копать или мотыжить. Замкни работы в тесный круг. Найди в них удовлетворенье. Всю жизнь кормись плодами рук, Скотине следуя в смиренье. Вставай с коровами чуть свет, Потей и не стыдись навоза – Тебя на восемьдесят лет Омолодит метаморфоза».

Фауст гневно протестует: «Жить без размаху? Никогда! Не пристрастился б я к лопате, К покою, к узости понятий».

И вот мирок, из которого вырвался Фауст, Воланд предлагает Мастеру как высшую награду.

Воланд сам упомянул Фауста и обещал Мастеру то, что якобы привело бы в восторг самого Фауста. Но реально Мастеру он подсунул то, что у Фауста вызывало лишь приступы хандры.

Судя по тому, что диакону, как и Фаусту ненавистны «лопата», «покой» и «образованщина», он тоже предпочитает жить с размахом. Ну что ж, если доходы позволяют, то отчего бы и нет? Однако на вкус и цвет товарищей нет, и ничего странного в том, что у Мастера и Маргариты об этом иное мнение, я не вижу. Чему тут удивляться? Ведь сказано же: «**Что русскому** <Мастеру>

¹⁰⁴⁵ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 112.

хорошо, то немцу <Фаусту> смерть!»! Христианский рай тоже далеко не всех «приводит в восторг». Например, Марк Твен считал, что: «<...> человеческий рай был замыслен и построен по совершенно определенному плану, заключающемся в том, чтобы рай этот содержал до последней мелочи **все, что отвратительно человеку**, и не имел в себе **ни одной вещи, ему приятной!** <...> в человеческом раю **нет места для разума, нет для него никакой пищи**. Он сгниет там за один год – сгниет и протухнет. Сгниет, протухнет и обретет святость. И это хорошо, ибо только святой может вытерпеть радости подобного приюта для умалишенных»¹⁰⁴⁶.

18.26. Живой Мастер совсем не похож на Фауста. Но призрак Мастера, как кажется, пробует уже переживать по-фаустовски. Последнее, что сделал призрак Мастера, покидая свой земной дом – он бросил в огонь не только свою рукопись, но и еще какую-то чужую книгу <...> В этом поступке в Мастере проснулось что-то от Фауста (жажда скачки, полета, новизны).

Кураев опять противоречит сам себе. В разделе «Роман или Евангелие?» (см. [тезис 7.4](#)) он утверждал, что эта книга Библия. Здесь же, где ему нужен и выгоден иной акцент, – это у него уже «другая очень хорошая» «чужая книга». Сжигание книги Мастером совершенно естественно для человека, сжигающего свой дом и Фауст здесь совершенно не при чем. Что до утверждения диакона, что Мастер покидает свой дом призраком, то его безосновательность мы уже разбирали (см. [тезис 17.26](#)).

18.27. Дурно пахнущую авантюру Воланд предлагает Мастеру. Причем – «сквозь зубы»: «Маргарита тихонько плакала, утирая глаза большим рукавом. – Что с нами будет? – спросил поэт. – Мы погибнем! – Как-нибудь обойдется, – сквозь зубы сказал хозяин и приказал Маргарите: Подойдите ко мне... Вы станете не любовницей, а его женой, – строго и в полной тишине проговорил Воланд, – впрочем, не берусь загадывать. Во всяком случае, – он повернулся к поэту, – примите от меня этот подарок, – и тут он протянул поэту маленький черный револьвер. Поэт все так же мутно и угрюмо глядя исподлобья, взял револьвер».

Не дают покоя Кураеву черновики Булгакова. А ведь черновики на то и черновики, что в них только намечается мысль, которая потом отшлифовывается писателем. Но одно дело, когда автор шлифует текст, и совершенно другое, когда он изменяет сюжет и характеры героев. Цитируемые диаконом слова относятся совсем к другому произведению и к другим героям, похожим, но другим, как в фантастических параллельных мирах. Но хуже другое. Не понимает новообразованный диакон отличия искусства от святого писания. Не понимает подтекста романного языка. Не понимает, что сквозь зубы говорят не только в тех случаях, когда раздражены собеседником и хотят его вольно или невольно унижить. Сквозь зубы говорят еще и тогда, когда сдерживают свое волнение. Обратимся же к авторскому тексту, а не к раскопкам православного папарацци:

«– А чем же вы будете жить? Ведь придется нищенствовать.

– Охотно, охотно, – ответил мастер, притянул к себе Маргариту, обнял ее за плечи и прибавил: – Она образумится, уйдет от меня...

– Не думаю, – **сквозь зубы** сказал Воланд <...>»¹⁰⁴⁷.

Сказанные «сквозь зубы» слова подчеркивают потрясение Воланда силой земной любви Маргариты к Мастеру. И это не единственная ремарка автора. Вспомним испытание Маргариты:

«– Может быть, что-нибудь хотите сказать на прощанье?

– Нет, ничего, мессир, – с гордостью ответила Маргарита, – кроме того, что если я еще нужна вам, то я готова исполнить все, что вам будет угодно. Я ничуть не устала и очень веселилась на балу. Так что, если бы он и продолжался еще, я охотно бы предоставила мое колено для того, чтобы к нему прикладывались тысячи висельников и убийц, – Маргарита глядела на Воланда, как сквозь пелену, глаза ее наполнялись слезами.

¹⁰⁴⁶ Твен М. Письма с Земли. Письмо второе // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 94-95.

¹⁰⁴⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 619.

– Верно! Вы совершенно правы! – **гулко и страшно прокричал** Воланд. – Так и надо!

– Так и надо! – как эхо, повторила свита Воланда.

– Мы вас **испытывали**, – продолжал Воланд, – никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут! Садитесь, **гордая женщина!**»¹⁰⁴⁸

Удивительно еще, что Кураев не написал что-нибудь вроде: «Маргарита только пешка в игре Воланда. Он гулко и страшно кричит на нее» и т.п. Для духовной паствы отца Андрея, если она осилила мой труд до этого места, поясню, что и здесь автор выражает потрясение Воланда гордостью и достоинством Маргариты. Эти его чувства явно выражены во всех сценах разговора Воланда с Маргаритой в романе. В отличие от Кураева, Воланд по достоинству оценил ее величайшее чувство, которое нельзя купить ни за какие деньги. Маргарита действует по голосу сердца, и за это она вознаграждена вечной жизнью с любимым человеком.

Замечу, что все вышесказанное справедливо и для процитированного Кураевым чернового наброска, но выдранному из контекста ему было проще придать излюбленный диаконом дурно пахнущий вид. Видимо Кураева соблазнили слова «**мутно и угрюмо**» и возможность придать им вид отношения автора к предложению Воланда. Хотя слова эти относятся к душевнобольному человеку, к которому все еще не вернулся разум.

Воланд совершенно очевидно испытывает симпатию и сочувствие к Маргарите. Ему явно не безразлична ее судьба: «– Ну что ж, Бегемот, – **заговорил Воланд, – не будем наживать на поступке непрактичного человека в праздничную ночь, – он повернулся к Маргарите, – итак, это не в счет, я ведь ничего не делал. Что вы хотите для себя?**»¹⁰⁴⁹

Именно попытка Воланда сдержать проявление своих чувств сказанными «**сквозь зубы**» словами и говорит о его сочувствии Маргарите. И обратите внимание, разговаривая с Мастером и Маргаритой, Воланд постоянно улыбается им, следовательно, они вызывают у него симпатию, то есть определенные положительные чувства:

«– То, что вы ему нашептали, я знаю, – **возразил Воланд, – но это не самое соблазнительное. А вам скажу, – улыбнувшись**, обратился он к мастеру, – что ваш роман вам принесет еще сюрпризы.

<...>

– Так возьмите же это от меня на память, – **сказал Воланд и вынул из-под подушки небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами.**

– Нет, нет, нет, с какой же стати!

– Вы хотите со мной поспорить? – **улыбнувшись**, спросил Воланд»¹⁰⁵⁰.

Воланд желает счастья Мастеру и Маргарите: «– Праздничную полночь приятно немного и задержать, – **ответил Воланд. – Ну, желаю вам счастья**»¹⁰⁵¹. А счастья желают только тем, кто Вам приятен и не безразличен, к кому Вы испытывает добрые чувства, то есть сочувствие.

18.28. Вечность без вдохновения ждет Мастера: «– Так, стало быть, в Арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение? – У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, – **ответил мастер, – ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, – он опять положил руку на голову Маргариты, – меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал**» (гл. 24).

Опять передергивание. Когда были сказаны эти слова о вечности речь еще и не шла. Мастер еще не только не получил свой покой, но и не «**огляделся взором живым и светлым**»¹⁰⁵², и не преобразился в последнем полете. Да и нельзя так буквально воспринимать слова Мастера, цитируемые Кураевым. Мастер действительно ушел в себя, стал неразговорчив, его психически сломали, он «**возненавидел этот роман**», однако огонь творчества не полностью угас в его душе. Вспомним, что в беседе с Иваном возможность встречи с Воландом серьезно взволновала Мастера: «**Но до чего мне досадно, что встретились с ним вы, а не я! Хоть все и перегорело и угли**

¹⁰⁴⁸ Там же, с. 608.

¹⁰⁴⁹ Там же, с. 610.

¹⁰⁵⁰ Там же, с. 619.

¹⁰⁵¹ Там же, с. 620.

¹⁰⁵² Там же, с. 697.

затянулись пеплом, все же клянусь, что за эту встречу я отдал бы связку ключей Прасковьи Федоровны, ибо мне больше нечего отдавать. Я нищий!»¹⁰⁵³. Получается, не настолько все перегорело в душе Мастера, как он пытается уверить себя и окружающих, если за встречу с Воландом он готов отдать свободу передвижения по месту его добровольного заточения. В черновых же редакциях эта мысль выражена еще более явно: «Затем, возбужденно расхаживая по комнате, заговорил о том, что заплатил бы сколько угодно, лишь бы встретиться с ним, **получить кой-какие справки необходимые, чтобы дописать его роман**, но что, к сожалению, он нищий, заплатить ничего не может, да и встретить его, этого... ну, словом, того, кого встретил Иван, он, увы, не встретит...»¹⁰⁵⁴

18.29. Мастеру еще предстоит узнать страшную правду о своей творческой импотенции <...>

«Доктор, а если ни эрекции, ни эякуляции? – А вы, собственно, на что жалуетесь, молодой человек? – Ни на что. Но уж больно слова красивые – эрекция, эякуляция, импотенция...» Любопытно, что они употребительны и духовными лицами. Конечно, сказать, что у Кураева творческая импотенция я не могу, – сколько тем он неудержимо покрыл и «**покрытие продолжается**»¹⁰⁵⁵! Однако в избранных им терминах замечу, что покрытие его, несмотря на большой объем эякулята, часто бесплодно и нежизнеспособно, так как вместо живчиков содержит сплошных мертвяков.

В отличие от диакона, Мастер не ощущает никакой импотенции, ни творческой, ни обыденной. После воскрешения взор у него «**живой и светлый**», Иванушке он говорит, что: «<...> я уже больше не буду писать о нем. Я буду занят другим»¹⁰⁵⁶. И в последнем полете на лице у Мастера **мечтательная** улыбка. Значит его мечты доставляют ему не мучение, а радость.

18.30. <...> без воландовского вдохновения он уже не сможет написать ничего подобного своему сгоревшему роману... Воланд подарил этот роман Мастеру. Воланд же (через Азazelло) его и сжег.

Из слов Кураева можно заключить, что в Небесном Ершалаиме, при грамотном, ненавязчивом руководстве Бога и его единственно верной генеральной линии, талант Мастера необыкновенно бы расцвел и весь рай бы зачитывался его произведениями. Возможно ли это? – Прекрасный ответ дал сам Булгаков¹⁰⁵⁷: «**И интереснее всего в этом вранье то, <...> что оно – вранье от первого до последнего слова**».

Ни Воланд, ни Азazelло не сжигали роман Мастера, для них это совершенно бессмысленный поступок при любом раскладе. Особенно глупо было им возрождать роман только для очередного сожжения. Роман сжег сам Мастер, и именно потому, что роман этот уже пройденная ступень для него, и он не собирается вечность вздыхать над ним и верит, что впереди его ждет новое: «<...> **мастер поднялся, огляделся взором живым и светлым и спросил: – Что же означает это новое?**»¹⁰⁵⁸. Прошлый этап его жизни навсегда остался позади, и именно это обстоятельство Булгаков подчеркивает сожжением романа.

18.31. Вспомним еще револьвер, который в рукописи 36-37 годов Воланд дарит Мастеру, и картина станет вполне богословски-канонической.

¹⁰⁵³ Там же, с. 464.

¹⁰⁵⁴ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 236.

¹⁰⁵⁵ «<...> козлотур уже покрыл восемь козематок и по всем признакам не собирается останавливаться на этом. Покрытые козы чувствуют себя хорошо, а покрытие продолжается» [Искандер, Ф. Созвездие козлотура. Повести. Рассказы. – М.: Сов. Россия, 1989, с. 12].

¹⁰⁵⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 700.

¹⁰⁵⁷ Там же, с. 603.

¹⁰⁵⁸ Там же, с. 697.

Лучше бы Кураев с таким пылом анализировал неканонические евангелия и тексты, послужившие прототипами библейских сказаний. В 1937 году револьвер был самым ценным подарком, но ко времени создания окончательной редакции, репрессии уменьшились, некоторые репрессированные даже стали возвращаться из заключения. Соответственно и любезный сердцу диакона револьвер выпал из сюжета.

18.32. Вот и Маргарита еще до встречи с Мастером впустила в себя мечту о небытии: «Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста». Радуетя смерти и Мастер...

Столько на свете литературных произведений, где наряду с любовью, и особенно ее отсутствием, появляется тяга к смерти, что Мастер и Маргарита в этой части ничем особым не выделяются. Разве что пылким вниманием к ним со стороны Кураева.

18.33. В финале тело Мастера уже убито. Душа... Но что такое «душа» со стертой памятью? О чем он будет писать? И для кого?

Тело Мастера убито не более чем тела Иешуа и Левия. Оно вполне живо и после воскрешения в нем по-прежнему течет кровь (см. тезис 17.26). И нигде не сказано, что в Покое Мастеру стерли память. Скорее ее стирают именно в Свете, или отшибают напрочь каким то иным способом¹⁰⁵⁹, ведь, в отличие от Покоя Мастера, в Свете нет земных чувств и страстей, одна всепоглощающая любовь к Творцу. Религиозный Свет, – смерть всего земного, рассматриваемого религией только как стадия развития на пути к Вечности. Даже диакон не найдет в Свете привычной для себя миссионерской работы, – все чем он живет сегодня канет втуне. Правда, возможно миссионеров в раю сразу направляют для просветительской работы в ад...

18.34. В избушке с засаленным колпаком и пустой ретортой Мастера ждет бесполезное «гусиное перо». Бесполезно оно оттого, что даже если бы он и смог что-либо написать, книги, написанными умершими духами, к людям не приходят.

А разве к людям приходят книги, написанные умершими духами в Свете? Где же можно с ними ознакомиться и почитать?

18.35. Мастер будет существовать без читателей. И тогда даже атеисты, травившие его за «пилатовщину», покажутся ему вождельными читателями и ценителями... Кому да и о чем сможет написать Мастер, если люди ему уже неинтересны, а в общение с Богом и ангелами («свет») он не вошел, будучи изолированным в своем «покое»?

О чем собирается писать в посмертии сам Кураев? Если он надеется нести в раю свет миссионерства Богу, ангелам и прочим его обитателям, то как бы его в ад от такой тоски не потянуло...

18.36. А вот от романа, написанного им на земле, Мастеру никуда не деться: «Я помню его наизусть... Я теперь ничего и никогда не забуду... Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно».

Опять привычный подлог! Цитату из 13 главы со словами уже заболевшего Мастера о том, что он возненавидел роман, Кураев поставил после цитаты из 30 главы о том, что Мастер помнит его наизусть. В ненависти заболевшего Мастера к роману нет ничего необычного, – душевнобольные обычно не могут спокойно слышать о том, что повредило их разум¹⁰⁶⁰.

¹⁰⁵⁹ Может кисель дают, как в армии?

¹⁰⁶⁰ Не этим ли объясняется злобная ненависть Кураева к Советской России и атеизму?

18.37. Воланд позаботился о том, чтобы этот страх оставался в Мастере навсегда. Он поселил его в зацветающем вишневом саду. Вишня в цвету – это прекрасно, спору нет. Но ведь Мастер перешел в мир иной, и перешел навеки. И вот оказывается, что ничего нового, иного его не ждет. Вишни будут цвести всегда, а плодов не будут давать никогда...

У диакона странные видения. Нигде не сказано, что в новом мире Мастера нет изменений, иначе бы, Воланд не искушал его возможностью сотворения нового в этом мире. Вишни созреют, а потом зацветут опять, точно так же как и в граде небесном, если они там есть, конечно. Не исключено, что именно там то они действительно не плодоносят, чтобы отдыхающие в раю не гнали вишневку.

18.38. Творческая личность обрекается на бесконечное повторение пусть и прекрасных, но земных и уже бывших моментов. Если какие-то тени и будут навещать его – то под строгим условием: «не тревожить». Значит, все будет узнаваемо и стерильно. Новизна не возмутит мир Мастера... В общем, Воланд дарит Мастеру вечность не первой свежести.

Не стоит даже и сомневаться, что если бы условие было «тревожить», Кураев бы написал «и там не будет ему покоя, вот таким ужасом наградил его Воланд». В общем, все как в той игре: «Задумай число. – Задумал. – Какое? – Восемь. – А я девять. У меня больше. Я выиграл». Не первой свежести размышленья дарит нам Кураев.

Да собственно у Булгакова ни о каком условии «не тревожить» и речь то не идет, а написано¹⁰⁶¹: «<...> к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит». То есть латунским, барковым, кураевым, босым и прочим алоизиям могогарычам вход будет закрыт!

18.39. Но прекрасно ли цветение вишен именно для Мастера? Бывает, что день, праздничный для всех, оказывается траурным для одной семьи. Если в этой семье несчастье произошло в новогоднюю ночь – то на годы вперед огни новогодних елок будут не радовать, а мучить. Так какие же ассоциации могут вызывать у Мастера цветущие вишни? Вишня цветет в мае.

Зацветает вишня еще в апреле. А в мае только продолжает цвести, да и то под Москвой. Как видим, в вишнях Кураев не разбирается, а о боге судит... Читая романы ему нужно больше вдумываться в написанное, а не бормотать текст себе под нос, как заученную молитву. У Булгакова ясно сказано, что вишни «начинают зацвести»¹⁰⁶², а не «цветут». Конечно, и в последнем случае нужно иметь несколько воспаленное воображение, чтобы решить, что вишни будут цвести вечно, но в первом то случае ясно сказано, что они именно «начинают» зацвести, а, следовательно, будут и **продолжать** цвести, и отцвести и плодоносить, и т.п.

18.40. Май и есть месяц очной встречи с Воландом, месяц сумасшествия и смерти Мастера. Значит, вся боль последних недель жизни Мастера будет ему напоминаема постоянно. Как «весеннее праздничное полнолуние» каждый год лишало покоя Ивана Бездомного, так и Мастеру придется маяться каждый май, точнее – вечный май с вечно зацветающими, но никогда не плодоносящими вишнями...

Свои собственные проблемы Кураев вкладывает в чужую голову, получается прямо по Фрейду – «Фобии маленького диакона». Как это еще упустил Кураев заметить, что кто в мае женился, всю жизнь маяться будет? Но даже Бездомный маяется только в «весеннее праздничное полнолуние», и только диакон маяется со своими идеями круглый год...

¹⁰⁶¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 710.

¹⁰⁶² Там же, с. 709.

18.41. Мастер в эту ночь перешел от земной жизни к посмертному, вечному существованию. Качество перехода определяет и качество этого существования. Вот последнее земное слово Мастера: «– Отравитель, – успел еще крикнуть мастер. <...> Вот первое слово его призрака: «Открыв глаза, тот глянул мрачно и с ненавистью повторил свое последнее слово: – Отравитель...». Со мраком в душе Мастер перешел рубеж вечности.

Качество перехода в романе описано предельно ясно: «<...> мастер поднялся, огляделся **взором живым и светлым** и спросил: – Что же означает это новое?»¹⁰⁶³. Следовательно, рубеж вечности Мастер миновал со взором «**живым и светлым**», а не «со мраком в душе».

Утверждение Кураева: «Качество перехода определяет и качество этого существования», – сильно смахивает на марксистские штампы, вида «**бытие определяет сознание**», закладываемые в выпускников советских институтов философии. Сколько зажаренных на костре праведников вопреки этим наивным штампам попали прямиком к престолу Господнему, чего искренне желаем и диакону...

Поскольку Кураев упрямо именуется воскрешенного Мастера «**призраком**», напомним, что у призраков не течет кровь, в то время как у Мастера, после его воскрешения, Маргарита вытирает «**кровь на его рассеченном виске**»¹⁰⁶⁴ (см. [тезис 17.26](#)).

18.42. Заметим, кстати, что Мастер не смог встретить свою смерть как Иешуа. Никаких «добрых людей». Иешуа – не его идеал. Симпатии и сердце Мастера с Пилатом.

Измышления диакона более похожи на проповедь, чем на серьезную работу. Видимо разум Кураева пребывает там же, где его симпатии и сердце и не совмещается с его земным телом. Смерть Мастера не имеет никакой аналогии со смертью Иешуа. Первая наступила внезапно и неожиданно, а вторая была известна и ожидаема. Здесь не может быть никаких параллелей.

18.43. Пилат же провел «двенадцать тысяч лун» с разбитой чашей вина и верным псом. Теперь Мастеру предстоит та же участь: с пустой ретортой, сухим гусиным пером и неотвязной Маргаритой...

Почувствуйте разницу! Пилат провел «двенадцать тысяч лун» в кошмарах, а Мастеру дарована спокойная вечность и покой не отягощенный чувством вины. Что ему положить в пустую реторту, он догадается как-нибудь и сам, без подсказки Кураева; да и перо найдет, чем смочить, во всяком случае, не ядовитой слюной, как диакон¹⁰⁶⁵. Ну а что касается «**неотвязной**» Маргариты, то придется напомнить диакону, что в своем эпохальном труде «**Грязная тема**»¹⁰⁶⁶ о голубых попах (правильно ударять на втором слоге, но можно и на первом), он подобных эпитетов для характеристики своих предающихся содомскому греху собратьев, не употреблял...

18.44. В примечании: «Вообще-то за 1900 лет от 30-х годов первого века до 30-х годов XX века должно было пройти не менее 24 000 лун (точнее – 24 700, если учесть, что лунный месяц короче солнечного, а потому в году не 12 полнолуний, а 13). Эта очевидная неточность – тормоз на пути отождествления Пилата романа с Пилатом Евангелий, а евангельской истории с историей, рассказанной Воландом».

Кто здесь настоящий «**тормоз**» читатели, думаю, давно уже догадались. Любомудрствующий диакон умудрился «пропустить» в труде Баркова возможно единственное

¹⁰⁶³ Там же, с. 697.

¹⁰⁶⁴ Там же, с. 698.

¹⁰⁶⁵ «Я думаю, что если бы маленькую порцию этой слюны впрыснуть кролику – кролик издох бы во мгновение ока. 2-х граммов было бы достаточно, чтобы отравить эскадрон Буденного с лошадьми вместе» [Булгаков М. А. Столица в блокноте. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 Записки покойника: Автобиографическая проза. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 269].

¹⁰⁶⁶ Кураев А., диакон. Церковь в мире людей. Грязная тема.

светлое место: «<...> писателем была учтена астрономическая тонкость: в любой точке земного шара все полнолуния подряд наблюдать невозможно. Дело в том, что полнолуние – это не период, а миг, определяемый астрономами с точностью до минуты. Поэтому, когда оно происходит, то его можно видеть только на той стороне земного шара, которая обращена к Луне. Поскольку длительность синодического месяца не кратна земным суткам, каждое последовательное полнолуние наблюдается в разных частях Земли; в целом же за длительный период времени в каждой конкретной точке, в том числе и в той, где отбывает наказание Пилат, можно наблюдать только половину от всех полнолуний»¹⁰⁶⁷. Видимо уж очень хотелось Кураеву воспрепятствовать отождествлению Иешуа с Христом. Но напрасно «гражданин соврамши!» Пилат, Каифа, Вар-раван, Иуда, распятие с двумя разбойниками однозначно подтверждают, что в виду имеется именно евангельский Иисус Христос, только не божественного, а обычного земного происхождения.

18.45. Пытка покоем. Наказание тупиком. Пусть вишни, пусть Маргарита. Но нет Христа. Нет вертикали, Выси. И даже Воланд распрощался с Мастером навсегда. Маргарита подчеркивает, что это «вечный дом» Мастера...

Если покой это пытка, как же увязать с этим собственные мечтания Кураева (см. [тезис 18.23](#)): «Хорошо бы окончить жизнь диаконом в сельском приходе...<...> Любый писатель желает в конце жизни получить **покой** <...>»¹⁰⁶⁸.

Даже если в покое нет ни Христа, ни Магомета, ни Будды, – зато есть Маргарита, и каждый вечер ожидаются гости: «<...> вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит»¹⁰⁶⁹. А может и поименованные выше лица как-нибудь заглянут на огонек, – кто знает? И про Воланда нигде не сказано, что он распрощался с Мастером навсегда. Захочет, и нагрянет в гости со всей своей свитой. Худшее наказание как раз вечно лицезреть одно и то же и слушать бесконечные проповеди.

18.46. Мастер получил по своей вере. Но по тому, что он получил, можно составить представление о предмете его веры, о скудости его веры и его мечты...

Мастера не влечет бессмысленная для него райская жизнь, он предпочитает ей земную. Нормальное здоровое желание любого здравомыслящего человека. Ведь в райской жизни нет ни одной земной привязанности, там нет семейных отношений, и Мастер был бы обречен на вечное, или вернее увечное, одиночество. В романе же он остается с Маргаритой.

В том, что каждый получает по своей вере я не сомневаюсь. Правда не в загробной жизни, а в текущей, но это не суть важно. В одном из интервью диакон сказал, что если бы Богу была угодна его женитьба, Он дал бы ему знак. Но какой же знак Кураев может получить при его отношении к женщинам? – Только египетский фаллический знак из трех букв, да и то в отечественном его заборном исполнении. Строго по вере его, отпущено ему Богом...

18.47. Преображаются все – кроме Мастера. Мастер меняется лишь в одежде. Ни глаза, ни лицо, ни душа у него не меняются.

В романе сказано: «<...> Маргарита <...> видела, как меняется облик **всех** летящих к своей цели». Написано именно **всех**. И ни малейшего намека, что у Мастера «ни глаза, ни лицо, ни душа <...> не меняются». Наоборот, сказано: «**Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер**». В излюбленных диаконом черновых редакциях написано еще прозрачнее¹⁰⁷⁰: «**Себя Маргарита не могла увидеть, но она хорошо видела, что сильнее всех**

¹⁰⁶⁷ В реальной жизни Маргарита вряд ли бы импульсивно произнесла такую ученую фразу, но перед нами роман, так что все возможно. Кроме того, как отмечает Сеницын [<http://forum.dw3.ru/viewtopic.php?t=483>], данная фраза красива и мелодична, а фраза 24000 лун такой магии звучания не имеет.

¹⁰⁶⁸ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹⁰⁶⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 710.

¹⁰⁷⁰ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 715.

изменился мастер». Впрочем, каждый судит в меру своего убожества, и Кураеву вопреки Булгакову вольно считать, что участники последнего полета преображаются лишь в одежде.

18.48. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате N 118-й привычке, сам себе бормотал». Пациент остался пациентом...

Диакон остается диаконом. Бормотание под нос не есть привычка только сумасшедших. Намного хуже, когда это бормотание записывают, печатают и продают, как в случае с самим Кураевым.

18.49. А вот – последнее появление Мастера в романе: «Женщина выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. – Так, стало быть, этим и кончилось? – Этим и кончилось, мой ученик, – отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит: – Конечно, этим. Все кончилось и все кончается... И я вас поцелую в лоб, и все у вас будет так, как надо».

Так чем же «все кончилось»? – Вот этим: «пугливо озираясь». Мастер, и так в ходе романа лишенный имени (точнее – донашивающий один из титулов Воланда), теперь и просто становится номером... Ничего себе «покой»!

Навязчивую идею Баркова о донашивании Мастером титула Воланда мы уже рассматривали (см. [тезис 6.2](#)). Появление Мастера в эпилоге, как и вся беседа Пилата и Иешуа, **всего лишь сон** Понырева. Как соотносятся сны с действительностью думаю объяснять не нужно. Понырев вспоминает Мастера таким, каким он ему запомнился, – пугливым и озирающимся. О преображении Мастера в полете ему ничего не ведомо. Так же он ничего не знает о прощении Пилата, поэтому в последнем абзаце автором снято слово «**прощен**», в отличие от предыдущего варианта эпилога¹⁰⁷¹.

Вот, что пишет об этом М. Чудакова¹⁰⁷²: «Ежегодно повторяется с Иваном Поныревым одно и то же. Вместо постижения реальности (путем угадывания или видения) и воплощения – бесконечное воспроизведение одних и тех же картин. Перед нами – дурная бесконечность, движение по кругу... «Продолжения», которое советует Мастер написать Ивану, написать невозможно, поскольку «все кончилось, и все кончается...» – эти последние слова Маргариты говорят о завершении какого-то цикла движения исторического времени, какого-то периода, в пределы которого уложилась и вся творческая жизнь автора романа. С уходом Мастера утрачивается целостность его романа; никто не может не только продолжить его, но даже связно воспроизвести; в сознании Ивана Николаевича, как бы ни стремился он к творческому усилию, – лишь обрывки видений, навсегда утративших связную форму. Мастер уходит из романа вместе со своим словом о мире, другого же слова, ему наследующего, в эпилоге не слышно. Без этого героя никто не может ни собрать воедино куски романа его и романа о нем – распавшегося в сознании слышавших (или видевших – как Николай Иванович, бывший на шабаше боровом), ни продолжить его, ни сказать вовсе новое слово. Роман Мастера о Иешуа и Пилате описывал – в качестве метаромана – современную Мастеру жизнь, служил ключом к ней; сама же эта жизнь не может описать ни себя самое, ни историю».

18.50. Так, может, просто сбылся старый сон Маргариты? <...>

На такое подозрение наводит то обстоятельство, что «Ни в одной редакции романа герой так и не увидит свой вечный дом. Не войдет в него... Покой мастера навсегда останется обещанным ему. Только обещанным». Сам Мастер не видит никакого домика и сада. «Мастеру казалось...» – вот последнее переданное Булгаковым состояние Мастера. Лишь Воланд и Маргарита нашептывают ему о том, что вот-вот будет дано

¹⁰⁷¹ «<...> ушел безвозвратно, **прощенный** в ночь на воскресение сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат» [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 710].

¹⁰⁷² Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 464.

ему в награду. Этакая «агитбригада ада».

Как мы уже отмечали (см. [Введение](#)), первое полное издание романа в 1973 г. было напечатано не с последней прижизненной редакции, а с предпоследней. В окончательной редакции слова «Мастеру казалось...» отсутствуют. Такой любитель черновиков как Кураев, просто обязан был обратить на это внимание. Но простим агитдиакону упущение, – судя по обильному извержению его публицистики, он перерабатывает и пропускает через себя, попутно нагружая «высокими евангельскими смыслами, о которых авторы не подозревали», такие объемы информации, что немудрено и пропустить что-то прямым ходом, без переваривания. Тем не менее, даже в черновике сказано не просто «Мастеру казалось...», а «<...> мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей»¹⁰⁷³. То есть самое обычное поэтическое сравнение струящихся слов Маргариты и воды ручья, а не описание «последнего» состояния Мастера, как передергивает Кураев.

Маниакальная подозрительность диакона напоминает мне Фому неверующего, – Кураев бы Спасителю в раны не то что персты вложил бы, а руку вогнал бы по локоть, до самых гланд! Что удивительного находит диакон в романе Булгакова? Мастер «в блеске первых утренних лучей»¹⁰⁷⁴ переходит ручей по каменистому мшистому мостику и идет по песчаной дороге с Маргаритой, шурша босыми ногами. Впереди они видят свой вечный дом, что еще нужно для понимания финала? Ведь на этом заканчивают свои романы все истинные писатели. Авторское описание достаточно конкретно и существенно отличается от сусальных христианских картинок райской жизни. Булгаков использовал обычный литературный прием, – читатель с нормальной психикой не нуждается в требуемых Кураевым подробностях, понимая их условность. Описание этого дома и быта Мастера и Маргариты в нем было бы абсолютно чужеродно стилю романа и полностью бы разрушило нервное напряжение последних сцен романа. К сожалению эта нехитрая истина оказалась то ли неизвестна Джоан Роулинг, то ли коммерческие интересы взяли верх, но своим сусальным финалом завершающей историю Гарри Поттера седьмой книги она одним махом низвела его заоблачный (для поклонников) образ до средне мещанского обывательского уровня...

Что касается «старого сна» Маргариты, то он соответствует ранним редакциям романа, где вызванный Воландом Мастер появлялся в следующем наряде: «Ватная мужская стеганая куртка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги...»¹⁰⁷⁵. То есть герой появлялся не из больницы, а из лагеря или ссылки, где он и приснился Маргарите. И обратите внимание, что во сне Маргарита бежит не по песку, а по кочкам: «Захлебываясь в неживом воздухе Маргарита по кочкам побежала к нему <...>»¹⁰⁷⁶. Заметим, что и «неживой воздух» «старого сна» Маргариты резко контрастирует с живым, пронизанным блеском «первых утренних лучей» воздухом вечного приюта Мастера и Маргариты.

18.51. Точно так же Иешуа успокаивает Пилата вопреки всякой очевидности. Иешуа уверяет Пилата, что казни не было, но при этом сам Иешуа предстает в этой же сцене «в разорванном хитоне и с обезображенным лицом». Иешуа (вновь говорю: Иешуа – персонаж романа, написанного Мастером и Воландом – Мессиромастером – а не евангельский Иисус) и Маргарита в равной степени используются Воландом.

Вновь говорю, в эпилоге романа Иешуа успокаивает Пилата не наяву, а во сне Ивана Понырева, и именно к последнему Муссикуроаев и должен предъявить все претензии по логичности этого сна.

¹⁰⁷³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 710.

¹⁰⁷⁴ Там же, с. 709.

¹⁰⁷⁵ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 377.

¹⁰⁷⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 545.

18.52. Маргарита ради встречи с Мастером готова была стать ведьмой, отдать и душу и тело сатане. Сначала Мастер зовет Маргариту в «баню с пауками». Маргарита согласна. Что ж, настала ночь оплаты счетов. Теперь она ведет Мастера по указке Воланда.

Ни душу, ни тело у Маргариты никто не требовал, да и сама она их никому не предлагала. Ее тревожный сон навеян беспокойством за судьбу Мастера и ничего мистического в себе не содержит. Мерещащиеся в бане Кураеву пауки Свидригайлова, явный признак нечистой совести, угрызаемой его искажениями творчества Булгакова¹⁰⁷⁷. Но тут диакону даже баня не поможет. Остается одно, последовать рецепту Хемингуэя, и вымыть язык с мылом...

18.53. Не стоит завидовать участи Мастера. Тот, кто всю жизнь сам себя добровольно заключал то в музей, то в подвал, то в психушку, и по смерти не найдет свободы. Может быть, потому, что Воландовы дары будут не утешать, а терзать, Воланд и маскируется и на прощанье говорит, что поднесенные им дары не только и не столько от него самого, сколько от Иешуа: «то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же».

Откровенно говоря, я бы предпочел описанную участь Мастера, чем грядущую участь Кураева. Мастер получил желанную свободу, но кураевым этого не понять, и бог с ними. А что касается, того, что якобы «Воландовы дары будут не утешать, а терзать», то этот клинический случай хорошо описывается известными словами Ходжи Насреддина: «**Чье сердце будет болеть?! Мое, или твое?**»

18.54. К слову «музей» диакон дает сноску: «А были ли в Москве начала 20-х годов какие-то другие музеи, кроме Музея Революции, созданного в 1924-м? Так что не так уж и аполитичен Мастер. Советская идеология ему доверяла».

Этот совершенно нелепый комментарий насчет музеев мы уже обсуждали (см. [тезис 2.1](#)). Напомню, что в 1928-29 году, в Москве при обследовании было выявлено 165 действующих музеев, из которых добрая половина прекрасно подходила для трудоустройства Мастера.

18.55. Плохо кончается роман. Беспросветно. В этом отличие фаустианы XX века от традиции прошлых веков. Нет здесь Deus ex machina. Нет спасающего и всеизменяющего вторжения Божьего промысла. И это самое страшное предупреждение романа: всё может кончиться плохо. Есть такая мера человеческого забвения о Творце и отречения от Него, когда и Небо уже бессильно. Шутки могут заходить необратимо далеко.

Как мы уже убедились (см. тезисы [13.1](#) и [16.6](#)), в Фаусте Гете нет никакого реального «спасающего и всеизменяющего вторжения Божьего промысла». Это только образы христианской мифологии, использованные Гете для того, чтобы сделать свои идеи более понятными:

«Во времена Гете религиозная символика была широко известна, и он прибегнул к ней, чтобы сделать общепонятной свою философию, в существе своем весьма далекую от христианского вероучения»¹⁰⁷⁸.

¹⁰⁷⁷ В романе «Преступление и наказание» Свидригайлов говорит:

«– Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптёлая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» [Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: Сов. Россия, 1988, с. 179].

Поскольку от цветущих вишен Кураева воротит, то вероятно именно такая вечность его и ожидает, когда ему «будет дано по его вере».

¹⁰⁷⁸ Аникст А. Комментарии к трагедии «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 699.

К сожалению, бисер своих мыслей Гете напрасно рассыпал перед Кураевым. Диакону бы вместо романов и трагедий лучше «Откровение Иоанна Богослова» перечитывать. Вот там все кончается «хорошо и просветно» и промысел божий вполне очевиден: «Весь мир насилья мы разрушим, до основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим!» Ну а мы, как всегда, лучше посмотрим, что пишут по данному поводу более образованные люди, в частности Б. Соколов в Булгаковской энциклопедии¹⁰⁷⁹:

«<...> с точки зрения Воланда, покой превосходит «голый свет», ибо **оставляет возможность для творчества**, в чем сатана и убеждает автора романа о Понтии Пилате <...>.

Воланд, как и Иешуа, понимает, что «голым светом» способен наслаждаться лишь преданный, но догматичный Левий Матвей¹⁰⁸⁰, а не гениальный Мастер. Именно Воланд с его скепсисом и сомнением, видящий мир во всех его противоречиях (каким видит его и истинный художник), лучше всего может обеспечить главному герою достойную награду».

Напрасны потуги Кураева связать образы Мастера и Маргариты исключительно с Воландом. Если бы это было так, Иешуа не просил бы за Мастера и Маргариту. Ведь просят только за тех, кого опекают, с кого не снимают свою защиту. Обратите внимание, в романе именно Мастер и Маргарита проявляют милосердие, которое Воланд относит к исключительной прерогативе Света: «Каждое ведомство должно заниматься своими делами. <...> какой смысл в том, чтобы сделать то, что полагается делать другому, как я выразился, ведомству? И так, я этого делать не буду, а вы **сделайте сами**»¹⁰⁸¹. При этом если Маргарита проявляет милосердие по отношению к Фриде по своей собственной воле, то Мастер, отпуская Пилата, уже выполняет волю Иешуа¹⁰⁸²:

«– Ваш роман прочитали, <...> и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен.

<...> за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать. <...> теперь ваш роман вы можете кончить одною фразой!»

Мастер прекращает мучения Пилата и отправляет его навстречу столь желанному для последнего Свету; сам же он, по воле автора, предпочитает покой, но покой светлый, надмирный, а не темный и угрюмый, как тщится это нам представить Кураев. Актом отпущения жестокого Пилата Мастер отпускает и своих жестоких мучителей, ибо без этого не мыслим покой в его собственной душе.

От редакции к редакции уточнял Булгаков судьбу Мастера, сообразуясь с внутренней логикой романа и правдой жизни. Изначально он пытался связать устремления Мастера к покою со светом. Где-то на полпути к нему и располагался покой Мастера в первых редакциях¹⁰⁸³: «Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но и исчезнет мысль о Га-Ноцри и о прощенном игемоне. Это дело не твоего ума. Ты никогда не поднимешься выше, Ешуа не увидишь. Ты не покинешь свой приют». При этом Пилата отпускал к Иешуа не Мастер, а сам Воланд (от имени Иешуа)¹⁰⁸⁴.

Но во второй полной рукописной редакции 1937-1938 гг. судьба Мастера меняется, – он награждается светом без всяких ограничений и, отпустив Пилата, вслед за ним отправляется к Иешуа и месту своего покоя:

«– Он пошел на соединение с ним, – сказал Воланд, – и, полагаю, найдет, наконец, **покой**. Идите же и вы к нему! Вот дорога, скачите по ней вдвоем, с вашей верной подругой, и к утру воскресенья вы, романтический мастер, вы будете на своем месте. Там вы найдете дом, увитый плющом, сады в цвету и тихую реку. <...>

Там вы найдете **покой**! Прощайте! Я рад!»¹⁰⁸⁵.

Данная цитата полностью развенчивает натужные инсинуации Кураева по поводу inferнальности образа Мастера, и его утверждение, что «<...> эта книга – большой фельетон, в котором нет положительного героя» (см. [тезис 21.5](#)).

¹⁰⁷⁹ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 182.

¹⁰⁸⁰ Я бы добавил к перечисленным качествам Левия еще одно, – главное по оценке Воланда, – глупость.

¹⁰⁸¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 610.

¹⁰⁸² Там же, с. 707-708.

¹⁰⁸³ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 325.

¹⁰⁸⁴ Там же, с. 262.

¹⁰⁸⁵ Там же, с. 717.

Тем не менее, в окончательной редакции, Булгаков находит новое художественное решение, и связывает покой Мастера уже не с Иешуа, а с Маргаритой, олицетворяющей собой сам первозданный покой в последних строках романа: «– Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под её босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я»¹⁰⁸⁶.

Резюме 18. Финал романа оставляет светлое ощущение, – мир отверг Мастера, но Мастер получил заслуженный им надмирный покой, олицетворяемый его верной спутницей и хранительницей его жизни Маргаритой. В этом отличие романа Булгакова и фаустианы XX века от традиции прошлых веков с ее нелепым Deus ex machina, где «спасающее и все изменяющее вторжение Божьего промысла», рисует «счастливый финал» в виде сусальных бесполох картинок христианского рая, как высшего уровня и «символа скудных эсхатологических надежд» единственно доступных христианской интеллигенции прошлых веков.

¹⁰⁸⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 709.

19. Кураев. ЗАСЛУЖИЛ ЛИ БУЛГАКОВ ПАМЯТНИК?

«<...> признак тоталитарного мышления – когда твоя позиция кажется тебе единственно нормальной. Если такие люди дорвутся до серьезной власти, мало кому не покажется»

Диакон Кураев¹⁰⁸⁷

«И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли, что-то грохает, то ли, что-то стучает. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов»

А. П. Гайдар¹⁰⁸⁸

«Жизнь есть родник радости; но всюду, где пьет отребье, все родники бывают отравлены»

Ф. Ницше¹⁰⁸⁹

Кураев пытается разделить и противопоставить Булгакова и его любимых героев. Ведь поодиночке всегда легче одолеть противника. Для этого он за уши тянет Булгакова к православию, Воланда к христианскому дьяволу, а Мастера и Маргариту чуть ли не в ад. Но русская литература православием и его религиозными ценностями не исчерпывается, что показывает пример того же Льва Толстого. Булгаков создал свой собственный целостный непротиворечивый мир. Его можно понимать, или не понимать, принимать, или отвергать, восхищаться, или ненавидеть, но бессмысленно отрицать его существование и его реальность.

19.1. <...> прежде установки *такого* памятника стоило бы ответить на три простых вопроса. 1) Хотел ли бы Булгаков, чтобы Воланд и его свита навсегда прописались в Москве? 2) Хотел ли бы сам Булгаков провести вечность в созерцании Воланда? 3) Хотел ли бы сам Булгаков быть с Иешуа (не с библейским Христом, ученики Которого носили мечи, а Сам Он не гнушался обличения ни словом, ни бичом – а с заискивающим Иешуа)?

В последнем вопросе диакон подозрительно следует словам Протоиерея Александра Меня по поводу романа Булгакова: *«Не таков Христос в Евангелиях. От Него исходит сила. Он может быть строг и даже суров»¹⁰⁹⁰*. В аналогичной ситуации Маяковский заявил: *«А Шершеневич у меня штаны украл!»¹⁰⁹¹*

Как мы уже отмечали ранее (см. [тезис 4.7](#)), Иешуа в романе ни перед кем не «заискивает». Это слово диакон выкопал в ранних черновых редакциях, как бродячая собака выкапывает дурно пахнущую кость на помойке. И точно так же он никак не хочет выпускать ее из зубов, ворча и мотая головой и пуская слюни, не понимая, что никакая цензура на свете, кроме церковной, не придралась бы к этому слову.

Поведение Иешуа как при допросе его Пилатом, так и при распятии, у нормального человека может вызвать только уважение. Но ради временного достижения своих миссионерских целей Кураев топит Иешуа в море грязной лжи, и этим посмертным глумлением над Иешуа диакон опускается ниже его прижизненных невежественных распинателей.

Неуклонно следуя своей максиме *«все люди добрые»*, Иешуа никогда не обостряет конфликт с собеседником, не противопоставляет его воле своей, и всегда пытается найти

¹⁰⁸⁷ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹⁰⁸⁸ Гайдар А. П. Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1933, с. 4.

¹⁰⁸⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. – Харьков: Фолио, 1999, с. 78.

¹⁰⁹⁰ Мень А., протоиерей. Трудный путь к диалогу. – М.: Радуга, 1992, с. 89–90.

¹⁰⁹¹ У Маяковского в «Кофте фата» есть строки: *«Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего»*. А Вадим Шершеневич несколько позже напечатал: *«Я сошью себе полосатые штаны из бархата голоса моего»*. После этого, стоило только ему в присутствии Маяковского на каком-нибудь диспуте подняться на сцену, как последний вставал и зычно провозглашал: *«А Шершеневич у меня штаны украл!»* – и весь зал падал от смеха [Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги. – М.: Моск. рабочий, 1990, с. 131-132].

взаимопонимание с каждым. Именно непротивлением противостоящему ему злу он добивается своей главной цели, чтобы его услышали. Достигнув же этой цели, Иешуа незаметно преображается, показывает свою истинную силу, и становится истинным хозяином положения. В беседе с Пилатом он одержал очевидную нравственную победу в диспуте. Ранее он так же одержал верх над сборщиком налогов Левием Матвеем. Позволив ему оскорблять себя в начале разговора, он в результате сделал Левия своим горячим (хотя и бестолковым) сторонником. Да, Иешуа не воинствен, и не совершает как Иисус Христос, по образному выражению Честертона, «поход против сил зла»¹⁰⁹². Но: «С евангельскими мотивами совпадает главное: Пилат ощутил в этом «бродячем философе» потрясающую силу Целителя, Мудреца, Учителя. Ощутил, что только этот Человек способен <...> ответить на роковой вопрос «Что есть истина?»»¹⁰⁹³

Несомненно, ортодоксальный кураевский Христос, в отличие от Иешуа, утомил бы Булгакова своими неистовыми «обличениями». Уж лучше покой и любимые герои его романа: «<...> в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты ...»¹⁰⁹⁴.

19.2. Надеюсь, в своей книжке мне удалось пояснить, что на все три вопроса булгаковский ответ был бы – «нет!».

На Бога надейся, а сам не плошай! Думаю, ответ Булгакова был бы: «Я не даю идиотских ответов на идиотские вопросы!» Да и письма писателя дают достаточно оснований, чтобы судить о его истинном отношении к Воланду и его свите. В 1938 г., во время завершения перепечатки текста романа Булгаков живет и мыслит только образами своих героев, и нет ни малейшего ощущения, что они ему неприятны. Например, когда возникла угроза остановки переписки романа со стороны Немировича, отвлекающего Ольгу Бокшанскую от работы в Барвиху, Булгаков в письме жене восклицает¹⁰⁹⁵: «Хорошо бы было, если бы Воланд залетел в Барвиху! Увы, это бывает только в романе!» Думаю, с такой же охотой он бы отправил Воланда в современную Москву для встречи с Кураевым... Не менее выразительны и другие его пассажи¹⁰⁹⁶: «Это Коровьев или кот подшутили над тобой. Это регентовская работа!»; «Пусть Азazelло с S.¹⁰⁹⁷ обедает!»; «Сознайся, что ты поручила составление телеграммы Коту Бегемоту!»

Но если диакон считает, что его вопросы все же имеют какой-то смысл, то хотелось бы узнать и его ответы на аналогичные по глубине содержания вопросы:

1. Хотел ли бы Кураев, чтобы Христос и его ангелы навсегда прописались в Москве в его квартире? Не обделил ли бы он этим другие города земли русской, а равно украинской и белорусской? А ведь есть еще, говорят, и земли заморския, и там православные христиане живут.

2. Хотел ли бы сам Кураев провести вечность в созерцании Христа, забыв про желанный домик с Интернетом?

3. Хотел ли бы сам Кураев вечно сносить проповеди, обличения и бичевание со стороны библейского Христа?

И сопутствующие вопросы:

1. По мнению Кураева, хотел ли бы сам Христос, чтобы Кураев проводил вечность в его созерцании?

2. Как мыслит себе Кураев возможность вечного созерцания им Христа, при наличии огромного числа прочих душ, желающих того же? Или рай ему мыслится в виде некой огромной Матрицы с выделенной линией связи с Богом из каждой ячейки? В последнем случае крайне интересно, кабель трехжильный, или связь с различными ипостасями Троицы идет по единому каналу, но на трех разных частотах?

¹⁰⁹² Мень А., протоиерей. Трудный путь к диалогу. – М.: Радуга, 1992, с. 89–90.

¹⁰⁹³ Чегодаева М. «Мастер и Маргарита». Фильм и роман. – <http://www.istina.religare.ru/article227.html>

¹⁰⁹⁴ Письмо к П. С. Попову от 26.06.1934 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914–1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 343.

¹⁰⁹⁵ Письмо к Е. С. Булгаковой от 02.06.1938 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914–1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 467.

¹⁰⁹⁶ Там же, с. 469, 476, 491.

¹⁰⁹⁷ «Sister», – раздражавшая Булгакова переписчица О. С. Бокшанская, сестра Елены Сергеевны.

19.3. Ни Воланд, ни Иешуа, ни Мастер, ни Маргарита не вызывают восхищения Булгакова

Во-первых, не Булгакова, а всего лишь диакона Кураева. Во-вторых, восхищаться своим героем может разве что автор документального произведения. Булгаков же говорил, что **«героев своих надо любить»**. Вряд ли, например, Лев Толстой восхищался Анной Карениной, но любил, несомненно.

19.4. Ну, а вдумчивый читатель романа, не принадлежащий к литературным шариковым – что же он-то должен был бы вынести из романа?

Вот он звездный час бывшего адепта марксистско-ленинской философии, вынесшего из нее все самое худшее, – новоявленный вдумчивый христианский шариков готовится забить нам последние гвозди в темечко с возгласом: **«Абырвалг!»**

19.5. Поняв реальность и мощь черного властелина, свое бессилие перед ним, а также пошлость атеизма – куда он должен был бы обратиться?

В этих словах заключена вся квинтэссенция проповедей Кураева: своих слушателей он загоняет к Богу, пугая самим же собою придуманным дьяволом. Его личная религия только страхом и обосновывается, и немислима без этого страшного создания большого человеческого воображения, как овчарка загоняющего людей в расставленные религиозные тенета. Как пишет сам диакон в своей автобиографии: **«<...> сначала я признал существование сатаны, ну а затем последовал логический вывод<...>»**¹⁰⁹⁸ Именно так, в страхе, зарождались первобытные религии. Основывать религию на животном страхе перед **«черным властелином»** в наше время, это атавизм, которым так и веет от религиозных представлений Кураева.

Насколько же мудрее и человечнее учение Льва Толстого, открывшего свое сердце Богу, но отринувшего мерзкого христианского дьявола. По Толстому не мифический Дьявол искушает человека, а он сам искушает себя¹⁰⁹⁹: **«Дьяволом называется голос плоти, говорящий в том же Иисусе»**.

19.6. Туда, где крестное знаменье не атавизм, пробужденный внезапным испугом, а норма жизни, веры, любви и надежды. К Церкви. Воля Булгакова туда шла. Навстречу же Церковь простирала свою молитву.

Диакон способен вышибить слезу и из камня. Однако, как мы уже показали, сознательная воля Булгакова всегда шла в обратную сторону от Церкви и ее распростертых молитв (см. разделы **3-4**). Напомню уже цитированные мною (см. **тезис 17.13**) слова Булгакова¹¹⁰⁰: **«Я не то что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!..»** Так чем же, перефразируя Кураева, шел писатель навстречу Церкви, если душу свою был готов продать Сатане? Неужели только грешной плотью? Но даже ее он ей не отписал, а, наоборот, завещал похоронить себя без церковных обрядов. Так чему же навстречу простирает сегодня с таким пылом Церковь свои цепкие объятия? – Похоже только использованию творческого наследия Булгакова в своих корыстных целях.

19.7. Но Пастернак дерзнул обойтись без сложной системы булгаковских зеркал и маскировок. Пастернак прямо сказал о Том, Кого Воланд пытался подменить своим мастерски изготовленным Иешуа: **«Они хоронят Бога»**.

¹⁰⁹⁸ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹⁰⁹⁹ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich

¹¹⁰⁰ Дневник Елены Булгаковой, запись от 29.11.1938 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с.

Напрасно Кураев приписывает Булгакову «сложную систему <...> зеркал и маскировок». Булгаков совершенно прямо, не маскируясь, высказал альтернативную точку зрения, что евангельский Христос не был богом и что учение его искажено христианской церковью. Повторюсь, что в этом Булгаков следовал глубоко уважаемому им Льву Толстому. Что касается Пастернака, то последний имел полное право на собственное видение проблемы, но к роману «Мастер и Маргарита» это никакого отношения не имеет. Одни писатели религиозны, другие нет, и никаких глубоких выводов из этого не следует.

19.8. Так что не надо позорить русскую литературу и отождествлять позицию Булгакова и позицию Воланда.

Намного больше русскую литературу позорит отождествление мракобесия диакона Кураева и свободных взглядов Булгакова.

19.9. Если считать, что через Воланда Булгаков выразил именно свои мысли о Христе и Евангелии, то вывод придется сделать слишком страшный. Если уж великий русский писатель сделал сатану положительным и творческим образом в своем романе – значит, Русская Литература кончилась.

Русская Литература православием не исчерпывается и не с него начинается, что показывает хотя бы пример Льва Толстого, с которого и взял пример бесконечно уважающий его Булгаков.

19.10. Осталась журналистика, у которой можно учиться разве что владению языком.

К этой фразе диакон дает примечание, в котором жалуется на рецензию «Московских новостей» по поводу его «труда»:

«<...> о книге, смысл которой – защитить роман Булгакова от обвинения в сатанизме, написать рецензию как о книге, обвиняющей булгаковский роман в сатанизме, это высший пилотаж бессовестно-черного пиара».

Что можно ответить на это тяготеющему к журналистике диакону? Нужно лечить не болезнь, а причину. В защите от мракобесов нуждаются не отдельные произведения высокой или массовой культуры, а все общество в целом. И для общества мало пользы в защите чего-либо от одних мракобесов с помощью других, «тоже очень хороших» мракобесов.

В 20-м веке фашиствующие доброхоты так «защитили Ницше» от обвинений¹¹⁰¹, что в результате его доброе имя еще не скоро очистится от налипшей грязи извращения его идей. А ведь именно о Ницше Антуан де Сент-Экзюпери написал проникновенные строки¹¹⁰²: «Я увожу с собой Ницше¹¹⁰³. Безгранично люблю этого человека. И это одиночество. Я растянусь на песке в Кап-Джуби и буду читать Ницше. Я обожаю некоторые его строчки: «Мое сердце, в котором стораец лето, мое короткое, знойное, грустное и блаженное лето...».

Об этом же он напишет и в автобиографическом «Южном почтовом»¹¹⁰⁴:

«Мой мотор ревет, как бурный поток. И этот бурный поток заливал меня и изматывает.

Как часто я видел тебя, Бернис, погруженным в свою непостижимую мечту. Я не умею это выразить. Мне приходит на память твоя любимая строчка из Ницше: «Мое знойное, короткое, печальное и блаженное лето».

¹¹⁰¹ «Ницше. Это был большой поэт. Однако ему весьма не повезло с поклонниками» [Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. – М.: Текст, 1994, с. 444].

¹¹⁰² Антуан де Сент-Экзюпери. Письма к Ренэ де Соссин // Планета людей. – Кишинев: «Карта молдовеняскэ», 1974, с. 477.

¹¹⁰³ Экзюпери имеет в виду произведение Ницше «Так говорил Заратустра»: «Мое сердце, где горит мое лето, короткое, знойное, грустное и чрезмерно блаженное: как жаждет мое лето-сердце твоей прохлады!» [Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. – Харьков: Фолио, 1999, с. 79].

¹¹⁰⁴ Антуан де Сент-Экзюпери. Южный почтовый // Планета людей. – Кишинев: «Карта молдовеняскэ», 1974, с.85.

От поисков устали глаза. Ничего, кроме танцующих черных точек. Я уже сам не знаю, куда лечу».

Так называемая «защита» Кураевым романа Булгакова недопустимо искажает авторский замысел, убивает живое слово и выхолащивает философский смысл романа. С полным правом Булгаков мог бы сказать: «Спаси меня бог от таких друзей, а уж с врагами я и сам как-нибудь разберусь».

Резюме 19. Не только сам Булгаков, но и его герои заслужили памятник. Они неотделимы друг от друга и связаны как пуповиной искренней любовью автора к своим персонажам. Если памятник заслужил автор, то и его любимые герои тоже. Они заслужили его народной любовью, так же как и персонажи романа 12 стульев¹¹⁰⁵.

¹¹⁰⁵ На Южном вокзале в Харькове стоит замечательный памятник бегущему за кипятком отцу Федору, почтившему Харьков своим присутствием в погоне за сокровищем мадам Петуховой. Наличие в Харькове этого и других памятников героям романа не следует трактовать как восхищение и стремление харьковчан брать с них жизненный пример, а только как их искреннюю любовь к роману и его героям.

20. Кураев. ЗА ЧТО КАНТУ ГРОЗИЛИ СОЛОВКИ?

– А что делать? Жить-то надо, – сказал Колян. – Скажи, Володин, а ты в конце света веришь?

– Это вещь строго индивидуальная, – сказал Володин. – Вот шмальнет в тебя чечен какой-нибудь, и будет тебе конец света.

– Еще кто в кого шмальнет, – сказал Колян. – А как ты полагаешь, правда, что всем православным амнистия будет?

– Когда?

– На страшном суде, – сказал Колян тихо и быстро.

– Ты чего, во все это фуфло веришь? – недоверчиво спросил Шурик.

– Не знаю даже, верю или нет, – сказал Колян. – Я раз с мокрухи шел, на душе тоска, сомнения всякие – короче, душевная слабость. А там ларек с иконками, книжечки всякие. Ну я одну и купил, «Загробная жизнь» называется. Почитал, что после смерти бывает. В натуре, все знакомое. Сразу узнал. Кэпээ, суд, амнистия, срок, статья. Помереть – это как из тюрьмы на зону. Отправляют душу на такую небесную пересылку, мытарства называется. Все как положено, два конвойных, все дела, снизу карцер, сверху ништяк. А на этой пересылке тебе дела шьют – и твои, и чужие, а ты отмазываться должен по каждой статье. Главное кодекс знать. Но если кум захочет, он тебя все равно в карцер засадит. Потому что у него кодекс такой, по которому ты прямо с рождения по половине статей проходишь. Там, например, такая статья есть – за базар ответишь. И не когда базарил, где не надо, а вообще, за любое слово, которое в жизни сказал. Понял? Как на цырлах не ходи, а посадить тебя всегда есть за что. Была б душа, а мытарства найдутся. Но кум тебе срок скостить может, особенно если последним говном себя назовешь. Он это любит. А еще любит, чтоб боялись его. Боялись и говном себя чувствовали. А у него – сияние габаритное, крылья веером, охрана – все дела. Сверху так посмотрит – ну что, говно? Все понял? Я почитал, и вспоминаю – давно, еще когда я на штангиста учился, и перестройка была, что-то похожее в «Огоньке» печатали. И вспомнил, а как вспомнил, так вспотел даже. Человек, значит, при Сталине жил, как теперь после смерти!

– Не въехал, – сказал Шурик.

– Смотри, при Сталине после смерти атеизм был, а теперь опять религия. А по ней после смерти все как при Сталине. Ты прикинь, как тогда было. Все знают, что по ночам в Кремле окошко горит, а за ним – Он. И он тебя любит как родного, а ты его и боишься до усеру, и тоже как бы любить должен всем сердцем. Как в религии. Я про Сталина почему вспомнил – стал думать, как так можно – бояться до усеру и одновременно любить всем сердцем.

– А если ты не боишься? – спросил Шурик.

– Значит, страха Божия не имеешь. А за это – карцер.

– Какой карцер?

– Там про это немного написано. Главное, тьма там и скрежет зубовный. Я как прочел, полчаса потом думал, какие у души зубы. Чуть крыша не съехала. Потом дальше стал читать. Так понял, что если говном вовремя назовешься, даже не назовешься, а в натуре поймешь, что всегда говном был полным, тебе амнистия выйдет – в рай пустят, к нему. Главный кайф у них, как я понял, на кума все время смотреть, как он на трибуне парад принимает. И ничего им больше не надо, потому что там или это, или зубами у параши скрипеть, и все. И главное, сука, главное в этом деле то, что другого и быть ничего не может – или на верхние нары, или в карцер. Короче, всю систему просек. Только не въехал, кто так придумал круто?

В. Пелевин¹¹⁰⁶

«<...> в своей трансцендентности Он не может быть предметом ни опыта, ни мысли, ни эксперимента»;

«<...> поэтому Православие, в частности, не слишком надеется на поиск и применение доказательств бытия Бога».

Из философии Кураевых¹¹⁰⁷

«С того момента, как религия начинает искать помощи у философии, ее гибель становится неотвратимой».

Генрих Гейне¹¹⁰⁸

Напомню тривиальный факт: на сегодняшний день бытие Бога не доказуемо ни в сфере логики, ни в сфере физики. Все подобные доказательства могут быть приемлемы только для внутрицерковного рассмотрения, так как они не являются доказательствами в строгом смысле этого слова, и всего лишь поясняют смысл и символ веры. Именно по этой причине Кураев и «начинает с общеизвестной посылки» свое приписываемое Канту «нравственное доказательство бытия Бога». Естественно, что продолжает и заканчивает его он столь же общеизвестными послылками, ярко отличающимися подобные бездоказательные утверждения от действительно строгих доказательств.

Величайшим нравственным опровержением всех подобных «доказательств» являются принятые во всех развитых странах законы, гарантирующие свободу граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой¹¹⁰⁹.

20.1. Свое знаменитое «нравственное доказательство бытия Бога» Кант начинает с общеизвестной посылки: ничто не происходит в мире без причины.

Свое «знаменитое нравственное доказательство бытия Бога» Кант, в отличие от Кураева, ничем не начинает и ничем не заканчивает, по причине полного отсутствия у него «нравственного доказательства бытия Бога». Цитируемые же диаконом отрывки из Канта являются не началом и даже не частью этого мифического доказательства, а взяты им из следующих работ Канта:

- «Критика чистого разума», 1781 (разделы «Разрешение космологических идей о целокупности выведения событий в мире из их причин» и «Объяснение космологической идеи свободы в связи со всеобщей естественной необходимостью»);
- «Критика практического разума», 1788 (раздел «Бытие Божье как постулат чистого практического разума»);
- «Критика способности суждения», 1790 (параграф «О моральном доказательстве бытия Бога»);
- «Религия в пределах только разума», 1793 (раздел «О происхождении зла в человеческой природе»).

Из каждой указанной работы Кураев выбирает только отдельные фразы, следовательно, нужного Кураеву доказательства у Канта нет, и диакон пытается сам скомпилировать его из мыслей Канта, рассеянных по различным работам. То есть по существу проделывает все ту же привычную для него уже процедуру по превращению чужих книг в «предмет для христианских проповедей», которую он ранее проделал с книгами Роулинг и Булгакова.

Из всех упоминаемых Кураевым работ Канта на роль нравственного доказательства могут претендовать только разделы «Бытие Божье как постулат чистого практического разума» «Критики практического разума» и «О моральном доказательстве бытия Бога» «Критики способности суждения».

¹¹⁰⁷ Кураев А. В., Кураев В. И. Религиозная вера и рациональность. Гносеологический аспект // Исторические типы рациональности. Т. 1. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1995, с. 81, 92.

¹¹⁰⁸ Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. К истории религии и философии в Германии. – Л.: Гослитиздат, 1958, с.80.

¹¹⁰⁹ «Свобода вероисповедания признается конституциями даже тех стран, где существует институт государственной (официальной) религии» [Свобода вероисповедания // Большой юридический словарь / Под ред. Сухарева А. Я., Крутских В. Е. – М.: «Инфра-М», 2002].

Начнем с «Критики практического разума». Напомню, что постулатом называется «положение или принцип, не отличающийся самоочевидностью, но принимаемый за истину без доказательств и служащий основой для построения какой-нибудь научной теории, допущение»¹¹¹⁰. То есть даже из названия раздела видно, что бытие божие в нем не доказывается, а принимается как исходное положение. Естественно из всего раздела Кураев цитирует только фразу: «<...> морально необходимо признать бытие Бога», скромно пропуская следующее предложение, в котором говорится, что: «<...> эта моральная необходимость **субъективна** (т.е. является потребностью), а не **объективна** (т.е. сама не является долгом) <...> признание его бытия <...> необходимо для теоретического разума, для которого оно, рассматриваемое как основание объяснения, может быть названо **гипотезой**, а по отношению <...> к потребности в сфере практического – **верой**, и притом **верой**, основанной на чистом **разуме**, так как **только чистый разум** (и в своем теоретическом, и в практическом применении) **есть ее источник**»¹¹¹¹.

В «Критике способности суждения» речь так же идет не о доказательстве бытия бога, а только о «моральном доказательстве» или, как его более точно именуется далее сам Кант, «моральном аргументе», утверждающем практическую разумность веры в бога, для обоснования абсолютной морали и абсолютной конечной цели человеческого бытия. Кант указывает, что этому «моральному доказательству» практической субъективной разумности веры в бога «легко придать форму логической точности»¹¹¹², и четко отграничивает его от доказательства объективного бытия Бога, подчеркивая, что: «Этот моральный аргумент **не должен служить объективно значимым доказательством бытия Божия**, стремлением доказать сомневающемуся, что Бог есть; цель этого аргумента показать, что желающий **мыслить морально должен включить признание этого положения** в число максим своего практического разума»¹¹¹³. Забавно, что именно эту фразу Канта и цитирует Кураев из всей «Критики способности суждения», не считая еще трех слов, – «каузальность через свободу».

Область применимости своего «морального аргумента» Кант всесторонне анализирует в последующих трех параграфах и устанавливает для него следующие ограничения¹¹¹⁴:

«<...> действительность высшего творца, создателя моральных законов, в достаточной степени установлена только для **практического применения** нашего разума и теоретически **ничего не определяет в отношении его существования**»;

«От всякого доказательства <...> прежде всего требуется, чтобы оно **не уговаривало, а убеждало** или, по крайней мере, воздействовало на убеждение; другими словами, чтобы аргумент – или заключение – был не только субъективным (эстетическим) определяющим основанием одобрения (**только видимостью**), а объективно значимым и служил логическим основанием познания; ибо **в противном случае рассудок будет оболещен, но не убежден**»;

«<...> **долг философа** <...> отделить то, что относится только к уговорам, от того, что ведет к убеждению <...>, чтобы открыто показать в этом доказательстве состояние души во всей ее чистоте и с полным чистосердечием **подвергнуть доказательство самой строгой проверке**»;

«<...> я утверждаю, что **все доводы, действующие на теоретическое убеждение, вообще не могут способствовать убежденности такого рода** от высшей до низшей ее ступени, если надлежит доказать положение о существовании первосущности как Бога в значении, соответствующем всему содержанию этого понятия, а именно как **морального** творца мира, следовательно, таким образом, что посредством него указывается также и конечная цель творения».

Закljučая обсуждение своего «морального аргумента» Кант пишет: «Вывод из всего этого таков; для существования первосущности как божества, или души как бессмертного духа **человеческий разум неспособен предложить никакого теоретического доказательства**, содержащего хотя бы малейшую степень убедительности, и по вполне понятной причине: у нас нет материала для определения идей сверхчувственного, мы вынуждены брать его в вещах чувственного мира, что совершенно не соответствует названному объекту; между тем без определения этих идей у нас остается лишь понятие о **нечувственном нечто**, в котором

¹¹¹⁰ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996, ст. 644.

¹¹¹¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 523.

¹¹¹² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 5. Критика способности суждения. – М.: ЧОРО, 1994, с. 293.

¹¹¹³ Там же, с. 294.

¹¹¹⁴ Там же, с. 299, 305, 306, 307.

заключено последнее основание чувственного мира, а это еще **не составляет познания** (как расширения понятия) о его внутренних свойствах»¹¹¹⁵. Таким образом, совершенно очевидно, что сам Кант не рассматривал свои мысли о моральном обосновании необходимости и полезности веры в бога как некое нравственное доказательство **объективного** бытия бога, а только как **субъективное** обоснование своей моральной позиции. Кант ясно понимал, что в этом вопросе его нравственная позиция находится вне сферы логики и никакой потребности в формировании такого «доказательства» не испытывал.

Оценивая позже указанные исследования, Кант подчеркнул, что его «моральный аргумент» «<...> доказывает бытие Бога, собственно, **не абсолютно** (*simpliciter*), а только в некотором отношении (*secundum quid*), а именно относительно конечной цели, которую имеет и должен иметь моральный человек, стало быть **только в том отношении, что разумно признать такое бытие**»¹¹¹⁶. Сумму своих размышлений о возможности доказательства объективного бытия бога Кант формулирует следующим образом¹¹¹⁷: **«Понятие Бога и сама уверенность в его бытии могут существовать исключительно лишь в разуме, исходить только от него <...> этому понятию не может быть адекватен никакой опыт или созерцание, следовательно, он никогда не сможет однозначно доказать бытие подобного существа. Таким образом, никто не может быть убежден в его существовании, в первую очередь, с помощью какого-либо созерцания».**

Таким образом, Кураев пытается выдать за «нравственное доказательство» бытия божьего не что иное, как изложение личной нравственной позиции Канта, жить так, будто бы Бог существует, но не более того. Кант доказывает только разумность признания божественного бытия, как единственного на его взгляд способа обоснования принципов человеческой морали и нравственности. Исследование же физической возможности этого бытия его не волнует. Как пишет об этом сам Кант по поводу посвященной ему работы Гарве «Обзор важнейших принципов нравственного учения»¹¹¹⁸: «<...> должен оспорить. **Не исследование бытия Божьего, бессмертие etc. было моей отправной точкой, но антиномии**¹¹¹⁹ **чист[ого] раз[ума]**».

Если бы Кант полагал, что из его нравственного отношения к религии вытекает очередное доказательство бытия божьего, он бы его обязательно строго сформулировал в своей работе «Религия в пределах только разума» (1793), – труде завершающем по времени своего написания представления Канта о религии. Однако и в этом труде искомое нравственное доказательство отсутствует. А раздел, на который ссылается Кураев, называется «О происхождении зла в человеческой природе».

Выводы Канта о недоказуемости бытия бога полностью согласуются со второй теоремой Геделя, утверждающей, что непротиворечивость любой формальной теории не может быть доказана средствами этой же теории. Доказательство же ее непротиворечивости средствами другой, более мощной формальной теории, порождает вопрос о непротиворечивости этой второй теории, и так – до бесконечности. Именно так и обстоит дело с доказательством как бытия, так и небытия божия.

Соглашаясь с Кантом, что бытие бога разумно признать для обоснования принципов морали и нравственности, заметим, что истинно абсолютная мораль, в соответствии с Геделем, не может быть строго обоснована и при наличии бога. Она только может считаться абсолютной в соответствии с волей Его, поскольку Он **«Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода]»** [Исх. 20:5], и нет по определению Его более мощной формальной теории, чтобы проверить истинность установленной Им морали. Поэтому правильно будет согласиться с Кантом только в том, что признание бытия бога играет существенную роль на этапе начального зарождения и становления морали. Ибо как еще можно

¹¹¹⁵ Там же, с. 310.

¹¹¹⁶ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 7. Приложение о вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 г.: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? – М.: ЧОРО, 1994, с. 434.

¹¹¹⁷ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. Что значит ориентироваться в мышлении. – М.: ЧОРО, 1994, с. 100.

¹¹¹⁸ Письмо Канта к Гарве от 21.09.1798 [Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. Письма. – М.: ЧОРО, 1994, с. 58].

¹¹¹⁹ «Антиномия (*греч.*), противоречие между двумя противоположными положениями, одинаково строго доказуемыми. У Канта неизбежные противоречия, в которые впадает разум при своем стремлении познать первопричину мира: 1) конечность и бесконечность пространства и времени; 2) неделимые атомы – начало всех вещей и делимость материи до бесконечности; 3) свобода воли и необходимость; 4) существование абсолюта, первой причины всего мироздания, и невозможность мыслить что-либо вне причинной связи и зависимости». – [Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона](#).

доказать, что нельзя есть ближнего своего? Ведь его мясо такое вкусное... И здесь абсолютизировать моральные запреты можно только с помощью религии и бога, так как автократические лидеры общества (вожди, короли и т.п.) не могут обеспечить устойчивость общественных воззрений, – изменился лидер, изменилась установленная им мораль.

Но когда мораль уже дала всходы, она, как и всякая система воззрений, начинает собственное, независимое от ее создателей существование. Ибо принятые постулаты неявно порождают пусть и неочевидные для начала следствия, и когда эти следствия, по мере развития морали, включаются в число явно провозглашаемых постулатов, мораль поднимается на новый уровень и т.д. Думается, что процесс этот конечен и в зависимости от принятых исходных постулатов система моральных воззрений сходится к той или иной нравственной точке, в которой имеет достаточно устойчивую форму, не зависящую от веры в бога.

В условиях современного развитого демократического общества, мораль уже может сохраняться и без религии, – ее сохраняет и диктует само общество, так как нормы общественной морали надежно закреплены в Конституции и законодательной базе, и настолько прорастают во все сферы жизни и культуру общества, что люди следуют им уже независимо от своих религиозных или атеистических воззрений. Фундамент общественной морали образуют аксиомы, которые так въелись в плоть и кровь людей, что и без религии воспринимаются как нечто подлежащее абсолютному исполнению. При этом осознание человеком относительности этой морали уже не может являться препятствием для абсолютизации им запрета на нарушение ее норм, так как сегодня мораль это сложная система с компенсирующими связями (одно и то же «нехорошее» действие, как правило, противоречит целому набору моральных аксиом и невозможно нарушить все сразу). Разумеется, отдельными людьми эти нормы все же нарушаются, но точно так же они бы нарушили и религиозную мораль, ведь религиозность еще никого никогда не останавливала от преступлений и немыслимого попрания моральных норм, что подтверждается всей кровавой историей человечества.

Важнейшим стабилизирующим фактором современной светской морали является культурное наследие, накопленное человечеством. Человек, читающий Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Бунина, Булгакова, выпитывает общественную мораль независимо от своих религиозных взглядов. Поэтому художественные произведения классиков так же важны для светского общества, как библия для религиозного.

Разумно задаться вопросом, а не может ли произойти обратное «размытие» устоев морали, при существенном ослаблении массовой веры в бога? Теоретически говоря да, а практически вряд ли, так как если такой обратный процесс и начнется, он обязательно будет через некоторое время компенсирован началом прямого процесса усиления веры и нового укрепления морали, так как в массе своей общество не заинтересовано в аморальности и, наоборот, стремится к укреплению своих моральных устоев.

Итоги своих многолетних размышлений (прежде всего «Критики чистого разума» и «Критики практического разума») Кант суммировал в работах последних лет жизни, представляющих собой как бы резюме всех его предшествующих достижений:

«<...> мы сами создаем себе эти объекты – Бога, свободу в практическом отношении и бессмертие – и произвольно приписываем им объективную реальность, так как мы уверены, что нет никакого противоречия в этих идеях, которые, если принять их, оказывают обратное морально направленное действие на субъективные принципы моральности и на ее укрепление, а стало быть, и на поведение. <...>

К убеждению в бытии Бога, в существовании высшего блага и загробной жизни мы нисколько не можем приблизиться теоретически, даже при самом сильном напряжении разума¹¹²⁰, так как у нас нет никакой возможности проникнуть в природу сверхчувственных предметов. Практически же мы сами создаем себе эти предметы, так как полагаем, что идея их способствует конечной цели нашего чистого разума <...>»¹¹²¹;

¹¹²⁰ Как удалось Кураеву повысить напряжение своего разума сверх указанной Кантом меры для нас остается загадкой.

¹¹²¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 7. Приложение о вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 г.: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? – М.: ЧОРО, 1994, с. 426-427.

«<...> я вижу себя вынужденным допустить возможность высшего блага в мире, но **никого другого я не могу вынудить [к этому] при помощи оснований (вера свободна).**

Таким образом, **вера разума никогда не может затрагивать теоретического познания, ибо в нем объективно недостаточное признание есть лишь мнение»**¹¹²².

Как видим, Кант, в отличие от канонического христианства с его тертуллиановским принципом «**Верую ибо нелепо**», формулирует личный, весьма далекий от церковного христианства, символ веры по принципу «**Верую, ибо разумно**». И вот из нравственных убеждений великого философа Кураев лепит нам слащавые христианские куличики, «**нагружая**» мысли автора «**высокими евангельскими смыслами**», о которых последний и «**не подозревал**». Слово «**нагружать**» здесь имеет тот же печальный смысл, что и в советские времена, когда к дефицитному товару обязательно прикладывали в нагрузку лежалый товар, не имеющий покупательского спроса. Но даже советская власть не была так цинична, как Кураев. Свою нагрузку она прилагала отдельно, не смешивая зерно и плевелы. Поэтому, купив «Избранное» того же Булгакова, с приложением в качестве нагрузки какого-нибудь нетленного произведения социалистического реализма, покупатель мог спокойно выбросить ненужное на помойку. Кураев же «**нагружает**» чужие тексты так, что под наваленной им кучей не видно жемчужных зерен авторской мысли.

Кураев настолько самонадеян, что в своих же собственных интервью¹¹²³ не стесняется раскрывать секреты своей кухни и рецепты «**агрессивного миссионерства**» (см. [Введение](#)), по которым он «**заставляет этих философов поддерживать те идеи, которые были им чужды**», и нагружает их тексты «**столь высокими евангельскими смыслами, о которых авторы не подозревали**». По его словам: «**Именно так работает психотерапевт**». Печально, что находятся желающие добровольно развешивать на своих длинных ушах подобную психотерапевтическую лапшу.

Плоды философско-православных усилий диакона по перелицовке оригинального учения Канта мы и рассматриваем в данной главе. Как печально далеки эти психотерапевтические приемы Кураева от высокой нравственной этики самого Канта, учившего, что лгать нельзя ни при каких обстоятельствах, даже ради самой святой цели. Велеречив лукавый диакон, а все что от лукавого не есть хорошо. Поэтому, оставив софистику Кураеву и Левию, выйдем за пределы слишком среднего семинаристского рабского философствования (скорее бы диакона окончательно пронесло философией¹¹²⁴) и посмотрим на систему философских воззрений Канта.

Для самых недоверчивых наших читателей, или, что то же самое, для самых доверчивых поклонников кураевского красноречия, мы попросим великого философа лично ответить на несколько самых животрепещущих вопросов, обратившись к заново выверенному, уточненному и дополненному юбилейному изданию собрания его сочинений.

1. Господин Кант, можно ли не верить в Бога?

«<...> если вы говорите, что *Бога нет*, то не дано ни всемогущества, ни какого-нибудь другого из его предикатов, так как все они отвергаются вместе с субъектом, и **в этой мысли нет ни малейшего противоречия**»¹¹²⁵.

2. Возможна ли рациональная теология?

«<...> человек столь же мало может обогатиться знаниями с помощью одних лишь идей, как мало обогатился бы купец, который, желая улучшить свое имущественное положение, приписал бы несколько нулей к своей кассовой наличности»¹¹²⁶.

«<...>я утверждаю, что **все попытки чисто спекулятивного применения разума в теологии совершенно бесплодны и по своему внутреннему характеру никчемны**, а принципы его применения к природе вовсе не ведут ни к какой теологии; следовательно, если не положить в основу моральные законы или не руководствоваться ими, то вообще не может быть никакой рациональной теологии»¹¹²⁷.

¹¹²² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. Логика. Пособие к лекциям. – М.: ЧОРО, 1994, с. 326.

¹¹²³ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

¹¹²⁴ «<...> в последние годы по капле выдавливаю из себя философа» [Кураев А., диакон. Не-американский миссионер].

¹¹²⁵ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальная диалектика. – М.: ЧОРО, 1994, с. 450.

¹¹²⁶ Там же, с. 455.

¹¹²⁷ Там же, с. 477.

3. Возможно ли познание окружающего мира на теологической основе?

«<...> можем ли мы <...> все же допускать единого, мудрого и всемогущего творца мира? Без сомнения; и не только можем, но и *должны* предполагать такого творца мира»¹¹²⁸.

«<...> морально необходимо признать бытие Бога <...> эта моральная необходимость *субъективна* <...>, а не *объективна* <...> признание его бытия <...> необходимо для теоретического разума, для которого оно, рассматриваемое как основание объяснения, может быть названо *гипотезой*, а по отношению <...> к потребности в сфере практического – *верой*, и притом *верой*, основанной на чистом *разуме*, так как **только чистый разум** (и в своем теоретическом, и в практическом применении) **есть ее источник**»¹¹²⁹.

«Но вправе ли я рассматривать имеющие целесообразный вид устройства как замысел, выводя их из божественной воли, хотя и с помощью особых задатков, заложенных для этого в мире? Да, **вы можете делать это, однако так, чтобы для вас было все равно, утверждают ли, что божественная мудрость все так устроила для своих высших целей или же что идея высшей мудрости есть регулятивный принцип в исследовании природы и принцип систематического и целесообразного единства ее согласно общим законам природы** даже там, где мы не замечаем этого единства; иными словами, там, где вы это единство воспринимаете, для вас должно быть совершенно все равно, утверждают ли, что Бог так мудро пожелал этого или что природа так мудро устроила это»¹¹³⁰.

«Порядок и целесообразность в природе должны <...> быть объяснены из естественных оснований и по законам природы, и здесь **даже самые дикие гипотезы, если только они физические, более терпимы, чем сверхфизические, т. е. чем ссылка на божественного творца, предполагаемого для этой цели**»¹¹³¹.

«<...> из такого представления о положенной в основу идее высшего творца ясно, что я **полагаю в основу не существование такого творца и знание о нем, а только идею его** и, собственно, делаю выводы не из этой сущности, а только из ее идеи, т. е. из природы вещей в мире согласно такой идее»¹¹³².

4. Что Вы думаете о существовании человеческой души?

«Понятия разума <...> суть только идеи, <...> вовсе не следует, что они обозначают предметы вымышленные и вместе с тем признаваемые возможными. Они мыслятся только проблематически <...>. Вне этого своего применения они суть пустые порождения мысли, возможность которых недоказуема и которые поэтому не могут быть положены в основу объяснения действительных явлений посредством гипотез. *Мыслить* душу как простую, конечно позволительно <...>. Но **допускать, что душа есть простая субстанция (трансцендентное понятие), это значило бы отважиться высказать положение, которое было бы не только недоказуемым <...>, но и совершенно произвольным и принятым наугад <...>**. Разум не имеет никаких оснований допускать в качестве мнения [существование] чисто интеллигибельных¹¹³³ существ или чисто интеллигибельных свойств вещей чувственно воспринимаемого мира, хотя он не может также на основании какого-то якобы более глубокого понимания догматически отрицать их (так как у нас нет никаких понятий ни об их возможности, ни об их невозможности)»¹¹³⁴.

¹¹²⁸ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Приложение к трансцендентальной диалектике. – М.: ЧОРО, 1994, с. 517.

¹¹²⁹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 523.

¹¹³⁰ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Приложение к трансцендентальной диалектике. – М.: ЧОРО, 1994, с. 518.

¹¹³¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 566.

¹¹³² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Приложение к трансцендентальной диалектике. – М.: ЧОРО, 1994, с. 519.

¹¹³³ Intelligibilia – дословно «доступное пониманию», «умопостижимое» (лат.). В позднейшей трансцендентальной философии Канта, начиная с «Критики чистого разума» (1781 г.), этот термин используется в значении «не постижимое разумом, а только мыслимое» [Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Примечания. – М.: ЧОРО, 1994, с. 707].

¹¹³⁴ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 565.

5. Возможно ли бессмертие человеческой души?

«<...> это бессмертие как неразрывно связанное с моральным законом есть *постулат* чистого практического разума (под ним я понимаю *теоретическое*, но как таковое, недоказуемое положение <...>»¹¹³⁵.

6. Зачем человечеству нужна вера в Бога?

«<...> предположение относительно мудрого творца мира есть условие для случайной, правда, но все же весьма важной цели, а именно для стремления чем-то руководствоваться в исследовании природы»¹¹³⁶.

«<...> никто не будет в состоянии хвастаться *знанием* того, что Бог и иная жизнь существуют; а если кто обладает этим знанием, то это тот человек, которого я давно искал: всякое знание (если оно касается предмета одного лишь разума) может быть сообщено другим, и, следовательно, я мог бы надеяться видеть свое знание обогащенным в столь удивительной степени благодаря поучениям этого человека. Но в действительности это убеждение есть не логическая, а *моральная достоверность*, и так как оно опирается на субъективные основания (моральных убеждений), то я не могу даже сказать: *морально достоверно*, что Бог существует и т.д., а могу лишь говорить: я *морально уверен* и т.д. Иными словами, вера в Бога и в иной мир так сплетена с моими моральными убеждениями, что, так же как я не подвергаюсь опасности утратить эти убеждения, точно так же я не беспокоюсь, что эта вера может быть отнята у меня.

Единственный сомнительный пункт, встречающийся здесь, состоит в том, что эта вера разума основывается на допущении моральных убеждений»¹¹³⁷.

7. Как Вы относитесь к так называемым религиозным чудесам?

«<...> разумный представитель духовенства поостережется <...> забивать головы доверенных его духовному попечению людей историями из *Адского Протея*¹¹³⁸ и приводить их воображение в дикое состояние. Что же касается чудес благих, то в деловых отношениях люди обычно пользуются ими как фразами. Так, врач говорит, что если не случится чуда, то больному ничто не поможет, т. е. он непременно умрет.

<...> утверждение, что способность человека по-настоящему *твердо* теоретически веровать в чудеса позволяет ему даже и совершать их, докучая таким образом небу, – выходит слишком далеко за границы разума, чтобы стоило долго останавливаться на таких бессмысленных фантазиях»¹¹³⁹.

8. Что Вы думаете о христианском церковном служении и его целесообразности?

«<...> служение, где откровенная вера должна предшествовать религии, есть *лжеслужение*, в котором моральный порядок совершенно извращается и то, что является лишь средством, заповедуется безусловно (словно некая цель). Вера в положения, в которых человек неученый не может удостовериться ни с помощью разума, ни посредством Писания (поскольку оно само сначала должно быть обосновано документами), становится абсолютным долгом (*fides imperata*) и вместе с другими связанными с ней предписаниями возвышается до ранга лишенной, впрочем, моральных основ определения действий как бы рабской, душеспасительной веры»;

«<...> все, что человек сверх доброго образа жизни предполагает возможным сделать, чтобы стать угодным Богу, есть лишь *религиозное заблуждение и лжеслужение Богу*»;

«Заблуждение, будто путем отправления религиозного обряда можно добиться чего-либо в делах своего оправдания пред Богом, – это религиозное *суеверие*, подобное иному заблуждению, будто можно добиться оправдания через общение с Богом, что есть религиозное *самообольщение*»;

«Между тунгусским шаманом и европейскими прелатами, <...> или <...> между совершенно чувственным *вогулом*¹¹⁴⁰, который лапу медвежьей шкуры утром кладет себе на голову с короткой молитвой: «Не убей меня до смерти!» – и утонченными *пуританами* и

¹¹³⁵ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 520.

¹¹³⁶ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 602.

¹¹³⁷ Там же, с. 604.

¹¹³⁸ Известная в средневековье книга «Адский Протей, или мастер на все руки, притворщик (вместе с предварительным доказательством достоверности того, что действительно бывают призраки), изображенный Эразмом Французским», Нюрнберг, 1708.

¹¹³⁹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 93.

¹¹⁴⁰ Одно из наименований сибирского народа манси.

индепендентами в Коннектикуте есть, правда, значительное различие в манере верить, но отнюдь не в принципе. <...> все они <...> свое служение Богу полагают в том, что само по себе не делает никого из них лучшим <...>»;

«Поповство <...> является институтом церкви, поскольку в ней господствует служение фетишу, всегда встречающееся там, где основу и существо служения Богу образуют не принципы нравственности, а статутарные заповеди, правила веры и обряды. <...>

Церковное устройство (иерархия) может быть монархическим, аристократическим или демократическим – это касается только организации. Но ее основообразующий принцип во всех этих формах **всегда остается деспотическим**»;

«<...> церковь в конечном счете господствует и в государстве, <...> воздействуя на души, да еще и выставляя ту пользу, которую государство может извлечь из безусловного повиновения – ведь к последнему духовная дисциплина приучает даже мышление народа. В результате привычка к лицемерию незаметно подрывает честность и верность подданных, приучает их только к внешнему служению даже при исполнении гражданских обязанностей <...>»;

«Если почитание Бога есть то основное, чему, следовательно, подчиняют добродетель, то предмет этот является идолом, т. е. представляется таким существом, которое мы можем надеяться умиловить не нравственно добрым поведением в мире, но лишь поклонением и льстивостью. Но тогда религия становится уже идолослужением»;

«Истинное (моральное) служение Богу <...> – это служение невидимое <...>, т. е. служение сердца (в духе и истине; оно может состоять только в образе мыслей, направленном на соблюдение всех действительных обязанностей как божественных заповедей, а не в действиях¹¹⁴¹, предназначенных исключительно для Бога»;

«Использовать посещение церкви как средство снискания благодати <...> – это заблуждение <...>»;

«Поповство <...> можно считать узурпированным господством духовенства над душами <...>»¹¹⁴².

9. Каково Ваше отношение к молитве?

«Набожность никогда не внушает доверия к себе самой, в постоянной боязливости оглядывается на сверхъестественное содействие и даже в этом самопрезрении (которое не есть смирение) думает, будто обладает средством снискать благоволение, **внешним выражением этого состояния** (в пиетизме или ханжестве) **служит рабское состояние духа**»;

«**Молитва**, мыслимая как *внутреннее по всей форме* совершающееся богослужение и поэтому как средство умиловления, **есть заблуждение суеверия** (создание фетиша), ибо она есть лишь *провозглашенное пожелание* по отношению к существу, которое не нуждается ни в каком разъяснении внутреннего убеждения желающего. **Молитвой**, стало быть, **ничего не совершается**, и, следовательно, не исполняется ни одна из обязанностей, которые для нас непременны как заповеди божьи. **Поэтому здесь нет и настоящего служения Богу**»;

«Когда встречаются человека, который громко разговаривает сам с собой, то прежде всего склоняются к подозрению, что у него **легкий припадок сумасшествия** <...>»¹¹⁴³.

10. Как Вы относитесь к учению о Троице?

«<...> Богу угодно быть почитаемым в трояком специфически-различном моральном качестве, <...> (не физических, но моральных) личностей **одного и того же существа** <...>

<...> если эту веру (в божественное триединство) следует рассматривать не только как представление о некоей практической идее, но как должествующую представить то, *что* есть Бог сам по себе, – то она **превосходила бы все человеческие понятия и была бы, <...> недостижимой для познавательной способности человека** <...>»¹¹⁴⁴.

11. Что Вы думаете об историчности Иисуса Христа и евангельских событий?

«<...> если бы историческую веру в действительность подобного, некогда произошедшего в мире явления захотели сделать условием единственно душеспасительной веры, то, разумеется,

¹¹⁴¹ Говоря об «иллюзорных верованиях», Кант различает три их вида: «вера в чудо», «вера в тайны» и «вера в средства снискания благодати» [Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 212].

¹¹⁴² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 177, 184, 188, 190, 195, 196, 201, 210, 218, 220.

¹¹⁴³ Там же, с. 201, 213, 214.

¹¹⁴⁴ Там же, с. 154.

появились бы и два различных принципа (один эмпирический, другой рациональный), относительно которых по вопросу: следует ли исходить и начинать от первого или от второго – **возникло бы настоящее столкновение максим, которого уже не смог бы сгладить никакой разум»**¹¹⁴⁵.

«<...> таинственная <...> история его воскресения и вознесения на небо <...> не может без ущерба для ее исторического достоинства быть использована религией в пределах только разума <...> потому, что, понимаемая буквально, она допускает понятие, <...> сильно тяготящее разум в его вере в будущее <...> разум не может быть заинтересован в том, чтобы тащить за собой в вечность тело, <...> в другой области мира, где предположительно некая другая материя может быть условием существования и сохранения живого существа»¹¹⁴⁶.

«Это учение, <...> может <...> как относящееся только к совершенствующей душу моральной вере, **обойтись и без подобных доказательств своей истинности <...>**»¹¹⁴⁷.

«<...> существовала такая ученая публика, от которой через непрерывный ряд писателей к нам дошла и история тогдашнего времени, поскольку дело касается событий политического характера. К тому же народ этот, хотя его мало занимала религиозная вера неримских подданных, отнюдь не был настроен скептически в отношении чудес, которые должны были публично свершаться среди последних. И тем не менее, **будучи современниками указанных событий, эти писатели ни словом не упомянули ни о чудесах, ни об этой, несомненно, публично происходившей революции, которую римляне (в религиозном отношении) вызвали в среде подвластного им народа. <...>**

С этого момента вплоть до того времени, когда христианство само создало для себя ученую публику, **история его темна <...>**»¹¹⁴⁸.

12. Какова Ваша общая оценка Библии и христианских догматов?

«<...> объединения людей в одной религии невозможно достичь и упрочить без священной книги и основанной на ней церковной веры <...> было бы самым разумным и справедливым пользоваться этой книгой, **раз она уже существует, для церковного употребления и не умалять ее значения бесполезными и дерзновенными нападками, никому вместе с тем не навязывая веры в нее как в нечто необходимое для блаженства»;**

«<...> церковная вера, **наряду со статутарными догматами, без которых она до сих пор не может полностью обойтись, должна вместе с тем заключать в себе принцип – вводить религию доброго образа жизни как настоящую цель, чтобы впоследствии иметь возможность обойтись и без первых»**¹¹⁴⁹.

Нам остается только поблагодарить господина Канта за ясные и исчерпывающие ответы на наши вопросы. Приведенные цитаты недвусмысленно свидетельствуют о том, что Кант критически относился к христианскому учению. Чего стоят одни только его уничижительные слова о Библии: «**раз она уже существует**». Примечательно и его мнение о Ветхом Завете. Как известно, эта часть христианского канона по составу и содержанию практически совпадает¹¹⁵⁰ с иудейским Священным Писанием Танах (Пятикнижие-Тора, Пророки и Писания). Поэтому, говоря о Танахе¹¹⁵¹, Кант фактически пишет именно о Ветхом Завете. И вывод его неутешителен¹¹⁵²: «<...> **много затруднений возникает в связи с подлинностью этой книги <...>**».

Не верил Кант и в историчность евангельского образа Иисуса Христа: многозначительная деталь, говоря о Христе в своих трудах, Кант не называет его явно, а предпочитает использовать термин «учитель», причем пишет его со строчной буквы (как и слово «мастер» у Булгакова). Например: «**Учитель евангельский провозгласил себя посланником неба <...>**», или «**Учитель**

¹¹⁴⁵ Там же, с. 128.

¹¹⁴⁶ Там же, с. 138-139.

¹¹⁴⁷ Там же, с. 139.

¹¹⁴⁸ Там же, с. 140.

¹¹⁴⁹ Там же, с. 143, 189.

¹¹⁵⁰ Библия-центр. Канон Священных книг. Канон Ветхого Завета. – <http://www.bible-center.ru/faq/at>

¹¹⁵¹ Видимо Кант здесь идет по стопам мудрости Авиценны, который, рассматривая различные способы кастрации, писал, что поскольку кастрация людей запрещена Кораном, он не будет ее рассматривать, и рассмотрит только кастрацию животных. Понятно, что различие между людьми и животными в этом вопросе еще меньше, чем отличие Ветхого Завета от Танаха.

¹¹⁵² Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 179.

Евангелия показал своим ученикам царство божье на земле <...>» или «Если мы признаем учителя <...>»¹¹⁵³.

Вышеописанное отношение Канта к религии и Церкви подтверждают и биографы философа. Как известно, в Германии лучшей работой о Канте за последние 100 лет признана книга «Кант» писателя-философа А. В. Гулыги, чьи произведения в жанре «философской биографии» широко известны как у нас в стране, так и за рубежом. В ней мы можем найти мнение Канта о следующих вопросах¹¹⁵⁴:

1. Что думал Кант об истоках происхождения религий?

«Страх породил богов (а боги установили запреты), но потом, говорит Кант, в дело включилась совесть. Именно она является главным регулятором развития религиозных дел. Совесть – значит совместное ведание, знание; образ другого знающего, от которого нельзя спрятаться, вплетается в мое самосознание. Я совершил проступок, никто не может уличить меня в содеянном, и все же я чувствую, что есть свидетель и обвинитель. Совесть – это страх, ушедший внутрь, направленный на самого себя. Самый страшный вид страха. В церковной вере он объективизирован в виде Бога, который устанавливает заповеди и карает за их нарушение, но прощение и милость которого можно снискать. В чистой религии разума сделка с богом (то есть сделка с совестью) невозможна. Остается только не нарушать запреты, следовать категорическому императиву».

2. Как Кант относился к церковной вере?

«На помощь сверхъестественных сил надеяться непозволительно. Нет ни чудес, выходящих за пределы объективных законов опыта, нет божественной тайны, превышающей возможности нашего духа, нет благодати, силой божественного авторитета просветляющей нашу нравственность. Поэтому Кант отвергает молитву как средство общения с Богом <...>, хождение в церковь, носящее характер идолослужения, и другие ритуальные обряды. По своему содержанию «религия ничем не отличается от морали», существуют различные виды веры, но религия едина, как едина мораль. Вера в Бога – это прежде всего надежда на собственную нравственную силу».

3. Как относился Кант к религиозной догматике?

«От церковной догматики он далек. Догмы Кант превращает в гипотезы. «Бог как гипотеза» – это фраза из кантовских черновиков. Там же можно прочесть: «Бог – не существо вне меня, а лишь моя мысль»¹¹⁵⁵.

4. Считал ли Кант нужным посещение церкви?

«В середине 70-х годов Кант (об этом свидетельствуют его письма к Лафатеру) пришел к моральному истолкованию религии. «Вместе с Иовом» он считает теперь «преступлением льстить Богу»¹¹⁵⁶. Склонять колени или падать ниц с целью показать свое благоговение перед небесными силами противно человеческому достоинству, равно как и обращение к их изображениям. В этом случае «вы поклоняетесь не идеалу, который представляет вам ваш собственный разум, а идолу, сотворенному вами самими». Кант перестал ходить в церковь. Его учение противоречило официальной догме».

5. Что думал Кант о возможности бессмертия человеческой души?

«В 1787 году вышло второе издание «Критики чистого разума» <...> философ добавил специальный раздел против теоретических попыток обосновать бессмертие души».

6. Как относился Кант к Библии?

«Кант непочтительно обходился с Библией. Он иронизировал над идеей Страшного суда и другими догматами веры¹¹⁵⁷. <...>».

Кант в духе Вольтера пародирует библейскую легенду о появлении человека на земле, излагая ее в терминах ассенизации. Земной мир, пишет он, сравнивают «с клоакой, куда спускаются нечистоты из других миров <...> чтобы не запачкать небо, пришлось воспользоваться советом одного из ангелов, который показал на Землю и сказал: «Вон отхожее место для всей

¹¹⁵³ Там же, с. 138, 146, 169.

¹¹⁵⁴ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 196, 199, 200, 201, 209-210.

¹¹⁵⁵ Kant I. Gesammelte Schriften. Akademic-Textausgabe. Berlin, 1900-1968. Bd. XVI, s. 145.

¹¹⁵⁶ Kant I. Briefwechsel. Hamburg, 1986, s. 135.

¹¹⁵⁷ Имеется в виду статья Канта «Конец всего сущего».

Вселенной». Он их свел туда по нужде и, оставив там, вознесся на небо. Так появился на Земле человеческий род...» Гнев начальства можно было понять».

Еще раз спасибо господину Канту, а мы возвращаемся разгребать авгиевы конюшни, наваленные Кураевым, чтобы показать, что у диакона нет медиумической власти над великим философом и его идеями.

Итак, Кант полагал религию необходимой для обоснования моральных принципов. Действительно, если нет Бога и загробной жизни (именно загробной жизни и соответственно посмертного воздаяния за грехи!), то с точки зрения чистого разума все позволено, – можно любого убить и отнять у него все, что он имеет. Поэтому, по Канту, религия, существующая в пределах только разума, оказывается не чем иным, как нравственностью.

С одной стороны, Кант прав, – если нет Бога, то нет и абсолютных моральных истин. С другой стороны, – он не учитывает, что человек существо общественное, и, за редким исключением, не может игнорировать впитанную им с детства общественную мораль, даже признавая ее относительность. Максима Канта необходима только для его же собственного строгого, сухого логического ума, и отнюдь не для обуздания его страстей, а именно для логической строгости суждений¹¹⁵⁸. Обычный же человек не является холодным логическим автоматом и с детства ведет себя не логично, естественным образом впитывая общественную мораль, независимо от веры в Бога и загробную жизнь. Чистой логикой руководствуются чаще всего не нормальные люди, а шизофреники. Более того, вера в Бога вовсе не ограничивает человека в стремлении к вседозволенности, что убедительно доказывается всей историей человечества. Вера в Бога прекрасно сочетается и с тиранией, и с фашизмом, и с национализмом, и с терроризмом, и с бандитизмом, и с чем угодно. Давно ли сама христианская церковь перестала развлекать трудящихся регулярным представлением еретиков к сожжению? Как писал Кант¹¹⁵⁹: «<...> история христианства <...>, если окинуть ее, как цельную картину, одним взглядом, вполне могла бы оправдать восклицание: *Tantum religio potuit suadere malorum!*»¹¹⁶⁰

Тем не менее, нельзя не согласиться с Кантом, что религия действительно необходима обществу. Но не для обуздания его дурных стремлений, а, в первую очередь, потому, что многие люди неотъемлемо нуждаются в религии, как в жизненной точке нравственной, моральной и духовной опоры. Если лишить их одной веры, они тут же найдут или изобретут ей взамен другую. Поэтому следует признать, что для них меньше вреда будет от официально признанных исторически сформировавшихся и устоявшихся религий, чем от каких-либо новомодных суррогатов веры типа «Белого братства» или «Кедрозвонов», которые, так же как и употребление суррогатных алкогольных напитков, способны нанести непоправимый вред физическому и психическому здоровью человека.

Что касается тех, кто способен пройти свой жизненный путь без религиозной духовной опоры, то разумное ограждение их от попыток насильственного навязывания им религиозных взглядов зафиксировано во всех развитых демократических странах отделением церкви от государства. Неплохо было бы только еще принять закон об обязательном помещении на всех миссионерских религиозных изданиях надписи: «Минздрав предупреждает, что неумеренная, фанатичная вера способна вызвать необратимые нарушения психического и физического здоровья человека»¹¹⁶¹. Так же было бы очень разумно законодательно установить обязательную психиатрическую экспертизу для всех желающих проповедовать в общественных местах и печатных изданиях любые учения, хоть религиозные, хоть революционные.

¹¹⁵⁸ Я не могу, разумеется, расписываться за Канта, но твердо верю, что он бы отрицательно ответил на следующий вопрос: «Господин Кант, предположим, что Вы получили бы убедительные доказательства отсутствия в мире какого-либо высшего разума или существа, обычно именуемого нами Богом. Неужели же в этом случае вы бы отринули все свои моральные принципы и пустились бы во все тяжкие?»

¹¹⁵⁹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 142.

¹¹⁶⁰ «Вот к злодеяниям каким побуждала религия смертных» (лат.) [Тит Лукреций Кар. О природе вещей. – М.: Худож. лит., 1983, с. 30].

¹¹⁶¹ Как остроумно заметил Элберт Хаббард: «Девушки, религия, слова, искусство и политики хороши, если принимать их умеренно, но плохи в случае передозировки» [Душенко К. В. Бог не ангел: Афоризмы о вере, неверии и суевериях. – 2-е перераб. изд. – М.: Эксмо, 2005, с. 141]. История с зарывшимися в пещере очередными жертвами фанатичного религиозного сознания, свихнувшимися на почве ожидания Судного дня, лучший тому пример [Варсегов Н. Закрывшиеся в пещере считают свое убежище вторым Ноевым ковчегом. – Комсомольская правда, 21.11.2007. – <http://www.kp.ru/daily/24005/82473/>].

20.2. «Если бы мы могли исследовать до конца все явления воли человека, мы не нашли бы ни одного человеческого поступка, который нельзя было бы предсказать с достоверностью и познать как необходимый на основании предшествующих ему условий».

Как нельзя предсказать положение электрона в атоме, так нельзя предсказать и движения души человеческой. Человек способен совершать непредсказуемые поступки, мотивы которых нельзя поверить алгеброй. Понятно, что Кант не знал иного детерминизма, кроме классического лапласовского, так как статистическая физика оформилась только к середине XIX в. Но Кураев то хоть краем уха должен был слышать о вероятностном детерминизме. Если бы он заглянул хотя бы в учебник для студентов гуманитарных специальностей вузов, то прочел бы следующее¹¹⁶²:

«<...> квантовая механика показала, что существование неопределенности коренится в самом фундаменте материи – в мире ее мельчайших частиц, **поведение которых можно предсказать лишь с той или иной степенью вероятности**»;

«Лапласовский детерминизм основывается на представлении, согласно которому весь окружающий нас мир – это огромная механическая система, начальное состояние которой является точно заданным, и в которой не делается никакого различия между движениями «величайших тел Вселенной и легчайших атомов».

<...> Вселенная уподобляется гигантскому механизму, все будущие состояния которого строго детерминированы или предопределены его начальным состоянием.

Главный недостаток лапласовского, как и любого другого механистического детерминизма, состоит, прежде всего, в том, что он представляет мир, Вселенную как систему, полностью детерминированную исключительно законами механики. В таком мире не было бы ничего неопределенного и случайного. В связи с этим сама случайность по существу исключается из природы и общества.

<...> Ошибочность таких взглядов – в непонимании диалектической взаимосвязи между случайным и необходимым, когда они рассматриваются обособленно друг от друга и противопоставляются друг другу. В действительности же необходимость возникает как результат взаимодействия многих случайностей, о чем свидетельствуют статистические законы. В свою очередь случайности выступают в форме проявления и дополнения необходимости, поскольку универсальные или строго детерминистские законы в чистом виде не существуют. При их установлении мы отвлекаемся от некоторых второстепенных факторов, которые рассматриваются при этом как случайные, ибо не оказывают существенного влияния на ход процессов».

Человек не запрограммированный раз и навсегда компьютер. Он осознает себя как личность и способен не только количественно просчитывать и оценивать варианты своих действий, но и чувствовать, то есть оценивать их эмоционально. Когда он мыслит и принимает решения, на его выбор влияет множество различных эмоций. И человек способен управлять выбором своих действий, напрягая свое эмоциональное поле и направляя свои эмоциональные устремления в нужное русло для преодоления негативных тенденций, обусловленных внешними причинами; и в этом смысле он свободен. Хотя возможности управлять собой у разных людей разные, одним эта свобода, а вернее самодисциплина дается легче, другим, – труднее.

20.3. Или: «Возьми какой-нибудь произвольный поступок, например, злостную ложь, посредством которой какой-нибудь человек внес известное замешательство в общество; сначала мы исследуем ее мотивы, затем разберем, насколько она может быть вменена человеку вместе с её последствиями. Для решения первой задачи мы прослеживаем его эмпирический характер вплоть до источников, которые мы ищем в дурном воспитании, плохом обществе, отчасти даже в злобности его природы, нечувствительной ко стыду, и отчасти в легкомысленности и опрометчивости, не упуская, впрочем, из виду также и случайных побудительных причин. Во всем этом исследовании мы действуем точно так же, как и при изучении того или иного ряда причин, определяющих данное явление природы».

¹¹⁶² Рузавин Г. И. Концепции современного естествознания. – М.: ЮНИТИ, 2005, с. 94, 99.

В таком исследовании нет предсказания, нет прогноза, есть только объяснение уже происшедшего, что весьма обесценивает и сам результат анализа, ибо, как хорошо известно, многое на свете можно истолковать и объяснить взаимоисключающими гипотезами. Поэтому в моделировании ценно только то, что дает возможность не только объяснить, но и предвидеть будущее состояние анализируемой системы.

20.4. Принцип детерминизма (то есть причинно-следственных отношений) – это самый общий закон мироздания; ему подчиняется и человек, но в том-то и дело, что – не всегда. Бывают случаи, когда человек действует свободно, ничем автоматически не понуждаемый. Речь не идет о нашей полной независимости. Вопрос в том, всё ли определяется этими зависимостями, исчерпывается ли человек этими зависимостями – или хотя бы на одну сотую и он убегает от них. Как часто он пользуется своей свободой – это уже другой вопрос. Мы по шею стоим в зависимости от нынешнего мира – это есть. Но есть и свобода.

Как мы уже отмечали, в современной физике вместо принципа классического лапласовского детерминизма введен принцип вероятностного детерминизма. В классическом детерминизме все события предопределены, то есть по известному состоянию системы в данный момент времени в принципе можно определить состояние системы в любой другой момент времени. В вероятностном же детерминизме по заданному распределению вероятностей состояний системы в данный момент времени можно определить лишь вероятность перехода системы в конкретное состояние в конкретный момент времени. В применении к человеку это означает, что обстоятельства могут давить на него, склоняя к определенному выбору, но сам этот выбор всегда остается за ним. Если любого из нас переместить в прошлое, то мы не придем в ту же точку будущего, в которой находимся сейчас. Точнее, чем дальше нас «возвратить» в прошлое, тем меньше будет вероятность возврата в ту же точку. И не только из-за вероятностного характера окружающего нас мира, но и из-за непредсказуемости нашего собственного поведения.

20.5. Если же мы скажем, что у каждого человеческого поступка есть свои причины, то награждать за подвиги надо не людей, а эти самые «причины», и их же надо сажать в тюрьму вместо преступников. «Но хотя мы и полагаем, что поступок определялся этими причинами, тем не менее мы упрекаем виновника, и притом не за дурную природу его, не за влияющие на него обстоятельства и даже не за прежний образ его жизни; действительно, мы допускаем, что можно совершенно не касаться того, какими свойствами обладал человек и рассматривать исследуемый поступок – как совершенно не обусловленный предыдущим состоянием, как будто бы этот человек начал им некоторый ряд совершенно самопроизвольно». Там, где нет свободы – там нет ответственности и не может быть ни права, ни нравственности. Кант говорит, что отрицать свободу человека – значит отрицать всю мораль.

Причины есть у каждого человеческого поступка, однако человек не робот и его действия не предопределены этими причинами.

20.6. А с другой стороны, если даже в действиях других людей я и могу усматривать причины, по которым они поступают в каждой ситуации именно так, то как только я присмотрюсь к себе самому, то должен будут признать, что по большому счету я-то действую свободно. Как бы ни влияли на меня окружающие обстоятельства или мое прошлое, особенности моего характера или наследственность – я знаю, что в момент выбора у меня есть секундочка, когда я могу стать выше самого себя... Есть секундочка, когда, как выражается Кант, история всей вселенной как бы начинается с меня: ни в прошлом, ни вокруг меня нет ничего, на что я смел бы сослаться в оправдание той подлости, на пороге которой я стою...

Это положение Канта представляется достаточно обоснованным.

20.7. Кантовский императив задает совершенно определенную онтологию, в которой весь внешний мир рассматривается как абсолютно пронизываемый для нравственного деяния, как не имеющий собственной аксиологической плотности, которая могла бы привести к неустранимым отклонениям моего поведения. У этого мира нет собственного напряжения, способного внести возмущение в поле нравственного поступка. Такой мир полностью прозрачен для оценивающего человека: деятель, взвешивая последствия выбранного поступка, способен как бы сквозь мир видеть самые отдаленные его последствия. Эта аксиологическая бессубстанциальность мира означает, что в каждом решении человек выбирает весь мир.

Как может не измениться поле нравственного поступка или область допустимых решений, в зависимости от внешних обстоятельств? Если вас нечаянно толкнули в толпе, у вас одно поле выбора, а если намеренно ударили по голове, – совершенно иное. Другое дело, что в каждом этом поле всегда присутствует область выбора, в которой мы можем стать над любой ситуацией и сказать себе: «Я свободен, я не обязан делать это, я могу быть выше этого».

20.8. Каждое человеческое действие может описываться двояко: как результат некоего причинного ряда и как его начало. Оно может рассматриваться как суммирование наличности, как ее равнодействующая – или как прорыв за ее пределы, творение нового. Возможно такое действие, которое становится причиной последующих событий, но само оно свободно, беспричинно. Возможно *причинение через свободу*.

Здесь Кураев теряет доказательную связь явлений. То, что в каждом своем действии мы свободны стать над причиной, побуждающей нас к его выполнению, еще не означает его фактическую беспричинность. Какой бы ни был на улице мороз, мы всегда свободны выйти на улицу в легкой одежде. Но если мы все же надеваем теплую одежду, нельзя говорить, что мы это делаем без побудительной причины. Отклонение нашего поведения от естественного хода событий, всегда связано (хотя и не обязательно обусловлено) с другими причинами, и является сложной функцией побуждающих причин и физического и морального состояния человека. Но функция эта многозначна и всегда дает нам не одно, а множество допустимых решений и возможность окончательного выбора любого из них сознательным усилием нашей воли.

20.9. «Каждый злой поступок, если ищут его происхождения в разуме, надо рассматривать так, как если бы человек дошел до него непосредственно из состояния невинности. В самом деле, каково бы ни было его прежнее поведение и каковы бы ни были воздействовавшие на него естественные причины, а также заключались ли они в нем или были вне него, все же поступок его свободен и не определен ни одной из причин; следовательно, о нем можно и должно судить как о первоначальном проявлении его произвола. Нет таких причин в мире, которые могли бы заставить его перестать быть существом, действующим свободно».

Кант пишет не «**поступок его** свободен и не определен ни одной **из причин**», а «**его поступок** свободен и не определен ни одной **из этих причин**». Также Кураевым пропущена вводная часть последнего предложения: «Он не должен был совершить его, каковы бы ни были условия данного времени и личные отношения, ибо ...». Но дело не в этом. Точнее было бы сказать, что «к поступку побудила хотя бы одна из этих причин, но ни одна из них не предопределила его как свое непреложное следствие».

20.10. Итак, в рамках практического разума, то есть в морали, мы не можем описывать поведение человека исключительно в категориях детерминизма. Как не осуждают луну за то, что ее не видно днем, так нельзя винить и того, чья человечность не проявилась в некий день, самый важный для него и его ближних. Как не награждают Волгу за то, что

она впадает в Каспийское море, так же нелогично награждать соответствующей медалью хорошо воспитанного и генетически благополучного молодого человека за отвагу при пожаре.

В отличие от механистического лапласовского детерминизма, в категориях вероятностного детерминизма ничто не препятствует свободе выбора. Но даже с лапласовским детерминизмом не все так просто. Нельзя же мыслить человека устройством подобным часам, только с большим числом связей. Есть же все-таки и закон переход количества в качество! Доказательства того, что в рамках лапласовского детерминизма нарастание сложности системы не может придать ее реакциям вероятностный характер, ни у Канта, ни у Кураева нет. В отличие от луны и Волги, человек, обладает разумом и осознает себя. Именно это и дает ему возможность, напрягая волю, осуществлять свободу выбора. Кураев же неявно утверждает, что в категориях механистического лапласовского детерминизма человек представляет собой по сути лишенный воли неодушевленный автомат. Для меня это не очевидно.

20.11. Нравственная область свободы – область должного, природа и мир явлений – область наличного. «Невозможно, чтобы в природе нечто должно было существовать иначе, чем оно действительно существует, более того, если иметь в виду только естественный ход событий, то долженствование не имеет никакого смысла. Мы не можем даже спрашивать, что должно происходить в природе, точно так же как нельзя спрашивать, какими свойствами должен обладать круг; мы можем лишь спрашивать, что происходит в природе или какими свойствами обладает круг». Если человек есть исключительно часть «природы», то и человеческое поведение нельзя описывать в категориях «долга». Что бы ни натворил человек – реакция может быть только одна: «так получилось» и иначе быть просто не могло.

Поскольку в природе нет механистического детерминизма, просчитать развитие мира принципиально невозможно, как невозможно и предсказать поведение человека, даже если он является исключительной частью «природы».

20.12. К сожалению, эти позитивистские описания прочно укоренились в сознании общества, дерзающего назвать себя «постхристианским». Девушка ушла в публичный дом – и, конечно, мы понимаем, почему: крушение коммунистической идеологии, духовный вакуум, влияние улицы, плохое воспитание, недостаток культуры. Девушка ушла в монастырь. Нам и здесь все ясно: крушение коммунистической идеологии, духовный вакуум, недостаток культуры, плохое воспитание, влияние улицы.

Так и вспоминается унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла. Ведь именно таким образом построены все доказательства диакона Кураева, ибо практически любую вещь можно всегда истолковать двояко: поступил плохо, – негодяй, – поступил хорошо, – еще хуже, – лицемер.

20.13. Но то, что в человеческом обществе есть нравственная оценка наших действий, означает, что наша совесть видит в нас самих некоторое акосмическое явление. В моей сегодняшней ситуации выбора я вижу некую брешь, пробитую в железном сцеплении причин и следствий: я могу выбрать другое будущее и вести его генеалогию из другого прошлого. Есть несколько рядов причин, каждый из которых «желает», чтобы мое настоящее определялось им. Есть ряд побудительных мотивов, ряд причин, которые сейчас могут произвести через меня грех. А есть такие причинные цепи, такие событийные связи в моем прошлом, которые могут разрешиться благим действием. Но от моего личного произволения зависит – какому из этих рядов я позволю осуществить свою актуализацию в эту минуту.

Сложно живет диакон, продираясь через паутину причин и следствий и расценивая себя как акосмическое явление. Право же все эти нехитрые мысли можно выразить одной, известной всем с детства фразой: «Все затруднения существуют только в нашем мозгу».

20.14. Если в мире явлений свободы нет, а в человеке она есть, значит, мир явлений еще нельзя назвать подлинным миром, это – еще не весь мир. «Так как сплошная связь явлений в контексте природы есть непреложный закон, то это неизбежно опрокидывало бы всякую свободу, если бы мы упорно настаивали на реальности явлений». Или, как уточняет Владимир Соловьев эту кантовскую мысль – «если бы только нужно было признавать *исключительную* реальность явлений». Значит, феномен свободы есть проявление иного бытия в нашем обычном порядке бытия, в мире феноменов, связанных друг с другом причинно-следственными отношениями. Бытие не исчерпывается миром явлений, не исчерпывается кругом явлений, взаимно повязанных друг с другом по принципу детерминизма.

Который уже тезис Кураев обсасывает с разных сторон одну и ту же мысль: человек всегда свободен в своих поступках, добиваясь того, чтобы читатели полностью потеряли нить рассуждения и были готовы принять любой его алогичный вывод, навязываемый зомбирующим многократным монотонным повторением диаконом одних и тех же мыслей.

20.15. Так Кант выходит к фундаментальной идее всякой серьезной метафизики – к утверждению иерархии, наличия разных по своей значимости и основательности уровней бытия. Есть объекты онтологического минимума, есть точка омертвения свободы, а есть вершины онтологической напряженности. Человеческая свобода – реальность, философски более значимая, чем мир явлений. Но основной закон иерархии гласит, что низшее не может породить высшее. Свобода не может быть понуждена к бытию миром детерминизма. Если свобода есть способность исходит из самого себя, то у свободы не может быть причины, и мир не мог породить свободу. Если причина необходимым образом произвела свободу, то слово свобода к результату не приложимо. Свобода не понуждается к бытию миром детерминизма, свобода получается из небытия. Она может возникнуть только “из ничего” – таков один из смыслов христианского креационизма. Но мир свободы и мир детерминизма все же находятся в единстве, в связи. Если эта связь идет не от мира детерминизма к миру свободы – значит, мир свободы послужил причиной для возникновения мира детерминизма. Это значит, что мир причин может быть только порождением мира свободы. «В начале была Свобода». А потому – «среди благодетелей укажем на избавление от необходимости, на неподчинение господству природы, на возможность свободно располагать собой по своему усмотрению» (Св. Григорий Нисский. Об устройении человека, 16).

Сплошной поток сознания философствующего наперсточника-Кураева. Как опытный фокусник, диакон делает отвлекающие внимание читателя пассы, перед тем, как достать из-за пазухи, а точнее из-под рясы, заранее приготовленного жирного кролика. Повторюсь, что механистический детерминизм не существует даже на уровне явлений не живой природы.

20.16. Ощущение человеческой свободы столь свойственно христианству, что даже митрополит Антоний (Храповицкий), строя не вполне православную богословскую систему, в которой есть определенные реверансы в сторону пантеизма, резко определяет: «Бог, оставаясь субъектом всех физических явлений, предоставил самостоятельное бытие субъектам явлений нравственных». Поскольку христиане мыслят человека как надкосмический феномен, они могут себе позволить даже такую формулу. Окультисты же, для которых человек не более чем «микрокосм», конечно, не могут, отрицая свободу и самобытность за миром в целом, признавать свободными и самобытными мелкие частицы несвободного макрокосма.

При чем здесь вообще оккультисты? Похоже, что Кураев, как и его бывшие учителя коммунисты, любой суд над собой стремившиеся превратить в суд над капитализмом, любую критику религии стремится превратить в критику оккультизма.

20.17. Значит, лишь признание онтологической иерархичности мира дает основание для свободы. Содержа в себе причинность, человек должен содержать в себе и еще нечто. Итак, человек не есть часть природы, у человека есть дистанция к миру вещей. Мир, откуда происходит человек – мир свободы, мир, существующий вне предикатов физического мира – времени и пространства. И это мир нравственно окрашенный, ибо его значимость и существование мы воспринимаем именно в опыте нравственного выбора. И потому – говорит Кант, – «морально необходимо признавать бытие Божие».

Поскольку классического детерминизма в природе нет, то все носит вероятностный характер. Поэтому никаких сверхъестественных оснований для свободы изобретать не нужно.

20.18. В рассуждении Канта нет абсолютной доказательности и логической принудительности. В конце концов, человек может считать себя всего лишь обычной частью мира, предметом, всецело растворенным в потоке явлений. Человек может так воспитать и стилизовать свою мысль, что детерминизм мирового процесса он будет считать безъизъятным, и даже в себе самом он не будет замечать исключения из тотальности причинно-следственных цепей. Человек может убедить себя, что свобода не более чем «осознанная необходимость». Человек может считать, что абсолютно круглых предметов в мире нет, и потому все геометрические теоремы о кругах и окружностях ложны. Но связь круга с его свойствами не прекратится даже в том случае, если действительно исчезнут все круглые предметы. Ведь геометрия имеет дело с понятиями (понятия о круге, о прямой, о точке и т.п.) и с логической связью между понятиями, а «логическая связь между понятиями не прекращается, даже если нигде нет объектов, соответствующих этим понятиям».

Действительно, в рассуждении Канта абсолютно нет доказательности и логической принудительности. Как мы уже отмечали, сам же Кант, подводя итоги своих изысканий, пишет о своем «моральном аргументе», что в нем речь идет не о доказательстве бытия божьего, а только о разумности признания такого бытия в моральном аспекте.

20.19. Даже если нет ни свободы человека, ни Бога, а «свобода» и «Бог» суть лишь понятия, возникшие в человеческом сознании, все равно, как показал ход рассуждения Канта, между этими двумя понятиями есть неразрывная логическая связь. Нельзя признать одно из этих положений («свободу»), не приняв вывода из нее: Бога. Приняв свободу, человек не только логически, но и морально будет понужден к принятию Бога. Ведь одним из моральных долженствований человека является долг мыслить честно, логично, последовательно, долг принимать даже те выводы из своих открыто декларированных посылок, которые самому мыслителю кажутся нежелательными. Так вот – если философ декларировал свою убежденность в том, что человек есть существо свободное, то он морально обязан пройти путем Канта и ввести в систему своей мысли тезис о бытии личностного Бога. Или, говоря словами самого Канта о кантовском доказательстве бытия Бога: «Этот моральный аргумент вовсе не имеет в виду дать объективно значимое доказательство бытия Бога или доказать сомневающемуся, что Бог есть; он только доказывает, что если сомневающийся хочет в моральном отношении последовательно мыслить, то он должен признание этого положения принять в число максим своего практического разума». Кантовский аргумент действителен лишь при одном совершенно неформальном и внефилософском условии: если человек *хочет мыслить...*

Крайне интересно, хотел ли последовательно мыслить великий атеист Иван Павлов, с таким уважением обрисованный Кураевым в его собственной работе? Или он не был свободен?

Как отмечает выше сам Кураев, цитируемые рассуждения Канта не доказательны¹¹⁶³ и, соответственно, не обеспечивают «логической принудительности», следовательно, с учетом вероятностного детерминизма окружающего мира, они никоим образом не являются моральным доказательством существования Бога даже при принятом постулате о свободе человека.

20.20. Итак, свобода человека может быть обоснована лишь в случае, если у него есть надмирное, надматериальное происхождение. Только имея точку опоры в горнем, можно быть свободным от всецелой тирании снизу. Если есть только поток феноменов, то у меня нет свободы. Право не соблюдать основные законы страны имеют только послы. Вот «и живем мы в этом мире послами не имеющей названья Державы» (Александр Галич). «Понял теперь я: наша свобода – только оттуда бьющий свет» (Николай Гумилев).

В связи с отсутствием в природе классического механистического детерминизма, утверждение Кураева, что «свобода человека может быть обоснована лишь в случае, если у него есть надмирное, надматериальное происхождение» не доказательно. Свои рассуждения на этот счет Кураев специально развел огромным количеством воды, чтобы спрятать их слабые места. Поэтому в заключение выжмем всю воду из многословного «доказательства» диакона и критически посмотрим на следующий их сухой остаток:

1. В своих действиях человек совершенно свободен, его выбор не обусловлен жестко ни одной из внешних причин, побуждающих его к действию.
2. Следовательно, человек не подчиняется принципу классического лапласовского детерминизма (причинно-следственным отношениям).
3. Следовательно, человек не является исключительно частью природы, ибо «сплошная связь явлений в контексте природы есть непреложный закон».
4. Природа (мир детерминизма) не могла породить свободу (свободно мыслящую разумную жизнь).
5. Следовательно, свобода, в лице ее изначального носителя Бога, и породила мир.

Как нетрудно заметить, в данном доказательстве относительно безупречны только первые два утверждения. В третьем уже неявно содержится противоречащее концепциям современного естествознания положение о том, что природе присущ не вероятностный, а классический лапласовский детерминизм.

А в четвертом утверждении одним махом, без всякого доказательства отмечается гипотеза о возможности естественного самозарождения жизни, в том числе и разумной. Таким образом, последующий вывод о существовании Бога делается Кураевым непосредственно из невозможности его отсутствия. Здесь диакон полностью уподобился советским философам, – своим прежним духовным учителям (фундамент невынимаем!), скатившись к доказательству вида: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Видимо, выдавливая из себя философа, Кураев несколько переусердствовал, и, поднатужившись сверх меры, выдавил не только вожденное им, но и толику бесценного серого вещества, столь необходимого всем нам для нормальной мыслительной деятельности нашего мозга. Что ж, тем легче ему будет проповедовать бессмысленные фантазии о фестралах и терафимах или несгорающих книгах и монахах.

Заметим, что даже если принять на веру положение, что природа не могла породить свободу, из этого еще не следует, что свобода в лице Бога породила мир. Ибо нет ни малейших оснований отбросить возможность того, что и Бог и косный мир существуют вечно и независимо друг от друга и Богом порождена только жизнь в этом мире. Нельзя при этом не задуматься над следующим вопросом: что произойдет с человеческой свободой выбора, если Бог пожелает навечно самоустраниться из мира и прекратить свое бытие? Если Он категорически не в состоянии сделать это, то Он является только неотъемлемой частью природы, что уводит нас от христианства к пантеизму. Если же Он в состоянии самоустраниться, но свобода выбора у

¹¹⁶³ Доказательность, как и осетрина, бывает только одной свежести, – абсолютной.

человека при этом сохранится, то для ее обеспечения Бог не требовался изначально. Если же свобода исчезнет, то мы опять приходим к тому, что Бог неотъемлемая часть природы и, следовательно, опять приходим к пантеизму.

Как мы убедились, рассуждения Кураева совершенно нелогичны. А как же не страдавший отсутствием логики Кант? Ведь Кураев вроде бы время от времени ссылается на него? Ответ очень прост. **КАНТ НЕ СОЗДАВАЛ НИКАКОГО НРАВСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА** существования бога, понимая, что ни мораль, ни любовь из логики не выводятся. Он всего лишь пытался пояснить принципы своей этики, потому и раскидано это объяснение по различным работам Канта, дополняя и уточняя ранее сказанное им по этому поводу.

В этих работах Кант изложил и обосновал свою личную нравственную систему моральных воззрений, неотъемлемой частью которой являются следующие основные положения:

1. Бог – не существо вне человека, а лишь его мысль¹¹⁶⁴.
2. В основу всех рассуждений должно быть положено не существование такого творца и знание о нем, а только идея его¹¹⁶⁵.
3. Бытие Бога не может быть обосновано теоретически, разумно признать его только морально¹¹⁶⁶.
4. Если не положить в основу моральные законы или не руководствоваться ими, то вообще не может быть никакой рациональной теологии, никакой религии¹¹⁶⁷.
5. По своему содержанию «религия ничем не отличается от морали», существуют различные виды веры, но религия едина, как едина мораль. Вера в бога – это прежде всего надежда на собственную нравственную силу¹¹⁶⁸.
6. Все, что человек сверх доброго образа жизни предполагает возможным сделать, чтобы стать угодным Богу, есть лишь религиозное заблуждение и лжеслужение Богу¹¹⁶⁹.
7. На помощь сверхъестественных сил надеяться непозволительно. Нет ни чудес, выходящих за пределы объективных законов опыта, нет божественной тайны, превышающей возможности нашего духа, нет благодати, силой божественного авторитета просветляющей нашу нравственность¹¹⁷⁰.
8. Молитва как средство общения с богом неприемлема, если человек громко говорит сам с собой, это может вызвать подозрение, что у него легкий припадок умопомешательства. Внешним выражением набожности служит рабское состояние духа¹¹⁷¹.
9. Преступление льстить богу. Склонять колени или падать ниц с целью показать свое благоговение перед небесными силами противно человеческому достоинству, равно как и обращение к их изображениям. В этом случае вы поклоняетесь не идеалу, который представляет вам ваш собственный разум, а идолу, сотворенному вами самими¹¹⁷².
10. Религиозные обряды (в т.ч. и крестное знамение) это религиозные *суеверия*¹¹⁷³.
11. Предположение относительно мудрого творца мира есть только условие для стремления чем-то руководствоваться в исследовании природы¹¹⁷⁴.
12. Для вас должно быть совершенно все равно, утверждают ли, что Бог так мудро пожелал этого или что природа так мудро устроила это¹¹⁷⁵.

¹¹⁶⁴ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 199.

¹¹⁶⁵ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Приложение к трансцендентальной диалектике. – М.: ЧОРО, 1994, с. 519.

¹¹⁶⁶ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 7. Приложение о вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 г.: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? – М.: ЧОРО, 1994, с. 427, 434.

¹¹⁶⁷ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальная диалектика. – М.: ЧОРО, 1994, с. 477.

¹¹⁶⁸ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 196.

¹¹⁶⁹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 184.

¹¹⁷⁰ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 196.

¹¹⁷¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 201, 213, 214.

¹¹⁷² Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 200.

¹¹⁷³ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 188.

¹¹⁷⁴ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 602.

¹¹⁷⁵ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 523.

13. Душа может мыслиться только проблематически. Вне этого своего применения она суть пустое порождения мысли, возможность которой недоказуема и которая поэтому не может быть положена в основу объяснения действительных явлений посредством гипотез¹¹⁷⁶.
14. Даже самые дикие гипотезы, если только они физические, более терпимы, чем сверхфизические, т. е. чем ссылка на божественного творца, предполагаемого для этой цели¹¹⁷⁷.
15. Вера в возможность совершения чудес человеком докучает небу, выходит слишком далеко за границы разума и является бессмысленной фантазией¹¹⁷⁸.
16. Христос – не божественный посланец, но только моральный образец. Безразлично, был ли он Богом, или нет, существовало ли данное от Бога откровение, или нет; даже более того – лучше, если б ни того, ни другого не было¹¹⁷⁹.
17. Изложенные в Евангелии события, в том числе и воскресение Христа не следует понимать буквально и придавать им исторический смысл¹¹⁸⁰.
18. Учение о Троице как о различных физических личностях одного и того же существа недостижимо для познавательной способности человека, его следует понимать в переносном смысле, как почитание различных моральных личностей одного и того же существа¹¹⁸¹.
19. Раз уж Библия существует, ее разумно использовать для церковного употребления, но не следует никому навязывать веру в нее¹¹⁸².
20. Церковная вера – рабство. Церковное устройство всегда остается деспотическим¹¹⁸³.
21. Если *почитание* Бога есть то основное, чему подчиняют добродетель, то предмет этот является *идолом*, а религия становится уже идолослужением. Истинная вера не нуждается в церкви¹¹⁸⁴.

Всякое доказательство должно приниматься или отвергаться только целиком. Нельзя вычленять только одни положения, бездумно отбрасывая прочие. Поэтому если верующие хотят **«мыслить честно, логично, последовательно»**, то, принимая доказательную базу нравственной системы Канта, они должны признавать вслед за ним и небожественность Иисуса Христа, и бессмысленность догмата о Троице, и идолопоклонство и лжеслужение Церкви. И, так же как и Кант, они должны отказаться от всякой обрядности, включая крестное знамение, и завещать похоронить себя по гражданскому, а не церковному обряду, без священников, как это сделали Кант¹¹⁸⁵, Лев Толстой и Булгаков. Правда в этом случае они полностью отойдут от православной Церкви, в лоно которой их зовет Кураев, и придут прямо к учению Льва Толстого, который свое учение часто подкрепляет именно цитатами из весьма разумного учения Канта. Что ж, в добрый путь. Именно философия Канта совершила нравственный переворот в душе и жизни Толстого, и подвигла его на создание собственного учения:

«В сочинениях Л. Н. Толстого имя Канта не редкость. Писатель изучал философа в подлинниках и в переложениях, чем ближе к старости, тем основательнее. Иногда полемизировал с ним, чаще старался опереться. В конце жизни пришел к выводу, что они полные единомышленники, всегда, однако, сетовал на труднодоступность Канта. <...>

Открытие Толстым кантовской этики произошло в октябре 1887 года. Как это случилось, мы узнаем из письма к Н. Н. Страхову: **«Я в большом волнении. – Я был нездоров простудой эти несколько дней и, не будучи в силах писать, читал и прочел в 1-й раз Критику практического разума Канта. Пожалуйста, ответьте мне: читали ли вы ее? когда? и поразила ли она вас?»**¹¹⁸⁶

¹¹⁷⁶ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. – М.: ЧОРО, 1994, с. 565-566.

¹¹⁷⁷ Там же, с. 566.

¹¹⁷⁸ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 93.

¹¹⁷⁹ Митрополит Антоний (Храповицкий). Нравственное обоснование важнейшего христианского догмата. – <http://www.romanitas.ru/content/vera/antony/dogm.htm>

¹¹⁸⁰ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. – М.: ЧОРО, 1994, с. 138-139.

¹¹⁸¹ Там же, с. 154.

¹¹⁸² Там же, с. 143.

¹¹⁸³ Там же, с. 177, 195.

¹¹⁸⁴ Там же, с. 201, 210.

¹¹⁸⁵ Гулыга А. В. Кант. – М.: Молодая Гвардия, Серия: ЖЗЛ, 2005, с. 254.

¹¹⁸⁶ Там же, с. 268-269.

Резюме 20. Иммануил Кант никогда не создавал «знаменитого» нравственного доказательства бытия Бога, приписываемого ему Кураевым. То, что Кураев тщится выдать за доказательство Канта, есть всего лишь личная нравственная система моральных воззрений Канта, находящаяся гораздо ближе к учению Льва Толстого, чем к учению христианской Церкви.

21. Кураев. «Мастер и Маргарита»: Евангелие от Воланда? Интервью журналу «Град Духовный» (Санкт-Петербург, 2004, № 4)

«<...> почему же при нанесении моральных увечий произведению писателя никто не несет никакой ответственности?»

Л. Е. Белозерская-Булгакова¹¹⁸⁷

В своем интервью Кураев продолжает путаться между булгаковским Воландом и более привычным для него христианским сатаной, доказывая, что роман то и романом де не является, а представляет собой только большой фельетон без положительных героев. Как и небезызвестный мошенник Братец Кролик, наш лукавый диакон периодически прикладывает лапку к длинному уху и пристально вслушивается в «молчание романа». При этом он, естественно, каждый раз умудряется услышать именно то, что ему в данный момент хочется.

21.1. Примечание:

В первой серии фильма Бортко не дал Воланду сказать фразу: «Имейте в виду, что на это существует седьмое доказательство, и уж самое надежное! И вам оно сейчас будет предъявлено». С другой стороны, в сценари В. Бортко есть изменение относительно булгаковского текста: Воланд вместо «Имейте в виду, что Иисус существовал», в фильме говорит «Христос существовал». А это как раз неверно: с точки зрения сатаны Иисус не есть Христос.

Интересно бы узнать, откуда Кураеву известна точка зрения Сатаны? Впрочем, взгляды христианского дьявола внутреннее дело христианской религии. Но булгаковский Сатана не имеет с христианским дьяволом ничего общего. Поэтому точка зрения Воланда лучше всего известна его создателю Булгакову, а не диакону Кураеву.

Затруднения диакона с толкованием точки зрения любого сатаны, – хоть литературного, хоть христианского, очевидно связаны со значением слова «Христос», которое якобы должно отрицаться сатаной. Это утверждение весьма забавно. Ведь Бога христианский сатана не отрицает и даже действует по Его прямому попущению (см. например книгу Иова и искушение Христа в новом Завете), так с чего же ему отрицать Христа? Но глупо ждать логичности от Кураева, так что, в порядке исключения, попробуем стать на его кочку зрения, и проверить ее по принципу *reductio ad absurdum*. Итак, имеем: «Христос – это титул, указывающий на характер миссии Иисуса. Греческое слово **Χριστός** представляет собой перевод арамейского **מָשִׁיחַ (Машиах)** и означает «помазанник» (мессия) <...> пророки предсказывали пришествие царя из рода Давида, «помазанника», который, являясь одновременно священником и царем, исполнит всё то, что Израиль ожидает от истинного Царя мира. О таком ожидании свидетельствуют мессианские пророчества»¹¹⁸⁸. Предположим, что Воланд это именно кураевско-христианский сатана, и что он отрицает, что Христос есть мессия. Но в таком случае, почему же он позволяет себе называть его Иисус?! Ведь: «Иисус – это греческая форма (**Ἰησοῦς** – в древнегреческом произношении **Е́сус**, в современном греческом **И́сус**) арамейского имени **יֵשׁוּעַ (Иешуа)**, которое означает «Спасение»»¹¹⁸⁹. Получается, отрицая «помазанность» Иисуса, кураевский сатана, тем не менее, признает его «Спасителем»! Налицо явный *absurdum*, что и требовалось доказать.

Тем не менее, Бортко, безусловно, допустил ошибку, ибо не с точки зрения Воланда, а с точки зрения самого Булгакова Иисус является не Христом, а самым обычным человеком, что и

¹¹⁸⁷ Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. – М.: Худож. Лит., 1990, с. 179.

¹¹⁸⁸ Википедия. Иисус Христос. Происхождение и значение имени –

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B8%D1%81%D1%83%D1%81_%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%81

¹¹⁸⁹ Там же.

показано писателем в образе Иешуа. Сила Иешуа не в его мифической «помазанности», а в его духовной нравственной позиции.

21.2. Ангелы, в том числе и падшие, не могут создавать ничего принципиально нового...

Видимо то же самое относится и к падшим атеистам, так как в работе Кураева также не содержится ничего принципиально нового, – все сплошные перепевы Баркова, Дунаева, Дерягина и иже с ними.

21.3. В современном мире быть атеистом не так уж плохо <...>

Похвально, что не забыл еще наш диакон, кому он обязан своим счастливым детством...

21.4. С Бортко мы по разному слышим молчание романа. В романе нет даже упоминания о Боге. Для Владимира Владимировича это повод к полному забвению религиозной тематики при чтении этой книг. Для меня же Бог именно Своим отсутствием становится важнейшим персонажем: только в Москву, которая забыла о Боге, отрелась от Него и взорвала Храм Христа, и мог заявиться «знатный иностранец».

Вдумчивое прослушивание Кураевым «молчания» романа, как я уже отметил, напоминает известные проделки Братца Кролика, прикладывавшего с этой целью лапку к уху, чтобы полакомиться общественным маслицем. Как мы уже убедились, в романе Булгакова «знатный иностранец» заявился в Москву в 1929 г., когда Храм Христа Спасителя был еще цел и невредим (см. тезисы [14.3-14.4](#)). Более того, как мы уже отмечали (см. [тезис 14.2](#)), храм Христа Спасителя далеко не единственное, что подчеркнуто отсутствует в романе. В романе столь же подчеркнуто отсутствует главный Кремль России (Московский), главные театры России (Большой и Малый), главный гастроном тех лет (Елисейский), главный и единственный метрополитен России и еще очень много всего главного ...

Что касается того, что «в романе нет даже упоминания о Боге», то Кураев как всегда лжет, даже не утруждая себя чтением «кошунственного» романа. Мы же просто приведем несколько цитат:

«<...> ежели **бога** нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»;

«– Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов? – **Бог один**, – ответил Иешуа, – **в него я верю**»;

«**Бог!** За что гневаешься на него? Пошли ему смерть»;

«<...> он сжал сухие кулаки, зажмурившись вознес их к небу <...> и потребовал у **бога** немедленного чуда»¹¹⁹⁰.

Замечу, что в эпизоде с Левием, возносящим молитвы и угрозы Богу в сцене распятия Иешуа слово «**бог**» употребляется 13 раз¹¹⁹¹. Странно, что такой мистический человек, как Кураев, упустил из виду такую явную «инфернальность».

Кроме непосредственного упоминания собственно Бога, в романе достаточно упоминаний его на бытовом разговорном уровне:

«Успокоившись, он сел, сказал: – А впрочем, **бог** с ним...»;

«Она поднялась и заговорила: – **Боже**, как ты болен»;

«Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте. – Ну, жив, жив, – неохотно отозвался Азazelло. – **Боже!**»;

«Маргарита вцепилась в больничный халат, прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и в слезах: – **Боже**, почему же тебе не помогает лекарство?»;

«– **Боже**, я потеряла подкову!»¹¹⁹²

¹¹⁹⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 341, 359, 503, 505.

¹¹⁹¹ Там же, с. 503-507.

¹¹⁹² Там же, с. 461, 474, 552, 614, 620.

Напомню, что на основании подобных цитат из писем Булгакова Кураев делает вывод, что Булгаков был православным человеком, и его воля шла к Церкви. Мы же будем более скромны, и не будем делать опрометчивых выводов за героев романа, идущих, так же как и их автор, совсем в другую сторону, просто отметим, что, наперекор утверждениям Кураева, Бог в романе упоминается неоднократно.

21.5. Главное, что я хотел бы донести до труппы, которая работает над фильмом: эта книга – большой фельетон, в котором нет положительного героя.

Наш диакон «ради красного словца, не пожалеет и отца», – гениальный роман российской литературы он готов принизить до уровня фельетона, лишь бы только угодить своим сиюминутным миссионерским религиозным целям. Смехотворность его «умозаключений» мы уже неоднократно обсуждали, в частности во введении и при рассмотрении тезиса 18.55. Напомним оценку произведения литературоведом Михаилом Бахтиным¹¹⁹³: «**Это – огромное произведение исключительной художественной силы и глубины**». Да и сам Булгаков везде именует свое произведение именно романом, например: «**Я погребен под этим романом. Все уже передумал, все мне ясно**»¹¹⁹⁴.

Забавно, что смехотворная теория большого фельетона сегодня опровергается и самим Кураевым, который, видимо, с течением времени забывает, где, когда, кому и что он говорил: «Где-то год назад с Владимиром Бортко мы обсуждали, когда он только начинал свою работу, и он сказал мне так: «Отец Андрей, поверьте, я сниму фильм так, что читатель поймет, что это просто большой антисоветский фельетон, и я сниму с этого романа всякую мистическую ауру». Ну, ладно, в конце концов это позиция режиссера, авторская позиция. На мой взгляд, она **противоречит позиции самого Булгакова, который вряд ли писал просто большой фельетон <...>**»¹¹⁹⁵. Впрочем, как говорит сам Кураев: «Миссионер должен быть немного шизофреником <...>»¹¹⁹⁶, – так что предъявлять претензии в данном случае бессмысленно.

21.6. Важнее то, что Булгаков сам вносит занижающие черты в эти образы. Именно по стилистическим нюансам, которые всецело во власти самого автора, становится понятно, что отношение Булгакова к этим персонажам далеко не возвышенное. То у него Иешуа «шмыгнет носом», то Маргарита «улыбнется, оскалив зубы». Вы можете себе представить, чтобы у Льва Толстого Наташа Ростова «оскалила зубы»?

Как мы уже неоднократно отмечали, в образе Иешуа Булгаков не использует никаких занижающих черт. Иешуа не «шмыгает носом» и не «заискивает», как это утверждает Кураев, не собиравший свои измышления разве что из мусорной корзины самого Булгакова. Внешнему неблагообразию обезображенного побоями Иешуа противостоит его духовная красота. Маргарита скалила зубы не из вредности, а потому, что в ранних редакциях была совершенно другим персонажем и оставалась ведьмой даже в последнем полете. Примитивность толкования Кураевым «занижающих черт» образов героев романа мы уже многократно разбирали (см. тезисы 4.7, 7.9, 19.1). В окончательной авторской редакции ни Иешуа не шмыгает носом и не заискивает, ни Маргарита не скалит постоянно зубы, как бы этого Кураеву ни хотелось. Думаю, если диакон покопается в черновых вариантах Толстого, то ему и там что-нибудь оскалится, или Алеша Горшок зашмыгает носом...

21.7. Я по светскому образованию философ, причем даже скажу, советский философ, поэтому, когда я вижу сочетание «Институт философии и истории», я обращаю внимание на слово философия, а не слово история. Я убежден, что Бездомный, к

¹¹⁹³ Письмо М. Бахтина к Е. С. Булгаковой от 14 сентября 1966 г. [Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 324].

¹¹⁹⁴ Письмо к Е. С. Булгаковой от 13.06.1938 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 472.

¹¹⁹⁵ Продолжение беседы в передаче «Ищем выход», обсуждение фильма «Мастер и Маргарита» (09.01.2006). – <http://echo.msk.ru/programs/box/41056/>

¹¹⁹⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

сожалению, стал моим официальным коллегой, то есть он философ, а не историк.

Философом Кураев числится не по светскому, а по советскому образованию, что согласитесь все же две большие разницы. Как ни хороша была эта система, но философов она действительно готовила именно советских... Черновые редакции романа диакон читает строго избирательно, – отбрасывая все, что противоречит его измышлениям. Как отмечает Л. Яновская, в черновой тетради записано¹¹⁹⁷: «Каждый год, лишь только наступает весеннее полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек около тридцати или тридцати с лишком лет. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это *специалист по древней истории* профессор Иван Николаевич Палашов»¹¹⁹⁸ (на протяжении эпилога Булгаков дважды попытается заменить фамилию этого своего персонажа, и все же вернется к прежней: Понырев). Так что не стоит Кураеву оскорблять Понырева и философов сравнением с собой.

21.8. Так что, я боюсь, что Иванушка стал отличником политучебы и ударником политпромывки мозгов, и поэтому видеть в нем персонажа, положительного в глазах Булгакова – значит приписывать Булгакову нечто весьма анти-булгаковское.

Отличником политучебы, а равно как и ударником и пробойником политпромывки мозгов с христианской спецификой стал как раз именно сам диакон Кураев, охмуряющий подобной религиозной сивухой самого низкого пошиба неокрепшие умы своих слушателей. От своего совкового вульгарного антирелигиозного воспитания он унаследовал все самое худшее и, прежде всего, постоянную лживость и склонность к подлогу.

21.9. Является ли Мастер положительным героем с точки зрения Булгакова? Мне кажется, что и это не вполне очевидно. Например, изначальное место работы Мастера – в музее. Это мы с вами привыкли, что в 60-ые и 70-ые годы в музеи уходили диссиденты, люди, которые не хотели цитировать документы ЦК КПСС. Они уходили в какой-нибудь музей древнерусского искусства, пушкинский музей, лермонтовский, и там дышали воздухом родной старины. Но много ли в советской Москве 30-ых годов было музеев? – Музей революции да Музей Ленина.

Вопрос о музеях Москвы мы уже рассматривали (см. [тезис 2.1](#)). Повторюсь, что Кураев сознательно апеллирует к невежеству, так как в Москве на момент обследования в 1928-29 гг. было 165 действующих музеев¹¹⁹⁹, в том числе 56 историко-культурных, 33 технических и прикладных знаний, 29 естественно-исторических, 19 педагогических и 4 художественных. Для трудоустройства Мастера вполне подошли бы следующие музеи: исторический музей, музей Востока, музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, театральный музей им. А. А. Бахрушина, политехнический музей, музей государственного Малого театра, музей Московского художественного театра, музей книги при государственной публичной библиотеке им. Ленина, музей им. А. П. Чехова, музей им. М. Горького, Толстовский музей, государственная Третьяковская галерея, государственный музей изящных искусств, государственный музей нового западного искусства, библиотечный музей, центральный педагогический музей и многие другие.

Но самое бессовестное здесь не вопиющая ложь о количестве музеев, а то, что диакон позволяет себе подделывать даже собственные интервью! В ранних редакциях данного интервью утверждалось, что в Москве действовал только один музей, – Музей революции, а теперь Кураев задним числом еще и музей Ленина открыл. А ведь говорят: «Написано пером, не вырубишь топором!» – Поистине всемогущ!

¹¹⁹⁷ [Людия Яновская](#). Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>.

¹¹⁹⁸ «Ах, не завершен роман, и фигуры Ивана Бездомного – Иванушки – Ивана Николаевича Понырева это, кажется, коснулось больше всего...» [[Людия Яновская](#). Прощай ученик (главы из новой книги о Михаиле Булгакове). – <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/ian10.html>].

¹¹⁹⁹ Музеи Москвы и Московской области // сост. В. Н. Мордвинова. – М.: Московский рабочий, 1930, с. 3.

21.10. Так что Мастер – это не Булгаков.

Музеев для трудоустройства Мастера в Москве вполне хватало (см. выше). А раз неверна посылка, то неверен и вывод. Кроме того, известно, что Булгакова называла Мастером его собственная жена (см. [тезис 6.4](#)), видимо по той же причине, что и Маргарита в романе, – в литературной жизни он все делал «первоклассно»¹²⁰⁰. Мастером называл Булгакова и первый американский посол в СССР Вильям Буллит¹²⁰¹: «Буллит необычайно хвалебно говорил о пьесе, о М.А. вообще, называл его мастером». С Мастером отождествлял Булгакова и его ближайший друг и биограф П. С. Попов¹²⁰²: «<...> Маргарита Николаевна – это вы и самого себя Миша ввел».

Сам Булгаков называл «мастером» своего Мольера¹²⁰³, самого близкого и автобиографичного его героя: «Недавно бесстрастный компьютер сопоставил всех персонажей Булгакова, и выяснилась удивительная вещь: самым близким автору, самым автобиографическим героем оказался не Мастер и не Алексей Турбин, а французский придворный комедиограф XVII столетия Жан Батист де Мольер»¹²⁰⁴.

Сходились Мастер и Булгаков и в любви к истории¹²⁰⁵: «Его всегда интересовала история. Об этом говорят сюжеты его произведений о Мольере и Пушкине. Сюжеты его оперных либретто «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Черное море». Работая над «Бегом», расстилал перед собою подлинные карты боев в Крыму и Таврии. Даже над «Белой гвардией», таким личным, так мало удаленным во времени от событий романом, работал как историк: безусловно изучая документы эпохи. Его герой – Мастер – историк».

История настолько интересовала Булгакова, что он даже хотел написать учебник по истории СССР:

«Сегодня в газете объявлен конкурс на учебник по истории СССР. М. А. сказал, что он хочет писать учебник – надо приготовить материалы, учебники, атласы»;

«М. А. начал работу над учебником»¹²⁰⁶.

Осколки жизни Булгакова рассыпаны в биографии Мастера. Это и поразившая их с Еленой Сергеевной как молния, как финский нож любовь; и символ этой любви – хранимые Маргаритой «распластанные между листками папиросной бумаги лепестки засохшей розы»¹²⁰⁷, прообразом которых послужила реальная засохшая роза, вложенная Булгаковым в письмо¹²⁰⁸ к Елене Сергеевне, когда она была еще замужем, – «Получала письма от Миши, в одном была засохшая роза <...>»¹²⁰⁹; и «то единственно ценное, что имела в жизни» Маргарита, – «старый альбом коричневой кожи, в котором была фотографическая карточка мастера»¹²¹⁰, – «Фотографической карточкой, хранимой далеко от чужих глаз, стал для нее <Е. С. Булгаковой – С. Ц.> снимок, некогда вклеенный в томик «Белой гвардии», – навсегда с особой нежностью любимый ею его фотопортрет»¹²¹¹; и ведьмовство Елены Сергеевны: «<...> ты ведьма! Присушила меня!»¹²¹²; «Ты

¹²⁰⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 606.

¹²⁰¹ Дневник Елены Булгаковой, запись от 21.02.1936 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 114.

¹²⁰² Письмо П. С. Попова к Е. С. Булгаковой от 27.12.1940 // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 232.

¹²⁰³ Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 9, 97, 173, 175, 176.

¹²⁰⁴ Сахаров В. Прощание с алтарем Диониса. М. А. Булгаков в театре и о театре. – <http://bulgakov.km.ru/teatr/dionis.htm>

¹²⁰⁵ Яновская Л. Комментарии к дневнику Елены Булгаковой // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 366.

¹²⁰⁶ Дневник Елены Булгаковой, записи от 04-05.03.1936 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 116.

¹²⁰⁷ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 546.

¹²⁰⁸ Булгаков имел обыкновение постоянно вкладывать «лепестки красных роз» в письма к Елене Сергеевне [Мягков Б. С., Соколов Б. В. Комментарии к повести «Тайному другу» // Булгаков М. А. Чаша жизни: повести, рассказы, пьеса, очерки, фельетоны, письма. – М.: Сов. Россия, 1988, с. 578].

¹²⁰⁹ Дневник Елены Булгаковой. Письмо к А. С. Нюрнбергу от 13 февраля 1961 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 327.

¹²¹⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 546.

¹²¹¹ Яновская Л. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 23.

думаешь, что ты ведьма?» – дразнил я ее. «Не ведьма, а колдунья и Маргарита», – строго говорила она»¹²¹³; и ее пристрастие к мимозам: «Купила мимозы»¹²¹⁴; и необыкновенная любовь к древним главам романа¹²¹⁵: «люблю их бесконечно», «древние главы, которые я безумно люблю»; и считая ею Булгакову «черная шапочка Мастера»¹²¹⁶; и душевная болезнь Мастера, мучавшая самого Булгакова, и затравленность их обоих литературными критиками, и стремление увидеть за границу, описанное в черновиках романа. Именно глазами своего героя¹²¹⁷: «Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и нищ», – смотрит Булгаков в редакции 1934 г. на залитый огнями «гигантский город», над которым снижается кавалькада в последнем полете¹²¹⁸, по прямым, «как стрелы», линиям бульваров которого безошибочно угадывается Париж¹²¹⁹, в который он так стремился попасть¹²²⁰, и в поездке в который ему так безобразно, так оскорбительно, предварительно обнадежив, отказали в том же 1934 году. С этими словами героя прямо перекликаются слова Булгакова, приведенные в дневнике Елены Сергеевны¹²²¹: «Я узник... меня никогда не выпустят отсюда... Я никогда не увижу света». На черновых страницах романа отражено и его чтение Булгаковым своим знакомым, – Мастер признается Ивану, что «<...> пробовал он его читать кое-кому, но его и половины не понимают»¹²²².

Вместе с тем, как мы отмечали при рассмотрении тезиса 18.5, настоящий писатель никогда не переплавляет в горниле романа только свою собственную судьбу, и в образе Мастера реальные черты Булгакова соединились с другими прототипами и художественным вымыслом автора. В более поздних редакциях автор даже убрал из образа Мастера некоторые, слишком личные черты своей биографии, так как это уводило сюжет в сторону от основной линии. В частности смягчил он и страсть Мастера увидеть иные страны. Лишь осколок ее отразился в разговоре Мастера с Иваном¹²²³: «Я вот, например, хотел объехать весь земной шар. Ну, что же, оказывается, это не суждено. Я вижу только незначительный кусок этого шара. Думаю, что это не самое лучшее, что есть на нем, но, повторяю, это не так уж худо».

Так что, конечно, Мастер это не Булгаков. И, тем не менее, справедливо обратное: Булгаков, это Мастер, ибо и жизнь его, и любовь, как нигде отразились в зеркале его закатного романа. Даже слова Геллы: «Фрак или черный пиджак. <...> К двенадцати ночи <...>»¹²²⁴, – которые она произносит, приглашая барона Майгеля на бал, есть не что иное, как надпись на приглашении на бал, присланном Булгакову американским посольством: «Приписка внизу золотообрезного картона: фрак или черный пиджак»; «Бал у американского посла. <...> Поехали к двенадцати

¹²¹² Дневник Елены Булгаковой. Письмо А. С. Нюренбергу от 13 февраля 1961 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 327.

¹²¹³ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. – М.: Аграф, 2002, с. 203.

¹²¹⁴ Дневник Елены Булгаковой, запись от 01.03.1939 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 244.

¹²¹⁵ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 449.

Чудакова цитирует первую, самую непосредственную редакцию дневников; во второй же редакции Елена Сергеевна опустила все, что она считала сугубо личным, в том числе и цитируемые строки.

¹²¹⁶ «<...> жена сшила ему черную шапочку – как у его героя» [Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 478].

¹²¹⁷ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 258.

¹²¹⁸ Одним этим эпизодом опровергаются все натужные построения Баркова, что Мастер это Горький, так как, в отличие от Булгакова, Горький значительную часть жизни провел за границей и к нему никак не могут быть отнесены слова: «Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и нищ».

¹²¹⁹ «<...> Воланд остановился над гигантским городом. <...> в ослепительном освещении и белых, и синеватых и красных огней потекли во всех направлениях черные лакированные крыши, и засветились прямые, как стрелы, бульвары» [Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 259].

¹²²⁰ «Я иступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю» [Письмо к В. В. Вересаеву от 22.07.1931, приписка от 26.07.1931 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 251].

¹²²¹ Дневник Елены Булгаковой, запись от 12.02.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 129.

¹²²² Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 296.

¹²²³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 477.

¹²²⁴ Там же, с. 531.

часам»¹²²⁵. Как известно, именно этот бал в американском посольстве, данный 23 апреля 1935 г., послужил прообразом бала Воланда.

21.11. Предвижу же я, что среди критических публикаций в адрес нового фильма Владимира Бортко будут те, которые и в романе, и в фильме увидят проповедь антисемитизма

Здесь видны исключительно настойчивые попытки Кураева прикрасить свой собственный антисемитизм щитом им же изобретенного булгаковского антисемитизма (см. [тезис 7.8](#)).

21.12. «В создании образа Маргариты Анне Ковальчук помог «Дневник Мастера и Маргариты» (дневник Елены Сергеевны Булгаковой), который актрисе подарили перед съемками. Кроме того, узнав, что Анна будет играть Маргариту, дьякон Андрей Кураев прислал ей свою рукопись о произведении Михаила Булгакова. Все это помогло ей по-новому переосмыслить роман. «Раньше я не задумывалась, почему этого героя зовут именно так, что значит то или другое. А когда узнаешь историю романа, его рождение через муки, пот, кровь и другие испытания, становится сложнее работать. Появляются вопросы: кто такой герой Иешуа? И вообще любовь ли это? Не все так однозначно», – признается актриса».

Как известно, Анна Ковальчук настояла, чтобы из фильма выбросили ключевой для характера Маргариты эпизод с ребенком, когда ее буйное «ведьмовство» мгновенно утихает при виде испуганного мальчика. Актриса заявила, что этот эпизод – предательство по отношению к ее дочери Злате. Любой имеющий под рукой текст романа без труда может понять всю вздорность этого утверждения. Но теперь мы знаем, кого следует «благодарить» за зомбирование актрисы, – все того же лукавого велеречивого диакона, неутомимо выхолащивающего как русский рок, так и русскую культуру.

Резюме 21. В образах Мастера и Маргариты собственная судьба Булгакова и Елены Сергеевны соединилась с реальными чертами других прототипов и художественным вымыслом автора. Мастер, разумеется, не Булгаков, но Булгаков, – Мастер, ибо и жизнь его и любовь как нигде отразились в зеркале его закатного романа.

Несмотря на уверения Кураева, Иван Бездомный – Понырев в финале романа не становится официальным коллегой диакона. И не потому, что Кураева невозможно назвать философом, не оскорбив этим Ее Величество Философию, а потому, что из черновых редакций романа неоспоримо следует, что Понырев стал именно историком.

22. Серков. «Пусть знают!» (Литературная газета 2005, № 1)¹²²⁶

*«<...> язычники начали спекулировать на христианской книге. Некая **сволочь** по кличке «Ник Перумов» даже переписала книгу Толкиена с откровенно сатанинскими акцентами».*

Диакон Кураев¹²²⁷

К сожалению, несмотря на красивые слова, именно сам Кураев и «спекулирует» на книге Булгакова, перетолковывая ее «с откровенно христианскими акцентами». Но у каждого спекулятивного товара найдутся свои покупатели и почитатели. С рецензией одного из них мы и ознакомимся ниже.

22.1. <...> тут степень искренности, которая располагает к себе и заставляет с доверием и почтением относиться к вопросам, которые ставит автор и перед читателями, и перед

¹²²⁵ Дневник Елены Булгаковой, записи от 29.03.1935 и 23.04.1935 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 89, 95.

¹²²⁶ Автор рецензии «Пусть знают» Игорь Серков, – зам. главного редактора «Литературной газеты».

¹²²⁷ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

самим собой.

Как было показано в предыдущих разделах, искренно у Кураева лишь стремление любой ценой изнасиловать истину и перетолковать ее с откровенно христианскими акцентами, чтобы хоть как-то обосновать свои притянутые за уши рассуждения. О книге диакона критически и нелицеприятно высказались на его собственном форуме даже глубоко православные люди, искренне уважающие диакона Кураева за его миссионерскую деятельность, и полагающие, что «<...> **то, что он делает, по другому не сработает. Это надо понимать очень хорошо и молиться о Божьей помощи отцу диакону в его нелёгком и подвижническом миссионерстве**»¹²²⁸. Вот примеры их оценки книги Кураева¹²²⁹:

«<...> книга Михаила Булгакова – хорошая, а книга Андрея Кураева – **плохая. На скорую руку написанная в большевистской манере и стиле агитка** – на совсем неподдающемся материале»;

«Отец диакон **передёргивает факты**»;

«<...> критика о.диакона очень эффектна, но ... **она про другую книгу**. Про роман «Мастер и Маргарита», написанный где-то в параллельных мирах»;

«<...> по поводу методики – здесь однозначно используются все приёмы жёсткой полемической борьбы. <...> **Это вам не научная дискуссия. Что о.Андрей часто передёргивает фактологию**, я не раз убеждалась, читая его работы».

«<...> **вся критика состоит из полемических передёргиваний <...>**»

«Грустно, когда **невежественные люди воспринимают его книги** не как полемику миссионера с идейным врагом (а в бою нет времени на скрупулёзную проработку доводов), а чуть ли не как литературоведческую работу».

Откровенно говоря, грустно и мне. Грустно, что диакон бьется не «за», а «против». Грустно, что бывшее совковое наследие довлеет над ним и его адептами и, так же как и в советские времена, по-прежнему ведется непримиримый бой с идейным врагом, и новые, религиозные орлята учатся летать по Кураеву точно так же, как и бывшие советские:

«Не просто спорить с высотой,

Еще труднее быть непримиримым...

Но жизнь не зря зовут борьбой,

И рано нам трубить отбой! **Бой! Бой!**

Орлята учатся летать»¹²³⁰.

22.2. А есть удивительно спокойное, доброжелательное, аргументированное и глубокое исследование жизни и творчества большого художника, его прозрений, страданий, заблуждений, надежд.

Навешенные Кураевым на героев романа ярлыки «иуда» и «блудливая ведьма» невозможно счесть «удивительно спокойными и доброжелательными». Если что и удивляет в книге Кураева, так только поверхностные начетнические суждения, полностью игнорирующие жизнь, творчество, прозрения, страдания, заблуждения и надежды Михаила Булгакова. От первого же прикосновения к фактам так называемые «аргументированные и глубокие исследования» Кураева рассыпаются как карточный домик.

22.3. <...> его сопоставления черновых и окончательных вариантов романа, рассказы о прототипах главных героев, психологические портреты персонажей, анализ их поступков и душевных движений по-настоящему глубоки, интересны.

Копания Кураева в черновиках похожи на копание папарацци на помойке и только этим «глубоки и интересны». Черновые рукописи романа совершенно не пригодны для его толкования в отрыве от последней редакции, в которой сюжет и главные характеры героев кардинально отличаются от черновых вариантов. Вместо сопоставления черновых вариантов романа с

¹²²⁸ Форум Кураева. [«Мастер и Маргарита» – толкования и реальность.](#)

¹²²⁹ Там же.

¹²³⁰ «Орлята учатся летать», – слова С. Гребенникова и Н. Добронравова, музыка А. Пахмутовой.

окончательным авторским текстом, для прояснения его темных мест, Кураев, наоборот, затемняет истинный смысл авторской редакции, произвольно выдергивая подходящие ему цитаты из ранних редакций, полностью игнорируя при этом все, что опровергает его казуистические построения.

22.4. Вот одно из таких наблюдений. «Маргарита – не Муза Мастера. Она не вдохновляет его, а лишь слушает написанный роман. В жизни Мастера она появляется, когда роман уже почти закончен. Хуже того, именно Маргарита подталкивает его к самоубийственному поступку – отдать рукопись в советские издательства: «Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером».

Нигде в романе не сказано, что Маргарита не Муза Мастера. С каких это пор любовь перестала вдохновлять сердца художников, писателей и поэтов? К моменту ее встречи с Мастером, роман не был «почти закончен», наоборот, Мастер работал над ним «лихорадочно» еще целых четыре месяца. В черновиках указано еще более определенно: к моменту встречи Мастер «не успел <...> дописать свой роман до половины»¹²³¹. Маргарита не забывает о романе ни на минуту, даже когда вместе с Мастером покидает землю, и никакой славы этот роман ни Мастеру, ни ей уже не сулит. Как справедливо отмечает Б. Соколов¹²³²: «Маргарита <...> занимает в «Мастере и Маргарите» совсем уникальное положение, не имея аналогов среди других персонажей романа. Тем самым Булгаков подчеркивает неповторимость любви героини к Мастеру и делает ее символом милосердия и вечной женственности. <...> Любовь Маргариты становится высшей ценностью на свете».

Для Маргариты «в этом романе – ее жизнь»¹²³³. Так же относилась к творчеству своего мастера и Елена Сергеевна Булгакова: «Для меня, когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл»¹²³⁴. Желанием опубликовать роман в советских издательствах пронизан весь дневник Елены Сергеевны. И в жизни Булгакова она, также как и Маргарита, появилась, уже после возникновения творческого замысла, когда уже была готова первая редакция романа. Но разве она не являлась его Музой? Думаю, что наоборот, именно ей мы и обязаны тем, что роман приобрел свой нынешний облик и горячее признание читателей.

22.5. Зачастую доводы Кураева не просто остры и пронизательны, но и весьма неожиданны ещё и потому, что за ними громадные глубины многовекового христианского миропонимания, которые нам, большинству современных граждан, и не снились.

Наследнику почти вековых традиций¹²³⁵ «Литературной газеты», современному представителю ее последней редакции Серкову, «и не снилось» еще очень многое. В частности ни последней, ни промежуточным редакциям его газеты и не снилось, что данной газете суждено войти в вечность единственно благодаря упоминанию Булгакова о том, что в ней печатался Иван Поньрев.

22.6. Но, удивительное дело, глубокие и сложные разъяснения у Кураева ничуть не подавляют, не выглядят чрезмерными и самодовлеющими.

¹²³¹ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 236.

¹²³² Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 332.

¹²³³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 470.

¹²³⁴ Дневник Елены Булгаковой, запись от 20.12.1938 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 232.

¹²³⁵ Эти традиции выразительно характеризует А. И. Солженицын, упоминая о «Литературной газете», как о «<...> газетке-сплетнице, газетенке-потаскухе, занятой чем угодно, кроме своего прямого дела – литературы...» [Солженицын А. И. В круге первом. – М.: Худож. лит., 1990, с. 550].

Невольно вспоминаются слова: «Застенчивый, простой и милый, он вроде сфинкса предомной...»¹²³⁶. К сожалению, в данном случае сделанные выводы не красят православного профессора, как бы их не приукрашивал право славный литературный критик.

22.7. Он страшно и безнадежно болел. Но всё это время он оставался художником и писал свой великий роман, хотя и понимал, что нет никаких надежд на его опубликование.

Невнимательно Серков диакона читал, если конечно читал вообще. Ведь Кураев, в терминах Серкова, «остро», «проницательно», «глубоко» и «сложно», но «не подавляя» разъяснил, что Булгаков писал вовсе не роман, а фельетон, причем исключительно в расчете на опубликование в советской печати, для чего якобы постоянно занимался самоцензурой, выбрасывая из него все, что хоть в малейшей степени могло намекнуть читателю на истинный замысел автора. А Серков утверждает, что Булгаков писал «великий роман», да еще и «понимал, что нет никаких надежд на его опубликование».

22.8. И умирая в страданиях и уже теряя сознание, он целовал женщину, которую любил, и просил сберечь роман. «Пусть знают!» – говорил он. «Плохо кончается роман. Беспросветно». Так пишет Кураев. Но шепчет в предсмертном бреде Булгаков: «Чтобы знали... чтобы знали...» А для чего знать? Неужели лишь для того, чтобы убедиться в беспросветности и бессмысленности жизни?

Для серкокураевых финал романа действительно беспросветен и бессмыслен, но это не значит, что он являлся таковым и для Булгакова. Напомню слова Марка Твена о христианском рае: «<...> в человеческом раю нет места для разума, нет для него никакой пищи. Он сгниет там за один год – сгниет и протухнет»¹²³⁷. Видимо и для Булгакова христианский рай был беспросветен и бессмыслен, по сравнению с вечной жизнью, которую он навсегда своей авторской властью даровал Мастеру и Маргарите.

22.9. Диакон Андрей Кураев написал глубокую и серьезную книгу. И нужную. Для того, чтобы лучше понять роман Михаила Булгакова.

Как мы убедились, написанная на скорую руку в полемическом задоре чрезвычайно поверхностная книга Кураева грубо передергивает реальные факты и никак не может быть названа глубокой и серьезной (см. тезис 22.1). Измышления диакона не имеют ничего общего с авторской концепцией романа. Книга Кураева не только не помогает понять роман, но наоборот, затуманивает и неузнаваемо искажает его смысл. Кураев не первый религиозный деятель, искажающий творчество и биографию Булгакова, но, безусловно, первый по масштабам передергивания. Если кому и нужна книга диакона, так только не любителям романа «Мастер и Маргарита», а желающим надеть кураевские шоры на глаза, чтобы отгородиться от романа Булгакова и реального мира.

Резюме 22. Диакон Кураев грубо искажает суть книги Булгакова. Чтение Кураева и Баркова подобно чтению материалов желтой прессы небезопасно для душевного здоровья любителей черпать в подобных откровениях свет истины.

¹²³⁶ Из стихотворения Есенина о Ленине.

¹²³⁷ Твен М. Письма с Земли. Письмо второе // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 95.

Послесловие

«<...> учиться читать надо всю жизнь, а не только в первом классе».

Диакон Кураев¹²³⁸

«Судя по книге о романе Булгакова, Кураеву просто не дано – бывает! – понять, что же такое искусство и – главное – чем оно отличается от других форм духовной деятельности человека. Подобно советским идеологам, он требует от искусства, чтоб оно учило, воспитывало, морализировало. Понять ложность этих требований нам, так или иначе облученным господствовавшей в стране семьдесят лет с гаком идеологией, действительно не просто. Корни глубоко пущены».

М. Чудакова¹²³⁹

«Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович <...> забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек».

М. А. Булгаков¹²⁴⁰

«Книгу я прочел, и терпение мое лопнуло. Тряхнув кой-каким багажом, я доказал <...> что книгу писал несомненный и грязно невежественный шарлатан».

М. А. Булгаков¹²⁴¹

«Дикость монгольская, подлость византийская, только что штаны европейские...»

М. А. Булгаков¹²⁴²

«<...> самое великое чудище – это ученый монах».

Франсуа Рабле¹²⁴³

«Думаю, дьякон Кураев – это и есть так сказать церковное воплощение критика Латунского. Так было бы, если бы Латунский пришел в Церковь, отрастил бороду, надел рясу и стал бы что-то вещать с претензией на ту же абсолютную истину, с невыносимо важным видом, делил бы всех на чистых и нечистых. Самодовольный, противный и плоский ханжа!»

Мнение на форуме Интернета¹²⁴⁴

К сожалению, нам приходится констатировать, что почтенный отец Андрей многократно погрешил против истины в своем труде. Прежде всего, он избирательно надергал куски старых версий романа, полностью проигнорировав в этих версиях все, что опровергало его схоластические рассуждения. Кроме этого, в ряде случаев, диакон прибегнул и к прямому подлогу, – объединяя в единое целое не связанные цитаты, да еще и в произвольном порядке! Наконец, он построил огромное количество ни на чем не основанных версий, хотя знаком со всеми необходимыми источниками, в которых все объявляемые им загадочными факторы более чем убедительно разъясняются. Видимо именно в способности таких людей как Кураев материализовать свои навязчивые мислеобразы, и таятся истоки появления первых суеверий на земле.

Судя по школярскому уровню проведенного им анализа, Кураев совершенно не понимает, что такое живой мир искусства, и в частности художественной литературы, и чем он отличается от незыблемого библейского канона. Выводы Кураева не просто ложны. Они собственно и

¹²³⁸ Кураев А., диакон. Седьмое доказательство, или зачем ангелам нужны люди.

¹²³⁹ Чудакова М. «Бодрости от Воланда требовать не обязательно». –

<http://www.knigoboz.ru/news/news3165.html>

¹²⁴⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 336-337.

¹²⁴¹ Булгаков М. А. Киев-город. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 537.

¹²⁴² Булгаков М. А. Александр Пушкин. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 295.

¹²⁴³ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Кн. 1. – К.: Гослитиздат, 1956, с. 72.

¹²⁴⁴ Милосердный (Рыцарь Ночи). –

<http://amurspb.ru/forum/viewtopic.php?p=101307&sid=5acecc011b8e2c00874ec4991131ba82>

выводами то не являются, так как в действительности представляют собой не что иное, как постулированные им заранее казуистические утверждения, под которые диакон подыскал подходящие ему цитаты из черновых редакций. За 12 лет роман претерпел коренное изменение сюжета и характеров действующих лиц, и при желании, на основании старых версий, вместо исследования движения мысли автора и трансформации его замысла, можно состряпать «доказательства» чего душе угодно. Особенно при умении Кураева **«принудить всякий факт к непотребному сожительству»**.

Какой тезис Кураева не возьми, все беспардонное вранье. Вспомним хотя бы его утверждение, что в черновике 1928-31 годов Иешуа умирает со словами: **«Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр»**, хотя он умирает с возгласом Христа из Евангелия от Иоанна: **«Тетелеостай», – «Свершилось»** (см. [тезис 1.1](#)). Или другой «глубокий» вывод диакона о том, что **«Маргарита – не Муза Мастера... в жизни Мастера она появляется, когда роман уже почти закончен»** (см. [тезис 17.24](#)). А ведь, казалось бы, нетрудно обратить внимание, что влюбленные начали встречаться в начале мая, а роман был закончен только в августе. Четыре месяца срок сам по себе немалый. Но ведь имеет еще значение и темп работы, – а здесь у Булгакова сказано предельно ясно¹²⁴⁵: **«Тот, кто называл себя мастером, работал лихорадочно над своим романом, и этот роман поглотил и незнакомку»**. В черновиках же сказано еще более определенно: к моменту встречи Мастер **«не успел <...> дописать свой роман до половины»**¹²⁴⁶.

Сделанный Кураевым вывод, что фраза **««Рукописи не горят» – это предмет предсмертного кошмара Булгакова, а не тезис его надежды <...> Булгаков прямо пишет об обратном вторжении созданных им персонажей в его жизнь»** (см. [тезис 9.2](#)) просто обескураживает. Не понять столь ясно выраженную мысль Булгакова, что он сам худший враг себе, так как упрямо не желает подстраиваться под окружающий мир, мог или циничный приспособленец или великовозрастный дитя¹²⁴⁷. Подобная мысль не пришла бы в голову даже школьнику старших классов. Но продвинутый взор Кураева легко различает бесов даже там, где их отродясь не бывало. Когда-то министр обороны США генерал Джеймс Форрестол, повредившись рассудком на почве советской военной угрозы, с криком: **«Русские танки идут!»**, – выбросился из окна. Если я когда-нибудь услышу, что Кураев, осенив себя крестным знаменем, повторил его подвиг, с воплем: **«Черти лезут!»**, или **«Замуровали, демоны!»**, – то право не удивлюсь¹²⁴⁸. Чего еще ждать от человека серьезно рассуждающего о фестралах и терафимах?

В любом исследовании выдвижение гипотезы может предшествовать нахождению подтверждающих ее фактов. Но Кураев, выдвигая свои невероятные предположения, даже и не собирается искать их документальное подтверждение, а сразу обрушивает их на головы слушателей и читателей как объективную реальность. Прочел диакон, что Храм Христа Спасителя разрушили в 1931 году, а Дворец Советов начали строить в 1937 году, и тут же выдвигает гипотезу о самостроенных лачугах на развалинах Храма – **«деревне Нахаловке»** (см. [тезис 14.3](#)). А ведь добравшись до ближайшей библиотеки, он бы мог без труда узнать, что началу строительства здания, как и полагается, предшествовал нулевой цикл котлованных работ и закладки фундамента. Что эти подготовительные земляные работы начались сразу после взрыва Храма, и что вся его территория представляла собой одну гигантскую строительную площадку, где и речи не могло быть о самострое.

Утверждение Кураева, что **«в советской Москве 30-ых годов»** было всего два музея – **«Музей революции да Музей Ленина»**¹²⁴⁹ (см. [тезис 2.1](#)) находится просто за гранью разума. Такая бесстыдная ложь просто смешна. В начале тридцатых годов в Москве было 165 музеев! А у Кураева они выродились в один, и даже после сделанной задним числом(!) корректуры данного ранее интервью, их у него стало всего лишь два.

Своей лживости Кураев не стыдится: **«Признаюсь, что и в православной традиции есть допущения о полезности и необходимости лжи. <...> В Отеческих сказаниях написано: <...> «Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством**

¹²⁴⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 470.

¹²⁴⁶ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 236.

¹²⁴⁷ Точно также буквально умудряется диакон трактовать и употребление А. Менем слова **«Иванов»** в нарицательном смысле, придавая ему **«непристойно-расистский»** смысл (см. [тезис 7.8](#), примечание).

¹²⁴⁸ **«Ubi omnis vita metus est, mors est optima»** – **«Если вся жизнь – страх, то наилучший выход – смерть»** (лат.).

¹²⁴⁹ Возможно, в бытность атеистом он другие музеи просто не посещал?

злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы, а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения»¹²⁵⁰. Как отмечает диакон, в православии есть только одно «абсолютное табу», – «нельзя врать, когда речь идет о твоём вероисповедании». Высокая нравственная максима Канта ¹²⁵¹ : «<...> священная, безусловная повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть правдивым (честным)», – Кураеву просто недоступна, как, впрочем, и все прочее наследие великого философа. Читать Кураеву мораль, – все равно, что метать бисер перед свиньями. Жаль, что невыполним совет, данный Булгаковым: «Да отрежут лгуну его гнусный язык!»¹²⁵²

Но самое грустное не это. Как ни прискорбно, но, несмотря на то, что диакона Кураева многократно уличали в прямой лжи, передергивании и подтасовке фактов, поклонников у него не убавляется и, видимо, не убавится. И дело тут даже не в «магнетизме» самого Кураева и его пробивных способностях, а в прискорбном духовном состоянии самой России. Каждое время требует своих героев, – когда-то Россия была беременна Распутиным, а ныне она беременна именно Кураевым. «*Signum temporis*»¹²⁵³ сегодня, – показное православие и мнимое благочестие. Как заметил любимый писатель Булгакова Гоголь, две вечные беды у России, и никуда от них не деться.

По духовному сродству Кураев является сложной помесью большевиков и инквизиторов. Одни неукротимо стремились «железной рукой загнать человечество к счастью», другие, – хоть огнем, хоть мечом, хоть пытками спасти души грешников.

Кураев не скрывает свое кредо. Неважно, какие средства и доводы, истинные или ложные, использованы для обращения в христианскую веру. Неважно истинные или вымышленные события рассказаны. Неважно, какой смысл вкладывали сами авторы цитируемых произведений в свои слова. Все для него, как и для иезуитов, служит к вящей славе Господней. Понятно, что в такие убогие сети ловятся в основном только невежественные души. Но качество улова Кураева, как бывшего последователя большевистской идеологии¹²⁵⁴, совершенно не беспокоит, для него главное вал. О том, что прозревшая от его лжи душа может в дальнейшем с ужасом отшатнуться от христианской веры¹²⁵⁵, диакон даже не задумывается и успешно исполняет роль барана ведущего свое религиозное стадо. А ведь: «<...> чем выше цель, тем выше должны быть и средства! Вероломные средства уничтожают и самую цель!»¹²⁵⁶ Получается, что религия для Кураева не добровольная философская система мироощущения личности, а только инструмент для принудительного программирования мировоззрения толпы.

Если у человека есть вера, то, отпадая от нее, он обычно ожесточает свою душу, что мы и видим на примере Кураева. Ненависть диакона к неверующим и Советской России совершенно типична для человека отпавшего в данном случае от веры в вульгарное безбожие, ибо атеистом он числился только по образованию и воспитанию, а не по состоянию духа¹²⁵⁷. Теперь бывший воинствующий безбожник, а ныне «прозревший» православный пастырь¹²⁵⁸ каждому противнику находит «доброе» слово. Ник Перумов у него «сволочь» и «мерзавец»; у Гребенщикова «стеклянные глаза»; неверующие у него «бездомные образованцы», «сатанисты» и «отморозки»;

¹²⁵⁰ Кураев А., диакон. Уроки сектоведения. В 2 т. Т. 1. Как узнать секту (на примере рериховского движения).

¹²⁵¹ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. О мнимом праве лгать из человеколюбия. – М.: ЧОРО, 1994, с. 259.

¹²⁵² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 542.

¹²⁵³ «Знамение времени» (лат.).

¹²⁵⁴ Аналогично действовали большевики, отменившие в Уставе 1939 г. пункт об обязательном усвоении членами партии программы ВКП(б). По мнению ЦК теперь было достаточно ее «признавать», а понимания уже не требовалось.

¹²⁵⁵ Вспомним, как отшатнулся от христианской веры Артур в романе Войнич «Овод», и к каким страшным последствиям для его души это привело.

¹²⁵⁶ Солженицын А. И. В круге первом. – М.: Худож. лит., 1990, с. 527.

¹²⁵⁷ Кураев был вульгарным атеистом-безбожником, именно **верующим** в отсутствие бога, благодаря заложенному с детства воспитанию. В то время как настоящий атеизм это не наивная вера в отсутствие бога, а мироощущение человека, познающего окружающий мир без привлечения излишних сущностей, к каковым, по его мнению, относится Бог, поскольку все, что может быть объяснено без понятия Бога, и так в нем не нуждается, а то, что объясняется только с его помощью, на самом деле ничего не объясняет, а только переводит явление в категорию принципиально непознаваемого божественного промысла.

¹²⁵⁸ «*Incendit quod adorabat, adorat quod incendebat*» – «Сжег все, чему поклонялся, поклоняется тому, что сжигал» (лат.).

ериховцы «неумны и нечестны»; Фауст «преизряднейший мерзавец»; Маргарита «блудливая ведьма»; Мастер «иуда»; Иешуа «шмыгающий носом», «заискивающий» и не вызывающий уважения персонаж. Получается, что возвышенная мораль Нагорной проповеди «*Diligite inimicos vestros*»¹²⁵⁹ на деле отрицается и высмеивается Кураевым, и не любовь к людям, а ненависть к еретикам руководит его душой, делая диакона духовным преемником столь любимых им инквизиторов.

Демонстрируемые диаконом невежество в истории собственной страны и поверхностность суждений о художественной литературе, в сочетании со стремлением душить ненавистных ему теперь «<с>котов» атеизма, больше бы подошли какому-нибудь гибриду Шарикова с Берлиозом. Но Кураеву, несомненно, суждено завидное творческое долголетие на ниве духовного просвещения русского народа. – Недалек день, когда его измышления в школьные учебники вставят, а «Мастера и Маргариту» будут издавать с его комментариями.

На одном из форумов Интернета мне встретился следующий отзыв о книге Кураева: «<...> немало здравых мыслей! Хотя я не со всеми согласен! Информативно». Но «информативность» бывает разная. Помню, после событий 11 сентября в Америке, мне довелось читать в одной из центральных газет статью на всю страницу с шокирующими заявлениями о том, что на крышах башен в качестве противовеса находилось 300 и 400 тонн ртути, соответственно, и что в ближайшее время скажутся последствия невиданного отравления ее парами. При этом, так же как и у диакона, была высказана огромная куча разнообразных теорий, сведений и «здравых мыслей». В общем, статья была чрезвычайно «информативна», да только оказалась совершенно бесполезна и бесплодна, ибо представляла собой не истинное знание, а лжесозданное, вымышленное.

«Информативность» Кураева также носит преимущественно ложный характер. Позволю себе повторить его цитату о связи еврейского праздника Пурим и международного женского дня 8 марта из первого издания его эпохального труда «Как делают антисемитом»¹²⁶⁰: «Понимаю, что тут не уйти от вопроса – а с чего это я взял, что Клара Цеткин помнила Пурим? Ведь она, скорее всего, не была практикующей иудейкой. Марксистка, она исповедовала атеистические взгляды – и с какой же стати ее действия сопоставлять с обрядами давно забытой ею синагоги. Но дело совсем не в том, ходила ли Клара Цеткин в синагогу в пору своей революционной деятельности. Дело в том, что в ее памяти не могли не остаться детские воспоминания об этом празднике. Все другие синагогальные праздники она могла забыть – но не этот. Просто потому, что в иудаизме Пурим – это прежде всего детский праздник. «Вечером и утром в синагогах читают свитки Эстер. Принято шуметь (стучать ногами по полу, кулаками по столам и крутить специальные пуримские трещотки) при упоминании имени злодея Амана. Особенно усердно исполняют этот обычай, конечно, дети». Итак, для Клары Цеткин Пурим не был просто книжным воспоминанием. Это то, что с детства входит в сознание иудея. А потому даже для того еврея, который порвал связь со своей национальной религиозной традицией, детское воспоминание о Пуриме очень живо».

Как много интересных, одному ему известных информативных подробностей о Кларе Цеткин сообщает нам в этой цитате диакон:

- была еврейкой;
- ходила в детстве в синагогу;
- сохранила светлые детские воспоминания о празднике Пурим;

Но все эти «ценные сведения» являются только высосанным из пальца галлюциногенным бредом. Впрочем, мудро ли подвинуться рассудком, когда Сатана мерещится за каждым углом? Измышления Кураева хуже, чем ложь. Ведь ложь предполагает хотя бы какую-то работу ума, здесь же мы видим случайную флуктуацию замутненного антисемитскими фобиями сознания диакона. А ведь он мог бы, прежде чем писать эту чушь, заглянуть в ближайшую библиотеку и остудить свое разгоряченное воображение, освежив в памяти изучавшуюся им в бытность атеистом биографию Клары Цеткин, из которой бы он узнал, что¹²⁶¹: «Клара Цеткин еврейкой и сама не была, и в роду ее не было ни одного еврея, если, конечно, не считать Адама и Еву, которые

¹²⁵⁹ «Любите врагов ваших» (лат.).

¹²⁶⁰ Напоминаю, что, опростоволосившись со своими гипотезами о еврействе Клары Цеткин, Кураев основательно подчистил свои детские антисемитские воспоминания, и во втором «расширенном и дополненном» издании книги от них остался один запах...

¹²⁶¹ Каджая В. Угроза Пурима отступила. – Московские новости, № 9, 2005.

всем нам прародители. Более того, отец Клары Готфрид Эйснер служил преподавателем в приходской средней школе, где учил детей чтению, письму, счету и... закону Божьему. Еще он играл в местной кирхе на органе, а маленькая Клара ему помогала. И когда на склоне лет она посетила родную деревню, то попросила открыть ей кирху и более часа просидела у органа в полном одиночестве. Вот такие были у нее детские воспоминания...»

Нормальный человек, так опозорившись, умерил бы свой пропагандистский пыл и хоть на пару лет удалился в какой-нибудь скит, грехи замолить и душой просветлиться. А Кураеву плюнь в глаза, – божья роса. Отряхнулся, утерся рукавом, заменил памперс, подчистил свой труд и выпустил его «второе, расширенное и дополненное» издание с пафосным подзаголовком «рекомендуется всем телезрителям».

Любителей Булгакова прошу понять, что рассмотренная нами работа Кураева является точно таким же порождением воспаленного сознания диакона, как и его былые измышления о вреде идентификационных кодов и связи праздников Пурим и 8-е марта. Я вижу страшный ночной кошмар Кураева: веселые еврейские детишки скачут вокруг его кровати, «стучат ногами по полу, кулаками по столам, крутят специальные пуримские трещотки» у него над ухом и кричат: «За что ты связал нас с восьмым марта?!», – не давая ему спать.

При перековке из вульгарного атеиста в религиозного ортодокса, Кураев сменил прежний классовый подход к истории и литературе на религиозный, но сохранил при этом все внутренние примитивные принципы мышления советских «философов». Беда не в том, что его измышления совершенно глупы. Как известно, «*interdum stultus opportuna loquitur*»¹²⁶². Беда в том, что дельные мысли у диакона совершенно неразличимы в общем нагромождении его невероятных измышлений. Ведь нельзя же право серьезно воспринимать книгу, в которой вам нужно тщательно проверять на предмет лжи либо невежества малейший упоминаемый в ней факт. О чем можно говорить с человеком, который с серьезным видом утверждает, что в Москве в 30-е годы было всего два музея? К многочисленным опусам диакона в полной мере применимы слова Е. С. Булгаковой, записанные в ее дневнике 5 ноября 1938 г.¹²⁶³: «<...> прочитала, по просьбе М. А., четыре либретто <...> Впечатление такое, после чтения всех присланных либретто, – что хорошие либретто пишут разные люди и каждый по-своему. А дурные все – пишет один и тот же человек. Пишет неграмотно, бездарно, но пишет без конца». Прекрасный совет для такого случая дал Булгаков словами Мастера: «Не пишите больше!»¹²⁶⁴

По сравнению с «теориями» Кураева, облитый им грязью «Код да Винчи» Дэна Брауна является вершиной научного мышления. Хорошо, что Кураев, по-видимому, не читал роман Беляева «Человек-амфибия». Иначе бы он, несомненно, попытался бы внушить своей духовной пастве, что этот роман кощунственно утверждает, что божье творение можно улучшить по сравнению с исходным проектом, и что известная сцена с раздачей Ихтиандром рыбы есть не что иное, как злостная пародия на евангельский сюжет о раздаче рыбы Христом.

Когда-то среди журналистов и писателей была популярна игра, – начать рассуждения на любую тему с тривиальной фразы: «Волга впадает в Каспийское море». В этой игре Кураев мог бы преуспеть. Ведь в любом рассуждении его интересует, прежде всего, не поиск истины, а построение нужной ему словесной конструкции, обосновывающей а priori выдвинутый им тезис. Ему все равно, что доказывать, – религиозность Эйнштейна, «некомпетентность» и «наивность» академиков, вред идентификационных кодов, иудейство Клары Цеткин, происхождение праздника 8 марта от праздника Пурим, существование «деревни Нахаловки», отсутствие музеев в Москве или еще что-нибудь, – «пишет неграмотно, бездарно, но пишет без конца». Но если Кураев так вольно и бесцеремонно обращается с хорошо известными реальными историческими фактами, то можно ли ожидать от него малейшей добросовестности при толковании священных текстов, где, не обладая обширными специальными познаниями, уличить его во лжи и передергивании практически невозможно?

Читая диакона нужно постоянно иметь в виду, что он очень небрежен и неразборчив в цитировании, что совершенно недопустимо в серьезном исследовании. Так, например, книгу Мариэтты Чудаковой о Булгакове Кураев называет «Жизнеописание М. А. Булгакова». Такой книги в природе не существует. Зато есть книга «Жизнеописание Михаила Булгакова». Письмо

¹²⁶² «Подчас и дурак говорит дельное» (лат.).

¹²⁶³ Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 218.

¹²⁶⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 461.

Булгакова жене о статье «Социальная фантастика Гофмана» в журнале «Литературная учеба» № 5 за 1938 год, Кураев датирует как «Письмо Е. С. Булгаковой от 7.8.1937 г.» Брат Булгакова Иван превратился у него в **Николая** (см. [тезис 3.8](#)) и т.п.

Орфографические ошибки, – большое место «профессора», – я перечислять не буду. Видимо редакционные возможности Word Кураеву просто не известны. Но ошибки диакона в цитатах хуже, чем просто безграмотность, – где слова переставлены, – где отсутствующее слово появилось или, наоборот, существующее исчезло. Например, цитируя Данте, Кураев пишет «самое подлое и самое вредное верить, что после этой жизни **не будет другой**» вместо «**нет другой**»¹²⁶⁵. Или, цитируя Канта, пишет «**поступок его свободен и не определен ни одной из причин**», вместо «**его поступок свободен и не определен ни одной из этих причин**». Сделанные в цитатах купюры диакон и вовсе, как правило, не считает нужным выделить хотя бы многоточием. Не говоря уже о том, что он или не понимает, или намеренно игнорирует разницу между авторским многоточием и своим. Скорее, конечно, последнее, ведь так ему проще фабриковать необходимые цитаты.

Вышеупомянутые ошибки в работе Кураева особенно недопустимы для кандидата богословия, которому Патриархом Алексием по представлению ученого совета РПУ присвоено ученое звание профессора богословия. Судя по рассмотренной нами работе Кураева, в религиозных науках никогда не слышали об аттестационных требованиях к оформлению диссертаций. Подобные огрехи могли бы еще быть извинительны в записках полуграмотного сельского дьячка, но только не в претендующей на научность работе профессора Московской Духовной Академии.

Впрочем, и сам Кураев понимает реальную ценность своих официальных титулов¹²⁶⁶: «Тут действительно есть некоторое расхождение между официальным титулом и внутренним самоощущением. Ну, какой я в самом деле «профессор богословия»! В дореволюционную Духовную Академию меня и студентом бы не приняли, не то что профессором! Я бы прежде всего на языках завалился... Но уж если есть сегодня богословские высшие учебные заведения – кто-то должен быть в них и профессором. «Какое время на дворе – таков мессия»». Что ж, после октябрьской революции и худшие «образованцы» попадались, – некоторые, например, путали Форум с Колизеем, вводя в оборот удивительные фразы, вроде: «Какой представительный коллизей!» И все же вспоминается крылатая некрасовская фраза: «Бывали хуже времена, но не было подлей». Можно только представить себе, какое бы неприятие вызвал бы подобный доморощенный профессор-образованец у Булгакова и его современников, помнивших уровень образования и мышления дореволюционной православной профессуры, всего лишь обезьяной которой являются Кураев и иже с ним: «<...> всегда возле хорошего на свете заводятся дрянные обезьяны...»¹²⁶⁷. Подобных новоявленных бодро врущих невежественных «профессоров» Булгаков с презрением заклеил в своем фельетоне «Электрическая лекция»: «<...> профессор кинулся вон, а вслед ему засвистел разбойничьим свистом стоголосый класс»¹²⁶⁸.

Оценивая работу диакона Кураева, весьма прискорбно видеть, на что он растратил свой, не уступающий таланту брата Медарда из «Эликсиров сатаны» Гофмана, несомненный дар красноречия, заранее уложив себя в прокрустово ложе необходимых ему для миссионерской работы выводов. Чрезмерная плодовитость и крайняя неразборчивость его в средствах достижения цели явно не идут на пользу плодам деятельности его¹²⁶⁹. На nive религиозного просвещения нельзя работать в стиле Дюма-отца. А ведь именно как романист обращается Кураев с цитируемым материалом, вдохновенно придавая историческим фактам, как пластилину, любую нужную ему художественную форму. Вот только от Бога или от дьявола это вдохновение?

¹²⁶⁵ И восторженные поклонницы диакона уже разносят кураевский вариант цитаты по Интернету.

¹²⁶⁶ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹²⁶⁷ Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 90.

¹²⁶⁸ Булгаков М. А. Электрическая лекция // Булгаков М. А. Чаша жизни: повести, рассказы, пьеса, очерки, фельетоны, письма. – М.: Сов. Россия, 1988, с. 464.

¹²⁶⁹ Будь я духовником диакона, я бы настоятельно посоветовал ему смирить гордыню и поразмышлять над следующими строками Гофмана «<...> ты не наставлял общину верующих, возжигая в ней светоч благочестивых размышлений, а искал только похвал и пустого восхищения суетно настроенных мирян. Ты лицемерно выставлял чувства, каких нет у тебя в душе, ты прибегал к явно заученным жестам и наигранному выражению лица, будто самонадеянный актер, ради одних постыдных одобрений. Дух лжи завладел тобою, и он тебя погубит, если ты вновь не обрешь себя и не отретишься от греховных помыслов. Ибо грех, великий грех – все поведение твое и твои замашки, грех тем больший, что постригаясь в монахи, ты дал обет вести самый благочестивый образ жизни и отречься от земной суеты» [Гофман Э. Т. А. Эликсиры сатаны. – Ленинград: Наука, 1984, с. 30].

(Здесь я имею в виду отнюдь не облагороженного гением Булгакова литературного Воланда, а именно вульгарного религиозного врага рода человеческого в чистом виде.)

Еще одно печальное обстоятельство связано с тем фактом, что Кураев имеет обыкновение излагать чужие идеи от собственного лица, что, безусловно, способствует приданию большего значения его собственной фигуре в глазах читателей, но, несомненно, крайне неприлично с его стороны по отношению к авторам этих идей. Хочу предостеречь любителей получать здравые мысли и информацию из чужих работ, что данное сочинение Кураева не содержит практически ни одной оригинальной мысли о творчестве Булгакова, и представляет собой сплошь заимствования из разных источников и, к сожалению, практически без ссылок на «первопроходцев». Поэтому правильнее называть его не сочинением, а изложением, – изложением чужих мыслей.

Печальна ненависть Кураева к Советской России, которую он пытается приписать и Булгакову. Немало мрачных страниц было в истории России, и не только в советское время. Советские «образованцы» ненавидели и топтали своими грязными ногами царскую Россию, а нынешние, – топчут Советскую Россию; придет иное время и иные «образованцы» будут точно так же топтать и сегодняшнюю жизнь России...

Нельзя, ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах нельзя ненавидеть свою Родину, ибо это кончается очень печально, как это доказал пример большевиков, ненавидевших царскую Россию. Можно ненавидеть советскую власть, но нельзя ненавидеть Советскую Россию.

Как с гордостью пишет Кураев, после его успехов в битве за дело Гарри Поттера, на гаррипоттеровских интернет-форумах появилась формула: «**Диакон, который защитил мальчика, который выжил**»¹²⁷⁰. Но от кого же защитил наш добрый диакон бедного мальчика? Неужели от Волан-де-Морта? – Увы, всего лишь от христианской церкви и себя самого. Невольно вспоминаются наивные слова маршала Жукова: «**Сталин меня спас**». Нужно ли пояснять, что спас он его в первую очередь не от Берии, а от себя лично? Нужно ли пояснять, что цель Кураева была не в «спасении Гарри Поттера», а в завлечении юных душ в лоно православной церкви? Понадобилось бы для его целей иное, он бы порвал Гарри как котенка и смешал его с грязью. Христианский волк-Кураев, спасая этого невинного ягненка, всего лишь уподобился «Доброму пастырю», статуэткой которого он награжден¹²⁷¹: «**Пастырь на своих плечах несет ягненка**»¹²⁷². **Это древний образ христианского пастырства, не нуждающийся в особом толковании**. Особого толкования здесь и правда не нужно. Испокон веку ягнят спасают и выхаживают, для того, чтобы потом их съесть: «**Чем больше мы заботимся о животных, тем они вкуснее!**»

Наверно Кураеву уже мерещится появление на булгаковских форумах сладостной формулы: «**Диакон, защитивший Христа, который воскрес**». Но, надеюсь, когда-нибудь на них появится другая формула: «**Диакон, который оболгал «Мастера и Маргариту», которые выжили**». И булгаковеды будут писать в примечаниях: «**«Мастер и Маргарита» ориентирована на читателей, которые хорошо знали реалии советской жизни тридцатых годов. Но затем эта книга попала в руки к ортодоксальным христианским варварам, которые не могли понять ее житейские и философские намеки. И христиане начали спекулировать на светской книге. Некая сволочь по кличке «Диакон Кураев», переучившийся и перекрасившийся вульгарный совковый атеист, даже перетолковал книгу Булгакова с откровенно христианскими акцентами**». (Рьяным поклонникам Кураева поясняю, что эти слова являются точной калькой цитированных мною ранее слов Кураева о «Властелине колец», Нике Перумове и Толкиене.)

Читать Кураева необычайно тяжело. После светлого (несмотря на Сатану!) мира Булгакова, необыкновенно мучительно окунаться в косное инферно диаконских рассуждений. Лучшее всего подобное ощущение выражено самим диаконом, правда, применительно к учению Рериха: «**И чувствую я себя после этого как ассенизатор после рабочего дня...**»¹²⁷³. Не Богом, а убожеством веет от схоластических измышлений диакона. Одно дело носить Царство Божие в себе, и другое дело, – выплескивать свое убожество наружу.

¹²⁷⁰ Кураев А., диакон. Гарри Поттер в церкви: между анафемой и улыбкой // Бэггет Д., Клейн Ш. Э. Философия Гарри Поттера: Если бы Аристотель учился в Хогвартсе. – СПб.: Амфора, 2005, с. 431.

¹²⁷¹ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

¹²⁷² Напомню, что одна из полных анаграмм фразы «Диакон Кураев» гласит: «Краду и овенка» (см. тезис 6.5).

¹²⁷³ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

По тягостному впечатлению казуистические речи диакона более всего напоминают мне печальной памяти материалы сталинских процессов и сессии ВАСХНИЛ. Та же логика использовалась и в процессах столь уважаемой им святой инквизиции, о которой Кураев пишет¹²⁷⁴: «Инквизиторы и математики делали одно дело и поддерживали друг друга. Они вместе боролись с «демонами»». Как тут не вспомнить едкую сатиру Булгакова на подобных «борцов с демонами» в пьесе «Иван Васильевич»! Горе русской литературе, если ее начнут вести за собой такие ортодоксальные диаконы. Социалистический реализм она еще перенесла, но религиозного реализма может и не перенести, особенно, если воцарится он всерьез и надолго. Слишком серьезным философом возомнил себя Кураев, хотя по уровню суждений он и в подметки не годится известным русским религиозным философам.

Любой рассматриваемый факт Кураев самым непристойным образом пытается вывернуть наизнанку и заставить противоречить самому себе. Невольно вспоминается «бдительный товарищ» из романа о Чонкине, написавший следующий донос: «Слова данного поэта... разносятся при помощи радио на весь Советский Союз, в том числе и известная строчка «Как увижу, как услышу». Но прислушайтесь внимательно, и вы уловите нечто другое: «Каку вижу, како слышу»»¹²⁷⁵. Совершенно очевидно, что член экспертно-консультационного совета по проблемам совести при Комитете Государственной Думы РФ по делам общественных организаций и религиозных объединений диакон Кураев Андрей давно избавился от химеры, именуемой совесть, ибо полностью подчинил ее своим миссионерским целям.

Предвижу негодование поклонников и особенно поклонниц Кураева: «Как можно так очернять душу диакона!» Но «*bonis nocet, qui malis parcit*»¹²⁷⁶, – диакон сам себя очернил, завравшись в своих непристойных инсинуациях до совершенно невозможного неприличия. Посмотрите на Кураева и его суждения о романе Булгакова непредвзятыми глазами, и обратите внимание, что Ваш духовный король голый! Своей «просветительской» деятельностью в области светской литературы диакон полностью соответствует средневековой эпиграмме на иезуитов: «*Mel in ore, verba lactis, Fel in corde, fraus in factis*»¹²⁷⁷.

Как пишет в своей книге «В поисках Православия» религиовед и философ А. Владимиров: «О феномене Кураева, его беспардонности, циничности и лживости кто только ни писал. Пишут академики, священники, православные публицисты, деятели науки и культуры. <...> За всю историю Церкви не было еще подобного примера, чтобы так долго и безнаказанно «низший церковный чин» <автор цитирует Кураева. – С.Ц.> мог оплевывать известных деятелей культуры, науки, провоцируя противостояние Патриархии с культурой и наукой, восстанавливать против Православия своею хулою не только многие новые религии и новые духовные движения, но даже традиционные религии, исповедуемые тысячелетия и утвердившиеся среди многих народов на огромных пространствах»¹²⁷⁸.

К сожалению, несмотря на все вышеизложенное, даже самое квалифицированное «разъяснение» диакона не способно подорвать его авторитет в глазах людей приученных воспринимать мир через привычное кривое стекло предвзятого мировоззрения, искажающее реальную перспективу. Об этом свидетельствуют многие высказывания на кураевском форуме, например уже приводимое нами: «<...> книга Михаила Булгакова – хорошая, а книга Андрея Кураева – плохая. На скорую руку написанная в большевистской манере и стиле агитка – на совсем неподдающемся материале. Что совсем не умаляет значимость последнего как замечательного публициста, миссионера и апологета христианства – с ним остается масса других замечательных работ»¹²⁷⁹. Воистину, блажен, кто верует! Разумного человека тринадцатый удар часов заставляет усомниться в правильности не только тринадцатого, но и каждого предшествующего ему удара. Кто солгал единожды, солжет еще не раз! Но там где торжествует слепая вера, разум бездействует. Понять, что только их собственная вера превращает плохие книги диакона в «замечательные работы», а самого Кураева – в «замечательного публициста» его поклонники не в состоянии.

¹²⁷⁴ Там же.

¹²⁷⁵ Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. – М.: Кн. палата, 1990, с.155.

¹²⁷⁶ «Вредит хорошим, кто щадит дурных» (лат.).

¹²⁷⁷ «Мед на языке, молоко на словах, Желчь в сердце, обман на деле» (лат.).

¹²⁷⁸ Владимиров А. В поисках Православия. Современники // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 2 – М.: Международный Центр Рерихов, 2001, с. 378.

¹²⁷⁹ Форум Кураева. [«Мастер и Маргарита» – толкования и реальность.](#)

Кураев везде заявляет, что хочет защитить роман от обвинений в сатанизме и вернуть его верующим. Но в одном выступлении неизменно лгущий диакон все же проговорился, что его истинная цель состоит в том, чтобы Булгакова поменьше читали: «В начале января 2006 г. г-н Кураев, выступая на «Эхе Москвы», провозгласил «благородную» идею: «...принять обращение к Министерству образования с требованием **выбросить** этот роман из школьной программы <...> Чтобы не отбивать вкус и любовь к этой книге, во-первых, у детей, во-вторых, книга слишком сложная <...> ...пока наши литераторши бедные, наши русички не научатся читать, до той поры лучше к этой книге не прикасаться» (<http://echo.msk.ru/programs/box/41056/>). Такова реальная цель, замаскированная человеколюбивыми соображениями. Уж как старательно г-н Кураев на полутора страницах доказывал, что роман Булгакова вполне «христианский» – ан, оказывается, детей к этой книге лучше не подпускать. И вся любовь»¹²⁸⁰.

Заметим, что в этом же выступлении Кураев, в охотничьем порыве травли фильма Бортко, нечаянно проговорился не только о своей истинной цели, но и о своем истинном отношении к роману! И отношение это далеко не возвышенное. Не исключить, не убрать из программы, а именно «**выбросить**» роман как мусор на помойку предложил он.

Кураев по его словам прекрасно владеет русским языком «во всем разнообразии его стилей – от церковнославянского до студенческого»¹²⁸¹. И если он для выражения своего неподдельного искреннего отношения к роману использовал именно такое пренебрежительное слово – «значит не стоит романтизировать» его чувства к роману Булгакова, «отдирать» от реального образа лукавого диакона все те пошлые черты, которые многократно проявились в сострепанной им компилятивной писанине, а «насильственно отреставрированный лик» религиозного, говоря словами Маяковского, «агитатора, горлана-главаря», «возносить на одну ступень» со светлыми православными мыслителями и писателями. Вы можете себе представить, чтобы Анна Ахматова или Михаил Бахтин могли потребовать «**выбросить этот роман из школьной программы**»? Скорее бы они предложили выбросить на свалку истории самого Кураева со всей его макулатурой.

Как утверждает Кураев¹²⁸²: «С книгами спорить тяжело – тезисы в них ясно прописаны. Аргументация приведена. Да и проверить легко – правда ли я написал ту глупость, которую мне приписали. Поэтому издания, специализирующиеся на обличении «кураевщины», предпочитают строить свои пиар-кампанию на перевирании моих лекций».

Ну что ж, мы разобрали именно книгу, а не лекцию и в приведенной ниже таблице собраны основные «ясно прописанные» в ней примеры самой вопиющей лживости, невежественности и глупости диакона Кураева, проверить которые действительно очень легко, так как это дословные цитаты из сострепанного им компилятивного изложения собственного и чужого бреда по поводу романа Булгакова. Впрочем, я не склонен наивно полагать, что Кураев действительно настолько невежествен, примитивен и глуп, как это демонстрируют приведенные ниже цитаты. Скорее всего, дело тут в его нечистоплотности и склонности к вранью: «И интереснее всего в этом вранье то, <...> что оно – вранье от первого до последнего слова»¹²⁸³.

Примеры передергивания и подтасовки фактов диаконом Кураевым:

Утверждение Кураева	Действительность
1.1. <...> Иешуа булгаковского романа умирает с именем Понтия Пилата на устах <...> В черновике 1928-31 годов: «Иешуа же вымолвил, обвисая на растянутых сухожилиях: – Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр».	В черновике 1928-31 годов Иешуа умирает со словом «Тетелеостай»– «Свершилось» (греч.), означающим исполнение всех библейских пророчеств. В более поздней версии Ешуа «<...> вдруг обвис, изменился в лице и произнес одно слово по-гречески, но его уже не расслышали». Описание Булгаковым последних слов Иисуса в черновике 1928-31 годов в точности следует евангелию от Иоанна: «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Иоан. 19:30).

¹²⁸⁰ Яблоков Е. Белым по-черному. – <http://www.knigoboz.ru/news/news3564.html>

¹²⁸¹ Кураев А., диакон. Биография: «Диакон храма св. Иоанна Предтечи что на Пресне».

¹²⁸² Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

¹²⁸³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 603.

<p><u>2.6.</u> В дневнике Е. С. Булгаковой (осень 1937 года): «Мучительные поиски выхода... откорректировать ли роман и представить?.. Миша правит роман».</p>	<p>В дневнике от 23 сентября 1937 г. написано следующее: «Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить? Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение». Смысл оригинальной записи совершенно другой, – выхода нет. Присоединенная же для создания нужного впечатления к оборванной исходной цитате запись «М. А. правит роман», – не имеет к описываемым событиям никакого отношения и сделана более месяца спустя, 27 октября 1937 г., после записи «Уборка книг».</p>
<p><u>3.5.</u> И до хулы на Бога и Церковь Булгаков все же никогда не доходил. Ему пробовали заказывать антирелигиозные пьесы – и он отказывался (и это в 1937 году!).</p>	<p>В 1937 году антирелигиозные темы были совершенно не актуальны. Еще 14 ноября 1936 г. была снята опера известного любителя антирелигиозных пьес Демьяна Бедного «Богатыри», в том числе и за глумление над религией. Антирелигиозный сценарий (а не пьесу!) Булгакову попытались заказать всего один раз, и он отказался от работы над ним даже не зная, что тема антирелигиозная. В дневнике Булгаковых от 20 мая 1937 г. записано: ««<...> вечером звонил Адриан Пиотровский <...> Хотел заказать М. А. сценарий. М. А. отказался. Но из любопытства спросил – «на какую тему?» – Антирелигиозную!»».</p>
<p><u>3.6.</u> Вот булгаковский дневник: «19 октября 1922. Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ... 26 октября 1923. Нездоровье мое затяжное. Оно может помешать мне работать. Вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога... 27 октября 1923. Помогите мне, Господи». «Каждое утро воссылаю моления о том, чтобы этот надстроенный дом простоял как можно дольше – качество постройки несколько смущает». «В конце жизни пришлось пережить еще одно разочарование – во врачах-терапевтах... А больше всего да поможет нас всем больным Бог!»</p>	<p>Кураев объединил записи по разным поводам за 18 лет. Иной закоренелый атеист за день бога чаще помянет, чем Булгаков за эти долгие годы. Для имитации религиозного настроения Булгакова, Кураев отобрал только записи относящиеся к нездоровью, отбросив за ненужностью записи вида: «Господи! Хоть бы скорее весна!»</p> <p>В первой записи Кураев нечаянно «ошибся» годом, превратив 1923 г. в 1922 г. На самом деле все три первые записи сделаны одна за другой в период нездоровья Булгакова.</p> <p>Соединив высказывания за разные годы, диакон еще и отредактировал их, опустив ненужные ему слова и изменив знаки препинания. В результате смысл слов Булгакова, что так просто легче жить, изменился, а акцент сместился с нездоровья на Бога: «Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога».</p> <p>Обширная переписка Булгакова, его личные и семейные дневники показывают, что он нигде не обнаружил ни малейшего интереса к обсуждению религиозных тем, и упоминает бога только несколько раз в случаях нездоровья. Более того, в здоровом состоянии Булгаков предпочитает упоминать Судьбу, а не Бога.</p>
<p><u>3.8.</u> Михаил Булгаков в стихах своего брата Николая отмечает строки, в которых выражается православное верование во «встречного ангела» – «ангела смерти»: Войдешь без слов, мой гость случайный. Как зачарованный вопьюсь Глазами в лик необычайный.</p>	<p>Булгаков ничего не отмечает, а по просьбе младшего брата Ивана (а не Николая!), делает подробнейший критический анализ его стихов, подробно разбирая художественный уровень каждой строки. Из этого анализа диакон и выдрал свою цитату, и пытается выдать ее за свидетельство интереса Булгакова к православию, но цитируемые им слова Булгакова относятся не к «гостю случайному», а к философскому отсутствию страха перед смертью: «Скажу – готов и не боюсь. Верно и сильно, а далее досадное ослабление. И это во многих стихотворениях. Они написаны туманно. Не отточена в них мысль до конца <...>».</p> <p>Как видим, перед нами самая обычная литературная критика,</p>

<p>Скажу – готов и не боюсь. Комментарий Михаила Афанасьевича: «Скажу – готов и не боюсь. Верно и сильно».</p>	<p>совершенно лишенная малейшего мистического религиозного налета, приписываемого ей Кураевым.</p>
<p><u>3.12.</u> <...> во дни последней и мучительной болезни духовная брань у Михаила Афанасьевича была страшная. <...> Он порывался сжечь роман (и реально сжигал весь роман в марте 1930, а отдельные страницы и главы – и позже).</p>	<p>Сожжение черновиков не было чем-то особенным для Булгакова. Он имел привычку сжигать черновые рукописи всех своих сочинений. Исключением из этого правила является именно роман «Мастер и Маргарита». Как пишет Е. С. Булгакова: «Вообще до нашей с ним встречи он уничтожал все свои рукописи, оставляя только машинопись. Но с 1930 года я сохранила каждый листок, каждую строчку. Сначала Миша подсмеивался, а потом стал мне помогать в этом и ничего не выбрасывал».</p> <p>Порывов сжечь роман из-за «духовной брани» у Булгакова никогда не было. Первую, не удовлетворившую его редакцию, он сжег по свидетельству его жены без всякой «духовной брани». Потом было эпизодическое сожжение отдельных страниц и глав, из-за боязни обыска. Но не было ни малейших даже намеков на желание уничтожить сам так много значивший для него уже совершенно новый роман, в который он вложил всю свою душу без остатка, и вполне осознавал его духовную мощь: «Умирая, он говорил, – вспоминала Елена Сергеевна: – Может быть, это и правильно... Что я мог бы написать после «Мастера»?..»</p>
<p><u>4.7.</u> Да, Булгаков предлагает художественную версию толстовско-атеистической гипотезы. Но при этом вполне очевидно, что учение Иешуа не есть кредо Булгакова. Иешуа, созданный Мастером, не вызывает симпатий у самого Булгакова.</p>	<p>Последние слова Иешуа перед распятием о том, что: «<...> в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость», – выражают кредо самого Булгакова». Именно трусость и считал Булгаков главным человеческим пороком: «Трусость – вот главный порок, потому что от него идут все остальные».</p> <p>Внешнему неблагообразию обезображенного побоями Иешуа противостоит его внутренняя духовная красота, раскрывающаяся в сцене его противостояния с Пилатом и нравственной победе над ним.</p>
<p><u>5.4.</u> Булгаков построил книгу так, что советский читатель в «пилатовых главах» узнавал азы атеистической пропаганды.</p>	<p>Азы вульгарной антирелигиозной советской пропаганды Булгаков высмеял не в древних главах, а в самой первой главе: «Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф». Вот в этом и состояли главные азы советской пропаганды. А в древних главах Булгаков отразил взгляд на Евангелие глубоко уважаемого им Льва Толстого, считавшего, что Иисус был не богом, а пророком.</p>
<p><u>5.5.</u> Но автором этой узнаваемой картины оказывался... сатана. Это и есть «доведение до абсурда», <i>reductio ad absurdum</i>. Булгаков со всей возможной художественной очевидностью показал реальность сатаны. И оказалось, что взгляд сатаны на Христа вполне</p>	<p>Советская антирелигиозная пропаганда по понятным идеологическим причинам отрицала, прежде всего, не божественность Христа, а именно сам исторический факт его существования. Поэтому взгляд Воланда, доказывающего, что «Иисус существовал», самым коренным образом разнится со взглядом на Христа антирелигиозной советской пропаганды. Даже учение Толстого, отрицавшего божественность Христа и полагавшего его только одним из великих пророков, рассматривалось советской властью как реакционно-утопическое.</p> <p>Утверждение диакона, что казненного пророка следует считать</p>

<p>совпадает со взглядом на него атеистической государственной пропаганды. Так как же тогда назвать эту пропаганду? Научной или...? Оказывается, в интересах сатаны видеть во Христе идеалиста-неудачника.</p>	<p>идеалистом-неудачником, возможно и обосновано с житейской точки зрения, но вряд ли приемлемо с религиозной. Чем, собственно говоря, евангельский Иисус более удачен, чем булгаковский Иешуа? И тот и другой были распяты за свои проповеди. И тот и другой заложили основы новой религии. И тот и другой имеют своих сторонников и противников. Конечно последователей православия существенно больше, чем последователей учения Льва Толстого. Но ведь, в свою очередь, последователей других христианских конфессий еще на порядок больше, что никак не опровергает православия в глазах его адептов...</p>
<p><u>5.10.</u> «ситуация с восприятием романа аналогична завозу в Россию картошки при Петре I: продукт замечательный, но из-за того, что никто не знал, что с ним делать и какая его часть съедобна, люди травились и умирали целыми деревнями» (Кураев цитирует Дерягина)</p>	<p>Ни энциклопедия Брокгауза-Ефрона, ни другие издания не пишут о случаях гибели целых деревень из-за отравления картошкой. И в Интернете кроме Дерягина и Кураева никто об этом не пишет. Картошку завезли не при Петре I, а намного позже, в 1765 году, когда Сенат Российской империи принял указ о разведении в стране картофеля и о завозе из-за границы первой партии семенных клубней. Первый мешок картофеля действительно отправил из Голландии в Россию Петр Первый задолго до этого указа, но что с этим мешком стало, в точности неизвестно. Только при Екатерине II был издан указ об отправке во все губернии «на расплод земляных яблок», и уже через 17 лет картофель сеяли по всей Сибири и даже на Камчатке. Правда внедрение картофеля в крестьянские хозяйства сопровождалось бунтами и жестокими административными мерами. Были отмечены случаи отравления, так как в пищу иногда употребляли не клубни, а зеленые ядовитые ягоды картофеля. Но случаев вымирания целых деревень не отмечено.</p>
<p><u>6.5.</u> <...> слово <i>мастер</i> нужно прочитать на иврите. В еврейском языке оно имеет значение «закрытие», причем у прор. Исаяи 53,3 это слово означает «предмет для закрытия нами своего лица».</p>	<p>В Танахе в книге пророка Йешайа сказано: «53:3 Он презираем был и отвергнут людьми, страдалец и издевавший болезнь, и как бы отвращая от себя лица, презираем (был), и мы не почитали его». Слово «master» в данном контексте используется в значении «отвращать» и никакой «предмет для закрытия нами своего лица» у пророка не упоминается.</p>
<p><u>6.8.</u> «Так вы бы сами и написали евангелие, – посоветовал неприязненно Иванушка. Неизвестный рассмеялся весело и ответил: – Блестящая мысль! Она мне не приходила в голову...». Тут видна ложь, без которой немислим образ сатаны. «Евангелие от дьявола» уже написано и уже известно соавтору. Но Воланд отрекается от авторства.</p>	<p>Цитата взята из редакции «Копыто инженера» 1928-1929 гг., где никакой книги, никакого романа и никакого мастера в сюжете еще и в помине нет. О каком же соавторстве может идти речь?</p>

<p>6.17. Мастер же (которого Булгаков выводит на сцену в <i>тринадцатой</i> главе <И это не случайность. «В редакции романа 1934-1936 годов глава с повествованием о событиях в клинике не только имела тот же тринадцатый номер (хотя количество глав было иным), но и название было более «инфернальное» – «Полночное явление» (Кураев цитирует Баркова)</p>	<p>Инфернальная, по словам Кураева, глава «Полночное явление» в редакции романа 1934-1936 годов имела совершенно безобидный 12-й номер. А искомым инфернальным номером имела последующая глава «На Лысой Горе», описывающая распятие Иисуса. Путаница теоретиков альтернативного прочтения с нумерацией возникла по причине того, что ранее публикаторы опускали номера глав. Однако насколько же нужно быть поведенным на «инфернальности», чтобы возводить целые теории на таких ошибках и выдавать желаемое за действительное?</p> <p>Кураев мог бы обратить внимание, что в 1906 г. семья Булгаковых поселилась на Андреевском спуске в доме № 13. Дом с тем же номером описан и как дом Турбиных в «Белой гвардии». Этот же номер использован и в рассказе «№13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна». Так стоит ли удивляться, что Булгаков, не будучи суеверным как диакон, питал пристрастие к номеру 13?</p>
<p>6.19. Мастер неспособен к поступкам. Он медиумично плывет по течению и оправдывает себя формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается «– Ну, и ладно, ладно, – отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: – Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там» (гл. 30). Воланд просто подобрал то, что плохо лежало. Мастер не продал сатане душу. Он ее просто растерял <...></p>	<p>Слова Кураева полностью приложимы к его собственному сотрудничеству с КГБ в качестве осведомителя. Меняя в словах диакона обвинения в адрес Мастера на известные факты кураевской биографии, получаем:</p> <p>«В жизни Кураева нет минуты решения, выбора. Оттого нет и договора. Кураев неспособен к поступкам. Он медиумично плывет по течению и оправдывает себя формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается, все ходили в КГБ «– Вернуться в мир я уже не могу, <...> главное – мечта служить Церкви, <...> какой-то ни к чему не обязывающий звонок <...> брезгливости от контакта с органами власти я не испытывал. <...> в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали <...> Я предложил все-таки называть меня по фамилии и никакой клички не взял». КГБ просто подобрал то, что плохо лежало. Кураев не продал КГБ душу. Он ее просто растерял».</p>
<p>7.7. «Кстати, по современным меркам политкорректности «пилатовы главы» очень нецензурны. Ведь в них вина за распятие Иешуа возлагается на иудейский Синедрион».</p>	<p>У Булгакова вина синедриона только косвенная, а прямая вина словами Левия возложена на Пилата: «Тебе не очень-то легко будет смотреть в лицо мне после того, как ты его убил». А вот в Новом Завете вина возложена на весь еврейский народ: «И отвечая весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Матф. 27:25).</p>
<p>8.22. И как безвольно, заискивающе Иешуа просил Пилата в романе Мастера, так же он и теперь просит Воланда...</p>	<p>В ранних редакциях гонец передает распоряжение и Воланд исполняет его с подчеркнутым усердием, демонстрирующим его прямую зависимость от Иешуа. В окончательной же редакции Воланд независим и полностью лишен каких-либо черт подобию страсти перед Иешуа. Однако о «безвольном заискивании» Иешуа перед Воландом и речи нет. «Просьба» Иешуа исходит от равного и не предполагает возможности отказа. Даже Левий не заискивает перед Воландом и ведет себя достаточно дерзко. Молящие нотки в его голосе объясняются всего лишь его искренним участием в судьбе Мастера и Маргариты.</p>

<p><u>9.2.</u> «Рукописи не горят» – это предмет предсмертного кошмара Булгакова, а не тезис его надежды. <...> в письме В. Вересаеву от 27 июля 1931 г. Булгаков прямо пишет об обратном вторжении созданных им персонажей в его жизнь <...>»</p>	<p>Булгаков пишет не о мистическом «вторжении созданных им персонажей в его жизнь», а о том, что главным врагом писателя, если он не желает подстраиваться под окружающий мир, является его собственное творчество и созданные им персонажи. Выражение «Язык мой – враг мой!», – справедливо для любого писателя, наделенного сатирическим даром. Если бы Булгаков слушал советы знакомых «сдаться» и писать «агитационные пьесы», и создавал иных героев, его жизнь сложилась бы совершенно иначе. Но Булгаков сделал иной нравственный выбор, определивший его нелегкий жизненный путь, и был верен ему всю свою жизнь.</p>
<p><u>9.3.</u> Во второй полной рукописной редакции романа (1937-1938) на балу у сатаны появились Гете и Шарль Гуно. Первый – как автор поэмы «Фауст», второй – как автор оперы «Фауст». По Булгакову выходит, что они стали пленниками того демонического персонажа, которому отвели центральное место в своих произведениях.</p>	<p>На балу Гете и Гуно были не пленниками, а почетными гостями. Они единственные не целовали колена Маргарите, как прочие подневольные участники бала, а также получили подарки на память: «И директор театра и композитор почтительно поклонились Маргарите, но колена не целовали. <...> – Мессир просил вас принять эти веночки <золотые лавровые веночки – С.Ц.>, – говорила Маргарита одному из артистов по-немецки, а другому по-французски, – на память о сегодняшнем бале»».</p>
<p><u>9.10.</u> Вот только редакционная (т.е. не-Булгаковская) приписка в конце фельетона требует ликвидации православного храма, якобы мешающего вести уроки в соседней школе...</p>	<p>В конце фельетона находится не приписка, а написанное Булгаковым примечание «Гудка», и подпись М.Б. стоит именно после примечания. Фельетон написан о том, что недопустимо столь близкое соседствование столь разных учреждений фактически в одном здании. Недопустимо не потому, что кощунственно, а потому, что песнопения мешают вести урок, а шум урока мешает службам и более того создает комические ситуации. Где же здесь требование ликвидации церкви? Речь идет только о том, чтобы развести эти учреждения по разным зданиям. – Но Кураев беззастенчиво клеветает на Булгакова, чтобы создать у читателя впечатление, что писатель одержим глубоким раскаянием, и душа его стремится на «путь истинный».</p>
<p><u>11.9.</u> Да, и еще об одном Воланд проговаривается: у него нет власти над философом, доказавшим бытие Бога – Кантом:</p>	<p>Ни о чем подобном утверждению Кураева Воланд не проговаривается. Он говорит не об извлечении Канта на бал, а только о невозможности его извлечения в обычную земную жизнь: «<...> отправить его в Соловки невозможно». Как, впрочем, невозможно отправить туда и Калигулу, и Мессалину и прочих закончивших свой земной век негодяев. Отношение Воланда к Канту вполне уважительное. И по поводу места нахождения Канта в романе диакон явно заблуждается. Судя по всему, Кант награжден именно покоем. Неслучайно в ранних редакциях, и особенно в варианте 1936 г., Мастер наделен явным внешним сходством с Кантом. В окончательной редакции на это намекает белая коса Мастера после преобразования в последнем полете. У Канта нет работы доказывающей бытие Бога. Наоборот, Кант доказал, что бытие Бога недоказуемо в сфере логики. При этом Кант действительно полагал, что с моральной точки зрения нужно жить так, будто бы Бог существует, и в нескольких</p>

работах у него приведены нравственные обоснования этой его позиции. Но данные соображения Канта относятся к сфере морали, а не строгого научного доказательства.

12.1. <...> единственным положительным персонажем оказывался Никанор Босой. <...> Его покаяние осталось уникальным в романе по своей глубине и необратимости.

В романе все подонки богобоязненны. В этом проявилось отвращение Булгакова к внешней религиозности православных «образованцев». Покаяние их только кажущееся. Вот описание уникально и глубоко кающегося Никанора Ивановича в черновиках самой первой редакции 1928-1929 гг. (здесь он именуется Поротым):

«– Полон я скверны был, – мечтательно заговорил Поротый, строго и гордо, – людей и Бога обманывал, но с ложью не дорогами ходишь, а потом и споткнешься. В тюрьму сяду с фактическим наслаждением»;

«Шатаюсь, с мертвыми глазами, налитыми темной кровью, Никанор Иванович Босой, член кружка «Безбожник», положил на себя крестное знамение и прохрипел:

– Никогда валюты в руках не держал, товарищи, Богом клянусь! И тут супруга Босого, что уж ей попритчилось, кто ее знает, вдруг воскликнула: – Покайся, Иваныч!

Чаша страдания ни в чем не повинного Босого (он, действительно, никогда в руках не держал иностранной валюты) переполнилась, и он внезапно ударил свою супругу кулаком по лицу, отчего та разорняла битки по полу и взревела».

Не случайно в ранних редакциях Булгаков называет любимца Кураева «страшный Босой». Как отмечает Б. Соколов: «Скорее всего, первоначально Никанор Иванович Босой должен был быть фигурой более зловещей, – не только взяточником, но и **вымогателем и доносчиком**, возможно, игравшим по отношению к Мастеру ту же роль, которая в окончательном тексте досталась Алоизию Могарычу».

12.2. В 1933 году Булгаков (после ареста некоторых входящих в его дом людей) удалил из романа следующие слова, свидетельствовавшие о том, что Босой перестал быть комическим персонажем: «Вовсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был наслышан о них, нет, просто иным каким-то способом, кожей, что ли, Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком, – лишить свободы». Кстати, эта фраза о «кожном знании» объясняет фамилию персонажа – «Босой»...

Диакону радоваться нужно, что вместе со столь дорогими его сердцу строками Булгаков удалил и последующие строки, однозначно свидетельствующие о неприкрытой мерзости кураевского любимца:

«Вовсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был наслышан о них, нет, просто иным каким-то способом, кожей, что ли, Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком, – лишить свободы.

Босой Никифор Иванович **был тупым человеком**, это пора признать. Он не был ни любопытен, ни любознателен. Он **не слушал музыки, не знал стихов**. Любил ли он политику? Нет, он терпеть не мог ее. Как относился он к людям? Он их **презирал и боялся**. Любил смешное? Нет. **Женщин?** Нет. Он **презирал их вдвойне**. Что-нибудь ненавидел? Нет. **Был жесток?** Вероятно. Когда, **при нем избивали**, скажем, **людей**, а это, как и каждому, Босому приходилось нередко видеть в своей однообразной жизни, **он улыбался**, полагая, что это нужно.

Лишь только паскудная в десять человеческих ростов стена придвинулась к глазам Босого, он **постарался вспомнить, что он любил. И ничего не вспомнил**, кроме клеенчатой скатерти на столе, а на этой клеенке тарелку, а на тарелке голландскую селедку и плавающий в мутной жиже лук<...>»

Как отмечает Б. Мягков, отрицательное отношение Булгакова к любимому персонажу Кураева объясняется тем, что **«Босой <...> – один из ненавистной Булгакову категории чиновников. В 1921-1934 годах писатель был озабочен поисками жилья, и фигура домоуправа, «выжиги и плута», характерна для его творчества в целом <...>».**

12.5. Если в эпилоге Ивану 30 – значит, прошло всего семь лет. За семь лет пройти путь от невежественного поэта-атеиста до профессора – это из области тех чудес, которые могли иметь место только в ненавистной Булгакову Советской России.

Как бы Кураеву не хотелось омолодить в финале Ивана Понырева, ему вовсе не 30 лет. Булгаков описывает его возраст как **«лет тридцати или тридцати с лишним»**, то есть 30-35 лет. Нет никаких оснований брать его возраст по нижней планке, в этом случае Булгаков прямо бы написал «лет тридцати». Следовательно, становление Ивана заняло примерно 10-12 лет. Срок вполне достаточный, особенно в те годы, когда в связи с нехваткой специалистов, карьерный рост мог быть очень стремителен. За 12 лет можно и институт красной профессуры окончить.

12.8. Альфред Барков убедительно показывает, как совместные усилия советской психлечебницы, Мастера, Маргариты и Воланда превращают Ивана в Иванушку. Вместо талантливого поэта (раз ему удался образ Христа «ну прямо как живой» – значит, независимо от идеологии, все же литературный талант был) – лунатик... Это аргументированное исследование стоит сопоставить с фантазиями тех, кто поучает наших детей.

Барков пишет: «<...> в Иванушку поэт превратится в процессе визита своего гостя». Этот «глубокий» вывод Барков делает на том основании, что в начале 19 главы есть фраза: «Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она позабыла его». А ведь нетрудно заметить, что роман разделен на две части. В первой поэт именуется исключительно Иваном, в том числе и после визита Мастера в 13 и 15 главах, несмотря на якобы имевшее место его превращение в Иванушку в 13 главе. Во второй же части, – до выздоровления, – поэт именуется преимущественно Иванушкой. Таким образом, трактовка Баркова совершенно бессмысленна. Чтобы понять, почему Иван во второй части именуется «Иванушкой», ему нужно было вспомнить, что «Иванушка» есть не кто иной, как любимый герой народных сказок «Иван-дурак», и заглянуть в конец главы 11, где задолго до появления Мастера есть следующие примечательные строки:

«Подремав немного, Иван **новый** ехидно спросил у **старого** Ивана:

– Так кто же я такой выхожу в этом случае?

– **Дурак!** – отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта».

Вот оно незамеченное Барковым и его учеником Кураевым действительное превращение Ивана в Ивана-дурака, то есть Иванушку! Хотя бы на название главы эти горе-исследователи внимание обратили, – «Раздвоение Ивана». Как следует из текста романа, Иван раздвоился еще в 11 главе, а в 13 главе продолжается «добивание» старого Ивана: «Как-нибудь его надо изловить? – не совсем уверенно, но все же поднял голову в **новом Иване** прежний, еще не окончательно добытый Иван». Превращение Ивана в Ивана-дурака или Иванушку, не означает, что он при этом оболванился. В его тяжелой клинической ситуации первый шаг к прозрению и превращению в нормального мыслящего человека естественным образом связан, прежде всего, с осознанием собственной глупости и твердолобости. Без этого реальное перерождение человека немислимо.

13.7. <...> чтобы в этот, самый эмоционально насыщенный вечер церковно-народного календаря пойти не в гости, не в библиотеку или в обычный театр, а в варьете, да еще на сеанс черной магии – надо было быть совсем уж «отморозком».

Послушать диакона так и Булгаков «давно снявший с себя нательный крестик» является «отморозком»! Например, в 1936 г. Булгаковы на **Рождество**: «После театра <...> пошли в шашлычную против Телеграфа, просидели до трех. Там были американцы и неизбежный барон Штейгер с ними». В Великую Субботу 11 апреля провели ночь на **Пасху** «на концерте у американского посла», откуда уехали только «в третьем часу». В 1938 г. на **Пасху** 24 апреля Булгаков **пошел играть в карты**: «Вечером М. А. пошел к Федоровым **играть в винт**». В 1939 г. **Великий Четверг** пришелся на 6 апреля, но и в этот «самый эмоционально насыщенный вечер церковно-народного календаря» Булгаков пошел, как обычно, играть в карты: «Миша вечером пошел **играть в винт**». И на **Троицу** 28 мая 1939 г.: «Вечером пошел **играть в винт** к Федоровым».

Несомненно, что для верующего человека подобное поведение Булгакова великий грех. Как считает сам Кураев: «<...> греховно убийство времени. Все равно как в **картишки** поиграл». Но Булгаков давно отошел от православия, и соблюдать священную

	<p>для православных Страстную неделю у него было не больше оснований, чем священный для мусульман месяц Рамазан. Ни один православный праздник не упоминается в семейном дневнике Булгаковых, хотя на упоминание советских праздников время и место находятся, например, 6 ноября 1933 г.: «Преддверие октябрьского праздника», – или 7 ноября 1938 г.: «День прошел, как и все праздничные дни». В пред рождественский вечер 6 января 1939 г. в дневнике сделана запись: «<...> сидим вдвоем с Мишей, ужинаем. Ощущение праздничное от уюта, уединения». Может ли православный человек настолько забыться и не заметить канун истинного для него праздника? Вопрос, конечно, риторический...</p>
<p>14.3-1. Но вот Воланд с крыши Дома Пашкова обозревает Москву, взирая «на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на снос лачуг»... <...> сзади и правее дома Пашкова – Храм Христа Спасителя...</p>	<p>В романе указано, что «Воланд был спиной к закату». Дом Пашкова стоит на углу Моховой и Знаменки, то есть правее Храма и существенно ближе к Кремлю. Следовательно, находясь спиной к закату, Воланд сидит на террасе дома Пашкова спиной к Храму. За спиной у Воланда «круглая башня», так что при всем желании он не имеет никакой возможности оглянуться и бросить взор на расположенный позади него Храм Христа Спасителя. Воланд смотрит на горящий дом Грибоедова (дом Герцена на Тверском бульваре). По правую руку у него находится Кремль, а перед ним, – Манеж и Охотный ряд.</p>
<p>14.3-2. Непонятно – откуда вдруг тут могли взяться «обреченные на снос лачуги». И все же они тут были, правда в одном лишь месте и в одно лишь время. С 1933 по 1937 годы. «Тут» значит на месте Храма.</p>	<p>«<...> Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на снос лачуг». Написано не просто сборище, а именно необъятное. Можно ли так выразиться о кучке лачуг на месте Храма или даже о целом Охотном ряде? Разумеется, нет. Следовательно, Булгаков описывает не близлежащие строения, а весь необъятный вид на раскинувшуюся перед Воландом до самого горизонта Москву. В то время Москва действительно представлял собою именно описанное Булгаковым «необъятное сборище» разнокалиберных строений. В русском языке под словом «лачуга» понимается «бедная хижина, небольшой и плохой дом». Поэтому маленькие плохонькие, обреченные на снос домишки старой Москвы Булгаков вполне обоснованно назвал лачугами.</p>
<p>14.3-3. Храм взорвали в декабре 1931 года. <...> Строительство дворца начали в 1937 году. А вот в промежутке между этими двумя акциями на месте Храма и появилась «деревня Нахаловка» – самострой, домики, построенные безо всяких разрешений... Ее-то и видит Воланд.</p>	<p>Серьезные работы по реальному строительству Дворца Советов, – возведение каркаса, – действительно были начаты только в 1937 г. Но строительству любого здания всегда предшествуют котлованные работы, – так называемый нулевой цикл работ. И эти работы начались сразу после взрыва Храма. После многомесячного разбора его руин начались подготовительные земляные работы, прежде всего прорытие и бетонирование огромного котлована. Естественно никакой самострой на территории строительной площадки был невозможен, не говоря о том, что на стройплощадках не бывает свободного места для само строя, – везде или копают, или что-то складывают, или проводят подъездные пути. Поэтому мифические лачуги мифической деревни Нахаловки созданы исключительно силой богатого воображения Кураева, так же как и вымышленное им еврейское происхождение Клары Цеткин и многие другие не менее забавные утверждения из его многочисленных опусов. Кроме того, лачуги появились в тексте романа только в июне 1938 г., то есть через семь лет после разрушения Храма.</p>

<p>15.5. Вот и Воланд пробует в Москве, забывшей Христа, выдать себя за Вседержителя.</p>	<p>Роман Булгакова не содержит даже малейших намеков на подобные попытки Воланда. Он «выдает» себя именно за Сатану и четко разграничивает задачи своего и другого «ведомства». Вполне понимают это и герои романа:</p> <p>«– Ну, и ладно, ладно, – отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: – Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там.</p> <p>– Ну вот, ну вот, теперь ты прежний, ты смеешься, – отвечала Маргарита, – и ну тебя к черту с твоими учеными словами. Потустороннее или не потустороннее – не все ли это равно?»</p>
<p>16.3. Начинается книга Иова «прологом на небесах». Радость сатаны о том, что на земле все люди уже забыли Бога, осаживается репликой Творца: «а как же раб мой Иов?»</p>	<p>В начале книги Иова нет ни малейшего намека на радость Сатаны и осаждение ее Богом:</p> <p>«6 И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана.</p> <p>7 И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее.</p> <p>8 И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла.</p> <p>9 И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов?</p> <p>10 Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле;</p> <p>11 но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?»</p> <p>Как видим, Сатана не выражает никакой радости, и не Бог осаживает его гордыню, а именно горделивая радость Творца – «обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле», – осаживается репликой Сатаны: «разве даром богобоязнен Иов?»</p>
<p>16.5. Эту литературную незавершенность «книги Иова» почувствовал Гете. Его Мефистофель начинает там, где остановился библейский сатана. Ему Бог дает гораздо больше, чем в библейском сюжете: «Тебе позволено. Ступай и завладей его душою. И если можешь, поведи путем разврата за собою».</p>	<p>Мефистофелю Бог дает следующее (подстрочный прозаический перевод А. Л. Соколовского, из которого собственно Булгаков и взял имя «Воланд»): «Владыко. Хорошо! Просимое тебе дозволено. Попробуй отклонить этот дух от первородного источника. Увлеки его, если можешь, по твоему пути, и будь посрамлен, если придешь сам к сознанию, что праведный человек найдет прямой путь даже среди обуявшего его мрака сомнений».</p> <p>Как видим, слова «завладей его душою» у Гете отсутствуют как в переводе Пастернака, так и в подстрочном переводе Соколовского. Но, в отличие от стихотворного перевода, в подстрочнике присутствует иное понятие – дух. Не выманить обманом душу, а именно сломить горение духа Фауста, завладеть его страстями и повести за собою по дороге жизни должен был Мефистофель. Заметим, что перевод Соколовского снабжен обширными комментариями. В их числе, помимо чисто литературоведческих замечаний, приведен и подробный разбор всех трудно переводимых и темных мест оригинала, а также всех вынужденных отступлений от него, когда буквальный перевод невозможен или затемняет смысл. К цитированному выше тексту такие комментарии отсутствуют, что свидетельствует о его полной ясности и точном соответствии подстрочника оригиналу.</p>

16.6. Только если помнить это зачин «Фауста» и его связь с книгой Иова, будет понятен финал. В конце поэмы Фауст, ставший уже презрительнейшим мерзавцем, умирает. Мефистофель приходит получить свою законную добычу – его душу.

Дилетантская трактовка Кураевым финала «Фауста» убедительно опровергается самим Гете, который в беседе с Эккерманом (запись от 6 июня 1831 г.) раскрыл ключ к спасению Фауста, указав, что он дан им в строках: **«Чья жизнь в стремлениях прошла, Того спасти мы можем».**

«– В этих стихах, – сказал он, – ключ к спасению Фауста. В нем самом это **все более высокая и чистая деятельность до последнего часа, а свыше – на помощь ему – нисходит вечная любовь»** <Гретхен – С. Ц.>.

Итак, по мнению Гете, деятельность Фауста становится к концу жизни: **«все более высокой и чистой»**, а диакон уверяет, что Фауст в конце поэмы становится **«презрительнейшим мерзавцем»**. Воистину не идет Кураеву на пользу поверхностное начетничество. Ведь мало прочесть, главное понять прочитанное. Если смысл религиозных текстов можно узнать благодаря толкованиям святых отцов, то в художественной литературе необходимо и собственную голову на плечах иметь... Кураев даже не задумался, что его смехотворное толкование означает, что в состязании Бога и дьявола фактически победил дьявол, а Бог просто отнял награду у Мефистофеля по праву сильного, забрав назад данное Им слово. Следовательно, Он с самого начала не собирался вести с Мефистофелем честный спор и собирался просто обмануть его, заранее зная, что без **«благодатной защиты»**, Фауст обречен на поражение.

Чтобы действительно понять финал, да и всю трагедию Гете, нужно, прежде всего, понять драму и трагедию самого Фауста, который, в отличие от Иова, стремился не к Богу, а к деятельному знанию, и готов был заплатить за него любую цену. Именно эти высокие устремления, как указывает Гете, и были зачтены ему в искупление его грехов, а отнюдь не божье попущение на его испытание. Не мирские утехи влекут Фауста, а, прежде всего, высокое горение его духа.

Диакон не в состоянии понять, что Мефистофель получил номинальные права на душу Фауста только на основании договора с самим Фаустом, но не по условиям пари, заключенного им с Богом. Не выманить обманом душу, а именно **сломить горение духа** Фауста, завладеть его страстями и повести за собою по дороге жизни должен был Мефистофель. Но дух Фауста остался свободен, его горение оказалось неподвластно дьяволу, – Фауст не стал **«жрать прах»** и **«пресмыкаться»**, как было обещано Мефистофелем, он не идет у него на поводе и сам выбирает свой путь в жизни. Следовательно, Мефистофель проиграл свой спор с Богом. И поскольку пари Бога с Мефистофелем выше договора, заключенного Мефистофелем с Фаустом, Бог с полным основанием забрал душу Фауста себе: **«Чья жизнь в стремлениях прошла, Того спасти мы можем».**

<p>16.7. Булгаков подчеркивает, что еще до приезда Воланда дух атеизма и кощунства пропитал Москву. Москва живет под фокстрот «Аллилуйя». <...> Этот фокстрот написан американцем Винсентом Юмансом как кощунственная пародия на богослужение. Кощунство – это перемена верха и низа местами. Может, москвичи не знали о кощунственности этого фокстрота? Знали.</p>	<p>Естественно знал об этом и Булгаков. Вот что пишет об его отношении к этому фокстроту близкий друг писателя С. Ермолинский: «Когда он приходил ужинать в «Кружок», где собирались писатели и актеры (как нынче в Доме литераторов или в Доме актера), его появление сопровождалось оживленным шепотом. К нему, служащему юля, подбегал подвизавшийся в «Кружке» тапер и, приняв заказ, тотчас возвращался к роялю и отбарабанивал в усладу знаменитому гостю модный фокстротик (кажется, «Аллилуйя»)».</p> <p>Отношение Булгакова к своему любимому, хотя и кощунственному для христиан фокстроту, можно дополнить следующими сведениями: «В архиве Булгакова сохранились ноты фокстрота «Аллилуйя», изданного в 1929 г., с пометой Е. С. Булгаковой на обложке: «Упоминается в МиМ и в пьесе «Блаженство». Булгаков часто играл его».</p> <p>Несомненно, Воланд бы в данном случае спросил у диакона: «Повторяется история с Кларой Цеткин?»</p>
<p>16.8. Примечание. Как не нравится нечисти любое упоминание о Боге, видно из следующего диалога: «Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте. – Ну, жив, жив, – неохотно отозвался Азazelло. – Боже! – Пожалуйста, без волнений и вскрикиваний, – нахмурясь, сказал Азazelло. – Простите, простите, – бормотала покорная теперь Маргарита».</p>	<p>В романе это совершенно обычное восклицание Маргариты. И так называемая «нечисть» никакого внимания на это присловье не обращает. В приведенном Кураевым случае Азazelло резко реагирует не на слово «боже», а на нервующее его волнение Маргариты. Мотивы его совершенно нормальной мужской реакции определяются следующими его словами: «Азazelло с видимой скукой выслушал эту бессвязную речь и сказал сурово: – Прошу вас минутку помолчать».</p> <p>В эпизоде извлечения Мастера никто, включая Воланда, не обратил никакого внимания на это страшное слово: «Маргарита вцепилась в больничный халат, прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и слезах: – Боже, почему же тебе не помогает лекарство?»</p> <p>– Ничего, ничего, ничего, – шептал Коровьев, извиваясь возле мастера, – ничего, ничего... Еще стаканчик, и я с вами за компанию.</p> <p>И стаканчик подмигнул, блеснул в лунном свете, и помог этот стаканчик. Мастера усадили на место, и лицо больного приняло спокойное выражение».</p> <p>То же безразличие к сакральному слову наблюдается и в эпизоде после бала: «Уже собирались садиться, как Маргарита в отчаянии негромко воскликнула: – Боже, я потеряла подкову!»</p> <p>– Садитесь в машину, – сказал Азazelло, – и подождите меня. Я сейчас вернусь, только разберусь, в чем тут дело».</p> <p>Разумеется, спрашивать Кураева, почему в этих эпизодах «нечисть» спокойна, бессмысленно. «Ляпнул сдуру, и спросу нет», – как говорят его поклонники.</p>
<p>17.6. Вот описание мертвой Маргариты: «ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт».</p>	<p>В романе сказано: «На его глазах лицо отравленной менялось... исчезало ее временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт. Лицо покойной посветлело и, наконец, смягчилось, и оскал ее стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом». Описание мертвой Маргариты показывает, что после отравления она теряет все черты ведьмы перед воскрешением к новой жизни.</p>
<p>17.24. Маргарита – не Муза. Она лишь слушает уже</p>	<p>Мастер и Маргарита начали встречаться в начале мая, роман же был закончен только в августе. Четыре месяца срок сам по себе</p>

<p>написанный роман. В жизни Мастера она появляется, когда роман уже почти закончен.</p>	<p>немалый. Но ведь имеет еще значение и темп работы: «Тот кто называл себя мастером, работал лихорадочно над своим романом, и этот роман поглотил и незнакомку». В черновиках время появления Маргариты указано еще более определенно, – к моменту встречи с ней Мастер «не успел <...> дописать свой роман до половины».</p>
<p>17.25. Хуже того. Именно Маргарита подталкивает его к самоубийственному поступку – отдать рукопись в советские издательства: «Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером». Это или сознательная провокация или потрясающее безмыслие. Или просто медиумичность: и Мастер и Маргарита открыты воздействию Воланда.</p>	<p>Муза прототипа Мастера, – последняя жена Булгакова, тоже мечтала о публикации романа, а уж ее то обвинить в безразличии к судьбе писателя просто невозможно: «За ужином – вдвоем – говорили о важном. При работе в театре <...> невозможно работать дома <...> над своей вещью. Миша задает вопрос – что же делать? От чего отказаться? Быть может, переключиться на другую работу? Что я могу сказать? Для меня, когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл». Мерещащийся Кураеву на каждом шагу Воланд не оказывал никакого медиумического влияния на судьбу Мастера и Маргариты. Если бы он действительно руководил их судьбой с целью получения и опубликования романа, то по его завершении он, несомненно, нашел бы подходящий способ вразумить советских литературных критиков и напечатать роман, а не пустил бы дело на самотек.</p>
<p>17.27. Характерно также, что Мастер и Маргарита обречены на бесплодие; и на земле они не смогли родить детей, тем более не будет детей у призраков.</p>	<p>Какая трогательная забота о чужой плодовитости! Странно, что сам диакон без детей отлично обходится. А много ли детей могли бы народить Мастер и Маргарита в небесных чертогах? – Как ни печально, но тоже ни одного! Ведь в раю семейных пар нет, и не предвидится. Из всех видов земной любви там дозволен только один, – платоническая любовь к Христу. В покое же Мастер и Маргарита будут жить по-человечески, по земному, вместе, а не по христианским райским установлениям, – каждый по отдельности.</p>
<p>17.29. Встреча Мастера и Маргариты в переулке, где не было ни души, что Булгаков подчеркивает особо, произошла днем в центре Москвы рядом с многолюдной Тверской...</p>	<p>В романе встреча произошла не в переулке, а прямо на Тверской, в месте впадения в нее «кривого, скучного переулка», на глазах у тысяч людей: «Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась... По Тверской шли тысячи людей, но я Вам ручаюсь, что увидела она меня одного <...> я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам <...>».</p>
<p>18.7. Маргарита же именно после издательского провала рукописи стала отдаляться от Мастера: «теперь мы больше расставались, чем раньше. Она стала уходить гулять».</p>	<p>Таких слов в окончательной редакции романа нет. Они есть в предыдущей редакции, и в напечатанном на ее основе издании романа 1973 г. и перепечатках с него, а в последней редакции Булгаков заменил их словами «<...> и жил я от свидания к свиданию». Маргарита была более деятельной натурой, чем Мастер. Поэтому она и подгоняла его, и по этой же причине ей было нестерпимо сидеть в унынии в подвале.</p>
<p>18.13. Фауста тошнит от «спального колпака и халата» Вагнера. Воланд же, называя Мастера Фаустом, подсовывает ему вагнеровский мирок: «Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак» (Маргарита о жизни в обещанном «домике»).</p>	<p>Фауст и сам ходит в шапке и балахоне. В эту его одежду далее переодевается Мефистофель в сцене со студентом. Неужели его тошнит и от собственной одежды? Не думаю. Скорее Фауста тошнит от поповских ряс. Если мы посмотрим на фотографии Булгакова, то дома он неизменно в черной шапочке Мастера и халате, а до этого, по воспоминаниям друзей, ходил дома «в халате, в колпаке». Как характеризует этот «вечный колпак» С. Ермолинский, это был «старый, хорошо мне знакомый вязаный колпак». Своими словами о «вечном колпаке» Маргарита не предрекает</p>

	судьбу Мастера, а так же как и Воланд, врачует его бедную, больную, израненную душу, возвращая ее к жизни и любви.
<p>18.15. Фауст не желает вести размеренно-домоседскую жизнь, и Мефистофель тут же его подсовывает ему свой навязчивый сервис: «(Фауст) «Жить без размаху – никогда! (Мефистофель): вот, значит, в ведьме – и нужда».</p> <p>Мастеру, напротив, по сердцу арбатский подвальчик, домашний уют. Но дар Воланда все тот же: ведьма.</p>	<p>Мефистофель не дарит Фаусту ведьму, и приводит его к ней, чтобы он выпил сваренное ею омолаживающее зелье, а вовсе не для того, чтобы он жил с ней.</p> <p>Воланд так же не дарит Маргариту Мастеру, а наоборот возвращает ей Мастера. Ведьмой Маргарита становится лишь временно, ради спасения Мастера.</p>
<p>18.17. <...> как Мастер сможет дать плоть гомункулу, если он и сам ее лишен? <...></p> <p>И примечание: Старый гомункул Вагнера погиб, когда его реторта разбилась о трон Галатеи.</p>	<p>Из романа не следует, что Мастер лишен плоти. После воскрешения его тело стало иным, так же как и тела Иешуа и Левия, однако оно живое и в нем по-прежнему течет кровь! После воскрешения Мастера Маргарита вытирает «кровь на его рассеченном виске». У призраков такого не наблюдается! Не свойственно им и затруднять себя открыванием дверей и балконных решеток: «Еще через мгновение мастер привычной рукой отодвигал балконную решетку в комнате № 117-й, Маргарита следовала за ним».</p> <p>У Гете Гомункул благополучно достигает своей цели, соединяясь по совету Протея «<...> с воплощением красоты Галатеей, разбивая свою колбу о ее трон; затем он сливается с морем и начинает путь постепенных превращений, ведущих к созданию полноценного человека. Смысл аллегии в том, что, только войдя в поток всеобщей жизни, можно достичь высшей человечности. В этом отношении судьба Гомункула символически повторяет путь Фауста».</p>
<p>18.21. Еще один Воландов дар: «старый слуга». Значит, кто-то и в вечности останется «слугой»? В христианстве такого представления нет.</p>	<p>У каждой религии свои представления. Например, в мусульманстве в раю есть черноокие гурии – сексуальные служанки. А в христианстве возможно и нет слуг, зато есть рабы: «И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему» (Откр. 22:3). Возможно, в том числе и это обстоятельство обыгрывает Воланд в своей беседе с Левием, называя его рабом. Более того, эти рабы будут иметь еще и полагающееся им по статусу клеймо на лбу: «И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их» (Откр. 22:4).</p> <p>Что касается «старого слуги», то ответ можно найти в Булгаковской энциклопедии: «У Булгакова Мастер <...> был наделен, особенно в варианте 1936 г., внешним сходством с Кантом. <...> портрет героя в последнем приюте явно восходит к портрету Канта в книге немецкого поэта и публициста Генриха Гейне (1797-1856) «К истории религии и философии в Германии» (1834); «... и, когда было пасмурно или серые тучи предвещали дождь, появлялся его слуга, старый Лампе, с тревожной заботливостью следуя за ним, с длинным зонтиком под мышкой, как символ провидения».</p> <p>Вот он старый слуга! Потом Булгаков убрал слишком явные намеки, но «старый слуга» остался их реликтом.</p>
<p>18.30. <...> без</p>	<p>Вряд ли в Небесном Ершалаиме, даже при грамотном,</p>

<p>воландовского вдохновения он уже не сможет написать ничего подобного своему сгоревшему роману... Воланд подарил этот роман Мастеру. Воланд же (через Азazelло) его и сжег.</p>	<p>ненавязчивом руководстве Бога и его единственно верной генеральной линии, талант Мастера необыкновенно бы расцвел и весь рай бы зачитывался его произведениями. Ни Воланд, ни Азazelло не сжигали роман Мастера, для них это совершенно бессмысленный поступок. Особенно глупо было им возрождать роман только для очередного сожжения. Роман сжег сам Мастер, и именно потому, что роман этот уже пройденная ступень для него, и он не собирается вечность вздыхать над ним и верит, что впереди его ждет новое: «<...> мастер поднялся, огляделся взором живым и светлым и спросил: – Что же означает это новое?». Прошлый этап его жизни навсегда остался позади, и именно это обстоятельство Булгаков подчеркивает сожжением романа.</p>
<p><u>18.36.</u> А вот от романа, написанного им на земле, Мастеру никуда не деться: «Я помню его наизусть... Я теперь ничего и никогда не забуду... Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно».</p>	<p>Цитату из 13 главы со словами уже заболевшего Мастера о том, что он возненавидел роман, Кураев поставил после цитаты из 30 главы о том, что Мастер помнит его наизусть. В ненависти заболевшего Мастера к роману нет ничего необычного, – душевнобольные обычно не могут спокойно слышать о том, что повредило их разум.</p>
<p><u>18.41.</u> Мастер в эту ночь перешел от земной жизни к посмертному, вечному существованию. Качество перехода определяет и качество этого существования. Вот последнее земное слово Мастера: «– Отравитель, – успел еще крикнуть мастер. <...> Вот первое слово его призрака: «Открыв глаза, тот глянул мрачно и с ненавистью повторил свое последнее слово: – Отравитель...». Со мраком в душе Мастер перешел рубеж вечности.</p>	<p>Качество перехода в романе описано следующим образом: «<...> мастер поднялся, огляделся взором живым и светлым и спросил: – Что же означает это новое?». Следовательно, рубеж вечности Мастер миновал со взором «живым и светлым», а не «со мраком в душе». Кураев упрямо именуется воскрешенного Мастера «призраком», хотя у призраков не течет кровь, в то время как у Мастера, после его воскрешения, Маргарита вытирает «кровь на его рассеченном виске».</p>
<p><u>18.47.</u> Преображаются все – кроме Мастера. Мастер меняется лишь в одежде. Ни глаза, ни лицо, ни душа у него не меняются.</p>	<p>В романе сказано: «<...> Маргарита <...> видела, как меняется облик всех летящих к своей цели». Написано именно всех. И ни малейшего намека, что у Мастера «ни глаза, ни лицо, ни душа <...> не меняются». Наоборот, сказано: «Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер». В излюбленных диаконом черновых редакциях написано еще прозрачнее: «Себя Маргарита не могла увидеть, но она хорошо видела, что сильнее всех изменился мастер».</p>
<p><u>18.51.</u> Точно так же Иешуа успокаивает Пилата вопреки всякой очевидности. Иешуа уверяет Пилата, что казни не было, но при этом сам Иешуа предстает в этой же сцене «в разорванном хитоне и с обезображенным</p>	<p>В эпилоге романа Иешуа успокаивает Пилата не наяву, а во сне Ивана Понырева, следовательно, именно к последнему Кураев и должен предъявить все претензии по логичности этого сна.</p>

лицом».	
<p><u>20.1.</u> Свое знаменитое «нравственное доказательство бытия Бога» Кант начинает с общеизвестной посылки...</p>	<p>Приписывая Канту «знаменитое нравственное доказательство бытия Бога», Кураев ссылается на отрывки из нескольких работ Канта, поскольку никакой специальной работы посвященной этому якобы «доказательству» у Канта попросту нет, и диакон пытается сам скомпилировать это посмертное доказательство из мыслей Канта, изложенных в других его работах. То есть Кураев по существу проделывает с Кантом уже привычную для него процедуру превращения нехристианских книг в «предмет для христианских проповедей». У Канта речь идет не о доказательстве бытия бога, а только о «моральном доказательстве» или, как его более точно именует сам Кант, «моральном аргументе», утверждающем практическую разумность веры в бога, для обоснования абсолютной морали и абсолютной конечной цели человеческого бытия. Кант четко отграничивает его от доказательства объективного бытия Бога, подчеркивая, что: «Этот моральный аргумент не должен служить объективно значимым доказательством бытия Божия, стремлением доказать сомневающемуся, что Бог есть; цель этого аргумента показать, что желающий мыслить морально должен включить признание этого положения в число максим своего практического разума».</p> <p>Если бы Кант полагал, что из его нравственного отношения к религии следует доказательство бытия божьего, то он бы обязательно написал соответствующую работу. Однако этого он не сделал, так как в этом вопросе его нравственная позиция лежала вне сферы логики. То, что Кураев выдает за «нравственное доказательство», есть не что иное, как раскиданное по различным работам обоснование личной нравственной позиции Канта, жить так, будто бы Бог существует. В своих же черновиках, размышляя без оглядки на цензуру, Кант откровенно записал: «Бог – не существо вне меня, а лишь моя мысль».</p>
<p><u>21.5.</u> Главное, что я хотел бы донести до труппы, которая работает над фильмом: эта книга – большой фельетон, в котором нет положительного героя.</p>	<p>Напомним оценку произведения литературоведом Михаилом Бахтиным: «Это – огромное произведение исключительной художественной силы и глубины». Да и сам Булгаков везде именует свое произведение именно романом, например: «Я погребен под этим романом. Все уже передумал, все мне ясно».</p> <p>Смехотворная теория большого фельетона сегодня опровергается и самим Кураевым, который, видимо, с течением времени забывает, где, когда, кому и что он говорил: «Где-то год назад с Владимиром Бортко мы обсуждали, когда он только начинал свою работу, и он сказал мне так: «Отец Андрей, поверьте, я сниму фильм так, что читатель поймет, что это просто большой антисоветский фельетон, и я сниму с этого романа всякую мистическую ауру». Ну, ладно, в конце концов это позиция режиссера, авторская позиция. На мой взгляд, она противоречит позиции самого Булгакова, который вряд ли писал просто большой фельетон». Впрочем, как говорит сам Кураев: «Миссионер должен быть немного шизофреником», – так что предъявлять претензии в данном случае бессмысленно.</p>
<p><u>21.7.</u> Я по светскому образованию философ, причем даже скажу,</p>	<p>Черновые редакции романа диакон читает строго избирательно, – отбрасывая все, что противоречит его измышлениям. Как отмечает Л. Яновская, в черновой тетради записано: «Каждый</p>

<p>советский философ, поэтому, когда я вижу сочетание «Институт философии и истории», я обращаю внимание на слово философия, а не слово история. Я убежден, что Бездомный, к сожалению, стал моим официальным коллегой, то есть он философ, а не историк.</p>	<p>год, лишь только наступает весеннее полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек около тридцати или тридцати с лишком лет. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это <i>специалист по древней истории</i> профессор Иван Николаевич Палашов» (на протяжении эпилога Булгаков дважды попытается заменить фамилию этого своего персонажа, и все же вернется к прежней: Понырев).</p>
<p><u>21.9.</u> Но много ли в советской Москве 30-ых годов было музеев? – Музей революции да Музей Ленина.</p>	<p>В Москве на момент обследования в 1928/29 году, было 165 действующих музеев. В их числе для трудоустройства Мастера вполне бы подошли 56 историко-культурных, 33 технических и прикладных знаний, 29 естественно-исторических, 19 педагогических и 4 художественных.</p>
<p><u>21.10.</u> Так что Мастер – это не Булгаков.</p>	<p>Как мы убедились выше, музеев для трудоустройства Мастера в Москве вполне хватало. А раз неверна посылка, то неверен и вывод. Кроме того, известно, что Булгакова называла Мастером его собственная жена, видимо по той же причине, что и Маргарита в романе, – в литературной жизни он все делал <i>«первоклассно»</i>. Мастером называл Булгакова и первый американский посол в СССР Вильям Буллит: <i>«Буллит необычайно хвалебно говорил о пьесе, о М.А. вообще, называл его мастером»</i>. С Мастером отождествлял Булгакова и его ближайший друг и биограф П. С. Попов: <i>«<...> Маргарита Николаевна – это вы и самого себя Миша ввел»</i>. Сам Булгаков называл <i>«мастером»</i> своего Мольера, самого близкого и автобиографичного его героя. Осколки жизни Булгакова рассыпаны в биографии Мастера. Это и поразившая их с Еленой Сергеевной как молния, как финский нож любовь; и символ этой любви – хранимая Маргаритой засохшая роза, прообразом которой послужила реальная засохшая роза, вложенная Булгаковым в письмо к Елене Сергеевне, когда она была еще замужем, – <i>«Получала письма от Миши, в одном была засохшая роза <...>»; и «то единственно ценное, что имела в жизни» Маргарита, – «старый альбом коричневой кожи, в котором была фотографическая карточка мастера», – «Фотографической карточкой, хранимой далеко от чужих глаз, стал для нее <Е. С. Булгаковой – С. Ц.> снимок, некогда вклеенный в томик «Белой гвардии», – навсегда с особой нежностью любимый ею его фотопортрет»; и ведьмовство Елены Сергеевны: «<...> ты ведьма! Присушила меня!»; «Ты думаешь, что ты ведьма?» – дразнил я ее. «Не ведьма, а колдунья и Маргарита», – строго говорила она»; и ее пристрастие к мимозам: <i>«Купила мимозы»; и ее необыкновенная любовь к древним главам романа: «люблю их бесконечно», «древние главы, которые я безумно люблю»; и считая ею Булгакову «черная шапочка Мастера»; и душевная болезнь Мастера, мучавшая самого Булгакова, и затравленность их обоих литературными критиками, и стремление увидеть за границу, описанное в черновиках романа. Именно глазами своего героя: «Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и нищ», – смотрит Булгаков в редакции 1934 г. на залитый огнями «гигантский город», над которым снижается</i></i></p>

кавалькада в последнем полете, по прямым, «как стрелы», линиям бульваров которого безошибочно угадывается Париж, в который он так стремился попасть, и в поездке в который ему так безобразно, так оскорбительно, предварительно обнадежив, отказали в том же 1934 году. С этими словами героя прямо перекликаются известные слова Булгакова: «Я узник... меня никогда не выпустят отсюда... Я никогда не увижу света». На черновых страницах романа отражено и его чтение Булгаковым своим знакомым, – Мастер признается Ивану, что «<...> пробовал он его читать кое-кому, но его и половины не понимают».

Вместе с тем, настоящий писатель никогда не переплавляет в горниле романа только свою собственную судьбу, и в образе Мастера реальные черты Булгакова соединились с другими прототипами и художественным вымыслом автора. В более поздних редакциях автор даже убрал из образа Мастера некоторые, слишком личные черты своей биографии, так как это вводило сюжет в сторону от основной линии. В частности смягчил он и страсть Мастера увидеть иные страны. Лишь осколок ее отразился в разговоре Мастера с Иваном: «Я вот, например, хотел объехать весь земной шар. Ну, что же, оказывается, это не суждено. Я вижу только незначительный кусок этого шара. Думаю, что это не самое лучшее, что есть на нем, но, повторяю, это не так уж худо».

Так что, конечно, Мастер это не Булгаков. И, тем не менее, справедливо обратное: Булгаков, это Мастер, ибо и жизнь его, и любовь как нигде отразились в зеркале его закатного романа.

Как известно, Кураев любит цитировать суждения оппонентов о себе. Прекрасный полемический ход, избавляющий его от необходимости опровержения цитируемых слов. Поэтому я не жду разумного ответа на приведенные мною вопросы ни от диакона, ни от его сторонников, толкующих его писания как Евангелие, и находящих смысл в любых его словах. Например, по поводу числа музеев на кураевском форуме мне дали следующий ответ: «Я уверен, что это образное выражение. Особенно в первоначальном варианте. Надо было так и оставить. Когда говорится, что музеев два, это понять сложнее, два – это уже цифра»¹²⁸⁴. Действительно, один палец загнуть проще, но при такой схоластической казуистике доказать оппоненту что-либо совершенно невозможно. Что можно ответить на сделанное мне на том же форуме заявление: «Я не зря сказал, что вообще не читал историю Иова, и тем не менее мое прочтение совершенно совпадает с кураевским»? – Я напомнил известную фразу «Я Доктора Живаго не читал, но...», – и получил ответ: «Совершенно не втямлю к чему оно сюды». И не мудрено, такого образования религиозное самопросветление не дает, тут именно читать нужно, а не правильную классовую религиозную позицию вырабатывать.

Настоящий исследователь всегда идет от факта к выводу. Бывают и у него, конечно, прозрения, опережающие процесс исследования, но все-таки в основе его работы лежит первичность факта по сравнению с выводом. Кураев же, как убежденный идеалист¹²⁸⁵, сначала формулирует вывод из личных «озарений», а потом уже подбирает для его обоснования «факты» – цитаты. В принципе и такой метод годился бы, если бы диакон вчитывался в контекст приглянувшихся ему фраз и отбирал их по признаку сжатой характеристики мысли автора, а не по признаку формального соответствия нужному конечному выводу. Но Кураев просто отбрасывает все, что его не устраивает и оставляет только то, что ему подходит. С такой схоластической логикой легко высказать отрицательное или положительное мнение о чем угодно, и подобрать для каждого случая необходимые цитаты. Но какова ценность подобных рассуждений? В сущности, весь творческий метод диакона сводится к трем основным приемам:

¹²⁸⁴ Форум Кураева. [«Мастер и Маргарита» – толкования и реальность.](#)

¹²⁸⁵ «В начале было Слово <...>» (Иоан. 1:1).

1. Формулируется тезис, представляющий собой религиозную позицию Кураева по обсуждаемому предмету, а не логический вывод из реальных фактов.

2. Из связанных с предметом обсуждения источников, произвольно, вне связи с контекстом, подбираются или (при отсутствии) компилируются подходящие цитаты.

3. Сконструированный тезис внедряется в подсознание читателей стандартным методом массовой рекламы, – подменой понятий, – многократным монотонным повторением его основных положений в различных местах текста создается нужная ассоциативная связь для закрепления внушаемого эффекта.

Свою аудиторию Кураев видимо оценивает очень низко, так как позволяет себе вешать читателям на уши откровенную лапшу, полагая, что никому не придет в голову проверять истинность его слов. Любимый аргумент диакона – *«argumentum ad ignorantiam»*¹²⁸⁶.

В старые добрые времена в католической Испании при каждом богатом доме обязательно отирался какой-нибудь бездельник духовного звания, усердно набивающий свое жирное брюхо щедротами духовных чад. Кураеву повезло неизмеримо больше. Дьякон всея Руси сумел удачно прикормиться при огромной стране, вот только пойдет ли ее верующему населению на пользу такое невежественное окормление, еще очень большой вопрос.

Напомню резюме, сделанные нами по разделам труда диакона:

Резюме 1. Цель, поставленная перед собой Кураевым, изначально ложна, так как ведет не к поиску истинного смысла романа, заложенного в него автором, а, наоборот, предполагает подгонку фактов под заранее заданную гипотезу. Поэтому, при обосновании первого же тезиса о том, что Иешуа, в отличие от евангельского Христа, якобы умер с именем Пилата на устах, Кураев вынужден прибегнуть к прямой лжи и подлогу, утверждая, что в черновике 1928-31 годов Иешуа умер со словами: *«Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр»*, хотя в этом черновике булгаковский Иешуа умирает с тем же словом на устах, что и Иисус из Евангелия от Иоанна: *«Свершилось»*. Черновики романа и дневник жены писателя неоспоримо свидетельствуют, что в образе Иешуа выведена именно историческая фигура Иисуса Христа.

Резюме 2. Судьбой собственного героя – Мастера – ответил Булгаков на вопрос о том, была ли у него надежда на прижизненную публикацию романа. Булгаков никогда не готовил его к печати, поэтому авторскую концепцию в полной мере отражает только окончательная редакция романа. Черновики ранних редакций могут быть использованы только для прояснения трансформации замысла автора и образов героев романа, но не изолированно, сами по себе. Познания Кураева о реалиях исторической действительности при жизни Булгакова оставляют желать лучшего.

Резюме 3. Вступая в сознательную жизнь, Булгаков, так же как и Гете, отошел от христианства. Возможно, что в зрелом возрасте он склонялся либо к деизму, либо к пантеизму. Но даже на смертном одре Булгаков сохранил равнодушие к личной вере в христианство и его обрядность, и всеми мыслями стремился только к одному, реальному, земному Божеству, – своей жене.

Резюме 4. В романе высмеиваются не проповеди Иешуа, а *«стукачи и хапуги»*, при необходимости усердно осеняющие себя крестным знаменем и бойко раскаивающиеся, в своих грехах. Булгакову, воспитанному в истинно религиозной, духовно нравственной среде, несмотря на его собственный отход от православия, была особенно омерзительна именно показная религиозность, высмеянных им персонажей.

Резюме 5. Бесконечность попыток создания так называемых не строгих *«доказательств»* бытия Божиего, сама по себе является всего лишь достаточно убедительным доказательством строгой его недоказуемости.

Резюме 6. Автором романа о Пилате является именно Мастер. Однако к его роману относятся только древние главы второй части. Что же касается древних глав первой части, то они являются авторским изложением рассказа Воланда и сна навеянного им Ивану.

¹²⁸⁶ *«Аргумент к невежеству (лат.) – Рассчитан на недостаток осведомленности, образованности, опыта собеседника»* [Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2003, с. 128].

Резюме 7. Роман Мастера, независимо от степени его соответствия реальным историческим событиям, является художественным романом, а не новым Евангелием. Прообраз евангельского Христа в романе, – Иешуа, – не Бог, а пророк, рожденный от смертных отца и матери.

Иешуа проповедует истину в древнем Иерусалиме, а в современной Москве эту же истину пророчески описывает в своем романе Мастер. Так же как и Иешуа он подвергается гонениям и распинается в переносном смысле этого слова группой ничтожных критиков. Так же как и у Иешуа, свет истины Мастера остается неузнанным. В древности пророков уничтожали физически, а тысячелетия спустя, в пору невиданного расцвета информационных технологий, их души уничтожают морально и порой для этого достаточно одной строчки в газете, особенно при тоталитарном режиме, во время которого живет Мастер.

Резюме 8. Булгаков недвусмысленно дает понять, что не Иешуа, а именно недалекий Левий считает, что Мастер не заслужил «свет», Иешуа же понимает, что «свет» не для Мастера, и поэтому просит Воланда **наградить** Мастера именно «покоем», понимая, что последний ближе душе Мастера. Вопреки утверждениям Кураева **«покой»** это не **«царство Воланда, зла и тьмы»**, а царство покоя и естественно света, ибо, где рассвет, который встречают Мастер и Маргарита в финале, там и свет.

В финале романа эпитет «выдуманный» применительно к образу Пилата подчеркивает момент слияния реальности и литературного вымысла Мастера, – слияния действия большого и малого романов в момент дарования Мастеру власти над судьбой реального Пилата.

Посмертная непеременимость героев романа находится за пределами человеческого разума, но хорошо согласуется с фантастической логикой романа, – нелепо же представить, что энергетическая субстанция, способная свободно просачиваться сквозь стены и перемещаться в пространстве, будет вести себя так же, как и обычное человеческое тело и одежда, – стареть и истираться.

Резюме 9. Речь в романе идет не о том, что гениальные рукописи нельзя сжечь и уничтожить физически, а о том, что написанное нельзя уничтожить в своей памяти, – можно скрыть от людей, но не от себя самого, что и продемонстрировал в романе Воланд, материализовав сожженный роман Мастера, сохранившийся только в голове его творца. В том, что написанное уже невозможно изгнать из памяти Булгаков на собственном примере убедился еще в 1921 г., задолго до уничтожения первой редакции «Мастера и Маргариты», написав: **«<...> написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда!»**. Бессмысленно утверждение Кураева, что герои романа стремятся избавиться от своей памяти. Это также невозможно. Можно получить прощение от других, но нельзя скрыться от себя самого.

Резюме 10. Воланд и Левий говорят на разных языках. Называя Левия рабом, Воланд имеет в виду не прислуживание Иешуа со стороны Левия, а именно рабскую, по мнению Воланда, сущность философии Левия, отрицающей неразделимость понятий добра и зла, зафиксированную даже в Библии: **«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла»**.

Воланд равно лишен как восторженного, так и приписываемого ему Кураевым ненавистного отношения к жизни. К людям он относится скептически и рот его кривится в вечной усмешке, но жизнь он принимает такой, как она есть, со всем ее достоинствами и недостатками.

Резюме 11. Булгаков разделял мнение Толстого, что никакого христианского Дьявола в природе не существует вовсе. Поэтому булгаковский Воланд не имеет ничего общего с каноническим христианским сатаной. Защита от такого Воланда приличным людям не нужна, а что касается неприличных, то их не спасет и крестное знамение, наивную веру в защитительную охранительную силу которого с издевкой высмеивает Булгаков. Не случайно все подонки в романе богобоязненны и постоянно крестятся. В этом проявилось крайне неприязненное отношение Булгакова к внешней, показной религиозности православных «образованцев». Любому перекрещиванию нечистой силы в романе незамедлительно сопутствует пародийное наказание, – в этом Булгаков следует традиции заложенной еще «Фаустом» Гете, в котором также сквозит ирония над наивной верой обывателей в магическую силу подобных **«оберегов»**.

Резюме 12. Безусловно, положительными персонажами романа являются Иешуа, Иван Понырев, Мастер и Маргарита. Любимым персонажем и героиней автора является Маргарита, в образ которой он вложил всю силу своей последней земной любви. Особое место в романе занимают образы Воланда и его свиты, которые лежат вне привычной нам нравственной системы оценок, так как находятся «по ту сторону добра и зла».

Резюме 13. Поскольку главная линия действия романа связана с балом Сатаны, который по сведениям Кураева проводится в начале мая, то наступление после него праздника Пасхи совершенно случайно и наблюдается исключительно редко. Как отмечает сам Кураев, изначально, в ранних редакциях, действие романа разворачивалось в июне, и лишь впоследствии было перенесено на май. Следовательно, пасхальная тема в романе вторична и не несет никакой смысловой нагрузки. Не пасхальная, а полнолунная тема, – тема луны, проходит красной нитью через роман Булгакова.

Резюме 14. С крыши дома Пашкова Воланд смотрит не в сторону Храма Христа Спасителя, а в сторону Кремля и Охотного ряда. Действие романа происходит предположительно в начале мая 1929 г. В романе подчеркнуто отсутствует как явно, так и в подтексте, не только главный храм России – Храм Христа Спасителя, но и главный Кремль России, – Московский, главные театры России – Большой и Малый, главный гастроном тех лет – Елисеевский, главный и единственный метрополитен России и еще очень много главного, так как роман совсем не об этих замечательных достижениях русской культуры.

Резюме 15. При чтении булгаковского текста невозможно сделать навязываемый Кураевым вывод, что Воланд самый неприятный персонаж романа и является лишь обезьяной Бога. Наоборот он вполне самодостаточен и не пытается никому подражать, что собственно и невозможно, в силу принципиального различия поля деятельности ведомств Света и Тьмы. В сталинской Москве сам Сатана кажется воплощением добра. Можно ли подписать более уничтожающий приговор сталинской системе?

Резюме 16. Между книгой Иова и «Фаустом» Гете нет ни малейшего духовного родства и преемственности. Пролог «Фауста» откровенно пародирует святое писание, особенно приятельскими отношениями Сатаны и Бога. Иова предлагает испытать сам Бог, Фауста же предлагает испытать Мефистофель. Иов набожен и «**богобоязнен**», он не отказался от Бога, несмотря на все испытания, и все свои лишения воспринимает как божье испытание – «**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**» (Иов 2:10). Фауст же дерзок и одержим духом познания, он сразу подписывает «отказный» договор с Мефистофелем и прекрасно знает, чьи услуги он принимает. Дьявол испытывает его не лишениями, как Иова, а именно искушениями, пытаясь не сломать, а разложить его душу. Все, что взял Гете из библейского сюжета, это разрешение Бога на «**эксперимент**».

Нет идейной преемственности и между «Фаустом» и романом Булгакова. Фауст стремился вызвать нечистую силу и добровольно заключил с ней договор на продажу души. Мастер же столкнулся с Воландом по воле случая и не закладывал свою душу, даже теоретическая возможность заключения подобного договора в романе не упоминается. Воланд демоничен, и, используя определение Гете, является «**безусловно позитивной деятельной силой**». Мефистофелю же, по тем же словам Гете, демонические черты совершенно не присущи, так как он «**слишком негативен**». В отличие от Мефистофеля, Воланд не персонифицирует собой зло как таковое и поэтому не нуждается в высшем поущении на свои действия в отношении Мастера и его возлюбленной. В романе Булгакова нет ни состязательности Сатаны и Бога, ни испытания Мастера Воландом, героя испытывает на прочность не мифический христианский дьявол, а реальное земное зло – тоталитарный советский режим. Поэтому в перспективе европейской фаустианы роман «Мастер и Маргарита» является не «Фаустом», а «**Антифаустом**».

Резюме 17. Вечность с Маргаритой, несомненно, обрадует Мастера. Ведьмино косоглазие, жестокость и буйность черт ушли из нее безвозвратно. Осталась только ее чистая, светлая, струящаяся любовь к Мастеру. Маргарита главная героиня и самый положительный персонаж романа и пользуется нескрываемой симпатией как других основных героев, так и самого автора – Булгакова. Ее искренняя и чистая любовь побеждает все препятствия и за это она вознаграждается вечной жизнью с любимым – Мастером.

Резюме 18. Финал романа оставляет светлое ощущение, – мир отверг Мастера, но Мастер получил заслуженный им надмирный покой, олицетворяемый его верной спутницей и хранительницей его жизни Маргаритой. В этом отличие романа Булгакова и фаустианы XX века от традиции прошлых веков с ее нелепым Deus ex machina, где «спасающее и все изменяющее вторжение Божьего промысла», рисует «счастливый финал» в виде сусальных бесполок картинок христианского рая, как высшего уровня и «символа скудных эсхатологических надежд» единственно доступных христианской интеллигенции прошлых веков.

Резюме 19. Не только сам Булгаков, но и его герои заслужили памятник. Они неотделимы друг от друга и связаны как пуповиной искренней любовью автора к своим персонажам. Если памятник заслужил автор, то и его любимые герои тоже. Они заслужили его народной любовью, так же как и персонажи романа 12 стульев.

Резюме 20. Иммануил Кант никогда не создавал «знаменитого» нравственного доказательства бытия Бога, приписываемого ему Кураевым. То, что Кураев тщится выдать за доказательство Канта, есть всего лишь личная нравственная система моральных воззрений Канта, находящаяся гораздо ближе к учению Льва Толстого, чем к учению христианской Церкви.

Резюме 21. В образах Мастера и Маргариты собственная судьба Булгакова и Елены Сергеевны соединилась с реальными чертами других прототипов и художественным вымыслом автора. Мастер, разумеется, не Булгаков, но Булгаков, – Мастер, ибо и жизнь его и любовь как нигде отразились в зеркале его закатного романа.

Несмотря на уверения Кураева, Иван Бездомный – Понырев в финале романа не становится официальным коллегой диакона. И не потому, что Кураева невозможно назвать философом, не оскорбив этим Ее Величество Философию, а потому, что из черновых редакций романа неоспоримо следует, что Понырев стал именно историком.

Резюме 22. Диакон Кураев грубо искажает суть книги Булгакова. Чтение Кураева и Баркова подобно чтению материалов желтой прессы небезопасно для душевного здоровья любителей черпать в подобных откровениях свет истины.

* * *

Я не буду обобщать итоговое резюме по работе Кураева. Если читатель еще не сделал собственного вывода сам, то сделанный мной он не вырвет его из когтей «диакона всея Руси». Скажу одно, не от Бога, если он есть, сей труд, а от лукавого, изощренного схоластической логикой ума; а значит не от Добра, не от Света.

Перечтите роман Булгакова, доверившись своему сердцу¹²⁸⁷, а не схоластической казуистике, многократно уличенной здесь в передергивании и искажении истины. И то, что вы сами почувствуете в своей душе и будет истинными словами автора, обращенными к Вам. Лучше прислушайтесь к ним, а не к словам невежественных диаконов. Дьявол, которого так страшится и которым так пугает нас Кураев, не что иное, как его собственное извращенное больное мировосприятие, повелевающее ему именовать Маргариту «блудливой ведьмой». С полным основанием Кураев может повторить о себе слова Фауста¹²⁸⁸:

*«Я богословьем овладел,
Над философией корпел, <...>
Однако я при этом всем
Был и остался дураком».*

Бессмыслен вопрос, поставленный Кураевым в заголовке его работы – «за Христа или против?» – Ни за, ни против. Как бы ни хотелось этого Кураеву, но не сводится все в мире к одному, столь важному для него вопросу¹²⁸⁹: «За белых или за красных?». Не сводится даже к

¹²⁸⁷ Не случайно первое, самое искренне впечатление диакона Кураева о романе он выразил словом «кошунственность», что вполне естественно для такого крайнего ортодокса, как он, но весьма забавно входит в полное противоречие с его же окончательными выводами, что роман якобы написан в защиту Церкви. Духовный пастырь, отрекаясь от мирских соблазнов, все же должен понимать, что при этом он неизбежно должен ограничить себя и в некоторых явлениях светской культуры.

¹²⁸⁸ Гете И. В. Фауст. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1985, с. 139.

¹²⁸⁹ Годы советской пропаганды не прошли даром и для священнослужителей, особенно для перелицованных из бывших выпускников философских факультетов, специализировавшихся на научном атеизме. В советское время

вопросу: «За Добро или против», ибо и понятия добра и зла не однозначны в различных культурах и у различных людей.

Читателям-христианам хочу дать один совет. Не забывайте, что роман создавался как светское, а не как религиозное произведение. Ни в коем случае он не направлен против Церкви, вопросы веры Булгаков в нем совершенно не исследовал. Его интересовала именно история Пилата: извечный вопрос о соотношении и взаимосвязи Добра и Зла. Сатана в романе, всего лишь литературный персонаж, художественное средство. При этом **роман является фантастическим**, что совершенно не обязывает автора следовать традициям и реалиям христианской веры. В романе Булгаков исследовал не достоверность евангельской истории, а противостояние добра и зла в современном ему тоталитарном обществе. Для раскрытия своей художественной концепции он использовал евангельский сюжет, переосмысленный им по мотивам христианских апокрифов. Но роман Булгакова не новое евангелие, опровергающее христианство, а Иешуа и Воланд не евангельские Иисус и дьявол, а только прообразы христианского образа Иисуса и христианского образа дьявола в **фантастической** реальности романа. Булгаков создал свой собственный мир, где Иисус не сын Бога, а мир управляется равновесием сил света и тьмы. Но его роман вполне приемлем для христиан, как и любое фантастическое произведение, если не воспринимать его события как реальные факты, на что Булгаков совсем не претендует.

Вместо Воланда Булгаков вполне мог бы ввести в сюжет и представителя инопланетной цивилизации, обладающего соответствующими возможностями, вплоть до воссоздания рукописи сканированием мозга Мастера. Но использование образа Сатаны более соответствует литературной традиции, наследованной Булгаковым от Гоголя и Гофмана. Однако Воланд не классический «христианский» дьявол, – враг рода человеческого. Его художественный образ так же мало соотносится с «реальным христианским прототипом», как художественный образ Ивана Грозного с реально существовавшим царем. Упрямое игнорирование этого обстоятельства Кураевым свидетельствует, что диакона тяготит не отличие булгаковского Иешуа от евангельского Иисуса, а именно разительное несоответствие Воланда христианскому дьяволу. Мир без дьявола в его христианском толковании пугает диакона.

К сожалению, в стремлении к поверхностным, наперед заданным выводам¹²⁹⁰, Кураеву не уступают и другие православные критики. Полностью противореча друг другу в оценке отношения Булгакова к религии, а также смысла романа и образов его персонажей, они сходятся только в одном, – в небрежном отношении к тексту романа, – для них он не поле исследования, а поле битвы за провозглашенные ими заранее априорные истины. Например, Михаил Дунаев пишет: «Миф о Иешуа творится на глазах у читателя. Так, начальник тайной стражи Афраний сообщает Пилату сущий вымысел о поведении бродячего философа во время казни: Иешуа – вовсе не говорил приписываемых ему слов о трусости, не отказывался от питья. Правда, те же слова о трусости имеются и на пергаменте Левия Матвея (на козлином пергаменте – что за деталь!), но доверие к записям ученика подорвано изначально самим учителем. Если не может быть веры свидетельствам явных очевидцев – что говорить тогда о позднейших Писаниях? Да и откуда взяться правде, если ученик был всего один (остальные, стало быть, самозванцы?), да и того лишь с большой натяжкой можно отождествить с евангелистом Матфеем. Следовательно, все последующие свидетельства – вымысел чистой воды. Так, расставляя вехи на логическом пути, ведет нашу мысль М. Булгаков»¹²⁹¹.

Да, именно так, «расставляя вехи на логическом пути», пытается уловить не вдумчивых читателей в свои суггестивные сети титулованный православный критик. Но слепы его глаза: «*morosophi moriones pessimi*»¹²⁹². Описанное Булгаковым в главе «Казнь» поведение распятого

мир простодушно делился на «наших» и «не наших». Возможно, не за горами тот день, когда какому-нибудь герою зададут вопрос: «А ты за Христа или против?», – и он ответит, – «А Президент за Кого? – Вот и я за Него».

¹²⁹⁰ В сущности говоря, это и не анализ вовсе, а прорицание видений, навеваемых внутренним голосом. Как известно, запись таких видений представляет определенную ценность в религиозных традициях. Однако применительно к художественному произведению, прорицание его сути и характеров действующих лиц выглядит не просто смешно, а убого, в чем мы собственно и убедились, разбирая работу Кураева.

¹²⁹¹ Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), Пермь, 1999. – <http://www.wco.ru/biblio/books/dunaev1/>

¹²⁹² «Ученые дураки – наихудшие [из дураков]» (лат.). По словам самого Кураева, дураки не нужны даже Церкви: «<...> дураки Церкви не нужны» [Кураев А., диакон. Интервью порталу «Интерфакс-Религия» в связи с выходом фильма «Код да Винчи», 21.05.2006].

Иешуа перед смертью, когда он действительно не стал отказываться от питья¹²⁹³, Дунаев путает с рассказом Афрания Пилату о поведении Иешуа «перед повешением на столбы». Именно тогда Иешуа и отказался от предложенного ему по закону напитка, и сказал, что «<...> в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость»¹²⁹⁴. Более того, Дунаев совершенно не понимает глубинного смысла, описываемого им диалога Пилата и Афрания. По иудейскому обычаю всем осужденным перед распятием предлагали заглушающий боль напиток. Но акцентированное Булгаковым внимание Пилата к этому вопросу, а так же его странное раздражение отказом Иешуа от питья, явно указывают на то, что в отношении напитка для Иешуа Афрания получил от Пилата особые тайные указания¹²⁹⁵. Но Иешуа отказался от питья и тем разрушил план Пилата. Отсюда и непонятная на первый взгляд досада Пилата: «Безумец! <...> Умирать от ожогов солнца!»¹²⁹⁶, – ведь от предлагаемого по закону питья распятые не умирали, иначе и нужды распинать их не было бы. Следовательно, избавить Иешуа от смерти «от ожогов солнца» мог только подмешанный ему в питье яд.

Заключая обсуждение занимательного, но невероятно поверхностного богословия Кураева, процитирую безымянную, к сожалению, ссылку, попавшуюся мне в интернете¹²⁹⁷ и содержащую на одной страничке больше умных мыслей, чем весь пухлый труд диакона:

«Роман «Мастер и Маргарита» – вершина творчества Булгакова. В нём нашли отражение излюбленные идеи и мысли писателя, это самое значительное произведение из всего созданного Булгаковым.

Роман стал источником многочисленных споров, размышлений, так как его повествование направлено в будущее, его содержание психологически, философски и исторически достоверно, а проблемы, поднятые в нём, – глубоко направленные, вечные. Человек веками бьётся над этими непостижимыми тайнами, в которых перемешано добро и зло, прекрасное и безобразное, земное и возвышенное. Стержнем романа является борьба добра со злом, понятий вечных и неразделимых, как сама жизнь.

Действия романа, происходящие с промежутком почти в две тысячи лет, гармонируют между собой, а связывает их борьба со злом, творчество, всепроникающая мысль, поиск истины. Но Булгаков переворачивает обычные представления о добре и зле, показывая их по-своему, заставляя тем самым читателя задуматься, переосмыслить нынешние представления о жизни, о нравственности.

Великий прокуратор Иудеи Понтий Пилат видит человека по имени Иешуа, который обвиняется в подстрекательстве к уничтожению Ершалаимского храма. Арестант пытается оправдаться, доказать свою невиновность: «Добрый человек! Поверь мне...» «...рухнет храм старой веры и создастся Храм Истины...» «...злых людей нет на свете, есть люди несчастливые...» Эти слова непонятны и чужды «свирепому чудовищу» Пилату, у которого своя «вялая» философия: мир поделён на господ и рабов, «раб подчиняется господину». Однако умные, немного дерзкие и наивные речи Иешуа заинтересовали прокуратора, пробудили в его душе зачатки нравственности, духовности. Пилат сразу убедился в невиновности арестанта и решил спасти его. Но Иешуа решительно отказался изменять своей истине, совершая тем самым великий нравственный подвиг. Его гуманистические проповеди всеобщей любви, доброты и свободомыслия, отрицание власти вызывают у Пилата страх, боязнь потерять привилегии, расположение великого кесаря.

Прокуратор объявляет арестанта преступником и выносит смертный приговор. Обнаруживается слабхарактерность Пилата, его малодушие. Он идёт против своего желания, голоса сердца, ради привычного благополучия. На примере Пилата Булгаков показал существование в человеке противоречивых нравственных устремлений, духовного и бездуховного, примат мыслей над чувствами. Но с момента казни Иешуа странные муки

¹²⁹³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 508.

¹²⁹⁴ Там же, с. 631.

¹²⁹⁵ «Пока секретарь собирал совещание, прокуратор в затененной от солнца темными шторами комнате имел свидание с каким-то человеком, лицо которого было наполовину прикрыто капюшоном, хотя в комнате лучи солнца и не могли его беспокоить. Свидание это было чрезвычайно кратко. Прокуратор тихо сказал человеку несколько слов, после чего тот удалился, а Пилат через колоннаду прошел в сад» [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 366].

¹²⁹⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 631.

¹²⁹⁷ Добро и Зло в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». – <http://mambo-mouse.narod.ru/dobro.htm>

одолевают прокуратора, совесть мучает его. Он понимает, что прав Иешуа, что по его вине погиб добрый, хороший человек. Душа Пилата погибла от меча, выкованного им самим. Видения Иешуа преследуют прокуратора во сне. Из дня в день его мучают воспоминания о человеке, которого алчность и низменность довели до гибели. Долги и тяжелы будут годы покаяния Пилата. Горька будет чаша наказания, далеки забвение и покой! И трудно сказать, что преобладает в этот момент в Ершалаиме – добро или зло.

Носителем зла, представителем тьмы в романе является Воланд, переосмысленный Булгаковым образ сатаны, дьявола. Воланд и его свита вовсе не призваны творить зло. Их основная цель – проверить людей, испытать на подлость и милосердие, обнаружить человеческие пороки. Тем самым Воланд берёт на себя функции добра, правосудия, он наказывает настоящее зло, карает только грешников, не принося вреда праведнику, и изредка дарит свободу и покой тем, кто настрадался и раскаялся.

Результат, к которому приходит Воланд, печален: зло друг другу творят люди; душа человека – это арена борьбы добра со злом, незыблемых нравственных законов и сиюминутных животных интересов; и чаще всего торжествует гордыня, зло, бессильным становится голос рассудка, сердца и всевластным безумие.

Сама идея поместить в Москву 30-х годов князя тьмы и его свиту, олицетворяющих те силы, которые не поддаются законам логики, была глубоко новаторской. Воланд появляется в Москве, чтобы «испытать» героев романа, воздать должное Мастеру и Маргарите, сохранившим верность друг другу и любовь, покарать взяточников, лихоимцев, предателей. Суд над ними вершится не по законам добра, они предстанут перед лицом преисподней.

По мысли Булгакова, в сложившейся ситуации со злом бороться следует силами зла, чтобы восстановить справедливость. В этом – трагический гротеск романа. Воланд возвращает Мастеру его роман о Понтии Пилате, который Мастер сжёг в приступе страха и малодушия. Миф о Пилате и Иешуа, воссозданный в книге Мастера, переносит читателя в начальную эру духовной цивилизации человечества, утверждая мысль о том, что противоборство добра со злом – вечно, оно кроется в самих обстоятельствах жизни, в душе человека, способной на возвышенные порывы и ложными, преходящими интересами сегодняшнего дня.

Не дьявол страшен автору и его героям. Дьявола, пожалуй, для Булгакова действительно не существует, как не существует и богочеловека. В его романе живёт иная, глубокая вера в исторического человека и в непреложные нравственные законы. Для Булгакова нравственный закон заключён внутри человека и не должен зависеть о религиозного ужаса перед грядущим возмездием, проявление которого можно легко усмотреть в бесславной гибели начитанного, но бессовестного атеиста, возглавлявшего МАССОЛИТ.

И Мастер, главный герой булгаковской книги, создавший роман о Христе и Пилате, тоже далёк от религиозности в христианском смысле слова. Мастер в романе не смог одержать победу. Но разве пессимизмом веет от финальных страниц книги?

Верная Маргарита так же светла, как и её возлюбленный, она верит в его талант, воодушевляет его в моменты отчаяния. Маргарита – роковая, целеустремлённая женщина, она всецело отдаётся любви и ради спасения Мастера заключает сделку с дьяволом, становится ведьмой, хозяйкой бала нечистой силы, окунается в таинственный мир чёрной магии. <...> она <...> является самым положительным героем романа, чью позицию поддерживают Булгаков, и читатель. Она любит так, как способны любить немногие. Даже Воланд по достоинству оценил это величайшее чувство, которое нельзя купить ни за какие деньги. Маргарита действует по голосу сердца, и за это она вознаграждена вечной жизнью с любимым человеком.

Они оба уходят из жизни, и Воланд и его свита уносят их души в мир покоя и счастья, ведь «тот, кто любит, должен разделить судьбу того, кого он любит».

На примере Маргариты Булгаков показал, что каждый человек должен решать для себя нравственные проблемы, делать личный выбор, прозревать сам, не взывая к небу, прося его явить свою славу, ни к аду, прося его явить могущество сил преисподней. Человек не может ждать милостей от жизни, шепча слова, взывающие к ней, он сам должен многое определить, изменить свою судьбу к лучшему.

Такая возможность предоставляется многим героям романа. Им дано прозреть, познать свою суть, проникнуть в дебри своего сознания, повернуть свою участь в благоприятную сторону.

<...> Другим же не дано постичь мудрость жизни, назначение человека, сделать для себя нравственные открытия».

Как отмечает В. Сахаров¹²⁹⁸: «При всем своем беспощадном реализме и прорывающейся местами глубокой печали это книга светлая и поэтичная; высказанные в ней вера, любовь и надежда способны развеять любой мрак. Ибо человек здесь не унижен, не растоптан силами зла, он и на дне тоталитарной бездны сумел выстоять, понял и принял жестокую педагогику жизни. Конечно же, это книга прощания с жизнью и людьми, реквием самому себе, и потому автор так долго не расставался с ней. Но и грусть Булгакова светла и человечна».

* * *

Размышляя над проблемой неистребимого желания отдельных людей вывернуть наизнанку смысл любого великого художественного творения, я случайно наткнулся в Интернете на составленный Сергеем Булгаковым «Справочник по ересям, сектам и расколам»¹²⁹⁹. Только в нем я насчитал свыше 200 различных ересей и расколов христианства. Очевидно, с тех пор этот список только возрос за счет различных сект вроде «Белого братства» и «Кедрозвонов». Таким образом, великое произведение Михаила Булгакова всего лишь повторяет печальную судьбу любой высказанной высокой мысли, и обречено на постоянное появление все новых и новых альтернативных прочтений, порождаемых заблудшими «еретиками»¹³⁰⁰. А у порожденных подобным сном разума чудовищ, всегда найдутся преданные поклонники, готовые костями лечь в их защиту¹³⁰¹. Разубедить таких людей практически невозможно, да, видимо, и не нужно. Столь же разумно бороться со сторонниками летающих тарелок, снежного человека и лохнесского плезиозавра.

В сущности говоря, каждый вправе воспринимать окружающий мир и явления культуры и искусства по-своему, отражая и преломляя в этом восприятии свой внутренний мир и богатство своей души. Нужно только помнить, что если этот внутренний мир человека убогий и кривой, то убогим и кривым выйдет и его отражение. Ведь и само учение Христа отражается в разных душах совершенно по-разному. Одних оно ожесточает, других побуждает к милосердию; одни берут в руки меч, другие опускают его; одни проникаются ненавистью, другие, – любовью...

И в луже грязной воды может отразиться неземная красота, но и самое лучшее зеркало не исправит уродства...

Так кем же является сам диакон Кураев? Он называет себя миссионером, и, следовательно, должен представлять собой «лицо, посылаемое религиозной организацией или церковью для проповеди религии и просветительской деятельности среди населения с иным вероисповеданием»¹³⁰². Кто, как, когда и куда послал Кураева, это особый вопрос, которого мы касаться не будем. Но заметим, что миссионеры прошлых веков с риском для жизни проповедовали, как правило, дикарям и жителям других стран с принципиально иным вероисповеданием. Нынешние же предпочитают без всякого риска проповедовать у себя дома в тепличных условиях атеистам и верующим иных направлений христианского вероисповедания. Разумеется, под новый, более удобный для них смысл миссионерства они подводят научную базу, доказывая, что еще со средних веков: «Европа нуждается в христианских миссионерах не меньше, чем далекий и языческий Китай»¹³⁰³. И все же, несмотря на все эти изыскания, деятельность

¹²⁹⁸ Сахаров В. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: прощание и полёт. – http://www.kritika.nl/master_i_margarita.htm

¹²⁹⁹ Булгаков С. В. Справочник по ересям, сектам и расколам. – <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/02b/bulgakov/handbook/contents.html>

¹³⁰⁰ Предвосхищая возражение, что именно еретики движут вперед научную мысль и прогресс человечества, замечу, что ее движут не просто ниспровергатели существующих истин, а те из них, кто способен заглянуть за горизонт существующего знания. В научном познании фактам не выкручивают руки и не подгоняют их содержание на прокрустовом ложе. Хотя случается и такое, – вспомним печальной памяти учение академика Трофима Лысенко, назначавшего встречу с разумом, как и диакон Кураев, только в нужной ему точке. Именно такого рода «научным изысканиям» и подобны писания Баркова, Дунаева, Дерягина, Кураева и прочих аналогичных «исследователей».

¹³⁰¹ Когда я разъяснил на булгаковском форуме одному особо рьяному и духовно развитому поклоннику Альфреда Баркова ошибочность *idée fixe* его учителя в вопросе о ЦЕКУБУ (см. [приложение 2](#)), то в ответ полетели только брызги ядовитой слюны и предложения набить мне морду. Видимо любовь к нетрадиционному прочтению сродни стремлению к нетрадиционному сексу и также неодолима без хирургического вмешательства. ©

¹³⁰² Толковый словарь Ефремовой. – <http://www.efremova.info/word/missioner.html>

¹³⁰³ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

новых религиозных пропагандистов более всего подходит не под понятие «миссионер», а под церковный смысл слова «проповедник»: **«тот, кто произносит речь религиозно-поучительного характера; церковный оратор; <...> распространитель вероучения, идей, взглядов, связанных с той или иной религией»** ¹³⁰⁴. Именно опытным бойцом-проповедником невидимого идеологического фронта борьбы за уловленные людские души, а не идеалистом-миссионером в общепринятом возвышенном значении этого слова, и является Кураев. Его работа о романе Булгакова «Мастер и Маргарита» неумолимо свидетельствует, что диакон лишен каких-либо моральных условностей и иллюзий, и считает, что в этой борьбе все средства хороши. Этим Кураев неотличимо похож на пропагандиста-политработника образца советских времен, сменившего полярность мышления с совкового атеизма на православный теизм, и вколачивающего в темечко слушателям религиозные гвозди вместо антирелигиозных.

Блестящие публицистические способности диакона отрицать, конечно, невозможно, как ни крути, а золотое перо. Но не все золото, что блестит... Вспоминаются пронзительные строки из рассказа полузабытого ныне Ильи Зверева¹³⁰⁵:

«– А ведь вроде очень искренне написано, – крикнул Главный. – Поганец! Но... Золотое перо!

– Перо?! На хрена перо, когда такая совесть?!»

Сегодня, к сожалению, время кураевых, и они беспрепятственно и достаточно успешно пытаются вывихнуть мозги набекрень целому поколению. Но я верю, что пройдет пусть пятьдесят, пусть сто лет, но рассеется нынешний ортодоксальный религиозный туман над русской культурой и исполнится невольное пророчество Булгакова о серьезно осатаневшем лукавом религиозном мракобесе диаконе Кураеве¹³⁰⁶: **«Был дьякон, и ау, нету дьякона! Где, спросят добрые люди, наш милый дьякон? А он, дьякон... он в аду...»**. И адом этим ему будет память потомков, не простивших ему попыток духовного оскпления романа Булгакова и русской культуры.

А Булгакову вечным памятником в глазах потомков будут не убогие изыскания Баркова, Дунаева, Дерягина, Кураева и им подобных, а проникновенные строки Анны Ахматовой¹³⁰⁷:

Памяти Михаила Булгакова (1940)

*Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.*

*Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душевных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.*

*И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.*

*О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, –*

*Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.*

¹³⁰⁴ Толковый словарь Ефремовой. – <http://www.efremova.info/word/propovednik.html>

¹³⁰⁵ Зверев И. Ю. Письма трудящихся // Защитник Седов. – М.: Советский писатель, 1990, с. 232.

¹³⁰⁶ Булгаков М. А. Главполитбогослужение. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3 Дьяволиада. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с.

¹³⁰⁷ Ахматова А. А. Из семи книг: Стихотворения, поэма. – СПб.: Азбука-классика, 2002, с. 233.

Приложение Как диакон Кураев спасал графа Толстого из Ясной Поляны

1.

«<...> Льва (Николаевича) видно по когтям»

Диакон Кураев¹³⁰⁸

После Толстого нельзя жить и работать в литературе так, словно не было никакого Толстого.

М. А. Булгаков¹³⁰⁹

«Ваше Высокоблагородие, дорога в «Ясную Поляну» трудная. Метели все позаметают...

... Мужиков ехать и не упросишь. А то и волки встречаются, а зимой волк свиреп... <...> Как тех злодеев изобличить – пока не знаю, но можете, Ваше Высокоблагородие, не сумлеваться в моем старании...»

Булат Окуджава¹³¹⁰

Как учит Кураев, Льва видно по его когтям. Ну что ж, посмотрим, а не видно ли где Дявола по копытам его, и Осла по ушам его...

Читая отеческие наставления отца Андрея молодежи, я натолкнулся на следующий любопытнейший исторический анекдот¹³¹¹:

1. – В 97-м году в Архангельске происходили организованные епархией педагогические чтения, на которых впервые встретились учителя и священники. И первый доклад – об отце Иоанне Кронштадтском. Интереснейший историк, архивист из Москвы Александр Стрижёв рассказывает о подлинных дневниках отца Иоанна. Дело в том, что хотя «Моя жизнь во Христе» и называется дневником, на самом деле это именно литературное произведение, изначально предназначенное для публикации. А есть личный, интимный дневник отца Иоанна, и Стрижёв его нашел.

Это очень честный дневник. И вот зачитывается такое место из дневника святого Иоанна: «Господи, не допусти Льву Толстому достигнуть до праздника Рождества Божией Матери, Которую он хулит. **Возьми его с земли – этот труп зловонный,** гордостью своею посмердивший всю землю. Аминь».

Ситуация: учителя впервые встретились с миром Церкви, пришли послушать «о духовности», и на тебе – такое услышать от святого Русской Церкви. Они были просто в шоке. Владыка Тихон Архангелогородский оборачивается ко мне и шепчет: «Отец Андрей, твой доклад следующий, спасай ситуацию». Что делать? Встаю, поворачиваюсь к иконе Иоанна Кронштадтского, крещусь, кланяюсь ему и говорю: «Святой праведный отче Иоанне, прости меня, но **я с тобою не согласен**». И потом объясняю, что в православной молитве нельзя желать зла другому человеку, привожу соответствующие цитаты из отцов. Поясняю, что в Православии святость и безгрешность – это не одно и то же, что в этой дневниковой записи сказала наша ветхозаветная страстность, а не этическая максима православной веры.

Аудитория более-менее оттаяла. Но зато православные! Бородачи в сапогах, в черных рубашках встают и дружно уходят. В этой ситуации выбор был необходим. **Пришлось пожертвовать своей репутацией в глазах некоторой части православных – ради того, чтобы не оттолкнуть от Церкви начинающих.**

О чем же говорит нам данная история? Чему она учит? – Очевидно тому, что ради высшей цели можно погрешить против своих убеждений и своей репутации, и даже осенить себя при этом крестным знаменем для пущей убедительности.

¹³⁰⁸ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?

¹³⁰⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 173.

¹³¹⁰ Булат Окуджава. Похождения Шипова или старинный водевиль. – М.: Советский писатель, 1975, с. 101.

¹³¹¹ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

Но точно ли могут такие несправедливые деяния привести к праведному результату? Здесь очевидно возможно одно из двух:

1. Только праведные действия приводят к праведному результату, ибо несправедливые, сколько приближают к нему, столько, если не больше, и отдаляют, уводя в сторону и искажая саму конечную цель.

2. Для достижения праведного результата все средства хороши, – «цель оправдывает средства»! Не важно, что подсказывает вам Ваше сердце, доверьтесь изобретательности Вашего ума.

Так что же здесь, как любит говорить Кураев, от Бога и что от Дьявола? Первое, или второе? Можно ли ради временного торжества веры принуждать какие-то факты **«к несправедливому сожигательству со своими тайными и явными замыслами»**? Точно ли цель, достигнутая несправедливым путем, это та же самая Цель? Не унаследует ли она при этом какие-то черты от способа своего достижения? Этот риторический вопрос разрешите мне оставить на размышление моего читателя.

Печальна циничная откровенность диакона, но самое скверное во всей этой истории, что нет и тени сомнения, было бы полезно обратное, наш благочестивый духовный пастырь с ясными глазами доказал бы правоту Иоанна Кронштадтского¹³¹² и выразил бы ему от лица всех присутствующих единомышленников полное согласие и особую благодарность за честность в интимной жизни. Ибо по Кураеву для достижения благой цели все средства хороши: мораль у него двойная и вполне подчинена интересам религиозной борьбы. Действительно невынимаем фундамент воспитания, заложенного в человеке! Уж 20 лет, как Кураев официально порвал с вульгарным атеизмом и марксизмом-ленинизмом¹³¹³, а корни его все прорастают в душе и деятельности его: **«Осознать то, что я стал идеалистом, было очень трудно, настолько глубокие корни пустила марксистская закваска в моем подсознании»**¹³¹⁴.

Вспомним глубокое патологическое непонимание Кураевым смысла слов Булгакова, что главный враг писателя он сам, так как никогда, ни при каких обстоятельствах не поступался своими убеждениями и репутацией. С Кураевым мы имеем как раз обратный случай: его лучший друг, всегда готовый пойти ему навстречу и найти нужный компромисс с его совестью или тем, что ему ее заменяет – он сам.

В отличие от **«святого праведного»** отца Иоанна Кронштадтского, **«протоиерея Кронштадтского собора и почетного члена черносотенного «Союза русского народа»**¹³¹⁵, утверждавшего, что Лев Толстой **«труп зловонный, гордостью своею посмердивший всю землю»**, Булгаков с исключительным почтением относился к Толстому и его творчеству: **«Совершенно убежден, что каждая строка Льва Николаевича – настоящее чудо. И пройдет еще пятьдесят лет, сто, пятьсот, а все равно Толстого люди будут воспринимать как чудо!»**

Впрочем, у Кураева и на этот счет свое мнение¹³¹⁶: **«Помню, что многих священнослужителей несколько смутила публикация дневников отца Иоанна Кронштадтского. Это, действительно, очень искренняя, исповедальная книга. <...> Некоторые современные церковные люди усомнились, надо ли публиковать такие вещи о святом? А для меня, наоборот, отец Иоанн Кронштадтский стал ближе и человечнее»**¹³¹⁷.

«Очень честные» и **«человечные»** дневники Иоанна Кронштадтского, на мой взгляд, похожи на индийских дервишей, с тем отличием, что там грязь снаружи, на немывтом и нечесаном теле, а здесь грязь внутри, – в немывтых и нечесаных мозгах. Не случайно у Булгакова в романе

¹³¹² Сравните с мнением Кураева о другом «посмердившем»: **«Некая сволочь по кличке «Ник Перумов» даже переписала книгу Толкиена с откровенно сатанинскими акцентами»; «<...> мерзавцы типа Ника Перумова <...> совершенно сознательно стали сатанизировать мир Толкиена».**

¹³¹³ **«Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»** [Ленин В. И. ПСС, 5 изд.: В 55 т. Т. 41 – М.: Изд. полит. лит., 1982, с. 309].

¹³¹⁴ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

¹³¹⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 209.

¹³¹⁶ Кураев А., диакон. Не-американский миссионер.

¹³¹⁷ Невольно вспоминается бывший атеистический учитель диакона, – **«самый человеческий человек»**, – который, также как и Иоанн Кронштадтский, мечтал о том, чтобы с земли убрались все зловонные трупы, посмердившие, по его разумению делу борьбы за освобождение пролетариата. И немало их полегло в землю в соответствии с указаниями его и последователей его. Слава Богу, если Он есть, что в отличие от земных владык, Он не обращает внимания на подобные молитвы, а то на земле уже пусто было бы...

среди действующих лиц выведен и приезжий «писатель Иоганн из Кронштадта», которого автор заставляет так лихо отплясывать в Грибоедове свой любимый, но кощунственный для «праведного» святого фокстрот «Аллилуйя»¹³¹⁸.

Насколько же чище и правдивее «непричесанных мыслей» Кураева и Иоанна Кронштадтского слова Льва Толстого: «<...> **им не доказывать нужно, но оправдываться: оправдываться в кощунстве**, по которому они учение Иисуса-Бога приравняли к учениям Ездры, соборов и Павла и позволяли себе слова Бога перетолковывать и изменять на основании слов людей; оправдываться в клевете на Бога, по которой они все те изуверства, которые были в их сердцах, свалили на Бога-Иисуса и выдавали их за его учение; оправдываться в мошенничестве, по которому они, скрыв учение Бога, пришедшего дать благо миру, поставили на его место свою свято-духовскую веру и этой подстановкой лишили и лишают миллиарды людей того блага, которое принес людям Христос, и вместо мира и любви, принесенных им, внесли в мир секты, осуждение, убийства и всевозможные злодеяния».

Но вместо того, чтобы оправдываться, искренний почитатель черносотенного дневника Иоанна Кронштадтского кощунствует дальше, перетолковывая образ Льва Толстого в своих интервью: «Формула «Лев Толстой – православный философ» будет неверна. Но сказать, что Лев Толстой – православный художник, это совершенно справедливо. Скажите, а какой он художник? Буддистский, что ли?»¹³¹⁹ Послушать Кураева, так агностик Умберто Эко и атеист Станислав Лем католические художники, а атеист Иван Павлов, – православный ученый, все по тому же бессмысленному принципу «не буддистские же!» И какой же тогда художник Рерих? Буддистский или православный? И куда следует отнести великих атеистов Нильса Бора и Альберта Эйнштейна (см. [Введение](#))?

Толстой великий русский писатель и не нуждается в окраске православием. Напомню его «искренние исповедальные слова» о православии, записанные в его дневнике за год до смерти, 22-го января 1909-го года¹³²⁰: «Заявляю, кажется, повторяю, что **возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки**». Как же можно после этого записывать его в православные художники?

Очередной раз упрекать диакона в глупости и лживости право уже надоело. Он сам намного лучше характеризует себя собственными интервью¹³²¹: «Я считаю, что работа инквизитора – **очень достойная работа**»; «<...> я понял, что я хоббит до глубины души»; «<...> меня печалит отсутствие православного терроризма»¹³²². Напомню, что среди хоббитов инквизиторов и террористов отродясь не было, так как христианство они слава богу не исповедовали. Поэтому духовная близость «глубины души» диакона Кураева к террористам и инквизиторам делает его ближе не к хоббиту, а скорее к помеси орка с гоблином...

¹³¹⁸ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 388.

¹³¹⁹ Кураев А., диакон. Я – инквизитор-хоббит.

¹³²⁰ Ремизов В. – <http://www.svoboda.org/programs/Christ/2001/Christ.032501.asp>.

¹³²¹ Кураев А., диакон. Я – инквизитор-хоббит.

¹³²² Высказанная Кураевым печаль по поводу отсутствия православного терроризма удивительнейшим образом совпала по времени с разгромом православными террористами 18.01.2003 выставки «Осторожно, религия!» в музее имени выдающегося атеиста Андрея Сахарова. А обвинения диаконом древних глав романа в кощунственности переключаются уже с недавним разгромом 22.12.2006 фонда музея Булгакова на Большой Садовой улице, – иконы, уникальные фотографии и архивные документы оказались выброшены в грязь, поскольку идейный вдохновитель погромщиков Александр Морозов, живущий в квартире, расположенной над музейными залами, считает музей сатанинским гнездом. Понимая чувства диакона, позволю и себе посетовать на отсутствие атеистического терроризма. Ведь по рецепту Кураева нужно побольше террористов «хороших и разных», они между собой разберутся по понятиям, порешают все наши проблемы и все устаканится...

Приложение 2. Как Альфред Барков «Центральную комиссию по улучшению быта ученых» в вино превратить пытался

«Несмотря на то, что слова «цекуба» официально как бы не существует, оно все же было широко распространено в писательской среде 20-30-х годов. Это – видоизменение аббревиатуры «Цекубу», происходящей от названия «Центральной комиссии по улучшению быта ученых», образованной в 1921 году по инициативе Горького при поддержке В. И. Ленина».

А. Барков

«Альфред Барков убедительно показывает<...> Это аргументированное исследование стоит сопоставить с фантазиями тех, кто поучает наших детей».

Диакон Кураев

*«Когда ж, счастливец-Меценат, отведаем,
Победам рады Цезаря,
Вина Цекуба, что хранилось к празднику <...>».*

Квинт Гораций Флакк¹³²³

Коль скоро Кураев «исследования» своего alter ego¹³²⁴ Баркова ставит превыше фантазий, коим поучают в школе наших детей, – а многие из этих фантазий действительно плохи, ибо больно много развелось нынче фантазеров, что, собственно, и подвигло меня на сей труд, – то я решил рассмотреть в данном приложении один из основных аргументов, как говорится *idee fixe* Баркова. Итак¹³²⁵...

В обращении к читателю, предуведомляющему текст книги Баркова¹³²⁶, наш бравый полковник КГБ пишет, что когда ему «дали почитать на две ночи «Мастера и Маргариту»», он сразу понял, что «речь идет о А. М. Горьком, знаменитом советском писателе, одном из столпов нашей культуры». Несложно догадаться, что основой для такого скоропалительного вывода ему послужили, прежде всего, два «ключевых» слова – «мастер и «цекуба». Когда-то вопрос о втором из них был с вызовом, как перчатка, брошен мне одним из рьяных поклонников Баркова в надежде поставить меня в тупик, но первое же мое обращение к первоисточникам мгновенно развеяло как его надежды, так и соответствующее маниакальное заблуждение Баркова. Результаты проведенных мною исследований я обобщил на форуме Булгаковской энциклопедии в сообщении «Как Альфред Барков «Центральную комиссию по улучшению быта ученых» в вино превратить пытался». Их расширенный и дополненный вариант и предлагается вашему вниманию.

1. Приведенные выше разрозненные данные, указующие на личность Горького как прототип образа Мастера, являются первичными и требуют более детальной проверки.

Никаких «разрозненных данных», убедительно «указующих на личность Горького как прототип образа Мастера», Барков нам все еще не представил, однако, не мудрствуя лукаво, посмотрим непредвзято на то, что сам он считает еще более детальным обоснованием своей странной гипотезы.

2. Не мною отмечено, что Булгаков по какой-то причине изменил название вина в одном месте, не сделав этого же в другом. Но здесь дело, видимо, не в авторской небрежности, – во фразе Аззелло слова "Фалернское вино" выделены в самостоятельное предложение, что придает им подчеркнутую значимость.

¹³²³ Квинт Гораций Флакк. Оды. Собр. соч. – СПб.: Биографический институт, 1993.

¹³²⁴ «Второй я; другой я» (лат.).

¹³²⁵ Нижеприведенный текст является одним из разделов моей книги «Мастер и Маргарита»: прогулки с Барковым или путешествие с дилетантом». – <http://www.bulgakov.ru/ipb/index.php?showtopic=158>

¹³²⁶ Барков А. Обращение к читателю. – <http://menippea.narod.ru/>

Не мною отмечено, что роман Булгаковым не завершен, и подобных противоречий и незавершенных переделок в нем полно, и именно во второй части. Так стоит ли удивляться, что первоначально описав в тексте фалернское вино как красное, Булгаков в дальнейшем обратил внимание, что это вино не красное, а **«золотистое»**¹³²⁷ (см. [тезис 23](#)) и внес соответствующее исправление в текст романа? На первый взгляд это может вызвать недоумение, – а что же в другом месте не выправил? Поэтому поясню. Во-первых, единой рукописи романа, как таковой, у Булгакова не было, а были бесчисленные листы, испещренные многочисленной правкой, а к ним, в свою очередь, столь же обширные листы дополнений со своей собственной правкой, а также записи о намеченной переработке романа и записи для будущего его редактирования, указывающие, в частности и список мест, которые нужно выправить в связи с изменениями, внесенными текущей правкой. В общем, в данном случае, как говорится, сам черт голову сломит, поэтому удивляться многочисленным несоответствиям в тексте романа не стоит. Во-вторых, не всегда правка означает чисто механическую замену одного слова другим. Так в беседе Афракия с Пилатом Булгаков сумел обыграть оба слова – и цекуба и фалернское. Не исключено, что аналогичным образом он собирался переработать и финальную сцену в подвале. Для него вполне достаточно было выправить текст в одном месте, чтобы потом при корректурной правке внести соответствующие исправления по всему тексту. Вот только времени на такую правку ему уже не было отпущено...

3. Фалернское вино, воспетое в Древнем Риме Горацием и Катуллом, а в России – Батюшковым и Пушкиным, является одним из тех знаменитых вин, которые действительно могли поставляться прокуратору Иудеи из метрополии. Однако в данном случае главное, видимо, не в этом, а в том, что оно производится в итальянской области Кампания (Неаполь, Капри, Сорренто, Салерно), с которой связана значительная часть жизни Горького.

Вино не знает государственного районирования, а только географическое. Если остров Капри приписан к области Кампания, то это еще не повод называть каприйское вино фалернским. Фалернское вино выделялось исключительно в Фалернской области и только из винограда, росшего **на южных склонах горы Массика**. Из винограда, росшего на ее северных склонах, как указывает Гораций, производились низшие сорта вина. Что делали из винограда росшего на Капри мы лучше и анализировать не будем.

4. В этой связи следует отметить, что и вождь для Пилата метрополия, куда он так стремился из "ненавидимого" Ершалаима, – Капрея – это тот же остров Капри, с которым тесно связана биография Горького.

На Капри Горький бывал только при «проклятом царизме», а в советское время жил в Сорренто. Это близко, всего пять километров через пролив, но уже на материке. Как пишет о послереволюционном пребывании Горького в Италии В. Ходасевич, **«даже виза в Италию дана ему под условием не жить на Капри»**¹³²⁸.

5. Скорее всего, именно эта марка вина подразумевалась в адресованном Горькому и Андреевой письме Ленина от 15 января 1908 года: **«К весне же закатимся пить белое каприйское вино и смотреть Неаполь и болтать с Вами»**.

«Дурень думкою багатіє!», – говорят в Украине. В письме ясно написано: **«Белое каприйское»**, а не фалернское.

О происхождении фалернского вина известно следующее: **«Кампания расположена в южной части Италии, вдоль побережья Тирренского моря <...> здесь отлично вызревают как красные, так и белые сорта винограда. Среди первых наибольшее значение имеет Альянко,**

¹³²⁷ Архив М. Булгакова. Роман. Материалы. – ОРБЛ, ныне РГБ. фонд 562, картон 8, ед. хр. 1, с. 46 <ссылка указана Л. Яновской – С.Ц.>

¹³²⁸ Ходасевич В. Ф. Воспоминания о Горьком. – М.: Правда, Библиотека «Огонек», 1989, с. 10.

привезенный сюда еще греками. Считается, что этот сорт наилучшим образом проявляет свои качества именно в Кампании. Среди белых же в первую очередь стоит упомянуть сорта Фиано и Фалангина, также ведущих свою историю с античных времен (считается, что именно из сорта Фалангина изготавливались фалернские вина); а особым престижем пользуется белый же сорт Греко ди Туфо»¹³²⁹.

Наследниками «тех самых фалернских» являются белые вина, производимые под наименованием Falerno del Massico на основе древнего сорта Фалангина. Также Фалерно дель Массико может быть красным – в варианте Россо, но при этом основным сортом в ассамбляже является ... Альянико! Очевидно, что в древности его бы так и назвали Альянико, а сейчас называют Фалерно только из-за «раскрученности» марки. Несомненно, во времена Пилата фалернское вино было белым. Обратите внимание на строки Горация¹³³⁰: «*Quem bibulum liquidi media de luce Falerni*» – «Пил я с полудня уже прозрачную влагу Фалерна». Такие сравнения не используют для красных вин.

6. И все же не это, видимо, является главным в противоречии с названием марок вин. Возникает вопрос – зачем Булгаков употребил название этой марки, обратив на это внимание читателя явным противоречием в тексте?

В романе Булгакова немало противоречий и прямых ошибок, особенно в описании древних эпизодов. Об этом можно прочесть, например, у А. Б. Левина¹³³¹. Ведь роман автором не дописан и к печати не подготовлен. Перед смертью Булгаков начал большую правку романа¹³³², но успел откорректировать только первую часть и первую и последнюю главы второй части. Так что нет ничего удивительного в том, что в одном месте вместо фалерно успела появиться цекуба, а в другом – так и осталось фалерно. Аналогично писатель изменил в первой части место заброса Лиходеева с Владикавказа на Ялту, но не успел исправить описание его возвращения во второй части, и Степа возвращается из Ялты в нелепой для Крыма одежде, – папахе и бурке. Но это Баркова почему-то не смущает.

7. Это можно объяснить желанием вызвать еще одну, более прямую ассоциацию с именем Горького. Несмотря на то, что слова "Цекуба" официально как бы не существует, <...>

Совершенно безграмотное невежественное утверждение. Такое слово есть и существует вполне официально: «*Цекубская область (Caesibus ager) – составляла в древности часть Лация, при Амиклейском заливе, и принадлежала к территории Фунд (Fundi). Болотистая почва области, изобиловавшей тополями, давала прекрасные виноградники: по свидетельству Горация, Плиния и Марциала, цекубское вино считалось лучшим сортом итальянских вин*»¹³³³.

Если бы Барков вместо переписывания истории изучал ее, или хотя бы читал исторические романы, то он мог бы встретить там частые упоминания о цекубском вине, например: «<...> у тебя, я знаю, есть порядочное **цекубское**, в таких низеньких амфорах, с надписью, будто это вино времен Диоклециана»¹³³⁴.

¹³²⁹ Винная карта: Удачливая земля Кампании. Портрет региона. – Империя вкуса. –

http://www.imperiavkusa.ru/iv/iv.php?inc=archive/054_2004_11/art_2

¹³³⁰ Гораций. Epistulae Liber I, XIV. – <http://www.russianplanet.ru/filolog/horatius/epistulae/14.htm>.

¹³³¹ Левин А. Б. Придирки к мастеру. Материалы к подробному комментарию к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». – http://www.litera.ru/slova/ab_levin/pridirki.html

¹³³² «Особенно густо выправлена первая часть романа, а во второй – первая и последние главы. Некоторые записи – наметки для будущих переделок – остались невоплощенными» [Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 733].

¹³³³ Энциклопедический словарь. Том XXXVII-А. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1903, с. 900.

¹³³⁴ Брюсов В. Я. Алтарь Победы // Брюсов В. Я. Огненный ангел: Ист. повести. – К.: Дніпро, 1991, с. 358.

Вот, что писал о цекубском вине Квинт Гораций Флакк¹³³⁵:

Оды

КНИГА ПЕРВАЯ

20

Цекуба вино пей себе ты дома
И каленских лоз дорожную влагу, –
У меня ж фалерн, как и Формий лозы,
Чаш не наполнят.

37

Нам пить пора, пора нам свободною
Стопою в землю бить, сотрапезники,
Пора для пышных яств салийских
Ложа богов разубрать богаче.

Грехом доселе было **цекубское**
Из погребов нам черпать, из дедовских,
Пока царица Капитолий
Мнила в безумье своем разрушить,

КНИГА ТРЕТЬЯ

28

Что другое в Нептунов день
Делать мне? Ты достань, Лида, проворнее
Из подвала **цекубское**,
И конец положи думе назойливой.

Эподы

9

Когда ж, счастливец-Меценат, отведаем,
Победам рады Цезаря,
Вина **Цекуба**, что хранилось к празднику
(Угодно так Юпитеру)
В твоём высоком доме и споем под звук
Дорийской лиры с флейтами?

Думаю этих цитат достаточно, чтобы убедиться, что вино Цекуба не только существовало, но и славилось своими превосходнейшими качествами.

8. <...> оно все же было широко распространено в писательской среде 20-30-х годов. Это – видоизменение аббревиатуры "Цекубу", происходящей от названия "Центральной комиссии по улучшению быта ученых" образованной в 1921 году по инициативе Горького при поддержке В. И. Ленина.

ЦеКУБУ (именно так правильно писалось ее название) занималась улучшением быта **ученых**, а не литераторов. Как отмечал председатель ЦеКУБУ А. Б. Халатов, «**можно с уверенностью сказать, что в нашем Союзе нет ни одного ученого, который бы не имел дела с ЦеКУБУ**»¹³³⁶. С литераторами же положение было обратное, поскольку им изначально были выделены на порядок меньшие фонды, чем для ученых и это пособие получали только самые известные писатели. Например, Анна Ахматова получала паек и пособие ЦеКУБУ по 4-й категории.

Современные публикации, упоминаящие ЦеКУБУ, в основном пересказывают друг друга и часто грешат ошибками в названиях и датах. Очень часто можно прочесть, что Горький основал

¹³³⁵ Квинт Гораций Флакк. Оды. Собр. соч. – СПб.: Биографический институт, 1993.

¹³³⁶ Халатов А. Б. // Ленинградская правда. – 1925. – № 203. – 6 сентября.

ЦеКУБУ и руководил ею в 1919-1923 гг. О том, что Горький работал не в ЦеКУБУ, а в созданном только в 1920 г. ПетроКУБУ, и что еще осенью 1921 г. Горький, ввиду глубоких противоречий с Советской властью, выехал за границу и, следовательно, не мог осуществлять практическое руководство комиссией в 1922-1923 гг. и числился в ней только формально, а равно и о том, что собственно ЦеКУБУ была создана только через месяц после отъезда Горького за рубеж, у авторов подобных публикаций как-то не принято даже и задумываться.

Путаница в освещении истории возникновения комиссии связана с тем, что первые документы о ее создании носили закрытый характер и в свое время не публиковались, что и привело впоследствии к произвольному изложению как принятых Советом Народных Комиссаров (СНК) решений, так и названий комиссии в разные годы. Чтобы разобраться с историей возникновения ЦеКУБУ и ее возможной связи с Горьким, совершим небольшой экскурс в историю.

Как свидетельствуют беспристрастные документы, впервые решение по улучшению положения научных специалистов было принято еще 19 февраля 1919 года. – **«Совет Комиссаров СКСО¹³³⁷ по представлению народного комиссара А. В. Луначарского постановил предоставить ста ученым, живущим в Петрограде, право пользования красноармейским пайком в целях улучшения их продовольственного положения»¹³³⁸**. Но принятых мер оказалось явно недостаточно, положение ученых продолжало оставаться катастрофическим. Как вспоминает управделами СНК РСФСР (1917-1920) Вл. Д. Бонч-Бруевич¹³³⁹, Ленин предложил ему обдумать конкретные меры по улучшению положения ученых¹³⁴⁰ и Бонч-Бруевич предложил ему использовать для решения практических вопросов оказания этой помощи авторитет и организаторские способности Горького:

«Я ранее знал, по частным сведениям, что Алексей Максимович Горький, по своей личной инициативе, делает в Петрограде все, что может, чтобы помочь пережить голод ученым и литераторам. И я предложил Владимиру Ильичу вызвать Горького в Москву, поставить его во главе специального общества помощи ученым и литераторам. <...> у Горького, конечно, как всегда, найдется много людей, которые приложат руки к этому делу и на принципе самодеятельности оно там закипит. Оттуда мы распространим его повсюду. <...>

Так, в сущности, здесь было намечено и предложено к осуществлению <...> общество ЦеКУБУ <...> Мы тотчас же вызвали Горького <...>»¹³⁴¹.

В результате Ленин 8 июля 1919 г. послал Горькому письмо следующего содержания: **«Очень прошу приехать завтра или не позже четверга. Необходимо переговорить спешно»¹³⁴²**. Горький откликнулся на просьбу и уже 10 июля 1919 г. **«Ленин беседует с приехавшим по его просьбе из Петрограда А. М. Горьким по вопросу об организации и работе Центральной комиссии помощи ученым и обещает ему свою помощь и поддержку <...>»¹³⁴³**.

После беседы Ленина с Горьким, разработка законодательной базы создания комиссии была поручена Народному комиссариату просвещения. Дополнительно, видимо по рекомендации Горького, Ленин обсуждает вопросы улучшения бытового положения ученых с видным российским анатомом, основоположником советской анатомической школы профессором В. Н. Тонковым – в октябре 1919 г. **«Ленин принимает профессора В. Н. Тонкова и беседует с ним о бытовом положении ученых»¹³⁴⁴**.

Во второй половине декабря, не позднее 20 числа, **«в связи с разработкой в Народном комиссариате просвещения вопроса об улучшении быта ученых, Ленин предлагает ввести**

¹³³⁷ Решение о создании Союза коммун Северной области было принято на 1-м Съезде Советов Северной области, который проходил с 26 по 29 апреля 1918 г. в Петрограде.

¹³³⁸ Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦеКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 339.

¹³³⁹ В своих воспоминаниях, написанных в 1940 г., Бонч-Бруевич смешивает во времени два события – создание Петроградской комиссии по улучшению быта ученых и намерение И. П. Павлова уехать за границу. На самом деле желание выехать за границу Павлов высказал только летом 1920 г., когда ПетроКУБУ уже действовала.

¹³⁴⁰ Бонч-Бруевич Вл. Д. Горький и организация ЦЕКУБУ // В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. – М.: Наука, 1969, с. 442-443.

¹³⁴¹ Там же, с. 443-444.

¹³⁴² Ленин В. И. ПСС, 5 изд.: В 55 т. Т. 51. – М.: Изд. полит. лит., 1965, с. 9.

¹³⁴³ Даты жизни и деятельности В. И. Ленина // Ленин В. И. ПСС, 5 изд.: В 55 т. Т. 39. – М.: Изд. полит. лит., 1963, с. 586.

¹³⁴⁴ Там же, т. 40, с. 461.

особый «академический» паек для научных работников»¹³⁴⁵, а 23 декабря 1919 г. «Ленин председательствует на заседании Совнаркома», где в числе прочих обсуждается также «вопрос об улучшении положения ученых»¹³⁴⁶ и принимается декрет об улучшении положения научных специалистов¹³⁴⁷: «20 декабря Государственный ученый совет внес в СНК проект декрета об улучшении положения научных специалистов, согласовав его предварительно с народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским. 23 декабря СНК утвердил проект с решением **«Не публиковать»**; установил, что декрет распространить на **500 ученых и 50 литераторов**; выполнение декрета и определение списка лиц, на которых он распространяется, поручил **комиссии из представителей Народных комиссаров просвещения, продовольствия и ВСНХ»**¹³⁴⁸.

Принятым декретом указанной в нем комиссии было поручено разработать нормы натурального обеспечения «усиленный паек», и определить необходимые для научной работы жилищные условия. – «Составление списка ученых и литераторов и контроль за выполнением данного постановления были поручены комиссии в составе: М. Н. Покровский (от Наркомпроса), Л. Я. Карпов (от ВСНХ) и В. Н. Яковлева (от Компрода). Эта комиссия стала называться **Центральной комиссией по улучшению быта научных специалистов при Совнарком»**¹³⁴⁹. Как видим, никакой аналогии с аббревиатурой ЦеКУБУ здесь не просматривается. Именно это название используется при упоминании созданной комиссии в последующих постановлениях СНК. Например, – «9) **Функции Комиссии при Совнарком по улучшению быта научных специалистов** в части, касающейся установления и распределения академических пайков, передать Центральной комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде <...>»¹³⁵⁰. Хотя в некоторых письмах Горький именуется ее Всероссийской комиссией по улучшению быта ученых¹³⁵¹.

Судя по всему, изначально комиссия не имела официального краткого наименования, и оно сложилось уже по аналогии после возникновения аббревиатуры КУБУ – местных органов по улучшению быта ученых. Вот текст приветственной телеграммы Первого Всероссийского совещания КУБУ от 08.10.1921 В. И. Ленину, как инициатору ее создания – «**Первое Всероссийское совещание КУБУ (местных органов по улучшению быта ученых) приветствует Вас как инициатора основания ЦКУБУ <...>**»¹³⁵².

Проект декрета от 23.12.1919 «**был составлен М. Н. Покровским**»¹³⁵³ – заместителем наркома по просвещению, так что говорить о какой-либо основополагающей роли Горького в его появлении нет никаких оснований. Только после принятия данного декрета и появления законодательной основы для помощи ученым, Горький в январе 1920 г. вместе с известным ученым, академиком А. Ферсманом создает в Петрограде, где в то время размещалась Академия наук, Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ) и становится ее председателем. Кроме Горького и Ферсмана в состав комиссии вошли видные ученые, академики – С. Ольденбург, А. Пинкевич и другие, что резко отличало ее от созданной декретом от 23.12.1919 «**комиссии из представителей Народных комиссаров просвещения, продовольствия и ВСНХ**».

Создание Петроградской комиссии было оформлено постановлением Петроградского Совета Рабочих, Красноармейских и Крестьянских депутатов: «**1. Для проведения в жизнь Декрета Совнаркома от 23 декабря 1919 г. о мерах, имеющих целью сохранение научных сил Советской России, Президиум Петроградского Исполкома постановил учредить «Петроградскую**

¹³⁴⁵ Там же, т. 39, с. 607.

¹³⁴⁶ Там же, т. 39, с. 462.

¹³⁴⁷ Об улучшении положения научных специалистов. Декрет СНК от 23.12.1919 // Декреты Советской власти. Т. 7. – М.: Политиздат, 1975, с. 427.

¹³⁴⁸ Там же, с. 428.

¹³⁴⁹ Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦеКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 340.

¹³⁵⁰ Постановление СНК от 08.02.1921 О сокращении всех видов продовольственных пайков и о мерах к прекращению незаконных выдач // Декреты Советской власти. Т. 13. – М.: Политиздат, 1989, с. 51.

¹³⁵¹ А. М. Горький – Всероссийской комиссии по улучшению быта ученых, не позднее 21.10.1920 // В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы. Изд. 3, доп. – М.: Наука, 1969, с. 198.

¹³⁵² Ленин и Академия наук. Сборник документов. – М.: Наука, 1969, с. 102.

¹³⁵³ Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦеКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 340.

Комиссию по улучшению быта ученых» в составе: М. Горького, Г. Цыперовича, З. Г. Гринберга, М. И. Кристи, А. Л. Апатова, И. И. Манухина, С. Ф. Ольденбурга, П. С. Осадчего, А. П. Пинкевича, В. Н. Тонкова, А. Е. Ферсмана, В. М. Шимкевича, Зеликсона, З. И. Лилиной, А. Е. Бадаева, Зорина и М. Ф. Андреевой»¹³⁵⁴. Указанное постановление датируется 13 января по времени опубликования в газете «Петроградская правда»¹³⁵⁵.

Именно эту комиссию упоминает В. И. Ленин в своей записке в Малый Совнарком от 21 октября 1920 г. по поводу намерения петроградских властей сократить выдачу пайков ученым: «В Малый Совнарком. Прошу рассмотреть это дело *п о с к о р е е*. Из прилагаемого видно, что распоряжение *Кпрода* (центра) дает эти продукты в *р а с п о р я ж е н и е К у б у* (Комиссия об улучшении быта ученых). Значит, *без согласия центра* Питер не вправе реквизировать и зачитывать»¹³⁵⁶.

На начальном этапе одним из направлений деятельности Петроградской комиссии был пересмотр списков «для получения ученого пайка, доведенного последним распоряжением **Центральной Комиссии при Совнаркоме** (члены М. Покровский, Н. А. Семашко, М. Горький и др.) до числа в 2000»¹³⁵⁷.

Несмотря на принимаемые меры, положение ученых в России продолжало оставаться сложным. «В начале декабря 1920 г. Российская Академия наук обратилась в Совет Народных комиссаров с запиской, указывающей на критическое положение, в котором находится русская наука и русские ученые, и указывала вместе с тем на меры, какие должны быть безотлагательно приняты для избежания гибели науки и ученых в России»¹³⁵⁸.

По указанному вопросу «В. И. Ленин принял 27 января 1921 г. А. М. Горького, академиков С. Ф. Ольденбурга и В. А. Стеклова и профессора В. Н. Тонкова»¹³⁵⁹ и дал указание решить поставленные учеными вопросы. Однако «по неизвестным причинам, все дело остановилось»¹³⁶⁰. В связи с этим, 17 мая 1921 г. Российская академия наук обратилась в СНК с новым письмом о срочном принятии мер для улучшения положения ученых и науки в России¹³⁶¹.

В результате, почти два года спустя после создания ПетроКубу и через месяц после отъезда Горького за границу, «**по инициативе В. И. Ленина**»¹³⁶² постановлением СНК РСФСР от 10 ноября 1921 года организуется новая **постоянная** Центральная Комиссия по улучшению быта ученых» (ЦеКУБУ) при Совнаркоме, председателем которой назначается А. Б. Халатов. При этом на заседании СНК 10.11.1921 вновь созданной постоянной комиссии были переданы в подчинение Московская (МосКУБУ) и Петроградская комиссии¹³⁶³.

При том, что Горький уехал не найдя общего языка с Советской властью, при натянутых с нею отношениях, нет никаких оснований полагать, что перед отъездом он имел какое-то отношение к созданию центральной комиссии. Об этом свидетельствует, прежде всего, сам состав этой комиссии. В отличие от комиссии Горького, состоящей из деятелей науки и культуры, в состав созданной центральной комиссии были включены исключительно опытные партийные функционеры, не имевшие к Горькому никакого отношения: «СНК, приняв к сведению и утвердив доклад Халатова <член коллегии Наркомпрода – С.Ц.> как предварительный, назначил **постоянную комиссию для всестороннего обследования и улучшения быта ученых в составе М. Н. Покровского, Я. И. Гиндина, А. А. Новицкого, А. Б. Халатова, Н. А. Семашко и В. П. Волгина** <от Главпрофобра – С.Ц.>. Комиссии было поручено «обсудить вопрос о порядке премирования наиболее необходимых для Республики работников в области науки» и внести в Совнарком соответствующее предложение (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)»¹³⁶⁴. С этого момента в документах Советской власти

¹³⁵⁴ Декреты и распоряжения правительства. – Наука и ее работники - 1920. – № 1. – С. 40.

¹³⁵⁵ Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 340.

¹³⁵⁶ Ленин В. И. ПСС, 5 изд.: В 55 т. Т. 51. Примечания. – М.: Изд. полит. лит., 1965, с. 314.

¹³⁵⁷ В комиссии по улучшению быта ученых // Наука и ее работники - 1920. – № 1. – С. 33.

¹³⁵⁸ Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦеКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 343.

¹³⁵⁹ Там же, с. 344.

¹³⁶⁰ Там же, с. 343.

¹³⁶¹ Там же, с. 343.

¹³⁶² Большая Советская Энциклопедия. В 65 т. Изд. 1-е. Т. 60. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1934, ст. 378.

¹³⁶³ Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦеКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 345.

¹³⁶⁴ Ленин В. И. ПСС, 5 изд.: В 55 т. Т. 54. Примечания. – М.: Изд. полит. лит., 1965, с. 549.

появляется упоминание ЦеКУБУ. Замечу, что в ее составе Горький не числился даже номинально, хотя формальное председательство в ПетроКУБУ сохранил.

Как свидетельствует хроника дат жизни и деятельности В. И. Ленина, в период предшествующий созданию комиссии отмечены две беседы с Горьким – 23.06.1921 «об экспертной комиссии для приобретения и сбыта за границу антикварных и художественных предметов» и 22.09.1921 «об издании научных работ петроградских ученых»¹³⁶⁵. К созданию ЦеКУБУ данные вопросы отношения не имеют. Не связана с ней и имевшая место 19.10.1921 беседа Ленина с заместителем председателя Петроградской комиссии по улучшению быта ученых А. П. Пинкевичем. В ее описании указано, что речь шла «о высших учебных заведениях Петрограда и об издании литературных работ петроградских ученых»¹³⁶⁶.

Откуда же возникли утверждения, что ЦеКУБУ была создана по инициативе Горького? Указанную роль ему в 1930 г. ошибочно приписал А. В. Луначарский в первом издании Большой советской энциклопедии, то ли неправильно истолковав рассказы Вл. Д. Бонч-Бруевича, то ли просто не придав значения таким тонкостям исторических событий. В биографии Горького написанной Луначарским для БСЭ сказано – «<...> со второй половины 1918 Горький уже горячо работает с Советской властью. Он организует помощь работникам науки, **основывает ЦЕКУБУ, учреждает издательство «Всемирная литература» <...>**»¹³⁶⁷. Это первое и последнее свидетельство о якобы основополагающей роли Горького в создании ЦеКУБУ. В обширной статье Цекубу, опубликованной в 1934 г. в той же энциклопедии, имя Горького вообще не упоминается, а создание комиссии связывается исключительно с В. И. Лениным – «**ЦЕКУБУ, сокращенное наименование Центральной комиссии по улучшению быта ученых, организованной в конце 1921 при Совнарком РСФСР по инициативе В. И. Ленина**»¹³⁶⁸. Обратите внимание на год публикации. Горький в это время был в самом зените славы, что полностью исключает возможность каких-либо махинаций вокруг его роли в создании ЦеКУБУ, а упоминание о нем в данной статье вообще отсутствует!

Нет упоминания ЦеКУБУ и в многочисленных изданиях подробной биографии Горького в 1925-1930 гг.¹³⁶⁹ В то же время создание ЦеКУБУ повсеместно связывается с инициативой В. И. Ленина, например: «**ЦеКУБУ – это специальная организация, в задачи которой входит забота об интересах русских ученых и об улучшении их быта, – яркий пример внимания Владимира Ильича к науке, ибо ЦеКУБУ создано по инициативе Владимира Ильича в момент самого тяжелого голода и разрухи, переживавшихся РСФСР**»¹³⁷⁰.

Таким образом, логично рассуждая, Баркову следовало бы связать Мастера через ЦеКУБУ не с Горьким, а с Лениным, который, как я уже отмечал, более подходит на эту роль, поскольку, в отличие от Горького, не имел детей и действительно знал несколько языков.

Долгая запутанная история создания ЦеКУБУ вполне подтверждает следующее мнение о более чем скромных возможностях интеллигенции по влиянию на принимаемые Советской властью решения: «**Представление о том, что ученые когда бы то ни было в советское время оказывали существенное влияние на принимаемые на правительственном уровне решения, сильно преувеличено. Всегда из рекомендаций выбирались те, что годились в качестве обоснования уже принятых независимо от мнения специалистов решений**»¹³⁷¹.

Интересно, что всего через два года после создания ЦеКУБУ ее дальнейшее функционирование было признано нецелесообразным. Сначала был издан циркуляр ЦеКУБУ от 31 мая 1924 г. о ликвидации местных КУБУ и передаче их функций местным бюро Секции научных работников <при профсоюзе работников просвещения (Всеработпросе) – С.Ц.>. – «ликвидировать все местные КУБУ и заменяющие их органы, с передачей их функций, средств и

¹³⁶⁵ Там же, т. 44, 1964, с. 660, 676.

¹³⁶⁶ Там же, с. 682.

¹³⁶⁷ Луначарский А. В. Горький // Большая Советская Энциклопедия. В 65 т. Изд. 1-е. Т. 18. – М.: АО «Советская энциклопедия», 1930, ст. 227-228.

¹³⁶⁸ Большая Советская Энциклопедия. В 65 т. Изд. 1-е. Т. 60. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1934, ст. 378.

¹³⁶⁹ Груздев И. А. Максим Горький. – Л.: КУБУЧ, 1926. – С. 77; Груздев И. А. Максим Горький (жизнь и работа). – М.-Л.: Госиздат, 1928. – С. 40.

¹³⁷⁰ Вечер ученых памяти Владимира Ильича // Известия. – 1924. – 12 февраля.

¹³⁷¹ Левина Е. С. Некоторые уточнения // Природа. – 1997. – № 11. – С. 127

учреждений местным бюро Секции научных работников»¹³⁷². Через полгода на заседании коллегии Наркомпроса о ликвидации ЦеКУБУ от 01.11.1924 было принято следующее решение:

«а) Признать форму оказания помощи ученым через ЦеКУБУ устаревшей и дальнейшее существование ЦеКУБУ нецелесообразным.

б) Поэтому считать необходимым ликвидировать ЦеКУБУ и передать все функции ее <...> Центральному бюро Секции научных работников Цекпроса. Ликвидацию считать необходимым произвести к 1 января 1925 г.»¹³⁷³

Тем не менее, «к этому сроку ЦеКУБУ не была ликвидирована, а существовала и действовала наряду с Секцией научных работников еще несколько лет, постепенно передавая ей свои функции по улучшению быта ученых. В 1931 г. ЦеКУБУ была переименована в Комиссию содействия ученым (КСУ), которая в основном занималась вопросами науки, а вопросы быта ученых перешли полностью в ведение профсоюза»¹³⁷⁴.

В итоге после своего создания ЦеКУБУ просуществовала около 10 лет. В КСУ при СНК СССР она была реорганизована «постановлением СНК РСФСР от 3 мая 1931 г.»¹³⁷⁵ В свою очередь, через 6 лет в 1937 г., в связи с передачей вопросов обеспечения научных работников в ведение Академии Наук СССР, была упразднена и КСУ:

«О ликвидации Комиссии Содействия Ученым

1. Ликвидировать с 16 ноября 1937 года Комиссию Содействия Ученым при СНК СССР.

2. Передать Наркомздраву СССР медицинские и санаторно-курортные учреждения КСУ со всеми подсобными хозяйствами... Обязать Наркомздрав СССР сохранить эти санатории для обслуживания ученых. Однодневный дом отдыха КСУ «Сосновый бор» в Болшево передать Академии Наук СССР.

3. Передать в ведение Академии Наук СССР дома ученых в г. Москве и г. Ленинграде и Московскому Совету — семь жилых домов Комиссии Содействия Ученым в г. Москве. Дом КСУ для приезжающих в г. Москву (Кропоткинская набережная, дом 3) передать в распоряжение Академии Наук СССР...

*Из протокола заседания Политбюро N55, 1937 г.»*¹³⁷⁶

Возвращаясь к роли Горького, замечу, что во втором и третьем изданиях БСЭ в биографии Горького слова о его ведущей роли в организации ЦеКУБУ также отсутствуют, хотя, например, создание им издательства «Всемирная литература» всюду упоминается:

«В декабре 1919 Совнарком РСФСР учредил Комиссию по улучшению быта ученых, в работе которой Горький принимал активное участие»¹³⁷⁷;

«Горький помогал борьбе с голодом, беспризорностью, заботился об охране художественно-исторических ценностей, о быте ученых»¹³⁷⁸.

Ничего не сказано о решающей роли Горького и в работах по истории Академии наук СССР: «В декабре 1919 г. по инициативе В. И. Ленина СНК вынес постановление «Об улучшении положения научных специалистов» <...> для улучшения бытовых условий жизни ученых Лениным было сделано немало. Известны факты снабжения ученых продовольственными пайками. Это явилось одной из задач созданной Советским правительством при ближайшем участии А. М. Горького Центральной комиссии по улучшению быта ученых – ЦЕКУБУ»¹³⁷⁹.

Как видим, официальная советская наука не отрицала заслуг Горького в улучшении быта ученых, но и не преувеличивала их до возведения его в ранг основоположника искомой комиссии. Надо сказать, что мало в чем в те годы Горький не принимал активного участия. – «Ошеломляет один перечень организаций, деятельное участие в работе которых принимал Горький, – это и издательство «Всемирная литература», и Особое совещание по делам искусств, и

¹³⁷² Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦеКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 356.

¹³⁷³ Там же, с. 358.

¹³⁷⁴ Там же, с. 358.

¹³⁷⁵ «Любовь к архиву... была безгранична». Документы ГАРФ об оказании материальной помощи дочери Н. В. Калачова. 1926 г. (публикатор Н. С. Зелов) // Отечественные архивы. – 2004. – № 4. – С. 112.

¹³⁷⁶ Журнал «Власть» № 43 (747) от 05.11.2007. – <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=821753>

¹³⁷⁷ Большая Советская Энциклопедия. В 51 т. Изд. 2-е. Т. 12. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1952, с. 254.

¹³⁷⁸ Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Изд. 3-е. Т. 7. – М.: Советская Энциклопедия, 1972, с. 138-139.

¹³⁷⁹ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1977, с. 18.

общество «Культура и свобода», и репертуарная комиссия Отдела театров Союза коммун Северной области, и художественный совет Эрмитажа, и полярная комиссия Академии наук, и Всероссийский комитет помощи голодающим, и комиссия по борьбе с детской преступностью, и многое, многое другое»¹³⁸⁰. Право же на этом фоне его участие в работе ПетроКУБУ ничем особо не выделяется. Несомненно, Горький охотно предоставлял свое имя любой благотворительной или культурной организации в качестве, как сейчас говорят мощного брэнда, способствующего быстрому урегулированию всех проблемных вопросов. – «Огромный авторитет писателя, популярность его имени заставляли обращать особое внимание на все те начинания, мероприятия, организации, в которых участвовал Горький»¹³⁸¹.

В заключение предоставим слово самому Горькому: «В ту пору – 19-й – 21-й год – я работал в «Комиссии по улучшению быта ученых». – Комиссия эта возникла по инициативе В. И. Ленина и Л. Б. Красина, в дальнейшем Ильич и А. Б. Халатов развили ее в «ЦеКУБУ» – учреждение, которым рабочий класс, хозяин страны, имеет законное право гордиться перед Европой»¹³⁸².

Как видим, при жизни Булгакова имя Горького никогда не связывалось с созданием ЦеКУБУ, не считая рассмотренного выше ошибочного утверждения Луначарского. И в данном случае даже не важно, какова же была реальная роль Горького, а важно только ее официальное освещение. Как мы убедились, практически во всех документах и литературных источниках при жизни Булгакова официальная доктрина связывала создание ЦеКУБУ исключительно с инициативой Ленина. Следовательно, Булгаков никак не мог рассчитывать на то, что аллюзия на ЦеКУБУ может вызвать какую-то ассоциацию с именем Горького.

9. Следует отметить, что аббревиатура "Цекубу", употреблявшаяся в обиходе с окончанием "а" в именительном падеже, была в те годы настолько известна, что автор цитируемой статьи даже не приводит объяснения ее смысла.

Барков бесцеремонно искажает объективные факты, не затрудняя себя ссылками на источники. Откуда он взял, что в обиходе говорили ЦЕКУБА? Таких случаев в мемуарной литературе не отмечено. Да и как можно не сломав язык сказать – «Я пошел в ЦЕКУБА» или «С этим вопросом вам следует обратиться в ЦЕКУБА»? Видимо поэтому ни одного случая столь дикого «барковского» склонения аббревиатуры ЦеКУБУ ни в документах, ни в мемуарной литературе за все годы не отмечено. Впрочем, случаи употребления в обиходе полной формы официального сокращения наименования комиссии были вообще достаточно редкими, в чем мы убедимся при рассмотрении следующего тезиса.

Нет ничего удивительного в том, что в свое время аббревиатура ЦеКУБУ была достаточно широко известна в среде интеллигенции, так же как и многие другие распространенные аббревиатуры того времени. Точно так же нет ничего удивительного в том, что в наше время это слово известно только узкому кругу специалистов и людям, интересующимся послереволюционной историей Советской России.

10. Впрочем, иногда эта аббревиатура принимала вид "КУБУ", как например, в адресованном Вересаеву в Коктебель, где он отдыхал, письме Булгакова (Дорогой Викентий Викентьевич! Ежедневное созерцание моего управдома, рассуждающего о том, что такое излишек площади (я лично считаю излишком лишь все сверх 200 десятин), толкнуло меня на подачу анкеты в КУБУ. [...] Как скорее протолкнуть анкету и добиться зачисления?" – М. А. Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах. Том пятый, с. 425).

Письмо Булгакова, прежде всего, подтверждает тот факт, что только с окончанием «у» употреблялось сокращенное название комиссии в обиходе. Это же письмо показывает и то, что вопреки хитрой формуле Баркова не «иногда», а практически всегда **в те годы** слово ЦеКУБУ в обиходе не употреблялось, а использовались более удобные для произношения наименования

¹³⁸⁰ Нефедова И. М. Максим Горький. Биография писателя. – Л.: Просвещение, 1979, с. 143.

¹³⁸¹ Там же, с. 143.

¹³⁸² Письмо А. М. Горького А. Е. Бадаеву от 25 июля 1929 г. (Рабочая Москва, 30.06.1936) // В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. – М.: Наука, 1969, с. 514.

ЦКУБУ и КУБУ, прижившиеся еще с 1919 года. Именно эти формы в основном использовались современниками Булгакова не только в быту, но и во многих официальных документах тех лет. Звучная, но труднопроизносимая форма ЦЕКУБУ выжила их уже впоследствии задним числом в трудах историков, архивистов и энциклопедистов.

Замечу, что ЦЕКУБУ официально называлась только собственно центральная комиссия, расположенная в Москве. На местах же ее отделения назывались именно просто КУБУ, иногда с добавлением местного идентификатора, если благозвучие позволяло. Например, в Петрограде – ПетроКУБУ (после переименования в 1924 г. – ЛенКУБУ), в Татарской республике – ТатКУБУ и т.п. При этом в Москве кроме центральной действовала и местная комиссия – «**Московская комиссия по улучшению быта ученых (МосКУБУ)** была организована 13 августа 1921 г. постановлением президиума Моссовета и состояла при нем»¹³⁸³.

Естественно в обиходе широко использовалось название не центральной комиссии, а в основном ее местных отделений. Например – «**В подтверждение всего вышеизложенного ссылаюсь <...> на карточку за № 3959 от 8/Х-22 г. от Комиссии по улучшению быта ученых, удостоверяющую за подписью Л. Каменева, что я, Дурылин, «внесен в список научных деятелей Московской комиссии по улучшению быта ученых» <...>**»¹³⁸⁴.

Вот еще несколько примеров упоминания комиссии по улучшению быта ученых в официальных документах и в обиходе:

1. Приложение 2 «Список активной антисоветской интеллигенции (профессура)» к Постановлению Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов от 10 августа 1922 г., ПБ № 21/7: «**Профессора Московского высшего технического училища. 3. Ясинский Всеволод Иванович. <...> Благодаря главенству в КУБУ, держит в своих руках экономическую власть над беспартийной частью профессуры и использует это свое влияние для сведения счетов с теми, кто сочувствует Соввласти**»¹³⁸⁵.

2. П. 20 Инструкции НКВД РСФСР от 21 июня 1923 года гласит: «**Дополнительная площадь в размере не свыше двадцати квадратных аршин на лицо оплачивается по той же норме, что и основная площадь, для следующих категорий: <...> в) научные работники, зарегистрированные в Комиссии по улучшению быта ученых (Кубу)**»¹³⁸⁶.

3. Положение о премии имени В. И. Ленина от 19 июня 1924 г.: «**В память великого вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина ЦКУБУ при СНК учреждаются премии имени В. И. Ленина**»¹³⁸⁷.

4. Обращение Ф. Сологуба к А. Луначарскому по поводу отклонения утверждения А. Ахматовой, осень-зима 1926 г. <ориентировочно – С.Ц.>: «**...Мы, нижеподписавшиеся работники культуры, искусства и науки, обращаемся к Вам, Анатолий Васильевич, как к руководителю всей художественно-культурной деятельности Республики с просьбой оказать свое содействие по изменению решения Экспертной комиссии ЦКУБУ**»¹³⁸⁸.

5. Из дневника и писем П. Н. Лукницкого, 1925-1929 гг.:

- письмо А. Ахматовой от 14.05.1925 «**Вчера было заседание экспертной комиссии ЦКУБУ, но Ваше дело еще не рассматривалось и будет рассмотрено только в следующую среду**»¹³⁸⁹.
- запись от 18.06.1929, Москва, об О. Мандельштаме «**Он живет отдельно от Н. Я. В общежитии ЦКУБУ, денег не платит, за ним долг растет, не сегодня-завтра его выселят**»¹³⁹⁰.

¹³⁸³ Декреты СНК и ВЦИК об улучшении материального положения ученых. Организация и деятельность ЦЕКУБУ. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 345.

¹³⁸⁴ Челябинская ссылка Сергея Дурылина. – http://www.unilib.chel.su:6005/el_izdan/letopis/durylin.htm

¹³⁸⁵ «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. (публикатор А.Н. Артизов) // Отечественные архивы. – 2003. – № 1. – С. 65-96.

¹³⁸⁶ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 13.06.1923 Об оплате жилых помещений в поселениях городского типа (вместе с Инструкцией по применению Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о плате за пользование жилыми помещениями от 13 июня 1923 года, утв. НКВД РСФСР 21.06.1923): Приложение. – <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7107.htm>

¹³⁸⁷ Ленин и Академия наук. Сборник документов. – М.: Наука, 1969, с. 233.

¹³⁸⁸ Письмо Ф. Сологуба А. Луначарскому // Лукницкая В. Перед тобой земля. – Л.: Лениздат, 1988, с. 300.

¹³⁸⁹ Лукницкая В. Перед тобой земля. – Л.: Лениздат, 1988, с. 300.

¹³⁹⁰ Там же, с. 81.

Приведенные выдержки из архивных и мемуарных документов показывают, что в двадцатые годы аббревиатура ЦеКУБУ не только в обиходе, но даже и в официальных документах была малоупотребительна. Видимо окончательно она вытеснила принятые с 1919 г. формы ЦКУБУ и КУБУ только после реорганизации ЦеКУБУ в КСУ.

11. <...> в журнал «Наука и жизнь», в котором были опубликованы фрагменты данного исследования, поступили письма, в которых со ссылкой на римских классиков доказывалось существование такой марки вина, что в принципе должно опровергать весь тезис,

Должно то должно, но только не в случае *idee fixe*... «Мания фурибунда», – сказал бы профессор Стравинский.

12. <...> приведу дополнительные соображения, изложенные в адресованном журналу письме-реплике В. Г. Редько: <...> Михаил Булгаков точен в деталях, а детали у него – не случайны.

Напоминаю, что в работе А. Левина показано, что хотя Михаил Булгаков стремился быть точным в деталях, в очень многих случаях это ему, к сожалению, не удалось. Вот характерный пример:

«Тяжело дыша после бега по раскалённой дороге, Левий овладел собой, очень степенно вошёл в лавчонку, приветствовал хозяйку, стоявшую за прилавком, попросил её снять с полки верхний *каравай*, который почему-то понравился ему больше других и, когда она повернулась, молча и быстро взял с прилавка то, чего лучше и быть не может, – *отточенный, как бритва, длинный хлебный нож*, и тотчас кинулся вон».

Кажется, в этот отрывок попало описание московской булочной времён гражданской войны, когда хлеб «отпускался» по карточкам и талонам очень скромными пайками – по полфунта, четверть фунта на человека. В древнем Иерусалиме продавал хлеб тот, кто его пёк – пекарь, никакого прилавка в такой пекарне не было. Продавать хлеб ни в коем случае не могла женщина-иудейка. Это был бы или сам пекарь или его сын, может быть, работник, но обязательно мужчина. Хлеб на Востоке, как в древности, так и сейчас не режется, а продаётся целыми хлебами или лепёшками. И римляне пекли круглый хлеб в специальных формах так, чтобы он легко ломался на сектора – половинки или четвертинки. Экскурсовод в Помпеях, показывая пекарню второй половины I века н. э., в ответ на мой вопрос решительно отвергла возможность продажи резаного хлеба в те времена. Наконец, настоящий хлебный нож, как помнится с тех давних времён, когда автор «отоваривал» свою «детскую» и «рабочие» родительские карточки, не длинный и узкий, а наоборот очень широкий и округлый со стороны противоположной рукояти.

И самая существенная неточность: после полудня 14 нисана никаких караваев на полке в хлебной лавке быть не могло. После захода солнца в доме иудея по Закону в течение следующих семи дней не должно было находиться ничего квасного, то есть испечённого на дрожжевой закваске. Накануне Пасхи иудеи должны были тщательно очистить свои жилища, чтобы даже крошки квасного хлеба не оставалось в доме, строго говоря, вообще во всей земле Израиля. «Пресный хлеб должно есть семь дней; и не должно находиться у тебя квасного во всех пределах твоих». «Вечером 13 нисана еврей производит обследование своего дома с целью собрать имеющиеся остатки квасного хлеба, которые на другой день сжигаются»¹³⁹¹.

И подобным примерам в «Мастере и Маргарите» нет числа. И тем не менее, роман обжигаете реален, а значит его автор достиг своей цели. Никого ведь не смущает, что художественная картина не имеет ничего общего с фотографией и фактически всегда искажает отображаемую реальность. Так почему же нужно использовать другие критерии при оценке художественного произведения? Разумеется, все детали у Булгакова не случайны, но определяются они не точностью соответствия реальной действительности, а художественным замыслом автора.

¹³⁹¹ Левин А. Б. Придирки к мастеру. Материалы к подробному комментарию к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». – http://www.litera.ru/slova/ab_levin/pridirki.html

В следующих пяти тезисах (с 12 по 16) Барков цитирует В. Г. Редько, «полностью соглашаясь с замечаниями Вадима Григорьевича», – а значит разделяет и ответственность за них.

13. Оба раза – у прокуратора и у Мастера – пьют красное вино. Правда, первый раз – «густое», второй раз – такое, сквозь которое (через стакан) можно различать предметы. Это – разные сорта вина (думаю, Саесуба – в первом случае, фалернское – во втором).

Да, в первом случае подчеркнута, что вино густое. Но где сказано, что оно гуще, чем у Маргариты? Да, во втором случае сказано: «<...> налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозой свет в окне. Видели, как все окрашивается в цвет крови»¹³⁹². Но этого удовольствия заведомо были лишены Пилат и Афраний, так как смотреть через кратер, – покрытую черным лаком расписанную глиняную чашу, весьма затруднительно.

14. Хотя в XX веке больше ценится белое фалернское вино (есть одноименные розовое и красное),

Напомню, что в древности красное фалернское не производилось, а современное красное фалернское только носит прославленную марку, а фактически производится из сорта Альянико с добавлением сорта Фалангина, из которого производится классическое фалернское.

15. По мнению историка виноделия Уорнера Аллена в классическую эпоху фалернское было, скорее всего, красным сухим вином, а Саесуба известнейший знаток виноделия Анри Симон описывает как «грубое, тяжелое» вино, правда, довольно популярное в 1 веке н.э., в частности, во времена правления Нерона.

Кому стоит верить, Горацию и Брокгаузу с Ефроном или Анри Симону? Гораций пил сам, а Симон «думкой богател». Характеристику его как «известнейшего знатока» оставим на совести известнейших знатоков Булгакова – Редько и Баркова. Поиск на портале yandex.ru не выдал **ни одной ссылки** на Анри Симона знатока виноделия! Примерно так же Кураев ссылается на «известнейшего знатока» и «аргументированного исследователя» Баркова. Впрочем, тут спору нет, – Альфред Барков действительно известен, вот только не аргументированными исследованиями, а навязчивыми маниакальными идеями. К сожалению, нельзя запретить одним одержимым ссылаться на других.

В отличие от наших доморощенных специалистов, утверждающих, что цекуба была грубым вином, Горький прекрасно разобрался в вине и посвятил ему вдохновенные строки: «В вине больше всего солнца...» Но какое отношение ЦЕКУБУ могло иметь к Пилату и Афранию, которые по Баркову прототипами Горького не являлись? Вот если бы им подали фалерно, а «Горькому-Мастеру» цекубу-ЦЕКУБУ, то еще были бы хоть какие-то претензии на такое извращенное толкование, а так сплошная несуразица.

16. М. Булгаков точен и в том, что вино могло выдерживаться десятилетия. Так, Петроний в «Сатириконе» упоминает о фалернском 100-летней выдержки, хотя это, вероятно, преувеличение (судя по контексту).

Типичный образец барковско-кураевской «логики». Точность ссылки на выдержку цекубы доказывается ссылкой на выдержку фалернского, которая одновременно дезавуируется как преувеличение. При всем при этом забывается собственное утверждение, что цекуба якобы грубое вино и, следовательно, выдерживать его тридцать лет нет никакого смысла.

17. Как свидетельствует «Словарь латинских крылатых слов», "с" в положении перед "e,i" имело среднеязычную артикуляцию, т.е. звучало как русское "к" в слове "Кемь"... В последующую эпоху (V-VI в.) эта артикуляция перешла в переднеязычную, представленную в различных романских языках ("ts, s").

¹³⁹² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 696.

Булгаков и здесь точен. Он пишет не "цезарь", "центурион" (как дает, например, «Советский энциклопедический словарь»), а, учитывая время действия "романа в романе", – "кесарь", "кентурион". И вдруг, в аналогичном случае – "цекуба" вместо правильного "кекуба".

Почему? Преднамеренное исключение?

Совершенно верно. Именно преднамеренное исключение.

Вот что пишет А. Левин по поводу того, что вино названо именно цекуба, а не кекуба:

«Ещё раз о вине цекуба.

Наше русское произношение латинского языка, как и произношение других народов, чрезвычайно разнится от древнего... Следуя немцам, мы привыкли произносить "с" как русское "ц"... между тем, как римляне несомненно произносили как "к" (Кикеро – Cicero)¹³⁹³. Рафинированные латинисты, собирающиеся раз в пять лет на свои Всемирные съезды говорят именно так. М. А. Булгаков, изучавший латынь в гимназии и, как всякий медик, в университете, хорошо знал об этом, и в «иудейских» главах использовал транскрипцию кентурия, кентурион, кесарь, Кесария, но вино называет цекуба, а не кекуба.

В современных языках латинские слова произносятся очень различно в соответствии не со строгими правилами, а по традиции. В России издавна существуют две традиции латинской транскрипции. Восходящая к церковно-славянскому и греческому языкам Санкт-Петербургская школа, предпочитает произношение "с" как "к". Адепты московской школы, к которым, видимо, принадлежит и мой компьютер, предпочитают произносить "с" как "ц". По-видимому, в русском языке невозможно строго выдержать какой-то один стиль, хотя это особенно важно именно в русском языке, в котором разное произношение приводит к различному написанию. **Самый ревностный приверженец Санкт-Петербургской школы не скажет китата вместо цитата.** Даже в новейшем научном переводе на русский Евангелий одновременно использованы слова центурион, цезарь и Кесария Филиппова¹³⁹⁴. Языки, использующие латинский алфавит не знают этой трудности. Как бы различно ни произносили латинские слова, например, норвежец и португалец, пишут они эти слова совершенно одинаково, точно так как это делали древние римляне. Исключение составляют слова со звуком, соответствующим русскому "у". Римляне не имели отдельной буквы для этого звука и для его обозначения использовали ту же букву "v", которой обозначался звук "в"¹³⁹⁵.

Не удалось выдержать единообразие и М. А. Булгакову... По всей видимости, встретив у кого-то из античных (например, у Горация) или современных (например, у А. Франса) авторов упоминание о фалернском вине, Булгаков в энциклопедии нашёл сравнение его с вином цекубской области, «считавшимся лучшим из итальянских вин» и удержал вариант транскрипции, принятый редакцией энциклопедии для этого слова».

Обратите внимание! **Самый ревностный приверженец Санкт-Петербургской школы не скажет «китата» вместо «цитата».** Не звучит для нашего уха и слово «кекуба», по сравнению с благородным благозвучием слова «цекуба»!

18. <...> должен отметить наличие еще одного, не менее убедительного доказательства. Сам В. Г. Редько отметил как-то парадоксальную особенность вложенной в уста Афрания булгаковской фразы: «Превосходная лоза, прокуратор, но это – не «Фалерно»?» Парадокс заключается в том, что Афраний проявил себя как тонкий знаток вин, умеющий не только отличать их по сортам, но и определять оттенки вкуса внутри конкретного сорта. Известно, что качество вин зависит не только от местности, в которой выращен виноград; знатоки могут различить, с какой лозы его сняли.

¹³⁹³ Энциклопедический словарь. Том XVII. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1896, с. 381.

¹³⁹⁴ Канонические Евангелия. / Пер. с греч. В. Н. Кузнецовой. Под ред. С. В. Лёзова и С. В. Тищенко. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993, с. 148, 166, 177, 328.

¹³⁹⁵ Буква "u" была добавлена в латинский алфавит только в 16 веке французским гуманистом Пьером ля Раме (Peter Ramus – Pierre La Ramie). – С. Ц.

Парадокс заключается в том, что Барков человека задающего вопрос о марке вина объявляет тонким знатоком вин. А ведь тонкому знатоку и в голову не пришло бы уточнять марку вина, разве что год урожая и место произрастания лозы. И разве из этой фразы следует, что Афраний умеет «определять оттенки вкуса внутри конкретного сорта»? Есть только претензия на определение отличия по сортам, да и она под вопросом. Несомненно, Афраний пил несколько другие вина, чем прокуратор, более соответствующие его положению. А фраза «превосходная лоза» означает вовсе не то, что Афраний различил с какой именно лозы сняли виноград, а только то, что этот виноград хорош по его оценке. Да и слышано ли, чтобы воспитанный подчиненный открыто хулил вино, которым его угощает начальник?

Если мы обратимся к предшествующим редакциям романа, то увидим, что в них «тонкий знаток», похвалив лозу, спрашивал: «Фалерно?»¹³⁹⁶. Видимо такая невежественность Афрания показалась Булгакову излишней, и он смягчил ее, – в окончательной редакции Афраний уже понимает, что пьет не фалерно, но определить конкретную марку вина все же не в состоянии.

19. Так вот: первая часть приведенной фразы «Превосходная лоза, прокуратор...» должна бы свидетельствовать о том, что Афраний является именно таким тонким ценителем;

Она может свидетельствовать об этом только в воспаленном навязчивой идеей мозгу. Если вам нальют стакан вина, и вы, попробовав его, скажете: «Превосходное вино», – из этого ровно ничего не следует, кроме одного: или вы способны отличить хороший вкус вина от плохого, или, независимо от этого, вы хорошо воспитаны. Какие вообще есть основания считать, что Афраний был любителем дорогих вин и тратил на них свои скромные доходы? Из описания Булгакова этого не следует.

20. <...> с другой стороны, продолжение этой же фразы «... но это – не "Фалерно?"» может принадлежать только совершеннейшему профану, поскольку спутать фалернское с грубой «цекубой» невозможно. Фактически эта фраза содержит нелепость, очередной парадокс, сравнимый с приведенной выше фразой о Тверской. Возникает вопрос: зачем Булгаков сконструировал такую "нелепую" фразу?

Нелепость здесь только у Баркова. Прежде всего, как мы уже отмечали, цекуба не грубое, а **лучшее итальянское вино**, что подчеркнуто в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «<...> по свидетельству Горация, Плиния и Марциала, цекубское вино считалось лучшим сортом итальянских вин»¹³⁹⁷. «Фалернское вино (Falernum vinum), золотистого цвета, вырабатывалось в Фалернской области (в Кампании), у подошвы и на склонах Массикской горы, и славилось в древности как один из лучших сортов вина, особенно если оно было выдержано в погребе около 15 лет. По достоинству оно уступало лишь цекубскому или сетинскому вину <...>»¹³⁹⁸.

Дремучее невежество Баркова и его поклонников, считающих вопрос о ЦЕКУБУ неопровержимым краеугольным камнем их бредовой «теории» просто потрясает. Неужели так тяжело заглянуть в словарь, прежде чем браться за рождение очередной гипотезы?

21. Причиной этого может быть намерение вызвать определенные ассоциации. В условиях, когда давно исчезнувшая марка вина существует только в произведениях классиков, ассоциация возникает в первую очередь с горьковской "Цекубу". То есть, с самим Горьким.

¹³⁹⁶ «Похвалил вино:

– Превосходная лоза. Фалерно?

– Цекуба, тридцатилетнее, – любезно отозвался хозяин» [Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 450].

¹³⁹⁷ Энциклопедический словарь. Том XXXVII-А. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И .А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1903, с. 900.

¹³⁹⁸ Энциклопедический словарь. Том XXXV. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И .А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1902, с. 264.

Причиной подобных ассоциаций, как мы убедились, может быть только неумеренно разгоряченное воображение. Горький покинул Россию за месяц до создания ЦеКУБУ и не имел к ее работе никакого отношения. А марка вина, хоть и давно исчезла, тем не менее, навеки прописалась в произведениях классиков. В то время как аббревиатура ЦЕКУБУ, как и десятки других не менее звучных и известных названий, прочно канула в лету уже в самый начальный период работы Булгакова над романом. Сначала ЦеКУБУ была **«постановлением СНК РСФСР от 3 мая 1931 г. реорганизована в Комиссию содействия ученым (КСУ) при СНК СССР»**¹³⁹⁹, а в 1937 году была ликвидирована и КСУ, а вопросы обеспечения научных работников были переданы Академии Наук СССР (см. [тезис 8](#)).

22. Здесь важна еще одна отмеченная В. Г. Редько деталь: в 1 веке в долине, где выращивался виноград для "Цекубы", были проведены масштабные мелиоративные работы, одним из побочных эффектов которых явилось вырождение этого сорта винограда. Таким образом, вино **Кекуба** "не дожило" до того времени, когда его стали бы "легитимно" называть **Цекубой**. Такая норма произношения была канонизирована, когда о самом вине остались только воспоминания.

И последнее. В своем письме В.Г. Редько отмечает, что написание Булгаковым слов "кесарь", "кентурион" соответствует принятой в 1 веке норме. Остается добавить, что Булгаков не сразу пришел к этому – в ранних редакциях романа подобные слова имели у него современное, не соответствующее эпохе написание. Следовательно, можно утверждать, что исключение в отношении "Цекубы" сделано преднамеренно.

Барков из последних сил тщится найти хоть какие-то доводы в пользу своего разваливающегося тезиса, не понимая, что нормы произношения слов латинского языка сложились без каких-либо тонких исследований по их легитимности, а нынешнее произношение определяется не по строгим научным правилам, а по традиции. Как мы уже отмечали, даже самый ревностный приверженец Санкт-Петербургской школы не скажет «китата» вместо «цитата» (см. [тезис 17](#)). Соответственно, не звучит для русского уха и слово «кекуба», по сравнению с благородным благозвучием воспетого в стихах Горация слова «цекуба». По этой же причине не звучит и Вавилонское столпотворение, в сравнении с Вавилонским.

23. Таким образом, ответ на вопрос – "фалерно" или "цекуба", допустил ли Булгаков оплошность, скорее всего должен быть: в одном месте – "фалерно", в другом – "кекуба", сознательно именуемое Булгаковым "цекубой".

Исчерпывающий квалифицированный ответ на вопрос о фалерно и цекубе дан Яновской:

«В данном случае штука в том (и из истории текста романа это видно), что очень важный для писателя мотив густого красного вина возник почти одновременно с замыслом романа: этот мотив просматривается уже в первой черновой тетради, на ее разорванных листах. Название же вина, «Фалерно», появилось много позже – в 1938 году, в четвертой редакции романа, и притом поближе к концу – там, где Аззелло, выполняя поручение Воланда, появляется в подвальчике мастера.

В четвертой редакции это звучит так: «...Мессир мне приказал, – тут Аззелло отнесся именно к мастеру, – передать вам бутылку вина в подарок. И при этом сказать, что это вино древнее, то самое, которое пил Пилат. Это фалернское вино». <...>

И «Фалерно»... Фалернское – известное вино. Может быть, внимание Булгакова оно привлекло благодаря звучанию: *фалернское вино* ... И снова проверяется интересующая писателя подробность. **Не знаю, где нашел и откуда выписал Булгаков эту неожиданную и обескураживающую фразу: «Falerinum vinum золотистое вино»! Но точно знаю, куда вписал: все в ту же тетрадь «Роман. Материалы» (ОР БЛ, ныне РГБ, фонд 562, картон 8, ед. хр. 1, с. 46).**

Золотистое вино! Но ему необходимо, чтобы вино было красным. Густое, красное вино – цвета крови. Что ж, писатель ищет другое вино для своих персонажей. Нечто равноценное

¹³⁹⁹ «Любовь к архиву... была безгранична». Документы ГАРФ об оказании материальной помощи дочери Н. В. Калачова. 1926 г. (публикатор Н. С. Зелов) // Отечественные архивы. – 2004. – № 4. – С. 112.

фалернскому находит в книге Гастона Буассье «Римская религия от времен Августа до Антонинов» (Москва, 1914). Из рассуждения о рабах, пивших в дешевом кабаке, и их господине, который «наливал друзьям свое пятидесятилетнее фалернское или угощал цекубским вином Цинару или Лалагею», **выписывает строку: «... пятидесятилетнее фалернское или угощал цекубским вином...»**

Где-то в апреле или мае 1938 года – во всяком случае до перепечатки на машинке – возвращается к уже готовой 25-й главе и после описания трапезы Афрания (здесь она выглядела так: «Пришедший не отказался и от второй чаши вина, с видимым наслаждением съел кусок мяса, отведал вареных овощей») вписывает три строки:

«Похвалил вино:

– Превосходная лоза. «Фалерно»?

– «Цекуба», тридцатилетнее, – любезно отозвался хозяин».

В дальнейшем, диктуя роман на машинку, Булгаков отредактирует, по существу не меняя, и диалог Афрания и Пилата о вине, и реплику Азазелло в подвальчике мастера. А противоречие останется. В первом случае – «Цекуба», во втором – «Фалерно».

Время, отмеренное писателю судьбою, истекло...»¹⁴⁰⁰

Как видим, изначально упоминания о цекубе у Булгакова не было. Только в апреле-мае 1938 года, перед началом перепечатки последней рукописной редакции романа, он обратил внимание на золотистый цвет фалернского и внес изменения в беседу Афрания с Пилатом, нечаянно сделав начальника тайной службы действительно «**совершеннейшим профаном**», ибо заставил его принять красное (в романе) цекубское за белое фалернское. Остается вопрос: почему Булгаков не исправил и реплику Азазелло в подвальчике Мастера, диктуя роман на машинку? Наиболее вероятной причиной этого может быть общая художественная незавершенность этой главы. Напомню, что именно в ней наличествует и единственная настоящая загадка в романе – таинственные обстоятельства смерти Мастера и Маргариты. Зачем Азазелло после отравления героев летал в особняк к Маргарите, и почему он не полетел в больницу к Мастеру? Что же собственно проверял Азазелло? Чужую работу или действие своих заклинаний? И как бы он ни был быстр, но какие-то мгновения после отравления Маргариты к моменту его появления в особняке уже прошли. Так почему же Маргарита, уже отравленная в подвале, умирает еще раз у него на глазах в особняке? Что же в действительности произошло с телами Мастера и Маргариты? Думаю, что рядом с этими действительно неясными вопросами меркнет вопрос о фалернском и цекубском вине.

Подводя итоги по поводу обещанного Альфредом Барковым чуда превращения ученой комиссии ЦеКУБУ в вино, мы вынуждены с глубоким прискорбием констатировать, что, несмотря на большое количество вылитой воды, указанное чудо ему не удалось. Гипотеза Баркова не выдерживает самой элементарной критики, ибо основана на глубоком невежестве, а не на реальных фактах.

¹⁴⁰⁰ Яновская Л. Последняя книга или Треугольник Воланда с отступлениями, сокращениями и дополнениями. – <http://abursh.sytes.net/rukopisi/yanovsk7a.htm>

Приложение По ту сторону здравого смысла: Мастер и Мениппея Баркова

3.

*«Когда выходишь ты на сцену,
То сразу в зале тишина.
Велик твой креатив бесценный,
О, автор – адский сатана!»*

Сетевой фольклор

День рождения Понтия Пилата. Огромный зал, огромный стол, великое множество гостей. Пилат сидит во главе стола, под конец официальной части праздничной программы слуги вносят в зал огромный торт, на вершине которого крест с распятым Иешуа. Пилат замечает, что у того губы шевелятся, вот только слов не слышно. Тут Пилат приказывает принести лестницу, залезает наверх:

- Говори громче, не слышу!

Иешуа, с трудом поднимая голову, сильным голосом:

- Happy birthday to you...

Перед Вами написанная мною в конце 2005 года пародия на альтернативные прочтения романа Булгакова «Мастер и Маргарита» (редакция от 26.01.2006¹⁴⁰¹ с небольшой стилистической правкой). Убедительно прошу читателей не рассматривать мое сатирическое толкование как издевательство над «оранжевой революцией». Оно действительно было написано только как пародия на Баркова. Легла бы карта иначе, я бы с не меньшим удовольствием «порвал пасть» голубым. Но я не мог отойти от булгаковского текста.

Для незнакомых с «творчеством» Альфреда Баркова, поясню, что речь идет о его работе «Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение». В нем указанный титан духа, устраивая нам его пир, доказывает, что Булгакова мучили лавры Салтыкова-Щедрина, и в своем романе он вывел следующие фигуры: Горький – Мастер, Мария Андреева – Маргарита, Ленин – Воланд, Левий Матвей – Лев Толстой и т.д. и т.п.

Что можно сказать о теориях Баркова с позиций здравой, не семинаристской логики? – Только одно: «Дурь несусветная!» – Лучше бы он продолжил славное дело своего знаменитого однофамильца или вскрыл глубинные пласты «Луки Мудищева», – больше толка было бы.

Однако и семинаристская логика имеет право на существование. Ниже я прилагаю истинное альтернативное прочтение в ее свете романа великого гения литературы, основанное на теории Лема о двойном слое масконов, искажающих реальность. То, что увидел Барков, было только первым, защитным слоем, так сказать защита от дурака. Поэтому он вскрыл только самый поверхностный, доступный ему слой булгаковской мениппеи! Истинный же смысл лежит глубже. Сядьте на стул и сделайте глубокий вдох. **Булгаков предсказал не что иное, как оранжевую революцию в Украине!**

Не буду скрывать, что именно Барков открыл мне глаза на затаенный от поверхностного восприятия смысл в романе Булгакова. Но меня удивило, что он ничтоже сумняшеся так поверхностно истолковал текст исключительно в свете событий российской истории. «Что-то здесь **НЕ ТАК**», – упрямо говорил я себе, читая очередные главы Баркова, – «Ведь Булгаков наш земляк и его родной город Киев, а не Москва».

И вот, при просмотре восьмой серии фильма, в момент передачи золотой подковы Воландом в награду Маргарите, меня вдруг пронзило озарение: «Ющенко! **ТАК!**», – взволнованно воскликнул я, к удивлению окружающих. И все вдруг стало на свое место, и то, что минуту назад казалось сокрытым в тумане, стало предельно ясным и понятным. Ну конечно, не далеким проблемам наших соседей посвятил свой роман Булгаков, а именно нашим, исконно украинским событиям. Роман буквально пестрит аллюзиями на нашу повседневную действительность.

Начнем с завязки романа.

¹⁴⁰¹ По ту сторону здравого смысла. «Мастер и Мениппея Баркова». – <http://forum.media-objektiv.com/read.php?5.150734.page=33>

Отрезание головы писателю(!) Берлиозу (перед смертью узнавшему истину). Вам это ничего не напоминает? – Правильно! – Речь идет не о чем ином, как об убийстве Гонгадзе! – Не случайно отрезанная голова потом исчезла. И не случайно отрезана она комсомолкой, – скрытая аллюзия на советское прошлое исполнителей.

После бала Сатаны становится ясен и прототип Воланда, – несомненно, это Ющенко. На это явно указывает и раздача им подков в качестве поощрения и то, что голова Берлиоза-Гонгадзе отрезана и украдена именно при участии его ближайших помощников. «На судебном процессе против Кучмы в связи с «кассетным скандалом» будут фигурировать, к моему искреннему сожалению, целый ряд лиц из окружения Виктора Ющенко», – заявил в 2004 году лидер Соцпартии, кандидат в Президенты Александр Мороз. – «Сам Виктор Андреевич, хочу подчеркнуть, судя по тем разговорам, которые записаны, вел себя вполне достойно. Но к его ближайшим помощникам будет очень много вопросов», – сказал Мороз в интервью еженедельнику Зеркало недели¹⁴⁰².

Обратите внимание. В романе Воланд-Ющенко ничего не делает сам, перекладывая все на плечи своих помощников. Вот они пресловутые «чистые руки»!

А кто же **светлая королева** Марго? – Правильно! – Не кто иная, как газовая (светлое топливо!) **принцесса** Тимошенко! Обратите внимание, Воланд вручает ей не простую, а именно **золотую** подкову. Посмотрите на лидеров оранжевой революции, на лацканах у них, в отличие (и для отличия!) от рядовых членов, приколоты именно **золотые(!)** подковы.

Несомненно, что бал сатаны, – разгулье осатаневших в безнаказанности политических трупов, по воле Воланда-Ющенко вызванных из небытия, – это иносказательный прообраз майдана и последующего правления Ющенко. Время бала – полночь, 12 часов, – указание на месяц майдана декабрь, и на то, что власть Воланда-Ющенко будет длиться ровно 12 месяцев, пока с 01.01.2006 Украина не перейдет к парламентско-президентской форме правления. Большое колено Воланда-Ющенко не что иное, как прямая аллюзия на его пресловутое отравление, в котором замешана то ли иностранная ведьма (сотрудница ЦРУ Гелла-Чумаченко), то ли сама Маргарита-Тимошенко. Здесь автор, к сожалению, не дает ясного ответа.

На «газовую принцессу» намекает не только слово **«королева»**. Обратите внимание, в главах связанных с Маргаритой часто упоминается «закупка нефти в **лавках**». Ни в одной книге тех времен об этом нет ни слова! А ведь где нефть, – там и газ! Ну а что на обиходном жаргоне называют **«лавками»** думаю никому и объяснять не надо, – **ВПК!!!** Вот, где собака порылась! Вот уж действительно, по меткому определению Баркова, **«законченная шлюха»**, или как говорят у нас в народе, Юлька-воровка. Вспомните, – **«Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится»**. Ну и последнее, для скептиков, – **«девятнадцатилетней она вышла замуж»**, – полное совпадение с биографией Тимошенко, вплоть до того, что она также удачно вышла за крупного специалиста, обеспечившего ее жизнь!

Обратите внимание, что отравительница Тофана выказывает Маргарите невероятное почтение (намек на участие в пресловутом отравлении Ющенко) и называет ее уже **«черной»**, а не светлой, ибо газ у нее (пока!) в прошлом, и сейчас для нее важнее нефть и бензиновый кризис.

Изображение черного пуделя на тяжелой цепи, повешенное Маргарите-Тимошенко на шею помощниками Воланда-Ющенко, не что иное, как символ сковывающих Маргариту-Тимошенко обязательств перед Воландом-Ющенко, не позволивших ей до конца реализовать свои замыслы на посту премьер-министра. Как известно, черный пудель – одно из обликов сатаны, и здесь я хочу обратить Ваше внимание на то, что слово «Ющенко» является анаграммой фразы «ю щенок», или «уоц щенок», а попросту «ты собака». Обратите внимание, как тонко при этом обыгран Булгаковым тот факт, что жена Ющенко американка, – использованием звукового образа «уоц» вместо вульгарного «ты».

Знаменитые слова Воланда, обращенные к Маргарите: **«Никогда и ничего не просите...»**, – по всей видимости, являются намеком на тайное соглашение Воланда-Ющенко и Маргариты-Тимошенко, – зачем просить больше, если есть соглашение?

Еще один тонкий момент. Почему Маргарита-Тимошенко, получив разрешение на **«просьбу»**, сначала испрашивает прощение для некой Фриды. Возможно ли такое невероятное благородство в действительности? Признаюсь, что этот вопрос сначала поставил меня в тупик, и

¹⁴⁰² Мороз: На процессе против Кучмы будут фигурировать сторонники Ющенко, 10.10.2004. –

я оставил его без разрешения. Однако, когда один из критиков моего труда заметил, что Тимошенко более похожа на Фриду, чем на Маргариту, пелена упала с моих глаз, и вся величественная глубина открывшейся мениппеи предстала передо мной.

Обратите внимание, за что пострадала Фрида. – За удушение платком едва народившегося младенца. А не Тимошенко ли предлагала повеситься на шарфах (аллюзия на платки!!!) своим политическим противникам, в переносном смысле удушив этим едва нарождавшиеся демократические инициативы Януковича! Таким образом, несомненно, Фрида это зеркальная инфернальная ипостась самой Маргариты-Тимошенко, и требование о ее прощении есть не что иное, как требование прекращения постоянного напоминания Тимошенко о розысках ее Интерполом и полное закрытие всех открытых против нее уголовных дел. Так сказать полная свобода или *freedom* (Фрида!).

Деликатный момент: на бал-революцию Маргарита-Тимошенко летит голая, – все ее имущество записано на подставных лиц! Только после потребованной ею реабилитации – награды за выполнение поставленных перед нею задач, она оказывается одетой, – символ обретения ею возможности обратного перевода имущества на себя.

Итак, Маргарита – Тимошенко. А кто же Мастер? Сделайте небольшое усилие, и истина Вам откроется. Какой непревзойденный мастер своего и чужого дела к моменту начала оранжевой революции вот уже 4 года (помните к Мастеру «постучали» четыре раза!) сидел под домашним арестом? – Ну конечно Пал Иваныч, собственной персоной!

Да, Мастер это Лазаренко! Чего стоит только нахождение им выигрышной облигации в бельевой корзине. Неужели не ясно, где он на самом деле взял эти деньги, большую часть которых они с Марго-Тимошенко истратили на личные нужды? Хотя и осталось немало, – вспомните, что Мастер, перед тем как присесть, попросил ее «поберечь» оставшиеся деньги, так что у кого сейчас хранится общак ясно и младенцу.

Взлет Маргариты-Тимошенко на метле – ее прохождение в премьеры, а потеря должности, – последующее перемещение обратно в подвал к Мастеру-Лазаренко. В будущем, по словам Булгакова, ей, совместно с Лазаренко, предстоит отравление и переход в состояние «покоя», – символ полного ухода указанных лиц с политической арены. Заодно исчезнет с нашей земли и дьявольская нечисть, – Сатана-Ющенко со своими помощниками...

Перед своим исчезновением нечистая сила сжигает Торгсин и ресторан у Грибоедова. Что же нам хотел сказать этим автор? В первом случае мы, очевидно, имеем дело с предвидением газового скандала, нарушившего отлаженный процесс торговли с иностранными партнерами (Торгсин!), и вызвавшего проблемы с транзитом российского газа в Европу, – помните как Бегемот, будучи «истомлен голодом и жаждой», осуществил **несанкционированный отбор** мандаринов и шоколада? А «иностраный» гражданин, неожиданно «вспомнивший» русский язык, несомненно, руководитель Нефтегаза Украины, лидер «Конгресса украинских националистов» Алексей Ивченко, разговаривавший с россиянами только через переводчика! Только когда его **припекло** (аллюзия на пожар), он, наконец, вспомнил, что умеет говорить и по-русски. Во втором же случае, уничтожение уютного ресторана у Грибоедова, где так любили заседать акулы пера, скорее всего является аллюзией на желание теряющего власть Ющенко, разогнать парламент Украины на Грушевской и заткнуть рот свободной прессе (характерное взрывное «гр» в начале обеих слов).

Ну что ж, пожую, посмотрим, исполнятся ли «катрены» нашего земляка. Ведь может собственных Нострѣдамов земля украинська раждать! Разве разоблачительный сеанс в Варьете не предсказал нам осенний скандал 2005 г. в среде «наших»? Что, как не голые дамы, оказавшиеся особенно падкими на чары Сатаны, являются лучшим символом саморазоблачения новой власти и невыполнения ею своих дутых обещаний?

Чрезвычайно интересно было бы узнать, кем же являются прототипы колоритнейших помощников Воланда Фагота и Азazelло. Но нужно понимать, что сюжетная линия романа не позволила ввести в рассмотрение большое количество лиц, поэтому в свите Воланда-Ющенко неизбежно слились черты многих лиц из его окружения: эти образы являются собирательными и не имеют явных аналогий. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на вечное юродство Коровьева-Фагота прямо перекликающееся с чисто коровьевскими штучками «профессора» Зварыча с его несуществующим «образованием». А у Азazelло, несомненно, присутствуют многие

черты Червоненко. Вспомните хотя бы его умение стрелять! Удивительна ли после этого череда странных «самоубийств», прокатившихся по Киеву год назад?

А вот с любимым народным героем Бегемотом у нас, к счастью, полная ясность, – участие в убийстве Берлиоза-Гонгадзе и неумное стремление отрывать людям головы, однозначно указывают на героя Украины Литвина. На его непотопляемость и депутатскую неприкосновенность недвусмысленно намекают его же слова: **«Кот древнее и неприкосновенное животное»**, – и кто же дольше его продержался у власти! Обратите внимание на вечный примус в руках героя. Как только его собираются взять следственные органы, следует мощный выброс из примуса, все взрывается пожаром, и до нашего хитрого кота уже никому нет дела. Ничего не напоминает? – Правильно! – Компромат на всех и вся, накопленный им за долгие годы пребывания у власти. Из под его же хвоста появляются и ранее уничтоженные Мастером-Лазаренко и Маргаритой-Тимошенко «не горящие» рукописи. А с чего бы им «сгореть», если Бегемот-Литвин себе копии сделал?

Бездомный, гоняющийся за главными героями с полными руками компромата – несомненно, ушастый майор Мельниченко, потерявший (продавший?) Родину и жалеющий об этом, на что указывают его слова, что он больше **писать** не будет: **«Стихи, которые я писал, – плохие стихи, и я теперь это понял»**. Понятно, что аллегорические **«стихи»** это именно пресловутые пленки, ибо поэт не магнитофон и настоящие стихи не писать не может, даже по собственному желанию.

Пригревающий Бездомного-Мельниченко в сумасшедшем доме профессор Стравинский, несомненно, не кто иной, как сам Сан Саныч Мороз, на что Булгаков чрезвычайно изящно намекает полным утопизмом реального существования подобного идеального сумасшедшего дома. (Где же классическое **«их хлещут, морют голодом, их санитары бьют»**?) Как известно, нет ничего более утопического, чем социалистическая идея (ну разве, что еще коммунистическая). Обратите внимание, как ловко Сан Саныч придерживает в своем сумасшедшем лагере важного свидетеля по делу Берлиоза-Гонгадзе, отговаривая его от немедленного обращения в милицию, так как эту козырную карту он хочет разыграть в более подходящее для него время. Интересно, что на Мастера-Лазаренко и Маргариту-Тимошенко Бездомный-Мельниченко капать не собирается, так как достиг с ними полного взаимопонимания на почве так называемой библейской линии романа (израильские корни, и/или финансирование Мельниченко Березовским!)

А теперь перейдем, наконец, к собственно «библейской» линии романа.

Что же хотел нам сказать Булгаков этим вставным романом в романе, так потрясающим нас своим чеканным стилем изложения?

Прежде всего, возникает вопрос, что же это за город Ершалаим? Неужели с такой любовью Булгаков описал именно такой далекий от него Иерусалим? Ключ к пониманию здесь мне помог найти Барков, – нужно внимательно изучать другие романы писателя. Их сравнительный анализ, не оставил сомнений, – под библейским Ершалаимом зашифрован наш родной Егупец, или как его называет Булгаков, **«Киев-город»**, – мать городов русских, а следовательно и Москвы, в которой якобы происходит действие. Теперь понятно, что никакая это и не Москва вовсе, а ридна ненька Украина. Кто не верит, попробуйте быстро повторять фразу «Москва ли?» – У Вас получится вполне украинское слово «москали», – это ли не прямой намек на Украину?!!

У поверхностного читателя романа, незнакомого с анализом литературных мениппей, может легко возникнуть впечатление, что Булгаков как бы симпатизирует Сатане и одобряет его действия. Так ли это на самом деле? Ключ к пониманию истинной позиции автора, как это и принято в мениппеях, скрыт в казалось бы невинной фразе **«<...> тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город»**. Можно ли яснее сказать о западных корнях чуждой нам, так называемой оранжевой революции. А чего стоит одно слово **«накрыла»**? Нужно ли объяснять здесь этимологическое различие слов «укрыла» и «накрыла»? Чем же накрылся Ершалаим-Киев? Медным тазом? – Если бы! – Тут Вам в едином слове слилось и отношение Булгакова к деятельности Воланда-Ющенко и предвидение многочисленных кризисов, потрясших Украину. Кстати проникая глубже в суть данной, выраженной всего **одним(!)** словом мениппеи, мы находим в ней еще одну, потаенную, аллюзию на первую строку Евангелия от Иоанна: **«В начале было Слово...»**. Так же, как и Творец, Булгаков одним словом **«накрыла»** сумел задать ключ к восприятию сотворенного им виртуального мира!

А что же распятый Иешуа, о котором «**все написанное неправда**», – сирота, представитель не коренной национальности страны обитания? – «**Я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец**». Ничего не напоминает? – Правильно, сирота и белорус Янукович! Чего стоит только явное указание возраста героя, – 27 лет. Вы скажете Януковичу во время оранжевой революции было в два раза больше – 54, а я отвечу, – вспомните, что ровно половину информации о себе Янукович от народа всегда утаивает, и что в романе только для Иешуа назван точный возраст. С чего бы это?!!

Левий Матвей, – несомненно совокупный образ сопровождающих Иешуа-Януковича журналистов, «творящих» светлый образ и биографию героя, весьма отличающиеся от реальных. Крайне интересно в этом контексте упоминание о «**козлином пергаменте**» в его руках. Вспомним, ведь пергамент это «**недубленая кожа, выделанная из шкур крупного рогатого скота и свиных шкур**». То что **козлы** не свиньи, знает каждый. Но можно ли отнести их к крупному рогатому скоту?!!! Что же тогда мелкий? – Зайцы, копыта коих не раздвоены? Случайна ли такая вопиющая ошибка Булгакова, при потрясающей скрупулезной точности фактологической основы всех его произведений? Думаю, у нас есть все основания полагать, что здесь автор явно предвосхитил как знаменитую фразу Януковича о **козлах**, мешающих нам войти в царствие небесное, так и его естественное желание пустить их шкуры на выделку пергамента.

Но вернемся к основной линии сюжета. Что же это за Ершалаимский храм, вокруг якобы стремления к разрушению которого и шьется все дело нашего скромного сироты? Обратите внимание, никто не предлагает разрушить физическое здание и целостность храма! Предлагается только переосмыслить его на основе новой истины. Так о чем же речь? – О государственном устройстве Украины! – Старый храм, – унитарное устройство, – новый, – федеральное. Однако не слишком ли это смелая гипотеза? – спросит иной читатель. И снова ответ скрыт в других произведениях писателя! Ключ спрятан в знаменитом диалоге из «Дней Турбиных»: – **Шервинский: «<...> я думаю... думаю... думаю...» Гетман: «Говорите по-русски»**¹⁴⁰³. – Вот где собака порылась! Ведь это о проблеме русского языка в Украине и однозначном стремлении Булгакова видеть его вторым государственным, откуда собственно уже один шаг и до федеративного устройства Украины.

Пилат – несомненно, Пискун, и думать особенно не надо, настолько перекликаются имена (лат и куна – названия денежных единиц, – символ продажности прокурора-прокуратора в период его сотрудничества с Ющенко-Воландом). Сюда же добавим и недвусмысленное в своей трансцендентности «пи», символизирующее вздорность заявлений Пискуна в тот же период и его нравственные мучения и последующий переход на сторону Иешуа-Януковича, бормотания которого о добрых людях и демонстративное подставление щек для битья, до боли напоминают именно поведение Януковича на теледебатах с Ющенко.

Иуда, – тут и думать нечего, – Зинченко.

Каифа, – Березовский, спонсировавший все что можно, и саму революцию и предательство Иуды-Зинченко...

Вар-Равван – Кучма, отпущенный Воландом-Ющенко на вольные хлеба, без наказания, за помощь в распятии Иешуа-Януковича.

Список прототипов героев можно было бы продолжить и далее, но я не хочу лишать читателей удовольствия самим найти в романе некоторые известные фигуры и факты. Это невероятное ощущение, – когда найден правильный ключ к мениппее, ассоциации начинают сыпаться на Вас буквально, как из рога изобилия, и Вы просто не успеваете их записывать. – Куда не ткнешь пальцем, – везде находишь подтверждение правильности своих догадок. Написав последнюю фразу, я невольно задумался, куда же я еще не «ткнул»? Какой громкий скандал я упустил? И память услужливо подсказала, – захват ялтинского маяка. Клянусь, прошли буквально секунды, как пришло озарение, и не просто озарение, а еще и объяснение ранее известных, но непонятных обстоятельств работы Булгакова над романом. Помните переброс Лиходеева в Ялту? Ведь в начальных версиях романа его забрасывало во Владикавказ, и только в последней редакции автор заменил Кисловодск Ялтой, причем, так и не успев выправить другие главы, в результате чего Степа возвращается назад в нелепой для Ялты одежде, – папахе и бурке. Какое же значение для сюжета могла иметь перемена места? Ответ может быть только один. Как Вы помните, **Лиходеев** оказался не просто в Ялте, а «**на самом конце мола**», то есть в ближайшей

¹⁴⁰³ Булгаков М. А. Дни Турбиных. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Белая гвардия. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 631.

точке к маяку! И какое же **лихое дело** с его стороны можно было после этого ожидать? – Думаю понятно. К сожалению, автор не успел закончить правку второй части романа, иначе, несомненно, данный факт был бы очерчен более выпукло, но для владеющего ключом читателя он ясен и так.

В завершение не могу не задать риторический вопрос. А что же собственно побудило Булгакова обратиться к сатирическому изображению последствий революции апельсинов? Ответ как ни странно весьма прозрачен. Вспомните, чьи сатирические романы гремели по стране в то время? – Ильфа и Петрова, с которыми Булгаков состоял в дружеских отношениях. Поэтому думаю, не ошибусь, если позволю себе утверждение, что ключом к данной мениппее является знаменитая фраза из «Золотого тельца»: **«Грузите апельсины бочками. Братья Карамазовы»**. Не случайно именно в разгруженные от апельсинов бочки так неистово били палками беснующиеся на майдане (сравните с фразой **«бесновался обезьяний джаз»** в описании бала Сатаны).

* * *

Пародии и сатира никогда не пишутся буквально, в них всегда используются именно аллюзии и намеки. Втиснуть свои идеи в прокрустово ложе заданного сюжета автору бывает очень нелегко. Отсюда, наряду с попаданием в «яблочко» всегда найдутся и явные несовпадения, в частности, как справедливо отметили мои критики, редкий крест, например, выдержит тушу распятого Януковича. Что я могу сказать на это? – **«Редкая псица долетит до середины Днепра!»** – Правда вымысла вернее и выше голой правды жизни. И малое в нем может предстать большим и великим, и наоборот!

Замечу, что аналогии моего оппонента Баркова «хромают» не меньше, а гораздо больше моих. Разве не противоречит его отождествлению Воланда и Ленина хотя бы несоответствие роста Ленина (165) и Воланда (последний по описанию Булгакова выделялся своим ростом среди окружающих, – **«<...> росту был <...> просто высокого»**). Или, например, замечание Воланда, что со времени его последнего появления в Москве в ней появились **«... эти... как их... трамваи, автомобили...»**, а также **«автобусы, телефоны и прочая... – Аппаратура! – подсказал клетчатый»**. – Как известно, Ленин все это не только видел, но и лично пользовался! Так что если вздумаете кричать: «Бред», – то отнесите это сначала к аллюзиям Баркова и Кураева, а потом уже к моим.

*Хотя изложенное альтернативное толкование является только пародией на театр абсурда Баркова и Кураева, иногда жуть берет, как всё сходится. Представьте на минуту невозможное, – что так называемая оранжевая революция на Украине произошла при жизни Булгакова. Боюсь, что в этом случае ни один, самый квалифицированный булгаковед не смог бы опровергнуть предложенной мною версии. Как и было предсказано Булгаковым, недолго единолично правила бал Сатаны принявшая облик ведьмы Маргарита-Тимошенко. После ее ухода власть снова вернулась к раздающему направо и налево дьявольские подковы Воланду-Ющенко, разделившему ее с «восставшим из ада», как феникс из пепла, Иешуа-Януковичем. Теперь завершаются последние похождения свиты Воланда. Разогнан парламент на Грушевской – Дом Грибоедова. Вернулся в парламент **«смертельно раненный»**, но воскресший на политической арене после глотка бензина хитрый Бегемот-Литвин. У Маргариты-Тимошенко исчезло **«временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт»**, что позволило ей занять достойное место в обновленной пропрезидентской коалиции. Хоть с опозданием, но все-таки получил по морде от Азазелло-Луценко гнусный вампир-администратор Варенуха-Черновецкий. Не за горами последний полет Воланда-Ющенко (после очередных выборов президента?) и окончательное восстановление в должности генерального прокуратора, то есть прокурора Украины Пилата-Пискуна, который все еще жаждет **«о чем-то договориться»** с Иешуа-Януковичем на **«широкой лунной дороге»**...*

Приложение Всегда ли нужна альтернатива?

4.

«Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему; но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих»

Притчи 26:4-5

Когда художественное произведение выходит в свет к читателям, его автор теряет былую власть над своим творением и персонажами, которые начинают вести самостоятельную жизнь. И перипетии их судьбы порою бывают настолько причудливы, что восхищавшее современников или высоко ценимое самим автором может уйти в небытие, а казавшееся второстепенным, наоборот, может найти горячее читательское признание. Например, «Дон Кихот» Сервантеса создавался как пародия на набившие ему оскомину рыцарские романы. После этого великий испанец написал «настоящий» рыцарский роман – «Странствия Персилеса и Сихизмунды». Но кто сегодня, кроме литературных критиков, знает об этом произведении? А «Дон Кихот» уже 400 лет победно шествует по планете.

Какова бы ни была воля автора, его произведение читатели и критики всегда будут толковать по своему вкусу и усмотрению. Наше восприятие всегда в какой-то мере альтернативно и хоть в мелочи да противоречит общепринятой трактовке, ибо «на вкус и цвет товарищей нет». Как пишет Б. Соколов¹⁴⁰⁴: «<...> для каждого существует и всегда будет существовать, сколько бы ни появилось томов научных исследований, свой Пушкин, свой Гоголь, свой Булгаков...». Но одно дело действительно **иметь собственное мнение** и восприятие, отличное от авторского, и совсем другое – **намеренно исказить** личную позицию автора и приписывать ему собственные взгляды и суждения для обмана других читателей.

С момента выхода в свет романа «Мастер и Маргарита» не прекращаются попытки доказать, что роман является зашифрованным посланием потомкам, хотя его сюжет, за исключением некоторых незавершенных второстепенных эпизодов, прекрасно истолковывается и без привлечения излишних сущностей. Но постоянно появляются очередные желающие открыть нам глаза.

Например, Валерий Ервандович Хачанов утверждает, что им: «<...> написана оригинальная книга о «Мастере и Маргарите». <...> Раскрыты многие тайны: «круги на полях», НЛО, тайна пророчеств библейских и мирских пророков. «Мастер и Маргарита» – тоже пророчество, но на времена, которые еще не наступили. Книга А. Кураева неплохая, но он ошибается, предполагая, что Иешуа – это прототип Иисуса Христа. Иешуа – герой грядущих времен, а не прошедших.<...> В «Мастере и Маргарите» ее автор зашифровал даже даты грядущих событий»¹⁴⁰⁵. Заметим, что данная трактовка даже не является новаторской. О том, что ««Мастер и Маргарита» <...> пророчество <...> на времена, которые еще не наступили», и Булгаков предсказал не что иное, как оранжевую революцию в Украине, я в сатирической форме писал еще в конце 2005 года¹⁴⁰⁶ (см. [приложение 3](#)).

Еще одно занимательное толкование предлагает Ержан Урманбаев-Габдуллин. Ему «скучно» «перетирать чужие, давно всем известные истины, мысли» и тайны прошлого он предлагает раскрывать на основе следующего постулата: Воланд-Афраний это Сталин, Коровьёв, – Дзержинский, Бегемот – Ежов, Азazelло – Берия и т.д. и т.п.¹⁴⁰⁷. Увы, но реальных доказательств своей трактовки Урманбаев не приводит и подкрепляет ее единственным доводом: «По вашей логике для автора не было ничего проще, чем называть вещи своими именами. К сожалению, я думаю иначе». Поэтому бессмысленно задавать вопрос, почему в списке руководителей ВЧК-НКВД после Дзержинского пропущены фамилии Менжинского и Ягоды.

Степень аргументированность версии Урманбаева можно охарактеризовать всего одним его рассуждением о портсигаре Воланда: «Возможно, при какой-то **личной встрече** заметил

¹⁴⁰⁴ Соколов Б. В. Предисловие ко второму изданию // Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 6.

¹⁴⁰⁵ Гостевая книга сайта bulgakov.ru, запись № 1984 от 30 июля 2006. – <http://www.bulgakov.ru/guestbook/>

¹⁴⁰⁶ По ту сторону здравого смысла. «Мастер и Мениппея Баркова». – <http://forum.media-objektiv.com/read.php?5,150734,page=33>

¹⁴⁰⁷ Урманбаев-Габдуллин Е. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» глазами сибирского аборигена под наблюдением психиатра из США. Версия воинствующего дилетанта. – <http://www.dombulgakova.ru/index.php?id=81>

Булгаков у Сталина подобный экземпляр». Никакой личной встречи у Булгакова со Сталиным никогда не было и ни в одних мемуарах наличие портсигара в довоенные годы у Сталина не отмечено. В то время вождь курил исключительно трубку. При этом он доставал изготовленные для него по специальному заказу папиросы «Герцеговина Флор» прямо **из папиросной коробки**, ломал их и крошил табак в трубку.

Комментарии Урманбаева к роману грешат дилетантизмом, в полном соответствии с подзаголовком названия его труда: «Версия воинствующего дилетанта». Разберем для примера один из них: «...И сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане (туман по своей природе мокрый, сухим может быть разве что дым) валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришёл под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея» (совершенно нельзя представить от чего в солнечный, жаркий весенний день в центре Москвы, в оживленном всегда сквере, нет людей). Холодно и неуютно было в Москве на Патриарших прудах. Выпив с тоски водки, что соответствует последствиям: «...В воздухе запахло парикмахерской (спиртом). Напившись, литераторы немедленно начали икать».

Как известно Булгаков был очень дружен с Вересаевым и на описание сухого тумана его, безусловно, навели следующие строки Вересаева¹⁴⁰⁸:

«Погода была странная. Сероватая муть покрывала небо, солнце светило сквозь нее бледным пятном; неясный горизонт терялся в густой серо-лиловой мгле, и трудно было понять, что это там – тучи, дым или что другое. Пронесившиеся мимо поля, рощи, деревни – все было окутано синеватою дымкой, словно туманом; но какой туман мог держаться в этом сухом, раскаленном воздухе, в котором почти мгновенно таял валивший из трубы пар? Ни одна травинка не шевелилась, над полями стояла странная тишина. Что-то непонятное, загадочное было во всей природе, это томило и раздражало.

– Вот погода удивительная! – сказал я. – Должно быть, где-нибудь леса горят.

– Это не леса горят, – возразил плотный, приземистый плотник-рязанец. – **Это сухой туман.**

– Какой сухой туман?

– К жаре. Жара, значит, туманною мглою идет по земле; где пройдет, все посушит на отделку.

– У нас под Чернью три года назад такой туман на поля пал, – заговорил бледный старик с болезненным лицом, в рваном, заплатанном зипуне. – В один день весь хлеб посох. Сыпется зерно, вязать начнет баба, – свясла в труху рассыпаются; такая спешка пошла, – косцу по три с полтиной в день платили, только коси поскорей!

– Что же такое туман этот? Пыль, что ли?..»

Чтобы узнать, «что же такое туман этот», заглянем в Интернет:

«К туманам также относятся так называемые **сухие туманы** (помоха, мгла), в этих туманах частицами является не вода, а дым, копоть, пыль и так далее.

Наиболее частой причиной сухих туманов является **дым лесных, торфяных** или степных пожаров, или степная лессовая или песчаная пыль, поднимаемые и переносимые ветром иногда на значительные расстояния, а также **выбросы промышленных предприятий**.

Не редка и переходная ступень между сухими и влажными туманами – такие туманы состоят из водяных частиц вместе с достаточно большими массами пыли, дыма и копоти. **Это – так называемые грязные, городские туманы, являющиеся следствием присутствия в воздухе больших городов массы твердых частиц, выбрасываемых при топке дымовыми, а еще в большей степени – фабричными трубами»**¹⁴⁰⁹.

Что именно явилось причиной описанного Булгаковым в романе сухого тумана сказать тяжело, но замечу, что в лесах и на торфяниках Подмосковья в среднем возникает до 700 пожаров в год¹⁴¹⁰. Вот тут бы Урманбаеву и применить свою энергию в мирных целях и установить, не было ли в 1929-1936 гг. в начале мая особенно больших пожаров на торфяниках Подмосковья. Но

¹⁴⁰⁸ Вересаев В. В. В сухом тумане. Избранное. – Мн.: Нар. асвета, 1980, с. 368.

¹⁴⁰⁹ [Туман. Классификация. Сухие туманы.](http://e-vse.ru/rus/article/tuman/klassifikatsija/sukhie_tumany.html) – http://e-vse.ru/rus/article/tuman/klassifikatsija/sukhie_tumany.html

¹⁴¹⁰ Пожарам поставить заслон. Официальный портал Московской областной Думы, 25.07.2005. – <http://www.mosoblduma.ru/index.php?action=fmore&id=489>

такие исследования ему проводить скучно, его влекут слова Фауста: «**Жить без размаху? Никогда! Не пристрастился б я к лопате, К покою, к узости понятий**».

Причины «безлюдности» в сцене на Патриарших прудах очень просты: «**В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, <...> никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея**»¹⁴¹¹. То есть Булгаков ясно пишет, что люди предпочли отсидеться дома, где было прохладнее, чем на улице. Что здесь удивительного? Позже, «**когда дышать стало гораздо легче**» люди появились «**на всех трех сторонах квадрата, кроме той, где были наши собеседники**»¹⁴¹². Следовательно, никакой особой «безлюдности» Воланд не подстраивал, разве что, возможно, непосредственно рядом с собой. И то, когда Иван крикнул «**караул!**», то: «**Две каких-то девицы шарахнулись от него в сторону <...>**»¹⁴¹³

По поводу запаха парикмахерской Урманбаеву на форуме Булгаковского Дома дали вполне разумный ответ: «**В парикмахерской спиртом не пахнет, писатели пили абрикосовую воду, и пахло, я думаю, просто ароматической эссенцией**». Но увлеченный проекцией героев романа на деятелей ненавистного ему советского режима Урманбаев остался при своем мнении: «**В романе пахнет перегаром от дыхания собутыльников, кислотный запах, запах рассола из погреба перед появлением Геллы и Лиходеева, лимонов в путешествии по дому Маргариты и Коровьева**». Тем не менее, твердая убежденность Урманбаева в перегаре от дыхания собутыльников, легко опровергается реальными фактами. После октябрьской революции в парфюмерной промышленности ставка делалась на массовый выпуск дешёвых одеколонов. В их числе был и очень популярный одеколон «Абрикосовый». Его то запах и напомнил писателям запах ароматической абрикосовой эссенции. В черновой редакции 1932-1934 гг. об этом написано открытым текстом: «**Фруктовая пахла одеколоном и конфетами**»¹⁴¹⁴.

Любое непонятное им место в романе альтернативщики воспринимают, как указание Булгакова на некий таинственный шифр. Вот еще одна ошибка Урманбаева: «**Вся последующая с Лиходеевым история посвящена защите чести мундира чекиста. В ней задействовано огромное количество людей-сотрудников милиции: «...Вошла в кабинет женщина в форменной куртке, в фуражке, в чёрной юбке и в тапочках» (не может разносить почту человек в тапочках, глава 10)**».

Казалось бы, что может быть проще, чем задать вопрос о тапочках любому пожилому человеку, современнику тех лет? Тем более что «**в черных тапочках**»¹⁴¹⁵ появляется и Иван на Патриарших прудах. Но альтернативщикам такой простой образ мышления не подходит, ибо «скучно» и «размаху» нет. А ответ, естественно, очень прост. Так называемые тапочки-спортсменки были в ту эпоху массовых театрализованных физкультурных шествий очень популярной обувью в теплое время года, так же, как сейчас кроссовки. Собой они представляли некий гибрид современных чешек и кедров, – матерчатый верх и прорезиненный низ. Впереди стягивались резинкой, как чешки, или имели шнуровку, как кеды. В элитном исполнении делались из кожи.

Главная идея фикс любого альтернативщика, – поиск якобы скрытых в романе намеков на известных исторических лиц. Вот одно из «открытий» Урманбаева в этой области: «**Отчитываясь в убийстве Иуды, Афраний упоминает свой стаж: «Я, прокуратор, пятнадцать лет на работе в Иудее...» (с 1903 года примкнул к большевикам Сталин, к концу 1917 года заканчивается пятнадцатый год со дня его вступления в РСДРП(б))**».

Посмотрим на реальные исторические факты. На самом деле родословие большевиков начинается не с 1903 года, а с первого съезда Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшегося в марте 1898 года в Минске, и имеет следующий вид: с марта 1898 г. РСДРП, с апреля 1917 г. РСДРП(б), с марта 1918 г. РКП(б), с декабря 1925 г. ВКП(б), с октября 1952 г. КПСС. Из-за ареста членов ЦК 1-го созыва, до 2-го съезда РСДРП не имела ни программы, ни устава, ни руководства из единого центра¹⁴¹⁶, тем не менее, ее организации вели чрезвычайно

¹⁴¹¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 334.

¹⁴¹² Там же, с. 370.

¹⁴¹³ Там же, с. 377.

¹⁴¹⁴ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 83.

¹⁴¹⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 334.

¹⁴¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 3 ч. Ч. 1: 1898-1925. – М.: Госполитиздат, 1953, с. 11.

интенсивную деятельность по всей России. Активным ее участником был Сталин¹⁴¹⁷. После создания РСДРП, он в августе 1898 г. вступает в ее тифлисскую организацию и быстро становится одним из самых энергичных и видных ее работников. В 1899 г. за революционную деятельность Сталина исключают из духовной семинарии. В марте 1901 г., после обыска и распоряжения охранки об его аресте, Сталин переходит на нелегальное положение и вплоть до Февральской революции 1917 г. остается профессиональным революционером-подпольщиком. В 1901 г. Сталин является одним из организаторов социал-демократической газеты «Брдзола» («Борьба»), проводящей идеи ленинской «Искры», и публикует в ней ряд ведущих статей. В ноябре 1901 г. на социал-демократической конференции избирается тифлиссский комитет РСДРП, и Сталин проходит в его состав. В конце ноября 1901 г., по поручению тифлисского комитета, Сталин переезжает в Батум и основывает там батумский комитет РСДРП, руководит забастовками на заводах и организует известную политическую демонстрацию рабочих в феврале 1902 г. В марте 1902 г. Сталина арестовывают в Батуме и, продержав в тюрьме до осени 1903 г., высылают на три года в Восточную Сибирь в Иркутскую губернию. Перед ссылкой, еще в тюрьме, Сталин узнает о серьезных разногласиях между большевиками и меньшевиками на 2-м съезде и решительно принимает сторону большинства. К этому моменту он имеет уже 5 лет активного партийного стажа, из них два с половиной года в статусе профессионального революционера.

Заново отсчитывать партийный стаж Сталина с 1903 года нет никаких оснований. На организационном 2-м съезде РСДРП (июль-август 1903 г., Брюссель-Лондон), наконец принявшем устав и программу партии, действительно возникли разногласия между членами партии, породившие в ней два направления, – большевиков (сторонников Ленина) и меньшевиков (сторонников Мартова)¹⁴¹⁸. Но понадобились еще 9 лет углубления возникших противоречий в процессе новых объединений и размежеваний, чтобы возникший раскол оформился официально. Окончательное формальное размежевание РСДРП на две отдельные партии произошло только в январе 1912 г.: «Пражская конференция, изгнав меньшевиков-ликвидаторов из партии, положила начало окончательному оформлению большевиков в самостоятельную партию – Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков)»¹⁴¹⁹.

О партийном стаже «удивительного грузина»¹⁴²⁰ в БСЭ сказано: «С 1898 член КПСС»¹⁴²¹, следовательно, к Октябрьской революции 1917 года партийный стаж Сталина в РСДРП(б) составлял 19 лет. Кроме того, в любом случае, по законам арифметики, с сентября 1903 года по октябрь 1917 года прошло не 15, а всего 14 лет. Контекстным поиском по электронной версии текста легко убедиться, что в нем встречаются, по крайней мере, все числа от 1 до 20, следовательно, Булгаков не страдал магией круглых цифр и не округлял упоминаемые числа. Да и какой сакральный смысл можно вложить в дату формальной поддержки большевиков Сталиным? Ведь разногласия существовали с самого начала формирования партии, а не появились вдруг на съезде. К тому же вся биография Сталина до 1903 года убедительно свидетельствует, что он изначально придерживался именно ленинских революционных большевистских методов борьбы: «С момента создания РСДРП поддерживал ленинские идеи укрепления революционной марксистской партии <...>»¹⁴²².

Рассмотренные нами выше примеры лишней раз подтверждают незыблемую истину: в основе любого альтернативного истолкования, лежит, прежде всего, дилетантство, усугубленное альтернативным нормальной логике особым образом мышления, толкающим человека на расшифровку им же придуманных таинственных кодов там, где нужно просто заглянуть в словарь или пройти в библиотеку.

Я искренне желаю успеха всем желающим потрясти основы Вселенной, но при одном условии: альтернативное толкование должно создаваться от знания, а не от невежества. В поисках альтернативы человека должно вести желание объяснить существующие загадки, а не просто желание истолковать что-либо интересным для себя образом. Любой текст, при наличии определенного воображения и некоторых способностей, легко истолковать произвольным

¹⁴¹⁷ Большая Советская Энциклопедия. В 65 т. Изд. 1-е. Т. 52. – М.: ОГИЗ СССР, 1947, ст. 538-540.

¹⁴¹⁸ Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Изд. 3-е. Т. 12. – М.: Советская Энциклопедия, 1973, с. 548.

¹⁴¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 3 ч. Ч. 1: 1898-1925. – М.: Госполитиздат, 1953, с. 266.

¹⁴²⁰ Так назвал Сталина Ленин в письме к Горькому в 1913 году.

¹⁴²¹ Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Изд. 3-е. Т. 24, кн. 1. – М.: Советская Энциклопедия, 1976, с. 400.

¹⁴²² Там же, с. 400.

образом, придав ему смысл противоположный вложенному в него автором. Подобные толкования легко создаются от глупости, невежества или душевной болезни, но всего хуже, когда они представляют собой намеренное искажение истины, как у диакона Кураева.

Много ли нужно ума, например, чтобы доказать, что в образе Иуды Булгаков вывел Остапа Бендера из романа своих приятелей Ильфа и Петрова? Как говорил Коровьев: «**Это идея! Эйн, цвей, дрей!**», – и получаем доказательство. По словам Афрания у Иуды в жизни была одна лишь страсть, – «**Страсть к деньгам**»¹⁴²³. А Остап, как известно, «**страдал и любил, – любил деньги и страдал от их недостатка**». Значит Остап и есть прообраз Иуды, что и требовалось доказать...

Иные горе-исследователи чешут себе Гондурас, доказывая, что «**колено Маргариты семиотически связано с коленом Воланда и, следовательно, с его anus'ом**»¹⁴²⁴. Трудно ли развить подобную мысль обосновать, что постоянным подчеркиванием болезненного состояния распухшего от поцелуев колена Маргариты Булгаков хотел привлечь внимание ни к чему иному, как к проблеме болящего, распухшего от поцелуев зада Люцифера, казнимого этой страшной пыткой его адептами на регулярных шабашах? – Легко! А отсюда уже один шаг и к возвышенным размышлениям о трагической дьявольской Голгофе и искупительных муках, претерпеваемых им по воле божией. – Все-таки Христа распяли один раз, а дьявола «распинают» на каждом шабаше... Но не лучше ли оставить эту проблему проктологам? Хоть Булгаков и был врачом, но вряд ли его волновала проблема болящего дьявольского зада.

Необходимость поиска альтернативы должна быть обусловлена тем, что принятые толкования не охватывают и не объясняют все стороны и свойства объекта, либо даже противоречат им частично или полностью. Или толкуемое по самой своей природе должно являться загадочным, не иметь общепринятого удовлетворительного объяснения и тем самым давать возможность заменить любое, самое удачное толкование, на новое, более лучшее. Но где же все эти необходимые загадочные признаки в романе «Мастер и Маргарита»? Некоторые неясные места второстепенных сюжетных линий очевидное следствие незавершенной переработки романа. Что касается остального, то Булгаков оставил достаточное количество документов, которые вместе со свидетельствами современников предельно ясно характеризуют его отношение к роману и его героям. Так нужна ли в этом случае альтернатива их чести, совести, порядочности, самоотверженности?

Как бы отнесся сам Кураев к альтернативному истолкованию его возни со своими крестными детьми в духе Майкла Джексона, или Петрония Арбитра? Видимо воскликнул бы: «**Кошунство!**» Но ведь так же кошунственно поступает и сам диакон с произведением Булгакова, сознательно искажая авторскую концепцию и жизненную позицию, а равно и факты его биографии в угоду своим замыслам. Подобные альтернативы лежат уже не в плоскости критической науки, а в плоскости морали.

Булгаков не только совершенно ясно дал понять, что у Воланда нет реального прототипа, но даже и не дал никаких оснований считать его собирательным образом земных властителей. Однако, Барков, Кураев и иже с ними заявляют, что роман зашифрован. И никто из них не задается простым вопросом, **зачем** Булгакову было нужно это, если роман не имел ни малейших шансов на опубликование при его жизни? От кого же он в этом случае шифровался? Мог ли он скрыть разгадку романа от всех близких, даже от любимой жены?

Известно, что Булгаков постоянно читал свой роман в близком кругу. Вот отзывы современников, слушавших его чтение: «**<...> вещь громадной силы, интересна своей философией, помимо того, что увлекательна сюжетно и блестяща с литературной точки зрения**»¹⁴²⁵. Так неужели же столько лет писатель просто ломал комедию и обманывал близких ему людей? Ведь Елена Сергеевна до конца дней своих была уверена, что в романе отражена их нелегкая судьба, и что она один из прототипов Маргариты. Так же считал и ближайший друг и первый биограф писателя П. С. Попов.

Можно ли поверить, что писатель не только обманул всех своих близких, но и более сорока лет успешно водит за нос своих многочисленных читателей и критиков во всем мире? А ведь, как

¹⁴²³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 633.

¹⁴²⁴ Золотонос М. Слово и тело, или Сексагональные проекции русской культуры. Неформальное введение в антологию фаллистики // Петербургские чтения, 1992, № 1, с. 189.

¹⁴²⁵ Дневник Елены Булгаковой, запись от 11.05.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 146.

сообщает В. Сахаров, по данным ЮНЕСКО, Булгаков наряду с Толстым и Достоевским является одним из трех самых читаемых писателей XX века¹⁴²⁶. И любят его, прежде всего, за роман «Мастер и Маргарита».

Можно еще допустить, что автор зашифровал свое произведение, но в то, что он сокрыл это даже от самых близких ему людей и в одиночестве унес свою тайну в могилу, верится уже с трудом. Хотя бы потому, что все мы ищем признания при жизни, а не открыв хоть кому-либо результатов своего труда, мы никогда не узнаем его прижизненной оценки. Эта мысль прямо сформулирована в дневнике жены писателя: **«Настроение у нас убийственное. Это, конечно, естественно, нельзя жить, не видя результатов своей работы»**¹⁴²⁷.

За двенадцать лет работы художественный замысел романа кардинально изменился. К последней редакции образы героев претерпели не меньшую внутреннюю, а иногда и внешнюю трансформацию, чем их облик в последнем полете, – первоначальные образы героев неузнаваемо изменились и развернулись, как разворачиваются порою, поражая наш взор, невзрачные бутоны цветов.

Первоначальный сюжет романа чем-то напоминает «Мертвые души» Гоголя. Воланд в них некий аналог Чичикова, – с одной стороны, проявляющий мерзость окружающей жизни, с другой – порождающий ее сам. Вполне возможно, что изначально роман действительно мог быть задуман как чисто сатирическое повествование без положительных героев. Как отмечает Б. Соколов¹⁴²⁸: **«Первые варианты древней части романа приближались к булгаковским сатирическим повестям и фельетонам 20-х годов»**. Об этом же пишет и М. Чудакова¹⁴²⁹:

«Каков же был роман, возникавший почти в буквальном смысле из пепла осенью 1933 г.? Нам кажется несомненным, что прежний замысел (очертания которого нам, увы, неизвестны до конца) подвергался существенной перестройке» <...>

В тех 15 главах, которые написаны были в 1928 – 1929 гг., нет, как кажется, следов автобиографического материала, нет того, кто писал какое-либо сочинение литературного характера. <...> О несомненном видоизменении замысла свидетельствовала поэтому фигура нового героя, появившаяся в черновых набросках 1931, – героя, принесшего с собой, как это уясняется из изучения первой полной редакции романа (1932 – 1936), автобиографическую тему».

В ранних редакциях ни сам Воланд, ни его свита не вызывают ни малейшей симпатии. Бегемот «на толстых, словно дутых лапах», у Азazelло «хриплый сифилитический голос», «один глаз вытек, нос провалился»¹⁴³⁰. Сам Воланд все время юродствует и временами ведет себя совершенно непристойно, если конечно это понятие соотносимо с образом Сатаны: **«Тогда вынужден я буду в суд заявить, – твердо сказал буфетчик <...> – Не погубите сироту, – сказал плаксиво Воланд и вдруг стал на колени»**¹⁴³¹.

Как холодно и бесстрастно описывается преобразование героев в последнем полете в главах романа, дописанных и переписанных в 1934-1936 гг.:

«Мастер, вздрогнув, всмотрелся в самого Воланда, тот преображался постепенно, или, вернее, не преображался, а лишь точнее и откровеннее обозначался при луне. Нос его ястребино свесился к верхней губе, рот вовсе сполз на сторону, еще острее стала раздвоенная из-под подбородка борода. Оба глаза стали одинаковыми, черными, провалившимися, но в глубине их горели искры. Теперь лицо его не оставляло никаких сомнений – это был Он.

Вокруг кипел и брызгал лунный свет, слышался свист. Теперь уж летели в правильном строю, как понял мастер, и каждый, как надо, в виде своем, а не чужом.

Первым – Воланд, и плащ его на несколько саженей трепало по ветру полета, и где-то по скалам еще летела за ним тень.

¹⁴²⁶ «Лев Толстой, Достоевский и Михаил Булгаков по данным ЮНЕСКО являются самыми читаемыми писателями XX века» [Эхо Москвы. Передача: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита», Воскресенье, 20 Мая 2007. – <http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/51863/>].

¹⁴²⁷ Дневник Елены Булгаковой, запись от 04.10.1938 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 208.

¹⁴²⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 530.

¹⁴²⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 377.

¹⁴³⁰ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 47-48.

¹⁴³¹ Там же, с. 47-48.

Бегемот сбросил кошачью шкуру, оставил лишь круглую морду с усами, был /в/ кожаном кафтане, в ботфортах, летел веселый по-прежнему, свистел, был толстый, как Фальстаф.

На фланге, скорчившись, как жокей, летел на хребте скакуна, звенел бубенцами, держал руку убийцы на ноже огненно-рыжий Азazelло.

Конвой воронов, пущенных, как из лука, выстроившись треугольником, летел сбоку, и вороны глаза горели золотым огнем.

Не узнал Маргариту мастер. Голая ведьма теперь неслась в тяжелом бархате, шлейф трепало по крупу, трепало вуаль, сбруя ослепительно разбрызгивала свет от луны.

Амазонка повернула голову в сторону мастера, она резала воздух хлыстом, ликовала, хохотала, манила, сквозь вой полета мастер услышал ее крик:

– За мной! Там счастье!»¹⁴³²

Сравните приведенное выше сухое, отстраненное описание Бегемота в ранних черновиках и насыщенный, эмоционально-поэтический текст последней редакции: «Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны»¹⁴³³. Какая неприкрытая любовь автора к своему персонажу сквозит в этих строках...

Маргарита в черновике 1931 г. остается ведьмой. После отравления она первым делом срывает с себя халат и опять натирается кремом¹⁴³⁴: «Она одним взмахом сорвала с себя халат и взвизгнула от восторга. Азazelло вынул из кармана баночку и подал. Тотчас под руками Маргариты ее тело блеснуло жиром». Подобное поведение совершенно невыносимо для Маргариты последней редакции. Поэтому безжалостное иссечение фривольных описаний бала Сатаны в поздних редакциях связано вовсе не с внутренней цензурой, как считает Борис Соколов, а именно с новой концепцией романа и новым содержанием образа Маргариты.

В ранних редакциях образ Воланда вторичен и имеет отчетливые лакейские черты при общении со Светом. Такой персонаж действительно мог быть обделен творческим началом. Однако в дальнейшем философский замысел романа оттеснил сатирические и юмористические моменты повествования на второй план и в последней редакции перед нами предстает вольный сын эфира, осознающий себя как самоценную самодостаточную сущность. Ему уже не нужно «хлопотать» за Фагота, как Воланду ранних редакций. В романе установлено равновесие сил Тьмы и Света. Просить уже не у кого и незачем. Как отмечает Б. Соколов¹⁴³⁵: «Образ Воланда полемичен по отношению к тому взгляду на дьявола, который отстаивал <...> философ и богослов П. А. Флоренский: «<...> жалкая «обезьяна Бога»...». В редакции 1929 – 1930 гг. Воланд еще во многом был такой «обезьяной», обладая рядом снижающих черт: хихикал, говорил «с плутовской улыбкой», употреблял просторечные выражения, обзывая, например, Бездомного «врун свинячий», а буфетчику Театра Варьете Сокову притворно жалуясь: «Ах, сволочь-народ в Москве!» – и плаксиво умоляя на коленях «Не погубите сироту». Однако в окончательном тексте «Мастера и Маргариты» Воланд стал иным, «величественным и царственным», близким традиции лорда Джорджа Байрона и Иоганна Вольфганга Гете, <...> Михаила Лермонтова <...> и иллюстрировавшего его «Демона» <...> художника Михаила Врубеля»; «<...> булгаковский Воланд сильно отличается от дьявола Мережковского. Выполнение просьб-поручений Иешуа для него – совсем не мука, и ворчит Воланд скорее для того, чтобы скрыть, что его цели по сути совпадают с целями Иешуа».

За годы работы над романом образ Воланда эволюционировал от бездушно юродствующего заурядного исполнительного черта, вытягивающегося в струнку перед вышестоящей силой со словами «чего изволите?», – до осознающей себя всемогущей, независимой в суждениях силы, пусть и темной, но стоящей над земными понятиями Добра и Зла, и беспристрастно вершащей судьбы человеческие. Можно сказать, что новый образ Воланда в

¹⁴³² Там же, с. 260.

¹⁴³³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 705.

¹⁴³⁴ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 196.

¹⁴³⁵ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 177, 544.

какой-то мере воплотил в себе функции Бога-мстителя из Ветхого Завета¹⁴³⁶. Рот Воланда постоянно кривится вечной усмешкой от несовершенства окружающего мира ¹⁴³⁷. Примечательно, что и само имя Воланда в ранних редакциях, – Теодор, – в переводе с древнегреческого значит «**Божий дар**»¹⁴³⁸.

Воланд дух не Зла, а так называемой темной стороны единой неделимой мировой силы. Разделение последней в романе на Свет и Тьму достаточно условно, ибо ни одна сторона не может обойтись без другой. Любое наказание зла само по себе есть Зло. Не случайно развитые государства отменяют смертную казнь, ибо любое убийство есть Зло, и не проходит бесследно для психики казнящего и окружающих.

Иногда со стороны прохристианских критиков можно услышать обвинения, что именно Воланд со своей свитой и подстроил якобы распятие Иешуа. Вот пример с форума булгаковской энциклопедии: «**Воланд находился в Ершалаиме в момент казни Иешуа, и целью пребывания была именно эта казнь, а точнее уничтожение пророка, несущего в его мир заразную бациллу добра, милосердия, любви и терпимости**».

Рассматривая всерьез эту очередную альтернативную гипотезу, для начала замечу, что не будь распятия Иешуа, не было бы и романа Булгакова, и этим в сущности уже все сказано: Иешуа был обречен на распятие при любой концепции образа Воланда. По сходной причине не избежал распятия и евангельский Иисус Христос: без Его распятия не было бы христианства. Именно Его распятие людьми было целью посланного Его на землю Бога. Разумеется, божьи намерения при этом были более чем благородны – Иисус должен был принять на себя людские грехи и принести верующим спасение. Однако почему же при весьма сходных обстоятельствах христиане пытаются очернить Воланда?

Напомню, что роман не имеет никакого отношения к традиционному христианству и воплощает иное мировоззрение: дуалистическую концепцию двуединства или относительности Добра и Зла. Сами обстоятельства становления Иешуа руководителем ведомства милосердия в романе совершенно не раскрыты. Неизвестно, каким образом, не имея ни божественной, ни сверхъестественной природы, Иешуа оказался причислен к высшим силам. Вместе с тем в романе также не раскрыто и кем и как управляется мир, и как именно он управлялся до «вознесения» Иешуа. Неясно, был ли в качестве высшей силы один только Воланд, или были и другие, стоящие над ним или рядом с ним силы. Неясно даже кто же такие, собственно говоря, Воланд и его свита – я имею в виду, откуда они взялись и существовали ли вечно или, как и Иешуа, были взяты и поставлены на эту должность из жителей земли.

Уважительное отношение Воланда к Иешуа, в романе выражено совершенно очевидно и я не вижу смысла подкреплять его цитатами. Замечу лишь, что в черновых редакциях 1932-1934 гг. Булгаков возлагал на ведомство Воланда и возмездие предателю: «**<...> Иуду я собственноручно зарезал в Гефсиманском саду, – прогнусил Азazelло**»¹⁴³⁹.

Воланд не строил никаких козней в Ершалаиме. Независимо от него судьба Иешуа оказалась зажата между двумя жерновами: с одной стороны, несовместимость его Учения с официальной религией, и, с другой, – несовместимость его Истины с догматом божественности и вечности власти римских императоров. Интересно, что учение Иешуа об отмирании власти фактически перекликается с ленинской теорией отмирания государства при коммунизме. Но то, что с некоторыми оговорками (дело далекого будущего) могла себе позволить советская власть, утвердившаяся в результате революционного насилия, было совершенно невозможно для римской власти, так как означало низложение божественного начала и основ самой власти Рима

¹⁴³⁶ Это парадоксально перекликается со следующими словами Марка Твена: «**<...> бог всеведущ и всемогущ. Если так, то он знает заранее все, что должно произойти, и все случается лишь с его соизволения и по его воле <...> такая предпосылка возлагает на Творца ответственность за все, что происходит в мире, не правда ли? Христианин признает это фразой, данной курсивом. Признает с большим чувством, с восторгом. Затем, возложив таким образом на Творца ответственность за все <...> страдания, болезни и несчастья, которые он мог бы предотвратить, умница-христианин ничтоже сумняшеся называет его «отцом нашим»! <...> **Человек наделяет Творца всеми свойствами, из которых слагается дьявол, а затем приходит к заключению, что дьявол и отец – это одно и то же!**» [Твен М. Письма с Земли. Письмо шестое // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 111]**

¹⁴³⁷ «**<...> и усмешка искривила его рот**» [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 686].

¹⁴³⁸ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 179.

¹⁴³⁹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 262.

и утверждение ее преходящего характера. «Ввиду правовой слабости и необеспеченности власти императора его личное **обожествление** составляло огромный политический суррогат для прочной власти. Должно заметить, что **для массы народа эта божественность вовсе не была пустым звуком**. При суеверии массы, при неясности для нее истинной идеи Божества, она тем легче верила в **божественность Кесаря...**»¹⁴⁴⁰.

Слова Иешуа не являются призывом к мятежу. Он не проповедует, что это «**царство истины и справедливости**», когда исчезнет насилие над людьми и «**не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти**»¹⁴⁴¹ настанет в обозримом будущем и не призывает ускорить его приход. Но его слова, безусловно, являются опасным для власти учением, ибо если можно обойтись без власти, то почему бы и не попробовать свергнуть ее уже сегодня? Именно это и является причиной осуждения Иешуа Пилатом.

У Пилата был выбор: спасти свою душу, или погубить невинного. Он сделал выбор в пользу собственной жизни; она показалась ему дороже жизни бродячего проповедника. Но, по иронии судьбы, его выбор уничтожил сам себя, ибо сделал его спасенную жизнь бессмысленной. Роман не оставляет сомнения, что сумей Пилат вернуться в прошлое, то поступил бы иначе. Но прошлое необратимо...

А вот у Иешуа выбора не было. Он не мог признать правила игры и подыграть Пилату, отказавшись от своего Учения. Ибо при этом уничтожил бы, прежде всего, морально и нравственно сам себя и свою выстраданную Истину. Словами «**перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил**»¹⁴⁴², Иешуа обратил внимание Пилата на то, что истинным вершителем и хозяином человеческих судеб прокуратор не является, и тем самым поставил его перед необходимостью нравственного выбора¹⁴⁴³, который Пилат должен был сделать сам. Только отказ Иешуа предать свою Истину давал Пилату шанс стать Человеком.

Мог ли Воланд спасти Иешуа? – Разумеется. В данном конкретном случае мог. Однако его ведомство спасением людей от смерти не занимается. С точки зрения Вечности это совершенно бессмысленно. Особенно в случае с Иешуа. Его распятие было однозначно предопределено самим его Учением и все равно состоялось бы раньше или позже. Если бы Воланд попытался защитить Иешуа, ему пришлось бы заниматься этим до конца дней бродячего проповедника. Как ни парадоксально, но фактически Воланд не властен над миром людей, так же как не властен над ним и христианский бог, ибо люди наделены свободой воли и ведут себя, как им вздумается. Только после смерти, в ином мире они действительно попадают в полную власть высших сил. Поэтому Воланд властен только над иным миром, и именно по этой причине он устраивает в нем судьбу Мастера и Маргариты. В реальном мире это опять-таки было бы невозможно.

Возвращаясь к обвинению Воланда в распятии Иешуа, можно сказать, что художественной концепции романа более логично соответствует вывод, что одним ведомством справедливого наказания мир не довести до совершенства, и высшие сферы решили, наконец, дать миру милосердие, любовь и терпимость, для чего и был посмертно выбран Иешуа, как прижизненный носитель соответствующих идей. Как видим, здесь имеется полная аналогия с добавлением Нового Завета к Ветхому Завету. И совершенно естественно, что кандидату на такую высокую должность дали возможность не только нравственными проповедями, но и собственной нелегкой судьбой заслужить право на милосердие к распявшим его людям.

Черновые редакции свидетельствуют, что автор ничего не упускал в судьбе своих героев и не собирался оставить их в неизвестности. Пробелы последней редакции связаны только с тем, что при коренной переработке сюжета судьбы некоторых персонажей были отставлены в сторону от основной линии, да так и остались непрописанными из-за смерти автора. Вместе с тем, как отмечает Б. Соколов¹⁴⁴⁴: «**Фабульно «Мастер и Маргарита» – вещь законченная. Остались лишь некоторые мелкие несоответствия <...>**». Подтверждают этот факт и слова, сказанные Булгаковым незадолго до смерти¹⁴⁴⁵: «**Умирая, он говорил, – вспоминала Елена Сергеевна: – Может быть, это и правильно... Что я мог бы написать после «Мастера»?..**» Из этих слов,

¹⁴⁴⁰ Тихомиров Л. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998, с. 124.

¹⁴⁴¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 358.

¹⁴⁴² Там же, с. 354.

¹⁴⁴³ Для подвесившего волосок, проблема нравственного выбора не стоит, ибо он сам для себя и есть нравственность.

¹⁴⁴⁴ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 320.

¹⁴⁴⁵ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988, с. 481.

несомненно, следует, что главный труд своей жизни Булгаков полагал вполне законченным и не мучался от сознания незавершенности его второстепенных фрагментов.

Хотелось бы увидеть комментированное издание романа «Мастер и Маргарита» по образу «Алисы в стране чудес» с комментариями Мартина Гарднера. Одним из необходимых комментариев, поясняющих замысел автора в отношении тех или иных персонажей, должно быть примечание к главе «Прощение и вечный приют» по поводу отсутствия Геллы в последнем полете. Сколько домыслов на эту тему довелось перечислить, – от «**Булгаков забыл Геллу**» до «**<...> Гелле не в кого было бы превращаться в последнем полете, <...> Когда ночь «разоблачала все обманы», Гелла могла только снова стать мертвой девушкой**»¹⁴⁴⁶. При этом совершенно забывается, что роман Булгакова фантастический и не обязан следовать реалиям и традициям христианства. Была б на то воля Булгакова, и камень у него преобразился бы. Поэтому и Гелла, без всяких затруднений, преображалась в черновых редакциях романа. Во второй полной рукописной редакции она была с Воландом на «**террасе самого красивого здания в Москве**», и отправлялась в полет вместе со всеми:

«**Свита Воланда еще была в городе, и одна Гелла в черном плаще почтительно стояла в некотором отдалении от Воланда, молчаливая, смотрящая на радугу**»;

«**Геллу ночь закутала в плащ так, что ничего не было видно, кроме белой кисти, державшей повод. Гелла летела, как ночь, улетающая в ночь**»¹⁴⁴⁷.

В этой же редакции Наташа возвращалась в подвал после бала вместе с Мастером и Маргаритой. Азazelло отравлял ее вместе с Мастером и Маргаритой, но первой же и оживлял, и устраивал ее судьбу еще до воскрешения главных героев:

«**Лишь только Наташа выскочила из окна, всадник легко вскочил в седло, вздернул Наташу вверх, посадил ее на луку, сдавил бока коня, проскочил между двумя липами вверх, ломая молодые ветви, и исчез, став невидимым**»;

«– Где Наталья? – крикнула Маргарита.

– **Она вышла замуж! – послышался в вое грозы голос Азazelло**»¹⁴⁴⁸.

Несомненно, Булгаков почувствовал, что участие Наташи и Геллы в финальных сценах утяжеляет повествование, поэтому в окончательной редакции он убрал Наташу из сцены отравления Мастера и Маргариты, а Геллу из последнего полета. Но Наташину линию он успел завершить, выдав ее замуж сразу после бала, а Геллу только убрал из полета, не успев прописать ее судьбу. Возможно, какие-то ее наброски не сохранились из-за утраты части архива Булгакова.

Отсутствие Геллы в последнем полете и очевидная незавершенность ее сюжетной линии, способствуют хождению среди читателей версии, что Гелла была вампиром и могла превратиться только в труп. Ошибочность этой гипотезы опровергается, прежде всего, предпоследней редакцией романа, где Гелла отправляется в полет вместе со всеми, и ее «**белая кисть, держащая повод**», после преобразования, не дает никакого повода к тому, чтобы считать ее разложившимся трупом. Последняя редакция романа также противоречит версии о вампирстве Геллы. Обратите внимание, в сценах с буфетчиком и Римским образ Геллы дается через восприятие указанных персонажей. Авторская же характеристика Геллы приводится позже, при первой встрече ее с Маргаритой: «**Нагая ведьма, та самая Гелла, что так смущала почтенного буфетчика Варьете, и, увы, та самая, которую, к великому счастью, вспугнул петух в ночь знаменитого сеанса, сидела на коврике <...>**»¹⁴⁴⁹. Очевидная авторская ирония по отношению к событиям связанным с буфетчиком и Римским, не оставляет сомнения: Гелла именно ведьма, а не вампир.

О роли Геллы в свите Воланда по тексту романа со всей определенностью мы можем утверждать только одно, – Гелла была прислугой Воланда. В предшествующей редакции Воланд называет Геллу своей «**горничной**»¹⁴⁵⁰, а в последней – служанкой:

«**<...> служанку мою Геллу рекомендую. Расторопна, понятлива, и нет такой услуги, которую она не сумела бы оказать**»¹⁴⁵¹;

¹⁴⁴⁶ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 186.

¹⁴⁴⁷ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 710, 715.

¹⁴⁴⁸ Там же, с. 708, 710.

¹⁴⁴⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 579.

¹⁴⁵⁰ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 412.

«Гелла, садись, – приказал Воланд и объяснил Маргарите: – Ночь полнолуния – праздничная ночь, и я ужинаю в тесной компании приближенных и слуг»¹⁴⁵².

Одним из доводов вампирической версии является «багровый шрам на шее» Геллы в сочетании с тем, что в статье «Чародейство» Брокгауза и Ефрона упомянуто, что «<...> на Лесбосе этим именем называли безвременно погибших девушек, после смерти ставших вампирами»¹⁴⁵³. Однако этот аргумент не может иметь решающего значения. Как известно, в черновых редакциях Булгаков неоднократно изменял имена персонажей, добиваясь именно более выразительного звучания, а отнюдь не скрытого за этими именами значения. Например, имя Азazelло пробовалось им и на образ Сатаны. Кроме того, те же Брокгауз и Ефрон в статье «Гелла» приводят совершенно иное толкование¹⁴⁵⁴: «Гелла (Helle), в греческой мифологии дочь Афимонта и Нефелы, бежала от мачехи Ино на златорунном баране в Колхиду, но утонула в море, получившем название Геллеспонта («моря Геллы»)». Учитывая, что Булгаков получил полноценное классическое образование, общеизвестное мифологическое значение имени Гелла, несомненно, было для него более приоритетным, чем совершенно неупотребительное единичное его упоминание в статье «Чародейство». Да и не каждая безвременно погибшая девушка обязана становиться вампиром. Как отмечает И. Бэлза, эта деталь облика Геллы, несомненно, восходит к гётевскому «Фаусту»:

«<...> в романе Булгакова, как уже неоднократно отмечалось, именно из гётевского «Фауста» взяты не только имена Воланда и Маргариты, но и самые различные детали. Так, в сцене прихода буфетчика Сокова к Воланду дано краткое описание наружности Геллы: «Сложением девица отличалась безукоризненным, и единственным дефектом в ее внешности можно было считать багровый шрам на шее». Видение, в котором Фауст узнает тень Гретхен, вызывает в нем мысль именно о такой страшной отметине:

Как странно шея у нее
Обвита только лентой алой,
Не шире лезвия кинжала!

Реплика Мефистофеля не оставляет сомнения в том, что этот «красный шнурочек» – след от удара меча палача, обезглавившего Маргариту за детоубийство <...>»¹⁴⁵⁵.

Эта же деталь встречается и в «Белой гвардии», где Николка в морге видит красивую «как ведьма», женщину со шрамом, опоясывающим ее «как красной лентой»¹⁴⁵⁶. Некоторые комментаторы¹⁴⁵⁷, связывают с обликом Геллы именно этот эпизод, но скорее он сам является такой же аллюзией на «Фауста» Гете.

В романе вся свита Воланда наделена способностью к превращениям в кого угодно, и на каком основании можно утверждать, что, став вампиршей, Гелла приняла свой подлинный облик, а не наоборот? Тем более что автор аттестует ее именно как ведьму. В облике вампира Гелла обладает только чисто внешними маскирующими признаками, – «пятна тления на ее груди», но не поведенческими: она не щелкает зубами и не причмокивает, как ставший настоящим вампиром Варенуха. Не стоит толковать сцену с Римским излишне прямолинейно. Булгаков писал явно иронизируя над обывательскими представлениями. Несомненно, Гелла не по своей прихоти явилась к Римскому в образе вампира, – все это входило в план свиты Воланда. Очевидно, что в данном случае нечистая сила для разнообразия, с благословения Булгакова, решила ограничиться испугом Римского, но было бы нужно, никакой петух не спас бы Римского от печальной участи Варенухи.

Как известно, в европейской мифологии вампир это мертвец, который по ночам покидает свою могилу и сосет кровь у спящих людей. Ни в чем таком Гелла не замечена, – не считая выполнения спецзаданий Воланда, она совершенно равнодушна к крови. Любой читавший роман должен также обратить внимание, что поведение Геллы вообще не характерно для вампиров, – она не боится солнечного света, и не прикрывает тело одеждой, что невозможно для вампиров с

¹⁴⁵¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 582.

¹⁴⁵² Там же, с. 602.

¹⁴⁵³ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 184.

¹⁴⁵⁴ [Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона](#). «Гелла».

¹⁴⁵⁵ Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст-1978. – М.: Наука, 1978, с. 188.

¹⁴⁵⁶ Булгаков М. А. Белая гвардия. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – К.: Дніпро, 1989, с. с. 261.

¹⁴⁵⁷ Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / Белобровцева И., Кульяс С. – М.: «Книжный Клуб 36.6», 2007, с. 334.

их невероятно чувствительной кожей. У нее прекрасная кожа и волосы, в то время как «вампиры имеют очень бледный цвет лица, недавно питавшийся вампир имеет признаки небольшого румянца, который быстро исчезает. Глаза вампиров расположены глубоко в глазницах, губы имеют ярко красный цвет»¹⁴⁵⁸. Неужели же это портрет Геллы, – бесстыжей веселой рыжей красотики с «безукоризненным» сложением и «зелеными распутными глазами»¹⁴⁵⁹?!! Не дает Булгаков и ни малейшего намека на то, что Гелла не отбрасывает тени или не отражается в зеркале. Когда Бегемот прострелил ей палец, ее «рука была окровавлена»¹⁴⁶⁰, что также не характерно для якобы оживших трупов. Так что не стоит зря на девушку наговаривать. Каждая женщина – немного ведьма, а Гелла, по крайней мере, весьма симпатичная, и, что более важно, образ ее выписан Булгаковым с явной теплотой. Как забавно она пикируется с Бегемотом на ужине после бала. Но, несмотря на все вышесказанное, некоторые упорно видят ее только лежащей в гробу. Какой-то мистический пессимизм. А есть ли собственно мистика в романе «Мастер и Маргарита»?

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее определение мистики: «**Мистицизм, мистика**, направление мысли, допускающее сверх обычных способов познания истины (опыта, умозрения и предания) возможность непосредственного общения познающего субъекта с божеством». Следовательно, в мистике должен быть Рок и предопределение свыше. По крайней мере, должно быть нечто лежащее за рамками повествования, но оказывающее влияние на судьбы героев. Иначе можно объявить мистикой и «Щелкунчика» Гофмана и «Ночь перед Рождеством» Гоголя. Сам Булгаков, вслед за Гофманом и Гоголем, всегда определял жанр своих произведений как фантастический, а себя называл фантастом, и только один раз назвал себя мистическим писателем в горьком ироническом смысле в письме Правительству СССР. В подлинно мистических произведениях неведомые силы не описываются так приземлено в первом лице. Здесь же Воланд и его свита запросто разгуливают по Москве и общаются напрямую не только с главными героями романа, но и с второстепенными. Фактически вся мистика романа сводится к черной туче, наползающей на город, да таинственному ореолу магии лунного света.

Хотя в романе описаны сверхъестественные силы, он непостижимо реален: мастерство автора заставляет забыть о сверхъестественном и воспринимать его как обыденное. Фантастическое в романе представляет собой то, что Достоевский назвал фантастическим реализмом¹⁴⁶¹: «**Понятие фантастического реализма было введено и пояснено Достоевским, который изложил суть его в своем предисловии к переводам Эдгара По, печатавшимся в его журнале. Особенность прозаических сочинений По и Гофмана (двух писателей-романтиков: роль романтизма для этой традиции несомненна) Достоевский видел в том, что самые невероятные и удивительные события в них излагаются с такими правдоподобными подробностями, которые заставляют читателя поверить и в реальность фантастической фабулы**».

Образ Бога выведен за рамки романа, и существование его остается под вопросом, – возможно Иешуа представляет его от имени Света, а возможно Бога, как Демиурга Вселенной в романе и вовсе нет, а есть только два равноправных начала, – Свет и Тьма, и их представители. Заметим, что из романа абсолютно неясно какое же место занимает Иешуа в Свете, и существовало ли это ведомство до него, или было создано только после его распятия.

Воланд, как представитель высших сил, не творит ни добра, ни зла в чистом виде. Но, в отличие от Бога Нового Завета, обещавшего Страшный Суд при наступлении конца света, Воланд позволяет себе вмешиваться в текущую земную жизнь и изменять естественный ход событий. Отсюда и обращение автора именно к нему, а не к христианскому Богу для определения судьбы своих героев. Ибо христианский Бог никогда не вмешивается в земную жизнь. Напрасно Кураев приводит пример вразумления им атеиста на его лекции. Скорее я поверю, что роковую роль сыграла худая карма, таящаяся в рясе самого Кураева. На земле непрерывно происходят неизмеримо большие злодеяния, чем хула пьяного мужика, но Бог молчит и только копит досье

¹⁴⁵⁸ Образ вампира в культуре Европы. – <http://www.nosferatu.ru/biblio/articles/articles.html>

¹⁴⁵⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 531.

¹⁴⁶⁰ Там же, с. 606.

¹⁴⁶¹ Иванов Вяч. Вс. «Поэма без героя, поэтика поздней Ахматовой и фантастический реализм». – <http://statya.com.ua/news23206.html>

на каждого. Может Его волнует только собственно богохульство? Увы, и это не так, а то бы в первые годы советской власти столько голов полетело, что и не сосчитать.

Воланд не Бог и не всеведущ¹⁴⁶², хотя может постичь любое явление. Например, после бала Воланд спрашивает кто такой Латунский, а свита Воланда только смущенно переглядывается, из чего ясно, что Воланд ничего не знает не только о Латунском, но и о горькой судьбе Мастера и Маргариты:

«– Что это за критик Латунский? – спросил Воланд, прищурившись на Маргариту.

Азazelло, Коровьев и Бегемот как-то стыдливо потупились, а Маргарита ответила, краснея:

– Есть такой один критик. Я сегодня вечером разнесла всю его квартиру.

– Вот те раз! А зачем же?

– Он, мессир, – объяснила Маргарита, – погубил одного мастера»¹⁴⁶³.

* * *

Теории Баркова, Кураева и им подобных любителей альтернативных толкований относятся к модным сегодня так называемым конспирологическим теориям. Подробный перечень основных конспирологических аксиом, в той или иной форме встречающихся в фантазиях практически любого конспиролога, приводит в своей заметке А. Вассерман¹⁴⁶⁴:

- Причины всего происходящего в мире сложны и сокрыты от простых смертных.
- Причины всего происходящего в мире просты и очевидны конспирологу.
- Заговорщики столь хитры, что даже умнейшим из современников при самом благоприятном стечении обстоятельств трудно заметить их дела.
- Заговорщики столь примитивны, что даже через десятилетия и века можно выявить их деяния и разоблачить их планы, включая несбывшиеся.
- Любое утверждение классической науки, неудобное конспирологу, заведомо ложно и является частью заговора или его последствием.
- Любое предположение одного конспиролога любой другой конспиролог вправе при желании счесть бесспорной и строго доказанной истиной.
- Любой факт, не укладывающийся в картину заговора, несомненно не относится к делу или вообще придуман заговорщиками для маскировки.
- Любой факт, подкрепляющий картину заговора, несомненно реален и достоверен, даже если он только что выдуман самим конспирологом.
- **Архивные документы – часть заговора, подготовленная для обмана позднейших исследователей.**
- Архивные документы несомненны, если их цитировать выборочно, исключая все фрагменты, противоречащие теории заговора.
- Мемуары безошибочны и раскрывают мельчайшие подробности событий, даже если они прямо противоречат всем документам или даже откровенно саморекламны и фантастичны.
- Мемуары изобилуют ошибками и не могут опровергнуть никакую версию событий – хоть соответствующую документам, хоть фантастическую.
- **Факт, с которым конспиролог почему-либо не удосужился ознакомиться, не существует, даже если известен всем его оппонентам.**
- **Факт, хотя бы вскользь упомянутый одним конспирологом, любой другой может при желании признать несомненно существующим и использовать для доказательства своей теории, даже если она прямо противоречит той, в связи с которой этот факт упомянут первоначально.**
- **Оппоненты конспиролога обязаны вести себя идеально корректно; малейшая резкость с их стороны рассматривается как признание в отсутствии аргументов и**

¹⁴⁶² По меткому замечанию Марка Твена: «Когда читаешь Библию, больше удивляешься неосведомленности бога, нежели его всеведению» [Твен М. Из записных книжек // Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 233].

¹⁴⁶³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 605.

¹⁴⁶⁴ Вассерман А. Особое мнение. Аксиомы конспирологии. 11.07.2007. – <http://razgovor.org/special/article242/>

беспорное свидетельство их невежества, беспочвенности, умственной неполноценности.

- **Оппоненты конспиролога заведомо невежественны, беспочвенны, умственно неполноценны и не располагают аргументами, в чём можно их постоянно уличать сколь угодно резкими словами и выражениями, ни в коей мере не заботясь о корректности.**

В перечне Вассермана содержатся все возможные постулаты альтернативщиков. Придумать что-либо вне указанных выше конспирологических рамок они просто не в состоянии. Например, тезису Урманбаева о том, что настоящие черновики Булгаков уничтожил, а сохранившиеся якобы написаны им специально для обмана будущих исследователей соответствует п. 9 перечня.

Последние четыре пункта перечня особенно идеально соответствуют схеме поведения многих неистовых сторонников Баркова на булгаковских форумах: как правило, с ними принципиально невозможно вести обсуждение, а можно только слушать и поддакивать, иначе они мгновенно свирепеют и обкладывают Вас такими оскорблениями, что после них простой русский мат только услаждает уши. Право же неплохо было бы ввести в обязательном порядке определение реакции Вассермана не только для разносящих венерологическую заразу, но и для сеющих бациллы конспирологической заразы в душах людей.

Можно по разному относиться к Баркову, но одного у него не отнимешь, – он был образованным, культурным человеком. Пусть в силу своих личных качеств и особенностей биографии он был нетерпим к возражениям и слишком фанатично веровал в свои логические построения, но он никогда не терял свой нравственный облик. К сожалению, как это часто бывает, его последователи не смогли подняться до его уровня, и, усвоив только выводы его теории без сопутствующего им культурного пласта, выработали в себе только фанатичную, религиозную нетерпимость к чужому мнению, деградировав фактически до стадного уровня. Как стадо собак они злобно грызутся на булгаковских форумах, накидываясь на каждого, кто не согласен с их воззрениями. Я не психиатр по образованию, но полагаю, что их поведение могло бы дать богатую пищу профессионалам: налицо чередуемая с периодами ремиссии (относительного улучшения) явная мания фурибунда (яростная мания), подчеркиваемая нетерпимостью к чужому мнению, и иступленным желанием набить морду любому человеку, опровергающему их кумира¹⁴⁶⁵.

Неистовым поклонникам альтернативных истолкований художественных произведений, а равно и всем защитникам летающих тарелок, барабашек и йети, хочу напомнить слова Чапека¹⁴⁶⁶: **«<...> гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя все имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить»**. С учетом этого требования, предложенное Альфредом Барковым «альтернативное прочтение»¹⁴⁶⁷, утверждающее, что в образе Мастера выведен Горький, выглядит просто веселой пародией на факты биографии реальных исторических лиц. С такой же степенью обоснованности можно утверждать, что Булгаковым была предсказана «оранжевая революция» в Украине. Как я уже писал, любой текст, при наличии определенного воображения и некоторых способностей, легко истолковать произвольным образом, придав ему смысл противоположный вложенному в него автором. Поэтому поклонникам Баркова я всегда рекомендую для начала поразмыслить над мистическим роковым толкованием сакральной для них фразы **«Альфред Барков»**, одна из анаграмм которой словно произнесена загадочным булгаковским профессором с его непередаваемым немецким акцентом (глухое «в» меняется на «ф»): **«Верь балда ф рок»...**

Жаль, что смерть Баркова не позволяет узнать его ответы на некоторые очень простые вопросы. Ведь все его теоретические построения опровергаются хотя бы тем единственным

¹⁴⁶⁵ Интеллектуальный уровень и агрессивность альтернативщиков при ведении литературных дискуссий лучше всего характеризуют их сообщения на форумах: **«<...> не соблаговолите мне подкинуть ваш адресок, юноша, – это лучше научит вежливым манерам, нежели ваше хамское твякание из-за угла. За слова придется отвечать ведь <...> Итак я жду место и время нашей встречи. Вы, сударь, – **подонок**»**. Увы, этот пример изысканного стиля старого форума Булгаковской энциклопедии, сегодня вызывает ностальгию при чтении эпистолярных пассажей подобных комических персонажей, пустивших, к сожалению, глубокие корни на булгаковских форумах.

¹⁴⁶⁶ Чапек К. Гибель дворянского рода Вотицких. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1958, с. 174.

¹⁴⁶⁷ Барков А. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. –

фактом, что в 1934 г. Булгаков, только что вопиюще безобразно и оскорбительно не выпущенный за границу в Париж, с пронзительной болью описал чувства своего героя, смотрящего на залитый огнями **«гигантский город»**, над которым снижается кавалькада в последнем полете, по прямым, **«как стрелы»**, линиям бульваров которого безошибочно угадывается Париж. Стоит ли напоминать, что Горький значительную часть жизни провел за границей и к нему никак не могут быть отнесены слова: **«Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и нищ»**¹⁴⁶⁸.

Неутомимые искатели альтернативных толкований постоянно препарировали текст романа, разнимая его на составные части. Но как прикажете, например, толковать следующий эпизод, имеющий диаметрально противоположное освещение в различных черновых редакциях романа.

Черновик 1932-1934 гг.¹⁴⁶⁹:

«Из одной из дверей две женщины вывели мужчину, одетого, подобно Иванушке, в белье и белый халатик. Этот мужчина, столкнувшись с Иванушкой, засверкал глазами, указал перстом на Иванушку и возбужденно вскричал:

– Стоп! Деникинский офицер!

Он стал шарить на пояске халатика, нашел игрушечный револьвер, скомандовал сам себе:

– По белобандиту, огонь!

И выстрелил несколько раз губами: «Пиф! Паф! Пиф!»

После чего прибавил:

– Так ему и надо!

Одна из сопровождавших прибавила:

– И правильно! Пойдемте, Тихон Сергеевич!».

Черновик 1934-1936 гг.¹⁴⁷⁰:

«Из белых дверей вывели маленькую женщину в белом халатике. Увидев Ивана, она взволновалась, вынула из кармана халатика игрушечный пистолет, навела его на Ивана и вскричала: – Сознаться, белобандит!

Иван нахмурился, засопел, а женщина выстрелила губами «Паф!», после чего к ней подбежали и увели ее куда-то за двери.

Если Булгаков шифровал текст, то на кого же он пытался в данном случае обратить наше внимание? Кто прототип, стреляющего в Ивана человека? – Мужчина или женщина? Или гермафродит? Или перед нами все же обычная художественная сцена, для которой подобные вопросы не имеют никакого значения?

Поиск реальных прототипов героев оправдан только тогда, когда писатель в силу внешней или внутренней цензуры вынужден заслонить их от нас пеленой вымысла. Но если он изначально создает именно вымышленные романские образы, то не так уж и важно у каких именно реальных прототипов были позаимствованы их черты. Любые образы всегда создаются на основе впечатлений, почерпнутых в реальной жизни. Точно так же художники создают свои картины, наблюдая буйство красок реальной жизни.

Как отмечает Е. Рыбакова, в своей заметке о книге Альфреда Баркова, альтернативщики не ищут ответов на вопросы, зачем Булгакову, каким мы его знаем, было нужно создавать предлагаемый ими шифр, и есть ли у предлагаемого ими прототипа Мастера **«<...> свой роман о Пилате и Иешуа, ради спасения которого и была затеяна вся история. Вместо ответов здесь – буйно разросшаяся система прототипов: реальные двойники находятся и для большинства персонажей <...>, и для упомянутых в романе зданий, и даже для вина, которое на террасе Иродова дворца в Ершалаиме пьют Понтий Пилат с Афранием. Дальше наивной привязки описанных в романе событий к местам и датам <...> дело не идет <...> Эти мелочи бессмысленны не потому, что ничего не доказывают, а потому, что опошляют дело писателя. Который, конечно же, не выводил никаких таинственных кодов, не подгонял, как нерадивый школьник, задачку под ответ и уж, конечно, не занимался составлением литературного гербария, насаживая на булавку, как натуралист, самых экзотических своих современников. К концу книги господина Баркова**

¹⁴⁶⁸ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 258.

¹⁴⁶⁹ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 142.

¹⁴⁷⁰ Там же, с. 212.

становится откровенно жаль – получить обычное удовольствие от чтения «Мастера и Маргариты» за много лет поиска в романе зашифрованного досье на Горького ему так и не удалось. Как не удалось научиться уважать ни любимого Булгакова, ни ненавистного Горького, ни науку, с которой автор по-прежнему сводит счеты на каждой странице, ни читателей»¹⁴⁷¹.

Особенно неприятно, когда уши «альтернативизма» торчат из трудов профессиональных комментаторов творчества Булгакова. Понятно, что для них построение новых гипотез является научной работой и вопросом приоритета. И все же обидно, когда их стремление удивить коллег и читателей своей пронизательностью связано с элементарной небрежностью и легко опровергается давно опубликованными материалами.

Так публикатор и исследователь творчества Булгакова В. Лосев, отождествляя образы Пилата и Сталина¹⁴⁷², пишет, что если Булгаков работал над пьесой о Сталине, то начиналась гроза¹⁴⁷³. Как говорится дальше уж некуда, хотя это утверждение и несколько мягче, чем в его ранних научных «изысканиях»: «<...> почти каждое чтение Булгаковым пьесы «Батум» летом 1939 года сопровождалось мощной грозой, о чем свидетельствуют дневники Е. С. Булгаковой».¹⁴⁷⁴ Заметим, что над пьесой Булгаков работал в мае, а гроза в мае, как известно, явление совершенно обычное. Да и в дневнике жены писателя таких мистических совпадений не отмечено¹⁴⁷⁵:

«Часов около восьми вечера стало темнеть, а в восемь – первые удары грома, молнии, началась гроза. Была очень короткой.

<...> Миша сидит сейчас (десять часов вечера) над пьесой о Сталине».

Как видим, гроза промахнулась на целых два часа, и пишет о ней Елена Сергеевна только потому, что имела обыкновение отмечать все грозы и не только майские, например¹⁴⁷⁶:

«Сегодня днем была необыкновенно сильная, короткая гроза. Дождь лил с такой стремительностью, что казалось – за окнами туман»;

«Потом началась сильная гроза, которую мы ждали уж давно, умирали от жары»;

«Жара удушающая. Собралась было гроза, но прошла мимо»;

«В четыре часа гроза».

Зловещий образ Сталина чудится Лосеву во всем. Комментируя запись от 12.09.1939 «Плохо мне Люсенька. Он мне подписал смертный приговор», – сделанную Еленой Сергеевной в Ленинграде после посещения Булгаковым врача, Лосев уверенно пишет¹⁴⁷⁷: «<...> речь идет, конечно, о Сталине <...>». А ведь среди записей Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской сохранился записанный ею со слов М. Булгакова детальнейший (по пунктам) рассказ о начале его болезни, не оставляющий сомнений, что речь идет о враче¹⁴⁷⁸:

«<...> 5. Утром вышел на Невский и вдруг замечаю, что не вижу вывесок. Тут же к врачу. Он советует немедленно вернуться в Москву и сделать анализ мочи.

6. Жене: «Ты знаешь, что он мне произнес мой смертный приговор».

7. В Москве. Болезнь та же, что у отца. Воспоминания о том, как болел отец. Теперь Мише стало лучше».

Данный вопрос давно уже детально прояснен специалистами-булгаковедами, но, несмотря на это, навязчивая *idée fixe* Лосева перетаскивается им из года в год, из статьи в статью. А чтобы не дать читающей публике малейшей возможности задуматься над подлинным смыслом слов Булгакова, Лосев вместо их цитирования пишет: «И когда после запрета «Батума» писатель тяжело заболел, он однажды ночью сказал Елене Сергеевне, что «он», Сталин, убил его»¹⁴⁷⁹.

¹⁴⁷¹ Ё-Рыбакова Е. Код Булгакова. Скандальный путеводитель по «Мастеру и Маргарите» Альфреда Баркова. – Коммерсантъ (Украина), № 112 от 05.07.2006 (<http://www.kommersant.ua/doc.html?docId=687846>).

¹⁴⁷² Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Киев-город. Избр. произв. – К.: Дніпро, 1990, с. 687.

¹⁴⁷³ Лосев В. И. Я погребен под этим романом // Булгаков М. А. Князь тьмы. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2004, с. 26.

¹⁴⁷⁴ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Великий канцлер. – М.: Новости, 1992, с. 536.

¹⁴⁷⁵ Дневник Елены Булгаковой, запись от 21.05.1939 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 260.

¹⁴⁷⁶ Там же, записи от 28.05.1937, 02.07.1937, 15.06.1939, 27.07.1939, с. 150, 158, 267, 273.

¹⁴⁷⁷ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 524.

¹⁴⁷⁸ Булгакова-Земская Н. А. // Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост.: Л. В. Губианури и др. – К.: Мистецтво, 2006, с. 236-237.

¹⁴⁷⁹ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А., Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 537.

А вот пример попытки зарождения еще одного апокрифа. К фразе из письма Булгакова Луначарскому с просьбой о возвращении «Дневника»: **«Задержка «Дневника» приостановила работу мою над романом, не имеющим никакого отношения к политике <...>»**¹⁴⁸⁰, – Лосев дает следующий комментарий: **«Очень важное авторское свидетельство о том, что работа над романом о дьяволе началась в 1926 г. или даже раньше».**

Помилуй бог! Да где же тут упоминается дьявол?! И разве роман «Мастер и Маргарита» так уж и не имеет отношения к политике? Не более чем «Собачье сердце». Да и кто из нас не писал подобных обращений, заявок и объяснительных, где в качестве обоснования нужного нам решения указывался любой произвольно подходящий мотив?

К сожалению, мерещится Сталин «в кустах» и Борису Соколову (см. [тезис 12.5](#)). В его энциклопедии многократно упоминается снятый Булгаковым эпизод с заходящим в атаку на Воланда и его свиту аэропланом, и каждый раз, вслед за Лосевым, повторяется навязчивый комментарий, что речь идет о Сталине¹⁴⁸¹. А ведь из контекста совершенно очевидно, что речь идет просто о летчике, через образ которого Булгаков пытался выразить свое отношение к новой Советской России: **«Он <Воланд – С. Ц.> поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротой точку...».** Поскольку Воланд смотрит «за город», то есть стоит спиной к Кремлю, – общепринятому месту нахождения Сталина, – то, глядя на самолет, он никак не может прозевать находящегося за его спиной Сталина.

Фантазия читателей на булгаковских форумах поистине неистощима и регулярно порождает самые невероятные гипотезы, хотя внимательно читая роман и сопоставляя его текст с черновыми рукописями, можно найти ответ практически на любой вопрос. Но редкие читатели затрудняют себя таким анализом. Их усилия, как правило, направлены не на выяснение истины, а на доказательство интересующей их гипотезы. Например, в одной дискуссии любимого пса

Римский догъ („псевдо-молоссы“).
Изваяние, хранящееся в Музее
Флоренции.

прокуратора Бангу представили **«только доберманом»**¹⁴⁸², хотя эта порода собак была выведена Доберманом чуть более ста лет тому назад в 1870-х годах. Правильный же ответ кроется в черновой тетради № 2 за 1928-1929 гг.¹⁴⁸³: **«На коленях Пилата лежала любимая собака – желтый травильный дог Банга, в чеканном ошейнике, с одним зеленым изумрудом».**

Потомком древних молосских собак, распространившихся во времена Римской империи по югу Европы, является современный немецкий дог:

«Доги – несколько пород собак, происходящих от древних ассирийских и египетских травильных собак, проникших сперва в Грецию, потом на Аппенинский полуостров и затем распространившихся по всей Европе»¹⁴⁸⁴,

«Догообразные собаки встречались на территории Европы, Центральной Азии и Ближнего Востока. Это были мощные, тяжелые собаки, бесстрашные, уверенные в своей силе»¹⁴⁸⁵.

Несомненно, если бы порода Банги была так важна, Булгаков не снял бы строки с ее описанием. Однако он не зря уходил от таких подробностей, полагая их несущественными.

¹⁴⁸⁰ Письмо к А. Луначарскому от 30.10.1926 // Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. – М.: Совр. писатель, 1997, с. 154.

¹⁴⁸¹ Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003, с. 146, 257, 333, 481.

¹⁴⁸² Какой породы был Банга? (старый форум булгаковской энциклопедии).

¹⁴⁸³ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита: Черновые редакции. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 71.

¹⁴⁸⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. –

http://www.rubricon.com/ann/brog/05_d/05_d69402.asp

¹⁴⁸⁵ Немецкий дог. – <http://www.zoospravka.ru/Dog/nemdog.htm>

Например, полюбившееся всем «Собачье сердце» он считал **«грубой вещью»**¹⁴⁸⁶, написанной слишком прямо.

В другой дискуссии оживленно обсуждалось, каким же мясом угощал Азazelло буфетчика. Представленные теории были весьма любопытны, однако в черновых рукописях ясно указано:

«У камина маленький рыжий с ножом за поясом на длинной стальной шпаге жарил куски баранины, и сок капал на огонь, в дымоход уходил дым...»¹⁴⁸⁷;

«Тот, который жарил баранину, повернулся, причем ужаснул буфетчика своими клыками, выложил баранину на блюдо и ловко подал буфетчику низенькую скамеечку»¹⁴⁸⁸.

Довольно сложные теории строятся вокруг предательства Иуды и роли Афрания. Так Иуду обвиняют в том, что он был **«двойным агентом Афрания и Каифы»**. Но в этом случае Афранию не было бы никакой нужды так сложно организовывать смерть Иуды с участием Низы. В подобных делах любая тайная служба идет по пути минимизации числа свидетелей, поэтому участие Низы было совершенно излишне.

По другой версии тайным агентом Афрания был не кто иной, как Левий Матвей. Видит Бог, я достаточно прохладно к нему отношусь, но вот уж в чем никак нельзя его обвинить, так это в провокаторской агентурной работе, да еще на римские власти. Это полностью противоречит содержанию романа и всех сцен с его участием. Его любовь и преданность Иешуа выписаны совершенно убедительно, разве только что предположить, что Левий духовный предшественник агента Клауса из фильма «Семнадцать мгновений весны»: **«Интересно, что все приговоренные к смерти, признавались мне в своей любви к природе и находили для этого удивительные слова. Меня интересовала схватка, а что было с этими людьми потом... <здесь Клаус пожал плечами – С.Ц.>»**¹⁴⁸⁹

Еще одна теория касается тонкостей ареста и обвинения Иешуа. Утверждается, что **«Иешуа явно используют в своих целях агенты Пилата, он для них очень ценен, он талантливый оратор и пропагандист, способный увлечь людей. <...> Пилату несозревший мятеж по надуманному поводу был выгоден. Он предотвратил тем самым мятеж, который подготовленный и тщательно организованный был бы реально опасен»**. Замечу, что данная версия давно детально исследована Кириллом Еськовым в замечательной книге «Евангелие от Афрания»¹⁴⁹⁰. Но только разработал он ее применительно к Евангелиям, а не к роману Булгакова. В отношении Евангелий версия Еськова действительно безупречна и обоснована. Что же касается «Мастера и Маргариты», то здесь для такого истолкования сюжета нет ни малейших оснований, если, конечно не использовать конспирологические теории о зашифрованности текста.

Так же утверждается, что Каифа якобы подстроил провокацию с Иудой для обвинения Иешуа в богохульстве, чтобы Синедрион мог сам осудить Иешуа за святотатство, поскольку такие обвинения находились в ведомстве Синедриона и не подлежали юрисдикции римской администрации. Но провокация не удалась – Иешуа не отрекся от бога, и поэтому для его обвинения использовали допущенное им по неосторожности оскорбление власти кесаря.

На самом деле успешное провоцирование Иешуа на богохульство никоим образом не гарантировало бы Каифе столь желанную для него казнь Иешуа. Каифа прекрасно отдавал себе отчет, что **юрисдикции римской власти подлежало все**, ибо **«любой такой приговор должен был утверждаться римским наместником в Иудее. Причем это не было пустой формальностью. Наместник мог провести собственное расследование, пересмотреть или отменить приговор иудеев»**¹⁴⁹¹. Не отсутствие доказательной базы для обвинения Иешуа беспокоило Каифу, а именно верховенство юрисдикции римской власти.

«Две тысячи лет назад судопроизводство в Иудее проходило вовсе не по «законам джунглей». Тем более, когда вопрос стоял о жизни и смерти. Против подозреваемого необходимо было возбудить уголовный процесс и довести его до конца. А иудейское право тем и отличалось от знаменитого римского, что, оставаясь на законной почве, приговорить к смерти невинного»

¹⁴⁸⁶ Дневник Елены Булгаковой, запись от 12.07.1937 / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – М.: Кн. палата, 1990, с. 161.

¹⁴⁸⁷ Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Великий канцлер. – М.: Новости, 1992, с. 482.

¹⁴⁸⁸ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 157.

¹⁴⁸⁹ Семнадцать мгновений весны. – СССР: Мосфильм, 1973.

¹⁴⁹⁰ Еськов К. Евангелие от Афрания. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 288 с.

¹⁴⁹¹ Маханьков Р. Суд над Христом. – «Фома», № 2(25), 2005. – <http://www.rusk.ru/st.php?idar=11465>

человека было очень трудно, **практически невозможно**¹⁴⁹². В деле же Иешуа, при вынесении приговора Синедрионом были допущены многочисленные процессуальные нарушения¹⁴⁹³. Поэтому найти повод для отмены приговора Пилату не составило бы никакого труда. Собственно именно это он и собирался предпринять, пока не прозвучало фатальное для Иешуа обвинение в поношении им власти кесаря.

Для формального обвинения Иешуа в причастности к происшедшим в Ершалаиме беспорядкам Каифе вполне достаточно было проповедей Иешуа. Открыто высказанных в них слов хватило для фабрикация смертного приговора Малым Синедрионом. А для нейтрализации возможного вмешательства Пилата, Каифа сделал тонкий упреждающий ход. Синедрион обвинил Иешуа в призыве к народу **«разрушить здание храма»**¹⁴⁹⁴, но к материалам дела приложили и спровоцированные через Иуду крамольные высказывания Иешуа о власти кесаря. Это позволило Каифе обойти все препоны на пути утверждения Пилатом смертного приговора, вынесенного Синедрионом бродячему пророку.

Факт контригры Каифы против Пилата следует прямо из текста романа. Иуда даже не пытался спровоцировать Иешуа на богохульство, а просил его только **«высказать свой взгляд на государственную власть»**. Иуду **«чрезвычайно интересовал»**¹⁴⁹⁵ именно этот совершенно не богословский вопрос. Более того, как только нужный ответ был получен, провокация тут же завершилась: **«Далее ничего не было, <...> тут вбежали люди, стали вязать меня и повели в тюрьму»**¹⁴⁹⁶. Если бы Иешуа хотели спровоцировать на богохульство, в такой поспешности никакой нужды бы не было. Следовательно, ловушка была устроена именно для выдвижения против Иешуа обвинения в оскорблении власти кесаря.

Как отмечает Л. Яновская, обстоятельства подстроенной Каифой провокации раскрыты Булгаковым через внешне незначительную реплику Пилата **«Светильники зажег...»**: **«В книге Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса»**¹⁴⁹⁷ (а книга эта была у Булгакова под рукою – как один из источников информации и «реалий») **приведено законоположение из древней Мишны <свод законов – С.Ц.>: когда, кого-либо провоцировали на богохульство с целью дальнейшего привлечения к суду, то делалось это так: двух свидетелей прятали за перегородку, а рядом с обвиняемым непременно зажигали две свечи, дабы занести в протокол, что свидетели его в и д е ли»**¹⁴⁹⁸. В четвертой редакции романа так и было написано: **«Светильники зажег, двух гостей пригласил...»**¹⁴⁹⁹. По израильским законам свидетелей должно было быть **не менее двух**¹⁵⁰⁰ и они должны были быть **непосредственными очевидцами**.

Очевидно, что Пилат до последнего момента надеялся уговорить Каифу помиловать Иешуа. Только этим может объясняться тот факт, что в разговоре с Каифой он совершенно потерял лицо и начал бессмысленно и бессильно¹⁵⁰¹ угрожать первосвященнику. Такое поведение римского наместника можно объяснить или полной неожиданностью для него такого жесткого и непримиримого сопротивления Каифы, или же невероятной наивностью Пилата в таких делах. Первое противоречит предположению, что Пилат ведет с Каифой непримиримую тайную (но не для Каифы!) борьбу и действительно сознательно подводит народ под римские мечи для достижения своих целей, второе же не согласуется с булгаковским описанием Пилата.

Краткий обзор гипотез читателей на булгаковских форумах я завершаю альтернативным истолкованием эпизода с ночным стуком в окошко Мастеру. Оказывается, это мог быть никто иной, как... Воланд!¹⁵⁰² И в самом деле, что это за шаблонные истолкования, – как ночью в окно

¹⁴⁹² Там же.

¹⁴⁹³ Там же.

¹⁴⁹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 350.

¹⁴⁹⁵ Там же, с. 358.

¹⁴⁹⁶ Там же, с. 358.

¹⁴⁹⁷ Ренан Э.Ж. Жизнь Иисуса. – М.: Политиздат, 1991, с. 194.

¹⁴⁹⁸ Яновская Л. Треугольник Воланда. К истории романа «Мастер и Маргарита». – К.: Либідь, 1992, с. 87.

¹⁴⁹⁹ Там же, с. 87.

¹⁵⁰⁰ **«По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля;»** (Втор. 17:6).

¹⁵⁰¹ **«<...> обнаруженная ненависть есть ненависть бессильная»** [Стивенсон Р. Л. Владелец Баллантрэ. – М.: Правда, 1987, с. 157].

¹⁵⁰² **«Вопросов без ответа много... Даже очень много... Книжным пояснениям верится часто столь неохотно как и любым шаблонам! Хотя заметьте не всем не всем... За все 6 раз прочтения романа я все 6 раз задавалась вопросом что же случилось с Мастером в ту ночь? Ну да пришла Маргарита напояла вином, собрала обгоревшие**

постучали, и человек исчез, так сразу ОГПУ или НКВД виноваты. Мог ведь и Сатана пожаловать за грешной душой! Или летчик Чкалов мог увезти ее по тайному приказу Сталина. Сколько можно состряпать необычных и захватывающих дух гипотез, а мы, упрямо следуя бритве Оккама, все тянемся к простоте. Правда из текста романа следует, что Мастер не встречался с Воландом¹⁵⁰³: «Но до чего мне досадно, что встретились с ним вы, а не я! Хоть все и перегорело и угли затянулись пеплом, все же клянусь, что за эту встречу я отдал бы связку ключей Прасковьи Федоровны, ибо мне больше нечего отдавать. Я нищий». А в сцене возвращения Мастера прямо написано, что некий Алоизий Могарыч, по прочтении статьи Латунского о романе, написал на Мастера донос, что: «<...> он хранит у себя нелегальную литературу»¹⁵⁰⁴, – чтобы занять его комнату. Ну да какой русский читает help или сопоставляет слова, написанные с промежутком в сотню страниц? Поэтому добавлю, что и сохранившиеся рукописи Булгакова не оставляют камня на камне от этой изящной версии, как, впрочем, и от всех остальных подобных измышлений. Сохранились «<...> наброски уточнений к плану <...>: «Начало болезни. Продолжение газетной травли. Отъезд Алоизия в Харьков за вещами. Развитие болезни. Сожжение романа. Под утро арест. Отправление в больницу»¹⁵⁰⁵. Следовательно, ночью Мастера именно арестовали, а не пригласили на беседу с Воландом.

Одна из действительно загадочных незавершенных линий романа, таинственные обстоятельства смерти Мастера и Маргариты:

«Всегда точный и аккуратный Азazelло хотел проверить, все ли исполнено, как нужно. И все оказалось в полном порядке. Азazelло видел, как мрачная, дожидаящаяся возвращения мужа женщина вышла из своей спальни, внезапно побледнела, схватилась за сердце и, крикнув беспомощно:

– Наташа! Кто-нибудь... ко мне! – упала на пол в гостиной, не дойдя до кабинета.

– Все в порядке, – сказал Азazelло. Через мгновение он был возле поверженных любовников»¹⁵⁰⁶.

Зачем Азazelло после отравления героев летал в особняк к Маргарите, и почему он не полетел в больницу к Мастеру? – Очевидно, что намазавшись мазью Азazelло, Маргарита сохранила свое натуральное физическое тело и действительно покинула особняк, что подтверждается ее домработницей Наташей, покинувшей особняк позже нее. Следовательно, смертное тело Маргариты переместилось в особняк только в момент отравления, когда Мастер и Маргарита получили взамен старых земных тел новые вечные тела. Исправить эпилог, где говорится о похищении Маргариты, Наташи и Мастера Булгаков уже не успел.

Но если Азazelло не переносил земное тело Маргариты в особняк, а Мастера, – в больницу, то кто же их перенес? Это действие «фалернского вина»? Или работа Воланда? Что же собственно проверял Азazelло? Чужую работу или действие своих заклинаний? И как бы он ни был быстр, но какие-то мгновения после отравления Маргариты к моменту его появления в особняке уже прошли. Почему же Маргарита, уже отравленная в подвале, умирает еще раз у него на глазах в особняке?

Думаю, что точный ответ на эти вопросы мы вряд ли узнаем. Но ясно одно, данным эпизодом Булгаков хотел подчеркнуть, что в реальном мире, где торжествуют трусость, ханжество, бездушие и ложь нет места ни для любви Маргариты, ни для творчества Мастера. Здесь есть место только для их физической смерти. Выход из их тупика возможен только в плане фантастическом. Судьба Мастера и Маргариты – единственный выход, который смог найти Булгаков для своих героев в окружавшем их жестоком мире.

остатки рукописи... Ну а потом то что? Ага! В окно постучали... Заметьте сколь таинственно! А далее ничего, постучали и все тут... Тут же всплывает эта фраза в диалоге Мастера и Бездомного... Уж я то его точно бы узнал... или мне бы его повидать! Не цитирую по памяти... Тут уж извините забылась... Значит встречался таки. Хотя в романе по логике Мастер видится с Воландом, как впрочем и Воланд с Мастером, впервые. Так кто же все-таки постучал?!» (старый форум булгаковской энциклопедии).

¹⁵⁰³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 464.

¹⁵⁰⁴ Там же, с. 615.

¹⁵⁰⁵ Яновская Л. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 743.

¹⁵⁰⁶ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 696.

* * *

И все же с романом связана одна настоящая загадка. Это таинственное исчезновение из булгаковского архива тетради № II с последними вставками и дополнениями к роману и набросками предполагаемых автором завершений сюжетных линий. Невозможно поверить, что злой рок судьбы случайно коснулся именно этой тетради. Но кому же в этом случае могло быть выгодно ее исчезновение? Атеистам или сторонникам советской власти? Но ни первые, ни вторые никогда не нападали на Булгакова, так как писатель не создавал никакого религиозного учения и никогда не клеветал на советскую власть. А вот со стороны христианских ортодоксов всегда раздавались и по сей день раздаются перманентные обвинения романа в кощунственности. Даже некоторые нецерковные критики льют крокодильи слезы о «чудовищном» отходе Булгакова «от первоначальной идеи подчиненности «царства тьмы» «царству света»». Но разве светское творчество обязано воскурять фимиам «идолам театра», «которые осаждают умы людей»¹⁵⁰⁷?

Творческое наследие многих великих мыслителей прошлого часто постигала печальная судьба. Их оригинальные тексты подделывались и сокращались в угоду религиозным фанатикам: «В истории так случалось не раз, что выдающихся мыслителей, деятелей литературы и искусства, выступавших с позиций свободомыслия и атеизма, пытались после их смерти превратить в примерных христиан, не останавливаясь перед подлогом, фальсификацией, весьма произвольной интерпретацией их мыслей и суждений»¹⁵⁰⁸. Этой участи не избежал, например, великий американский писатель Марк Твен, но завещанной им посмертной публикацией¹⁵⁰⁹ его ярких антирелигиозных произведений, он сумел и из небытия сказать свое веское слово о приверженности атеизму, наперекор яростному сопротивлению своих религиозных наследников. Остается только сожалеть, что в нынешнее время произвольной казуистической религиозной интерпретации мыслей, суждений и всего творческого наследия подвергается наш великий соотечественник Михаил Булгаков.

Вероятно планы Булгакова по окончательной доработке романа, доказывающие, что его воля шла в сторону от Церкви с ее «простертыми молитвами», не устроили кого-то из лиц, имевших доступ к его архиву, и бесценные документы по доработке романа «Мастера и Маргарита» были изъяты и, скорее всего, уничтожены.

¹⁵⁰⁷ Бэкон Ф. Новый Органон (1620). – <http://abovo.net.ru/book/80555>

¹⁵⁰⁸ Послесловие // Твен М. Дневник Адама. – К.: Политиздат Украины, 1985, с. 303.

¹⁵⁰⁹ Ряд своих произведений Твен завещал опубликовать через 50, 100 и 500 лет.

АНОНС

На форуме БЭ (<http://www.bulgakov.ru/ipb/index.php?showtopic=158>) публикуется моя новая книга с критикой альтернативного прочтения романа Булгакова полковником КГБ Альфредом Барковым:

**«Мастер и Маргарита»: прогулки с Барковым
или
путешествие с дилетантом**

I. В тупике стереотипов

Глава I. "Торжественный смысл слова "Мастер"

«Но ты, мой бедный и окровавленный мастер! Ты нигде не хотел умирать – ни дома и ни вне дома!»

М. А. Булгаков¹⁵¹⁰

Барков утверждает, что «содержание романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», несмотря на большое количество посвященных ему исследований, до настоящего времени остается загадкой для булгаковедов». При этом, как следует из заглавия настоящего раздела, Барков полагает, что литературоведы находятся в «тупике стереотипов» восприятия булгаковского текста. Разбирая предложенный им альтернативный выход из этого гипотетического тупика, мы, как и в случае с теориями Кураева, не будем обсуждать воду, которой обильно разбавлены многословные рассуждения Баркова, а сосредоточимся исключительно на их сухом остатке – опорных тезисах. Ибо если эти тезисы ложны, то ложны и все основанные на них выводы.

I.I.1. Решающую смысловую нагрузку в прочтении философского пласта романа несет образ Левия Матвея, осужденного на страницах романа Иисусом за искажение содержания его учения, но помещенного Булгаковым вопреки этому в "свет", то есть, в непосредственное окружение Христа.

Барков не указывает нам, где именно Иешуа (а не Иисус!) осудил Левия, но нетрудно понять, что речь может идти только о словах:

– **Эти добрые люди**, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и все перепутали, что я говорил. **Я вообще начинаю опасаться**, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все **из-за того, что он неверно записывает** за мной.

Наступило молчание. Теперь уже оба большие глаза тяжело глядели на арестанта.

– Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, – произнес Пилат мягко и монотонно, – **за тобою записано немного**, но записанного достаточно, чтобы тебя повесить.

– Нет, нет, игемон, – весь напрягаясь в желании убедить, заговорил арестованный, – **ходит, ходит один** с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и **ужаснулся**. Решительно **ничего из того, что там записано, я не говорил**. Я его умолял: **сожги ты, прошу тебя, свой пергамент!** Но он вырвал его у меня из рук и убежал»¹⁵¹¹.

Прежде всего, отмечу, что Пилат ведет речь об обвинительных записях, предоставленных ему Синедрионом, Иешуа же говорит о самом факте искажения его слов слушающими его людьми и выражает опасение, что эта путаница будет надолго усугублена записями его спутника Левия. Слова Иешуа показывают, что он невысокого мнения о пергаменте Левия, но из них невозможно вывести какое-либо решающее, программное, смысловое осуждение Левия «за искажение

¹⁵¹⁰ Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 9.

¹⁵¹¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1989, с. 350.

содержания его учения». Левий действительно ходит за Иешуа и записывает; записывает бестолково, невнятно, так, как он это понимает. Но кто из нас смог бы записать лучше?

Как признает сам Барков, утверждение об осуждении Левия противоречит другим эпизодам романа. И, в первую очередь не помещению Левия в «свет», как считает Барков, а его земным близким отношениям с Иешуа, описанным в главе «Казнь». – «**Позавчера днем Иешуа и Левий находились в Вифании под Ершалаимом, где гостили у одного огородника, которому чрезвычайно понравились проповеди Иешуа. Все утро оба гостя проработали на огороде, помогая хозяину, а к вечеру собирались идти по холодку в Ершалаим**»¹⁵¹². Если из речи Иешуа перед Пилатом может создаться впечатление, что речь идет о постороннем, случайно привязавшемся к Иешуа человеку, то здесь в близких отношениях Иешуа и Левия невозможно усомниться: они вместе путешествуют, вместе живут и вместе работают на огороде приютившего их хозяина; несомненно, работают, как и путешествуют, не молча, стиснув зубы, а коротая время приятной беседой.

Сопоставляя и анализируя смысл указанных отрывков булгаковского текста, нужно учесть, что первое описание субъективно, так как представляет собой ответ Иешуа допрашивающему его прокуратору. Второе же представляет собой авторское описание Булгаковым внутреннего мира и переживаний отчаявшегося Левия, то есть **объективно** по определению. Поэтому ни о каком осуждении Левия в романе и речи нет. Иешуа действительно расстроен искажением своего учения, но он не переносит эти чувства на личность Левия и свое общение с ним.

Не стоит преувеличивать простодушие и наивность Иешуа. Неужели именно эти два качества нужны, чтобы одержать победу в диспуте с жестоким земным властителем вроде Пилата, или закосневшим в грехе не менее жестоким мытарем, безжалостно отнимающим у людей последние деньги? Это не простодушие и не наивность, а неуклонное следование чистой души выбранному Пути без торговли с собственной совестью. Со стороны такие люди могут казаться простодушными и наивными, но только потому, что не следуют разумному с нашей точки зрения поведению. Однако с их точки зрения наоборот не разумно и неправильно именно наше поведение. Простодушный человек не боится потому, что не понимает угрожающей ему опасности, чистая же душа не боится ничего, даже понимая угрожающую ей опасность. Из истории известны случаи, когда люди бесстрашно всходили на костер за свои убеждения, но не по причине простодушия, а именно от убежденности в своей правоте. А в ней Иешуа убежден абсолютно. Он вполне понимает, что ему грозит смерть и не жаждет быть распятым. Поэтому-то он и просит Пилата отпустить его, но трусость не позволяет Пилату выполнить эту просьбу.

Иешуа НЕ ОЩУЩАЕТ ЗА СОБОЙ НИКАКОГО ГРЕХА. Именно этим и объясняется его на первый взгляд простодушная манера поведения перед Пилатом и слова «**правду говорить легко и приятно**»¹⁵¹³. Этим же, думаю, объясняется и эффект его необыкновенного воздействия на людей, ибо Иешуа и есть сама обнаженная, не скрывающая себя ни от кого истина, а не просто проповедь о ней.

Возникает вопрос: почему Иешуа, одержавший нравственную победу даже над грозным Пилатом, сумел с первого раза смягчить сердце жестокого мытаря, в результате чего последний бросил деньги на дорогу(!) и отказался от своего жестокого ремесла, но не сумел уговорить его если не уничтожить, то хотя бы переписать свой папирус? Не сумел, или же, по сути, и не пытался? Да и что, в конце концов, мешало Иешуа просто продиктовать Левию нужные точные формулировки? Иешуа решительно откестился от записей Левия, которые Булгаков характеризует как «**несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков**»¹⁵¹⁴. Однако мог ли Левий действительно так извратить каждое его высказывание? Это возможно только при намеренном умысле, но авторское описание не дает к этому ни малейших оснований. И неужели именно Левий написал перекликающиеся с текстом Апокалипсиса поэтические строки – «**Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...**»¹⁵¹⁵? Такой возвышенный слог совершенно не вяжется с его мрачноватым образом. Так в чем же причина этой путаницы? Почему Иешуа отказывается признать свое авторство? Вероятно потому, что никакая обрывочная, «**несвязная**

¹⁵¹² Там же, с. 503.

¹⁵¹³ Там же, с. 357.

¹⁵¹⁴ Там же, с. 655.

¹⁵¹⁵ Там же, с. 655.

цепь» его изречений не передает подлинный смысл его Учения. Ведь Левий записывает только букву Учения, но не его дух. А смысл определяет именно последнее.

Пока общество не готово к восприятию новых истин, оно извратит в своем развитии любое заповеданное ему учение. Поэтому Иешуа и не пытается продиктовать Левия «скрижали» своего завета. Ведь практически для любой его «заповеди» найдутся условия, при которых следование ей будет абсурдно. Истину нельзя вложить в головы людей, а можно только освободить ей путь из глубин их душ, где она сама должна прорасти. И именно проповеди Иешуа сеют зерна новой морали, из которых его Истина и прорастет сама, когда наступит ее время. Именно это, пусть и медленно, но происходит с современным христианством. Его история омрачена зверствами и злодеяниями, которые никак не вытекают из достаточно мирного характера этого учения. Но сегодня, воодушевляясь все теми же святыми текстами, христиане уже не посылают еретиков на костры, и не рвутся в крестовые походы, поскольку по мере развития общества в его недрах, наконец, начинает прорасти глубинная суть христианского учения, соответствующая его духу, а не в букве.

Черновые редакции свидетельствуют, что изначально в «**философском пласте романа**» было совершенно явно декларировано отсутствие какого-либо осуждения Левия со стороны Иешуа:

1. Редакция 1928-1929 гг. (тетрадь 2):

«– А ходит он с записной книжкой и пишет, – заговорил Иешуа, – этот симпатичный... Каждое слово заносит в книжку... А я однажды заглянул и прямо ужаснулся... Ничего подобного прямо. Я ему говорю, сожги, пожалуйста, ты эту книжку, а он вырвал ее и убежал.

– Кто? – спросил Пилат.

– Левий Матвей, – пояснил арестант <...>

– **Левий симпатичный?** – спросил Пилат, исподлобья глядя на арестованного.

– **Чрезвычайно**, – ответил тот, – только с самого утра смотрит в рот: как только я слово произнесу – он запишет.

Видимо, таинственная книжка была больным местом арестованного»¹⁵¹⁶.

2. Редакция 1933 года:

«– Нет, ходит один с таблицей и пишет, – заговорил молодой человек, – **достойный и добрый человек**. – Но однажды, заглянув в эту таблицу, я ужаснулся. Ничего этого я не говорил. И прошу его – сожги эту таблицу. Но он вырвал ее у меня из рук и убежал»¹⁵¹⁷.

В окончательной редакции Булгаков отшлифовал текст и убрал излишне навязчивую положительную оценку личности Левия со стороны Иешуа. С одной стороны, она излишня, поскольку характер Левия достаточно полно раскрывается в других главах романа. С другой стороны – слишком уж простовато выглядели эти слова в устах Иешуа, снижая философский смысл текста. Фактически мир людей уже отринул Иешуа, и он, быть может сам этого не сознавая, уже находится на пороге шага в вечность. И именно приданная Булгаковым его образу некоторая отрешенность от мира сего, «приподымает» его над обыденной реальностью.

Как мы убедились, текст романа не дает оснований воспринимать недовольство Иешуа записями Левия, как некое программное «**осуждение**». Ни о чем подобном в романе и речи нет, поэтому помещение Левия в «свет» к Иешуа вполне естественно и закономерно. Таким образом, Барков ошибся в толковании образа Левия и, следовательно, по его же собственным словам, ничего не понял в «**философском пласте романа**». Как любит говорить в таких случаях диакон Кураев, вот и первый звоночек! На этом бы и стоило закончить начатую мною книгу, но, памятуя упорство сторонников Баркова, мы пройдем начатый длинный путь до самого конца.

¹⁵¹⁶ Булгаков М. А. Великий канцлер. Князь тьмы. Сб. всех наиболее значимых редакций романа «Мастер и Маргарита». – М.: Гудьял-Пресс, 2000, с. 39.

¹⁵¹⁷ Там же, с. 303-304.